

ГЕОРГИЙ
МАРКОВ

СТРОГОВЫ

СОВРЕМЕНИК

Т. Стефанов

Георгий Марков

СТРОГОВЫ

БИБЛИОТЕКА
РОССИЙСКОГО
РОМАНА

•СОВРЕМЕНИК•
Москва 1976

**ГЕОРГИЙ
МАРКОВ**

СТРОГОВЫ

РОМАН

**•СОВРЕМЕННОК•
Москва 1976**

Р 2
М 27

Марков Г. М.
М 27 Строговы. Роман. М., «Современник», 1976.
606 с. с портр. (Б-ка русского романа).

Роман «Строговы» Героя Социалистического Труда Г. М. Маркова посвящен людям Сибири. Это первая книга трилогии о судьбе крестьянской семьи Строговых, жившей на грани двух эпох — царской, старорежимной, и новой, революционной.

М 70302—026
М 106(03)—76 67—76

Р 2

ИЗ ПРОШЛОГО СТРОГОВЫХ

(Вместо пролога)

Во второй половине прошлого века купец Федот Кузьмин основал в глухом таежном месте пасеку.

В ближнем поселке Волчьи Норы он нанял пасечником молодого батрака Захара Строгова. Нанял за пять колодок пчел да три рубля серебром в год.

Захар Строгов переселился на пасеку вместе с женой Агафьей.

Через несколько лет купец умер, и хозяйство перешло к его сыну Никите. Молодой хозяин повел дело иначе: он решил продать пчел, купить на Енисее прииск и заняться золотым промыслом.

Захару не хотелось уходить с обжитого места. Кругом были незаселенные земли и гари с медистым кипреем; на пасеке — созданные его же руками постройки: дом, амбар, подвал.

Строгов упросил Никиту Кузьмина продать ему участок и получить часть выкупа деньгами, а часть медом. Кузьмин запросил двадцать рублей серебром и ежегодно, пока жив Захар, два воза меду с доставкой в город. Волей-неволей пришлось Захару согласиться.

Шли годы. У Захара с Агафьей родился сын Влас, а спустя десять лет — второй, Матвей.

Еще будучи подростком, Влас ушел в город, поступил в торговое заведение. С годами скопил Влас немного денег, открыл свою лавочку, женился, обзавелся детьми.

Матвей оставался с отцом. В Волчьих Норах он окончил церковноприходскую школу первым учеником и, по совету учителя, написал прошение царю с просьбой определить на казенный счет в какое-нибудь училище в городе.

Ответ пришел спустя много месяцев из Министерства просвещения. Прошение осталось без последствий: на казенный кошт было немало претендентов из обедневших дворянских семей.

Продолжая честно выполнять поставки медом Никите Кузьмину, Строговы жили на скромные доходы от пасеки; подспорьем служила охота, а кроме того, кедровые орехи, грибные и ягодные угодыя тайги. Жили на пасеке семьей из пяти человек: старики Захар с Агафьей да родной брат Агафьи — дед Фишка — и Матвей с молодой женой Анной.

Пятистенный дом Строговых, окруженный густо разросшимися кустами черемухи, стоял на косогоре, окнами к южной, солнечной стороне. От дома влево — двор, крытый по-сибирски наглухо, вправо — пасека.

У подножья косогора — речка Соколинка с прозрачной родниковой водой. За речкой опять косогор, за ним — долины, холмы, мелколесье, нераспаханные вольные сибирские земли.

К северу от пасеки — стеной тайга. Тайга на тысячи верст и безлюдье, простор, глушь...

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

В средней полосе Сибири первые заморозки начинаются уже в конце августа. Утрами, пока солнце не обогреет землю, на зеленой листве деревьев, на поникшей от холода траве лежит нежный, легкий иней.

С этого времени начинают опадать цветы, сохнут травы и раскрашиваются во все цвета радуги бельники и осинники. Последние летние дожди проходят с ветром и бывают затяжные и надоедливые.

Но вслед за ними наступает ясный сентябрь. Земля пестра и походит на ковер, что девушки в деревнях плетут из ситцевых разноцветных лоскутьев. В сентябрьские дни небо еще сине и безоблачно, а в лесу уже сыро и пахивает прелью опавшей листвы.

Незаметная, но хлопотливая и суетная жизнь течет в тайге в эти погожие дни и звездные, гулкие ночи. С глубоких озер поднимаются караваны гусей, лебедей и уток и направляются в далекий путь. Жалобно курлыча и повизгивая, как несмазанные колеса деревянной телеги, летят на юг длинные вереницы журавлей. Внизу, под ними тянутся тысячеверстные просторы земли, а выше плывут белые, как хлопья, облака и дуют ветры.

И в это же самое время, когда улетають залетные птицы и уходят пришлые звери, постоянные жители тайги ищут сытной зимовки. Хорошо, если год урожайный и косогоры краснеют от брусники, а ветки кедров сгибаются от тяжести крупных шишек. Но бывает часто и так: не везде, не во всех концах одинаково плодоносит тайга, и тогда в поисках зимних кормежек начинается великое кочевье всего живого...

...Ранним утром ясного сентябрьского дня Матвей и дед Фишка отправились на охоту. Каждый год в эту пору

они уходили с пасеки в глубь тайги, в кедрачи, к берегам речки Юксы. Уходили надолго, месяца на два, на три. Зимой на нартах они завозили к своему стану муку, сухари, соль. С собой несли только ружейные припасы, белье, верхнюю одежду.

Охотники привыкли к Юксинской тайге, считали ее своей собственностью, своим амбаром с добром.

К вечеру второго дня вышли на стан.

На крутом берегу, окруженная разлапистыми кедрами, стояла избушка. В десяти шагах от нее — навес из соснового дранья, под ним таган, закром для хранения кедрового ореха, барцы — чурки на длинных еловых шестах для шишкобоя, рыболовные снасти: морды, садки, вентерья.

За ночь охотники отдохнули, а утром разошлись в разные стороны. Осенью в тайге — как в страду на поле: день год кормит.

Урожай орехов и ягод в эту осень был редкостный. Тайга кишела зверьем и птицей.

Вернувшись на стан, Матвей и дед Фишка развели костер, сели сушить одежду.

— Я сегодня, Матюша, аж в бельники слетал... — рассказывал дед Фишка.

Ссутулившись, он держал над костром портянку. Пламя освещало его. Ветер обдавал дымом. Дед Фишка морщился, кашлял, шурил маленькие хитрые глаза, шевеля мохнатыми бровями.

Матвей, подперев рукой голову, лежал на земле с другой стороны костра.

— В бельники? Далеконько ты сбегал... Сильно, поди, устал? — спросил он.

— Какой там устал! Еще б пробежал столько!

— А меня сегодня сова напугала, — задумчиво проговорил Матвей и улыбнулся.

— Как так? — Дед Фишка отбросил портянку и пересел с чурбака на землю.

— Под вечер иду берегом, — начал рассказывать Матвей, — слышу, кто-то в чаще щелкает. Думаю: уж не волк ли?

Дед Фишка слушал с любопытством. С его лица, заросшего мягкими седеющими волосами, не сходила улыбка: старик знал, что будет над чем посмеяться, — уж не так робок был молодой охотник.

— Я остановился,— продолжал Матвей,— смотрю в чашу...

Из глубины тайги донеслось эхо выстрела. Собаки вскочили с теплых, насиженных мест. Улыбки исчезли с лиц охотников. Они переглянулись с тревогой в глазах.

Матвей, приподнявшись, подставил ухо на ветер. Но выстрел не повторился. Собаки потоптались, зевнули, легли на прежнее место и свернулись в клубки.

Тайга шумела монотонно, скучно. Небо заволокло тучами. Крышу навеса долбил прямой, упругий дождь.

— Далеко где-то,— сказал Матвей.

— Надо отозваться, Матюша,— посоветовал дед Фишка.— Заблудился, видно, человек. А плутать сейчас в тайге — гиблое дело: не видно ни месяца, ни звезд.

Матвей сходил в избушку за ружьем и выпалил вверх из обоих стволов раз за разом.

Собаки с визгом бросились в лес, но в ту же минуту вернулись, виновато поджав хвосты.

Выстрел навел охотников на размышления. Ночью в тайге могли стрелять только в случае крайней нужды. Выстрелом кто-то взывал о помощи. Кто же? Кроме Матвея и деда Фишки, в юксинских кедрачах никто не бывал. Это знали охотники точно. Из года в год охотились они здесь одни.

— Теперь поджидай: вот-вот подойдет,— сказал дед Фишка, набивая самосадом трубку.

Ждали они долго, глядели в темь леса, изредка перебрасывались словами. Но собаки спали, не чуя приближения чужого человека.

Матвей поднялся.

— Надо в сушину поколотить, а то в такую-то темень и мимо можно пройти.

Он взял топор и обухом ударил в сухой кедр. Эхо подхватило гулкий стук и понесло по тайге, тревожа зверей и птиц.

Ждали еще часа два, но никто не приходил.

— Охотники новые объявились,— сказал Матвей.

— Нет, Матюша, наверняка кто-нибудь заблудился. Сам посуди: зачем охотники стрелять будут ночью? Да и кто сюда пойдет? Все знают, что тайга эта наша,— настаивал на своем дед Фишка.

Матвея клонило ко сну. Ночь была уже на второй половине.

— Иди, Матюша, спи, а придет кто — я тебя разбужу,— предложил старик.

Матвей докурил сигарку, окурок бросил в костер и ушел в избушку.

Дед Фишка долго сидел, курил трубку, прислушивался. Но потом и он запрокинул голову на чурбак и захрапел так громко, что собаки подняли морды и осмотрелись.

Ни ночью, ни утром на стан никто не пришел.

Охотники посоветовались и решили походить по тайге, поискать несчастного. Друг ли, недруг ли это был, но раз попал человек в беду, надо выручать. Испокон веков так было заведено у охотников.

До полудня ходили они по тайге, кричали и стреляли из ружей, но никто не отзывался.

Прежде чем повернуть к стану, в долинке присели на колоду покурить.

Не успели завернуть сигарки — на взгорке залаяли собаки. Дед Фишка вскочил, побежал мелкими, скорыми шажками.

Собаки лаяли совсем не так, как лают на зверя,— не заливисто, а сердито, с рычаньем.

Когда Матвей взбежал на взгорок, дед Фишка стоял без шапки и, крестясь, бормотал:

— Господи Иисусе, пронеси и помилуй!

Перед ним лежал скрюченный бородатый человек. Он был мертв. По его изуродованному лицу ползал зеленый червяк-землемер. Возле мертвеца валялись капсюльное ружье и длинный еловый сучок.

Дед Фишка обернулся, посмотрел на Матвея, как бы спрашивая, за какую провинность бог послал им такое наказание.

Несколько минут они молча глядели друг на друга.

— Надо в карманах пошарить,— решил наконец Матвей.— Может быть, бумаги какие есть. Обличье незнакомое.

Дед Фишка нерешительно, с опаской опустил на колени и несмело стал ощупывать карманы. Ни в карманах, ни в кожаной сумке бумаг никаких не оказалось. Из-за пазухи дед Фишка вытащил холщовую тряпку, завязанную узелком.

— Соль, кажись,— проговорил он, ощупывая узелок пальцами и подавая его Матвею.

По всей видимости, человек покончил с собой последним зарядом. Рожки из-под дробы, пороха и пистонов пустовали. Мешок из-под харчей тоже был пуст.

— Ну, Матюша, что будем делать? — спросил дед Фишка, покосившись на мертвеца.

— Дядя, это не соль, — держа на ладони развязанный узелок, сказал молодой охотник.

Дед Фишка взглянул на руку Матвея. На широкой ладони племянника в тряпке лежала щепотка крупного серого песка и четыре золотишки, каждая с таракана величиной.

— Это, Матюша, золото. Ей-богу, золото! Ну-ка, дай! — Старик взял кусочек золота, положил в рот и притиснул зубами.

— Золото! Неужто здесь нашел? — прошептал Матвей и огляделся вокруг, словно боясь, что кто-нибудь подсмотрит за ними.

Но размышлять о золоте было не время. Мертвец лежал у ног охотников, и с ним надо было что-то делать.

Решили положить тело в могилу, вместо гроба устроить ложе из мягких веток кедра. Рассудили так: если какая родня найдется, откопать недолго. Золото тоже не взяли. Возьмешь, — а потом за пустяки в тюрьме сгноят.

На другой день Матвей пошел тайгой на пасеку. Оттуда на лошади он намеревался поехать в Волчьи Норы, заявить властям о происшествии. Кто бы ни был погибший, крестьянин ли, охотник ли из чужих краев или беглый поселенец без роду, без имени, каких в Сибири с каждым годом становилось все больше, он был человек, и бросить его, как падаль, совесть не позволяла.

2

Матвей долго шел тропой, потом свернул в сторону. Надвигалась ночь — холодная, с ветром, с дождем. Матвей решил переночевать на займке у знакомого мужика Зимовского. От тропы до займки было не больше трех верст. Зимовской поселился в этих местах недавно. Вокруг было дико, необжито, но зато привольно и богато.

На займке Матвея встретили собаки. Они бросились на него, рычали, лаяли с хрипом.

Вскоре у ворот покраснел огонек сигарки.

— Кто идет? — спросил из темноты глухой, встревоженный голос.

— Это я, Степан Иваныч.

— Не то Матвей Строгов?

— Он самый.

— Здравствуй, редкий гость. Цыц вы, дуры! — закричал на собак хозяин.

В избе Зимовской зажег фитиль, вставленный в бутылочку с рыбьим жиром.

— Кто там, Степан? — спросил женский голос из второй половины избы.

— Вставай, Василиса, Матвей Строгов пришел.

— Иду, иду, — заторопилась хозяйка.

Скрипнула деревянная рассохшаяся кровать, и по полу зашлепали босые ноги.

В избе было душно. Пахло прелой картошкой, по небеленым стенам расползались встревоженные светом тараканы.

У двери, в углу, на кровати лежала старуха — теща Зимовского, а рядом с ней, раскинув руки и ноги, спал ее внучонок Егорка. С полатей раздавался храп работника.

— Ну, как охота нынче? — заговорил Зимовской, присаживаясь к столу.

— Год нынче хороший, фартовый, — ответил Матвей.

— А по какой нужде так рано домой идешь?

— Ружейный припас на исходе.

Зимовской недоверчиво взглянул на охотника.

— Да не только припас, еще дело есть. Баба у меня должна на днях разродиться.

— Вон оно как! Дай бог счастья! Дай бог... — затараторила Василиса.

Матвей решил не рассказывать пока Зимовским о происшествии в тайге. Он и сам не знал еще, надо ли заявлять властям о самоубийце. Намеревался обо всем этом посоветоваться дома.

О Зимовском по народу шла недобрая слава, как о человеке темном и нелюдимом. Летом он выезжал на займку, а зимой жил в деревне Сергеево, приторговывал дичью, скотом и рыбой. Матвей знал, что, скажи он Зимовскому о происшествии, тот, не медля ни одного дня, бросится искать золото.

А охотники сами сговорились попытать счастья. По песку определили они, что найдены золотишки где-то тут, в Юксинской тайге.

За чаем Матвей спросил:

— Ну, а у вас как дела? Опять, поди, птицы на всю зиму наготовили?

Зимовской хотел сказать что-то, но его перебила Василиса:

— Нам повезло нынче, Матвей Захарыч, золото мы в глухаре нашли. Приволок раз Степа целый куль дичи. Стали мы с мамой ее обихаживать, распороли одного глухаря, а в zobу у него желтый камешек. Бросилась я тут к Степе, он на дворе был: «Смотри, говорю, не золото ли?» Он посмотрел: «А ведь верно, кажись, золото». Намедни поехал он в город, прихватил с собой золотишку. Приезжает. «Вот, говорит, на, купил тебе на золото подарок».

Василиса соскочила с табуретки, принесла кашемировый цветастый платок.

Матвей не смог скрыть своего изумления.

— Смотри-ка, золото в глухаре!

Степану не понравилась болтовня жены. Он нахмурился, сердито, исподлобья посмотрел на Василису.

Матвей заметил это и перевел разговор на другое, а про себя подумал:

«И как это раньше мы не догадались?.. Давно бы надо покопаться в песках. Вон даже в глухарях золото попадает».

Разговор не клеился.

Василиса принесла со двора охапку соломы, расстелила ее на полу у стола, сверху набросила домотканую, из крученых лоскутьев, дерюжку.

Матвей долго не мог заснуть. Из второй половины избы до него доносился шепот: Степан бранил Василису за то, что она выболтала охотнику лишнее.

Забылся Матвей далеко за полночь, а когда очнулся, уже рассвело.

Василиса прошла во двор с подойником. Зимовской сидел у окна, молча сучил дратву. Старуха с мальчишкой все еще спали.

Матвей убрал за собой постель и стал собираться в дорогу. Зимовской был неразговорчив, однако пригласил его подождать, пока Василиса вскипятит самовар.

Матвей отказался, сославшись на то, что путь не ближний. Прощаясь с хозяином, попросил у него пяток серянок, извинился за беспокойство.

— Тебе, Степан Иванович, поди, часто охотники-то докучают? Был нынче кто-нибудь?

— Ты первый,— ответил хозяин.

«Значит, незнакомец не проходил здесь»,— подумал Матвей.

3

На пасеку Матвей пришел в сумерки.

В доме только что зажгли лампу. В чистой прихожей было тепло, уютно. Топилась железная печка, и в квадратные дырочки дверцы на пол падали полосы яркого света.

Домашние встретили Матвея удивленными взглядами.

Он поздоровался и не торопясь стал раздеваться. Отец, мать и жена следили за каждым его движением.

— Не то с Фишкой, сынок, что случилось,— спросила Агафья.

— Нет, мама, дядя здоров.

Матвей сел на лавку. Захар, Анна, Агафья окружили его и, не шевелясь, словно замороженные, выслушали весь рассказ.

— Езжай, езжай завтра в Волчьи Норы. Заяви старосте,— посоветовал Захар.— Негоже так душу христианскую без поминовения оставлять.

Агафья согласилась с мужем:

— Заяви, Матюша. Родня, поди, есть. Ищут, наверно, теперь, мучаются.— Она ласково взглянула на сына.— Да сами-то, Матюша, с оглядкой ходите. А то вот так же заплутаетесь, не приведи господь.

— Вот попомните меня: засудят Матюшу с дядей,— взволнованно заговорила Анна.— Скажут, что они убили. А на мой згад так: человека схоронить в тайге, крест поставить — и делов только.

— Чепуху мелешь! Правду всегда видно,— вспыхнул Захар.

На щеках его проступил румянец. Голубые глаза оживились, заблестели. Старик не любил, когда ему перечили.

— Ишь удумала что! Засудят... Ты не кличь беду-то, не кличь! — ворчал он.

— За правду не судят, Нюра. Правда — что масло: всегда наверху, — попыталась сгладить грубость старика Агафья.

Анна с досадой махнула рукой.

После ужина Захар зажег четыре свечи: три поставил в горнице перед божницей, четвертую воткнул в большой медный подсвечник. В одну руку он взял подсвечник, а другой стал махать, словно держал в ней кадило.

Захар не спеша ходил из прихожей в горницу, из горницы в прихожую и тянул густым голосом:

— Святый боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас...

Скоро он так увлекся «панихидой», что стал размахивать и подсвечником.

— Свя-а-ты-ый бо-о-же, свя-а-ты-ый...

Во время «богослужения» Захара никто не считал нужным молиться. И теперь все занимались своим делом.

— Свя-а-тый бо-о-же... — тянул Захар.

Матвей зевнул, встал из-за стола и прошел в горницу, где Анна взбивала перину на широкой двуспальной кровати.

— Хватит, Захарка, хватит, — остановила его Агафья. — Бог-то — он не глухой, с одного разу слышит. Дай-ка лучше Матюше с дороги выпаться.

— Ты не тронь меня, старуха, не тронь! Я за того молюсь, который в тайге погиб.

Все же вмешательство Агафьи возымело свое действие. Захар прошелся еще раз, перекрестился и, потушив свечи, вышел в прихожую, плотно закрыв за собою дверь.

Матвей, оставшись с Анной, подошел к ней, притянул к себе, обнял. Анна уткнулась ему в грудь, всхлипнула.

— Ты о чем?

— Боязно, Матюша.

— Отчего боязно-то?

— И от этого вот, — она положила руку на большой живот, — и оттого, что в тайге не по-хорошему у вас.

Матвей усадил ее на постель.

— Не убивайся, Нюра, все будет по-хорошему. Насчет этого, — он кивнул головой на живот, — не ты первая,

не ты последняя. А о тайге тоже зря печалишься. Лучше расскажи: как жила тут без меня?

Он погладил Анну по спине, обнял ее за плечи. Она привалилась к нему крепким, точно сбитым телом.

— Жила ничего, только с батей часто ругались.

— Чего вы с ним не поделили?

— Да ведь он, знаешь, какой? Раз я вымыла пол, а он несет на сапогах грязи пуд. Я говорю: «Вытер бы, батя, ноги». Как он поднялся, как разбушевался! «И ты, говорит, туда же, и тебе не угодил! Агафья с крыльца гонит, эта в избу не пускает. Может, мне еще час под дождем мокнуть, пока вы тут со всем управитесь?»

Матвей засмеялся.

— А дальше что было?

— Поехал он в Волчьи Норы, вернулся выпимши, веселый. Входит, вытаскивает из кармана матушке платок, а мне серьги: «Вот вам за то, что я пол топчу». А в другой раз схватились с ним еще пуще. Я говорю: «Надо бы, батя, на мельницу съездить. Муки в амбаре на три квашни». Как он закричит: «Не указывай! Сам знаю, как жить. А на мельницу не поеду. На меня другие наемлют». Так и не поехал. Сами с мамой ездили. Потом еще корить нас начал за то, что мы дешево за помол заплатили, мельника будто обманули.

Анна вздохнула и заговорила просящим шепотом:

— Сам бы, Матюша, взялся за хозяйство. Насидимся мы так без хлеба. Да и стайки надо бы поправить, сена подвезти. А бате я больше ничего говорить не буду. Пусть хозяйствует как знает...

Анна вышла за Матвея против воли родителей. Они не хотели этого брака. Сватался за нее другой жених — Демьян Штычков.

Родителям Анны жалко было упустить такого жениха, как Демьян. После смерти отца он остался единственным наследником большого хозяйства. Штычковы истари считались первыми хозяевами на селе. У них было много скота, пашни, всегда они держали годовых работников.

Но сам жених был с повинкой. Еще в детстве лошадь ударила Демьяна копытом в лицо и переломила нос. Стал он ломоносый и говорил с тех пор гнусавя. Не вышел наружностью Демьян, не чета был Матвею.

Да и в народе Матвея уважали больше. Слава о его смелости в охоте на медведей шла по всей округе. Был он к тому же искусный гармонист, и не одна девка вздыхала, глядя на рослого, статного парня.

Марфа, мать Анны, отговаривала дочь:

— Смотри, Нюрка, насидишься за Матвеем голодом. Хозяйство Строговых не ахти какое. Все богатство в пасеке, а на пасеку надежда плохая. Сегодня она есть — завтра ее не будет. Мор на пчелу и не таких, как Строговы, разорял.

Анна и сама понимала, что мать говорила правду.

Демьян жил богаче, хозяйство его было прочнее. Но Анну тянуло к Матвею. Про себя она думала:

«Ничего, и мы заживем не хуже других. Будем землю пахать, скот разведем, мальницу поставим. Там, на пасеке-то, вон какие просторы. На селе завидовать будут».

И она настояла на своем: ее просватали за Матвея. Демьян Штычков с горя пил без просыпу. Три года он ждал, когда подрастет Анна, считал ее своей невестой. Да и она не отталкивала его — на вечерках заигрывала с ним. Полгода спустя после свадьбы Анны он женился на бедной-пребедной девке Устиньке Ганьшиной.

4

Утром Захар и Матвей поехали в Волчьи Норы. Сельский староста Герасим Крутков, выслушав Матвея, велел ехать в волостное правление.

Захар вернулся на пасеку, а Матвей поехал с попутчиком в Жирово.

Прошло четыре дня, Матвей не возвращался.

Домашние думали, что он задержался в Волчьих Норах у тестя, Евдокима Юткина, и не беспокоились. Но один случай взволновал их.

На рассвете Агафья пошла доить коров. Едва она открыла дверь, как навстречу ей бросились собаки. Они были с охотниками на Юксе. Агафья оставила подойник на крыльце и побежала в дом.

— Вставай, старик! Вставай скорее! Собаки из тайги прибежали, — видно, Фишка идет, — тормозила она Захара.

Тот вскочил с постели и впопыхах долго не мог надеть штаны.

Пока старик одевался, Агафья разбудила Анну.

Все трое выбежали на крыльцо и стали смотреть на косогор, ожидая появления деда Фишки. Какая нужда погнала его на пасеку? Вот еще беда-то! А ведь сколько лет жили тихо, мирно!

С полчаса стояли они на крыльце, но дед Фишка не появлялся.

— Что за оказия? — сказал, недоумевая, Захар.

— Съездил бы, батя, в село, узнал, что там с Матюшей. Может, оттуда в тайгу ушел? — проговорила Анна, в душе тревожась за мужа.

— Верно, Захарка, скачи, узнай. А Фишка пасеку не минует, — сказала Агафья.

Захар помчался в Волчьи Норы.

По дороге он встретил знакомого жировского мужика Петра Цветкова. Петр ехал на пасеку по просьбе Матвея и рассказал Захару, какая беда приключилась с охотниками.

Когда Матвей заявил о происшествии в тайге жировскому уряднику, тот взял двух понятых (одним из них был Петр Цветков), и они все вместе в тот же день выехали в тайгу.

Тележная дорога была только до Балагачевой. Дальше верст двадцать пришлось идти пешком.

Урядник осмотрел труп и, допросив охотников, решил, что убийство совершено ими. Матвея и деда Фишку отвезли в Жирово и посадили в каталажку волостного правления.

Петр Цветков передал Захару сумку с пушниной и поехал обратно. Захар погнал своего коня на пасеку. Бабы, увидев его в окно, выбежали на крыльцо. Захар соскочил с коня и закричал на них:

— Ну, что глаза вылупили?! Накладывайте в туески меду. Матюшка с Фишкой в жировской каталажке сидят. К уряднику поскачу.

Агафья всплеснула руками и хотела заголосить. Анна закрыла свое по-цыгански смуглое лицо фартуком.

Захар взбежал на крыльцо, замахал руками.

— Ну-ну, помокроглазьте у меня!

Не прошло и часу, как он, наскоро пообедав, мчался в волость, нещадно нахлестывая коня.

Прискакав в Жирсво поздно вечером, Захар отнес мед уряднику и стал упрашивать его освободить Матвея и деда Фишку хотя бы на поруки.

Урядник обещал подумать. На другой день Захар сунул ему пятирублевик.

Но вечером к Захару вышла толстая урядничиха и передала от имени мужа, что сделать он ничего не может: весь материал предварительного дознания отправлен в город.

Захар плюнул, хлопнул дверью и вприпрыжку побежал со двора. Не долго думая, он завернул в кабак и всю ночь напролет гулял там с каким-то случайным приятелем.

Потеряв где-то шапку-ушанку, он утром приехал на пасеку с повязкой на голове, сделанной из верхней рубахи на манер тюрбана.

5

Три недели охотники ждали, когда их отправят в город на суд.

Спали они на соломе, зябли, ели черствый хлеб с холодной водой. Дед Фишка вначале храбрился, потом начал грустить, вечерами усердно молился.

Неизвестно, сколько бы еще пришлось сидеть охотникам в каталажке, если бы не приехал в Жирово судебный следователь Прибыткин. Приезд следователя произвел в волостном правлении суматоху. В отдаленную Жировскую волость из города редко кто наезжал.

Пока следователь отдыхал на земской квартире, бабы выскоблили в правлении полы, на окна повесили холстинные занавески.

Владислав Владимирович Прибыткин по окончании юридического факультета надеялся быстро сделать карьеру. Но ему не хватало связей и денег. Отец его, мелкий чиновник, был небогат и незнатен.

Когда из Жировской волости поступило дело об убийстве охотниками неизвестного золотонскателя, Прибыткин сказал себе:

«Ну, Владислав Владимирович, пора и тебе попытать счастья».

Первым на допрос следователь вызвал деда Фишку. Старый охотник оробел. Дрожащими руками он раз-

гладил бороду, брови, одернул рубаху и, выходя из каталажки, страдальчески посмотрел на Матвея. Но в комнате следователя дед Фишка почувствовал себя спокойнее.

Полное лицо Прибыткина с черной бородой показалось ему добрым.

Следователь читал какие-то бумаги.

— С-с-адитесь вот тут на с-с-с-тул,— проговорил он, не поднимая глаз.

«Да он заика»,— подумал дед Фишка, и это показалось ему потешным.

Прибыткин отложил бумаги и взглянул на старика.

— К-к-к-ак фамилия?

Дед Фишка встал.

— С-с-с-иди.

— Фамилия? А вам какую, барин, фамилию? Поуличному нас кликали Забегалкины, а по-писаному — Теченины. Я, нычит, Финоген Данилов Теченин.

— Хорошо. С-с-с-колько тебе лет, Теченин?

— Седьмой десяток, барин, живу.

Следователь окинул его насмешливым взглядом.

— Лет тебе много, а здоров к-к-как?

Дед Фишка вовсе размяк, осмелел:

— О барин! Здоровьем бог не обидел, за мной не каждый угонится. Я умру, а ногой дрыгну.

Прибыткин засмеялся, повеселел и дед Фишка.

Но вдруг следователь откинулся грузным телом на спинку стула и в упор уставился на старика холодными, пронизывающими глазами.

— Ну, с-с-с-тарик, шутки в с-с-торону! С-с-с-ознавайся чистосердечно: много золота взяли?

Дед Фишка соскочил со стула и, торопливо крестясь, стал уверять:

— Что ты, барин! Ай мы разбойники какие! Мы, барин, люди смирные. Мы и зла-то никому, кроме как медведям, не делаем. Вот тебе крест! Мы по совести заявили. Думали — грешно погибшего человека бросать. Нет, барин, ты выпусти нас, настрадались мы тут в неволе.

— С-с-сядь, Теченин, с-с-сядь! — приказал следователь.

Дед Фишка покорно сел, из-под мохнатых бровей глаза его тревожно следили за следователем.

— А к-к-к-то, по-твоему, Теченин, убил человека?

Дед Фишка опять вскочил.

— Никто, барин, он сам себя порешил. Мы с племянником по ружью об этом сообразили. Ружье, нычит, лежало рядом с ним, и еловая палка тут же. Видно, палкой на спуск давил...

Следовательно что-то долго писал на листе бумаги, потом снова поднял глаза на старика.

— По-твоему выходит, Теченин, что человек сам себя убил? Не то говоришь...

— То, ей-богу, то! Ему, барин, один был конец. Либо застрелиться, либо попасть медведю в лапы. Плохи его дела были, сам посуди: ни дробы, ни пороха, ни спичек, ни еды. На лицо худущий — он, видно, и так терпел долго. — Дед Фишка вздохнул. — С тайгой шутки плохи, барин.

Прибыткин исподлобья наблюдал за стариком.

Виновный человек не мог так смотреть и говорить, как дед Фишка.

«Ах, какой дурак этот жировский урядник! — подумал Прибыткин, но тут же спохватился: — Подожди, Владислав Владимирович, может быть, не раз еще с великой благодарностью помянешь этого урядника».

— Послушай, Теченин, а что там за местность, на этой Юксе? Горы? С-с-степь?

— Какая там степь! Леса там, барин, дремучие леса.

— Ну, а рельеф ка-ка-ков?

— Как?

— Я спрашиваю, местность ка-ка-кая? Равнины, горы?

— И равнина есть, барин, и горы. Все там есть. Логов там много. А земля песчаная больше. Для пахоты не годна. Рожать не будет.

— Ну, а из ка-ка-ких мест, по-твоему, человек этот?

— Бог его знает, барин, на лбу у него не написано. А так чудится нам — из пришлых он. Наши старожилы кошмовальных шляп не носят.

— Так, так. Ну, а золото где он нашел? Ка-ак по-твоему?

— Должно, на Юксе. Видно, по ее лесам он ходил. Им ведь, лесам-то, нет конца-края. Да и опять же песок у него в тряпке юксинский. Таких у нас песков на Юксе — пропасть, в каждом логу.

Эти показания деда Фишки Прибыткин записывать в протокол не стал и велел старику идти в каталажку.

Дед Фишка поднялся со стула.

— Когда же, барин, на волю отпустите? Ей-богу, сидим ни за что!

Прибыткину это не понравилось. Он вел себя с подследственным и так слишком мягко.

— Иди, иди на место. Невинность надо еще доказать...

Дед Фишка ссутулился и проскочил торопливо в дверь.

Когда вошел Матвей Строгов, следователь внимательно осмотрел молодого охотника.

Прибыткин думал, что он увидит его испуганным и робким, но перед ним стоял высокий, крепкий молодчага, с гордой посадкой головы, с чубом волнистых русых волос. Голубые глаза его смотрели с живым и пристальным любопытством. На светлом продолговатом лице с прямым носом и юношеским пушком вместо усов не было ни испуга, ни растерянности.

— С-с-с-адитесь. «Строгов Матвей Захарович. Двадцати двух лет, православный, женатый, грамотный...» — прочитал вслух следователь, помолчал и, продолжая присматриваться к молодому охотнику, громко сказал: — Ну, Строгов, рассказывай, ка-ак было дело.

Матвей повторил то, что рассказывал уряднику.

Все это Прибыткин знал из протоколов. Молодой охотник держался с таким спокойствием, что сбить его можно было только какой-нибудь неожиданностью. И следователь решил применить обычный в таких случаях прием.

— С-с-с-кладно ты, С-с-с-трогов, рассказываешь, — проговорил он с ехидной усмешкой, — но дед выдал тебя. Дед сказал, что ты убил человека.

Матвей весело захохотал. Прибыткин посмотрел на него: такой смех мог быть только у человека, который ничем не запятнал свою совесть.

— Дядя не мог сказать этого, — спокойно возразил Матвей и продолжал с прежней спокойной серьезностью: — Смешно все это, господин следователь. Если бы в самом деле мы убили человека, зачем бы мы сами на себя стали доносить? В тайге можно город спрятать, а много ли места мертвому надо?

— Твои с-с-с-лова, С-с-с-трогов, вас не оправдывают. Вы, ка-ак убийцы, поступили умно. Большую толику золота взяли, а малую для своего оправдания оставили. Вот, дескать, ка-ка-кие мы честные!

— Не мне учить вас, господин следователь. А только убийцы вряд ли так поступили бы. Безвинно мы сидим.

— Но позволь... Зачем вы труп в землю закопали?

— Куда же его девать? Незарытым оставить? Ведь там тайга, звери рыщут, птицы...

Свои вопросы Прибыткин задавал Матвею ради формальности. Самое важное для него было другое.

— Ты, С-с-с-трогов, хорошо тайгу эту знаешь?

— Как не знать! С малолетства там охотился.

— Ну-ка, расскажи, что это за тайга. Лес ка-ка-кой, звери, почва, местность?

— Тайга большая, господин следователь...

Матвей стал обстоятельно рассказывать. Прибыткин оживлялся все больше.

— Ну, ну, дальше!

— Звери водятся всякие: медведи, рысь, барсук, колонок, горностаи, белка. Из птиц — рябчики, глухари, тетерева...

— А леса ка-ка-кие?

— Ельник, пихтач, сосняк. А больше кедровник.

— Ну, а почва?

— Песок, местами галька. Попадает кое-где крупный камень.

— А местность?

— Леса, буераки, ручьи.

— Хорошо, ну, а еще никто в той местности не находил золота?

— Находили в глухарях.

— Д-да неужели? — От удивления и восторга следователь даже привскочил с места. — К-к-кто находил?

— Сергевский житель — Зимовской Степан Иваныч. На заимке сейчас живет.

Допрос молодого охотника затянулся до позднего вечера.

Прибыткин расспросил обо всем, что его интересовало, разузнал о путях-дорогах на Юксу и только тогда велел увести Матвея в каталажку.

Больше следователь не встречался с охотниками, они были ему не нужны.

А через две недели после отъезда Прибыткина в Жирово пришел пакет. В бумаге, извлеченной из пакета, предписывалось: охотников Финогена Теченина и Матвея Строгова, задержанных по делу гибели неизвестного человека в Юксинской тайге, за недостатком обвинительного материала из-под стражи освободить.

6

Охотников освободили в четверг, а в воскресенье на пасеку съехались гости.

Были тут родные Анны: отец ее Евдоким, мать Марфа, старший брат Прохор с женой Ариной, дед Платон, старые приятели Захара и Агафьи — Емельян Сурков и его жена Анфиса.

Гости поздравляли Строговых с двойной радостью: рождением внука и возвращением охотников из неволи.

Мужики толпились в прихожей, дымили сигарками. Дед Фишка рассказывал, как он и Матвей коротали дни в каталажке.

Бабы образовали свой кружок в горнице. Они рассматривали новорожденного, расспрашивали Анну о здоровье.

Анна не привыкла еще к положению матери: ее смуглое лицо от бесстыдных вопросов баб то и дело заливалось румянцем.

Гостям долго разговаривать не пришлось. Захар подлетел сначала к мужикам, потом к бабам:

— Кончай, кончай разговоры! Не за этим приехали. Старуха, усаживай гостей поплотнее.

Расселись за длинным столом в прихожей. Захар наполнил рюмки водкой, Емельян Сурков встал:

— Ну, хозяин с хозяйшкой, поздравляем вас с внуком, а тебя, Матюша, и тебя, Нюра, с наследником.

Гости подняли рюмки, Захар остановил их:

— Нет, погоди, погоди, Емельян Савельич, не так ты начал. Перво-наперво — выпьем за Матюшу с Фишкой. А за того потом: он мал еще.

Агафья огрызнулась на Захара. Но гости приняли слова хозяина за шутку, засмеялись.

— Верно, сват, мал еще. Все равно не поймет, — хрипел лысый Платон.

— Ну, быть по-твоему, Захар Максимыч,— согласился Емельян. Он взглянул на деда Фишку.— Поздравляю тебя, Финоген Данилыч, и тебя, Матюша. Слава богу, что все обошлось по-хорошему. Хоть и пострадали вы... но что ж поделаешь! Будем здоровы!

Все выпили. Черный, кудлатый Евдоким Юткин приложил мякиш ржаного хлеба к носу.

— Горька, а мила!

Захар еще раз наполнил рюмки.

— А вот теперь выпьем за внука. Бог дал Артема, Артему Строгова. Во как! Ну, Нюраха,— Захар повернулся к снохе,— дай бог тебе здоровья. Родила ты нам со старухой на радость внука. Дай бог еще десять!

Гости засмеялись. Анна с Матвеем смущенно переглянулись.

— Больно много, сват, десять. Хлеба, сват, прокормить не хватит.

Захар высоко поднял рюмку.

— Хватит, сват, хватит! — Он повернулся опять к снохе, потрянул кудрявой серебряной головой.— Роди, Нюра, роди на здоровье.

Все выпили. Даже Матвей, не любивший водку, и тот осушил рюмку до дна. Только рюмка Анны стояла не тронутой. Захар заметил это, принялся угощать сноху:

— А ты что, Нюра, не выпьешь? Пей, будет жить веселей.

За дочь вступилась Марфа:

— Нельзя ей, сват. Молоко испортит.

— Ничего, ничего, пусть парень к горькому привыкает. Вырастет — все равно пьяницей будет.

— Ладно, если в дедов пойдет,— сказала Агафья,— а ну как в отца угадает? Матюшка на вино не шибко охоч.

Захар закричал с пьяным задором:

— В дедов, в дедов пойдет! Приучим! Верно, сват Евдоким?

— Так, так, сват Захар.

— Хлебни разок, для отвода глаз,— шепнул Матвей жене.

Анна глотнула.

— Вот это по-моему! — радовался Захар.

Вскоре прихожая задрожала от многоголосого пения.

Не пели только Платон да его сноха Марфа. Платон был хриповат, а Марфа не пела смолоду. Они сидели на отшибе от всех, и Платон убеждал сноху переменить гнев на милость.

— Ты, Марфа, не горюй, не тужи о дочери! Нюрка и с Матвеем будет жить не хуже, чем жила бы с Демьяном. Видишь, сын вот родился. А сын — это двойная прибыль. Подрастет — сам будет работник да еще и со стороны работницу приведет. А простор-то тут какой! Знай паши себе, сей. Я тоже с небольшого начал.

Марфа щурила подслеповатые глаза и молча кивала головой.

Матвей принес из горницы гармошку, заиграл плясую. Дед Фишка вскочил и легко пустился волчком вприсядку. Агафья с Анфисой махали платками, прыгали вокруг него.

Дед Фишка подскакивал мячиком, выкидывал ноги, щелкал пальцами:

— Умру, а ногой дрыгну!.. О... о... о... о!

Он плясал до тех пор, пока от усталости и одышки не повалился на пол.

...Гости уехали с пасеки только утром.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Несколько месяцев после родов Анна безвыездно жила на пасеке. Агафья освободила ее от всех домашних дел, но ребенок доставлял столько хлопот, что не хватало короткого зимнего дня. Ночами молодой матери доставалось еще больше. По несколько раз за ночь зычный крик Артемки прерывал сладкий сон. Анна жаловалась: сменишь пеленки, покормишь грудью, укачаешь и только забудешься на часок, а малыш уже опять возится, кряхтит, вот-вот крик подымет. И так до утра, не сон — маета одна. Анна даже похудела, но от этого стала еще милее.

В крещение она решила побывать в Волчьих Норах. Хотелось хоть день-два подышать другим воздухом, род-

ных проведать, сходить в церковь, людей посмотреть и себя показать.

С рождества стояли крепкие морозы. Землю окутал густой, холодный туман. Воробьи мерзли на лету, и с оглушительным треском на речке лопался лед. Но кого в Сибири удержат морозы?

В канун праздника Матвей положил в сани несколько охапок сена, накрыл его новой дерюжкой, в передке разостлал медвежью доху. Артемку закутали в мягкое меховое одеяльце, сшитое дедом Фишкой из заячьих шкурок, и вместе с матерью закрыли полами огромной дохи.

У Юткиных были рады приезду молодых. Марфа с удовольствием занималась внуком и, отпустив дочь в церковь, впервые за много лет не пошла на водосвятие.

В церкви Анна стояла впереди всех, одетая в хорошую овчинную шубу, крытую синим сукном, на голове ее был пуховый оренбургский полушалок, на ногах новые, еще не разношенные пимы.

Бабы, разглядывая шубу Анны, дивились ее доброте, завидовали. Анна чувствовала это и, чуть приподняв голову, делала вид, что это ее нисколько не интересует.

Когда обедня кончилась, все направились к речке на «иордан» — святить воду. Впереди шел священник, за ним дьякон и певчие. Крестный ход растянулся на четверть версты.

Анна шла, опустив голову, пряча в платок лицо от колючего морозного ветра.

— А-а, и ты тут! — вдруг послышался позади нее гнусавый голос.

— Дема! Демьян Миневич, — поправились Анна и открыла лицо, закутанное пуховым полушалком.

Демьян был в белой папахе, в черном дубленом полушубке, подпоясанном красным кушаком. Черные пимы его с длинными завернутыми голенищами подернулись инеем.

— На праздник приехала?

— Да. Помолиться и родных проведать. Как живешь, Дема, с молодой-то женой?

Хотя Анна и знала, как живет Демьян с женой, спросила из любопытства: что скажет сам? По селу шли слухи, что бьет Демьян Устиньку страшным боем.

— Не дай бог никому так жить. Ну, а ты как живешь, довольна? — спросил Демьян.

— Живу помаленьку. Хорошо ли, плохо ли — живу. Дело решенное, — улыбаясь, ответила Анна.

Они шли рядом. Снег скрипел под ногами. Анна дышала в рукавичку, Демьян то и дело гладил усы, чтоб не намерзли сосульки.

Вдруг он оглянулся и, склонив голову к Анне, проговорил:

— Эх, Нюра, сгубила ты мою жизнь. Тоскую я по тебе, картина ты моя!

Анна испуганно отступила в сторону.

— Образумься, Демьян!

Она кинулась вперед и скрылась в толпе, у проруби.

2

Чем ближе время подходило к весне, тем беспокойнее становился дед Фишка. С Матвеем у него давно установился одним им понятный язык. Обоих неудержимо тянуло на берега Юксы, обоих манила, звала тайга. Часто они принимались вдруг перебирать свои охотничьи и рыболовные снасти и обменивались при этом взглядами заговорщиков. А когда оставались вдвоем, разговор неизменно возвращался к тому несчастному случаю с заблудившимся в тайге золотоискателем. Вспоминали допросы, и то, что следовательно Прибыткин проявил такой необыкновенный интерес к Юксинской тайге, тревожило их, заставляло строить всевозможные догадки. Дед Фишка подбивал Матвея съездить в город, посоветоваться с братом, не стоит ли попытать счастья на золотом промысле. Влас — человек торговый и на деньгу жадный, выгодного дела не упустит.

Анна заметила беспокойство охотников и однажды, тихо войдя со двора в прихожую, подслушала их разговор в горнице о золотом промысле. Пришлось заговорщикам открыть свои тайные замыслы. Анна стала отговаривать Матвея: не к чему ездить к Власу, незачем шлаться по тайге, надо свое, крестьянское хозяйство ладить, на одних пчелах да на охоте далеко не уедешь. На предстоящую весну она возлагала большие надежды. Думала поднять десятины три-четыре целины, вовремя посеять

яровые, прикупить нетель. В находки Анна не верила и считала, что лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Целых два дня всей семьей судили да рядили насчет всяких дел и безделок, дед Фишка спорил до хрипоты, а на третий день Захар и Агафья начали снаряжать в город возок с медом. Вопрос о поездке Матвея решил не Фишка, суливший Анне золотые горы в случае удачного промысла; решение пришло само собой, после того как Захар напомнил об обязательствах купцу: второй воз меда всегда отправляли Кузьминым великим постом, до наступления распутицы.

По приезде в город Матвей первым делом сдал мед домоправительнице Кузьминых, потом купил на базаре кожаного товара для починки обуви и кое-что по мелочам, что наказывала Анна, и только после этого поехал к брату.

Влас Строгов жил на окраине города, в старом небольшом двухэтажном домишке. Верхний этаж занимал сам Влас с семьей, состоявшей из жены, двух мальчиков и двух девочек, внизу в одной половине жил квартирант, в другой помещалась лавка.

На пасеке хорошо знали, что лавчонка дает Власу небольшой доход, и потому не скупились на подарки. Матвей всегда привозил старшему брату мед, битую птицу, мороженую рыбу. Домой он обычно возвращался с кипами старых журналов и потрепанных книг. Помня любовь младшего брата к чтению, Влас за бесценок или совсем бесплатно получал эти журналы и книги от своих покупателей, часть расходовал на обертку в лавке, а что получше — отбирал и дарил брату.

Завидя знакомый возок и «дядю Матюшу», племянники и племянницы подняли крик и визг на весь двор. Сверху, со второго этажа, поспешно сбежала жена Власа — Наталья, низенькая, неказистая и неряшливо одетая женщина. На крыльце появился с довольной улыбкой на желтом, худом лице Влас — длинный и тощий, в чепухе и калошах, в черном жилете и синей сатиновой рубашке, на купеческий манер выпущенной из-под жилета. Приезд Матвея для всех был настоящим праздником: детишки могли вволю поесть и полакомиться медом, Влас радовался возможности кое-что из привезенного с пасеки пустить в оборот в своей лавчонке и получить стопроцентную прибыль.

Через час вся семья сидела за столом. Наталья подавала обед. Девочки, Дашка и Сашка, толкались и щипали друг друга, Генька и Сенька дрались из-за ложек. Влас, бросая на детей грозные взгляды, скрипучим голосом рассказывал брату о своих торговых делах, жаловался на неудачи. Большая семья поглощала почти все доходы. Заветная мечта Власа — открыть лавку на базаре — из года в год оставалась неосуществленной. Приходилось урезывать себя во всем.

Матвей и сам это видел. Рубашонки на мальчиках пестрели разноцветными латками. В квартире было грязно и неуютно. Вещи валялись в беспорядке. В переднем углу, рядом с иконами, висел в потускневшей золоченой рамке портрет молодого царя Николая Второго.

После обеда Влас пошел вниз, в лавку, — решил открыть ее на часок-другой. Было еще не поздно, и могли заглянуть покупатели. Матвей поспешил за ним, заявив, что мать наказывала прикупить мыла и соли.

В лавке у Власа царил такой же беспорядок, как и в квартире; пахло керосином, тухлой рыбой и еще чем-то сладковатым, что всегда привносит запах бакалеи.

Покупатели не заходили, и Матвей подробно рассказал брату о том, что случилось в Юксинской тайге осенью, о странных допросах следователя Прибыткина и о всем, что в эти дни тревожило и волновало их с дедом Фишкой.

Заложив за спину худые длинные руки, Влас прошелся по лавке, задел ящик, опрокинул его, но рассыпавшиеся пряники подбирать не стал. Видно, рассказ произвел на него сильное впечатление.

— Ну-с, зачем же вы властям заявляли? — остановившись перед Матвеем, заговорил он с раздражением в голосе.

— Как же иначе? — изумился Матвей. — Человек все-таки.

— Гнить ему везде одинаково!

— О родных его заботились.

— О других заботились, а про себя забыли. Объегорил вас следователь. Да-с! Дураки вы с дедом Фишкой! Ду-ра-ки!

Мысль о богатых золотых россыпях так захватила Власа, что он готов был избить Матвея за его откровенность со следователем. Немного успокоившись, он при-

шел все же к выводу, что не все еще потеряно, если не упустить время. Решил весной, как только просохнет земля, приехать на пасеку и вместе с Матвеем и дедом Фишкой отправиться на Юксу — попытать удачи.

3

В самую распутицу на пасеку Строговых неожиданно нагрянул сам Никита Кузьмин с сыном Алешей и его воспитателем.

Строговы удивились: эка, в какую пору принесло их! Снег уже оседает, речки наледью покрылись, бугры вытаяли. Видно, неотложное дело поехать заставило.

Больше всех взволновался дед Фишка.

«Неспроста, ой, неспроста прикатил золотопромышленник! — промелькнуло у старика в уме, и он замотал головой, словно отгоняя от себя какую-то неприятную мысль. — Неужели Влас продал нашу тайну? От этого всего можно ждать. Спит и видит себя купцом».

Захар выбежал к воротам встречать важного гостя. Иногда хоть и поминал он Никиту Федотыча недобрым словом, а все-таки чтит его как благодетеля.

«Если б не Кузьмин, ломал бы я и сейчас хрип на чужих людей. А теперь — сам хозяин», — любил говорить Захар.

Гости ввалились в дом в шубах, в дохах. Кузьмин забасил:

— Мир дому сему!

— Милости просим, — в один голос ответили Агафья и дед Фишка.

— Проходите, раздевайтесь, — пригласил Матвей.

Анна с любопытством осматривала гостей.

— Эй, бабы, — засуетился Захар, войдя в дом вместе с кучером, — давайте живо самоварчик, закусить, чем богаты... Никита Федотыч, — обратился он к Кузьмину, — снимай доху, грейся! Фишка, подбрось в печку дров!

Кузьмин сбросил доху, снял бобровую шапку и поздоровался со всеми кивком головы. Увидев Анну, он без стеснения осмотрел ее и громко засмеялся.

— Да у вас прибыль! Ай да Матвейка, отхватил какую!

Анна, покраснев, бросила на промышленника хмурый, недружелюбный взгляд и ушла за перегородку, в куть.

Кузьмин обернулся к невысокому чернявому молодому человеку, который, раздевшись, стоял у двери, ожидая, когда его познакомят с хозяевами.

— Знакомьтесь: Соколовский Федор Ильич. Губернер,— не удержался золотопромышленник от того, чтобы не блеснуть богатством своего дома, как это любил делать.

«Губернер! — ударило в уши деду Фишке, возившемуся с самоваром у печки.— Ну, так и есть: не иначе губернаторского чиновника притащил с собой Кузьмин, чтобы записать на себя Юксинские золотиносные земли. У них это просто. Вот напасть-то! Эх, дурак старый!» — мысленно ругал он себя за то, что сам же подбил Матвея советоваться с Власом.

Ожесточенно дуя в самоварную трубу, так что искры летели из решетки, он уже не слышал того, о чем говорилось в прихожей.

А Захар, посмотрев на студента в черной форменной тужурке с блестящими золочеными пуговицами и синих диагоналевых брюках навыпуск, как всегда откровенно, сказал:

— Вона как! Го-вер-нер! Это что же, Никита Федотыч, он при тебе вроде как за лакея будет?

— Эк, деревенщина! — потрянул головой Кузьмин, недовольный такой неучтивостью бывшего своего работника.— Губернер — это слово французское: воспитатель значит, или учитель по-нашему. Федор Ильич к Алеше приставлен учить его разным предметам, в том числе и языку французскому.

— Ну, прости, коли так! Не хотел обидеть тебя, Федор Ильич,— добродушно сказал Захар.

Но студент и не думал обижаться. Улыбнувшись на слова Захара, он приветливо поздоровался за руку с новыми знакомыми. Перед Матвеем Соколовский задержался, они посмотрели друг другу в глаза.

Алеша, не раздеваясь, осматривал простое убранство крестьянского дома; с худенького, испитого лица его не сходила гримаса брезгливости. В доме Строговых полы были некрашенные, кровати деревянные, вместо кресел стояли табуретки, на маленьких окнах висели домотканые занавески.

Захар подскочил к Алеше, расстегнул его дошку и проворно вытряхнул из нее ошеломленного такой бесцеремонностью барчука.

Кузьмин взял сына за руку и шагнул вместе с ним в горницу, где Агафья накрывала на стол. Соколовский остался один возле железной печки, грел посиневшие руки. Матвей, раскрывая туески с медом, несколько раз обращался к нему, спрашивал, какова дорога, удачно ли миновали лога. Анна из кути тоже поглядывала на студента в щелку перегородки.

Соколовский был невысок, но строен. Щеки его смуглого, тщательно выбритого лица порозовели на морозе. Улыбаясь своим мыслям, он украдкой посматривал на Захара, цедившего из бочонка в глиняные кувшины пенистую брагу.

«Все что-то скалится — поди, живется ладно. Батюшки, а руки-то какие! Белые да нежные,— думала Анна, глядя на студента, и тут же наполнялась недоброжелательством к гостям: — Семена надо веять, а их принесла нелегкая».

За столом, угощая гостей медовой брагой, Захар сказал Соколовскому:

— Береги ноги, Федор Ильич! В ноги сразу бьет,— и засмеялся.

По всему было видно, что «говернер» пришелся по нраву старику,— может быть, потому, что не обиделся он на его неладные слова.

Дед Фишка через угол стола все тянулся к Кузьмину, усердно подливая ему брагу. Хитрил охотник: «У пьяного — что на уме, то и на языке. Авось проговорится!»

Наконец он исподволь, окольными вопросами, стал дознаваться о цели приезда.

— А ты, дед, все еще прыгаешь? — смеясь, обратился к нему Кузьмин.— Тайгу, наверно, лучше родного дома знаешь?

— Что бога гневить, прыгаю... пока ноги носят,— поперхнувшись, с запинкой проговорил дед Фишка и тотчас добавил: — Только в тайгу теперь не пройдешь, не проедешь.

— Да мы туда и не собираемся,— просто сказал промышленник.— Мы вот решили с Федором Ильичом на косачиных токах поохотиться.

«Э-э, хитрая бестия, даже на браге не обведешь. По-пытаем теперь этого «губернера»,— сказал себе дед Фишка и повернулся к Соколовскому, сидевшему рядом:

— А ваша милость, должно, сызмальства к охоте на всякого зверя или там птицу приобучены?

— Что вы, что вы, дедушка! — засмеялся Соколовский.— Я и ружье-то как следует держать в руках не умею. На охоте всего два раза был. А природу люблю, в особенности тайгу.

«Охотнички, язви вас! Охотники до чужого добра!» — пришел дед Фишка к безрадостному выводу и тяжело вздохнул.

После чая Кузьмин с сыном легли отдохнуть. Кучер тоже залез на печку. Ехали ночью — не спали. Захар предложил Соколовскому:

— Ложись, Федор Ильич, на мою кровать.

— Нет, я не хочу. Мне ночь не поспать ничего не стоит. Дело студенческое, не раз приходилось.

«Э, да он студент»,— подумал Матвей и еще раз осмотрел Соколовского.

О студентах он много слышал. Учитель в Волчьих Норах — тот самый, который советовал ему подать прошение царю, был высокого мнения о студентах. Матвей помнил, как однажды учитель сказал, что в будущем всей империей будут управлять студенты. В народе говорили, что студенты покушались на жизнь царя Александра Второго, что убит он был тоже не без их участия.

Соколовскому захотелось осмотреть пасеку. Матвей охотно согласился проводить его. Они вышли и поднялись по косогору туда, где летом стоят ульи. Земля лежала еще под снегом, деревья стояли голые. Высокое небо было ясным и холодным. К западу от пасеки тянулись холмы, пестревшие весенними проталинами.

Простота и живой характер студента нравились Матвею, и он охотно отвечал на его вопросы.

— Вы тут и родились?

— Да, вон в той бане.

— А плутать в тайге приходилось?

— Бывало. В тайге не без этого.

— Медведей когда-нибудь убивали?

— Еще бы не убивать! Летом они к нам на пасеку ходят. Мед любят, страсть!

Они стояли на опушке густого пихтача, высоко над пасекой. Пахло холодом и смолой. Засунув руки в карманы, Соколовский задумчиво смотрел на синеющие вдали холмы.

На обратном пути он опять стал расспрашивать Матвея:

— Вы грамотный?

— В Волчьих Норах три зимы учился.

— Не забыли?

— Нет, что вы! Я и теперь зимой редкий вечер не читаю.

Соколовский с удивлением взглянул на Матвея.

— А где книги берете?

— Кое-что через брата в городе достаю. А больше у попа в Волчьих Норах.

Соколовский поинтересовался, что именно прочитано Матвеем. Тот назвал исторический роман Загоскина и несколько романов о рыцарях и морских пиратах.

— Я помогу вам, Строгов, доставать хорошие книги: больше не берите этой дряни ни у попа, ни у брата.

— Спасибо. Мне бы что-нибудь о том, как земля и небо устроены. Очень люблю читать об этом.

— Об ученье не мечтали?

— Замышлял, да крылья коротки,— ответил Матвей, но историю с прошением к царю рассказывать не стал: неизвестно, как бы отнесся к этому Соколовский.

Постояв на лесной опушке, они направились к подвалам, в которых зимовали ульи с пчелами. Из-под земли торчали высокие, похожие на трубы тесовые отдушины.

Соколовский рассматривал устройство подвалов, интересовался историей пасеки, разведением пчел.

Когда Матвей рассказал, как перешла пасека к Строговым и о ежегодной дани Кузьмину, Соколовский удивленно пожал плечами.

— Выходит, бессрочная кабала?

— Самая настоящая. Обманул Никита Федотыч отца,— вырвалось у Матвея. Но, не зная, каковы отношения у Соколовского с Кузьминым, он поспешил заговорить о другом: — А вы все еще наукам обучаетесь?

— Да. Юриспруденцию зубрю.

— Мудреная?

— Не очень.

Матвею хотелось знать, что это за наука юриспруден-

ция и почему она не очень мудреная, но он промолчал, надеясь спросить об этом у Соколовского в другой раз.

Дома они принялись набивать патроны и чистить ружья.

Анна несколько раз проходила мимо них. Не нравилось ей, что этот чернявый студент сдружился с Матвеем. Она не могла подавить в себе чувство досады на мужа и позвала его в куть.

— Хватит тебе зубы точить. Иди во двор, дай скоту сена,— с раздражением проговорила она.

Когда Матвей вернулся со двора, гости уже поднялись. Кузьмин, расчесывая бороду перед зеркалом, спросил Соколовского:

— Ну, как погуляли, Федор Ильич?

Соколовский, не отвечая на его вопрос прямо, обратился к младшему Кузьмину по-французски:

— Très bien. Malheureusement, les jours en hiver sont trop courts. Переведите это отцу, Алеша.

Бледный подросток неуверенно перевел:

— Очень хорошо. Жаль, что дни зимой слишком коротки.

— Это по-каковски, Федор Ильич? — спросил Матвей.

— Французы так говорят,— ответил Соколовский.

— Французы! — пренебрежительно махнул рукой Захар.— Помню, дед рассказывал, как в двенадцатом году воевал с ними. Мерзли они у нас в России, как воробьи на морозе. Нет, дюжей наших русских никого на свете не сыщешь.

— А ты бы помолчал, старик, не твоего ума это дело,— вмешалась Агафья. «Кто его знает, может, он из энтих самых хранцузов!» — думала она, считая, что своими словами Захар может обидеть Федора Ильича.

Но Захар не обратил внимания на слова жены и продолжал расспрашивать:

— А петь по-ихнему умеешь, Федор Ильич?

— Кое-что умею.

— Споешь?

Студент усмехнулся.

— Можно.

Захар обрадовался.

— Эй, старуха, Фишка, идите слушать!

Соколовский, продолжая улыбаться, негромко, но приподнято запел «Марсельезу»:

Allons, enfants de la patrie...

Пропев два куплета, он остановился и спросил:

— Ну, как?

Захар покачал головой.

— Нет, наши лучше поют.

— У всякого народа свои песни, отец,— возразил Матвей.— А по-моему, неплохая песня. Жаль, слов не понимаю.

— Нет, нет, Матюшка, русский народ сроду песнями славился,— горячо сказал Захар.— Куда им до нас!

4

Ночью Кузьмин, Соколовский, дед Фишка и Матвей отправились на охоту.

За пасекой охотники разделились. Соколовский пошел с Матвеем, Кузьмин — с дедом Фишкой. Матвей хорошо знал тайгу по всей окрестности и привел Соколовского прямо к тетеревиному току. Они наломали сучьев и замаскировались в десяти шагах друг от друга.

Перед рассветом стали слетаться косачи. Соколовского сразу же охватило нетерпение. Ему хотелось стрелять, но Матвей чего-то выжидал.

Когда косачей слетелось столько, что снег почернел под ними и самцы, фыркая, щелкая, хлопая крыльями, вступили в схватку, Матвей сказал:

— Ну, теперь, Федор Ильич, не зевай.

Раздался выстрел, другой. Птицы большим клубком поднялись в воздух, но тотчас же опустились. Две птицы остались на снегу. Третья взмыла высоко и вскоре упала около ног Матвея.

Соколовский всматривался в предрассветный сумрак и ничего не видел. Он решил стрелять наугад, но, выпалив несколько раз из своей двустволки, понял, что стреляет мимо: после его выстрелов ни одной птицы на снегу не оставалось.

Скоро охота окончилась. Косачи разлетелись еще задолго до рассвета.

Собирая убитых птиц, Соколовский с грустью сказал:

— Я, наверное, ни одного не убил. Чертовски трудное это дело.

Матвею очень хотелось, чтобы гость почувствовал радость охотничьей удачи, и он принялся убеждать Соколовского:

— Нет, Федор Ильич, в этой стороне все ваши. Я сюда не стрелял.

Соколовский знал, что все это не так, но слова Матвея ему были приятны.

На пасеку они принесли девять косачей.

Охота Кузьмина и деда Фишки оказалась менее удачной. Они убили по три птицы.

Дед Фишка, как всегда при неудачной охоте, проклинал свои мохнатые брови. Старику казалось, что они мешают ему стрелять без промаха, и он сердито дергал их, приговаривая:

— Лезут аж в самый глаз, язвы холерские! Сколько из-за этого пороху зря попалил.

В тот же день Матвей и Соколовский пошли в пихтачи охотиться на рябчиков. Едва они поднялись на косогор, как спугнули два табунка. Рябчики стайками разлетелись в разные стороны.

Матвей распорядился:

— Вы, Федор Ильич, стреляйте этот табунок, а я погонюсь за теми. Потом сойдемся.

Матвей побежал по пихтачу. Скоро слышались его выстрелы, он палил беспрестанно.

Соколовский подкрался к своему табунку и выстрелил. Один рябчик упал, остальные вспорхнули и улетели. Он подобрал убитого рябчика и пошел отыскивать табунок, перелетевший на другое место.

Нашел скоро, подкрался и убил еще одного рябчика. Но после этого пробродил зря. Рябчики забились куда-то в чащу, и отыскать их было невозможно.

Вскоре слышался голос Матвея. Соколовский отозвался.

— Ну как, Федор Ильич? — спросил Матвей, пролезая сквозь густую пихтовую чащу.

— Убил двух. А вы сколько?

— Двадцать два.

— Непостижимо! — удивился Соколовский. — Как это вам удалось?

— Просто. Рябчика знать надо, — проговорил Матвей, снимая шапку и ладонью вытирая пот со лба, — меня дядя Фишка этому научил. Он на рябчика большой мас-

тер. От него ни один рябчик не уйдет. Весь табунок закружит и перебьет на трех лесах.

Охота умаяла Кузьмина. Он спал почти до обеда, а пообедав, после нескольких рюмок коньяку и двух ковшей хмельной медовой браги, снова завалился в кровать и поднялся уже в сумерках. К отъезду все было готово: птица сложена в мешок, туески с медом прочно закупорены, свежее испеченная провизия на дорогу собрана в корзину.

Дед Фишка, окончательно убедившись, что тайна Юксинской тайги золотопромышленнику неизвестна, не мог скрыть своей радости. С шутками и прибаутками он помогал гостям собираться, суетился вокруг Кузьмина, Алеши и «губернера». На прощанье старик преподнес всех рябчиков и косачей, своих и Матвея, неудачливым охотникам.

— Да ты что, Финоген Данилыч, клад сегодня нашел? — пошутил Кузьмин. — Или рад гостей поскорее спровадить?

Дед Фишка обиженно всплеснул руками.

— Что ты, Никита Федотыч! Недельку живи — рад буду.

Но на уме у старика было другое.

«Клад»! Знал бы ты, какой клад на Юксе лежит, не так бы разговаривал. Хапуга! От такого добра не жди. Вцепится — ничем не отдерешь», — думал про себя дед Фишка, а вслух, весело поблескивая глазами из-под мохнатых бровей, продолжал отшучиваться:

— Не нашел еще клада, нет, но найду обязательно! Такие богатства найду, какие тебе, Никита Федотыч, век не приснятся!

Все смеялись.

В ночь гости отправились в обратный путь.

Матвей верхом на коне провожал их до переселенческого поселка. Прощаясь, он пригласил Соколовского приезжать на охоту осенью. Студент обещал.

5

На пасху из города пожаловал Влас. Он привез от Соколовского пачку книг, подобранных по вкусу Матвея: об истории земли и происхождении человека, о небе и звездах.

Попраздновав три дня, в среду на пасхальной неделе дед Фишка, Матвей и Влас пошли на Юксу искать золото.

В тайге день отдыхали. Влас без привычки так натрудил ноги, что еле дошел до стана. После отдыха отправились бродить. Хотели сначала присмотреться к местам, приметить обвалы в буераках, быстрые ручьи, вымоины в берегах.

Влас боялся заблудиться и ходил с Матвеем.

В первый же день дед Фишка принес на стан важное сообщение.

От клюквенных болот шел он берегом Юксы и в одном месте увидел надломленную ветку черемухового куста. Осмотрев надлом, он решил, что это сделано человеком. Ветка была не просто отодрана от ствола, а переломана поперек: зверь не мог так переломить. Пройдя еще немного, он заметил, что кромка яра выщерблена, а кустарник сильно пригнут к речке. Кто-то спускался под яр, придерживаясь руками за прутья. Этот яр охотники называли Веселым. Даже в осенние ненастные дни, когда вся тайга была неприветливой, Веселый яр молодо зеленел рослым кедровником и, совсем как весной, звенел бурными, бьющими из-под земли ручьями.

Дед Фишка осторожно подошел чащей к речке и заглянул под песчаный яр.

У воды лежали кучки перемытого песка, подальше — лоток, запятанный в углублении берега, на сыром песке остались отпечатки следов человека.

— Это Прибыткин. Недаром он все у вас выпытал, — сказал Влас.

Матвей усомнился: каким путем, с чьей помощью прошел он на Юксу? Решили выследить, а пока вести себя в тайге как можно тише.

В ночь вышли к Веселому яру и наутро выследили золотоискателя. Это оказался Зимовской. Вернувшись на стан, устроили совет.

— Юксинская тайга — ваша, — говорил Влас, — вы хозяева в ней. Зимовской не по праву сюда лезет. Надо выгнать его или устроить слежку. А когда найдет золото, заставить принять в долю и нас.

Хоть и не совсем Матвей был согласен с братом, но пока решил ему уступить.

Надзор за Зимовским поручили деду Фишке. Старик

был осторожен и хитер. Влас и Матвей решили заняться поисками золота в большом таежном логу, совсем в другой стороне.

Через несколько дней дед Фишка сообщил, что Зимовской снялся со своего стана и ушел домой, на заимку. Это никого не обрадовало. Не удалось выяснить самого главного: нашел Зимовской золото или нет.

Почти всю ночь просидели они у костра, советуясь, что предпринять дальше. В конце концов дед Фишка вызвался побывать у Зимовского на заимке.

На другой день старик, озираясь, входил в дом Зимовского. К ночи сильный ветер, дувший целый день, затих, но заметно похолодало. В сумраке заимка казалась покинутой, нежилой. Над тайгой загорелись первые звездочки. Ни Зимовского, ни Василисы, ни их сына Егорки дома не было. На кровати лежала больная старуха Ионовна — мать Василисы.

— Ты, Васа? — спросила старуха, не раскрывая глаз.

— Это я, Степанида Ионовна.

— А, Фишка! Проходи, садись. Наши вот-вот с поля придут.

Дед Фишка сел на табуретку.

— Как здоровье, Степанида Ионовна?

— Плохо, Фишка. Не чаю, как смертушки дожждаться. На крыльце раздались шаги и негромкий говор.

— Ну, вот и наши идут.

Дед Фишка выругался про себя: такая удача — заспать Ионовну одну, — и вот, поди ж ты...

В темноте хозяин долго не мог узнать, кто сидит у окна.

— Не признаешь, Степан Иваныч?

— Финоген Данилыч! Далеко ли путь держишь?

— На Юксу бегу, Степан Иваныч. Сетёнки там у меня спрятаны, забрать хочу.

Когда хозяйева не спеша умылись под рукомойником и Василиса стала готовить ужин, дед Фишка, желая втянуть Зимовского в разговор, спросил:

— Слышал, Степан Иваныч, какой на нас поклеп-то в прошлом году возвели? Три недели в каталажке отсидели. Так и не пришлось поохотиться.

— Был такой слушок, — ответил Зимовской.

— А что же родня погибшего, так и не объявилась? — спросила Василиса.

— Нет, слухов не было... Где ей найтись? И человек-то, гляди, еще бездомный какой... Ну, а вы чем промышляете?

— Известно чем — пашем. Сегодня первый загон за-сеяли.

— Ох, в лесу и гнезд дроздиных! — с восторгом сказал Егорка, веснушчатый мальчуган, очень похожий на отца.

Дед Фишка любовно взглянул на него.

— Теперь, сынок, самая пора, все птицы яйца кладут.

Егорка раскрыл рот, хотел что-то еще сказать, но отец дернул его за вихры.

— Знай помалкивай, когда большие разговаривают.

Егорка присмирел. Зимовской закричал на Василису:

— Подавай скорей ужин! Устал до смерти!

За едой охотник настойчиво пытался заговорить о Юксе, но Зимовской всякий раз ловко увиливал от разговора. Он зевал, хмурился, и дед Фишка так и не мог понять, точно ли он устал или прикидывается уставшим.

Однако старик отступить не собирался.

«Как ты ни хитри, а я все равно заставлю тебя со-знаться», — думал он.

Но хозяин вдруг встал, не допив чая.

— Спокойной ночи, Финоген Данилыч. Пойду спать. А ты, Василиса, постели гостю — да и тоже на покой. Завтра встанем чуть свет, — проговорил он и ушел во вторую половину избы.

«Вот, подлец, как финтит!» — выругал его про себя дед Фишка.

Пока ему оставалось одно: снять бродни и ложиться спать. Своим поведением Зимовской расстраивал весь его замысел.

6

Ночь была уже на исходе, когда старик нашел выход из положения: он решил притвориться больным и задержаться на заимке еще на денек.

Под утро дед Фишка застонал, приохивая. Степанида Ионовна поднялась на кровати, спросила:

— Ты никак, Фишка, стонешь?

Старик плаксиво ответил:

— Всю ноченьку, Ионовна, животом мучаюсь. Видно, вчера Василиса простоквашей меня обкормила.

Вскоре из горницы вышел Степан Иваныч и испытующе посмотрел на деда Фишку. Старый охотник закрыл глаза и, будто от боли, уткнулся лицом в подушку.

Завтракали без гостя. Старик все еще лежал и охал.

После завтрака Степан Иваныч и Василиса ушли на пашню, забрав в полотенце харчи работнику, сторожившему лошадей. В доме стало тихо. Дед Фишка уснул. Когда проснулся, Егорка был на ногах и у окна строгал дощечку.

Дед Фишка упрекнул себя: «Спать-то не надо б».

Он встал, набросил на себя зипун и вышел во двор. Возвращаясь в дом, встретил Егорку на крыльце. Мальчуган мастерил что-то на отцовском верстаке.

Егорка взглянул на деда Фишку приветливо. Старик, видимо, нравился ему: если б не отец, он еще вчера бы подружился с охотником.

— Не то, сынок, лодку строишь? — ласково спросил дед Фишка.

— Пароход.

— Пароход! Ты совсем, сынок, мастер. Ну, строгай, строгай, авось плотником будешь. — Старик улыбнулся и пошел к двери.

— Дедка! — окликнул его Егорка.

— Чего тебе, сынок?

— Мачту воткни мне.

Дед Фишка черенком ножа укрепил деревянную палочку посредине доски.

— Ду-ду-у-у! — загудел он, приподнимая на руке игрушку.

Егорка засмеялся, но вдруг хитро сказал нараспев:

— А у тяти золотишки есть!

Дед Фишка от этих слов чуть не упал.

— Золотишки! И много, сынок?

— Пять.

— Больше, сынок?

— С клопа.

Егорка лизнул губы и самодовольно засвистел, продолжая заниматься игрушкой.

Дед Фишка влетел в дом, как на крыльях. Он схватил свою сумку, картуз и стал собираться в дорогу.

— Ну как, Фишка, прошло? Не болит?

— Прошло, Ионовна. Как рукой сняло! До свидания, бежать надо.

— Попил бы чаю, Фишка.

Но старик не дослушал ее и скрылся за дверью.

Чудодейственное выздоровление деда Фишки показалось Зимовским странным. Егорку начали расспрашивать, что делал и о чем говорил старик без них.

Егорка подумал, что его уличают в чем-то нехорошем, начал оправдываться и рассказал все.

Зимовской свирепо отлупил сына и ушел на Юксу. Вечером, подкравшись к стану Строговых, он долго слушал разговоры охотников. Вернулся домой мрачнее тучи.

— Ну, Василиса, пропали мы. Все там, даже Влас. Сживут они меня с белого света.

Поиски золота окончились неудачно. Братья Строговы нашли одну золотишку величиной с булавочную головку. Но и этой находки было достаточно для того, чтобы определить будущее золотоискателей. Матвея и деда Фишку находка еще больше привязала к тайге. А Власу, который думал, что на Юксе золото можно грести лопатой, стало ясно, что браться ему за это дело невыгодно, лучше сидеть в лавке и сколачивать по копейкам верные барыши.

7

Больше десяти дней прошло с тех пор, как Матвей, Влас и дед Фишка ушли на Юксу искать золото. Надо было сеять, а они не возвращались. Анна жила эти дни в глубокой тревоге. По утрам она выходила на крыльцо, нюхала воздух, грустно смотрела на холмы, где тоскливо чернела пахотная земля Строговых.

Думы о земле, о богатой крестьянской жизни разрывали ей сердце. Она ясно представляла, какая горячая работа кипит теперь на полях отца. Днем и ночью на трех парах коней работники пахут землю. На рассвете дед Платон и отец уходят на пашни с лукошками. Там дорог каждый день, каждый час. Там торопятся, успевают. А тут идут дни за днями и никто даже не думает о севе.

Захар чуть свет ушел в лес за колодой-долбленкой. Анна ждала его подле огорода, а когда он вышел из леса с колодой на плече, побежала навстречу.

— Батюшка! — заговорила она взволнованно. — Матюши все нету.

— Черти не возьмут твоего Матюшу! Придет.

— Да не об этом я. Матюши нет, а земля сохнет. Останемся без хлеба. Попахал бы ты, батюшка.

— Попахал бы! Придумала... А за пчелой ты будешь ходить? Ты что, разорить меня хочешь? Я от пчелы хозяином стал.

— Батюшка...

Но Захар не стал слушать невестку, встряхнул колоду на плече и торопливой походкой ушел на пасеку.

Анна склонилась на изгородь. Вот как у Строговых-то! Ее и слушать не хотят. Каждый занимается своим делом, и никому невдомек, что без земли нет крепкой крестьянской жизни. Свекор хочет пасекой богатство нажить, а пасека хороша, когда скота и посева много. Да что там свекор! А Матвей? Неужели никогда он не променяет тайгу на землю, неужели вечно жить вот так! Несколько минут Анна стояла, чувствуя, как слабеют ноги, немеет все тело. Потом оттолкнулась от изгороди руками, будто изгородь держала ее, и побежала через мост, за речку, к холмам.

Сразу за пасекой в бельниках начинались пашни. Они лежали вразброс: клочок тут, клочок там. Многие волченорские мужики не довольствовались своими полями, захватывали на казенных землях, в лесах чистины и пахали по целине. Где-то тут же лежали и пашни Юткиных. Анна была уже недалеко от них. Она слышала, как пахарь, побрякивая, понукал лошадь.

«На колени перед батей встану, а своего добыюсь! Пусть пошлет на денек-другой работника да пару коней с сохой», — решила Анна.

Она побежала еще быстрее. Ветки берез хлестали ее по лицу, колючий шиповник царапал голые ноги и руки в кровь. Перепрыгнув через толстую полусгнившую колоду, Анна выскочила на поляну.

В пяти шагах от нее, доведя борозду до конца, с сигаркой во рту стоял Демьян Штычков. Анна отвернулась, хотела скрыться, но было поздно. Демьян расплылся в улыбке.

— Нюра! Ты что? Откуда?

Анне б умолчать о правде, скрыть, что у нее на душе, да гордости не хватило. Она закрыла лицо передником, всхлипнула.

— Жить мне, Дема, в бедности. Матвей вторую неделю в тайге. Земля сохнет, время уходит, хоть сама паши, да перед людьми совестно.

— Вот, не пошла за меня! А я третий загон одной целины поднимаю.

Демьян обнял Анну, поцеловал в плечо, где в разодранную сучком дырочку белело обнаженное тело.

— Дема! Обеда-а-а-ать! — донесся откуда-то женский голос.

— Не бойся, Нюра, это моя полудурья Устинья на обед меня кличет.

Это «не бойся» будто обожгло Анну.

— Господи! Что я делаю? — с ужасом прошептала она и что было мочи побежала в березник.

Демьян бросился за ней, но где-то совсем возле пашни раздался тот же голос:

— Дема, обед готов!

Демьян остановился, с досадой плюнул и пошел выпрягать лошадей.

В петровский пост на волосяных вожжах повесилась жена Демьяна Штычкова — Устинька. Повесилась во дворе под навесом, среди белого дня.

Устиньку вытащили из петли, обмыли, обрядили в чистую холщовую юбку и кофту и положили в прихожей на лавку.

По селу засновали бабы, из уст в уста передавая страшную весть.

Перед вечером Устинька топила баню. Слышит — пастух Антон Топилкин кричит: «Здравствуй, Устинья Андреевна!» Она говорит ему: «Здравствуй и проваливай». Антон засмеялся. «Что-то, говорит, ты строга больно стала. Ай забыла меня?» Устинька отвечает ему: «Проваливай, Антоха, от греха подальше». А тот ей: «Ай мужика боишься?» Устинька вдруг подбежала к нему, заплакала. «Ах, Антоша, измучил, говорит, меня Демьян. Редкий день не бьет». Антон сказал ей: «На богатство позарилась. Вот как с богатым-то! Жила бы со мной хоть

и в бедности, да в согласии». Тут Устинька еще сильнее заплакала и убежала к бане. Антон, закинул на плечо веревочный кнут и, оглядываясь, пошел по проулку.

Устинька взяла ведра и направилась в дом. Только вошла во двор, как на нее налетел с кулаками Демьян. В щель забора он видел, как она разговаривала с Антоном.

Он бил Устиньку кулаками, ногами, переломал об ее плечо коромысло. Она долго вырывалась от него и, когда вырвалась, убежала на сеновал. Демьян ушел в дом.

Когда он с бельем под мышкой вышел на крыльцо, направляясь в баню, Устинька уже висела на волосяных вожжах бездыханная.

Демьян боялся, что его могут потянуть к ответу. Не власти, конечно,— эти были задарены. Народ! В Волчьих Норах все знали, как люто бил он жену.

Покойницу отнесли на кладбище на второй день после смерти и зарыли на пригорке, под кудрявой березой.

Когда весть о смерти Устиньки дошла до пасеки Строговых, сердце Анны сжалось от жалости и горьких предчувствий.

8

С троицы до петрова дня в черемушниках, возле омутов, на вечерней и утренней заре на сто разных голосов распевали свои дивные песни самые кратковременные гости сибирской тайги — соловьи. От их свиста и трелей замолкают остальные ночные певуны, и тайга стоит не шелохнувшись. В эти ночи от трав и цветов поднимается пряный, медовый запах, а легкое, едва ощутимое дыхание ветерка наносит из пихтачей освежающий аромат смолы.

Матвей сидел с удочками у глубокого омута. На вечерней заре, слушая соловьиные трели, он наловил с полведра окуней. Хотел сразу же вернуться домой, да увлекся и соловьями и рыбалкой, решил дожидаться рассвета, пересидеть и утреннюю зарю.

Не прошло и двух часов, как заалела, разгораясь с каждой минутой все больше и больше, северо-восточная сторона неба. Матвей перешел на другое место, насадил червей на крючки и закинул удочки под тальниковый

куст. На восходе солнца окуни вновь стали хватать наживу, едва крючок с насадкой опускался в воду.

Поглощенный своим любимым занятием, Матвей не сразу услышал хруст сухого валежника, но когда хруст стал сильнее, обернулся, прислушался. Был он без ружья, а сюда частенько на водопой заходили медведи.

«Если бы шел медведь, то непременно трещал бы дрозд-пересмешник», — подумал Матвей и, оглянувшись еще раз и не увидев никого, стал спокойно смотреть на поплавки.

• Солнце поднималось к вершинам пихт. Клев прекратился, поплавки стояли в воде неподвижно. Матвей собирался уже свернуть удочки, как вдруг на зеркальной глади омота показалась тень. Она то медленно двигалась, то замирала на одном месте. Вот она ткнулась в поплавок, закрыв его от лучей солнца.

«Рысь подкрадывается», — мелькнуло в голове Матвея, и он вскочил на ноги.

В трех шагах от него с безменом в руке стоял Демьян Штычков. Он кинулся к Матвею. Тяжелый набалдашник безмена взлетел вверх и опустился.

Матвей отскочил в сторону, и безмен скользнул по его рукаву. Демьян опять взметнул вверх железный шар-набалдашник, но Матвей толкнул рукой противника в грудь. Подминая под себя прошлогодний бурьян, Демьян упал навзничь, а Матвей схватил его за руки и сжал их мертвой хваткой.

Демьян захрипел, выпустил безмен. Матвей поднял его, вскинул на плечо и отступил на полшага.

— Я думал, ты в шутку грозил мне, когда я Анну сватал, а ты...

Грудь Матвея высоко вздымалась, лицо было бледно, в широко раскрытых глазах металось бешенство.

Демьян лежал на земле, и в его взгляде застыл животный страх.

Круглое, заросшее рыжеватым волосом лицо Демьяна от укусов комаров и бессонницы опухло и посинело. Видно, не первый день и не первую ночь бродил он в лесу. Тяжело дыша, с ненавистью смотрели они друг на друга.

— Не тронь меня, Захарыч, Анна меня попутала. Она сама голову мне мутит, — не поднимаясь с земли, гнуслил Демьян.

Матвей задрожал от ярости.

— Ты Анну забудь навеки! Поздно спохватился! А я тебе не Устинька: ее ты легко в гроб вогнал, а на мне, смотри, зубы сломаешь!

Следовало бы, может быть, поколотить Демьяна, но у Матвея не поднялась рука на ничтожного, лежащего на земле человека. Он не спеша смотал лески на удилища, взял бадейку с рыбой и, не обращая больше внимания на Демьяна, пошел домой.

Захар с Агафьей рано утром уехали в Волчьи Норы, в церковь. Дед Фишка отправился в лес. Дома оставалась одна Анна. Она встретила мужа бранью:

— Ты как уйдешь куда, так до дому тебе и дела никакого нет.

— А ты погоди, не шуми. На-ка вот подарок от Демьяна,— проговорил Матвей, подавая безмен.

Анна опустила руки, отступила назад, смутившись и покраснев: «Не зря болело сердце, не зря».

— Безменом, вишь, хотел меня порешить,— присматриваясь к жене, проговорил Матвей и рассказал обо всем по порядку.

Анна глядела на Матвея и не знала — верить ему или нет. Но безмен действительно был Штычковых. В детстве отец не раз посылал ее к ним за этим безменом.

— Не веришь? — спросил Матвей.

Анна кинулась к нему, обняла его и принялась с жаром целовать. Несколько дней она не отходила от мужа, стараясь не вспоминать о встрече с Демьяном на полях. Демьяна она теперь ненавидела, вернее — хотела ненавидеть, но, боясь сознаться самой себе, жалела его робкой, непонятной жалостью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

В знойный летний день в Волчьи Норы прискакал вестовой из волости с важным пакетом. Началась страда, и в селе днем оставались только старики да дети.

Вестовой покрутился по селу на взмыленной лошади и помчался за речку, на поля, отыскивать старосту.

Весть о наборе рекрутов облетела поля. Люди бросили серпы и побежали в село. В избах заголосили бабы, а к полночи во многих домах вспыхнули буйные, безрадостные гулянки с плачем и песнями.

Несколько дней спустя двадцать парней возвратились из города коротко остриженные, невеселые.

Были тут Матвей Строгов, пастух Антон Топилкин, годовой работник Юткиных Иван Пьянков, дружки Матвея Калистрат Зотов и Мартын Горбачев и много других волченорских парней.

Рекрутов определили на Дальний Восток и до покров распустили по домам.

Перед уходом на военную службу Матвей с дедом Фишкой еще раз побывали на Юксе.

Стояло затяжное ненастье. Не переставая моросил дождь, и тайга лежала, окутанная туманом.

Тихо было в тайге. Не слышалось птичьих и звериных голосов; казалось, все живое откочевало на зимовку куда-то за тридевять земель. Охотники прожили на Юксе всего неделю. Скоро ляжет снег — и вылезут из своих гнездовищ птицы и звери, и снова оживет тайга. Но ждать дольше было нельзя: приближался день отъезда Матвея.

Перед тем как уйти со стана, дед Фишка сочувственно посмотрел на племянника и тихо сказал:

— Тошно? Вот так же мне из России тоскливо было переселяться. Собрали нас, пожитки погрузили на телегу и погнали по тракту. Прожил я в Тамбовской губернии двадцать лет. Думал — умереть суждено там, а пришлось вон куда забираться! Теперь, по совести сказать, не тянет меня в Тамбов. Тесно там людям, Матюшка; тут просто-ру, воли больше.

— Не от тоски мне тягостно, дядя. Тоску — ее задавить можно. От дум тяжело. Ты вот говоришь — в Тамбове тесно. А где не тесно? Вот найдет какой-нибудь Зимовской золото — и нагрянут сюда всякие Прибыткины да Кузьмины, заграбастают всю тайгу, и кончено с твоим простором: оттеснят народ и от тайги и от земли.

Матвей встал с кедрового пня и подпоясался потуже.

— Ну, видно, сколько ни сиди, а идти надо. — Он посмотрел на речку и лес, проговорил строго: — Ты, дядя, почаще бывай здесь. Блюда тайгу и с Зимовского глаз не спускай. Задумал он что-то не на шутку. В случае чего —

ночей не поспи, а придумай какую-нибудь уловку. Сам знаешь: без тайги нам жизнь не в жизнь.

Дед Фишка слушал Матвея, с трудом удерживая слезы.

— Эх, Матюша! — воскликнул он. — Было бы это в моих силах — взял бы я тебя, упрятал где-нибудь в тайге, и живи себе на здоровье. Ты посуди, каково мне-то будет? Осиротею я без тебя, Матюша.

Он помолчал и, обведя взглядом лес и реку, сказал:

— А о тайге не печалься: пока я жив — наша будет.

Дед Фишка отвернулся, пряча глаза, повесил на плечо ружье и быстро зашагал на тропу. Его маленькая сгорбленная фигура замелькала среди деревьев по извилистой, запорошенной листьями и хвоей тропе.

От костра синеватой ленточкой струился дымок. Покачиваясь, по речке плыла коряжина. Сырой осенний ветер чуть покачивал верхушки кедров. Тайга шумела тоскливо, монотонно...

Матвей бросил прощальный взгляд на реку, на кедровые ветви, тяжело вздохнул и зашагал вслед за стариком.

Холодное зимнее солнце заливало прозрачной позолотой запущенные снегом улицы Волчьих Нор. Провожать рекрутов вышло все село.

Матвея окружали родные. Он смотрел на них влажными, блуждающими глазами.

— Пиши, зятек, чаще. Грамоты тебе у людей не занимать, — говорил тесть Евдоким, кутаясь в длинный овчинный тулуп.

— Здоровье береги, не простудись в дороге, — наказывала Агафья.

Все что-нибудь советовали. Только один дед Фишка стоял в стороне, держал на руках Артемку, закутанного в одеяло, и украдкой посматривал на Матвея.

Бабы плотной толпой стояли вокруг заплаканной Анны, сочувствуя ее горю.

— Хватит, бабы, слезы лить! — прикрикнул на них Захар. — Что вы, как по мертвому, плачете? Мне Матюшу не знай как жалко. А все-таки и служить кому-нибудь надо. Распусти всех солдат — чужестранец в момент нашу державу заграбастает. Тогда не так заплачете!

Бабы приутихли. Сердцем и они понимали это.

— Ну, не поминайте лихом! — проговорил Матвей, когда лошади рекрутов потянулись за село.

Стараясь улыбаться, он обнял мать, деда Фишку, поцеловал Артемку. Агафья припала к его плечу и горько запричитала. Дед Фишка не удержался и тоже всхлипнул. На бороде его повисло несколько мгновенно застывших слезинок.

От подводы Матвея первой отстала Агафья. Она остановилась на бугорке, сняла с головы платок и долго махала им. Потом отстал дед Фишка. Он сразу затерялся где-то среди людей, и Матвей больше не видел его.

Захар провожал сына до города. Чувствуя, что в последнюю минуту Матвея и Анну надо оставить одних, он отстал и пошел рядом с отцом рекрута Кузьмы Суркова.

— Береги себя, Матюша. Не приведи господь что случится. Да письма почаще шли. Исстрадаюсь я,— говорила Анна, закрывая лицо концом полушалка.

— Ты не страдай, а помни,— успокаивая жену и себя, говорил Матвей.— Да смотри, не удумай чего-нибудь. О солдатках всегда плохое говорят. С мужиками построже будь. Я хоть и мужик, а прямо скажу: наш брат — редкий не пакостник. Штычкова близко не подпускай.

— Не сумлевайся, Матюша. Перед богом клянусь!

На прощанье хотелось говорить о чем-то особенном, важном, но с языка срывались слова, не раз уже сказанные в бессонные прощальные ночи.

Село давно скрылось за лесом, все провожающие вернулись, и только одна Анна шла еще за подводой Матвея.

— Домой, Нюраха, пора! — крикнул Захар.

Матвей остановил лошадь. Анна взглянула на мужа, губы ее дрогнули, она часто заморгала и заплакала навзрыд,— так, как еще не плакала ни разу. Матвей обнял ее и трижды крепко поцеловал.

— Бог тебя храни,— прошептала она и отступила с дороги в снег.

Матвей вскочил на сани, Анна, плача и улыбаясь, провожала его задумчивым взглядом.

2

Ранней весной, едва пообсохли дороги, через Волчьи Норы к берегам Юксы прокатил на паре горячих лошадей Владислав Владимирович Прибыткин.

Вместе с ним — первый раз в жизни — ехал в эти таежные глухие края старый инженер Меншиков.

В логах Меншиков соскакивал с телеги, рассматривал обвалы, набивал карманы плаща камешками и кусочками искрящегося на солнце песчаника. Потом, держа все это на костлявой ладони, он говорил Прибыткину:

— В нашем деле, Владислав Владимирович, иной раз вот один из таких камешков может объяснить очень многое.

Он, все более оживляясь, смотрел на лес, на холмы, на широкие долины.

— До чего богата и до чего бедна Россия! Сколько у нас добра вот в таких закромах! А взять это добро не можем, и оттого живет русский народ в великой бедности.

Захар прогулял в Волчьих Норах три дня и вернулся навеселе, с кучей подарков всей семье. Рассказывая Анне о здоровье родных, он, между прочим, сказал деду Фишке:

— А вчера, болтали мужики, проехал в Балагачеву этот ваш следователь-заика. Да не один, говорят. Сидит с ним на телеге еще какой-то барин, при мундире, с ясными пуговицами. Ограбят они ваше с Матюхой золото.

У деда Фишки дрогнули ноги в коленях. Он выскочил на улицу, постоял в раздумье под навесом и, возвратясь в дом, сказал Агафье:

— Я, Агаша, в лесок пройдуся. Авось глухаришка подстрелю. Если к ночи не приду — не тревожься: в тайге ночую.

Засунув в сумку полковриги хлеба, он торопливо надел домотканый зипун. Захар заметил волнение деда Фишки и, улыбаясь, сказал:

— Иди, иди. Знаем, в какой лесок собрался. Смотри только, опять в каталажку не угадай.

— Перестань, Захарка, тебе бы шутить все! — отмахнулся дед Фишка.

Пробиваясь сквозь сучья хвойных деревьев, землю палили яркие лучи солнца. От густой испарины и запаха смолы в тайге становилось душно. Дед Фишка шел быстро, решив во что бы то ни стало к ночи быть в Балагачевой.

Еще на пасеке он решил напроситься к Прибыткину в проводники и, пользуясь оказанным доверием, попутать все его карты.

Вечер выдался светлый, безветренный. С чистого, безоблачного неба глядел месяц, окрашивая бревенчатые избы балагачевских мужиков в молочный цвет.

Около огородов дед Фишка остановился и, подумав, к кому ему лучше зайти, направился к знахарке Свистунихе.

Старуха жила в маленькой ветхой избушке. Дочь ее работала по людям, а сама она промышляла ворожбой и знахарством, ходила по домам, собирала и разносила все сплетни. Дед Фишка знал, что ей лучше чем кому-нибудь известны все деревенские новости.

Дверь старому охотнику открыла сама Свистуниха.

— Что, Мавровна, не признаешь? — добродушно смеясь, спросил охотник.

Старуха зажгла свечку, внимательно осмотрела гостя.

— Признаю. Стареешь ты, Фишка.

— Старею? — удивился тот и хвастливо сказал: — Я еще молодого за пояс заткну! — Он помолчал немного и с грустью в голосе продолжал: — А вот сестре моей Агафье не везет, Мавровна. Головой мучается. По ее заказу и зашел к тебе. Не попользуешь ли каким снадобьем?

Старуха зашлепала по избе босыми ногами, вытащила из ящика пучок сушеной травы и подала ее охотнику.

— Вот, Фишка, передай Даниловне свет-траву. Пусть пьет вместо чая. На вкус ни горька, ни сладка, а для здоровья страсть как полезна.

Дед Фишка засунул в карман зипуна руку и высыпал на стол горсть пиленого сахара.

— Спасибо, Мавровна. Не прогневайся: дать больше нечего, видишь — из тайги домой бегу.

Но Свистуниха и этому была рада. Она бережно собрала куски сахара, завязала их в тряпицу и сунула в ящик.

Деду Фишке хотелось поскорей узнать новости, и, не дожидаясь, когда заговорит об этом Свистуниха, он спросил:

— Ну как, Мавровна, мужики на пахоту собираются?

Свистуниха села на табуретку, пододвинулась к деду Фишке и, наклонив голову набок, бойко заговорила:

— Какая там пахота! Тут такое случилось, Фишка, что об пахоте и думать забыли. Позавчера подкатили к нам, братец ты мой, два барина из города.

— Два барина! Зачем их нелегкая принесла? — при-
творился дед Фишка незнающим.

— Клад искать.

— Какой тут клад! Черт, что ль, его спрятал? — про-
должал изумляться охотник.

Но старуха словно не слышала его.

— Подкатили они, братец ты мой, на казенных ко-
нях, в тележке на железном ходу. Сбруя на конях так
и блесит. Будто цари какие!

Свистуниха остановилась, перевела дух.

— Ну, ну, Мавровна! — поторопил ее дед Фишка, не
в силах дальше разыгрывать свою роль.

— Ну вот, главный-то из господ — своими глазами
видела, при мундире он, — вышел к мужикам и спраши-
вает: «Кто проведет нас на заимку Степана Иваныча Зи-
мовского?» Мужики удивились промеж себя: откуда, мол,
господа Зимовского знают? А Кинтельян Прохоров гово-
рит: «Довести каждый может: путь на заимку известен,
да только дни у нас горячие, на пахоту выезжать на-
доть».

Свистуниха вздохнула, подолом фартука вытерла нос
и зашептала, будто таясь от кого-то:

— Тогда, Фишка, — она толкнула его сухоньким ку-
лачком в плечо, — вступается другой барин, должно, по
обличью, купец, и говорит: «Не беда, что время горячее:
мы за труды заплатим». Тут он вытащил из кармана зо-
лотые, встряхнул их на ладони. «Не бойтесь, говорит, об-
ману нет, денежки — вот они». Ей-богу, не вру, Фишка!

— И повели их мужики?

— Повели, повели. Кинтельян же Прохоров и повел.
Да не один, наняли они в артель человек двенадцать.
Сказывали на деревне — эти землю копать будут.
Вчера чуть свет ушли. Так прямо пихтачами и пошли
к заимке.

Всего ожидал дед Фишка, но только не этого. Ему хо-
телось рвать на себе волосы от досады.

Просидев у Свистунихи остаток ночи, он на рассвете,
делая вид, что торопится домой, бросился к берегам
Юксы.

Но было уже поздно. Следователя Прибыткина и гор-
ного инженера Меншикова водил по тайге Зимовской.

Возвратившись на пасеку, дед Фишка от пережитых
волнений слег в постель.

Через несколько дней неожиданно на пасеку Строговых, разыскивая своих лошадей, заглянули балагачевские мужики. Агафья наварила картошки, принесла из погреба туесок сметаны и позвала мужиков к столу.

Среди балагачевцев был и Кинтельян Прохорович Прохоров. В разговоре с Захаром он упомянул о приезде Прибыткина.

Дед Фишка насторожился. Пересиливая слабость, слез с постели и начал расспрашивать Кинтельяна:

— Ну и как, нашли господу клад?

— Как бы не так! Вместо золота песок повезли,— усмехнулся Кинтельян.

— Песок! — удивился дед Фишка. Он помолчал немного и спросил:— Ну, а не сказывали господу, где клад искать?

— Как же, скажут, разевай рот шире! Об этом и разговору не было.

— А вот Степан-то Иваныч все, поди, знает, он ведь провожатым у них был,— вздохнул дед Фишка.

— Ни клепа он не знает!

Мужики засмеялись. Один из них пояснил:

— Они и от Зимовского поодаль держались: спали особо, ели тоже, а промеж себя по-хранцузски, кажись, разговаривали.

— По-хранцузски! — обрадовался дед Фишка.— Ну, а распрощались с вами честь по чести?

— Распрощались по-хорошему, гневаться не на что. По двугривенному на чай, окромя заработка, прибавили.

— Ого! — окончательно развеселился дед Фишка.— А еще приехать не обещались?

— Про это ничего не сказывали. В Балагачевой погрузили мы на телегу два ящика с песком, и покатили они восвояси.

В эту ночь, первый раз за время болезни, старик уснул крепким, безмятежным сном.

3

Гулко бухал церковный колокол. У паперти толпились нищие. В Никольской церкви кончилась ранняя обедня.

Захар выехал на середину площади и остановил коня.

— Иди, Нюра, приложись, а я потом схожу,— сказал он, подбирая вожжи и пряча в сено ременный кнут.

Анна вернулась заплаканная. Прикладываясь к иконе, она вспомнила о Матвее.

Захар передал ей вожжи, снял картуз, пальцами расчесал свои кудрявые волосы и пошел в церковь.

Двое полицейских остановились около телеги. Один подтолкнул локтем другого.

— Хороша?

Другой посмотрел на Анну и, приглаживая закрученный кверху ус, сказал, причмокнув языком:

— Малина! Одна, молодка, приехала? — спросил он, заглянув Анне в лицо.

— Как бы тебе не одна! Муж вон идет.

Рослого парня, вывернувшегося из толпы, полицейский принял за мужа и поспешил отойти.

Скоро в толпе показался Захар. Еще издали Анна заметила, что свекор рассержен. Он шел быстро, расталкивая людей плечом, помахивая рукой. На щеках, изрезанных морщинами, ярко проступал румянец.

— Приложился? — спросила Анна.

— Приложился на пятнадцать рублей!

— Обокрали, что ли?

Он ударил ладонью по карману поддевки.

— Отсюда все до копейки вытащили. А я-то стою у иконы и думаю: «Что за притча такая — в кармане будто мышка зашевелилась?»

— А ты не клади деньги куда не надо.

— Ты меня не учи! — вскакивая на телегу, закричал Захар. — Коли б я в кабаке был, так за карман бы держался. А то я богу молился. Это Николай-угодник виноват.

Анна схватила свекра за штанину.

— Сядь, батюшка, сядь, не кричи, Христа ради! А то городской услышит, еще, чего доброго, в околодок заберет.

Но успокоить Захара было теперь не просто. Он размахивал руками, топал ногой.

— Не тронь меня, не тронь! Николай-угодник — потачник вора, потачник! Эй, люди добрые, посудите сами, если б он не был воровским угодником, он бы шепнул мне на ухо: «Эй, дескать, Захар, прибери деньги подалее»!

Люди окружили телегу, с веселым недоумением смотрели на старика, которому не угодил Николай-угодник.

Из толпы вышел парень. На нем были старая соломенная шляпа и потрепанный пиджачишко.

— Ты, дед, что тут раскричался? — Он подбоченился и бегающими глазками осмотрел Захара. — Святого угодника позоришь! А в участок хочешь?

Захар замолчал, припоминая, где он видел этого человека, и вдруг закатился смехом. Парень отступил от телеги. Захар торопливо вытащил из кармана поддевки серебряный полтинник и подал его незнакомцу.

— Возьми-ка, приятель.

Тот стоял не двигаясь, не понимая, шутит старик или нет.

— За что?

— Бери, за доброе дело даю.

Парень подскочил к Захару, взял монету и, не медля ни секунды, шмыгнул в толпу.

Захар проводил его взглядом и уселся в телегу.

— Поехали, Нюрка. Но, карюха! — крикнул он на лошадь.

— За что ты полтинник дал этому стрикулисту? Он тебе родня какая? — спросила Анна, сердито поблескивая глазами, а про себя подумала:

«Попробуй вот с таким наживи хозяйство: пятнадцать рублей украли, полтинник подарил и радуется чему-то, как дите малое».

— Чудачка ты, Нюра, — заговорил Захар невозмутимо. — Ну как же человеку не дать? Это ведь он меня обокрал. Когда я у иконы молился, он все о мой бок терся, а потом сразу куда-то исчез.

— И за это награду давать?

— За это самое. — Свекор повернулся к ней лицом. — Ты сама посуди: как человеку не заплатить, раз он доброе дело сделал?

— Значит, по-твоему, красть — доброе дело?

— Я ему не за кражу деньги дал. Он меня уму-разуму научил. Уж теперь никогда в этот карман денег не положу!

Анна отвернулась и замолчала, чувствуя, как досада на свекра клоочет в груди.

В городе они прожили три дня; завезли две кадки меду Кузьмину, продали воск, купили сахару, мыла, муки и в ясное, теплое утро отправились обратно на пасеку.

Проезжая мимо красных казарм, они увидели солдат.

Те сидели на бревнах и, завистливо поглядывая на проезжающих, скучно жевали черный хлеб.

Захар остановил лошадь, проворно соскочил с телеги и подошел к солдатам.

— Здорово, ребята!

— Здорово, отец!

— Всегда такой хлеб едите?

— Всегда, отец.

Захар молча повернулся и торопливо пошел через дорогу в лавку.

Анна внимательно рассматривала солдат, вглядываясь в невеселые, задумчивые лица, и думала о муже.

Через несколько минут дверь лавки широко распахнулась, и на пороге с охапкой саек появился Захар.

«Господи, да он совсем рехнулся!» — ужаснулась Анна, видя, что свекор направился к солдатам.

А Захар подошел к ним, положил сайки на бревна и сказал просто:

— Угощайтесь, ребята. У меня у самого сын служит.

Не дожидаясь благодарности, он отправился к телеге.

Солдаты растерянно переглянулись, не решаясь взять сайки. Потом один из них вскочил на ноги и крикнул вдогонку:

— Спасибо, отец, за угощение!

Эта новая выходка свекра возмутила Анну только в первую минуту. Потом она стала думать об этом иначе: «Все Строговы таковы. Матвей поступил бы точно так же». И вот эту-то добрую, отзывчивую душу она, пожалуй, больше всего и полюбила в Матвее. Сердце отошло, и Анна даже улыбнулась своим мыслям.

— Не горюй, Нюра, еще наживем,— сказал Захар, усаживаясь в телегу.— Бог даст, пчела нам еще натаскает.

— Да я и не горюю, батя,— отозвалась Анна.— Это ты хорошо сделал. Горюю я о другом. Гляжу на вас с Матюшей — и чудно мне становится. Крестьяне вы, на земле живете, а настоящей прилежности к крестьянскому делу нет у вас.— Она вздохнула, приподняв крепкие плечи.— Матюшу из тайги не вытянешь, тебя от пчелы не оторвешь...

— «От пчелы не оторвешь»,— передразнил ее Захар.— Я от пчелы хозяином стал! Ты, что ли, все добро мне наживала?

— Не хую тебя,— мягко ответила Анна.— А только с одной пасекой много не наживешь. На землю надо крепче садиться нам, батюшка, скот заводить. А пасека — она хороша, когда другие достатки есть. При хозяйстве от нее и капитал скопить можно.

— Будет, будет тебе учить меня! Годов тебе мало. Поживи с мое! — Захар вытащил из-под себя кнут, со свистом взмахнул им и сердито задержал вожжами.

Анна давно собиралась все это сказать свекру, и гнев его не укротил ее.

— Я не учу тебя, я о себе забочусь. А раз ты не хочешь, как все прочие мужики, жить,— я сама хозяйством займусь. Вот приедем домой, на селе работников найму, целины десятины две вспахать заставлю. Ты не мешай мне только, волю дай. Заживем на загляденье другим! — И, помолчав, прошептала с сожалением: — Мужиком бы родиться мне!

Захар долго молчал, но Анна нетерпеливо и тяжело ворочалась и ждала ответа.

— Ну, что ты не сидишь смирно! — закричал он и, зная, чего ждет от него сноха, добавил более спокойно: — А если руки чешутся — берись, управляй хозяйством. Управляй как хочешь! — вдруг взревел он.— На мой век хватит, а ты... ты — как желаешь. Я и пчелой проживу. Я от пчелы хозяином стал!

Анна повела хозяйство совсем по-другому. Захар не только не мешал ей, но с радостью отстранился от двора и по целым дням не приходил с пасеки. В одно из воскресений на поля к Строговым приехали со своими сохами пятеро мужиков из Волчьих Нор.

За день они вспахали в два раза больше того, что обычно засевали Строговы.

Работая от зари до зари, Анна сама засеяла вспаханную землю и на своих лошадях заборонила посеянное.

С покосом она управилась в две недели. В петровский пост была продана нетель, и вырученные деньги пошли на оплату поденщиков-косарей.

Осенью неподалеку от пасеки основался еще один переселенческий поселок. Двадцать семей приехали из Курской губернии, облюбовали бугор, нарыли землянок и мыкали теперь горе на вольной сибирской земле. Новоселы были рады хоть какому-нибудь заработку и косили за семь копеек в день.

В страду Анна убрала хлеб раньше всех. Она измерила свой посев самодельной саженью и сдала новоселам жать подесятинно.

Часто вспоминая Матвея, тоскуя по его ласкам, разумом Анна сознавала, что в отсутствие мужа она должна жизнь на пасеке переделать по-своему. Работа на полях и во дворе настолько ее захватила, что порой она оставляла себя и, чтобы отдохнуть, занималась чем-нибудь другим.

В конце августа не по-летнему шелестят деревья. Высохшие, хрупкие листья трепещут от самого легкого ветерка.

Был светлый, теплый день. Солнце не изнуряло землю зноем. Шаловливый ветерок, играя, срывал с березок пожелтевшие прозрачные листья, кружил их в воздухе и бережно опускал на примятую дождями траву.

С полной корзиной груздей Анна возвращалась на пасеку. Она шла по дороге, густо поросшей диким клевером, подорожником и ромашкой. В одной руке она несла корзину, в другой — связанные шнурками ботинки. Подол юбки был кромкой заткнут за пояс фартука. Ноги обнажены почти до колен. Загоревшее, по-цыгански смуглое лицо ее блестело от мелких капелек пота. Анна шла не торопясь, напевая вполголоса песню.

Неожиданно из-за поворота дороги показалась гнедая лошадь. В телеге, запрокинув голову и закрыв картузом лицо, лежал Демьян Штычков. Лошадь его не утруждала себя и шагала с ленцой.

Анне захотелось встать за куст и остаться незамеченной. Но вдруг она почувствовала такой интерес к его жизни, что схватила коня за повод и с азартом закричала:

— Стой! Куда скачешь?

Дремавший в телеге Штычков вскочил, не разобрав, кто кричит, и, увидев Анну, смущенно и радостно заулыбался.

Анна поставила на траву корзину с грибами и присела рядом. Демьян опустилсь возле нее. Лошадь подошла к кусту шиповника и вытянула шею.

— Как поживаешь, Дема?

Анна окинула Штычкова изучающим взглядом. В его короткой, неповоротливой фигуре, в лице с опущенными глазами было что-то жалкое и застенчивое.

— Скучаешь? — спросил вдруг Демьян.
— Врать не буду, скучаю. Иной день так бы и вспорхнула, как птичка, так бы и полетела в те края.

Демьян поморщился.

— А если Матюху убьют, что будешь делать?

Брови у Анны резко дрогнули. Демьян заметил это.

— Солдат часто убивают, — добавил он.

— Не мели-ка, Емеля, чего не следует!

— А ты не серчай. Все может случиться.

— Бог не допустит этого. А уж если прогневаешься и случится такая беда, то...

— Замуж выйдешь?

— Может, и выйду. Я ведь еще молодая... — Она помолчала и вдруг, улыбнувшись, сказала беззаботно: — Женихов много. Вашим братом хоть пруд пруди... Ты вот... чем не жених? — добавила она, озорно сверкнув глазами.

Почувствовав насмешку, Демьян потупился. Анна встала, тряхнула корзиной и, мелькая голыми ногами, скрылась в березнике.

4

Через месяц после возвращения с Юксы к Прибыткину явился инженер Меншиков, взволнованный и сияющий.

— Торжествуйте, Владислав Владимирович! Торжествуйте! — еще с порога воскликнул он. — Лабораторное исследование привезенных нами пород показало сверхотличные результаты. Взгляните! — И он протянул Прибыткину синий хрустящий лист бумаги.

— З-з-з-начит, можно приступить к делу?

— Без всяких сомнений! И без всякого промедления, если не хотите, чтобы кто-нибудь опередил вас. Вы, конечно, понимаете, дорогой мой, что такие вещи долго в секрете не держатся.

— Я рассчитываю на вашу помощь, Алексей Петрович, — заискивающим тоном проговорил Прибыткин и, опустив глаза, продолжал: — Будем откровенны. С-с-скажите, к-к-к-аковы будут ваши условия?

Старый инженер знал себе цену и потребовал немало. Прибыткин ужаснулся, но упустить Меншикова

значило потерять дорогое время и нажить себе опасного конкурента. Договор спустя несколько дней был оформлен у нотариуса.

Прибыткин, не теряя ни одного дня, начал готовиться к новой экспедиции на Юксу, чтобы основать там прииск, более тщательно разведать окрестности и затем в течение зимы через губернатора закрепить за собой золотоносные участки.

В августе в Балагачеву прибыло несколько подвод с железным инструментом и ящиками с провиантом, а в конце месяца туда же прикатили Прибыткин и Меншиков...

В Балагачевой Прибыткин нанял артель мужиков. Старостой артели он назначил Зимовского. Артель направились тайгой к берегам Юксы. Оставшиеся Изосим Добров, Варсонофий Скалозубов и Кинтельян Прохоров должны были на лодках доставить туда же грузы.

Стояли прозрачно-ясные дни бабьего лета. Над тайгой, купаясь в пуховых облаках, длинными вереницами тянулись журавли, гуси, утки. В воздухе плавали паутинки, освещенные нежарким, осенним солнцем.

Недавно прошли сильные ливни. Юкса затопила низкие острова, наполнила овраги и старые, поросшие кустарниками протоки мутной водой, быстрым течением точила берега. Яры сползали, и вместе с глыбами тяжелой сырой земли в реку с шумом и свистом падали кедры, десятилетиями подпиравшие небо.

Второй день мужики, обливаясь потом и тяжело дыша, махали веслами. Перегруженная лодка едва двигалась против течения.

Меншиков недовольно щурил маленькие, глубоко посаженные глаза, ежился и боязливо посматривал на дикие берега таежной речки, оказавшейся с норомом.

Прибыткин не замечал ни опасностей пути, ни настоятельности инженера. Он уже чувствовал себя удачливым золотопромышленником, к которому благоволила судьба, и радужные думы ни на минуту не покидали его.

Сжатая берегами Юкса пробиралась сквозь лес крутыми зигзагами. Из воды торчали коряжины. Ехали осмотрительно, боясь наскочить на них и перевернуться.

В сумерках, когда плыть стало небезопасно, кормовой Изосим Добров направил лодку к берегу. Заночевали...

На третий день предстояло преодолеть самый трудный участок пути. В пяти-шести верстах от ночевки находился большой юксинский залом.

В дорогу отправились на рассвете. Над тайгой висел еще предрассветный сумрак. В вышине блекли последние звезды.

Мужики гребли изо всех сил. Кормовой Изосим Добров широким веслом помогал гребцам подавать лодку вперед.

Скоро послышался отдаленный шум. Прибыткин вопросительно взглянул на мужиков. Кинтельян Прохоров заметил беспокойство хозяина и сказал:

— На заломе шумит.

Шум нарастал с каждой минутой. Вдали бурно плескалась вода. Мимо лодки проносились поднятый высокой водой валежник и шапки желтой пены. Лодку поводило из стороны в сторону.

За мысом причалили к берегу. Мужики, инженер и Прибыткин вышли из лодки, осмотрели залом. В полуверсте от причала берега круто поднимались. По ним тянулись непроходимые заросли пихтача и ельника. Река, сжатая в узкий рукав, остервенело рвалась. У берегов беспорядочно громоздились горы сломанных бурей деревьев. Русло, по которому могла пройти лодка, было узким, бурным и глубоким.

Прибыткин и Меншиков посоветовались с мужиками и решили, не теряя времени, пробираться вперед.

Солнце уже поднялось, и молодой день наливался теплом, сиял синевой неба, звенел разноголосым пением таежных птиц. Выше залома, над широким омутом, подымалась тучка тумана.

Кинтельян Прохоров и Варсонофий Скалозубов привязали длинную веревку к лодке и пошли берегом.

В корме лодки остался Изосим Добров. Он надел рукавицы, чтобы не скользили руки, и на всякий случай положил перед собой запасное весло. На носу с гребью в руках, приготовясь отталкивать коряжник, плывущий навстречу лодке, стоял Меншиков, рядом с багром в руках встал Прибыткин.

— Ну, с богом! — крикнул Изосим.

Веревка натянулась, и лодка медленно поползла против течения.

Половина залама была пройдена благополучно. Вдруг Кинтельян и Варсонофий очутились перед ямой. Яму пересекало суковатое дерево. Пройти по нему было невозможно. Не долго раздумывая, Кинтельян обернул веревку вокруг толстого сука и, держа ее конец, стал обходить яму.

Лодка остановилась. Течением ее тянуло назад. Вережка натянулась, как тетива лука. Изосим изо всех сил греб веслом, стараясь несколько ослабить натяжение веревки. Лодка стояла на месте, слегка покачиваясь.

По реке несло толстое бревно, глубоко погруженное в воду. Меншиков увидел его, когда оно было уже близко от лодки. Он поспешно толкнул бревно, но весло соскользнуло. Бревно ударилось в нос, лодка закачалась, и веревка со звоном лопнула.

Прибыткин уцепился багром за тычину, но не мог сдерживать напора воды. Багор вырвался из рук, упал в воду. Нос лодки закинуло. Ее боком понесло по течению.

— Спасайтесь! — крикнул Меншиков.

Лодку ударило о карч, торчащий из воды. Бортовая тесина с треском переломилась, и лодка, наполняясь водой, сильно накренилась.

Железные инструменты, ящики с провиантом покатились на борт, и лодка перевернулась с легкостью скорлупки. Изосим, Прибыткин, Меншиков без единого крика пошли ко дну.

Кинтельян и Варсонофий побежали по залому, прыгая с дерева на дерево.

Разбитую лодку и соломенную шляпу Прибыткина течением вынесло в омут и прибило к берегу. Мужики вытащили шляпу из воды, вытянули лодку на песок.

— Зосим! — крикнул зачем-то Кинтельян.

— Погибли, однако... — проговорил Варсонофий.

По-прежнему бурлила вода, кружилась пена: подпрыгивая и ныряя, по реке неслись коряжины. Мужики сняли шапки, перекрестились и долго смотрели на бурлящую поверхность реки.

Потом они направились к стану артели, взяв с собой обломок лодки и шляпу Прибыткина.

Артель остановилась верстах в десяти от стана Матвея Строгова и деда Фишки. По лесу разносился стук топоров, звон пил и говор людей. Зимовской покрикивал

на мужиков, поторапливал их, стараясь к приезду хозяина достроить избушку и заслужить похвалу.

Кинтельяна и Варсонофия артельщики встретили изумленными взглядами. Измученный вид их, шляпа Прибыткина в руках Кинтельяна и обломок лодки под мышкой у Варсонофия без слов говорили о случившемся. Кинтельян рассказал о беде, постигшей господ и Изосима Доброва. Мужики насупились, задымили трубками и цигарками.

— Ну, что будем делать, Степан Иваныч? — нарушил молчание бородатый мужик.

Зимовской пожал худыми плечами.

— А что, мужики, если нам самим покопаться? Я бы, к примеру, мог за главного быть. Если б нашли что — рассчитался бы с вами по-хорошему.

— Ну, а если не найдем ничего?

— А не найдем — по домам разойдемся.

— Ты, Степаха, дураков себе поищи, вот тогда за главного в самый раз будешь! — крикнул один из мужиков, и все засмеялись.

— А ну, айда, мужики, домой, — угрюмо сказал бородач. — Тут не до смеха. Как бы с нас ответ за господ не спросили.

— Могут! Истинный Христос, могут! — заволновался самый молодой из артели, круглолицый мужик с золотистой бородкой.

Мужики двинулись один за другим цепочкой. Последним шел Зимовской.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

В июне начались обильные летние дожди. Выпадали они каждый день к вечеру, теплые и шумные.

С вечера напоенные влагой, утром согретые солнцем, поднимались на пашнях зеленые озими.

На косогорах буйно тянулись вверх молодые поросли пырея, ковыля, дикого клевера.

Каждое утро Анна Строгова обходила свои поля. Внимательным, понимающим взглядом смотрела на посевы

и радовалась. Теплые дожди поправили озимые. Тревога за посевы исчезла.

— Хорошие нынче будут хлеба,— шептала Анна, осматривая поля.

Второй год она держала в своих руках хозяйство Строговых. Держала цепко, умело.

Прошлом лето она управилась с уборкой раньше всех. У многих мужиков еще стояли овсы на корню, а у Строговых все было обмолочено и зерно перевезено в амбары.

Зимой, первый раз за всю жизнь на пасеке, Захар отвез два воза ржи в село и продал купцу Голованову. На вырученные деньги он купил ситцу, сахару, конфет внуку и положил на стол несколько бумажек и еще горсть серебряных монет. Анна прижимала ситец к себе, рассматривала его, пересчитывала деньги.

Захар понял, чему радуется сноха.

— Блестишь ты, Нюраха, нынче, как начищенный грош. Ну-ну, блести — на твои труды куплено!

Сначала Захар плохо верил в способности молодой хозяйки. Однако жизнь убедила его в другом. Анна умела все делать верно, скоро, без ошибок. Захар стал реже кричать на невестку, чаще советовался с ней и больше уже не говорил, что только на пчеле держится хозяйство Строговых.

Анна любила осматривать пашни и бывала там почти каждый день. Теперь она дорого ценила свое время и на поля, расположенные в версте от пасеки, ездила верхом.

Однажды утром, обойдя полосы, она увидела рядом со своей лошадью чужую и остановилась, удивленно ища глазами приехавшего человека.

Демьян Штычков стоял в нескольких шагах за ее спиной, в кустарнике. Крадучись, он приблизился к ней. Но Анна обернулась на шорох и, заметив Демьяна, весело засмеялась. Этот девичий смехок поднял в душе Демьяна смутные надежды.

— Как это тебя сюда занесло? — спросила Анна.

— К тебе ехал, Нюра. Нету сил моих...

Демьян обнял Анну, но она сильной рукой отстранила его.

— Не надо, Дема, не хочу грешить. Перед богом клятву дала... Сядь-ка, поговорим.

Демьян покорно опустил на землю.

Стояло светлое, лучистое утро. После вчерашнего ве-

черного дождя земля еще не высохла, и прохладный воздух был чист и прозрачен. Лесистые гребни холмов окутывала синева. От свежераспаханной земли пахло чем-то сытным и пресным.

— Ты не сердись на меня, Дема,— заговорила Анна.— Давно я собираюсь кое о чем спросить тебя. Ты мне скажи, так или не так это было, как в народе болтают?

— Об Устинье говоришь? — Демьян расстегнул ворот холщовой рубахи, точно дышать ему стало трудно.

— Об ней.

— Враки!

— Не бивал ее?

— Не отопрись, это было. Какой мужик свою бабу не бьет?

— Нет, не каждый. Матюша мой пальцем меня ни разу не тронул.

— Э! — воскликнул Демьян.— Такую, как ты, я бы на руках носил.

Анне приятно было слышать это, и она улыбнулась.

— Так говоришь только. А в жизни чуть не угодила бы — бить... Раз у тебя на Устиньку рука поднялась, и мне бы не миновать того же. А Матюша не такой! У него рука на жену никогда не подымет... За что же ты бил Устиньку?

— За тебя.

— Как это так?

— А так... ночью сплю, и чудится мне, будто сплю в обнимку с тобой, проснусь, а рядом — полудурья моя. Ну, иной раз и вдаришь, не без того.

— Дьявол ты... Не жалко?

— Все из-за тебя.

— Ты не чуди, Демьян! Этот грех на тебе лежит, со мной ты его не поделишь, нет, нет! А Матюшку за что хотел порешить?

— Тоже из-за тебя... Думал: убью, спрячу в омуте — и след простыл. А потом к тебе. Сама на поля ко мне прибежала.

Анна виновато опустила голову.

— Ох, и пострадал я тогда, Нюра! Пока Матюха не уехал, жил как в лихорадке. Думал: либо сам прикончит, либо на сход выведет. Слава богу, обошлось мирно.

— Нет, Матюша не такой! — сказала Анна.— Он добрый, он зла не помнит.

Анна поднялась. Демьян поспешил к ней, пытаясь обнять, но она остановила его, — подняв руку, гневно сверкнула глазами:

— Я своему слову хозяйка!

Демьян отступил, смущенный.

Анна отвязала от березы лошадь, с пенька села на нее верхом и поехала.

— Бывай здоров, Демьян Минеич! — озорно крикнула она, обернувшись. — Жениться будешь — на свадьбу зови.

Подъехав к речке, она остановила лошадь и долго осматривала берега, рассуждая вслух:

— Лучше не сыскать для мельницы места. Воды хватит на весь год. Вон там плотину поставить. Тут — амбар. На взгорке — избушку. Матюша приедет — в амбарах хлеба полно, на дворе скота...

Она счастливо засмеялась и тихонько дернула за повод. Лошадь мотнула головой и легкой рысцой побежала берегом речки.

2

Лето стояло ведренное, жаркое, но не засушливое. Изредка проносились ливни и грозы. По ночам выпадали обильные росы. Покос выдался сухой, сено убрали зеленое, пахучее. На пашнях созрел богатый урожай. Сбор меда был редкостный, Захар едва успевал подрезать в ульях соты.

В самый разгар уборки хлеба приехал Влас. Он бродил по пасеке, высматривал все и усиленно расспрашивал о сборе меда, о хозяйстве. Вскоре после его отъезда Захар нагрузил две телеги кадками с медом и поехал в город.

Вернулся он необычно быстро. Агафья выбежала к нему навстречу и ужаснулась: на телегах не было ни покупок, ни кадок из-под меда.

— Пропил все, черт-ерыкалка! — закричала она, зная, что старик повез в этот раз мед не Кузьмину, а на продажу.

Но Захар был трезв, молчалив и чем-то сильно взволнован. Он выпряг лошадей, привязал их на выстойку и сказал жене с болью в голосе:

— Радуйся, Агафья Даниловна.

Агафья замерла, предчувствуя недоброе.

— Сынок-то наш — вор.

— Влас?

— Ну, а кто же? Матюшка, что ль?! — рассердился Захар.

— А что случилось? — спросила Анна. Вернувшись с полей, она мельком слышала начало этого разговора.

— А то случилось, что Влас обокрал меня дочиста.

— Как обокрал?

— С умом, подлец, обокрал.

Захар присел на крыльцо и начал рассказывать:

— Приехал я в город вечером. Он встретил меня во дворе. Я ему говорю: «Надо бы мед в амбар поставить». А он: «Ничего, и тут переночует, никто не тронет». Утром просыпаюсь, смотрю — на телегах чисто. Куда все девалось? По двору следы. Значит, выкрали. Я к Власу. А он, подлец, лежит на кровати, нежится. Рассказал я о краже, он вскочил, забежал по комнате. А сам не глядит на меня, глаза прячет. Вижу я, что дело нечисто, решаю идти заявить в участок. Засуетился он тут и говорит мне: «Я сам побегу. У меня старший пристав Синегубов — друг закадычный. В момент воров отыщет». Сбежал он. Приходит скучный. «Ну, как?» — спрашиваю. «Синегубов, говорит, больной лежит, я другим заявил, искать будут». Сомнение меня взяло. «Ладно, говорю, пойду коням корму задать», — а сам за ворота и в участок. Прибегаю туда, спрашиваю: «Есть у вас Синегубов?» — «Есть, отвечают, старший пристав». Я к нему. Так и так, говорю, обокрали. А чтоб, дескать, охота была у вас воров искать — вот вам золотой! Найдете — еще дам. Взял пристав золотой пятирублевик, закрыл дверь, усадил меня и говорит: «Ты, дед, не волнуйся и мое известие прими спокойно. Я скажу тебе всю правду, — заплатил ты мне хорошо. Мед и воск выкрал у тебя свой человек». — «Кто же?» — спрашиваю. «Да Влас Захарыч», — отвечает он. Не стерпел я: «Вот, говорю, сукин сын! В острог его за это». — «Погоди, уговаривает, не горячись, себе хуже сделаешь. Ну, засудят твоего сына, в острог посадят, а его семью кто кормить будет? Тебе же придется». Сажу, думаю. «Да как же быть-то?» — спрашиваю. А пристав смеется: «Езжай, старик, домой, бог даст, еще наживешь». Подумал я и махнул на все рукой: этот Синегу-

бов, видать, тоже хороша бестия, и с Власа теперь не один золотой потянет. Пришел я к Власу, в дом не захожу. Сразу коней запрягать стал. Выбегает он из дому — и ко мне: «Ты что, батя, чай не идешь пить?» Увивается около меня, юлой крутится. Обидно мне стало, набрал я тут слюней побольше и плюнул ему в бесстыжие глаза.

Агафья всплеснула руками.

Анна привалилась к телеге, заплакала, причитая:

— И чего только бог смотрит! Тут работаешь, ночей не спишь, из сил выбиваешься...

Ночью она почти не смыкала глаз. Горько было сознавать, что чуть ли не половина доходов от пасеки оказалась в чужих руках. Ее расчеты относительно постройки мельницы в этот год рухнули.

Чуть забрезжило, Анна поднялась с кровати. В доме все еще спали. Она пожевала хлеба с холодной водой и подошла к постели свекрови.

— Я, матушка, в село собралась. Письмо Матюше пошлю.

— Ну, езжай, езжай. Я тут одна управлюсь,— пробормотала Агафья сквозь сон.

На полях стояла предутренняя прохлада. Покрытая росой трава отливала сизоватым оттенком. Было тихо, листья деревьев висели не шелохнувшись. Птицы еще дремали, прикорнув в густых травах.

На селе за туесок меда дьячок под диктовку написал письмо. Анна сообщала мужу о своей тоске, о здоровье родных и о том, как деверь Влас обокрал Захара.

К родительскому дому она шла успокоенная: горести и радости жизни были поделены с мужем. По пути вернулась в старый, покосившийся дом, к своей подруге Аграфене Судаковой.

За четыре года замужества Аграфена родила трех парнишек, похожих друг на друга, как близнецы, и опять была на сносях. Знахарка Савелиха, глядя на ее большой живот, уверяла, что родит на этот раз Аграфена двойню.

Аграфена обрадовалась приходу Анны. За чаем подруги вспоминали о девичьих годах, говорили о семейной

жизни. Анна жаловалась на одиночество, на тоску по мужу. У подружки были другие беды.

— А ты, Нюра, слышала весть? — вдруг спохватилась Аграфена.

— Какую?

— Этот барин-то, Прибыткин-то, что ваших допрашивал, на Юксе утоп.

— Да неужто? Кто сказывал?

— Сестреница моя сказывала, в воскресенье в церковь приезжала. Поехал, говорит, в тайгу золото искать и утоп. С ним будто утонул еще какой-то градский и один мужик балагачевский.

«Жаль, что утонул. Может, этот Прибыткин-то отвалил бы от тайги Матюшу», — подумала Анна.

Возвращаясь под вечер из села, она встретила возле пасеки деда Фишку. Он спускался с косогора к бане с охапкой дров.

Анна остановила лошадь и позвала его:

— Ну, дядя, заказывай поминки: Прибыткин на Юксе утонул. Аграфена Судакова только что сказывала.

Дед Фишка выпрямился, взглянул на Анну и, бросив дрова, перекрестился.

— Упокой, господи, его душу. Неплохой был человек... А Юкса теперь опять наша!

Весь вечер старик был говорлив и весел. Не дождавшись утра, он поднялся ночью и ушел в село.

Утром его видели в церкви. Он поставил перед иконой свечку и всю обедню усердно молился.

3

Дед Фишка кружил по мокрой тайге.

В логу, на Юксе, старый охотник в недоумении остановился. Берег был изрыт глубокими ямами. Вокруг лежали кучи перемытого песка, валялись срубленные молодые деревья. Пеньки срубленных деревьев еще не почернели, а на россыпях песка сохранились следы от больших сапог.

Сердце деда Фишки тревожно забилось. Пройдя еще с полверсты, он увидел новые ямы. Некоторые из них были перекрыты валежником и наполовину засыпаны. Возле каждой ямы дед Фишка вставал на колени и при-

смастривался. Песок не успел еще слежаться и был рыхлым, как свежавывапавший снег.

Дед Фишка подозвал собаку, привязал ей на шею кушак и заторопился на стан.

Было ясно, что кто-то ищет золото. На другой день старик пошел в тайгу без собаки. Он шел густыми гривами леса, часто останавливался, прислушивался, веток на пути не ломал и кашлял в кулак.

День выдался пасмурный. Брызгал дождь, и в тайге было как в сумерки.

В густом пихтаче дед Фишка наткнулся на землянку. Он попятился в чащу и лег на землю.

Сколько времени пролежал дед Фишка, он и сам не знал. Зипун его давно промок, и не по-стариковски крепкие зубы выбивали дробь.

«Да тут, кажись, и нет никого»,— решил он наконец и встал, прислушиваясь.

Он подошел к землянке и открыл дверку.

В углу стояли лоток для промывки породы, железная лопата с крашеным черенком. Под нары были запряваны старый, измазанный в песке азам фабричной работы и медный чайник с дужкой из проволоки.

Охотник без труда опознал, кому принадлежали эти вещи. Азам он видел на плечах Зимовского, а из чайника пил воду у него на заимке.

На пасеку дед Фишка вернулся с затаенным отчаянием в душе. Понял старик, что если Зимовскому не помешать теперь же — тайга будет его. Вот когда наступила пора ночей не поспать, а придумать какую-нибудь уловку. Не зря Матвей наказывал ему не спускать глаз с Зимовского.

После покрова дед Фишка зачастил в церковь. По селу ходил тихо, согнувшись, при встречах с людьми жаловался на недомогание. Слух о том, что старый непоседа-охотник хвор, разнесся по всей округе.

На самом же деле дед Фишка был вполне здоров. Больным он прикидывался неспроста. Мучительно и долго думал старик о том, как отстоять Юксинскую тайгу от Зимовского. Понимал он, что, не будь у Зимовского заимки по соседству с Юксой, был бы он менее прыток: из Сергева часто на Юксу не набегаешь. В конце концов дед Фишка решил, что заимку Зимовского надо спалить. Вначале он испугался этой мысли, несколько дней молит-

вами гнал ее прочь, но мысль назойливо напоминала о себе и скоро перестала казаться страшной.

Чтобы не навлечь на себя подозрения, старик решил притвориться больным и хилым. О тайге он ни с кем не говорил и даже дома старался уверить всех, что он плох и близок к смерти.

За зиму не раз обдумывал он свой замысел. От пасеки до заимки ходу было на целый день. Дед Фишка решил сходить на заимку и обратно за одну ночь. Поэтому он зря не растрачивал силы и копил их к весне, прикидывая в уме, как лучше спрямить извилины тропы и сделать путь короче.

4

Весна в этом году выдалась ранняя, небывало жаркая и сухая. Днем солнце палило, как летом, и травы оставались в росте, а листва на деревьях была скудной и чахлой. Мужики вспахали землю под яровые и ждали первого дождика, чтобы начать сев.

На троицу Захар и Анна с Артемкой поехали на несколько дней в село. На этом особенно настаивал Захар. Любил старик погулять на праздниках, а мужики, обреченные на безделье, уж конечно, не упустят случая справить праздник как следует. Дома оставались Агафья да гостившая у нее старуха Суркова Анфиса.

Дед Фишка решил, что более удобного времени для поджога заимки Зимовского не дожидаться. В случае подозрений старуха Суркова могла показать, на какое время он отлучался из дому, и всякому будет ясно, что за одну ночь старому да еще больному человеку туда и обратно не обернуться.

Когда солнце низко опустилось над лесом, дед Фишка сказал сестре нарочно громко, чтобы слышала глуховатая Анфиса:

— Я, Агаша, на омута пошел. Позарюю. Утятинки свежей что-то дюже захотелось.

Анфиса покачала головой.

— Эка непоседа какой! Лежал бы себе на кровати.

— Да и верно, Фишка, сидел бы дома, а то завалишься где-нибудь в лесу, стыд-позор от людей нам будет.— Сестра посмотрела на него с сочувствием.— Отходил, видно, сокол.

Дед Фишка еще больше стянул морщины к носу, стоял молча, опустив руки, чего-то выжидая.

— Ну, что стоишь? Иди уж, коли собрался. Отговаривать тебя все равно без толку.

Дед Фишка быстро собрался.

— Далеко-то не ходи! — крикнула ему вдогонку сестра.

— Куда там далеко! Тут вот, по Соколам, возле двора поброжу.

За пасекой, у речки, дед Фишка спрятал ружье в дупло осины и пустился на заимку чуть не бегом.

Засветло он успел пробежать половину пути. Один раз остановился ненадолго, лег на землю и, подняв кверху ноги, отдохнул.

Ночь опустилась на тайгу темная, тихая. Деревья потеряли очертания. Небо было почти таким же темным, как и земля.

Дед Фишка шел ощупью, поглядывая на небо, ожидая появления месяца.

На счастье, месяц поднялся из-за леса полный и яркий. Тьма поредела, сосредоточилась в оврагах и чащобах. К полуночи в лесу немного похолодало. С северо-востока подул ветерок.

За версту от заимки дед Фишка снял бродни, заткнул их за опояску. Теперь ноги в чулках ступали бесшумно и на сухой земле не оставляли следов.

Показались темные очертания разбросанных на поляне построек: дом, сарай, два амбара,— двор походил на великана, который устал, лег на землю и, раскинув ноги и руки, крепко уснул.

Ветер дул порывисто. На таежном озере крякали утки и надоедливо трещал коростель.

Старый охотник остановился, прислушался. Потом, нагибаясь и палкой ощупывая перед собой землю, он направился к амбару. Из-за навеса слышался тяжкий вздох. Дед Фишка припал к земле, затаил дыхание. Вздох повторился. «Коровы вздыхают»,— догадался он. Рядом с амбаром, на утрамбованном току, лежали вороха трухи и соломы.

Присев за толстым пнем, дед Фишка вынул из кармана спички. Но вдруг дверь дома с визгом отворилась, и кто-то вышел на крыльцо. Старик съежился, втянул голову в плечи.

Человек потоптался на скрипучих ступеньках и прошел на ток. По громкому, сухому кашлю нетрудно было узнать хозяина. Зимовской сопел, чмокал губами о самокрутку, громко позевывал.

Прошло несколько томительных минут. Ветер донес струю едкого табачного дыма. Дед Фишка потянул носом и... в ужасе ткнулся лицом в солому, глухо чихнул. Но в это же время дверь взвизгнула, и на заимке опять стало тихо.

«Не жалко?» — в последний раз спросил себя дед Фишка.

Он переждал еще минуту, надавил спичку на коробок, чиркнул и прислушался. Затем приткнул к спичке уголек, припасенный заранее, подержал над пламенем и положил под солому.

Теперь деду Фишке оставалось лишь скрыться. Ему хотелось вскочить и бежать, но уходить приходилось ползком.

У березовой рощицы он оглянулся: языки пламени прыгали на соломе. Он пополз быстрее. В березнике встал на ноги и посмотрел на заимку: пламя приближалось к амбару.

Старик почувствовал озноб. Жалости к Зимовскому по-прежнему не было, но почему-то захотелось, чтобы огонь погас и заимка осталась цела.

Надев бродни, он побежал к тропе. Добежал до озера, остановился. Ему так хотелось, чтобы огонь погас, что он поверил в эту возможность и полез на дерево, чтобы убедиться в этом. Но заимка горела. Огромное пламя взлетело в небо, вершины деревьев светлели в багровых отблесках пожара. По величине зарева было видно, что огонь перекинулся с амбара на остальные постройки и охватил всю заимку.

«Эх, да ведь там люди! Спят, поди, все, могут сгореть,— подумал старый охотник.— Надо разбудить»,— решил он и поспешно спустился вниз.

Но на земле он одумался:

«Нет, не должно такой беды приключиться. Не мог Зимовской так быстро заснуть».

И как-то вдруг дед Фишка почувствовал усталость, тяжелое равнодушие. Поджог заимки показался ему чем-то далеким, похожим на полузабытый сон. Он тихо поплелся по тропке к пасеке.

Рассвет застал его недалеко от заимки. Он вспомнил, что надо торопиться на пасеку. Медлительность могла погубить его. Сняв бродни, он связал их, перекинул через плечо и побежал босиком.

Когда он подошел к дуплу, в котором с вечера спрятал ружье, солнце стояло уже высоко. Забрав ружье и патронташ, охотник направился к речке.

От усталости руки и ноги дрожали. Однако ему удалось убить трех уток. Являться домой с пустыми руками не хотелось.

Агафья всплеснула руками, увидев брата.

— Ты ли это, Фишка? Ой, ой, похудел-то как!

Стараясь не выдать смертельной усталости, дед Фишка весело спросил:

— Неужто за одну ночь похудел?

— Лица на тебе нет,— подтвердила Анфиса.

— Не спал ночь, вот щеки немного и свело.

— А убил чего или пустой вернулся?

— Можно сказать, что пустой. Трех утчонок вот застрелил. Да сам сплоховал я. С вечера сел возле болотца и сидел все, ждал,— думал, селезни стайками подлетят. Надо бы походить мне, да... А Захар с Нюрой приехали? — спросил он.

— Ну что ты? Когда им приехать? К вечеру поджидать будем.

Дед Фишка наелся горячих гречневых блинов и ушел на сеновал спать.

Агафья не будила брата. Он проспал до сумерек, встал с головной болью и нудной ломотой в ногах.

5

Через неделю после поджога заимки дед Фишка поехал в Волчьи Норы к обедне. Он ни в чем не раскаивался, но ожидание вестей о пожаре и душевная тревога изнуряли его, поэтому он и решил съездить и помолиться. Старик шел по селу медленно, ступал нетвердо, горбился, страдальчески морщил лоб.

Бабы смотрели ему вслед, говорили с жалостью:

— Хиреет дед Фишка. Отгулял саврасый. Сколько им земли исхожено,— столько и на коне не объедешь.

Перед людьми дед Фишка старался храбриться, понимая, что излишнее притворство может обернуться против него.

По дороге он встретил своего дальнего родственника Петра Минакова. Петр стал расспрашивать старика о здоровье. Дед Фишка молодился.

— Поживу еще, поживу! В родителей удамся, так еще лет двадцать — тридцать пожить надо. Матушка на сто четвертом убралась.

К церкви он подошел задолго до обедни. Звонарь только еще начал звонить в большой колокол.

Скоро на косогор, как букашки, поползли люди. К пряслам подъехало несколько телег с богомольцами из соседних деревень.

Дед Фишка сидел у оградки с опущенной головой, притворяясь тяжелобольным. Мимо него проходили люди. Многие смотрели на него с любопытством, перешептывались.

Один из идущих в церковь остановился перед ним.

— Как здоров, Финоген Данилыч?

Старик не сразу припомнил, чей это голос. Он поднял голову и, будто от сильного удара, опустил ее: перед ним стоял Зимовской.

Дед Фишка не мог вымолвить ни слова. Но, несмотря на растерянность, мозг его работал трезво.

«Встать надо», — пронеслось в голове.

Цепляясь за оградку, с большими усилиями он стал подниматься. Теперь он не притворялся: силы действительно покинули его.

— Э, да ты что, Финоген Данилыч? Умирать собрался? — Зимовской подхватил старика под руку.

Это ободрило деда Фишку, он взглянул на Зимовского и понял, что тот ни о чем не догадывается.

— Плох я, Степан Иваныч, совсем плох.

— Сам вижу, что плох.

Дед Фишка выглядел совсем дряхлым и жалким. Растерянность была ему к стати.

— С прошлой осени живу как тень. Беда: по земле хожу, а силы нисколько нету.

— Знаю. Еще зимой слух прошел, что хвораешь ты... А о моей-то беде слыхал? — спросил Зимовской.

— О чем это? — вяло, без всякого интереса сказал дед Фишка.

— Погорел я. Сам спалил всю заимку.

— Спалил! Сам! — Дед Фишка опять ухватился рукой за ограду, опустил голову, закричал.

— Все дочиста, до последнего бревнышка. Скот только и уцелел.

— Да как тебя угораздило?

— Да так, Финоген Данилыч, от пустяков. Другому скажешь — не верит. На прошлой неделе в субботу вышел ночью на зады, покурил да бросил на току окурочек. А сушь кругом, соломенная труха — что порох. На беду, ветер подул. Ушел я со двора, лег спать. Теща проснулась, говорит: «Выйди, Степаха, во двор, посмотри, что-то коровы мычат. Уж не волк ли?» Вышел я и обомлел: амбары горят, двор занимается, и от жары уж сени дымятся. Ну что тут поделаешь? Постройки все дочиста сгорели... Слава богу, сами успели выбраться да хоть скот цел остался. Коровы, как почувяли жар, бросились к воротам, выломали их. Если б не скот, — прямо суму на-девай...

Зимовской замолчал и отвернулся.

— И как это ты?.. И что ж ты теперь?.. — бормотал дед Фишка.

— Теперь в землянке живу. До осени как-нибудь дотяну — урожай собрать надо, — а потом в Сергеевце жить буду. Слава богу, хоть там домишко есть.

«Так-так», — обрадовался старик.

Они вошли в церковь. Дед Фишка купил копеечную свечку, поставил ее перед ликом божьей матери.

Началась обедня.

Старик молился горячо, часто крестился и усердно клал земные поклоны.

— Господи, — шептал он про себя, — прости мне грехи мои! Ничего я плохого в жизни не делал, вот только заимку поджег. Но тут рассудить, господи, надо. Зимовской сам виноват. Не позарься он на Юксу, жил бы и теперь на заимке. Да еще неизвестно, от моей ли серянки приключился пожар. Загореться солома и от окурка могла.

Обедня в тот день была короткая; к священнику съехались гости, и он торопился.

Когда трапезник весело затрезвонил, народ столпился у выхода. Дед Фишка распрощался с Зимовским, еще раз посочувствовал ему и отправился к Юткиным.

Спускаясь с косогора, он забыл о притворстве и по старой привычке пустился бегом.

— Ого, смотри, как больной-то скачет! — крикнул кто-то.

Старик спохватился, сгорбился и пошел, с трудом передвигая ноги.

У Юткиных старого охотника ожидала новая радость: староста Герасим Крутков принес только что полученное письмо от Матвея.

Дед Фишка купил в монопольке вина и на пасеку вернулся неузнаваемо веселый. Агафья удивилась перемене, происшедшей с братом. Старик объяснил это просто:

— Помолился с усердием, вот душе-то и легче стало. А ты съезди-ка, сестрица, в церковь да помолись «со страхом божьим и верою», — знаешь, как дьякон там рявкает, — так сразу и помолодеешь. Ей-богу, не вру!

Осенью дед Фишка сходил на Юксу. Пройдя тайгу из конца в конец, старый охотник не обнаружил никаких следов человека. Там, где стояла заимка Зимовского, лежали кучи затвердевшей золы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

У поскотины собралась пестрая толпа. С утра народ ждал из города солдат, отбывших на службе свой срок. Еще ночью навстречу им выехали отцы. Утомленные ожиданием люди сидели и лежали на траве, тихо разговаривая, молодежь развлекалась, звенела гармошка, визгливыми голосами девки выкрикивали частушки.

— Едут! — закричали ребятишки, заметив поднявшееся над лесом облако пыли.

На минуту стало совсем тихо. Люди повскакали со своих мест и, вытянув шеи, стали смотреть по направлению к тракту.

Ребятишки не врали. Над березником подымался столб пыли. Вскоре послышалось стройное пение:

Ехали солдаты со службы домой.
На плечах погоны, на грудях кресты.
Едут по дороге — навстречу отцы...

Из березника выехали десятка два телег. Несколько парней на лошадях поскакали навстречу. Теплый ветер полоскал неподпоясанные рубахи верховых.

Когда телеги, громыхая, стали приближаться к поскутине, толпа заволновалась, сгрудилась возле ворот. Староста Герасим Крутков растолкал людей, не торопясь, с достоинством открыл ворота и с низким поклоном пригласил солдат проехать вперед. Бабы, мужики, ребятишки окружили телеги. Послышались плач, торопливый говор, смех. Старушечий голос выкрикивал:

— Светики вы мои родные! Сколько годов не виделись! Да и как же мы по вас стосковались!

Подростки с любопытством и завистью смотрели на солдатские фуражки-бескозырки, на погоны, желтые ремни с тяжелыми пряжками, перешептывались. Жены и матери обнимали солдат, детишки, выросшие за эти годы, дичились отцов, жались к матерям.

Через какие-нибудь полчаса Матвей Строгов уже сидел в горнице у тестя Евдокима Юткина. В прихожей было полно людей. Мужики, бабы, ребятишки, глядя в открытые двери горницы, не спускали глаз с солдата, насторожившись, ловили каждое его слово.

На коленях у Матвея вертелся кареглазый Артемка. Ему хотелось побаловаться с отцом, но бабка Агафья строго поглядывала на внука. Дед Фишка восторженно смотрел на племянника: «Эх и отведут же они теперь с Матвеем душу в тайге!»

Анна сидела рядом с мужем, радостная, разрумнявшаяся, улыбаясь блестящими карими глазами. Она слушала Матвея, но его слова не доходили до ее сознания. Искоса посматривая на него, она думала о своем, отмечала все перемены во внешности Матвея.

За пять лет он возмужал и раздался в плечах. У глаз и переносья появились морщинки. Над верхней губой выросли густые светло-русые усы. В молодежавшей осанке Матвея была теперь какая-то тяжеловатость, медлительность.

Вот Матвей сказал что-то (Анна не разобрала, что именно), засмеялся и опустил голову, обнажив шею. Анна чуть не вскрикнула: шея была по-мальчишески нежной, не огрубевшей, как пять лет назад. Матвей махнул рукой, и Анна опять увидела, что большие, длинные руки

Матвея по-прежнему аккуратны и приятно смуглы от загара.

Голос его был, как и раньше, спокойный, чуть глуховатый.

Анне захотелось скорее увезти мужа на пасеку. Уж теперь он, наверное, возьмется за хозяйство. То, что положено было царем, слава богу, отслужено. Только бы не поманило его опять в тайгу. Не случится этого — пойдет жизнь Строговых на крутой подъем. Ничего, что пять лет потеряно. Еще поживут они на загляденье и зависть другим!

— Ну, Матюша, а люди там на лицо такие же, как и мы? — спрашивал Евдоким Юткин.

— Всекие люди живут там, — рассказывал Матвей. — Русские — эти одинаковые с нами. А вот китайцы, корейцы не похожи на нас. Мы, русские, носатые, белее их. У тех русого не встретишь. Волосы как вороненые, с блеском.

— Ишь ты! Стало быть, чернявый народ, под цыган, — заметил кто-то из мужиков.

— Вроде тебя, сват Евдоким, — подшутил дед Фишка.

В горнице и прихожей засмеялись. Евдоким Юткин ухмыльнулся и расчесал пятерней блестящую черную бороду.

— Каких же там, сынок, людей больше — русских или энтих? — вмешалась Агафья.

— Русских больше. Русская там сторона, мама.

Загремела табуретка — это не по-стариковски быстро и шумно вскочил Захар.

— Вот русский народ какой! Его везде хватает. Знать, наши бабы — что работать, что рожать — не ровня другим.

Он проговорил все это запальчиво и сел на прежнее место, гордо приосанившись.

Уже за столом, заставленным тарелками с жареным мясом, солеными огурцами, грибами рыжиками в сметане, речь зашла о солдатской службе, об офицерах и о слухах про близкую войну на Дальнем Востоке.

— Ты скажи-ка, Матвеюшка, — спросил Федот Мишуков, старый александровский солдат, — как там эти чернявые — не грозят войной нашей державе?

— Есть такие, что и грозят, — ответил Матвей. — Мы их не видели, но говорят теперь про них много. На океа-

не живут, на маленьких островах, а называются — японцы.

Мужики хотя уже и охмелели, но насторожились.

— Японцы?! Вроде турок, значит,— заметил александровский солдат,— те тоже за морем живут, под Севастополем бивали мы их,— знаю. И, говоришь, на нас войною пойдут?

— Это — как царь... Офицер говорил, будто вся драка из-за китайских да корейских земель должна произойти. Зарится на эти земли и японец, и француз, и англичанин, и американец. А наш царь тоже побольше старается захватить. Китай — большая страна, да слабая.

— А зачем царю китайские земли понадобились? — допытывался Федот.— Про то ничего не сказывал офицер?

— Нет, про это ничего не сказывал,— ответил Матвей.

Никто из слушающих не заметил, что Матвей смутился: на самом деле никакого офицера не существовало. Слова его о том, что русский царь хочет побольше китайских земель захватить, были сказаны в результате собственных наблюдений.

Пять лет прослужил Матвей на Дальнем Востоке. Он видел сам и слышал от других, как год от году Маньчжурия и Корея наводнялись войсками, купцами, промышленниками и агентами разных фирм.

Старые солдаты рассказывали ему, что не так давно в этих местах побывал, будучи еще наследником, царь Николай Второй. По словам очевидцев, был он вял и молчалив, но всем было яснее ясного, что не ради прогулки разъезжал он по Дальнему Востоку.

— Ну, дорогие гостечки,— прервал серьезный разговор Евдоким,— давайте выпьем по четвертой. Как говорится, без четырех углов избы не бывает.

Гости выпили и не спеша закусили.

— А вот, сынок,— вдруг заговорила Агафья,— скажем, чужестранец пойдет на нас войной,— как ты думаешь, не завоюет он нас?

— Вот дура баба! — воскликнул Захар с усмешкой.— Ай русские чужестранца к себе пустят? В двенадцатом позарился француз на Москву, да и ног не унес.

Мужики и бабы одобрительно загудели. Но Федот Мишуков не поддержал их.

— Ты погоди, Захар Максимыч, храбриться,— сказал он,— мы вот лучше служивого спросим. Так ли, Матюша, отец говорит?

Все смолкли.

— Так, дядя Федот, так,— сказал Матвей.— Будет угрожать чужестранец нашему народу — несдобровать ему. Накладут ему русские солдаты по первое число. Только вот охоты лезть на чужие земли нет у нас. Уж если начальство приневолит, ну, тогда пойдешь. Ведь разве в земле только дело? Что в ней, в земле, если нечем тебе ее вспахать да засеять? Бывало, сам видел: принесут в роту письма, начнут солдаты читать, посмотришь — один плачет, другой клянет казну или своих же деревенских кровососов. Не от хорошей жизни плачут...

— Выпьем, гостечки, еще по одной,— предложил Евдоким.

Горница наполнилась говором, шумом, и опьяневший дед Фишка, обняв за плечи старуху Федота Мишукова, затянул песню.

Не любивший водки Матвей Строгов в пьяных компаниях чувствовал себя одиноким. Анна вначале была внимательна к нему, прижималась, шептала что-то о себе, об Артемке, но когда Агафья предложила ей петь, голос ее зазвенел, выделяясь из нестройного хора, и она вся отдалась песне.

— Эй, Дениска, беги в винопольку, купи еще бутылку водки! — закричал Евдоким сыну.

— Постой, воротись! — остановил подростка Захар Строгов.— На́ деньги, купи не бутылку, а четверть.

— Да куда ты столько, черт-ерыкалка! — пыталась остановить его Агафья.

Но Захар опрокинул табуретку и, блестя помолодевшими голубыми глазами, закричал:

— Родного сына, старуха, встречаем! Грех скупиться, сват Евдоким!

Будто собираясь покурить, Матвей вылез из-за стола и вышел на крыльцо.

С высокого крыльца юткинского дома хорошо было видно село. Волчьи Норы зеленели огородами и палисадниками. За околицами извивалась речка, по левому берегу ее чернели незасеянные пашни. А дальше тянулись волнообразные холмы, щетинившиеся вековыми сукастыми лиственницами.

Матвей вдохнул в себя теплый, пахнувший полынью воздух, потянулся так, что хрустнули кости, и, прищутив глаза, долго смотрел на село, на пашни, на лес, на синеющий горизонт.

Перед ним лежала его родная сибирская земля. Сколько раз с тоской вспоминал он ее там, на Дальнем Востоке!

Он не торопясь сошел с крыльца и направился к речке. Скоро его догнал Дениска, уже успевший сбегать за водкой.

— Ну, води меня на остров. Давно нашим лесным духом не дышал,— покосившись на него, сказал Матвей.

Белобрысый Дениска важно приосанился. Не простое дело идти рядом с настоящим солдатом. Эх, видели бы его ребята!

Они спустились к речке и по сырому чистому песку прошли на остров, заросший топольником, ивняком, черемушником.

Много лет тому назад небыстрая речка образовала у села новое русло. Будто назло хозяйкам, она отвернула от огородов сажений на сто в сторону и, обогнув село полукругом, опять соединилась в один рукав. Лет двадцать — так считали старики — остров был гол и пуст. Лишь изредка туда на самодельных плотках перебирались отчаянные ребяташки. Мало-помалу остров зарастал тальником, топольником, черемушником. Незаметно образовалась настоящая таежная чаща-трущоба. Старое русло забросало песком, мусором, и однажды засушливым летом волченорцы увидели, что на остров есть сухопутный переход.

Теперь на острове уже подымались высокие тополя, черемуховые и тальниковые ветви стелились над водой. Ребяташки понастроили там пещер и потайных ходов, устраивали охоты на воображаемых волков и медведей. В праздничные дни парни и девки собирались на острове, пели песни, а потом парами расходились и прятались в густых зарослях тальника и черемухи.

Матвей улыбнулся. На него повеяли юксинские запахи.

От невысохшего озера несло плесенью, густые заросли белоголовника дышали медом, от черемушника тянуло чем-то слегка горьковатым. Не хватало только запаха

смолы. Прошли годы, а Матвей помнил, как пахнет юк-синский кедровник в эти жаркие дни.

— Стосковался, Матюша? — спросил мальчуган.

— Стосковался, Денис! Стосковался, брат! — ответил Матвей, не скрывая слез, заблестевших в уголках глаз.

Они стояли в чаще черемуховых кустов, над ними голубело бездонное небо; посвистывая крыльями, проносились стаи резвившихся ласточек-береговушек.

— Там по-другому, Денис, — сказал Матвей.

— Плохо? — насторожился подросток.

— Нет. Там тоже хорошая земля. У нас вот топольник да ивняк, а там плодовые деревья растут. Солнечно там, не в пример нашим краям. — Матвей помолчал, вздохнул полной грудью, опять улыбнулся. — Хороши там края, а наши лучше. Зверь — и тот к месту привыкает, а о человеке и говорить нечего. Ну, давай сядем вот тут, охолонем маленько. Жарко!

Он расстегнул ворот мундира и сел на землю.

Дениска стоял возле него, переминался с ноги на ногу.

— А земли китайские не видел, Матюша?

— Отчего же? Видал. Бывало, зайдем с Антоном Топилкиным на сопку — горы там так называются — и смотрим. Деревушка ихняя неподалеку была. Избенки маленькие, из прутьев и глины, фанзами зовутся. Смотришь: на быках землю пахут, воду на себе возят. Работяги! Когда ни посмотри — всё в земле копаются. А живут страсть как бедно.

— Наши богаче живут?

— И у нас, Денис, всякие есть, а все-таки, пожалуй, наши лучше живут. Простору у нас больше. Опять же не везде. В России, говорят, деревни чуть не через каждую версту.

Дениска слушал солдата затаив дыхание. Теперь ему есть что рассказать товарищам. Теперь даже Филька, рабой драчун, будет относиться к нему как к равному и перестанет дразнить его не совсем понятной, но позорной кличкой — «недоносок».

— Двадцать семь суток, Денис, ехали мы по железке, — ну и велика же наша земля! Все смотрел да диву давался. Деревень и городов проехали — не счесть. Везде живут люди. Одни пахут, другие из земли золото, каменный уголь добывают, третьи скот разводят. Богатст-

ва-то сколько! А народ все в нехватках живет. И, скажи, куда все это девается? А?

Дениска неловко пошевелился и, чувствуя на себе пристальный взгляд солдата, сказал тоненьким, чуть испуганным голосом:

— Не знаю, Матюша.

Матвей засмеялся. Да разве с Дениской, двенадцатилетним мальчишкой, можно разговаривать об этом? Он встал и потянулся. Вот чертова жизнь! Домой вернулся благополучно, все родные живы-здоровы, Юксинская тайга теперь под боком. Так нет же — на душе по-прежнему беспокойно.

Постояв минуту в раздумье, он сорвал белоголовник и долго нюхал его.

— Идем домой, Денис. Ищут там, наверное, нас.

Они тропкой по земляным ступенькам поднялись на кручу. Из дома Юткина доносились веселые песни и топот.

Плясал дед Фишка. Изредка он выкрикивал:

— Умру, а ногой дрыгну!

За столом рядом с Анной сидел Демьян, вернувшийся с мельницы.

Увидев Матвея, он бросился навстречу ему, но запнулся и упал бы, если бы его не поддержал дед Фишка.

Короткий, почти квадратный в груди, он подошел к Матвею и, не сказав ни слова, пожал руку.

От этой его торопливости Матвею стало неприятно. Он вспомнил о своем наказе жене — держаться подальше от Демьяна, и подозрение шевельнулось в его голове. Он взглянул на нее. Анна ответила ему хорошей, чистой улыбкой.

«Нет, Нюра ни в чем не виновата», — подумал он, но, посмотрев на Демьяна, решил все же при первой возможности допросить жену, как она вела себя без него.

2

Без Матвея на пасеке произошли большие перемены. На косогоре, напротив дома, скрытого густым палисадником, стоял новый, крытый тесом амбар. Во дворе появилось теплое стойло. Утрами Агафья выгоняла на пастбище трех коров, нетель, двух телят. По поскотине, от-

топырив хвост, носился тонконогий рыжий жеребенок.

— Разбогатели вы без меня,— говорил Матвей.

— Это все Нюрины заботы. С отцом много не наживешь. Ему дай волю — он последнее раздаст,— жаловалась Агафья.

Анна стояла в сторонке, довольная, гордая.

«Погоди, еще не то будет. Заживем мы на загляденье другим. Посмотри вокруг — земли-то сколько. Лежит она нетронутая, жирная, ждет, когда приложат к ней руки»,— думала она.

Здесь же крутился Артемка.

— Тять, а я на пегaxe верхом езжу,— хвалился мальчик.

Матвей обнимал сына, смеялся, и как-то непроизвольно в голове рождались мысли: «Неужели этого к ружью не потянет?»

— Тять, а царь — человек? — спрашивал Артемка.

— А ты думал, кто?

— Орел с двумя головами.

— Кто тебе говорил?

— Я сам слышал. Дедушка Захар песню пел.

Матвей смеялся.

— Нет, сынок, царь — человек.

— Великан?

— Какой там великан? Старые солдаты видели его, говорят: так себе, сморчок, рыжий, низенький ростом, неказистый.

Артемка насторожился. Чем же в таком случае отличен царь от прочих людей? Агафье не нравилось, что Матвей так резко говорит о царе, и она постаралась смягчить его отзыв:

— Он, сынок, царь-то, богом поставлен. Бог на небе главный, а царь на земле.

Две-три недели Матвей жил на пасеке, оберегаемый Агафьей. Мать чувствовала, как устал сын от солдатчины, и ухаживала за ним, как за малым ребенком.

В ильин день разразилась гроза. С утра солнце нещадно жгло землю. Листья берез повяли. Лошади забились в кусты, куры ходили по двору, вяло раскрыв клювы. Артемка выбежал на крыльцо, обжег ноги и, плача, побежал обратно.

В полдень из-за косогора показалась темно-синяя туча с густо-черными оборванными краями. Она поднималась быстро, точно кто-то подталкивал ее снизу, и вскоре закрыла все небо над пасекой. Налетел бешеный порыв ветра, и в тот же миг за клубилась пыль по дороге, закладывались, застонали березы. Сверкнула яркая, до рези в глазах, молния. Ударил гром, задрожали стекла. Из пихтачей донесся треск выворачиваемых с корнями деревьев.

Захар зажег в горнице лампадку, встал на колени и начал вслух читать молитву. Увидя Агафью, он закричал на нее, принуждая встать рядом, и, после того как она опустилась на колени, продолжал молиться.

Снова ударил гром, и с шумом и ветром начался ливень. В несколько минут на земле образовались лужи, а с косогоров, пенясь, как застоявшаяся медовая брага, потекли бурные потоки.

Но вскоре темно-синяя туча ушла за горизонт, засияло солнце и на небе вспыхнула разноцветная дуга радуги.

После грозы установились ясные жаркие дни. Посевы озимой ржи созрели почти на две недели раньше обычного. На полях началась страда.

Матвей и Анна переселились с пасеки в шалаш — поближе к своим посевам. Вечерами Захар и дед Фишка, днем занятые подрезкой меда, привозили харчи.

Матвей соскучился по крестьянской работе, жал споро, с азартом. Анна старалась не отставать от мужа.

Вечерами, лежа в шалаше на соломе, Анна убеждала мужа взяться за хозяйство по-настоящему, поднять больше целины, распахать по косогорам гари, построить на речке, пониже пасеки, у большого омута, мельницу. Матвей слушал ее молча, изредка, чтобы не обидеть ее, подкивал, но чувствовал, что мечты жены не увлекают его. По ночам прислушивался он, как тоскливо, совсем по-осеннему, шумят бельники. И шум этот, вместе с запахом преюющих трав, подымал в нем желание уйти скорее в тайгу.

На Юксе теперь было совсем безлюдно. После того как сгорела заимка, Зимовской осел на многие годы в Сергее.

Стыдно радоваться чужой беде, но Матвей не мог скрыть своего удовольствия. Несколько раз он заговаривал о пожаре с дедом Фишкой. Старик ссылался на суд

божий, но так смущенно опускал при этом глаза, что Матвей перестал приставать к нему с расспросами.

Анна радовалась, что Матвей не поминает о тайге.

«Может быть, одумался мужик, за землю решил взяться», — надеялась она, не переставая мечтать выйти в зажиточные люди.

3

Когда Матвей и Анна обмолачивали последние суслоны, на пегом коне, запряженном в широкую телегу, к шалашу подкатил Захар Строгов.

Он был не один. Остановив лошадь, он снял с телеги мешки и посуду с харчами, а потом повел приехавших с ним людей к месту, где шла молотьба.

Матвей и Анна опустили цепи и, приложив ладони козырьком ко лбу, старались разглядеть прибывших. Рядом с Захаром шли Федор Ильич Соколовский и незнакомый высокий мужчина.

Матвей отбросил цеп, заторопился навстречу, но, вспомнив, что он бос и в одной нижней рубашке, сел на солому и быстро надел сапоги и солдатскую защитного цвета рубаху.

У Анны сжалось сердце.

«Господи, зачем опять этого принесло?»

— Эка заработались! Принимайте-ка вот гостей! — крикнул Захар, подходя к току.

Подавая руку смутившемуся Матвею, Соколовский, улыбаясь, сказал:

— Гора с горой не сходятся, а человек с человеком, как видите... Кажется, где-то здесь мы с вами били рябчиков? — И он посмотрел на холмик, поросший ровным мелким осинником.

Матвей усмехнулся: плохо Соколовский помнил местность. На рябчиков они охотились в пихтачах, расположенных к северу от пасеки. Матвей хотел напомнить об этом Соколовскому, но тот подошел к Анне, спросил о здоровье сына.

Анна смотрела на Соколовского. В первый свой приезд на пасеку он показался ей совсем юным. Щеки его тогда были гладко выбриты, во всей тонкой, подвижной фигуре было что-то подтянутое, даже франтоватое. Те-

перь же он носил окладистую бороду, был в сапогах, в простой двубортной куртке.

Анна покраснела, когда Соколовский спросил ее о сыне. Она стояла перед ним босая, с подоткнутой юбкой, с выбившимися прядями пропыленных волос, которые она старалась заправить под платок. Соколовский, заметив ее смущение, повернулся к Матвею.

— Позвольте вас познакомить: мой друг Тарас Семенович Беляев. Прошу любить и жаловать.

Перед Матвеем стоял большой рыжеватый человек и протягивал ему руку. Его крупное лицо было исполосовано глубокими морщинами. Под выпуклым лбом, как под крышей, прятались добрые, смеющиеся глаза.

— Здравствуйте,— просто сказал Беляев и, взглянув на Анну, поклонился ей.— Помешали мы вам, хозяйюшка?

— Да нет, что вы! — отвечала, сразу смягчаясь, Анна.— Мы рады.

Матвей внимательно посмотрел на Беляева. «С умом человек. А глаза-то, глаза, так и одаривают лаской»,— подумал он.

— Надолго к нам? — спросил он. И когда Беляев ответил, что хотел бы пожить в этих местах подольше, Матвей от всего сердца сказал: — Ну что ж, милости просим! Будьте как дома.

4

Соколовский и Беляев сидели на траве возле шалаша. Они пожелали остаться здесь на ночевку, и Захар Строгов уехал на пасеку один. Матвей и Анна работали, торопясь докончить обмолот ржи до наступления темноты.

Солнце опустилось наполовину за горизонт. Его желто-оранжевые лучи как бы стлались над землей. Расцвеченные осенними красками, мирно стояли зелено-коричневые кусты черемухи, кроткие березки и огненный осинник.

— Теперь меня на Урале ищут, как думаешь, Федор? — спросил Беляев.

— Думаю, что не только на Урале,— задумчиво проговорил Соколовский.— Наверно, по всей магистрали расставлены сети. Вот поэтому-то месяц-другой надо пере-

ждать здесь. Полиция решит, что ты проскользнул за границу.

— Работать хочется, Федор,— вздохнул Беляев.

— Понимаю, Тарас, твое состояние. Но и здесь надо соблюдать осторожность. Учти, что Анна из местных богачей. А вот Матвеем стоит заняться. Охотник, вольная душа...

Они помолчали, отвлеченные поединком, происходившим высоко в небе. Два ястреба, видимо, подрались из-за какой-то добычи и теперь кружились, сталкивались, падали и опять взлетали ввысь.

— Борьба за жизнь,— задумчиво проговорил Беляев и, переводя взгляд на Соколовского, усмехнулся.— Да, один охотник по натуре, другой — поневоле.

— Ты это о чем? — не понял тот.

— Да о себе, конечно. Вспомнил, как давеча Строгов нас поддел, когда ты сказал, что привез меня охотиться. «Рановато, говорит, зверь не очистился, птица тухнуть будет». Ну какие мы с тобой охотники, раз таких простых вещей не понимаем? Неудачно мы это придумали.

Солнце опустилось в лес. На желтеющей траве появилась роса. Сумерки быстро сгущались. С озер на гречиху пролетели утки.

Пришли с тока Матвей и Анна.

Матвей развел костер. Анна расстелила на земле полотенце и поставила глиняные чашки с окрошкой, берестяные туюски с медом и сметаной, вынула из короба и нарезала хлеб.

Когда все было готово, она пригласила Беляева и Соколовского ужинать. Те подоновились к полотенцу. Заметив, с какой неловкостью гости хлебают из чашки, расплескивая из ложек забеленный сметаной квас, Анна сказала:

— У нас все тут по-простому, по-деревенски. Уж не взыщите.

— Ничего. Мы тоже не из бар,— ответил Беляев, и Анне это понравилось.

Она наблюдала за Беляевым и Соколовским и думала:

«Тот, большой-то, попроще, а этот и ложку держит по-господски, оттопырив пальцы».

Соколовский расспрашивал Матвея об урожае, о солдатской службе, о жизни на пасеке и в Волчьих Норах.

После ужина Анна в котелке перемыла посуду и ушла в шалаш.

Матвей притащил из березника дров, положил в костер. Пламя обьяло сушняк, и вместе с дымом золотым потоком в небо, к звездам, поплыли искры.

На полях было тихо. Над макушками лиственниц висела уже серебряная бровь сентябрьского месяца.

Беляев кутался в пальто. Соколовский вытягивал шею, подставлял свою грудь под жар костра.

Матвей рассказывал о своей службе на Дальнем Востоке. Рассказ этот был беспорядочен и взволнован.

— Проехал я через всю Сибирь и Дальний Восток,— говорил Матвей,— и видел, сколько земли пустует. На этой земле еще одну Россию можно поселить. Вот мне и непонятно: зачем царю китайские земли понадобились, когда своих достаточно? И еще слышал я, будто наши с японцами воевать собираются: кажется, наследника они русского обидели. И опять же не пойму: зачем воевать из-за этого? Наследник цел и невредим остался, а война начнется — сколько людей за зря перебыют! Не о чужих землях нам думать,— жизнь свою прихорашивать надо. Посмотришь: люди бьются, работают, а все в дырявых зипунах ходят.

— Ну, и как же вы объясняете то, что у вас вот и просторы большие, а живет большинство ваших крестьян не лучше, чем в России? — спросил Беляев.— Что вам мешает улучшить, или, как вы говорите, прихорашивать жизнь, Матвей Захарыч?

Матвей взял палку и, нетерпеливо пошуровав костер, продолжал:

— Просторы-то большие, да... У нас вот в Волчьих Норах много солдат пришло к пустым дворам. Пока царю служили, богатые мужики все их достатки к своим рукам прибрали. Скотишко за долги поотобрали, раскорчеванные земли задарма скупили. Живи как знаешь! Царь-то, может, и не ведает, как живет народ. А может, ему до нас и дела мало.

— Понски истины! Чувствуешь, Тарас? — засмеялся Соколовский.

Но Беляев не отозвался. Он, казалось, о чем-то думал, устремив неподвижный взгляд на искры, уносившиеся от костра в темное небо.

— Тарас Семеныч, видать, притомился с дороги,— сказал Матвей и предложил гостям: — Полезайте в шалаш, на всех места хватит.

— Мы и здесь переночуем,— отказался Соколовский.

— Озябнете. Под утро морозец ударит,— предупредил Матвей.

Но гости решили докоротать ночь в соломе у тока.

Матвей собрал два брезента, полог, несколько мешков и подал их Беляеву.

— Холод не тетка,— смеясь, проговорил он и, проводив Соколовского и Беляева, полез в шалаш.

Анна не спала и встретила Матвея желчным шепотом:

— Что ж так рано пришел? Сидел бы уж до восхода.

— А тебе жалко?

— Я о деле забочусь. Им завтра до обеда нежиться можно, а тебе работать надо. Весь овес еще на корню.

— Ночью все равно работать не будешь.

— Не об этом я. Не товарищи они нам вовсе — вот что. Подручно ли нам с городскими людьми дружбу водить? Им горя мало, а ты почет им оказывай, от дела отрывайся.

— Не гнать же их в шею? Чудачка ты, Нюра.

— Пусть знают, что нам не до них.

— Как хочешь, а этому не бывать.

Матвей отвернулся от Анны, закрылся зипуном.

Анна долго не спала, ворочалась, бормотала что-то, вызывая Матвея на ссору.

Матвей лежал молча. Засыпая, он думал над вопросом Беляева и не находил ясного ответа.

5

Перед снегопадом на пасеку приехал Евдоким Юткин.

— К тебе, Матюша, выручай, брат.

— Не то беда какая случилась? — с тревогой спросила Анна.

— Кому беда, кому радость,— ответил Евдоким.— Вчера бродил я по осинникам и возле Ипатова ложка наткнулся на берлогу. Давай, Матюша, разорим вражье гнездо, а то медведь одолел нас с Демьяном. Летом одного овса десятины две потравил.

— Да берлога ли? — усомнился Матвей.

— Она. Я чуть не провалился в нее. Земля вокруг разрыта и трава раскидана,— видно, варнак на постель таскал.

— Испужался, поди, сват? — засмеялся Захар.

— Испужаешься! Вот, думаю, нечистая сила, подыметсЯ сейчас — да и на меня... Рысью до самой избушки бежал...

Утром земля оделась пушистой пеленой снега. Матвей отправился на поля Юткиных. Деду Фишке нездоровилось. Он лежал на печке, прогревая поясницу.

С Матвеем напросился Беяев.

На заимке у Юткиных охотников ждали Евдоким и Демьян.

— И мы решили, Матюха, поглядеть супостата,— сказал Евдоким.

Матвей поморщился, увидев Демьяна. Не дело ходить на охоту с человеком, к которому не лежит сердце.

«А может, пора забыть старое?» — подумал Матвей и сказал:

— Такой оравой его можно голыми руками взять. Где берлога-то?

Евдоким повел охотников в осинники.

Идти было трудно. Высокие осины и колючие елки преграждали дорогу, ветер свистел в мокрых от дождя ветвях, и с них сыпались на охотников холодные капли.

В версте от берлоги Евдоким трусливо отступил в сторону, и впереди пошел Матвей. Теперь шли еще медленнее, молчали, боясь спугнуть зверя.

Вскоре Евдоким остановил Матвея.

— Вон, под корнем осины, видишь? — показал он рукой.

— Вы подождите тут, а я пойду посмотрю,— сказал Матвей.— Может, ушел мишка. С осени они чуткие.

Он осторожно стал пробираться к берлоге и через некоторое время вернулся с противоположной стороны.

— Следов нету — значит там,— сообщил он.— Дыра в берлогу как у печки чело. Видно, большой зверь.

Матвей улыбнулся и весело посмотрел на Беяева. Ему хотелось так провести облаву на медведя, чтоб охотник из города удивился его смелости и сноровке.

Было решено, что Матвей шестом поднимает зверя и стреляет в него, когда тот выскочит из берлоги; Евдоким и Демьян, стоя на посту напротив берлоги, стреляют в

медведя, если Матвей промахнется или только ранит зверя. Беляев должен стоять за берлогой и стрелять, если медведь побежит в его сторону.

— Ну как, все ясно? — спросил Матвей, когда обязанности каждого были повторены дважды.

— А ты сам, Матюха, смотри. Мы в этом деле плохо смекаем, — проговорил Евдоким.

— Знамо, сам, — подтвердил Демьян и, помолчав немного, добавил: — А нам, может, на деревья залезть? А то по первости как-то робостно.

— Какая же с дерева стрельба? Чудак ты, Демьян.

— То-то, может, и чудак. Непривычное нам это дело, Захарыч.

Охотники проверили ружья. Матвей кинжалом срубил высокую, стройную березку, очистил ее от сучков и расщепил макушку надвое.

Через минуту все были на своих местах, с ружьями, взятыми на изготовку.

Придерживая локтем ружье, Матвей засунул в берлогу шест и начал крутить его, стараясь разозлить медведя.

Скоро из берлоги послышалось злое посапыванье.

— Расшевелил! — крикнул Матвей.

Вдруг шест с силой вылетел из берлоги, и Матвей отскочил в сторону. Вздывая землю, из берлоги выскочил медведь. Матвей вскинул к плечу ружье и выстрелил. Зверь взвыл от боли, мордой ткнулся в землю, но быстро вскочил и, подогнув одну лапу под себя, на трех ногах побежал в осинник.

— Стреляйте! Уйдет! — закричал Матвей.

Но выстрелов не раздалось. Тогда Матвей сделал два прыжка вперед, с маху опустился на колени и выстрелил вдогонку убегающему зверю.

По осиннику раскатился дикий, надрывный рев. Медведь присел на задние лапы, замотал головой и рухнул на колоду, поросшую мохом.

В этот момент выскочила из берлоги медведица. Бешено рывкнув, она бросилась на Матвея и придавила его к земле. Ружье вылетело из рук охотника, но он ловко изогнулся и схватил зверя одной рукой за горло, а другой потянулся за кинжалом. Медведица зафыркала, рванула голову, раскрыла пасть и вцепилась когтями в землю.

«Почему они не стреляют? Ведь рядом стоят», — пронеслось в голове Матвея.

Но секунды текли, а выстрелов не было. Медведица свирепела, когтями рвала одежду Матвея, крутила головой, стараясь вонзить зубы в охотника.

— Помогайте! — закричал Матвей.

Беляев видел, как Матвей бросился вдогонку за первым медведем и как из берлоги выскочил второй. Несколько секунд он не трогался с места, зная, что недалеко стоят Евдоким и Демьян. Из-за деревьев он не видел, что оба они бросились бежать, как только показался из берлоги первый медведь. По крику Матвея Беляев понял, что произошло что-то неожиданное, и, прыгая через коряжник, побежал на помощь.

Между лап зверя Матвей увидел сапоги Беляева. Он опустил руку, догадываясь, что Тарас Семенович не даст умереть под зверем. Беляев выстрелил сразу из обоих стволов. Медведица ухнула, осела, обливая Матвея теплой кровью. Тарас Семенович схватил ее за лапу и отволоч в сторону.

Матвей вскочил с земли бледный, без шапки, в изодранном зипуне, с окровавленной рукой, обнаженным боком, исцарапанным когтями зверя.

— Ну, Тарас Семеныч, спас ты меня. Не жить бы мне, — оглядываясь вокруг и отыскивая глазами Евдокима и Демьяна, проговорил он.

Беляев сбросил пальто, снял рубаху и разодрал ее на полосы.

— Я еще давеча подумал, что помощники у тебя, Захарыч, ненадежные, — сказал он, подходя к Матвею, чтобы перевязать раны.

— Таким охотникам самим бы пулю пустить вдогонку. Дерьмо, не люди, — выругался Матвей. — Тарас Семеныч, ты собери вон с той пихты смолу, ранки надо смазать.

— А хуже не будет?

— Не раз испытано.

Беляев набрал на кинжал смолы, и Матвей смазал ею глубокие ссадины на руке и на боку.

После перевязки они стали обдирать медведей. Рана на руке затрудняла Матвею работу. Когда потребовалось очистить шкуру от мяса и сухожилий, он передал кинжал Беляеву.

Звери были большие и жирные. Матвей набрал в мешок медвежьего сала и свернул шкуры. Беляев взвалил одну шкуру на себя, другую повесил на плечи Матвею, и они пошли на займку.

У избушки уже дымился костер, Евдоким и Демьян пили чай. Увидев Матвея с Беляевым, они виновато поднялись.

— Убили?

— Двух?

— Молите бога, что не подвернулись мне сразу! Я б вам всыпал — век бы помнили,— угрюмо сказал Матвей.

— Не нарочно мы. Робостно стало,— сказал Демьян.

— А я вас звал? Сами напросились!

— Меня Евдоким Платоныч смутил. Он побёг, и я не утерпел, за ним вдарился,— оправдывался Демьян.

— Ты на меня не спирай, Демьян. Впереди ты бежал.

— Дак это потом было. А первый ты, Евдоким Платоныч, с места тронулся.

— А мне все равно. После этого мне с вами и разговаривать-то противно!

Беляев стоял позади Матвея молча. Он хорошо понимал его гнев.

— Будет тебе кипятиться, Матюха. Ведь мы с тобой не чужие. Садись пить чай да приглашай гостя,— сказал Евдоким.

Это еще больше обозлило Матвея.

— Чай? — закричал он.— Может, у тебя и водка припасена тут... помянуть покойничка? Дружки-приятели, дьявол бы вас... душегубов! — Матвей перевел дыхание и уже спокойно обратился к Беляеву: — Айда, Тарас Семеныч, домой. Нам тут делать нечего.— И пошел в сторону, слегка сгибаясь под тяжестью ноши.

— Матюха, постой! — с беспокойством крикнул Евдоким.— Кони-то... Кони все равно без дела стоят. Езжайте верхами!

Но Матвей не обернулся.

От займки Юткиных до пасеки Строговых, прямо через поля, было верст пять. Матвей всю дорогу молчал, хмурился, и Беляев думал, что охотник страдает от нанесенных ему медведицей ран. Но он ошибался. Случай на охоте всколыхнул в памяти Матвея другой случай, когда Демьян покушался на его жизнь, и он не мог отделаться от нахлынувших на него подозрений.

К пасеке они подходили в сумерки. Поднявшись на косогор, оба остановились, чтобы передохнуть, и тут у Матвея неожиданно прорвалось:

— Есть же подлецы на свете!

— Я не совсем понимаю тебя, Матвей Захарыч,— мягко сказал Беляев.— Юткин как-никак твой тесть. Ну, трусил, за свою жизнь испугался, но зачем же его так...

— Вы еще не знаете этих людей, Тарас Семеныч,— хмурясь, сказал Матвей.— Это живоглоты, без сердца и совести. От них на деревне стон стоит.

Матвей встряхнул на плече медвежью шкуру и зашагал к дому.

6

Строговы полюбили Беляева. Он держался просто, нередко помогал бабам в домашней работе и особенно много возился с Артемкой.

Вечерами Тарас Семенович либо читал вслух какую-нибудь книгу, либо рассказывал сказки.

Сочинял он их сам; рассказывая, гримасничал, говорил на разные голоса.

Начинались сказки всегда одинаково:

«В некотором царстве, в некотором государстве, за тридевять земель, там, где эта сказка сказывается, жил царь. У царя было много работников. Царь был зол и свиреп. Он заставлял работать на него днем и ночью. Работникам жилось тяжело. Царские служки кормили их плохо, одевали кое-как и за всякую провинность или непослушание стегали нагайками. И вот однажды у одной из работниц родился сын. Матери жилось и без того трудно, и она не раз молила бога, чтобы сын ее умер. Когда он подрос, слуги царя заметили его, и царь приказал взять его рабочим на фабрику. Прошло еще несколько лет. Жизнь работников становилась невыносимой. Тогда молодой рабочий начал думать о том, как облегчить жизнь работников».

Конец сказки бывал различен. Беляев то пускал молодого рабочего скитаться в поисках правды, то подымал работников на войну, то работник погибал за правду. Но всегда царь и его слуги оказывались побежденными, а работники — победителями.

Нередко, рассказав сказку, Беляев спрашивал Артемку:

— С кем бы ты пошел, с царскими служками или с рабочим?

— Конечно, с рабочим. Я бы за ним хоть на край света пошел!

Глаза мальчика загорались, и он расспрашивал:

— Дядя Тарас, а он, этот рабочий, живой, он правдивый?

Беляев серьезно отвечал:

— Самый настоящий, вот как мы с тобой.

Как-то раз Матвей с Беляевым на дворе пилили дрова и, разрезав пополам толстый лиственничный кряж, присели на чурбан покурить.

— Тарас Семеныч, ты Соколовского давно знаешь? — спросил Матвей.

— Да лет восемь.

— Чем он теперь занимается? Учением или при должности какой?

— Ни тем, ни другим. Он революционер.

— Это как же, Тарас Семеныч, понять? Он, значит, вроде ссыльных поляков? У нас тут раньше их много было. Те против царя бунтовали.

— Вроде, да не совсем, — ответил Беляев. — Поляки, что тут у вас в ссылке были, бунтовали с единственной целью: отделиться от Российской империи и образовать свое государство. А такие люди, как Соколовский, к другому стремятся. Они хотят устроить другое государство, без царей, без помещиков и фабрикантов, без деления на богатых и бедных, — такое государство, в котором вся власть будет принадлежать народу и все трудящиеся люди станут равными.

Беляев кратко и простыми словами рассказал Матвею о классовой борьбе. Матвей слушал, забыв о сигарке. Во всем этом было что-то схожее с его мыслями о китайской земле, о богатстве и бедности, о царе, который далек от народа.

— Тарас Семеныч, а кто первый до этого додумался?

— О том, что люди делятся на классы по своему имущественному положению, — отвечал Беляев, — давно известно. А вот насчет того, что неимущие придут к власти через борьбу, первым сказал ученый Карл Маркс.

— А Соколовский — знающий в этом деле?

— Да. Он за границей у Плеханова и Ульянова был. Это первые марксисты в России. Соколовский и меня втянул в революционную работу. Он у нас на заводе тайным кружком рабочих руководил.

— Значит, ты, Тарас Семеныч, тоже заодно с Соколовским?

— Ну конечно! — рассмеялся Беляев. — Ты думаешь, я на охоту приехал? Нужда меня сюда загнала. Я сроду не охотился и охотником поневоле стал. Сам я уральский слесарь. Полгода тому назад в ссылку был осужден. Да вот сбежал. Пока и скрываюсь от полиции, как могу.

— Была у меня такая догадка, — засмеялся и Матвей, — вижу, человек на охоту приехал, а охотиться не особо мастак. Да так уж молчал, спрашивать не смел.

На крыльцо вышла Анна, в полушалке, накинутом на плечи.

— Тарас Семеныч, Матюша, идите обедать!

У двери Тарас Семенович остановился и сказал вполголоса:

— Открылся я тебе, Матвей Захарыч... Кое-чего, может быть, и не следовало говорить. Да, думаю, не подведешь. Вижу, что тебе и самому не все в этой жизни по нутру приходится.

— Не бойся, Тарас Семеныч. Все, что говорено, промеж нас одних и останется.

Не сразу доверился Матвею Беляев. Он долго присматривался к нему, расспрашивал, наблюдал за жизнью пасеки. Случай на охоте связал их крепкой дружбой. Часто они просиживали в темноте у горячей железной печки до вторых петухов, и многое неясное и запутанное в жизни объяснил Беляев Матвею.

Неожиданно на пасеку приехал человек с письмом от Соколовского. В письме сообщалось, что Беляеву можно вернуться в город.

Беляев обрадовался, стал торопливо собираться в дорогу.

Агафья засуетилась, приговаривая:

— Пожил бы еще, Тарас Семеныч, недельку-другую, куда торопиться-то? В городе еще надоест. А мы попривыкли к тебе, как к родному.

— Дядя Тарас, ты еще приедешь? — приставал Артемка.

— Приеду, Артем, обязательно приеду,— обещал Беляев.

Захар достал из подполья два больших туюска и ушел с ними в амбар накладывать мед. Анна завела квашню, собираясь ночью выпечь на дорогу Беляеву свежего хлеба.

— Ты, Тарас Семеныч, дичь и пушнину не забудь,— напомнила Агафья.

Беляев засмеялся.

— Ничего не возьму, мамаша.

— Да ты что, Тарас Семеныч, в уме ли? Бросать такое добро! У тебя одних уток без малого полторы сотни набито,— убеждала его Агафья.

— Ну, раз добро, и пользуйтесь им на здоровье.

Агафья подпоясалась кушаком, взяла подойник и пошла во двор, раздумывая:

«Добрый какой. Видно, при деньгах человек».

На другой день рано утром Беляев уехал.

Строговы долго вспоминали его.

— Таких я люблю,— говорила Анна.— Девять недель жил, а хозяйского на копейку не съел. Одной пушнины рублей на двадцать продать можно.

— С таким мужиком бабам жить легко,— соглашалась со снохой Агафья.— Он тебе и дров натаскает, и печку разожжет, и скот напоить сгоняет.— Она посмотрела на Захара с упреком.— Не тебе, ерыкалка, чета. Ты бабье дело в грош не ставишь.

Матвей, слушая эти разговоры, прятал усмешку. Он знал, кто такой Беляев, но обещал ему молчать и делал это не без гордости.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Дружба Демьяна Штычкова с Евдокимом Юткиным началась в тот самый год, когда уходил Матвей Строгов в солдаты. Однажды, возвратившись из города, Евдоким позвал к себе Штычкова. Демьян робко вошел в дом Юткиных, перекрестился, загнусявил:

— Чай с сахаром!

— Чай пить с нами.

— Только было дело,— отказался Демьян.

— Садись, Минейч, разговор есть.

Демьян сбросил дубленый полушубок; несмело пролез за стол.

Была суббота. Выскобленные полы, застеленные половиками, придавали дому праздничный вид. В горнице у божницы тускло теплилась лампада. Пахло деревянным маслом и гущей.

За столом сидели: Евдоким, Марфа, их сыновья — Терентий и Прохор, хриповатый дед Платон. Когда Марфа подала Демьяну чай, Евдоким сказал:

— Разговор, Демьян Минеич, вот о чем. Подрядился я в город товар по тракту возить. Двенадцать саней должен я подать. А запряжных коней у меня, сам знаешь, восемь. Запрягай остальных. Заработок ладный.

Демьян охотно согласился.

С этого дня у Евдокима с Демьяном завязалась дружба — крепкая, прочная, как калмыцкий узел.

На другой год этой дружбы Евдоким и Демьян выстроили на паях маслобойку.

Приток подвод начинался по санному первопутку. До четвертой недели великого поста маслобойка работала почти непрерывно. За переработку семян хозяева брали натурой. В погребах и подвалах Евдокима Юткина и Демьяна Штычкова появились кадки с постным маслом. Во дворах, у амбаров, кучами лежали плитки жмыха. Жмыхом откармливали свиней. Тяжелые туши, налитые белым жиром, сбывали в городе владельцам мясных лавок.

Вслед за маслобойкой Евдоким с Демьяном построили мельницу. В четырех верстах от села мужики запрудили речку, срубили амбар, втащили жернова, поставили мельничное колесо.

Прошел еще год.

Как-то осенью к Евдокиму Юткину на кровном жеребце приехал Селиван Голованов, купец второй гильдии.

Евдоким вылетел навстречу ему, босой, кудлатый, с новой, в серебряном окладе иконой и хлебом-солью на большом блюде.

— Убери эту деревяшку! — крикнул купец, кнутом указывая на икону.

— Как вашей милости угодно: все-таки мать божья...

— Настоящая мать божья на иконах старого письма, а это... с городских барынь малюют.

Купец был старовером.

В доме он выпил кружку квасу и объяснил цель своего приезда.

У купца контракт на поставку овса военному ведомству. Овса требуется много,— видать, война где-то затевается. Евдокиму прямой интерес увеличить посевы овса да, может, сбить на это еще кое-кого из богатых мужиков. Голованов готов выдать задатки и закупить весь урожай оптом по твердой, хорошей цене.

Евдоким был польщен приездом купца, а его предложение нашел выгодным. Вместе с Демьяном они обмозговали это дело и весной засеяли овсом все поля, какие можно было засеять.

И вот теперь у Штычковых и Юткиных работало почти все село. В покос, на поденщину, выходило по сто косцов. В страду овес убирали тоже чужие руки. Нанимали больше переселенцев. Нанимали всяко: поденно, подесятинно, сдельно. За день работы жнец получал плицу муки, пригоршню гороха и хозяйский харч. Рабочий день продолжался от зари до темна.

Осенью ворота юткинского двора закрывались только на ночь. Днем сюда тянулись люди: одни возвращали взятые весной долги, другие приходили выручать заработки, третьи слезно просили пудовку-две хлеба до зимнего обмолота.

В эту пору под навесом около больших весов слышались брань, слезы, упреки. Обиженные мужики и бабы поминали бога, страшали им своего «благодетеля». В ответ по двору разносился свирепый голос Евдокима:

— Ты меня богом не стражай! Что мне бог? С богом у меня дружба. Дождь пройдет — мельница заработает. Ветер будет — ветрянка завертится. Вёдро будет — пчела меду натаскает. Снег будет — озимые не вымерзнут. Бог прогневается — свечку толстую в церкви поставлю.

Демьян Штычков чтит Евдокима, как родного отца. Пьянствуя вместе с Евдокимом, он часто говорил ему:

— Эх, Евдоким Платоныч, и пошто ты Нюрку за меня не выдал?

— Ты не горюй, Дема, мы с тобой и так родня. А Матюха — ну его к лешему, он таежный человек, не хозяин. Не будет Анне житья с ним, вот увидишь.

Они обнимались и пели песни. Напившись, Евдоким свирепел, бил работников, сноху, сыновей. Его связывали вожжами, укладывали на кровать.

Протрезвившись, он кричал:

— Эй вы, изверги, развяжите!

Младший сын Дениска развязывал его.

Евдоким спрашивал:

— Кто вязал?

— Известно кто — мама с дедом, — других ты одним взмахом засек бы.

— Буянил? — допытывался отец.

— Ну, а то нет? За то и связали.

— Сильно буянил?

— Сильнее некуда. Тереху ударил, Михайле чуть глаз не вышиб, Аринке кофту порвал, у мамы чайник из рук вышиб.

— Разбился?

— Он не железный, пополам разлетелся.

— Ф-фу, черт! Принеси мне капусты, да побольше.

Дениска приносил чашку квашеной капусты. Евдоким съедал ее не отрываясь.

После таких попоек он часами лежал в постели, потом поднимался, и гневный голос его снова гремел в разных концах двора.

2

Матвей не сразу разобрался в том, что произошло на селе за годы его отсутствия. Вначале он заметил только, что Юткины еще больше разбогатели. Но летом, часто бывая в селе и всякий раз навещая своего однополчанина — Антона Топилкина, с которым еще больше сдружился во время солдатчины, Матвей понял, откуда взялось богатство тестя. Половина села ходила в неоплатном долгу у Юткиных и Штычковых. Из бедняков, вроде Топилкиных, они выжимали последние соки. И впервые зародилось в это лето в душе Матвея острое неприязненное чувство к жадному и жестокому по характеру Евдокиму Юткину, которого он и раньше недолюбливал. Дружба Евдокима с Демьяном заставила Матвея после того случая на охоте подозревать тестя еще и в недобрых замыслах. А вскоре произошли события, заставившие Матвея порвать всякие отношения с родней своей жены.

На святках, перед Новым годом, Демьян Штычков запряг лошадь и поехал по селу выколачивать долги. Он

поднялся на гору и остановился у старой избы Ивана Топилкина. Старик Топилкин пилил дрова.

— Открывай, дед Иван, амбар, за долгами приехал! — закричал Демьян.

— Благодетель ты мой, Демьян Минеич, отсрочь до нового урожая! Всего-то три пудовки хлеба осталось, — просил старик.

Не слушая его, Демьян пошел к амбару и широко распахнул дверь.

— Побойся бога, Демьян Минеич! — крикнул старик.

К амбару сбежались все домочадцы Топилкиных. Старуха заголосила. Антона дома не было. Он молотил по найму хлеб в соседней деревне. Подростки, сын и дочь Ивана, стояли, испуганно прижимаясь к отцу.

Никто не решался препятствовать Штычкову. А он выгреб все, что было в закроме, и, усаживаясь в кошевку, сказал старику:

— Полмешка за тобой осталось. До нового урожая обожду.

Демьян хлестнул кнутом лошадь и рысью выехал на широкую улицу.

Через неделю старуха Топилкина с младшим сыном пошла в соседние хлебные деревни собирать милостыню. В крещенские морозы в поле их захватила вьюга, и они затерялись без вести.

Страшная смерть Топилкиных взбудоражила все село. Демьян притих, по целым дням сидел у Юткиных, а на ночь прочно запирали ворота и спускал с цепей рослых злых кобелей.

Но гнев сельчан прорвался наружу. На масленой неделе кто-то свел счеты с Евдокимом Юткиным.

Шел Евдоким вечером пьяный, напевал песню. Кто-то неслышно подкрался к нему сзади и дубинкой ударил по голове. Евдоким потерял сознание, а когда очнулся, ползком добрался до дому. Марфа перевязала ему голову и уложила в постель.

Весть об этом на другой день разнеслась по всему селу.

Марфа позвала трех старух сплетниц, одарила их и велела прислушиваться к разговорам в народе. В полдень старухи сообщили ей, что в народе не жалеют Евдокима.

Юткин прохворал почти до самой пасхи. Поднялся злой, свирепый больше прежнего, сразу же прогнал со

двора девку Андрона Коночкина, пришедшую получить заработанное, стал беспощадно взыскивать все долги.

Платон понял, что злость сына не приведет к добру. Он позвал Евдокима и Марфу в горницу, прикрыл дверь и стал поучать их:

— Ты не дури, Алдоха, брось злиться. С народом нам ладить надо. Видишь, разгневались люди. Он, народ-то, как дите малое, его иной раз и повеселить не мешает. Чем грозиться попусту, поставь на праздниках мужикам ведра три водки, пусть погуляют. Вот он, народ-то, и поразмякнет, забудет обиды, а потом, опосля, опять построжиться можно. Да не притесняй с долгами-то, объяви, что всяк свой долг может поденщиной отработать.

Евдоким долго не соглашался, но Платон и Марфа настояли на своем.

Наступила пасха.

После обедни Евдоким поставил на телегу пятиведерный бочонок, Марфа вынесла ковш, работник открыл ворота, а Дениска созвал всех, кто бывал на поденщине на юткинских и штычковских полях.

Во двор Юткиных со всех концов села потянулись мужики и бабы... Пили сколько могли. Охмелевшие, льстили Евдокиму, забыв его притеснения. Дед Платон, поблескивая лысиной, бегал по двору. Довольный своей затеей, он победоносно посматривал на строптивного сына.

На второй день праздника Демьян Штычков поехал на поля и прискакал оттуда бледный, с недоброй вестью:

— Наши клады сгорели!

Евдоким не поверил, поехал сам. На месте кладей овса лежали только кучи серого пепла. Ветер еще не успел разметать его.

Юткины и Штычковы принялись искать поджигателей. Однако напасть на след не удалось. Даже сплетницы-старухи, которых Марфа на этот раз одарила особенно щедро, ничего узнать не смогли. Поджигатели скрылись в народе, как скрываются бесследно дождевые капли в реке.

Анна, вернувшись из села на третий день пасхи, с возмущением рассказывала, как волченорские мужики отблагодарили Юткиных и Штычковых за праздничное гулянье, а Матвей молчал и думал:

«Так им и надо!»

Еще зимой Евдоким Юткин решил женить своего второго сына, Терентия. Невесту высватали в Балагачевой, у богатого мельника Кондрата Буянова.

Не успела Анна рассказать все деревенские новости и сплетни, как на пасеку вслед за ней прискакал верхом на серой кобыле Дениска.

Он вбежал в дом Строговых, запыхавшись.

— Ты чего прилетел? — обеспокоенно спросила его Анна. — Еще что случилось?

— Тятя послал. Велел звать всех на свадьбу. Тереху женим!

— Гм... — гмыкнул дед Фишка, — с них как с гуся вода.

— Да когда свадьба-то будет?

— А в это воскресенье и будет, на красную горку, значит, ответил Дениска и, помолчав, добавил: — У нас теперь все ребята поженились, один я холостой остался.

Строговы засмеялись, а Дениска поспешил объяснить причину своей радости:

— Теперь мне вольно будет. А то батя все на привязи держит. Даже на улицу вечерами не пускает. «Ты, говорит, мал, погоди, вот Тереху женим, тогда твой черед гулять». А мне уж четырнадцатый год пошел.

— Ты не мал! Больше цыпленка, с галку, — подшутил Матвей.

— Садись обедать, — пригласила Анна брата, — а домой приедешь, скажи батю, что, мол, спасибо передавать велели. На свадьбу все прискачем.

— Нет, не все. Я не поеду, — сказал Матвей.

— Почему, Матюша? — удивленно спросил подросток.

— Не обижайся, Денис, ты хороший парень, а вот отец у тебя...

— Опять ты, Матюша, за старое, — недовольно проговорила Анна. — Уж и позабыть пора эту охоту распронесчастную. Почитай, с той поры уж сколько прошло.

Но гулять на свадьбе Матвей наотрез отказался.

Отказ как ножом резанул по сердцу Евдокима Юткина.

Ночью во время обычной беседы Марфа говорила мужу:

— Езжай, Алдоха, сам к сватам да уломай Матю-

ху — без него нельзя нам играть свадьбу. Ты подумай, что люди скажут? И так по селу болтают, что вы с Демьяном Матюху медведями хотели стравить.

Евдоким долго отругивался, но ехать на пасеку все-таки согласился.

— Ладно, так и быть, поклонюсь зятю.

— Поклонись, поклонись, Алдоха. От поклона поясница не заболит.

На пасеке Евдоким застал всех в сборе.

Матвей сидел за столом, заряжал патроны. Захар готовил рамки для ульев. Артемка что-то мастерил на пороге.

— Вы что ж это, сваты, свадьбу расстраиваете? — сказал Евдоким, переступая через порог.

— Матюша у нас заупрямился, — объяснила Анна.

Захар промолчал. В душе он одобрял поведение сына, но все же ему было неловко перед сватом. Евдоким ждал, что скажет Матвей. Он нарочно сел напротив зятя. Но тот словно не замечал его.

— Ты что ж, Матюша, молчишь? — рассердился Захар.

— Я же сказал, что на свадьбу не поеду.

Евдоким шагнул вперед и встал перед Матвеем.

— Давай, Захарыч, мириться. Ай не родня мы? Нам ли враждовать? А если чем обидел, прощенья прошу. Хошь, поклонюсь в ноги?

— Я не икона, — не отрываясь от работы, проговорил Матвей. — А мириться не буду. Я с тобой не ругался.

Евдоким поспешно сказал:

— А коли так — на свадьбу милости просим!

— Не проси — не поеду. Мне и глядеть-то на вас с Демьяном тошно, — кинув на Евдокима презрительный взгляд, сказал Матвей.

— Ну, как хошь. Бог с тобой, — пробормотал окончательно сраженный Евдоким.

Он повернулся и хотел выйти, но Агафья схватила его за рукав.

— Ты что, сват? Разве можно без чаю! Нюра, — обратилась она к снохе, — ставь-ка самовар на стол.

Матвей собрал со стола ружейные припасы и унес их в горницу, потом оделся и вышел из дому.

Евдоким уехал с пасеки злой. У ворот Анна шепнула ему:

— А ты не горюй, батя, он еще образумится. Я уговорю его.

— Была бы честь оказана,— не веря дочери, буркнул Евдоким,— а так и без него обойдемся.

Утром в день красной горки в село поехали Захар, Агафья и Анна. Матвей с Артемкой и дед Фишка остались дома.

Старый охотник, чтобы не вязались к нему, притворился хворым. Так же, как и племянник, он возненавидел Евдокима Юткина и Демьяна Штычкова на всю жизнь.

4

Двор Юткиных по случаю свадьбы был выметен и усыпан песком, в доме шли последние приготовления.

В полдень женихова родня на разряженных лентами и цветами лошадях покатила в Балагачеву за невестой.

На полосатых дугах звенели колокольчики, на сбруе блестели начищенные бляхи. Свадебный поезд, пополненный невестиной родней, возвратился в Волчьи Норы перед вечером.

У церкви уже толпился народ. Всем хотелось взглянуть на невесту. Она шла, окруженная подругами, опустив глаза, и краснела от громких бесстыдных замечаний, которые неслись из толпы.

Когда из церкви приехали к Юткиным, новая родня удивила всех своим блеском. Одних девушек — подруг невесты — набралось не меньше десятка. На них были одинаковые белые платья с цветными вышивками, и пели они звонко и слаженно:

Виноград по горам растет,
А ягода малина по садам цветет.
Виноград — свет Терентий Евдокимович.
А ягода малина — свет Анисьюшка да Кондратьевна.
Дай им, господи, и совет и любовь,
Во совете, во любви век прожить.

Одна из подружек взяла тарелку и стала с нею обходить гостей. На тарелку посыпались пятаки, гривенники. Захар бросил полтинник, Евдоким осторожно, как в церковную кружку, положил медный пятак.

В толпе, осаждавшей окна юткинского дома, отсутствие Матвея Строгова на свадьбе заметили не сразу.

— Эй, ребята, а где же Матюха?

— Верно, где он? — взволновались зеваки.

— Сказывают, осерчал он на Евдокима за прошлогоднюю охоту. Ладно, он не сробел, а то бы не жить ему. Первого медведя будто из ружья застрелил, другого, сказывают, как схватил за язык, так все нутро ему прочь и вывернул.

— Силач!

— Уж что и говорить.

— И гордяка! На свадьбу, вишь, не приехал.

— Да и поделом! Им, чертям, Юткиным, только и остается, что в рожу плюнуть. Все село в кулак зажали.

Свадебная гулянка затянулась почти на неделю.

Анна уехала раньше. Она была на сносях, и свадебная толкотня утомила ее.

5

Перед отъездом Кондрата Буянова домой Евдокиму захотелось показать ему свое хозяйство. Работник Михайла запряг в тележку буланого жеребца, и хозяин, прихватив с собой Демьяна Штычкова, повез свата смотреть маслобойку. Хитрый Кондрат был несловоохотлив.

— Хорошо облажено, — сказал он, выходя из маслобойки.

— Это еще что, сват! Ты вот мельницу погляди, — и, не спросив своих спутников, хотят ли они ехать дальше, Евдоким свернул в проулок и повез их за село.

Пахота еще не начиналась, на полях было пусто, кое-где в ложбинах белели нерастаявшие кучки снега.

Евдоким покрикивал на жеребца, и тот, оттопырив хвост, мчал тележку так, что у седоков ветер свистел в ушах. Уже начинало смеркаться, и Евдоким торопился засветло доехать до мельницы.

На плотине, у самой мельницы, буланый остановился и захрапел.

Евдоким прикрикнул на него, жеребец вздрогнул, но стоял, прядая ушами.

Демьян соскочил с телеги и побежал посмотреть, что преграждает путь.

— Мост разворочен, Евдоким Платоныч! — крикнул он.

— Держи, сват. — Евдоким сунул в руки Кондрата вожжи и побежал к Демьяну.

Тот стоял на плотине, возле желоба. Мосток через желоб, по которому вода шла к мельничному колесу, был сброшен в пруд. С мельницы донеслись глухие удары. Там что-то рубили.

— Идем вброд,— сказал Евдоким и шагнул в желоб.

Вода доходила ему до колен и текла очень быстро. Пошатываясь, Евдоким перебрался на другую сторону. Демьян полез за ним.

Бегом они бросились к мельнице. Дверь оказалась открытой.

— Кто там? — закричал Евдоким.

Никто не отвечал. Но в тот же миг что-то затрещало и бултыхнулось в воду.

Когда перепуганный Демьян наконец зажег спичку, они увидели бывшего волченорского пастуха Антона Топилкина. Оба бросились на Антона, схватили, закрутили руки назад, связали их кушаком.

Демьян остервенело ударил Антона кулаком по лицу — раз, другой, третий.

— Это за что же ты, разбойник, мельницу распоручил? — прерывающимся, злобным голосом спрашивал он. — За что?

Антон выплюнул кровь изо рта, громко сказал:

— За все сразу. За мать, за братишку, за Устиньку.

Антон избили до потери сознания и потащили на телегу.

Кондрат, прикорнув на телеге, крепко спал и очнулся лишь тогда, когда Демьян выжал ему на лицо мокрый рукав зипуна.

— Ну и спишь, сват, как убитый,— упрекнул его Евдоким.

— А это кто? — испугался Кондрат, увидев подле себя стонавшего Антона.

Пересыпая слова руганью, Евдоким рассказал, что произошло на мельнице, и, повернув буланого, погнал к селу. Когда подъехали к околице, уже совсем стемнело. Евдоким остановил коня у березы, спрыгнул с телеги. Привязав коня, позвал Кондрата и Демьяна. Все трое отошли в сторону, стали совещаться, что делать с Антоном.

— Вези прямо к старосте,— посоветовал Кондрат. — Пусть до утра в амбар запрет, а днем соберет сходку. Там миру все обскажете, мир сам решит, как наказать подлеца.

— Неподходяще нам на сходку Антона тащить,— сказал Демьян.— Жаловаться начнет, а народ, чего доброго, на его же сторону встанет.

— А что у тебя — провинки какие? — спросил Кондрат.

— Провинки не провинки, а давно он зуб на меня имеет. Видишь, Устиньку даже припомнил. Отбил я ее у него когда-то. А тут старуха Топилкина с парнишкой замерзли. Опять же вроде как я виноват. А я что? Я только свое взял.

Евдоким помолчал, раздумывая, потом сказал твердо:

— Пусть мир как хочет судит да рядит, а я завтра к волостному старшине поеду, обскажу ему, что и как. Он ведь родня мне по бабе приходится.

— Вот-вот, так-то лучше, Евдоким Платоныч,— обрадовался Демьян.

Сели опять в телегу. Антона развязали и сбросили на пустыре за церковь. По селу прокатили махом.

На следующий день Евдоким побывал в волости. Старшина приказал изловить Антона. Евдоким, Демьян и сельский староста Герасим Крутков пошли к Топилкиным. Отец Антона заявил им, что он не видел сына со вчерашнего утра. Поехали на поля, но и там Антона не оказалось.

Прошла неделя, другая. Антон в селе не появлялся.

В народе пошли слухи, что Евдоким с Демьяном убили Антона. Волченорцы снова заволновались. Старик Иван Топилкин собирался ехать с жалобой к властям, но вернувшиеся из города мужики рассказали, что видели Антона в большом пригородном селе, и народ успокоился.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Анне хотелось, чтоб во главе будущего большого хозяйства Строговых стоял Матвей. Себе она отводила иную роль: она мечтала быть хорошей хозяйкой при хорошем муже.

Но перемены на пасеке не увлекли Матвея. Он чужими глазами смотрел на все созданное стараниями жены,

будто и две новые коровы, и новые пашни, засеянные рожью-скороспелкой, и рыжий жеребенок получистых кровей принадлежали не ему.

Это настораживало Анну, и она решила склонить Строговых на новое дело — начать строить мельницу. Мельница могла привязать Матвея к хозяйству и отвлечь от тайги.

Однажды утром, когда вся семья завтракала, Анна завела разговор:

— Давайте, мужики, мельницу на Соколинке построим. Чистый заработок. Воды у нас много, лес под боком, а все остальное сгношим помаленьку. Как ты, мама? — обратилась она к свекрови, поддержкой которой заручилась раньше.

— Уж чего бы лучше! — воскликнула Агафья. — Всегда были бы с мучкой, да и с доходом. Как ты, старик, думаешь? — взглянула она на Захара.

— А по мне, хоть завтра начинайте, — скороговоркой выпалил тот.

Анна и Агафья посмотрели на Матвея. Все теперь зависело от него.

Матвей покачал головой.

— Подумать надо. Не зная броду, не надо лезть в воду. Мельницу построим, а молоть что будем?

— Рожь, — ответила Анна.

— А кто к нам повезет ее в такую даль?

— Этого бояться не надо, Матюша, — заговорила Анна. — Много ли десять верст? Люди и за сорок едут. В случае чего пустим помол вполтину дешевле — отбою не будет.

Матвей добродушно засмеялся.

— Так ты всех помольщиков у отца отобьешь. Гневаться он будет.

Анна ответила, озорно сверкая карими глазами:

— Пусть гневается! А знаешь пословицу? Кто зеваает, тот воду хлебает.

Все замолчали. Было слышно, как недовольно сопел дед Фишка. Сколько раз собирались они с Матвеем на Юксу — и все что-нибудь задерживало.

— Ладно, — вдруг горячо заговорил Захар, — мельницу будем строить. Испытка не убыток. Если подвозу не будет, на амбар для пчелы переделаем.

Агафья всплеснула руками.

— Ну что ты скажешь! Ровно его нечистый за язык дернет... «На амбар переделаем!» — передразнила она Захара.

Анна серьезно ответила свекру:

— Вы только постройте мельницу, а помол будет. Народу с каждым днем прибывает.

Спустя несколько дней после этого разговора пять плотников-новоселов застучали топорами на берегу речки, у большого омута.

Анна приходила к сруб за щепками, смотрела на дружно работавших плотников и радовалась.

Как-то вечером, возвращаясь вместе с Матвеем и плотниками домой, она сказала:

— Осенью, Матюша, за жерновами в город съездишь. Зимой с бате́й закрома и колесо сготовите, а на будущий год к страде и пустить можно. Вот между делом и построим мельницу.

Матвей вяло слушал ее; он смотрел на зеленеющие смолевые пихта́чи, тянувшиеся до берегов Юксы, и думал о своем.

Через несколько дней Анна родила. Плотников пришлось распустить. Сруб мельницы остался незаконченным.

2

Когда Анна поправилась, а ребенок, названный Максимом, немного окреп, Матвей решил отправиться на Юксу. Стояло затяжное ненастье, и в поле все равно делать было нечего.

Дед Фишка суетился, собирал припас, харчи в мешок, торопил Матвея, боясь, как бы какие-нибудь дела вновь не задержали племянника.

Из дому охотники вышли в один из дождливых дней после успенья и целую неделю бродили по тайге.

В лесу было тихо. Как и шесть лет назад, в грустной задумчивости приопустив сучья, стояли кедры. По-прежнему с шумом катила Юкса свои мутные воды.

Матвей знал здесь каждый угол, и всюду ему хотелось побывать, приятно было вспомнить о прошлом.

После солдатчины и встречи с Беляевым мир повернулся к Матвею какой-то иной стороной. Мысли стали острее и беспокойнее.

Еще совсем недавно Матвей мало думал о несправедливости купца Кузьмина. Это вспоминалось лишь два раза в год, когда приходилось везти богатому золотопромышленнику бóльшую долю того, что добывалось трудом отца и его, Матвея, на пасеке. Теперь же он не забывал об этом ни на минуту.

Демьян Штычков разорил семью бывшего запевалы его роты, Антона Топилкина. И все-таки виноватым остался опять Антон. Именно он, а не Демьян Штычков, покинул родное гнездо и ушел одиноко бродить по белому свету.

Сколько же людей работает на таких вот кузьминых, штычковых, юткиных? И почему люди терпят эту несправедливость?

Дед Фишка не замечал задумчивости племянника.

— Теперь, Матюша, мы с тобой опять одни на Юксе. Все как раньше, до службы,— говорил он, испытывая радость от одного сознания, что они с Матвеем снова идут по тайге, как ее безраздельные хозяева.

Матвей понимал старика и радовался вместе с ним. Однако внутренне он не был уверен, что все останется, как прежде. Любовь к тайге и охоте жила в его душе с той же силой, что и шесть лет назад, но наряду с этой страстью в нем появилось и другое: тяга к людям.

Как только выведрилось, Матвей заторопился домой.

Из тайги охотники возвращались довольные, с тяжелой поклажей на плечах. В мешках лежали вспоротые (чтобы не протухли) глухари и рябчики.

По пути на пасеку завернули в Балагачеву. Заходить сюда они не собирались, деревня стояла в пяти верстах от тропы. Но ясный день кончился, а к вечеру небо опять заволокло тучами, и ночь начиналась дождем. Где-то за Юксой на темном небосклоне вспыхивали яркие молнии и погромыхивал гром.

Кинтельян Прохоров и его жена Акулина встретили охотников приветливо.

— Постарел ты, Захарыч,— ощупывая плечи Матвея, говорил хозяин,— усы, бородку отпустил, да и сам раздался.

— Да, а был-то какой! — сочувственно поддакнула

Акулина.— Орел! Мы с мужиком все, бывало, любовались.

— Бегут года. И рад бы остановить их, да не выходит,— с грустной усмешкой сказал Матвей.

Кинтельян стал жаловаться на судьбу.

— Живем — коптим небо,— заговорил он,— что летом заработаешь, то зимой съешь. А нынче совсем не знаю, как жить будем. Сена мало заготовили, а хлеб из-за дождей, почитай, весь на корню погнил.

— Да ведь у вас, кажись, насчет лугов тут раздолье,— не понял Матвей.

— Лугов-то много, да не достаются они нашему брату. Все хорошие места Сергуха Волков захватил. Луга делили по скоту. А у него, почитай, одних коров десятка два голов будет. Что ж, первый житель в деревне, все под его рукой ходят. Нам с Ариной Добровой достались две полянки в низинах, где одна осока растет.

— Как Арине-то живется? — спросил дед Фишка.

Арина была вдовой Изосима Доброва, утонувшего на Юксе вместе с Прибыткиным и Меншиковым.

Акулина покачала головой.

— Плохо живется Арине. Бьется баба как рыба об лед.

— А все Степан Зимовской насмутьянил: бегал по деревне да всем золотые горы сулил,— со злобой сказал Кинтельян.

— И он, Кинтельян Прохорыч, пострадал. Видел сам — от заимки одни угли остались,— заметил Матвей.

— Что верно, то верно,— согласился Кинтельян.— А все ж таки живет Зимовской не по-нашему. Нынче по весне лавку в Сергее открыл, капитал думает сколотить, а потом на Юксе собирается золото искать. Мужики сказывали, опять артель сбивает.

Матвей изумленно взглянул на деда Фишку. Тот был так поражен этой новостью, что слушал, не сводя глаз с Кинтельяна.

— Вот жена наемни была в Сергее. Степан-то Иваныч, говорит, за прилавком в белом фартуке, что твой купец в городе...

— Этот маху не даст, нет! Добром дело не пойдет — обманывать станет,— вставила Акулина.

Дед Фишка недовольно сопел трубкой, дергал себя за длинные брови.

— А лавка-то, Акулина, богатая?

— Какая, к лешему, богатая! Полок много, да пока пустые больше,— ответила Акулина и, помолчав немного, добавила: — А может, не выкладывает все товары. Он ведь, Зимовской-то, хитрый, не любит свое добро на людях показывать.

Пока разговаривали, вскипел самовар. Акулина быстро собрала на стол и пригласила гостей ужинать.

Ночь охотники провели беспокойно. Тучи прошли стороной, и вместо грозы и ливня, которых они ждали, брызгал редкий, ленивый дождик.

Матвей несколько раз выходил на крыльцо. Попыхивая самокруткой, он смотрел на мутное небо и думал о Юксинской тайге.

Вспомнился Беляев.

Зимой, незадолго до его отъезда, Матвей рассказал ему о тревожных выстрелах в тайге, о самоубийце, найденном охотниками, о следователе Прибыткине и о поисках золота в песчаных берегах Юксы.

Матвей предложил Беляеву приехать весной и отправиться вместе с ним и дедом Фишкой в тайгу на поиски золота.

Беляев глухо рассмеялся и проговорил шутливо:

— Мне, Матвей Захарыч, золота много не надо. С полфунта бы. Послал бы жене с дочурками, им на хлеб на соль пригодится, пока я по белому свету странствую.— Почмокав губами о подаренный ему дедом Фишкой мундштук, сделанный из корня березы, Беляев серьезно продолжал: — Земля наша русская богата, Захарыч. И у нас на Урале, и у вас в Сибири много еще добра лежит нетронутым. Верю, что у вас на Юксе есть золото. Да, может, и не только золото. На этих просторах можно найти все, что захочешь: и каменный уголь, и железную руду, и нефть. Но можем ли мы заниматься этим сейчас? Сам посуди: ну, пойдем мы с тобой на Юксу,— какой из этого толк будет? Трудно двоим-троим без специальных знаний найти золото, а еще труднее взять его. Насмотрелся я на Урале, как там живут старатели. Нищета. Случайные и редкие заработки. Ну, пусть даже мы найдем малую толику золота, поправим немного свою жизнь. А дальше что? Ведь если ставить это дело по-промышленному — огромные капиталы нужны. Вот и выходит, что найдем мы с тобой золото, а воспользуется нашей

находкой какой-нибудь богатый промышленник, вроде Кузьмина, да нам же на шею ярмо и повесит. Нет, уж лучше я о другом буду думать. Ты мне как-то говорил, что у тебя сердце кровью обливается, как о китайцах вспомнишь. То же самое и у меня. Ведь наши рабочие и крестьяне, Захарыч, не лучше китайцев живут. Теперь и посуди, стоит ли мне от своего дела отрываться. Надо жизнь эту постылую расшатывать,— вот о чем я думаю.

Вспоминая теперь этот разговор, Матвей видел, как глубоко прав был Беляев.

Что они вдвоем с дедом Фишкой могли сделать на этих просторах?

Зимовской отлично понимал это и начинал по-другому. Торговля принесет ему деньги и силу. И тогда народ за кусок хлеба будет без конца ворочать ему землю, а он — набивать карманы золотом. Получится так, как говорил Беляев: один будет богатеть, а сотни и тысячи — гнуть спину и жить в нищете. Юксинская тайга станет вотчиной Зимовского.

Никогда еще Матвей не переживал такого смятения. Может быть, только в эту ночь он первый раз в жизни до конца понял, как дорога для него Юкса и как ненавистен ему Зимовской.

— Народу — не жалко, а вот Зимовскому... — прошептал Матвей и решительно, вслух, произнес: — Не отдам!

— Ты о чем, Матюша? — спросил из темноты дед Фишка.

Давно уже, незамеченный, стоял он возле Матвея. Старику тоже не спалось. Неладно складывалась жизнь на старости лет. Сначала Прибыткин, теперь вот Зимовской...

— Пойдем, дядя, спать. Рассвет скоро, — помедлив с ответом и не удивляясь тому, что старик здесь, проговорил Матвей.

Утром, когда охотники вышли из Балагачевой, Матвей сказал:

— Плохи наши дела, дядя. Видишь, что Зимовской замышляет?

— Бог не допустит этого, Матюша.

Матвей промолчал. В бога он не особенно верил. Но у деда Фишки бог был фартовый и кое-когда помогал старику.

На пасеке Матвея ждал Влас, приехавший из города с важной вестью. Матвей увидел его с косогора. Влас сидел подле амбара, и бритая голова его блестела на солнце. Тревожное чувство поднялось в Матвее, когда он подошел к брату.

Влас шагнул навстречу, улыбнулся и заговорил скрипучим голосом:

— Третий день тебя жду. Надо вот так! — Он провел пальцем по кадыку.

— Пошли в дом,— проговорил Матвей, на ходу сбрасывая с плеч мешок с глухарями.

Захар, Агафья и Артемка засуетились возле охотников, оценивая добычу.

Анны дома не было: в день приезда Власа она с Максимкой уехала в Волчьи Норы.

Матвей и дед Фишка опустились на пол у порога, стаскивая промокшие бродни. Влас сел на табуретку, ссутулился, стал сразу меньше.

— Нерадостную весть привез я тебе, Матвей.

Матвей, сдерживая дыхание, взглянул на брата.

— Война, говорят, скоро будет. Да-с.

Кровь отхлынула от потного лица Матвея.

— С кем?

— С японцами. Сказывал верный человек. Нынче зимой пустил я к себе на квартиру тюремного фельдшера Прохоренко. Квартирант исправный, иной месяц вперед платит-с. Так вот он и говорил-с.

— Да брось ты сыкать! Смерть не люблю! Рассказывай о деле,— сердито сказал Матвей.

— Так вот он, Прохоренко-то,— заторопился Влас,— военным фельдшером был, а теперь перевелся в тюрьму. Уверяет, что вот-вот война на Дальнем Востоке начнет-ся. Будто англичане японцам против русских помогать будут.

— Из-за чего же воевать собираются?

Влас втянул голову в плечи.

— Про то одному царю известно...

— Ну пусть один и воюет! — почти крикнул Матвей.

— На кулачках бы цари и схлестнулись, чем народ-то губить,— засмеялся дед Фишка, но, взглянув на Матвея, ставшего вдруг суровым, умолк.

Матвей встал с полу, выбросил бродни и мокрые портянки в сени и босой прошел в передний угол.

— Пропади она пропадом, жизнь такая! Было б за что воевать...

— Лихоманка жизнь,— хмуро заметил дед Фишка, понимая, что дело для Матвея может обернуться очень плохо.

Захар и Агафья вздохнули. Артемка по лавке пробрался за стол к отцу и обнял его за плечи. Мальчик видел, что отец взволнован, и пожалел его.

— Но есть, Матюха, выходец. Тебе можно не ходить на войну,— подымаясь с табуретки, проговорил Влас.

Матвей взглянул на брата.

— Поступай в тюрьму надзирателем. Оттуда не берут. С начальником можно все уладить. Я и Прохоренко похлопочем за тебя.

— Людей в неволе держать? Нашел тюремщика! Ты совсем, Влас, рехнулся! — вспылил Матвей.

— А убивать людей лучше? Ты об этом подумал?

Матвей опустил голову и, помолчав, сказал:

— Ну что ж. Придется поехать самому и все толком разузнать в городе.

— Непременно-с. Я затем и приехал,— обрадовался Влас.

Торговые дела Власа шли неважно. Он едва сводил концы с концами, а ссора с отцом лишила его последней поддержки. Надо было сделать что-то доброе для семьи, чтобы восстановить былые отношения. Это и заставило его поспешить на пасеку, как только он узнал о близкой войне.

В тот же день Матвей поехал в Волчьи Норы. О возможности войны русского царя с японцами уже поговаривали в народе.

В Волчьих Норах Матвей побывал у солдат, только что демобилизованных из армии. Солдаты рассказывали неутешительные новости. На Дальний Восток шли войска из России. Часть солдат, подлежащих увольнению, была задержана на неизвестный срок.

Из села Матвей вернулся вместе с Анной.

При одной мысли об уходе Матвея с пасеки у Анны сжималось сердце. То ласками, то угрозами пыталась она удержать Матвея дома.

— Ты подумай, Матюша, что будет? Опять все прахом пойдет,— говорила она.— Мельницу вот не достроили. Земли сколько у нас нераспаханной... И мне жить надоело так: не то вдова, не то мужняя жена. А войны, гляди, и совсем не будет.

Матвей молчал.

Жизненная дорога перед ним раздваивалась, и он еще не знал, в какую сторону придется идти.

4

Через три дня Матвей сидел в доме брата в городе и слушал пылкую речь Власова квартиранта, тюремного фельдшера Прохоренко.

Небольшой, щупленький, с усиками, закрученными в стрелку, он подсакивал в кресле и кричал, будто перед ним была толпа:

— Тихий океан и его побережье, дорогой мой,— это кладезь неисчислимых богатств. Сюда тянутся руки всех государств. И Россия не имеет прав отставать! Не надо забывать: мы — могущественная держава мира. Война будет! И скоро, дорогой мой!

Прохоренко передохнул, хлопнул Матвея по плечу.

— Россия разобьет, дорогой мой, японцев в полмесяца, но все-таки это будет война. Зачем вам рисковать собой?

Матвей смотрел на кривляющегося перед ним человека и чувствовал, что слова фельдшера раздражают его.

— Если жить по правде, господин фельдшер,— сказал Матвей,— то ни русскому царю, ни японскому не надо лезть на китайские земли. Пусть китайцы сами свою жизнь настраивают.

— Вы наивны, дорогой! — вскочил Прохоренко.— Поймите одно: Китай — это неисчерпаемые богатства...

— Так у богатства есть свой хозяин. Вот о чем я.

Прохоренко махнул рукой, схватил со стола пачку газет и выскользнул за дверь.

— Этому впору городским головой быть,— с гордостью сказал Влас.

Матвей молча выплюнул окурок на щелястый, некрашеный пол.

Вечером он пошел к Соколовскому. На многие вопросы тюремный фельдшер не дал ответа. В газетах, на которые он ссылался, было много угроз японцам, бахвальства, но ничего определенного о войне не говорилось.

Матвей долго блуждал по городу, пока нашел улицу, на которой жил Соколовский. Взойдя на покосившееся парадное крыльцо двухэтажного дома, он дернул за проволоку звонка.

Вскоре послышались торопливые шаги по лестнице, и дверь широко распахнулась. На пороге стояла высокая молодая женщина. Большие синие глаза ее смотрели на Матвея с любопытством.

— Мне Соколовского надо,— сказал Матвей.

— Такой здесь не живет,— ответила синеглазая женщина.

— А он здесь жил? Это дом номер двадцать девять? Он сам мне этот адрес давал,— торопясь проговорил Матвей.

— Да, он здесь жил. Но теперь не живет. А вы что — его родственник или просто знакомый? — как-то странно спросила синеглазая женщина, продолжая внимательно приглядываться к Матвею.

— Знакомый,— ответил Матвей и подумал: «Что она, дура? Уж на родственника-то я никак не похож».

— Ах вон как! — воскликнула женщина, точно услышала что-то неприятное, но, спохватившись, проговорила подчеркнуто любезным тоном: — Сочувствую вам, но где теперь живет Соколовский, не могу вам сказать,— не знаю.

«Все знает. С того же куста ягодка»,— решил Матвей и, помолчав, спросил:

— А Беляев здесь не проживал?

— Беляев? Никогда о таком не слышала. Соколовский жил... это так.

Матвей постоял несколько секунд, обескураженный неудачей, и слегка поклонился.

— Всего доброго вам!

— До свиданья! — сухо бросила женщина и хлопнула дверью, но когда Матвей оглянулся, то увидел в щель синие глаза, с интересом наблюдавшие за ним.

Глаза были полны не то тревоги, не то озорства. Матвей недоумевал: «Смеется или Соколовского прячет?»

Вместо ясности и спокойствия, которые он хотел получить у Соколовского, он уходил отсюда еще больше обеспокоенный и встревоженный.

Утром в комнату, запыхавшись, вбежал Прохоренко.

— Собирайтесь, дорогой мой! Начальник обещал мне принять вас с утра.

Матвей встал. Собираясь, думал: «Что же делать?»

Ночь прошла, а он еще не знал, какую дорогу выбрать.

Фельдшер торопил его. Матвей наскоро умылся, выпил стакан чаю.

Дорогой, не слушая болтовни фельдшера, он продолжал обдумывать то, что собирался сделать, и очнулся от своих дум лишь в кабинете начальника тюрьмы господина Аукенберга.

— В солдатах служил? — спросил Аукенберг.

— Служил. Без малого пять лет.

— Рядовой?

— Так точно.

— Награды получал?

— Получал. Два золотых от генерала Нищенко.

— За что?

— За хорошую стрельбу.

— Грамотный?

— Так точно.

— В бога веруешь? Престолу отечества предан?

Матвей замаялся, ответил не сразу:

— Известно, как все крестьяне.

Аукенберг окинул взглядом Матвея, позвонил. В кабинет влетел испуганный чиновник, вытянулся перед начальником. Тот, не глядя на него, сказал, указывая головой на Матвея:

— Примите этого младшим надзирателем.

Через полчаса Матвей вышел из конторы тюрьмы, все еще плохо сознавая, что произошло.

За воротами он догнал толпу арестантов, шедших под конвоем тюремных надзирателей. Арестанты шли медленно, тяжело передвигая ноги.

Когда Матвей поравнялся с ними и стал всматриваться в их лица, словно разыскивая кого-то, один чумазый арестант взглянул на него большими завистливыми глазами и сказал громко:

— Эх, воля-матушка!

— Без разговоров! — крикнул надзиратель.

По толпе прокатился недовольный говорок.

Арестанты шли, и Матвею казалось, что они бьют ногами о мостовую с остервенением. Он вдруг повернулся и побежал обратно к тюрьме.

«Нет! Лучше на войне умереть, чем людей мучить», — думал он.

Прохожие сторонились его и провожали удивленными взглядами.

У ворот Матвей столкнулся с начальником тюрьмы. Господин Аукенберг сел в пролетку.

— Ваше высокоблагородие, отставьте меня. Не по мне это дело, — проговорил Матвей взволнованно.

Господин Аукенберг взглянул на Матвея и, кажется, не узнал. Пара белых лошадей рванулась вперед, зацокали о камень подковы, посыпались искры. За колесами всклубилась, как пороховой дымок, легкая пыль.

5

На этом и кончилась бы злополучная история с поступлением Матвея на службу в тюрьму, если бы на другой день он не встретил Соколовского.

Началось с того, что Влас стал выговаривать младшему брату скрипучим, надоедливym голосом:

— Неблагодарный ты! О тебе знатные люди пекутся, добра желают, а ты упрямисься... Ты о семье подумал? Кто твоих сирот кормить будет, если на войне погибнешь? На меня рассчитывать не приходится. Я еле концы с концами свожу. Сам видишь, живу как плотва среди щук. Того и гляди, как бы купчишки со всеми потрохами не проглотили.

Матвей смотрел на брата скучными глазами, думал о своем и молчал. В комнату быстро вошел фельдшер Прохоренко. Узнав о решении Матвея, он сунул руки в карманы и забегал по комнате.

— Пожалеете, молодой человек! — крикливо заговорил он. — Пожалеете, да-с! И в другой раз на протекцию не рассчитывайте. Ее не будет-с!

— Я и говорю... — снова вступился Влас.

Выслушав все упреки и рассуждения Власа и фельдшера, Матвей вдруг встал и вышел из комнаты, озадачив

собеседников своим решительным, сосредоточенным видом.

Пока его убеждали поступить на службу в тюрьму, у него окончательно созрело решение во что бы то ни стало разыскать Соколовского или Тараса Семеновича Беляева. Только эти люди могли разъяснить ему вопрос о войне и дать умный, дельный совет.

И вот опять, пройдя лабиринтом кривых безлюдных улочек и переулков, Матвей увидел двухэтажный домик, в котором когда-то жил Соколовский.

Сердце его забилося от волнения. Он почти не сомневался, что к нему выйдет та же синеглазая женщина. Но как убедить ее в том, что он друг Соколовскому и Беляеву, что ему можно верить?

Оглянувшись по сторонам, Матвей поднялся на крыльцо и дернул за проволоку. Скрипнула дверь, на лестнице послышались легкие, быстрые шаги. Матвей внутренне подтянулся, намереваясь первыми же словами вызвать к себе доверие синеглазой женщины.

И верно — это была она. Но Матвей не успел и слова сказать.

— Вы Строгов? — спросила женщина.

— Да.

— Входите скорее.

Через минуту Матвей сидел в маленькой комнате и внимательно слушал синеглазую женщину. Она объясняла:

— Федор Ильич находится в другом месте. Я вас провожу к нему, но... необходимы некоторые предосторожности. Я пойду по другой стороне улицы. Вы будете следовать за мной и войдете во двор только тогда, когда я вернусь к воротам и кивну вам.

— Хорошо, я понял вас, — сказал Матвей. Из всего, что происходило, ему стало ясно, что Соколовский знает о его дружбе с Беляевым и доверяет ему.

Женщина взглянула в окно, выходившее на улицу, и сказала:

— Если хотите, пойдем. Спуститесь с крыльца, идите налево. Минут через пять я вас догоню.

Матвей поднялся, заспешил к выходу.

— Не торопитесь, пожалуйста, — с улыбкой сказала женщина. — Торопливый всегда привлекает внимание.

Подавляя нетерпение, Матвей вышел из дома, не спеша спустился с крыльца и зашагал по улице, не оглядываясь.

Вскоре на другой стороне улицы он увидел синеглазую женщину. Она шла почти на одной линии с Матвеем и только раз оглянулась, чтобы убедиться, что Матвей следует за ней. Путь оказался не близкий. Пришлось свернуть на другую улицу, пересечь пустырь и, наконец, перейти мост через речку. В каком-то безымянном тупичке женщина вдруг юркнула за ворота одного из домов и долго не появлялась. Матвей дошел до конца тупика и повернул назад. Женщина стояла у ворот дома и усиленно кивала ему головой.

Федор Ильич Соколовский принял Матвея в просторной комнате старого, осевшего на один угол дома. В комнате стояли железная кровать, столик, накрытый белой скатертью, три жестких стула и комод, заставленный фотографией, коробочками и флаконами. Окинув взглядом обстановку, Матвей понял, что живет здесь, по-видимому, женщина.

Соколовский стоял посредине комнаты. Матвей не сразу узнал его. Похудевшее лицо его словно вытянулось, живые глаза скрывались за синеватыми стеклами очков в золотой оправе. Но вот он снял очки, и глаза сразу стали приветливыми.

— Сколько лет! Какими судьбами, Строгов?! — воскликнул Соколовский, крепко пожимая руку Матвею. — Давно в городе?

— Да я уж вчера к вам приходил, — сказал Матвей.

— Знаю, — улыбнулся Соколовский, — но прошу вас забыть тот адрес... Ну, садитесь, рассказывайте, что у вас нового. Как ваши волченорцы живут?

Матвей заговорил о том, что больше всего его самого волновало: о силе деревенских богатеев Юткиных и Штычковых, о полном обнищании Топилкиных, о тяжелой доле батраков, о бесконечных поборах, которыми власти притесняют мужиков.

— А тут еще такая беда: слух прошел, будто царь войну с японцами замышляет, — продолжал Матвей. — У брата тюремный фельдшер квартирует, так он от политиков в тюрьме это слышал. Сначала я не поверил, поехал в село, обошел всех солдат, которые вернулись с Дальнего Востока. Те говорят: «Быть войне!» Я спраши-

ваю у них: «А из-за чего ей быть-то?» — «Японскому царю, говорят, земель мало стало, на китайские зарится, а наш царь тоже не прочь...»

Соколовский, почувствовав, что Матвей мучительно ищет правды, рассказал ему о борьбе русского и японского капитализма на Дальнем Востоке, о растущем обострении этой борьбы, которое неизбежно ведет к войне с Японией. От его слов у Матвея будто пелена спала с глаз. То, о чем он смутно догадывался, что постигал чутьем думающего человека, раздвигалось в его сознании, приобретало определенность, становилось убеждением.

— Ну, пусть батюшка царь на меня в этой войне не рассчитывает! — сказал он с ожесточением в голосе.

— Вы что же, войны боитесь? — спросил Соколовский, и легкая улыбка пробежала по его губам.

— Строговы трусами никогда не были. Мой дедушка Наполеона бил, три креста за храбрость имел, — с гордостью проговорил Матвей. — А только эту войну за китайские земли у меня душа не принимает!

— И как же вы думаете... — помолчав, начал Соколовский, но Матвей не дал ему договорить:

— Как? А вот так: уйду в тайгу, в самые дебри, и не то что урядник — сам дьявол меня не найдет.

Соколовский рассмеялся, и смех его был искренним. Матвей посмотрел на него с удивлением: в своем положении он не видел ничего смешного.

— Разве это выход, Матвей Захарыч? — Улыбка сбежала с лица Соколовского, и он продолжал уже серьезным тоном: — Поймите, Строгов: война противна не только вам, она — горе народное. Но бороться против нее...

— А что же мне делать? — перебил Матвей. — В тюрьму надзирателем идти? Оттуда, говорят, на войну брать не будут.

— Это уж не брат ли вам посоветовал?

— Он. Все уши мне прожужжал. «Неблагодарный, говорит, ты, я тебе про... про... текцию подыскал, а ты упрямисься». А мне, может, совесть не позволяет мучить невинных людей!

Соколовский встал, прошелся по комнате, о чем-то сосредоточенно думая.

— А знаете, Строгов, — медленно заговорил он, — ведь это, пожалуй, неплохо: поступить в тюрьму надзирателем

и... Определенно неплохая идея! — И уже твердо сказал: — Идите в тюрьму, Матвей Захарыч, идите!

Матвей даже приподнялся на стуле, с изумлением глядя на Соколовского.

— Это вы мне советуете?

— Да, советую. Но при одном, конечно, условии: вы пойдете в тюрьму не мучить невинных людей, а помогать их борьбе.— Соколовский присел на скрипучий, расшатанный стул и устремил задумчивый взгляд в окно.— Если бы вы знали, как нам сейчас тяжело! Беляев уже несколько месяцев сидит в тюрьме, а мы не смогли даже связи наладить с ним...

— Тарас Семеныч? — дрогнувшим голосом переспросил Матвей.— Такой человек!

Соколовский горько усмехнулся.

— Чему вы удивляетесь? Вот такие-то люди и оказываются чаще всего за решеткой. Царизм жестоко расправляется со всеми, кто борется за лучшую долю народа. Разве вы об этом не знаете? Сколько беззаветных борцов революции прошло через сибирские тюрьмы! Сколько их на каторге, в арестантских ротах и на этапах, в далекой ссылке! Царь пытается задушить революцию. А мы не сдаемся! Рано или поздно мы поведем народ к революции, к великому освобождению десятков миллионов крестьян и рабочих, которое станет началом их новой, счастливой и радостной жизни!

Матвей неотрывно смотрел на Соколовского, увлеченный его горячей речью. «Вот они какие люди! Они добьются своего», — мелькало у него в уме.

А Соколовский продолжал:

— Это будет, а пока тюрьма для нас почти неизбежный этап. Сегодня Тарас Семенович в тюрьме, я на воле, завтра нас могут поменять местами. Но как бы ни свирепствовали жандармы царя, наша организация революционеров не перестанет существовать. И для нас важно, очень важно всегда поддерживать между собою нерушимую связь...— Соколовский помолчал немного и прямо обратился к Строгову: — Матвей Захарыч, я сразу увидел и с каждой встречей все больше убеждаюсь, что вы честный человек. Сейчас вы могли бы помочь нам установить связь с нашими товарищами в тюрьме. Вы меня понимаете?

— Понимаю.

— Согласны?

— Согласен.

Соколовский встал и протянул руку.

— Я верю вам. Идите в тюрьму и постарайтесь помочь нам. Но будьте осторожны и осмотрительны.

— Постараюсь,— сказал Матвей, крепко пожимая руку Соколовскому.

Они договорились о месте будущей встречи, и Матвей, попрощавшись, вышел. До ворот его провожала синеглазая женщина, появившаяся откуда-то, как только кончился разговор.

— Ты дурь-то из головы выбрось, тебе дело советуют,— принялся за свое Влас, как только на пороге показался Матвей.

— Да перестань ты зудеть! Завтра пойду на службу,— сказал Матвей, снимая с головы картуз.

— Ну вот и хорошо! — обрадовался Влас и торопливо зашаркал ногами, направляясь в другую комнату, где жил тюремный фельдшер.

Матвей подошел к окну и, глядя на проходящих людей, думал: «Тарас Семеныч в тюрьме! Недолго же погулял друг на воле...»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Глухая окраина сибирского города. Кривые улочки. Узкие переулки. Ветхие деревянные домишки. Дворы, заросшие травой и бурьяном. Рывины, пустыри, огороды.

За высокой каменной оградой кладбище, а рядом тюрьма. «Исправительные арестантские роты» — так обозначено на вывеске.

Остроконечные высокие пали опоясали землю на добрую версту. За палями тюремные постройки: бараки, сарай, наблюдательные будки, черные клетушки-кузни и мастерские, похожие на деревенские бани. Постройки низкие, прочные. Кажется, что они выросли в землю.

На середине двора — тюремная церковь с низенькой конусообразной колокольней.

За палями копошатся люди; слышится лязг железа, брань, грустные тюремные песни.

В первый день службы Матвею Строгову выдали надзирательское обмундирование: черную шинель, солдатские сапоги, форменную тужурку и брюки из грубого темно-синего сукна, фуражку с жестяной кокардой, пару плетеных синих жгутиков на плечи и револьвер с кобурой.

Тут же, в кладовой, старший надзиратель Дронов сказал Матвею:

— Завтра поведешь уголовных на работу — бревна из реки выкатывать. Смотри не робей. Озоровать будут — построжись. Бить вздумаешь — бей так, чтоб следов не оставалось.

Маленький, усатый, он ударил кулаком по столу и закричал грозно:

— Да службу у меня нести прилежно, а то в момент вылетишь!

Утром на тюремном дворе Матвею и двум другим надзирателям отрядили несколько десятков арестантов. Их построили по четыре в ряд и повели за город к реке.

На месте работы, возле штабелей леса, один арестант сказал Матвею:

— Будешь драться, дядька,— голову тебе свернем на рукомойник. Понял?

Арестанты захохотали.

Надрываясь, кто-то крикнул:

— Ну, что, фараон, молчишь? В мусало хочешь?

— Тырсни его, Грымза, по циферблату! — подзадоривали другие.

Старые надзиратели предупредили Матвея, что его будут брать на испытку. Он стоял спокойно, не перечил арестантам, и те поняли, что нового надзирателя трудно вывести из себя.

Вернулись в тюрьму в сумерки. На вечерней поверке старший надзиратель обнаружил побег одного арестанта.

Матвея вызвали в контору тюрьмы. Начальник накричал на него и на службе оставил до первого замечания.

На следующий день арестанты вновь замыслили побег. Они поглядывали на Матвея, перешептывались, посмеивались.

Матвей отошел в сторону, лег на землю и стал смотреть в небо. Арестанты разгружали баржу, доносилась тоскливая песня о воле.

Вдруг что-то всплеснулось в реке. Песня оборвалась, слышались крики:

— Грымза тонет!

Матвей вскочил с земли и по трапу взбежал на баржу.

Грымза барахтался в воде, пробовал схватиться за ослизлый бок баржи, но, едва подняв руку, погружался в воду с головой — плавать он не умел.

Арестанты толпились на борту, переглядывались, но броситься в воду на помощь утопающему никто не решился.

Матвей сунул первому попавшемуся арестанту кобуру с револьвером, сбросил с себя шинель, сапоги и прыгнул в воду.

Арестанты замерли. Впервые они видели тюремного надзирателя, спасавшего жизнь подневольному человеку.

Назначенный на тот день побег не состоялся.

2

О поступлении Матвея на службу Анна узнала от соседа Юткиных — Петра Минакова. Утром в воскресенье она шла в церковь. У горы ее догнал Петр.

— Видел твоего мужика в городе, — сказал он, здороваясь, — ходит при мундире, с револьвером, что твой офицер. Пра! Кланяться велел да наказывал, чтоб о нем не заботилась.

Анне не верилось, что Матвей все-таки решился остаться в городе.

— Ты не шутишь, дядя Петр?

Минаков обиделся.

— Какие там шутки! Устарел я, молодуха, для шуток. Он стеганул лошадь и покати к речке за водой.

Несколько минут Анна стояла в раздумье. Пять лет она честно ждала Матвея, надеясь, что после его возвращения с военной службы заживут они на пасеке не разлучаясь.

За пять лет многие солдатики поразорились вконец. Возвратившись домой, солдаты недосчитывались то лошади, то коровы; у некоторых оказались и совсем пустые

дворы. А ей хоть и тяжело было, а все-таки без мужа ни одно бревно, ни одна овца не сгнула в строговском дворе. Наоборот, многое нажила она одна — своим умом и своими руками.

Не будь Матвей таким своенравным — живи да радуйся. Ну, а что делать теперь? Ехать к Матвею — значит, хозяйство пустить по ветру. Выходит, что живи одна, тянись в работе изо всех сил да завидуй другим бабам, как их мужья холят.

— О господи, и за что только ты наказываешь меня! — вздохнула Анна.

Она забыла, что идет по улице, широко размахивала руками и говорила вслух:

— И чего только он думает? Бросил хозяйство, бабу, детей... уехал. Ну и пусть, пусть живет один! А я с места не тронусь. В кровь исхлещусь, струпья на руках наживу, а дом не брошу... Нет, нет...

Ей захотелось сейчас же взяться за работу и наперекор судьбе делать все по-своему.

У самой церкви Анна повернула обратно и такими же быстрыми шагами направилась к дому Юткиных.

«Потом помолюсь, а теперь работать, работать», — решила она и, не заходя в дом, стала запрягать коня.

На крыльцо выскочила Марфа.

— Ты куда, дочка?

— В лавку и домой.

— Что так скоро?

— День хороший. На поля тороплюсь. В церковь схожу потом, в другой раз.

— Чаю-то попей хоть, блинов испеку.

— Нет, мама, тороплюсь, ишь как выведрило.

На пасеке Анну не ждали.

— Скоро управилась! — встретила ее во дворе Агафья. — Да ты, никак, плачешь?

Анна плакала. Проезжая своими полями, она не могла без слез смотреть на гибель урожая — на вороха лежащей на полях почерневшей соломы, на крутые берега речки, где стоял неоконченный сруб мельницы, на пустые, ярко зеленеющие отавой пастбища. Она почувствовала, что не поднять ей одной хозяйства, не управиться с работой.

— Ты о чем? Ай у сватов опять что стряслось? — тревожно спросила Агафья.

— Нет, матушка. О Матюше я. В городе он остался. В должности. Все пойдет у нас прахом, все!

Агафья обняла сноху и, глядя ее по крепкой, широкой спине, стала успокаивать:

— Дурашка ты моя! Да разве стоит об этом плакать? Раз остался Матюша в городе — значит, нельзя иначе. Матюша, он тоже в омут головой не полезет. А ну как и верно война? Угонят его, изувечат, а то и убить могут. А теперь-то он тут, рядом. Пусть себе с богом служит. Зимой съездишь, попроведаешь. Да, гляди, он и сам вернется, ежели войны, бог даст, совсем не будет.

Анна успокоилась. Кажется, и в самом деле она понапрасну тревожилась, правильно рассуждает свекровь. Анна поцеловала Агафью и пошла распрягать лошадь. Любила она свекровь больше, чем свою мать. Агафья умела успокоить, убедить, вовремя обласкать...

3

Недели две Анна жила спокойно. Но неожиданно на пасеку приехал Влас. Анна насторожилась. Влас никогда не приезжал без нужды.

— За коровой приехал, — сказал Влас. — Матюха корову дал. «Что ж, говорит, ребятишки у тебя без молока живут? Возьми с пасеки корову, все равно за ними ходить некому».

— Как это некому? — У Анны сердце зашлось от обиды.

Влас, конечно, приврал. В действительности дело обстояло иначе.

На другой день после поступления Матвея на службу в тюрьму Влас сказал ему:

— Ну, Матюха, выручил я тебя, всю жизнь будешь благодарен. Выручай теперь ты меня.

— Чем же тебя выручать?

— Деньгами. Торговлю расширять буду.

— Деньгами? Где же я тебе их возьму?

— Скот продай.

— Фи-и! — присвистнул Матвей. — У скота хозяин есть. Да и много ли у нас скота? Продавать совсем нечего.

Влас замолчал, но отступить и не думал. Дня через два он возобновил этот разговор, а спустя несколько дней стал просить корову.

Матвей понял, что от Власа не отвязаться, и сердито сказал:

— Поезжай на пасеку и проси у отца с Анной. Им виднее — они хозяева.

Услышав перевернутые Власом слова мужа, Анна вышла на середину прихожей и, обращаясь к Захару, сказала:

— Как хочешь, батюшка, а я корову не дам! Матвей за коровами не ходил, и не ему ими распоряжаться.

Захар сидел на скамейке, опустив нечесаную кудлатую голову. Он переглянулся с Агафьей и понял, что думают они с женой одинаково.

«Конечно, может, и не стоило бы давать Власу корову. Он в хозяйство копейки не вложил. Но опять-таки он не чужой человек, сын родной, а главное — страдают без молока внучата».

Анна смотрела на свекра, ждала, что он скажет. Захар встал и решительно заявил:

— Отдадим Власу Буренку. Пусть ведет...

— Буренку?! — вскрикнула Анна и, будто на нее надвигалась смерть, повторила: — Буренку, Буренку!

Сорвав с гвоздя ватную кофту, она заметалась по прихожей, ища платок. Смуглое лицо ее покраснелось, карие глаза расширились, заблестели.

— Не дам Буренку! Буренку я нажила, я выходила! — Она толкнула дверь и, не закрыв ее, выбежала во двор.

— Иди, старик, посмотри, как бы не натворила беды, — проговорила Агафья, — у нее на все духу хватит.

Захар схватил свой зипун и без шапки выскочил вслед за Анной.

Влас, покачив головой, тоже поднялся и, низко нагибаясь в дверях, вышел на улицу.

Анна с хворостиной в руках выгоняла коров из ворот. Она решила загнать их в пихтач, спрятать где-нибудь в чаще, но криком в прихожей она только напортила себе.

К воротам с уздой в руках подбежал Захар. Ветер рвал полы его зипуна. Махая уздой, он кричал:

— Ты что, сука, делаешь? Убью!

Он закрыл ворота и, когда Анна попыталась их вновь открыть, ударил ее уздой по спине.

— Ну, что стоишь, как барин! — закричал он Власу. — Гони корову!

— Не дам! — в иступлении закричала Анна.

Разрывая на себе кофту и обнажая тугие груди, она подбежала к Власу и изогнулась перед ним.

— На, души меня, пей мою кровь, изверг! Грабитель, вор!

Влас отшатнулся от нее, растерянno попятился назад. Захар толкнул Анну в плечо, она споткнулась, упала на кучу соломы и зарыдала. Потом вскочила и побежала в пихтач.

С помощью Захара Влас запряг лошадь, привязал к рогам коровы веревку и торопливо двинулся в путь.

4

Вряд ли Власу удалось бы так легко провести доверчивого Захара и Агафью, если бы дед Фишка был дома. Но старый охотник был далеко. У него появились новые коварные замыслы против Зимовского, и, узнав, что Матвей остался на службе в городе, он решил осуществить эти замыслы, не откладывая дела в долгий ящик.

Придя в Сергево уже после захода солнца, дед Фишка переночевал у знакомого мужика и на следующий день с утра отправился ко двору Зимовского. Ему надо было прежде всего проникнуть в лавку, собственными глазами убедиться — так ли уж разбогател его недруг, как об этом рассказывал Кинтельян.

Зимовской жил в большом крестовом доме с белыми наличниками на окнах. Лавка его размещалась в специальной продолговатой пристройке к дому. Широкий двор был наглухо крыт жердями и соломой. Тесовые ворота по-городскому раскрывались на две половины и, кроме того, имели калитку с круглым железным кольцом щеколды.

«Эк, вражина, домище какой сгрохал», — подумал дед Фишка, подходя к лавке, и остановился в нерешительности: на двери висел замок. Ничего не оставалось, как войти в дом. Подосадовав, что не удалось застать лавочника врасплох, охотник решительно шагнул в сени.

Степан Иванович и Василиса недружелюбно встретили старого знакомого. Но деда Фишку это мало трогало. Радостного приема он и не ожидал в этом доме.

— Здравствуйте! Приятного аппетита! — проговорил еще на пороге старик.

— Здравствуй, Данилыч! Садись, — ответили почти в один голос Зимовские.

За столом, кроме них, сидели Егорка — единственное чадо Зимовских — и плечистый пожилой мужик, — видимо, один из их работников.

— Спасибо, я сытый, — поторопился сказать дед Фишка и, когда сказал это, понял, что поступил необдуманно: на столе возвышалась стопка румяных, вкусно пахнущих блинов, стояли чашки со сметаной и маслом.

Поэтому, когда его ради приличия, нехотя пригласили выпить чаю, он не стал отнекиваться и, бросив картузишко на широкую деревянную кровать, подошел к столу.

— Ну, коли так, налей, Василиса. Так и быть выпью чашку!

Хозяева подвинулись, и дед Фишка сел у окна на лавку. Степан Иванович грозно посмотрел на своих домочадцев. Дед Фишка усмехнулся про себя:

«Трусишь, вражина? Ну, я, милый мой, не сегодня рожен. Расспрашивать сейчас не стану».

За столом старик нарочно вел самые безобидные разговоры.

Зимовские недоумевающе переглядывались. Им хотелось поскорее узнать, зачем пришел старик в Сергеево.

Когда запас бессвязных рассказов у деда Фишки иссяк, он стал расспрашивать Зимовского. Степан Иванович прикрикнул на сына и работника, понуждая их скорее кончить завтрак и отправляться на работу. Те быстро допили чай и вышли во двор.

Хорошо позавтракав, дед Фишка решил наконец сообщить о цели своего прихода.

— Я к тебе, Степан Иванович, с бедой.

Хозяин удивленно поднял голову, насторожился. Василиса остановилась с тарелкой посреди кухни.

— Рыбешку я, Степан Иванович, на балагачевских озерах промышляю. Лов хороший, грешно и желать лучше. А соль вышла вся, ни крупинки не осталось. Собирался домой, потом прикинул, думаю — до Сергеева все-таки ближе. Тут я, пожалуй, дневкой обернусь.

— Сколько тебе соли-то, Финоген Данилыч? — спросил Зимовской.

— Давай с полпуда, а то и больше: фунтов тридцать,— ответил старик.

Но хитрить умел не только дед Фишка. Зимовскому не хотелось показывать свой двор охотнику, и он выразительно посмотрел на жену.

— Поди, Василиса, в амбар, насыпь Данилычу соли. А свесим вон на безмене,— сказал Зимовской и, повернувшись к деду Фишке, пояснил: — Лавку-то я сегодня вовсе открывать не буду. На поля надо ехать, делов там пропасть!

Дед Фишка оторопел. Он понял, что карта его бита, но духом не пал.

— А мне только б посолонее была,— весело пошутил он,— а из каких закромов — не все ли равно?

Василиса взяла из его рук посконный мешок, вышла и скоро вернулась обратно с солью.

Дед Фишка вытащил деньги, расплатился и тотчас же, поблагодарив за угощение, стал прощаться.

Зимовской, опасаясь, что старик задумает шарить по двору, проводил его парадным крыльцом прямо на улицу и стоял на пригорке у дома до тех пор, пока охотник не скрылся в пихтаче за деревней.

— Ну, слава те, унесли черти лешака таежного,— сказал он жене, вернувшись в дом, вытащил из сундука ключ и пошел открывать лавку.

А дед Фишка между тем лежал в пихтаче возле самых огородов сергевских мужиков, совсем не собираясь возвращаться на пасеку одураченным.

Не прошло и часу, как старик поднялся и, никем не замеченный, пробрался к огороду Зимовского. Егорка и работник сидели на бревне и набивали широкие железные лопаты на свежеструганные черенки.

Деда Фишку это очень заинтересовало.

Одним прыжком он перемахнул через прясло и, подойдя к ним, сказал:

— Егор, отец не уехал еще на поля? Соль-то я, браток, взял, а крючки на жерлицы позабыл. А ведь, за тем и приходил.

Услышав голос старика, Егорка растерялся.

Дед Фишка покосился на лопаты и удивился вслух:

— Ух, лопат-то сколько!

Егорка, такой же щупленький, как и отец, поднялся и невнятно пробормотал:

— Погреб на огороде копать собираемся.

Дед Фишка сделал вид, что поверил.

— Погреб — это добрая штука. Дом без погреба — это что штаны без карманов.

Говоря это, дед Фишка про себя сосчитал лопаты. Всего их было семь. Четыре были уже с черенками. Тут же лежали две кайлы и одна кирка.

«Не многовато ли для погреба?» — подумал он и спросил у Егорки:

— Тятя-то в лавке?

Егорка опустил глаза.

— Нет, кажись, дома был.— Он встал и хотел позвать отца.

Но дед Фишка рукой остановил его.

— погоди, Егор, не бросай дела. Я и сам управлюсь.

Едва договорив это, старик юркнул к воротам и через несколько секунд уже подымался на крылечко лавки.

Когда он вошел в лавку, Зимовской стоял у весов и деревянной плицей бережно сыпал на медную тарелку сахарный песок. За весами пристально наблюдали три бабы: лавочник частенько недовешивал.

Зимовской никак не предполагал, что дед Фишка может вернуться. Увидев его, он растерялся не меньше Егорки. Деревянная плита в его руке задрожала, а вороватые глаза уставились на охотника с таким испугом, словно в лавку ввалился по крайней мере медведь или разбойник.

Дед Фишка оценивающим взглядом окинул полки, примечая все мелочи. Но он не мог долго разглядывать товары: надо было чем-то объяснить неожиданное возвращение.

— Вот и возьми меня, Степан Иванович, старого дурака, за рупь за семь гривен,— быстро заговорил он.— За чем приходил, то и забыл спросить. Верст пять отмахал, и пришлось воротиться. Крючков для жерлиц мне надо. Будь другом, уступи десяток.

Зимовской поспешно вытащил из-под прилавка коробку, отсчитал десять крючков.

Охотник бросил на весы тяжелый медный пятак и опрометью выбежал вон. Ему хотелось создать впечатление торопливости, занятости, и он выполнил это блестяще.

Истинные намерения деда Фишки для Зимовского так и остались загадкой. Только потом уже, когда Степану Иванычу стало известно, что старик возвратился не улицей, а через огород и видел инструмент, приготовленный для работ на Юксе, он понял, что «лешак таежный» снова его провел.

Из Сергева дед Фишка направился прямо на пасеку. По дороге настрелял глухарей и домой принес изрядную добычу.

Передохнув денек, он взялся за работу: мастерил туески, бочата для меда, кадки для соления грибов и капусты. Артемка не отходил от деда. А тот рассказывал ему без умолку были и небылицы из своих таежных походов, то и дело пряча свои не по-стариковски веселые глаза под нависшими бровями.

5

Наступили последние перед осенней непогодой теплые, ясные дни.

Однажды за ужином дед Фишка сказал:

— Ты, Агаша, посуши мне сухарей. В тайгу я думаю отправиться. Шишковать буду. В компанию кого-нибудь из Волчьих Нор прихвачу. У них в кедровниках урожай ныне не дюже хороший.

Агафья в этот же вечер завела квашню на сухари. А утром, кое-как переспав ночь, дед Фишка отправился в Волчьи Норы.

В селе он заходил к многосемейным мужикам и, не вдаваясь в излишние подробности, говорил:

— Ну как, браток, шишковать собираетесь? Давай отряжай своего парня в артель ко мне. Гляди, между делом и заработаешь на орехе десятку-другую.

За какие-нибудь час-полтора Фишка набрал в артель на ореховый промысел пятнадцать парней и молодых мужиков. Больше ему не требовалось.

Через неделю он вновь появился на селе. Пришла пора выходить в тайгу. Артельщики его были готовы. К пятнадцати прежним присоединились еще четверо парней. Они упрашивали деда Фишку взять их с собой на промысел, и он по доброте своей не смог отказать. Да и не так уж это было плохо. Чем больше выйдет в тайгу

народу, тем увереннее он будет чувствовать себя там.

Добравшись до Юксы, дед Фишка оставил артель на своем стане на дневку, отдыхать, а сам под предлогом поисков хороших мест для промысла отправился рыскать по лесу.

За день он исколесил, по крайней мере, верст пятьдесят и никаких признаков присутствия человека не обнаружил: значит, Зимовской отсиживался еще дома.

Вернувшись на стан, старик разделил всю артель на шесть групп и каждой из них отвел определенное место. Артельщики построили на своих участках землянки. И хотя землянки находились одна от другой на сравнительно большом расстоянии, вряд ли посторонний рискнул бы селиться между ними: по неписаному таежному закону это не полагалось. К тому же дед Фишка наказал своим артельщикам всех, кто бы ни появлялся в тайге, гнать прочь.

Сам старик с двумя парнями жил в своей избушке и не столько занимался сбором кедрового ореха, сколько поисками «клада».

Он изрыл весь Веселый яр, к которому почему-то все время стремился Зимовской. Но как ни старался дед Фишка, найти ему ничего не удалось.

От людей ему приходилось слышать, что в земле имеются какие-то приметы, по которым можно узнать, где искать золото. Говорили, будто люди выдумали для добычи его даже машины. Дед Фишка и верил этому и не верил.

Изредка он посещал своих артельщиков. Все-таки и за ними надо было присматривать. Мужики освоились с тайгой и теперь держались в ней смело.

Но время шло, а Зимовской на Юксе не появлялся. Старик приуныл. Неужели Зимовской не увидит, какова у него, деда Фишки, сила? Не затем он привел мужиков на Юксу, чтобы, не показав их Зимовскому, вести обратно.

Как-то с одного участка сообщили ему, что в тайге появились чужие люди. Их было трое. Дед Фишка расспросил приметы этих людей и в двух безошибочно признал: Егорку Зимовского и работника. Кто был третий, оставалось неясным. Но по всем приметам он не походил на Степана Иваныча.

Вскоре о встрече с этими людьми деду Фишке сообщили артельщики с другого участка, а день-два спустя — с третьего.

После этого чужие люди из тайги исчезли, словно в воду канули.

Дед Фишка сам пробовал искать их, исходил с полсотни верст по округности, но, по-видимому, они ушли из тайги совсем.

Старый охотник снова почувствовал себя победителем.

6

Зима наступила ночью. Вернее, она не наступила, — она обрушилась со страшной силой, как смерч или ураган.

С вечера ее никто не ожидал. Закат не по-осеннему был оранжево-прозрачен, а сумерки безветренны.

Но в полночь Матвей услышал дикий вой ветра: грохотало железо на крышах и, взвизгивая, стучали ставни. А когда утром он открыл глаза, в мрачной, закопченной комнате было необычайно светло. Он взглянул в окно — снег был сияюще бел.

Второй месяц жил Матвей в бараке тюремных служащих. В большой отведенной ему комнате было пусто и по-холостяцки неприветливо.

Поднявшись в этот день слишком рано, Матвей от нечего делать решил прибрать немного свою квартиру. Он дважды писал Анне и не переставал ждать ее. Хотелось встретить жену в чистой комнате.

Протерев мокрой тряпкой окна и собрав метлой из углов паутину, Матвей пошел на дежурство. На улице встретил тюремную вольнонаемную прачку Капку и позвал ее зайти вечером вымыть пол.

Капка жила в соседнем бараке. О ней Матвей знал только то, что всем было известно. Капка обвинялась в отравлении мужа и находилась в заключении в этой же тюрьме. За недостаточностью улик следствие по ее делу прекратили, но возвращаться домой она не захотела, несмотря на мольбы своих родителей, и осталась в тюрьме, на черной работе. Все считали, что она не совсем в здравом рассудке.

История Капки заинтересовала Матвея. Встречаясь с ней на тюремном дворе, он не раз хотел заговорить с нею и замечал, что она тоже присматривается к нему.

Вернувшись с дежурства, Матвей прождал Капку до часу ночи. Он решил, что она уже не придет, разделся и стал читать книжку.

В дверь постучали. Матвей соскочил с постели, вернулся в одеяло и, подойдя к двери, сбросил крючок.

Перед ним стояла высокая, стройная женщина с узкими плечами и тонким, гибким станом. Немного косой разрез глаз и чуть вздернутые кверху уголки тонких губ придавали ее лицу насмешливое выражение. Иссиня-черные пышные волосы оттеняли нежную белизну лица и длинной, слегка выгнутой шеи. Это и была Капка.

— Я думал, ты не придешь,— смущенно сказал Матвей.

Капка молча улыбнулась ему, прошла на середину комнаты, поставила на пол ведро и, вынув из него горячую, окутанную паром тряпку, направилась в угол.

Матвей вернулся в постель, взял книжку, но читать не мог, смотрел на гибкий стан Капки, на ее голые ноги. Она тоже оборачивалась и через плечо бросала на него насмешливые взгляды.

Заметив это, Матвей отбросил книжку.

— Ты, Капитолина, давно в тюрьме служишь? — спросил он.

— Второй год.

— А как сюда попала?

— Арестовали и посадили.

— Долго сидела?

— Около года.

— А верно, что ты мужа отравила?

Она засмеялась:

— Не совсем так: он отравился сам. Но не без моей помощи.

— Зачем же ты сознаешься?

— Я только тебе признаюсь.

— А вдруг я донесу?

— Не донесешь. Такие, как ты, не доносят.

— За что же ты его?

— За тиранство. Года тиранил! А, да лучше не вспоминать! Ты что читаешь? — вдруг спросила она.

— Роман,— ответил Матвей.

— Не рóман, а ромáн,— поправила Капка.

Матвей недоверчиво посмотрел на нее. Она, должно быть, заметила это.

— Да, да. Ты не смотри, что я прачка. Я дворянка, в гимназии училась.

Матвей приподнялся. Ему стало неловко за себя, за свои мысли о Капке, за то, что позвал ее мыть пол у себя в комнате.

— Так кáк же ты, Капитолина, в прачках... и вот пол моешь... образованная...

Капка выпрямилась, отбросила тряпку. В глазах ее блеснули искры еле сдерживаемого смеха.

— Действительно странно: дворянка — и пол моет. И кому же? Мужу! — Она громко расхохоталась, но уже в следующее мгновение смех резко оборвался, темные глаза подернулись дымкой грусти, и глухим голосом она произнесла: — Эх, Строгов, ты там не жил. Там, где я жила, хуже тюрьмы. Я тут хоть в чувствах свободна...

— Так ты, значит, мстишь своим родителям?

— Не только им, всему обществу. Там это прекрасно понимают. Меня уж не раз вызывал господин Аукенберг, все стыдил, уговаривал, выгнать грозился, а я ему: «Выгоните — на панель пойду, себя продавать буду, а в родительский дом не вернусь!» Ну, отступился пока. Тут ведь считают, что рассудком я не вполне нормальна. Боюсь вот только, как бы мои милые родственники в сумасшедший дом меня не запрятали. Это тоже нередко бывает в нашем обществе,— каких только мерзавцев там нет! Ведь я наследница большого состояния, которым пока никто, кроме меня, распорядиться не может.

Все-таки Капка оставалась для Матвея загадкой. Полный разрыв с семьей и ненависть к обществу, в котором она выросла, были ему еще понятны. Но что же заставляло ее оставаться в стенах тюрьмы? Прачкой или какой-нибудь судомойкой она могла быть в любом трактире. Этого не узнал Строгов на этот раз, но узнал нечто другое, что заставило его по-новому смотреть на обитателей тюремных камер.

— Выходит, Капа,— сказал Матвей полушутя-полусерьезно,— все эти воры, убийцы, преступники, что тут сидят, стали тебе милее, чем...

— Сказки! — перебила Капка, и глаза ее гневно сверкнули.— Что же, по-твоему, я преступница? Ты при-

смотришь-ка внимательнее к своим арестантам да поговори с ними! Увидишь, что многие из них сидят совсем невинно, за преступления, совершенные другими людьми. А кто толкает людей на преступления, ты думал об этом? Настоящие виновники всегда остаются безнаказанными. Их спасают деньги, положение в обществе, власть.

— Вот те на! Да откуда же все это у тебя, Капитолина? — изумился Матвей, а про себя подумал: «Как все это верно! Демьяну Штычкову да Евдокиму Юткину давно бы тут надо сидеть, а вот поди ж ты, сделали преступником Антона Топилкина».

— Говорю тебе, в тюрьме ума набралась, — проговорила Капка с серьезным видом, словно сердясь, и тут же, переходя на обычный шутливый тон, обратилась к Матвею: — Ну, охотник, белье в стирку у тебя есть? Или до жены копить будешь?

7

Обида на мужа надолго овладела сердцем Анны. Такой острой боли, какую пришлось испытать ей в тот день, когда Влас угнал со двора Буренку, она никогда не испытывала. Даже проводы Матвея на военную службу пережила проще и легче. Слов нет, тяжело ей было тогда расставаться с мужем, но надежды на будущее, на то, что после отбытия военной службы заживут они с Матвеем полным домом, вселяли в нее бодрость и силы.

Теперь рухнули и надежды. И, может быть, первый раз в жизни она почувствовала, что все усилия ее перетянуть Матвея на свою сторону тщетны. Кроме тревог да горьких, тягостных дум, это ничего не приносило. Не лучше ли успокоиться, подавить все еще живущую любовь к мужу и примириться с тем, что никогда Матвей хорошим хозяином не будет?

В течение месяца никуда Анна не выезжала, по целым дням надрывалась на тяжелой мужицкой работе. Вечерами она возилась с сыновьями и думала:

«Работники, пахари растут. Дай бог, поднялись бы скорее».

Но они напоминали Матвея: его руки, глаза, губы... И непрощеная, холодящая душу грусть охватывала ее в эти минуты.

Дед Фишка пропадал в тайге, и часто Артемка приставал к ней:

— Мам, расскажи о тятё.

— Далеко твой тятя,— хмурясь, говорила Анна и старалась отвлечь чем-нибудь сына.

Но Артемка был неумолим, он просил, требовал рассказов об отце.

— Да расскажи ему что-нибудь,— обращалась к снохе Агафья.

Анна упорно молчала.

Тогда Агафья принималась рассказывать внуку о смелости Матвея на охоте, припоминала забавные случаи из его детства и смеялась вместе с Артемкой. О сыне она рассказывала так ярко и с такой теплотой, что Анна не выдерживала и уходила в горницу.

Как-то Дениска Юткин привез на пасеку письмо, адресованное сестре. Анна увела Дениску в горницу и заставила читать письмо вслух.

Письмо было от Матвея. Он звал Анну к себе вместе с ребяташками.

— Поедешь? — спросил Дениска сестру.

— Мне и тут хорошо,— ответила Анна резко и сама удивилась тому, что не почувствовала в себе ни тоски по Матвею, ни сочувствия к одиночеству, на которое он жаловался.

Так продолжалось всю осень. Но с наступлением зимы, когда работы по хозяйству сильно поубавилось, в сердце стала закрадываться смутная тоска-неразбериха. Скучно было на пасеке длинными зимними вечерами.

Грустная задумчивость Анны не ускользнула от внимательных глаз Агафьи. Однажды, обняв сноху и заглядывая ей в глаза, она сказала:

— Ты что-то тоскуешь, хорошая моя. Взяла бы да поехала в село: на людей посмотрела бы, себя показала. Что ж раньше времени стареть-то!

Анна и сама думала об этом. Ведь и в самом-то деле: ей и тридцати нет. А велики ли эти годы? Ей еще и петь, и плясать, и любить хочется.

Когда выпал снег, она собрала в узел свои наряды, спеленала Максимку и по первопутку поехала в Волчьи Норы, к матери погостить.

В первый же день она отправилась к своим подругам. Все они были замужем, обзавелись хозяйством, народили детей.

Анна, жаждущая людей и веселья, растормошила их, заставила оглянуться на себя, сбросить тень преждевременно наступающей старости. Вечерами подруги собирались друг к другу с прялками, с вязаньем, засиживались далеко за полночь, вспоминали о девичьей молодости, пели песни.

В селе Анна получила еще одно письмо от Матвея. Он писал, что стосковался по ней и ребятишкам, просил ее как можно скорее приехать в город.

Но горячие просьбы Матвея почти не коснулись ее сердца, со злорадством она подумала:

«А, тоскуешь? Неправда, прибежишь, голубчик!»

Письмо она бросила в печку, но когда огонь уже обжигал его, схватила горящую бумагу и голой ладонью прихлопнула пламя.

«Что это я? Нельзя так, Матюшей писано», — подумала она и, аккуратно свернув в квадратик обожженный по углам клочок бумаги, положила его в карман юбки.

Но чувство это было каким-то мимолетным. По-прежнему с нетерпением Анна ждала вечера и, как только зажигались в избах огни, надевала новую юбку, кофту, повязывала голову пуховым полушалком и, наказав матери присматривать за Максимкой, уходила к подругам.

Однажды у Аграфены Судаковой она засиделась до петухов. Домой пришлось возвращаться одной. Ночь выдалась морозная, ясная. Сгорбленный месяц висел низко-низко: казалось, что он вот-вот заденет одним своим рогом за колокольню и повиснет на сияющем золоченом кресте.

В ночной тишине хруст снега под ногами казался оглушительно громким. Анна старалась шагать чаще и мягче и оглядывалась по сторонам. Ей чудилось, что люди, разбуженные этим шумом, поднимаются с постелей и смотрят на нее в промерзшие стекла окон.

У спуска с горы, в трех шагах от нее, из сугроба поднялся человек, закутанный в длинный тулуп.

Анна отшатнулась в сторону.

— Ой, кто это?

Человек добродушно засмеялся:

— Не пужайся, Нюра, я это.

— Батюшки, Дема! — удивленно воскликнула Анна. — Ты чего тут?

- В снегу лежал...
- Небось пьяный?
- Капли в рот не брал.
- А как же это ты, в снегу-то?
- Тебя ждал. С вечера еще лег.
- Да ты в уме ли? Морозище-то какой!

Свирепый ветер пронизывал Анну, она ежилась, топталась на месте.

— Ой, зябко, руки стынут!

— Иди ко мне под тулуп,— не то смехом, не то всерьез сказал Демьян,— тут у меня — как на печке.

Он распахнул полы тулупа, и Анна послушно бросилась к нему, будто кто подтолкнул ее.

8

Анна прожила в Волчьих Норах почти до рождества. Ни одного вечера она не сидела дома.

Скоро по селу поползли слухи: болтали бабы, что ночью видел кто-то Анну в обнимку с Демьяном.

Дошли эти слухи и до Марфы Юткиной. Услышав, что говорят о дочери, она так и ахнула.

Как-то, придя домой из церкви, Марфа позвала с собой Анну в хлев, якобы помочь перенести ягнят в избушку, и стала допрашивать дочь:

- Ты в уме или без ума, Нюрка?
- О чем ты, мама? — искренне удивилась Анна.
- Да ты послушай, что люди-то о тебе говорят.
- Что, мама?
- Срам слушать.

Анна поняла, о чем говорили бабы, но это ее мало тронуло.

— Поди, Демьяна припутали? — спросила сна.

— А то кого же, знамо его!

Марфа пересказала все, что слышала в разговорах у церкви.

Анна отчаянно махнула рукой и выпалила:

— Ну и пусть говорят, мне все равно!

Марфа остолбенела. С минуту она смотрела на дочь молча, стараясь понять, что происходит с той, потом принялась ругать ее:

— Бесстыдница! У тебя дети, а ты с чужим мужиком спуталась. Ты хоть бы нас пожалела, нам ведь за тебя

глаза колоть будут.— Она уткнулась в фартук, громко всхлипывая и сморкаясь.

— Да что ты ко мне привязалась! — с досадой, но спокойно сказала Анна.— Какой-то кобель сбrehнул, а ты и взаправду...

— Ты, милая моя, не крутись. Я не трехлетняя. Люди говорить зря не будут. Видели!

— Видели, видели! — вскипела Анна.— Ну и пусть видели! Я знать никого не хочу. Я сама себе хозяйка.

— А, так ты вот как! Ну, тогда собирайся и уезжай подобру-поздорову — у меня тебе места нет!

Марфа выпустила фартук из рук, кулаком вытерла нос и грозно пододвинулась к дочери.

— Уж чья бы корова мычала, как говорится, а твоя бы молчала,— в упор глядя в материны подслеповатые глаза, едко сказала Анна.— Меня попрекаешь, а сама, я помню, тоже к Андрону Коночкину при потемках бегала. Батя с обозом в город, а ты...

Марфа не вытерпела, схватила с полу шайку, в которой носила пойло телятам, и запустила ею в дочь. Анна увернулась, шайка стукнулась о стену хлева и покати-лась. Пугливые ягнята всполошились и, сбившись в кучу, жалобно заблеяли.

— Ты рукам волю не давай! — крикнула Анна.— Я теперь не в девках! Тогда ты была мне хозяйка...

— Бессовестная ты! — задыхаясь, кричала Марфа.— Андронем меня попрекаешь, а то тебе невдомек, что Андрон мне троюродный брат!

— Зачем же ты к нему без бати бегала? Ай по братцу тосковала? — зло сощутив глаза, съязвила Анна.

— Во idol-то! — отчаянно всплеснула руками Марфа и затараторила, выбалтывая то, против чего только что возражала: — Я, может, не к одному Андрону бегала, а все-таки про меня люди не болтали невесть чего, не кололи мной глаза мужу да родителям.

— А за что тебя батя в бане вожжами хлестал?

Марфа бросилась было снова к шайке, но во дворе послышался скрип ворот и простуженный голос Евдо-кима:

— Тырр, холера!

Марфа плюнула со злости и, выходя из хлева, крикнула:

— Сегодня же с глаз моих вон!

— Не гони, и без тебя уеду,— спокойно проговорила Анна.

Она поправила платок на голове и, переждав, когда отец с матерью зайдут в дом, вышла из хлева.

Во дворе Анна встретила младшего брата.

— Запряги коня, Денис, и отвези меня поскорее на пасеку,— попросила она.

Денис любил сестру, больше потому, пожалуй, что она была женой Матвея, в котором он души не чаял.

— Что мало гостила?

— Хватит, домой пора.

— К Матюхе поехать не думаешь?

Анна ничего не ответила, только махнула рукой. Потом крепко запахнула полы шубы и молча пошла к воротам.

— Ты куда? — спросил Денис.

— Запрягай, я сейчас приду. В лавку надо зайти,— ответила Анна и вышла на улицу.

Она дошла до горы, повернула в проулок и задами по снегу побрела к гумну Штычковых. На гумне стучали цепи и, громяхая, шумела веялка.

Анна остановилась возле ометов соломы: дальше идти не хотелось, но Демьян вышел из двора с охапкой пустых мешков и, увидев ее, подошел.

— Уезжаю я, Дема,— сказала Анна.

— Чего это заторопилась?

— С мамой поругалась. Тобой стала попрекать.

Демьян поморщился.

— Да чем попрекать-то? Блудешь себя, как в девках!

Помолчали. Демьян кусал толстые обветренные губы. Анна щурила карие глаза и смотрела куда-то в сторону.

— Ну, езжай. Я тоже ночью на мельницу уеду.

Анна посмотрела на широкое лицо Демьяна. Оно было в трухе и пыли.

«Работник, хозяин! Человек — что червь: на земле рожден и землею жить должен»,— вспомнилась ей мудрость, часто повторяемая ее дедом Платоном Юткиным.

— Когда теперь свидимся? — спросил Демьян, озираясь по сторонам.

- Не знаю.
- На святках не приедешь?
- Что ты!
- Может, мне на пасеку приехать?
- И думать не смей!

Анна молча повернулась и, не оглядываясь, побрела по снегу обратно. Переходя через речку, она посмотрела на прорубь, в которой бабы полощут белье, и подумала:

«Утопиться, что ли? Пусть бы он узнал, каково мне без него было».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

В двенадцать часов дня Матвея вызвали в контору тюрьмы. Он торопливо надел шинель и папаху. В конторе стоял переполох: чиновники суетились с бумагами, уборщицы вытирали пыль с пола и окон.

С минуты на минуту в тюрьму ожидали прокурора.

С улицы донесся скрип снега и фыркание лошадей. Матвей взглянул в окно. К воротам конторы подкатили легкие городские санки, запряженные парой великолепных рысаков.

Дверь кабинета распахнулась. На ходу одергивая мундир, господин Аукенберг побежал встречать прокурора. За ним поспешили его помощники.

Через несколько минут плюгавый хромо́й человек в медвежьей дохе, громко стучая костылем, ввалился в контору и, небрежно кивнув почтительно изогнувшимся письмоводителям, прошел в кабинет. За ним двинулись начальник тюрьмы и секретарь прокурора. Тяжелая дверь кабинета, обшитая черной клеенкой, захлопнулась, и в конторе стало тихо, как при покойнике.

Не менее часа прокурор сидел в кабинете начальника. Наконец он вышел в канцелярию, чиновники поднялись со своих мест и застыли в ожидании распоряжений.

— В бараки! — проговорил начальник тюрьмы.

Осмотр барakov, в которых размещались уголовные, занял немного времени.

Не входя в камеру, прокурор спрашивал из коридора в открытую дверь:

— Жалобы есть?

И не успевали арестанты раскрыть рта, как он, легко поворачиваясь на костыле, бросал коротко:

— Жалоб нет. Дальше!

Вдогонку ему неслась ругань, арестанты били в дверь кулаками, кидали жестяными кружками, но прокурор невозмутимо ковылял по коридору к следующей камере.

Матвей Строгов ежедневно сталкивался с арестантами и знал их нужды лучше, чем кто-либо другой. Жилось арестантам невыносимо тяжело. В камерах было грязно и душно, в воздухе стояло зловоние от параш, от пота давно не мытых тел.

Работать арестантов заставляли много, а кормили ржаным хлебом, перемешанным с отрубями, и мучной болтушкой.

«Хорош блюстителъ закона»,— с ненавистью думал Матвей, неторопливо шагая последним в свите прокурора.

Закончив посещение уголовных, прокурор направился к политическим. Эти были размещены в глубине двора в двух каменных бараках, узких, длинных, глубоко вросших в землю.

За все время службы в тюрьме Матвей попал сюда впервые.

Камеры уголовных разделялись легкими перегородками, двери в бараках были деревянные, из камер доносилась человеческая речь. Здесь же было тихо, сумрачно и, как в погребе, сыро и холодно. Стены толстые, кирпичные, двери обиты железом. В обычное время надзиратели из бараков уголовных сюда не допускались.

«Крепко запрятаны»,— подумал Матвей, оглядывая мрачный коридор.

Коридорный, гремя связкой ключей, открыл крайнюю дверь.

— Встать! — крикнул старший надзиратель Дронов из-за спины прокурора.

Семь политических заключенных сидели у стола.

— Встать, прокурор идет! — снова заревел Дронов.

Заключенные переглянулись, но не поднялись. Дронов замахал руками, ругаясь, шагнул к столу. Начальник тюрьмы, не ручаясь за Дронова, отстранил его рукой.

— Ваши претензии? — спросил прокурор.

Один из заключенных, старик, напомнивший Матвею своими густыми бровями деда Фишку, вышел из-за стола.

— Наши претензии известны вам, господин прокурор, мы излагали их и устно и письменно. Нас по-прежнему кормят отбросами, нас лишили книг и газет, мы живем в постоянном холоде.

— Хорошо, я разберу вашу жалобу,— сказал прокурор и вышел.

В камере поднялся шум:

— Лицемеры!

— Вы нас толкаете на голодовку!

— Мучители!

Коридорный загремел ключами, и в двери щелкнул замок.

— Кажется, придется, Роберт Карлович, охладить кое-кому горячую голову в карцере,— сказал прокурор, обращившись к начальнику тюрьмы.

Аукенберг угодливо засмеялся.

Вошли в коридор одиночек.

Дронов забежал вперед прокурора и, когда коридорный открыл первую камеру, заорал:

— Арестант Никитин, встать!

— Я уже встал, ваше превосходительство господин ревун,— спокойно сказал Никитин и сел.

Дронов, прокурор и начальник тюрьмы вошли в камеру. Два коридорных надзирателя и Матвей остановились в дверях.

— А, старый знакомый, как поживаете? — развязно обратился к заключенному прокурор.

— Думаю, что это вас меньше всего интересует,— буркнул Никитин, но тут же, решив, видимо, позабавиться над прокурором, с усмешкой спросил:— Ну, а вы как? Вас еще не повысили в должности?

Прокурора передернуло. Стараясь скрыть свое смущение, он пробормотал:

— Вы все шутите, Никитин. А шутить в вашем положении, право, не совсем удобно.

— Почему же? — улыбнулся Никитин.— Жизнерадостность — первейший признак спокойной совести, а совесть может быть спокойна только у человека, который верит в правоту своего дела.

— Оставьте. Вы по-прежнему фанатик,— отмахнулся прокурор.

— А вы — слепец.

— Что? — вздрогнул прокурор.

— Ну конечно, слепец. Вы не видите простых фактов, не видите, куда движется история. Поймите, что как бы вы ни старались — рабочий класс победит!

— Молчать! Я пришел не за тем, чтобы выслушивать ваши сумасбродные рассуждения. Прошу короче: ваши претензии?

— Нет, подождите. По долгу службы вы обязаны меня выслушать...

Прокурор нагнулся к начальнику тюрьмы и кивком головы указал на надзирателей. Начальник что-то сказал Дронову. Тот быстро повернулся и вполголоса приказал:

— Строгов, Митрохин, Сидоркин... в коридор, шагом марш! — и прикрыл дверь.

Пройдя по коридору шагов десять, надзиратели остановились.

Из камеры донеслось:

— Боятесь, что они правду узнают?

Матвею понравился Никитин.

— Давно сидит? — спросил он коридорного этого барака Сидоркина.

— Три года. Еще столько осталось.

— За что посажен?

— Сказывали, что против царя народ подымал.

— Жалко, сгниет в этой дыре. Молодой еще,— пожалел Матвей.

— Поделом,— сказал Сидоркин.— Их, подлецов, кроме как тюрьмой, ничем не обращаешь.

— Да он тебе что плохого сделал — подлецом ты его называешь? — с досадой проговорил Матвей.

— И верно! — поддержал Матвея коридорный другого барака Митрохин.— Ругаешь его, а он, может, и сидит ни за что. Господское это дело, Сидоркин. Нашему брату — потемки.

— Да так-то он мужик послушный,— уступил Сидоркин.— Иной раз поздно вечером запоем. Скажешь: «Нельзя, мол, нас начальство за это не жалует». Замолчит сразу: «Ладно, дескать, понимаю,— ваше дело тоже подневольное».

— Ну, вот видишь! — обрадовался Матвей.— А ты...

Дверь одиночки с грохотом раскрылась, и из камеры вылетел прокурор. Он был красный, потный и злой.

— Закройте! — заревел Дронов, выбегая из камеры последним.

Матвей и Сидоркин бросились к двери. Арестант Никитин стоял посредине камеры и громко хохотал.

Перед тем как войти в крайнюю одиночку, прокурор вытащил из кармана платок и вытер лицо. Видимо, посещение политических было для него делом нелегким.

Когда надзиратель Сидоркин открыл одиночку, повторилось то, что происходило у дверей каждой камеры. Дронов выскочил вперед и, надрываясь, рявкнул:

— Встать, прокурор идет!

Из камеры послышался насмешливый голос:

— Ну и пусть идет. Чего ты глотку дерешь? Я не глухой.

Этот голос кольнул Матвея в сердце. Что-то показалось в нем знакомым.

«Неужели он?»

Матвей не ошибся. Около маленького стола, на нарах, укутанный в серое байковое одеяло, сидел Беляев. Длинные пряди светло-русых волос спускались на изрезанное морщинами и складками крупное лицо. Из глубоких глазниц светились задумчивые, немного тоскливые глаза.

— Итак, я слушаю ваши претензии,— сказал прокурор.

— Претензии? — зачем-то повторил Беляев и вдруг, взглянув на дверь, увидел Матвея.

На одно мгновение глаза их встретились. По лицу Беляева, по выражению его глаз было видно, что он потрясен этой встречей.

— Я слушаю ваши претензии,— повторил прокурор. Беляев, заметно волнуясь, сказал:

— Я болен. Очень болен.

— Это дело тюремного врача.

— Да, но от вас зависит разрешение на перевод меня в тюремную больницу.

— Не вижу к этому никаких оснований.

— Основание есть: острый ревматизм. Камера, как видите, сырая, почти не отапливается, а у меня нет даже теплой одежды.

— О теплых вещах пусть позаботятся ваши родственники, друзья... Здесь не богадельня,— уже на ходу бросил прокурор и торопливо заковылял в коридор.

«Так вот где, Тарас Семеныч, дорогой человек, пришлось свидеться»,— думал Матвей, выходя из барака.

От волнения у него тряслись руки. Чтобы не выдать своего состояния, он засунул их в карманы и крепко сжал в кулаки.

2

Много дней Матвей ломал голову над тем, как помочь Беляеву.

Первой мыслью было — подружиться с коридорным надзирателем Сидоркиным. Матвей начал заходить к нему на квартиру, угощал его водкой, заводил разговоры о тюрьме, об арестантах. Ему хотелось вызвать в Сидоркине жалость, сочувствие к арестантам. Надзиратель слушал его, кивал головой, а Матвей про себя думал:

«Помоги бог уломать мужика! Может, полено лишнее в печку подбросит или согласится полушубок в камеру передать. Радости-то сколько Тарасу Семенычу будет!..»

Однажды Матвей совсем было приготовился высказать свою просьбу. Неожиданно Сидоркин откинулся на спинку стула, вытянул ноги и, глядя на Матвея остекленевшими глазами, равнодушно сказал:

— Жалеть нам всех, Строгов, не приходится. На всех жалости не хватит. Наше дело простое: отслужил — подавай жалованье.

Кровь точно остановилась в жилах Матвея, когда он подумал, что могло бы произойти, если бы он выболтал Сидоркину свои намерения.

Придя домой, Матвей лег на кровать и провалялся в постели до позднего вечера.

Капка, заглянув вечером, внимательно посмотрела на него.

— Ты, Строгов,— она всегда его звала по фамилии — болен? Вид у тебя ужасный.

Матвей не пошевелился.

— Нет, Капитолина, я здоров. Просто лихо мне,— сказал он, а про себя подумал:

«Не рассказать ли ей обо всем? Авось что-нибудь дельное посоветует. Бабий ум изворотлив...» И он начал издалека:

— У тебя, Капитолина, бывали в жизни друзья?

— Смотря какие, Строгов.

— Настоящие. Такие, что жизни своей не пожалели бы ради тебя.

— Таких не было.

— Жалко.

— Конечно, жалко, но это не моя вина.

— Ну, а если бы у тебя были настоящие друзья и один из них попал в беду, что бы ты стала делать?

Матвей пристально посмотрел на Капку, и она поняла, что вопрос этот не случаен и за ним скрыто что-то тревожащее ее собеседника.

— Странно! Об этом нечего и спрашивать. Я помогла бы другу любой ценой,— спокойно ответила Капка. Она встала, подошла к Матвею и сказала:— Строгов, к чему ты пытаешь меня? Я вижу, что ты хочешь сказать что-то и не решаешься. Так будем друзьями! Ты можешь доверить мне свою тайну, как я доверила тебе свою.

— Тогда слушай, Капитолина. Друг у меня тут в тюрьме, в бараке политических. Больной, без теплой одежды, должно быть летом арестовали. В одиночке сидит.

— Понимаю. В одиночке может погибнуть,— задумчиво проговорила Капка.

— Ты бы знала, какой это человек, Капитолина! — воскликнул Матвей.— Если бы не он, от меня остались бы теперь одни кости...— И он рассказал об охоте на медведя и о своей дружбе с Беляевым.— Месяц скоро будет, как я его видел. Целый месяц,— с отчаянием закончил он,— и ничем не могу помочь.

По тону, каким это было сказано, Капка поняла, что больше всего Строгова беспокоит мысль о том, что Беляев, может быть, разуверился в его дружбе.

Она решила ободрить Матвея.

— Ну, ничего, Строгов, не печалься. Что-нибудь придумаем. Я помогу тебе. Да он, наверное, и сам понимает, что дело это не пустяковое.

От слов ли Капки или оттого, что он поделился с ней своей тайной, Матвею стало легче.

В декабрьскую бурную ночь Матвей долго читал книгу, прислушивался к вою ветра в печной трубе. Заснул — сам не заметил как.

Рано утром его разбудила Капка. Он проспал ночь в одежде, не потушив лампы и не закрыв дверей.

— Строгов, проснись! — И Капка тормошила его за плечо.

Матвей вскочил и с удивлением посмотрел вокруг себя, не понимая, почему горит лампа, а не костер, и откуда могла появиться Капка в лесу.

— Ну, очнись, очнись скорее! Дело есть.

— Фу ты! Почудилось, будто в тайге я, — наконец проговорил Матвей.

— Слушай-ка, — зашептала Капка, — мы с женой Сидоркина подрядились полы мыть в бараке у политических. Сейчас идем туда. Может, твоего друга встречу, что передать ему?

— Не дури, Капитолина, — сказал Матвей строго, зная, что в бараках политических уборка производится обычно уголовными арестантами.

Но Капка не шутила.

— Ты что, дорогой? Я тебе говорю серьезно. Какое-то начальство ждут. Начальник приказал все бараки вымыть.

Матвей пожал плечами.

— Скорее, Строгов, меня Сидориха ждет, — торопила Капка.

— Ты его сразу узнаешь, — заговорил Матвей, — он такой большой, лицо в морщинах, а сидит в самой крайней одиночке.

— А что сказать ему?

— Верно, что же сказать ему? — Матвей был взволнован. Ему не верилось, что наконец удастся связаться с Беляевым.

— Ну, что ты стоишь, как столб! Садись, пиши записку, — распорядилась Капка.

Матвей взял бумажку, карандаш и скачущими буквами написал:

«Тарас Семеныч, доверься, напиши, через кого передать тебе одежду. Как болезнь твоя?

Всегда тебе друг Матвей Строгов».

Он не успел даже перечитать записку. Капка вырвала ее из его рук, сунула за обшлаг жакетки и бросилась было к дверям, но тотчас же вернулась, молча схватила со стола еще клочок бумаги, карандаш и выбежала из комнаты.

А Матвей, прихлопнув дверь, зашагал из угла в угол, куря папиросу за папирсой.

Уже наступило время собираться на службу. Но вместо этого он лег на кровать и закрыл глаза, пробуя уснуть.

Часов в девять кто-то из надзирателей, приоткрыв дверь, сказал:

— Строгов, тебя на дежурство ждут. Дронов рвет и мечет.

Не поднимая головы с постели, Матвей ответил:

— Хвораю. Не видишь, что ль?

Да, посыльный надзиратель мог в этом убедиться. Матвей лежал на животе, в брюках и сапогах. В комнате стоял дым и смрад. Несмотря на яркий дневной свет, на столе горела лампа. Она уже начинала гаснуть, сильно пахло керосиновой гарью.

Почти уже в полдень услышал Матвей в коридоре знакомые Капкины шаги. Он поднялся с кровати так быстро, как, бывало, поднимался на службе в солдатах, заслышав батальонного горниста.

— Ну, говори скорее, видела или нет? — спросил он, едва Капка переступила порог.

— Видела!

Капка достала маленькую скомканную бумажку.

Матвей быстро развернул ее. Тарас Семеныч написал только два слова: «Здоров. Спасибо».

Хотя краткость письма и огорчила Матвея, но он был счастлив: Тарас Семеныч узнал наконец, что Матвей по-прежнему ценит их дружбу и готов при первом случае помочь ему.

— Ну, рассказывай, какой он?

Капка была взволнована не меньше Матвея.

— Чуть не сорвалось, Строгов. Когда мы с Сидорхой пришли в барак, Сидоркин говорит нам: «Начинайте мыть вот с этой». Ну и открыл крайнюю камеру, а сам в коридоре остался. Открыл он, я вошла и сразу узнала твоего друга. Сидит на нарах — большой такой, а лицо в морщинах, доброе. Ну, я улучила минуту, сунула ему

записку, потом говорю Сидорихе: «Помой, Кондратьевна, коридор, тут я одна справлюсь». Та схватила ведро — и в коридор, а я начинаю мыть пол да все поглядываю на твоего друга. Он разворачивает записку, а сам смотрит на дверь. Прочитал, видно, обрадовался, в лице переменялся, шепчет мне: «Спасибо, спасибо, товарищ». Потом вижу — взял карандаш, пишет. Вдруг Сидоркин входит в камеру, спрашивает: «Кончила?» Я говорю: «Готово!» А сама встала спиной и руку назад закинула. Шевелю пальцами — дескать, давай записку. Догадался он и положил бумажку мне в руку. Вот поэтому в записке только два слова, — не было у него времени написать больше...

Сдерживая дыхание, Матвей прослушал рассказ Капки, потом стал горячо благодарить ее.

— Не надо, Строгов. Пустяки. Сама была арестанткой, — смущенно проговорила Капка.

4

Во вторую рождественскую ночь, когда тюремные надзиратели, изрядно выпив днем на разговенье, несли службу спустя рукава, — распилив решетку окна, бежал из одиночной камеры важный политический арестант Никитин.

Обнаружилось это только на рассвете. Часовой сторожевой башни заметил зияющую дыру в окне каменного барака и поднял тревогу. Старший надзиратель Дронов первым делом бросился проверить внутрибарачный пост.

Сидоркин, прикорнув в углу коридора, спокойно спал. Ударом кулака Дронов разбудил коридорного.

Немедленно послали гонцов к начальнику тюрьмы. Дома его не застали. Горничная сказала, что барин накануне уехал с визитами и домой еще не возвращался. Кто-то из помощников Аукенберга предложил навестить дом знаменитой проститутки Граньки Клен. Начальника тюрьмы подняли с постели. Он приехал в контору тюрьмы злой, с красными от перепоя глазами.

Сидоркина посадили на гауптвахту. На все посты, независимо от их важности и значения, выставили еще по одному надзирателю.

Матвею о побеге Никитина рассказали сослуживцы. Он вспомнил небольшого, крепкого Никитина, вспомнил, как тот хохотал над прокурором, стоя посередине холодной, сырой камеры, и почувствовал тревогу за судьбу этого человека.

«Счастливой дороги тебе, беглец»,— сказал про себя Матвей.

К полудню суматоха, вызванная побегом Никитина, улеглась.

На следующий день Матвея вызвали в кабинет начальника.

«Настроен был начальник мирно, держался запанибрата.

— С праздником, Строгов! — сказал он.

— Спасибо. Вас также, ваше высокоблагородие! — ответил Матвей, как полагалось по уставу.

Видно, побег Никитина причинил немало беспокойства господину Аукенбергу.

— Ты водку пьешь? — спросил он, окидывая усталыми глазами рослую фигуру молодого надзирателя.

— Самую малость. Не охотник на это,— ответил Матвей,— не понимая, к чему тот клонит.

— Тебе не следует совсем пить. Водка мешает службе,— нравоучительно проговорил Аукенберг.

— Да уж какая при водке служба! — согласился Матвей и подумал с усмешкой: «Ты себе это, лоб, посоветуй. Проморгали Никитина? Попробуйте поймите теперь в поле ветер».

Начальник докурил папиросу и, играя спичечной коробкой, сказал:

— Отныне ты, Строгов, будешь нести службу у политических. Жалованья будешь получать больше. Только смотри не вздумай пить да спать на дежурстве, как Сидоркин.

Матвей вскочил. То, что сказал начальник, было так неожиданно! Не сдержав своей радости, он совсем по-ребячьи похвалился:

— Уж я на посту не засну, ваше высокоблагородие!

Спохватившись, он забормотал что-то о тяжести ночной службы, пытаясь сгладить впечатление от своей выходки.

Но начальник ничего не заметил.

— Итак, помни, Строгов,— сказал он,— политиче-

ские — это не уголовные. За ними нужен очень зоркий надзор. Будешь плохо служить — не помилую. Хорошо будешь служить — не забуду. Все в моей власти.

Матвей козырнул и вышел из кабинета, с трудом сдерживаясь, чтобы от радости не запеть.

5

Подпольная квартира находилась почти в центре города, в усадьбе одного именитого купца.

Матвей быстро нашел купеческую усадьбу и, пройдя с полсотни шагов по узенькому переулку, вошел в калитку.

Продолговатый флигель с крашеными ставнями был окружен высокими тополями. Кусты сибирской яблони касались ветвями стекол маленьких окон.

Матвей нерешительно постучал в дверь. К нему вышел старик с тяжелой клюшкой в руках. Он попятился назад, увидев человека в форме тюремного надзирателя, и нетвердым, удивленным голосом спросил:

— Кого вам надо?

— Адвоката Сергея Ивановича Рыжкова,— спокойно ответил Матвей.

Окинув его взглядом и выдавливая улыбку, старик сказал:

— Не туда попали, милейший! Вам, видно, неправильный адрес дали. Здесь живет доктор Чухвыстов.

— Ты не морочь мне, папаша, голову. Давай води к адвокату,— сердито проговорил Матвей, стараясь плечом оттолкнуть старика от двери.

— Я не допущу насилия! — загораживая собою дверь, воскликнул старик.

Только теперь Матвей вспомнил о пароле.

— Фу ты, черт! — выругался он, больше не сомневаясь, что старик из своих.— Извини, папаша, забыл: братец Сидор Ксенофонович от души поклон шлет вашей милости!

Старик на мгновение опешил, и все еще недружелюбно и недоверчиво осматривая Матвея, прошептал:

— А мы его в гости поджидаем.

— Ну вот и сговорились! — засмеялся Матвей.— Веди!

В маленькой прихожей старик остановился.

— Ольга Львовна! — позвал он кого-то из комнат. Послышались торопливые шаги. А когда дверь открылась, Матвей увидел перед собой свою старую синеглазую знакомую.

Через раскрытую дверь он успел заметить и Соколовского, который быстро прошел в соседнюю комнату.

— Федор Ильич! — крикнул Матвей и бросился к нему, чуть не оттолкнув женщину. — Я принес письмо из тюрьмы, от Тараса Семеныча, — почему-то шепотом заговорил он, подавая Соколовскому бумажный квадратик.

Соколовский быстро пробежал глазами по строчкам, схватил Матвея за руку и, крепко сжимая ее, крикнул:

— Оля, ура! Связь с тюрьмой есть! Садитесь, рассказывайте. Как разыскали нас? Как там Беляев? Впрочем, сначала познакомьтесь: это моя жена и товарищ по работе.

Матвей обернулся к синеглазой молодой женщине, одетой в простенькое домашнее платье и туфли на босу ногу.

— Ольга, — улыбаясь, сказала она, протягивая руку.

За чаем Матвей рассказал и о прокуроре, и о Капке, и о побеге Никитина, который помог ему получить назначение в барак политических. Соколовского интересовало все, и он долго и внимательно расспрашивал о всех тюремных порядках. Потом позвал Матвея в соседнюю комнату и попросил его снять сапоги и форменную туфюрку.

— Зачем это? — удивился Матвей.

— Придется нагрузить вас литературой, — серьезно ответил Соколовский, — нелегальными книжками, газетами.

— Вот спасибо, Федор Ильич! Никогда не читал этих — как вы сказали, нелегальных — книжек.

— Нет, Строгов, с этим вам придется повременить. Да и многого тут вы еще не поймете. Все до последнего листочка я прошу вас передать товарищу Мирону.

— Мирону?

— Да. Так всегда называйте Тараса Семеновича, когда будете бывать в этой квартире.

Соколовский повесил на шею Матвею полотняную сумочку с брошюрами и показал, как нужно, чтобы не портить газет, обертывать ими ноги.

Когда Матвей вернулся в столовую и, надев шинель и сверху ремень с кобурой, стал прощаться, Ольга окинула взглядом его крупную фигуру и нерешительно сказала:

— А что, если... Федя, может быть, мне безопаснее пойти вместе с товарищем Матвеем?

— Неплохая идея,— тотчас же отозвался Соколовский.— Вряд ли шпики будут обращать внимание на подругу тюремного надзирателя. Только одеться надо соответствующим образом.

— Я оденусь под купеческую дочку,— засмеялась Ольга.— Как, Матвей Захарович,— вы ухаживаете за купеческими дочками?

Матвей смущенно улыбнулся, не найдясь, что ответить Ольге Львовне.

Спустя несколько минут оба вышли в глухой переулок. Было тихо. На землю медленно опускались пушинки снега. Откуда-то доносилась музыка духового оркестра.

— Это, должно быть, на катке оркестр играет,— заговорила Ольга.

Звуки оркестра приближались. Звенели медные тарелки, гулко ухал барабан.

— Не должно бы,— прислушиваясь, сказал Матвей.— Под такую музыку только нам, мужикам, на парадах топать.

Он оказался прав. Не успели они дойти до перекрестка, как мимо них по широкой улице прошел военный оркестр. Вслед за ним маршировали солдаты с винтовками на плечах, с полной выкладкой. Впереди каждой колонны, гордо поглядывая на толпившихся по тротуарам прохожих, шагали офицеры. Солдаты усердно месили ногами рыхлый снег, лица у них были хмурые, не веселые.

Матвей и Ольга двинулись по широкой оживленной улице. Ольга первая заметила, что происходит что-то необычное. Прошел полк, звуки военной музыки давно заглохли вдали, а народу на тротуарах стало как будто еще больше.

— Что это там? — останавливаясь, спросила она и показала глазами на противоположную сторону улицы, где перед забором, у какой-то белой афиши, толпился народ.

— Прощайся с любезным, красотка,— сказал, подмигивая и покручивая ус, остановившийся рядом жандарм.— Война!

— Призыв? — обратился к нему Матвей.

— Приказ о мобилизации.

Ольга дернула Матвея за руку и повела его в сторону.

— Ненавижу жандармов. Смотрят, словно догола раздевают.

Около них, совсем рядом с тротуаром, медленно проезжал какой-то мужик в санях. Матвей взглянул ему в лицо, но тот, втянув голову в плечи, скрылся до самой шапки за воротник тулупа.

— Тыррр...— донеслось до Матвея сзади.

Мужик встал на колени и, раскрыв рот от изумления, долго смотрел вслед удаляющейся парочке.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Год выдался на редкость неурожайным. Летом беспрерывно лили дожди. Яровые совсем не вызрели, пришлось скосить на корм скоту, а озимые остались неубранными. И хлеб и травы большею частью погнили на полях и лугах. У многих волченорцев амбары уже давно опустели. Еще с осени бабы начали печь хлеб из муки, смешанной с лебедой и мякиной. Из-за нехватки кормов свиней прирезали еще до рождественского поста; к зимнему Николе, как начались морозы, принялись за овец и коров. Всех нерабочих лошадей мужики спешили сбыть татарам-скупщикам.

В эту зиму нужда заглянула и на пасеку Строговых. К бедам, причиненным ненастным летом, прибавилась еще одна: доходов с пасеки не предвиделось никаких. Взятки меда был совсем плохой — пчелы все дождливое лето просидели в ульях. Захар берег каждый фунт прошлогоднего, засахарившегося меда для подкормки пчел.

Как-то пошла Анна в амбар, заглянула в сусек и ахнула: чем жить? Подмела все сусеки, зерно ссыпала в мешки. Набралось всего два куля и одна пудовка. Этого хлеба не хватило бы до лета и на еду, а ведь надо еще что-то сберечь на весенний сев.

Анна привела в амбар свекровь, поделилась с нею своими тревогами. Решили они позвать Захара — он на дворе долбил колодки.

— Придется, старик, мед продать да хоть немного муки прикупить. Сеять будет нечем, вот и хлеб весь,— указала Агафья на мешки с зерном.

Захар посмотрел на мешки, на жену и сноху. Агафья и Анна знали, что сейчас будет: старик начнет кричать... Но Захар промолчал. Обе обрадовались: раз не закричал сразу — значит, не закричит вовсе.

— Я уж думал об этом,— спокойно заговорил Захар.

Женщины переглянулись: редко с ними разговаривал так своенравный старик.

— Мед продавать не придется: подкармливать пчелу нечем будет. У нас ведь должок есть. За прошлый год еще Кузьмину воз полагается. Откупиться надо, а то может и с пасеки погнать.

— Так что же мы будем делать-то? — почти просто-нала Анна.

— Сам головы не приложу! — рявкнул Захар.

Он прошел по амбару, молча повернулся к раскрытой низкой двери. Агафья взглянула ему в спину, качнула головой:

«Во идол-то!»

Захар будто почувствовал ее взгляд и, чуть обернувшись, бросил небрежно:

— Завтра к свату Евдокиму поеду. Чужим муку в долг дает — и нам, поди, не откажет.

На другой день Захар и в самом деле, не дожидаясь напоминаний, запряг лошадь и поехал в село.

Во дворе Юткиных он застал обычную для этой голодной зимы картину: два годовых работника таскали из амбара пудовики с мукой, у весов орудовали сам Евдоким и его отец Платон, тут же толпились мужики и бабы с пустыми мешками в руках. Один из сыновей Евдокима, Терентий, сидел под навесом у широкого чурбака, служившего ему столом, и записывал долги в толстую засаленную тетрадь.

Заехав во двор, Захар еще от ворот крикнул:

— Здорово, сваты!

— Здорово, здорово, сваток! — недовольно ответил дед Платон.

Евдоким отвернулся в сторону, делая вид, что не заметил Захара. Не радовался он приезду свата. День выдался горячий, и распивать чай с гостями было некогда.

Захар провел лошадь в глубь двора и, не выпрягая ее, подошел к амбару.

Евдоким сыпал рожь из пудовки в широкий мешок. За кромки мешок держала Устинья, жена вернувшегося с Дальнего Востока вместе с Матвеем солдата Ермолая Пьянкова.

— Вот, Устиньюшка, тебе три пуда. Вернешь в петровки пять. Сама знаешь, хлебу теперь цены нет, а летом, бог даст, урожай будет, он, может, и в треть цены не пойдет,— говорил Евдоким, отставляя пудовку на порог амбара.

Знал Евдоким: ладный мужик у Пьянковой Устиньи, работающий, хозяйственный. Знал и то, что не вернут Пьянковы долга в петровки. Где им взять хлеба летом? Призаймут еще и семян весной. И придется Ермолаю Пьянкову отрабатывать каждый фунт полученной женой муки на юткинских полях.

— Сама понесешь или Ермолай захватит? — спросил Евдоким, указывая глазами на мешок.

— Да где он, Ермолай-то? Сам же, Платоныч, нанял купцу овес возить в город. Забыл, что ли? — недовольно проворчала Устинья.

— И впрямь забыл, с вами тут совсем голову потеряешь,— скороговоркой бросил Евдоким и снова обратился к молодой женщине:— Коли так, придется тебе расписаться порядка ради для.

Устинья подошла к чурбаку, поставила в тетради против отпечатка пальца Терентия крестик, потом взвалила мешок на плечо и пошла со двора. Мужики и бабы, стоявшие у амбаров, переглянулись, молча сговариваясь, кому черед просить дальше.

Из толпы вышел худенький старичок в ветхом, заплатанном полушубке. Борода его скаталась и торчала клином, глаза, скрытые под опухшими больными веками, слезились. Это был Иван Топилкин, отец все еще находившегося в бегах Антона.

Иван снял шапку, поклонился сначала Платону Юткину, с которым в детстве играл в бабки, потом Евдокиму.

Захар, наблюдавший за всем этим, усмехнулся вслух:
— Ты, Иван, ровно перед царями шапку ломаешь.

Старик Топилкин не взглянул на Захара. Зато Евдоким и дед Платон недружелюбно покосились на него.

— Ну, чего тебе, Иван, надо? — спросил Платон.

— Муки бы, Платон Андреич. Совсем голодуха задавила.

— Хлеба я тебе, Иван, не дам! — отрезал Евдоким, заслонив собой отца.

— Почему, Евдоким Платоныч? Ай, думаешь, не отработаю? — забеспокоился Иван.

— Сын твой Антоха обидел меня. В острог бы сукина сына за мельницу надо, да так уж я по доброте простил.

— Я за сына не ответчик, Евдоким Платоныч! — взмолился Иван.

— Одной породы! — будто отрубил Евдоким.

— Что же мне, с голоду подыхать? Ты не даешь, Демьян Штычков не дает, купцы залог требуют, а какой с меня залог? Одно остается — гроб!

Иван развел руками и взглянул на стоявших позади себя мужиков и баб, но все молчали: боялись за себя. Заступись — и пойдешь со двора с пустым мешком.

Иван Топилкин опустился перед Платоном на колени, плаксиво забормотал:

— Сжался хоть ты, Платон Андреич!

— Иди, иди, Иван, все равно не дам! — не слушая старика, проговорил Евдоким.

Тут Захар Строгов не выдержал.

— Встань, встань, дурак! — закричал он на Ивана и обратился к Евдокиму: — Ну, сват, креста на тебе нет, пошто измываешься над человеком? Ведь на смерть мужика толкаешь!

Мужики и бабы оживились, кто-то из баб, прячась за спины соседей, сказал:

— И впрямь кровопиец.

Черные большие глаза Евдокима Юткина вспыхнули гневом. Он сердито окинул взглядом толпу и двинулся на Захара, размахивая большими руками.

— Ты, сват, не хозяин здесь! Меня учить незачем! Как мне жить, я сам знаю!

Захар рванулся вперед.

— Ты, сват, не маши руками! Я не из пугливых, меня не застрашаешь!

Дед Платон, увидев, что между Евдокимом и Захаром завязывается ссора, что-то шепнул сыну на ухо, но это только подлило масла в огонь.

Евдоким, свирепея, закричал исступленным голосом:

— За гольтепу, сват, заступаешься? Ты, Захарка Строгов, сам гольтепа! Ты сам двадцать лет чужой хлеб ел.

— Я не чужой ел! Свой! Заработанный! Ты чужой хлеб ешь! Чужой! Грабленный! — кричал Захар. От волнения и натуги, с какой он старался перекричать Юткина, у него на щеках проступил яркий румянец.

Смуглое лицо Евдокима побелело. Кто-то из мужиков, наблюдавших за ссорой, не выдержав, крикнул:

— Так его, дьявола ненасытного!

Платон метался около Евдокима и Захара, уговаривая их прекратить ссору. Старик понимал, что возникла она не в урочный час: народ и без того роптал на Юткиных и Штычковых.

Длинные языки болтали, будто кто-то опять грозитя пустить им красного петуха. Всем еще был памятен поджог кладей, учиненный неизвестно кем несколько лет тому назад. Платон побаивался: а ну-ка и в самом деле удумает кто-нибудь повторить!

На крик из дома прибежала Марфа. Не понимая, что происходит, она несколько секунд с испугом и удивлением смотрела на разгневанных Евдокима и Захара и вдруг заголосила, пытаясь хоть этим прекратить ссору.

Но Захар и без того решил отступить. Все, что надо, он высказал прямо в глаза, с обычной для него резкостью. Он решительно направился к лошади, хотя дело, из-за которого он приехал в Волчьи Норы, осталось не сделанным.

— Пропадите вы пропадом и с хлебом вашим! Лучше с голоду сдохну, а кланяться вам не буду! — крикнул Захар.

Платон и Марфа пытались остановить его, зазывали в дом, не советовали из-за пустяков мир терять, но Захар был неумолим.

Он уехал, ни с кем не простившись.

Тоскливо и скучно было этой зимой на пасеке Строговых.

Захар больше не ездил к сватам, не возвращался, как обычно, из Волчьих Нор навеселе и целыми днями возился у своих колод в подвале. Опасался старик: передохнут пчелы — тогда пасеке гибель, а надежда на землю плохая.

Анна тоже больше не навещала родительский дом. Ехать мириться с матерью первой — гордость не позволяла. Со страхом думала она о том, что придется, может быть, продать лошадей. Тогда конец и ее хозяйству. Без лошадей, без семян пахоты не поднять.

В доме все ходили хмурые, неразговорчивые, погруженные в свои невеселые думы. Будущее не сулило ничего хорошего.

Даже дед Фишка потерял свою обычную жизнерадостность. Раза два еще по первой снежной пороше сходил он на охоту, да принес только одного тощего зайца и трех белок. Старик явно скучал по племяннику: брался за то, за другое, но бросал всякое начатое дело незаконченным и больше отлеживался на печи, о чем-то все думал, вздыхая и кряхтя.

А Артемка, так тот всю душу вымотал у матери. Не успеет утром глаза протирать — и за свое:

— Ма-ам, чего же тятя-то опять не приехал?

Анна не находила себе покоя.

«Ехать в город, не ехать?» — в который раз спрашивала она себя и все ждала, что Матвей скоро вернется на пасеку. Смутная тревога за мужа, за семью, за будущее своего хозяйства не покидала ее.

В один из воскресных дней в середине зимы она поехала в Волчьи Норы. Никаких особенных дел на селе у нее не было. Просто захотелось хоть на несколько часов вырваться из дому. Даже самой себе она не хотела признаться, что не могла больше томиться ожиданием, что погнало ее вдруг на село желание узнать, нет ли письма от Матвея. Староста мог передать письмо Юткиным, а те, при нынешних отношениях, и не подумают привезти его на пасеку.

После сильных снегопадов и метелей ударил крепкий мороз. Рыжий, золотистой масти жеребчик резво бежал,

играя селезенкой. Под монотонное поскрипыванье полозьев Анна в сотый раз передумывала всю свою жизнь. И в сотый раз приходила к одному и тому же безутешному выводу: нет, неудачно она вышла замуж за охотника. К крестьянскому хозяйству Матвея не привязать. И раньше-то больше в тайге пропадал, а теперь вот из города не вытянешь. Ни жена, ни дети, видать, не дороги. Даже писать перестал. И войны-то никакой нет. Так, поболтали люди, да и перестали.

За полверсты до Волчьих Нор Анна остановила коня, подтянула подпругу, поправила чересседельник. Любила она похвалиться перед людьми хорошей упряжкой.

С бугра хорошо было видно село: на задах дворов чернели ометы соломы и сена, в небе стояло облачко дыма, и ветерок наносил запах гари.

Анне взгрустнулось. Она вспомнила, как раньше, еще до замужества, приходила вот на этот самый бугор с подругами на троицу, гуляла в зелени березок с венком на голове из весенних цветов. Где-то вот тут, в буераке, у журчащего холодного ручейка, волнуясь, Матвей обнял ее и неумело поцеловал в краешек губ. Анна так ярко представила это, что даже теперь, спустя много лет, ощутила в себе то волнение, которое поднял в ней тогда этот первый поцелуй Матвея.

Резвой рысью жеребчик бежал к селу. Он точно понимал, чего от него хотела хозяйка, и, колесом выгнув шею, красиво перебирал ногами.

В проулке, у въезда в Волчьи Норы, донеслись причитания какой-то бабы. Анна подумала:

«Не к добру это».

Ломким, рыдающим голосом баба причитала:

— Ох, да матушка моя ро-одная! Да зачем ты меня спороди-и-ила!..

«А, видно, Мишучиха умерла»,— решила Анна, вспомнив хворавшую старуху, соседку Юткиных, и, чтобы не встречать похороны, остановилась в проулке. Однако на улице никто не показывался, а к причитающей бабе присоединились новые голоса. Какая-то молодка полуохрипшим голосом истошно взвизгивала:

— Не пущу!.. Вась!.. Не пущу-у!..

«Нет, это не по мертвому причитают»,— поняла Анна, и, охваченная тревогой, поспешно задергала вожжами.

Выехав из проулка на широкую улицу, она увидела толпу народа, сгрудившуюся у подвод.

— Это почему бабы ревут? — спросила Анна у проходящих парнишек.

— Японца бить мужиков отправляют, — объяснил на ходу один шустрый мальчуган и, видимо удивленный тем, что Анна до сих пор не знает такой новости, сказал товарищу: — Ну и дура — будто с того света!..

Анна подъехала к толпе и остановила лошадь. Из двора Никиты Пьянкова в обнимку вышли его сын Ермолай и Мартын Горбачев — старые сослуживцы Матвея. Поддерживаемые с обеих сторон женами, они пьяно орали:

Эх, да зачем нас забрали в солдаты
Да гонят на Дальний Восток?
А ну, да при чем же мы тут виноваты,
Коли вышли на лишний вершок?..

В другом конце кто-то затянул одиноко:

Прощай, родимая сторонка,
Прощай навеки, навсегда...

— Настя! — кричал какой-то мужик в другом месте. — Лошака береги! Жеребец будет — картина! — И безнадежно добавил: — Эх, все сгинет!

Скоро к толпе подошли поп, дьякон и Евдоким Юткин, исполнявший обязанности церковного старосты.

Начался молебен. Надрывая глотку, дьякон провозглашал «здравие государю-императору Николаю Александровичу» и «победу христолюбивому воинству». Но трудно было перекрычать толпу. Молебен никто не слушал.

Через несколько минут, закончив службу, поп тыкал заиндеветый от мороза крест в губы плачущим, обезумевшим от горя солдаткам.

— Кончай прощание, мужики! — крикнул староста Герасим Крутков, который должен был сопровождать мобилизованных в город.

Снова начались причитания. Немало Анна прожила на белом свете, а подобного ни разу не слышала.

Особенно дико, надсадно голосила жена Мартына Горбачева, Пелагея, обычно веселая, бойкая бабенка:

— Мартынушко мой, да соколик ты мой ненаглядный, да на кого ж ты нас спокидаешь? Да чует мое серд-

це, да чует мое ретивое: вековать мне век одинешенькой, да только с малыми ребятками!

Она опустила голову на плечо Мартыну, а он, будто не замечая, обнимал гармониста и громко выкрикивал:

— Поехали! Поехали, Митрофан! На тот свет поехали!

Отдельным кружком, в стороне от толпы, с батожками в руках стояли старики. Были тут известный зубоскал Петруха Минаков, по прозванию Царь Давид; дед Лыков, по-уличному просто Лычок; Кондрат Гуменнов, прозванный за высокий рост Полтора Кондрата; старый поселенец, начетчик Святого писания Григорий Сапун. Они смотрели на толпу, переговаривались, вспоминали былое. К ним подошел Евдоким Юткин, в волчьей дохе нараспашку и белых, украшенных красной росписью валенках.

— Ну, что, старики, загореваали? — спросил он. — Война будет короткой. Отец Аполлинарий говорит, что не пройдет и двух недель, как враг будет посрамлен.

— Тебе, Алдоха, чего горевать! — заговорил Кондрат Гуменнов. — Откупил сынов, оба у тебя дома. А погляди на других — кто работать-то станет? Весной, слышь, пахнет, а землячка — она работу любит.

— К весне вернутся, — сказал Евдоким.

— Да ты что, Алдоха, сорочьи яйца ел? «Вернутся», «вернутся»! Мы побольше твоего прожили, — загорячился дед Лычок. — Ее только начни, войну-то, она тебя, как трясина, до ушей затянет.

— Еще, Евдоким Платоныч, в Писании сказано... — вступился в разговор Григорий Сапун, но закончить свою мысль ему не удалось.

Толпа с воем, плачем и стоном двинулась вперед, людская волна подхватила стариков и понесла по улице.

Анна поехала вслед за толпой. В те короткие минуты, которые провела она среди провожающих, в душе ее произошли перемены. Давно ли думала она о Матвее со злобой, давно ли считала его причиной и виновником неудачно сложившейся жизни? Теперь все переменилось. Появись здесь в этот памятный час Матвей — она бросилась бы ему в ноги. Только теперь, увидев собственными глазами чужое, никакими силами неотвратимое горе, она поняла, как разумно поступил Матвей.

«Нет, я супротивная, неблагодарная, негодная я», — думала Анна, возвращаясь к себе на пасеку.

Чувство горячей любви к Матвею, которое она столько времени сдерживала, захватило ее, и она поняла, что нет ничего у нее в жизни дороже его.

С этого дня она стала готовиться к поездке в город.

3

Накануне отъезда в город Анна поехала на ток за соломой. Хотелось ей все дела сделать по двору, чтобы Агафье осталось меньше хлопот. Сбрасывая вилами с копны пласты снега, она и не заметила, как подкатил на санях Демьян.

— Бог в помощь! — крикнул тот издали.

— Господи! Откуда ты? — оторвалась Анна от работы.

— Не вы к нам — так мы к вам, — улыбнулся Демьян, соскакивая с саней.

Он привязал лошадь к березке и подошел к Анне.

— Я в городе был. Твоего мужика видел.

— Бреешь?

— Провалиться на этом месте!

— Ну, как он? — Карие глаза Анны заблестели от волнения.

«Сон-то мой в руку», — подумала она.

Прошлой ночью ей снился сон: идет она будто по полям, кругом цветы, зелень, рожь колосится, медом пахнет. Вдруг слышит, собака лает. Остановилась она, ждет. Знает, что не может собака одна быть. Кто-то, значит, навстречу ей идет. Проходит минута, другая — нет никого. И собака затихла. Идет она дальше. Вдруг из-за куста на нее собака — прыг. Большая, пестрая, с телка ростом. Анна испугалась, присела, а собака обнюхала ее и давай лизать руки. Хвостом виляет, визжит, ласкается. Утром Анна рассказала об этом Агафье. Свекровь славилась умением разгадывать сны.

— Это, милая моя, к вестям, — сказала она, выслушав Анну. — Вот посмотри: либо письмо от Матвея получишь, либо сам прискачет.

Демьян заметил, какой интерес проявляет Анна к вестям, которые он привез, и нарочно не спешил рассказывать. Топтался на одном месте, посмеивался.

— Ну, как он живет там? — торопила его Анна.

— Живет неплохо. Не прячется, как ты, от людей.

— На то он и город. Там никуда от людей не спрячешься, — спокойно проговорила Анна, не понимая намеков Демьяна. — Ну, а ты, Дема, с ним разговаривал?

— Где там! Он делами был занят! — с усмешкой ответил Демьян.

— Что он, арестантов гнал?

— Во-во! Угадала! Только не арестантов, а одну арестанточку. Ничего себе бабочка!

Демьян захохотал, ноздри его измятого носа дрожали.

Анна, недоумевающая, пожала плечами.

— Ну, и брехун ты, а я и в самом деле поверила.

Демьян стал серьезен.

— Не веришь? Тогда слушай, все до капельки обскажу! — И он, не дожидаясь ее ответа, принялся рассказывать: — Еду я по городу, вижу — Матюха идет. Придержал я коня и еду с ним почти рядом. Идет он с какой-то молодкой и до того с ней любезничает, просто удержу нет. А она привалилась к нему и все в лицо ему заглядывает. Вот лопни глаза мои, если хоть каплю соврал!

— Побожись!

— Истинный Христос! — Демьян перекрестился.

Помутился белый свет в глазах Анны. Плотно сжала она губы, а руки бессильно повисли, как неживые.

Демьян понял, что своим рассказом он сразил Анну, и принялся с горячностью убеждать ее:

— Эх, Нюра, не я ли тебе говорил, что Матюха давным-давно и думать о тебе перестал? Брось ты его! Не жди. Затянула его навек городская жизнь. Я отца Аполлинария задарю, он похлопочет перед архиереем да повенчает нас. Заживем с тобой — ох, как! Буду на руках носить. У меня ведь всего полно. Семь кладей с третьего года, мельница, маслобойка. Да что говорить, сама знаешь. Хозяйкой была бы! А у Строговых, вот видишь, гнешь спину, а не уродись хлеб — и живи с пустым брюхом. Может, тебе ребятишки сумленье наводят? Не беда! В большом хозяйстве и им дело найдется.

Анна отступила от него на полшага и, глядя куда-то в сторону, сказала отчетливо и резко:

— Уйди, Дема. Уйди, Христа ради! Лихо мне. Уходи!

Демьян отошел к широкому пню, сел, не спуская глаз с Анны. Она повернулась к нему спиной, сразу как-то

сжавшись. Широкие, ладные плечи ее перекошились, крепкая спина потеряла стройность.

Большими глазами с синеватым отливом на Демьяна и Анну смотрел рыжий жеребчик.

— Ну, прощай, Дема, мне домой пора. Обрадовал ты меня,— вдруг повернувшись к Демьяну, сказала Анна и, бросившись в сани, хлестнула вожжами коня.

Жеребчик от неожиданного удара взбрыкнул ногами, обдавая Демьяна снежной пылью, и рванулся вперед. Когда Демьян протер глаза, сани уже неслись по дороге к пасеке.

4

К весне война не кончилась. Евдоким Юткин, кричавший о скорой победе, умолк.

Приближалась пахотная пора. Весна стояла теплая, солнечная. Казалось, природа хотела сторицей вознаградить людей за все беды, причиненные им в прошлогоднее ненастное лето. Но награда запоздала: большинству волченорских крестьян пахать было не на чем, а сеять нечего. Зато Юткины, Штычковы, Крутковы за гроши, за подачки хлебом в голодную зиму забрали у солдаток, да и у многих крестьян, кто победнее, почти всю землю и готовились на весну и лето подрядить на поденщину половину села. У этих недостатка в семенах не было. На полях у них стояли необмолоченные клади, сложенные еще в страду позапрошлого года.

Анна долго не могла прийти в себя после того потрясения, какое она испытала при известии, принесенном Демьяном из города. Свое горе, однако, старалась скрывать от домашних, а к весне и совсем успокоилась. Кто его знает: мог и обознаться Демьян, мог и солгать,— от него станет. Да и что за беда, если Матвей прошелся по улице с какой-то знакомой женщиной под ручку,— в городе, почитай, все молодые люди так ходят. Одно ей было совершенно ясно: что бы ни случилось в будущем — надо крепче держаться за землю, не щадя сил и здоровья хлопотать вокруг своего хозяйства.

Понимала Анна, что война к добру не приведет. У народа поубавится и посева и скота. Весь крестьянский достаток приуменьшится не в один раз. Много ли бабы

да старики нахозяйствуют? И чем больше Анна думала об этом, тем сильнее хотелось ей выйти победительницей из этой беды. Разве не хватит у нее сил справиться с пахотой, севом, уборкой? Она могла бы удивить народ своим рвением и хваткой, а главное — показать Матвею, чего она стоит в хозяйстве. Скот ей удалось сохранить. Вот только бы семян достать!

Решение напрашивалось само собою: выпросить семян не у отца (свекор строго-настрого пригрозил, чтоб и не думала об этом), а у Демьяна Штычкова. Анна была почти уверена, что Штычков не откажет.

В первое же воскресенье, думая застать Демьяна дома, Анна выехала в Волчьи Норы, прихватив с собою четыре мешка.

Демьяна дома не оказалось, — за несколько дней до этого он на трех телегах повез продавать в город хлеб.

«Вот у хороших-то хозяев как, — с завистью подумала Анна, когда услышала об этом. — Их никакой войной не вышибешь из колеи».

Ей не хотелось возвращаться на пасеку с пустыми мешками, и она решила дожидаться Демьяна в Волчьих Норах.

В сумерках сидела она с женами братьев, судачила о своих бабьих делах. Вдруг вбежал Дениска.

— Ермолая Пьянкова убили! — крикнул он с порога.

Анна вздрогнула. Сразу вспомнились проводы: Ермолай Пьянков идет в обнимку с Мартыном Горбачевым, их поддерживают жены — Устинья и Пелагея. Бабы плачут, припадают к мужьям на плечи, а мужья орут:

А ну, да при чем же мы здесь виноваты,
Коли вышли на лишний вершок?..

— Ты откуда знаешь? — спросила Анна брата.

— Из волости пакет привезли. Народ к Пьянковым со всего села бежит.

Анна что-то еще хотела спросить у Дениски, но тому не терпелось, он бросился к двери — и на улицу.

— Пошли, бабы, сами узнаем! — заторопилась Анна.

В избенке Пьянковых было полно народу. Мать Ермолая сидела на кровати и тихо плакала. Устинья стояла у окна, закрыв лицо фартуком. С полатей непонимающими глазами смотрели два мальчика-погодка. Сердцем

они чувствовали, что с их тяткой стряслась большая беда.

За столом, под божницей, сидел сельский староста Герасим Крутков. В руках он держал бумажку, а на столе лежал бережно разорванный пакет.

— Да ты погоди, Устинья, голосить-то, я еще не дочитал,— говорил староста рыдающей жене Ермолая.

Устинья подавила рыдания и приподняла голову.

— Эй, бабы, тихо! Буду читать дальше! — прикрикнул староста на баб, собиравшихся заголосить.

— Читай сначала,— попросил кто-то из вновь вошедших в избу.

И Герасим торжественно начал:

— «Настоящим сообщаю, что рядовой Ермолай Никитович Пьянков убит в бою с японцами. Ермолай Пьянков пал смертью храбрых за царя и отечество и похоронен вместе с другими сынами великого русского отечества, погибшими в первом бою, с воинскими почестями. Согласно приказу его высокоблагородия полковника Успенского, при сем прилагаю один рубль шестьдесят копеек содержания рядового Пьянкова за последний месяц для вручения семье покойного.

Командир батальона подполковник *Иванцев*.
Действующая армия. Маньчжурия».

Едва Герасим кончил читать, как изба наполнилась рыданиями. Бабы и ребяташки заголосили, закричали. Мужки насупились, опустили головы, пряча глаза.

Когда причитания несколько стихли, Герасим Крутков выложил на стол деньги, присланные из полка.

— Ну, хватит, Устинья, что ж попусту плакать! Ермолая теперь все равно не вернешь,— уговаривал вдову староста,— пересчитай-ка вот деньги-то.

Устинья взяла у него серебряные монеты, посмотрела на них с болью, исказившей лицо, и вдруг бросила деньги в лицо старосте.

— Дешево купили! Отдайте Ермоху! Отца ребятам отдайте! — Она упала на пол, задыхаясь от рыданий.

Испуганные бабы засуетились, не зная, что делать. Анна схватила ведро и стала брызгать водой на лицо Устинье.

— Мужики, прошу выйти из избы! — обратился Герасим Крутков к односельчанам.

Люди потянулись к двери, а потом на улицу.

Дед Лычок, собрав вокруг себя стариков, рассуждал, помахивая перед своими «годками» искривленным указательным пальцем:

— Нет, нет, ребята, круто взял молодой царь. Гляди-ка, давно ли править начал, а япошку какого-то раздразнил. Ну, леший бы с ним, да мужику это кровь. Переведет народ, ей-богу!

— Царю-то тебя бы надо спросить, дед Григорий! — подшутил кто-то из молодых мужиков.

— А что ты думаешь, сробел бы? — загорелся дед Лычок. — Я, милый мой, на действительной каждый день с генералом виделся. К его конюшням был за главного приставлен, а квартира его тут же напротив находилась.

Разошлись в потемках. В избе остались родные Устиньи, некоторые жены солдат, сослуживцев Ермолая, и Анна.

Устинья очнулась и сидела за столом безмолвно, опустив голову. Анна кормила ребятишек, старалась заговорить с бабами, отвлечь их от тяжелых дум, но бабы молчали, концами платков вытирая глаза.

Ермолая Пьянкова оплакивало все село. Это была первая весточка с фронта. Завтра могла прийти вторая, третья, четвертая — кто знает, сколько война унесет человеческих жизней!

Анна плакала вместе со всеми. Ей пока не угрожала опасность остаться вдовой, но бабье горе не было для нее чужим.

5

Демьян вернулся с богатой прибылью. В городе он накупил хомутов, шлей и на удивление всему селу вез новенькую поблескивавшую зеленым лаком сеялку.

Приехал вечером, а утром следующего дня пришел к Юткиным похвалиться своими покупками.

Анна, улучив подходящую минуту, шепнула Демьяну: — Под кручей ждать буду!

И тут же, на виду у Демьяна, оделась и вышла.

День был будний, и никто не видел, как торопливо

спустилась она под кручу и по зыбкому, не высохшему после вешнего половодья песку пробежала на остров, к высоким тополям. Тут она остановилась, поправила платок на голове.

Демьян не заставил себя долго ждать. Анна увидела его, когда он еще спускался с кручи. В широком картузе, в броднях, в длинном зипуне без опояски, широколицый и низкий, он показался ей безобразным. Невольно сравнивая его с Матвеем, она подумала:

«О господи, и такой урод мог быть моим мужем!»

— Ну, здравствуй, здравствуй, Евдокимовна! — сказал, подходя, Демьян гнусавым, дрожащим от волнения голосом.

Анна стояла, привалившись плечом к тополи.

Демьян обнял ее, и хотя он был в эту минуту невыносимо противен ей, она не оттолкнула его.

— У меня к тебе, Дема, дело есть, — заговорила Анна. — Я ведь еще позавчера приехала, да разве тебя дома застанешь. Все по хозяйству радеешь.

Демьян принял это как похвалу и заулыбался.

— Ты семян мне дашь, Дема? Мешка три-четыре. Из первого обмолота верну, — заторопилась Анна и смущенно опустила голову, скрывая краску, выступившую на лице.

В родительском доме она часто видела мужиков и баб, приходявших к ее отцу просить выручки. Она видела их в покорном поклоне, без шапок. Но никогда она не думала: легко ли им, этим просящим людям?

— Семян? — к чему-то переспросил Демьян. — Семян дам, семена еще есть. Триста пудовок роздал людям, а три куля для тебя уж как-нибудь найду. Ну, пойдем, пойдем скорее. — Он подхватил ее под руку и стал увлекать в глубь острова, в черемушник.

Анна шагнула за ним и остановилась. Вдруг поняла: «За семена купить хочет».

Жизнь стала какой-то мучительной, постылой. Почему-то вспомнилось вчерашнее: бабы, плач, слезы, безутешная боль. И оттого все происходящее теперь стало страшным и ненавистным. Захотелось оттолкнуть Демьяна, плюнуть в его гнусную рожу. Сдержалась с трудом.

— Ты куда меня тащишь? — спросила она его недружелюбно.

— Туда, — неопределенно мотнул головой Демьян.

— Постыдись, Дема! Ты совсем одурел!

Анна повернулась и хотела уйти, но он грубо схватил ее за руку и потянул за собой.

К ее счастью, совсем вблизи от них раздались голоса ребятишек. Демьян отпустил руку Анны.

— Черти их тут носят,— недовольно прогнусавил он.

— Когда же, Дема, дашь семена-то? Тороплюсь я,— проговорила Анна, вытирая уголком платка зардевшееся лицо.

— Завтра утром возьмешь. Работникам велю приготовить. А сегодня, как стемнеет, тут ждать тебя буду. Придешь?

«Завтра утром возьмешь»,— Анну это резануло как ножом.

С острова она возвращалась подавленная. В груди клокотала злоба на Демьяна и обида на жизнь, которая обернулась лихом.

Чувствуя, что ей не удержаться от слез, она не пошла в дом, а забралась на сеновал и там дала волю слезам.

На сеновале и нашла ее мать.

Анна не стала скрывать своего горя.

— Сеять, мама, нечем.

Эти слова объяснили все.

Марфа задумалась.

— Ты погоди, дочка, умирать-то раньше времени,— опускаясь на сено, проговорила Марфа.— После обеда отец с дедом на мельницу собираются. Пусть их леший унесет, тогда я насыплю тебе три куля ржи — и езжай скорей с богом. Да смотри молчи, а то греха не оберешься. Отец дюже на свата Захара сердит.

Анна относилась к матери сдержанно, с холодком и, бывало, частенько с нею ругалась, но тут она обняла ее и прошептала:

— Спасибо тебе, мама. Хоть ты меня жалеешь.

На следующий день Захар и Анна с Артемкой и Максимкой поехали в город: Захар — упросить Кузьмина подождать с долгом, Анна — повидаться с мужем.

Пробыла Анна в городе всего неделю, но вернулась домой радостная, бодрая и, не медля ни одного дня, принялась за полевые работы.

В самый разгар пахоты Демьян Штычков поехал на поля, чтобы проверить работу своих батраков и поденщиков.

В логу, неподалеку от его шалаша, лошадь всхрапнула и остановилась. Демьян ехал лежа. Он дернул вожжи, но лошадь стояла. Послышался шорох. Кто-то подходил к телеге. Демьян приподнялся, и капельки холодного пота выступили у него на лбу: сбоку дороги с осиновыми стяжками в руках стояли Парфен, Силантий и Савелий Бакулины, братья Ксюхи Бакулиной, батрачки Штычковых.

Рослые бородатые силачи Бакулины давно собирались посчитаться с Демьяном.

Весной Ксюха забеременела от хозяина. Когда она сказала Демьяну об этом, он повалил ее на пол и стал коленом давить живот. Ксюха вырвалась, убежала и с тех пор у Штычковых не появлялась.

Бакулины отправили Ксюху в другую деревню, к старшей сестре, и она жила там, прячась от позора.

Демьян первые дни тревожился, а потом решил, что все обошлось.

И вдруг — вот тебе на, бакулинские бородачи! «Ускакать бы», — подумал Демьян, но было поздно. Братья Бакулины стояли у телеги, не спуская с плеч осиновых стяжков. Старший, Парфен, поздоровался с Демьяном, приподняв картуз.

— Не в хорошем месте встретились, Демьян Минеич, — сказал он, — не прогневайся, сам виноват. Опозорил ты нас перед всем миром.

Демьян, боязливо посматривая на братьев, пожал плечами.

— Сама, слышь, Парфен, на шею вешалась, — проговорил он робко.

— Сама? Это как же? — закричал Силантий.

Старший успокоил его:

— погоди, Силантий, не горячись. Мы ведь все, Демьян Минеич, знаем. Одним словом, нас не обманешь.

Демьян попробовал отговориться:

— Ей-богу, Парфен, сама лезла... Я отбивался, а она лезла...

Парфен усмехнулся.

— Ты что, Демьян Минейч, думаешь, мы трехлетние?

— Да что тут разговаривать! Бей его!

К телеге с поднятым стяжком подбежал младший брат, Савелий, стоявший у куста за дорогой. Демьян закричал, подымая руки, защищаясь ими от стяжков:

— Погоди, мужики!

Савелий придержал стяжок, Парфен и Силантий отступили немного в сторону.

— Вы тут бить меня собираетесь, а за что? — скороговоркой загнусавил Демьян. — Верно, от меня Ксюха забрюхатила, ну так я рази отказываюсь? Я даже венчаться звал. Не пошла. Сама не захотела.

— Венчаться? — переспросили братья.

Демьян нерешительно кивнул головой.

— Не обманываешь? — спросил Парфен.

Демьян опять кивнул головой.

— Чистая правда.

Братья переглянулись.

— Коли так, — сказал Парфен, — заворачивай, Демьян Минейч, поедem в село на запой.

Демьян покорился, кряхтя и морщась, как от боли, полез на телегу.

Со свадьбой пришлось торопиться. Венчались в будний день: не хотелось с таким позором лезть в церковь в праздник, на народ. Но любопытных набилось в церковь невпроворот. Некоторые, прослышав о свадьбе, приехали с полей.

Во время венчания в церкви стоял шум. По углам шептались, посмеивались:

— А что, добро! Знай гуляй себе на здоровье! Сегодня свадьба, завтра крестины!

От стыда Ксюха стояла под венцом блее стены. Жених тяжело вздыхал, по лицу его текли струйки пота.

Недели через три после возвращения из города Анне захотелось соленого, а немного времени спустя ее стало тошнить. Поделившись со свекровью своими предположениями, она поехала в Волчьи Норы, собираясь послать оттуда письмо Матвею.

Дом Юткиных напоминал лазарет. На ящике, охая, лежал дед Платон. На кровати, уткнувшись в подушку, стонал Евдоким, возле него на табурете стояла большая деревянная чашка с кислой капустой. Марфа мочила

в холодной воде холщовые полотенца. В доме стоял крутой запах винного перегара.

Анна не удивилась: эта картина была знакома ей с детства.

— Где они так нализались? — спросила она у матери.

— На свадьбе.

— На какой свадьбе?

— Ох, господи, да неужели не знаешь? Демка Штычков женился.

— На ком?

— На Ксюхе Бакулиной.

— Он что, сдурел? Страда на дворе. Ай потерпеть нельзя?

— Да он обгулял ее, где ж тут терпеть?

Марфа рассказала дочери все, что знала от баб. Анна слушала, и краска стыда все больше заливала ее лицо. Она ничего не чувствовала больше к Демьяну, ничего, кроме омерзения.

Вечером Анна сходила к дьячку. Под ее диктовку он исписал мелким, бисерным почерком два листочка бумаги.

Анна коротко сообщала мужу о своей беременности, подробно рассказывала о том, как справилась с пахотой и севом, и в самом конце письма, зная, как это важно для Матвея, упомянула о женитьбе Демьяна Штычкова.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Однажды к Матвею Строгову нагрянул неожиданный гость — Антон Топилкин.

Бывший волченорский пастух выглядел настоящим бродягой. О нем Матвей ничего не слышал с тех пор, как тот, изрубив большое колесо на мельнице Штычковых и Юткиных, бесследно скрылся из родного села.

Матвей обрадовался гостю. В молодости они вместе ходили по вечеркам, а в солдатах служили в одной роте!

— Ты откуда, служба? Как нашел-то меня? — спросил Матвей.

— Земля слухами полнится,— засмеялся Антон.— Мужиков волченорских встретил на базаре, вот и пошел к тебе. От зимы лета ищу. Покорми, служба, третий день маковой росинки во рту не было. В ночлежке живу. Ну, а ты как? Давно это нацепил? — кивнул он на Матвееву форму.— Сам али поневоле пошел?

Матвей сбегал на кухню за кипятком, достал из-за форточки остатки колбасы, нарезал хлеба, наколот сахара и пригласил гостя за стол.

Заговорили.

Антон проклинал свою жизнь. Когда он вернулся с заработков из соседней деревни и отец рассказал ему, что Демьян Штычков, отобрав за долги весь хлеб, принудил Топилкиных идти просить милостыню, у него кровь закипела от лютой злости. Понял он тогда, что пришла пора посчитаться с Демьяном.

В сердце все еще жила обида за Устиньку, за ее горькую жизнь в доме Штычковых, за ее страшную смерть. Не соблазни Демьян своим богатством да посулами хорошей жизни Устиньку — может быть, жил бы теперь Антон Топилкин в Волчьих Норах с женой и детьми, не рыскал бы по белу свету горемычным бродягой.

Жестокую расправу собирался учинить Антон над Демьяном. В тот вечер, когда ему удалось изрубить мельничное колесо, хотел он пробраться лесом на поля к Штычковым и пустить красного петуха в Демьяновы клади. Если бы удалось это, несдобровал бы и Демьянов крестовый дом в Волчьих Норах.

Но все обернулось иначе.

Слушая Антона, Матвей смотрел на него и дивился. Как не похож он был на прежнего запевалу первой роты, веселого балагура и скомороха, забавлявшего солдат в часы досуга своими шутейными представлениями! Вспомнилось, как еще в Волчьих Норах пастух Антон забавлял все село. «Слышь, Антон, изобрази Соловья-разбойника»,— просили его, бывало, ребяташки, и он начинал свистеть так, что люди бросали работу и сбегались слушать его. Особенно ловко изображал Антон сельского дурачка Андрюху Клинка. Он копировал дурака с такой точностью, что старики, наблюдавшие его игру, говаривали: «Тебя, Антоха, к царю бы шутком. Уморил бы того со смеху».

Теперь перед Матвеем сидел человек, раздавленный жизнью,— оборванный, испитой, с морщинами на лице и тоскливыми глазами.

— Где же ты пропадал все это время, Антон?

— Летом батрачил, осенью поступил кочегаром на спичечную фабрику, во время забастовки попал в катажку. Вышел, а тут война началась, мобилизация. Думал сначала: пойду на войну, все равно подышать. А как вспомнил, чем меня в родном селе встретили, когда пришел из солдатчины,— плюнул и не пошел. За какую такую землю я должен кровь свою проливать, раз у меня последний кусок отняли? А потом уж никуда и на работу-то нельзя было поступить. Ведь хорошо еще к воинскому начальнику пошлют да на фронт отправят, а то и засудить могут. Ну вот, так-то и докатился до ночлежки...

Матвей задумался: как помочь другу, чем? «Хорошо бы ему тоже надзирателем устроиться,— шевелилась в голове мысль,— сразу со всеми бедами бы разделался: сыт, одет и суда за уклонение от мобилизации можно не опасаться. Да ведь разве примут такого? — Матвей взглянул на рванину, в которую был одет Антон, и тотчас отбросил эту мысль:— Нет, не примут».

Так ничего и не придумав, он предложил:

— Живи, Антоха, пока у меня. Комната большая. Передохнешь, приведешь себя в порядок, а там посмотрим, что делать...

Скоро Матвею представился случай выручить товарища из беды.

Начальнику тюрьмы прислали нового помощника. От конторских писарей надзирателям скоро стало известно, что крупный чиновник в столице, статский советник Елисеев, прибыл в Сибирь на исправление: не то с женщинами промотал, не то проиграл в карты крупную сумму казенных денег. Беляев, предполагая, что новый помощник будет выслуживаться и введет более строгий режим, посоветовал Матвею присмотреться к Елисееву и разузнать: что за птица?

Матвей зачастил в контору. Там всегда можно было услышать какую-нибудь новость. Чиновники охотно выбалтывали все, что касалось начальства.

Однажды Матвею посчастливилось. Как только он перешагнул порог конторы, его позвали к начальнику

тюрьмы. Матвей вошел в кабинет. Рядом с начальником стоял высокий лысый мужчина.

— Вот, Венедикт Андреевич,— сказал начальник лысому человеку,— это надзиратель Строгов, из барака политических.

— Прекрасно! Будем знакомы,— развязно проговорил лысый.

«Э, да это новый помощник»,— догадался Матвей и с любопытством осмотрел Елисеева.

— Есть, Строгов, дело к тебе,— обратился начальник к Матвею.— Господин Елисеев большой ценитель памятников старины и набожный человек. В нашем городе он впервые. Покажи ему собор, Воскресенскую церковь. Кстати, и вечерни скоро начнутся... А теперь поди скажи кучеру, пусть подаст лошадь к воротам.

Через несколько минут Матвей сидел в пролетке рядом с помощником начальника. Изредка Елисеев задавал вопросы:

— Где здесь лучший ресторан?

— В гостинице «Европа».

— А где театр?

— На Ямской, за мостом.

— Простите, а на какой улице находятся милые заведения?

— Какие?

— Милые.

— Не знаю таких.

— Ах, какой вы! В таком случае расшифрую: дома терпимости.

— А-а! Говорят, есть, а где — не могу знать.

— Как же, дорогой мой, вы не знаете? — удивился Елисеев.— Такой молодой, красивый мужчина...

Первую остановку сделали у нового собора. Серой громадой собор высился на широкой площади, окруженной тополями.

На вечерню народу собралось мало. Тускло горели свечи. В полумраке, освещаемая десятком свечей, ярко блестела золотая, усыпанная драгоценными камнями риза большой иконы Казанской богородицы. Перед чудотворной иконой, составлявшей главную достопримечательность собора, стояла молодая женщина в длинном белом платье с осиной талией.

Немного отойдя от дверей, Елисеев вдруг остановил-

ся, с удивительной быстротой втиснул монокль в орбиту глаза и зашептал:

— Что за прелесть! Чья такая, не знаете?

— Это Казанская.

— Недурна, черт возьми! И, должно быть, богатая?

— Самая богатая в городе. Золотопромышленник тут один все старается...

— А-а, понятно! Содержанка, значит.

— Вы о ком?

— Да вот об этой дамочке.

— А я — об иконе.

— А ну вас! — отмахнулся Елисеев и повернулся к дверям.

Из нового собора Матвей повез своего начальника в старый, из старого хотел везти в Воскресенскую церковь, но Елисеев этому решительно воспротивился:

— Хватит! Помолились — теперь к девочкам.

Не доходя до ворот ограды, он остановился и обратился к Матвею:

— Я понимаю, вас смущает этот тюремный кучер. Так я его отпущу. Возьмем извозца, и тогда вы мне покажете все зланные места, не правда ли?

Матвея осенила счастливая мысль.

— Правду говорю, ваше высокоблагородие, — ответил он Елисееву почтительно, — не знаю таких мест. Деревенский я. А вот приятель у меня есть, так тот по всем притонам и ночлежкам прошел.

— Из воров, значит?

— Нет, что вы! Честнейший парень и смирный, курицу не обидит. Нужда заставила. Мы с ним из одной деревни.

— Где он, этот ваш приятель?

— Да вместе мы живем, в одной комнате.

— Тогда вот что, — сказал Елисеев, — вы подвезите меня к ресторану «Европа», а сами тем временем, пока я ужинаю, поедете к себе на квартиру. Пусть этот ваш приятель... как его зовут?

— Антон Топилкин.

— Пусть сейчас же приезжает к ресторану, лошадей отпустит, а меня подождет в подъезде.

Матвей замаялся, стоя в нерешительности.

— Что, заплатить надо? — спросил Елисеев. — Скажите ему, за этим дело не станет.

— Нет, не то. Одежонка-то у него, видите ли... Вот если бы вы разрешили переодеть его в мою форму? Мне сегодня на дежурство не идти...

— Разрешаю,— бросил Елисеев и направился к пролетке.

Антон Топилкин надел в этот вечер надзирательскую форму, и она осталась на нем. На другой день его приняли на службу в тюрьму: Елисеев назначил его на первую же вакантную должность — постовым на вышке.

Ночью Матвей рассказал Беляеву о своей проделке, и они от души посмеялись.

2

Через месяц после этой истории на квартире подпольщика Федора Соколовского состоялся важный разговор.

— Моему другу,— говорил Соколовский,— грозит каторга. Хочется мне ему побег устроить, да не хочется вас подводить, товарищ Матвей. Скажите, у вас нет знакомых из внешней охраны тюрьмы?

— Как же, есть.

— Кто?

— Вышковый надзиратель Антон Топилкин.

— Верный человек?

— Верней некуда.

— Давно его знаете?

— Росли вместе.

— А почему он пошел на службу в тюрьму?

Матвей коротко рассказал о жизни Антона.

— Он знает о том, что вы связаны со мной и Беляевым?

Матвей смутился.

— Был разговор.

— Ну?

— А он так сказал: «С этими людьми, говорит, что за новую жизнь стоят, я еще во время забастовки на спичечной фабрике пошел, за то и в каталажке очутился».

— Приведите его с собой, Строгов. Но смотрите, все на вашей совести.

— Не беспокойтесь. За этого головой ручаюсь.

Однажды Матвей спросил друга:

— Ты не забыл, Антон, где Соколовский квартирует?

— Припоминаю.

— Найдешь один?

— Найду.

— Ну, раз найдешь, зайди сегодня к нему вечером.

Он ждать тебя будет.

— Меня? — удивился Антон.

Уже больше двух месяцев Антон не видел Соколовского, и ему казалось, что тот позабыл о нем.

Вечером Антон сходил к Соколовскому, а потом зачастил в рабочий станционный поселок. Матвей не расспрашивал Антона, зачем он ходит на станцию. Дружья не то что не доверяли друг другу, но берегли свои тайны и без нужды не открывали их.

Однако по тому, как Антон, возвратившись со станции, бережно прятал в постель какие-то тонкие книжечки и возбужденно говорил о жизни, Матвей догадывался, что его друг посещает рабочий кружок.

А некоторое время спустя Антон и сам сознался в этом Матвею.

Вечером сидели они за чаем. Матвей не отрывался от брошюрки, которую во время ночного дежурства надо было передать Беляеву. Антон взглянул на будильник, висевший на гвоздике, бросил курить и, обжигаясь, торопливо стал пить чай.

— Торопишься? — чуть насмешливо обратился к нему Матвей.

— К девяти надо быть, — озабоченно проговорил Антон.

Он понял, что Матвей догадывается, куда он ходит.

— Поди, из студентов кто-нибудь к вам приставлен? — поинтересовался Матвей.

— Нет. Из своих, — ответил Антон и, отхлебнув из чашки чай, добавил: — Станционный. Говорят, будто кузнец. А кто его знает? Ну, слышь, и знаток!

— Чурбана на такое дело не поставят, — заметил Матвей и, поглядывая на товарища, с улыбкой спросил: — Ну, а ты-то как, Антоха, — разумеешь немного?

— Прозреваю, — рассмеялся Антон.

— Ну-ну, давай. Я уж давно с Тарасом Семенычем эту науку прохожу. Да и читаю, как видишь, немало.

Антон вскочил и стал одеваться. Матвей глядел на него и улыбался хорошей, дружеской улыбкой.

— Ты чего щеришься? — не выдержав, спросил Антон.

— Чудно мне над тобой, черт рыжий.

— Что я, шут, что ли?

— Нет. Не шут. Переменился ты. На глазах переменился. Гляжу и не узнаю тебя.

3

В середине сентября нахлынули на Сибирь с просторов Ледовитого океана холодные северные ветры. Небо помрачнело, и зарядил до самых заморозков мелкий, сеющий дождь.

Начальник тюрьмы Аукенберг, уроженец юга России, не переносил сибирской осени. Ежегодно в первых числах октября он уезжал в Одессу, к берегам благодатного Черного моря... В эту осень все дела по управлению тюрьмой начальник на время своего отпуска возложил на своего помощника Елисеева.

В тюрьме к Елисееву относились с почтением. Как-никак статский советник, пройдоха, в самом Петербурге связи имеет.

Даже старший надзиратель Дронов — гроза всей тюрьмы, переслуживший уже добрый десяток начальников, — и тот как-то притих, боясь вызвать чем-либо недовольство Елисеева. Все служащие тюрьмы, да и арестанты, были уверены, что первый помощник, оставшись за начальника, непременно станет вводить в тюрьме новые порядки, проявит особое усердие к службе и будет очень строг с подчиненными.

Но прошло несколько дней, и все, начиная со второго помощника начальника тюрьмы до последнего арестанта, увидели совершенно обратное.

Елисеев к служебным делам не проявлял никакого интереса. Ночи он проводил в ресторанах, у знакомых за карточным столом, а днем спал. Другие помощники начальника тоже не отличались большим радением к службе.

Прошла неделя после отъезда Аукенберга, и весь тюремный режим, над введением которого он столько трудился, начал расползаться, как старая, изношенная арес-

тантская куртка. Оживленная, шумная жизнь в камерах затягивалась далеко за полночь. В конторе появились десятки просителей, легко получавших свидания с арестантами. Особенно много нахлынуло «невест» к политическим. Елисеев изредка появлялся в конторе и, не желая обременять себя серьезными занятиями, без разбору удовлетворял просьбы всех посетителей.

В эту пору как раз Соколовский через Матвея переправил Беляеву важные материалы о расколе на Втором съезде Российской социал-демократической рабочей партии.

Минуя сотни самых разнообразных преград, транспорт с партийной литературой, отправленной из Женевы, благополучно дошел до Сибири. Глубоко законспирированные революционные кружки принялись изучать и осмысливать суть происходящих событий.

В недрах революционного движения началась та великая размежевка, огромное значение которой выяснилось только многие годы спустя.

Три ночи Тарас Семенович Беляев не подходил к волчку, вчитываясь еще и еще раз в брошюры, листовки и письма, присланные Соколовским. В четвертую ночь условным стуком в дверь Беляев подозвал Матвея к себе.

В камере было совершенно темно.

Шепотом Тарас Семенович поздоровался с Матвеем, протянув из темноты свою руку. Матвей крепко пожал ее и усмехнулся: казалось, что руку подает дверь.

Беляев спросил:

— Верно, что начальник уехал в отпуск?

— Верно.

— Елисеев замещает?

— Он.

— Пьянствует?

— Напропалую. Сегодня вовсе в конторе не был.

— Ну и пусть пьет себе на здоровье,— сказал Беляев, наверное, улыбнувшись. По голосу чувствовалось, что шутит.

— А ты как знаешь? — спросил Матвей.

— По беспроволочному телеграфу,— ответил Беляев опять с шутливой ноткой в голосе.— Рушится режим Аукенберга? — помолчав немного, спросил он.

— Падает,— ответил Матвей.— Никому ни до чего дела нет. Один Дронов еще суетится.

— Выслуживается?

— Всех надзирателей запалил. Одного меня боится. Я'ему пригрозил: «Будешь вязаться — зашибу». Стороной обходит.

Оба засмеялись, сдерживаясь, чтобы не захохотать громко.

— Табачку, Захарыч, не отсыплешь?

— Возьми. Вечером восьмушку купил. Не распочал еще.— Матвей вытащил из кармана табак и просунул руку в волчок, в темноту.

— Вот хорошо! Курю запоем. Сроду так не курил.

— Что так?

— На душе беспокойно.

— По семье тоскуешь?

— К этому привык. Еще заботы есть.

Матвею очень хотелось спросить: какие? Но он промолчал, счел это неудобным, зная, что есть тайны, о которых Беляев говорить никому не станет.

Но Беляев заговорил сам.

Надо организовать собрание социал-демократов. Кроме них, никто не должен знать об этом собрании. Одиночка Беляева слишком мала, чтобы вместить всех нужных людей. Матвей предложил использовать пустующую камеру, расположенную напротив уборных. От других одиночек ее отделяла камера Беляева, а от общих камер — другая пустующая камера. Удобна она была еще и потому, что из окна коридорчика там хорошо видно сторожевую вышку.

Рискованное дело затеяли Беляев с Матвеем. На первый взгляд план казался легко выполнимым. Собрание удобнее всего было провести ночью (в те годы тюремное начальство еще не додумалось до того, чтобы на ночь забирать ключи от камер в контору). Но кто мог поручиться, что Антону удастся своевременно предупредить об опасности? Матвей и Антон долго ломали голову над этим вопросом. Решили: в случае ночного обхода Антон заслонит спиной фонарь на вышке, при крайней же, непредвиденной опасности совсем погасит фонарь или выстрелит из винтовки, чтобы отвлечь на себя внимание: нечаянно, мол, или померещилось что-то.

В полночь Матвей обошел всех приглашенных на собрание и каждому дал прочесть коротенькую инструкцию, как вести себя, написанную Тарасом Семеновичем.

Когда на каланче пожарник отбил два часа, Матвей подошел к камере Беляева. Тарас Семенович, видимо, был уже наготове и на стук отозвался немедленно.

Матвей открыл волчок; из камеры пахнуло сыростью и табачным дымом.

— Ну как, Тарас Семеныч? — спросил Матвей.

Беляев ответил вопросом:

— Как там, на воле-то?

— Хорошо. Елисеев еще с вечера уехал. Кучер мне сказал, что увез его к Граньке Клен. Значит, на всю ночь. Второй помощник уехал на охоту. Дронов вечером с бабой к вечерне ходил. Спит, наверно. На вышке — Антон Топилкин.

— Значит, начнем? — спросил Беляев.

В темноте Матвей не видел лица Беляева, но почувствовал на себе его взгляд.

— Давайте. Мешкать некогда, — проговорил он и стал быстро отмыкать замки.

Приглашенные на цыпочках, один за другим, проходили коридором в камеру напротив уборных.

В несколько минут камера заполнилась людьми. Все размещались в строгом порядке, разговаривали вполголоса. Окно камеры было завешено одеялом.

Матвей со своего наблюдательного поста с любопытством поглядывал в открытую дверь камеры.

Рядом с бородатым стариком стоял юнец, одетый в форму гимназиста. Поодаль от гимназиста и старика — студент в черной тужурке с синими петлицами. Тут же пожилой арестант в засаленной рубашке без пояса. Это был машинист с железной дороги. О нем Матвею рассказывал кое-что Беляев. Машинист сидел за отказ везти солдат на подавление забастовки рабочих стекольного завода.

Да, каких людей тут не было!

На несколько секунд Матвей потерял Беляева из виду и вдруг услышал знакомый приглушенный голос:

— Товарищи, нам надо очень коротко обсудить то, что волнует сейчас всю нашу партию. Сами видите, обстановка не располагает к длинным речам. С воли я получил задание комитета доложить вам о той борьбе, которая развернулась в партии после Второго съезда.

Покашливая в кулак и внимательно осматривая насторожившихся слушателей, Беляев продолжал:

— Прежде всего я хочу сообщить вам последнее решение нашего комитета, которое я целиком и полностью разделяю. Неделю тому назад наш комитет большинством голосов высказался за построение нашей партии на той основе, которая разработана Лениным.

Беляев замолчал на минуту, выжидая чего-то. Никто не проронил ни слова. Но Беляев внимательными глазами бывалого пропагандиста рассмотрел самое важное для себя, чего, впрочем, втайне и ожидал. Люди не одинаково отнеслись к его словам. У одних он видел во взгляде сочувствие и одобрение, у других затаенную усмешку, у третьих в глазах была какая-то неопределенность и растерянность. И если вторых надо было разбить в споре, то этих последних требовалось убедить в правильности позиции большинства.

Беляев снова заговорил. Он рассказал о том, как партия пришла к расколу. Говорил Тарас Семенович не очень гладко, размахивал руками и часто замолкал, чтобы найти нужное слово. Но речь его отличалась простотой и искренностью и убеждала, как сама правда.

Пока докладчик ничего не прибавлял от себя. Он излагал только факты. Перед слушателями вставала живая картина работы Второго съезда, напряженной и страстной борьбы на нем Ленина и его сторонников за боевую партию рабочего класса.

Когда Беляев начал рассказывать о том, как лидеры меньшинства уже на второй день после съезда своими раскольническими действиями пытались дезорганизовать партийную работу, в его голосе слышались гневные нотки.

Но вот Беляев сделал минутную паузу. Собрание с напряжением ожидало, что скажет он дальше. Все понимали, что он будет полемизировать с противниками. И Беляев приступил к этому не без волнения.

— Давайте трезво и здраво посмотрим,— сказал Беляев,— как будет выглядеть партия, если строить ее по схеме, предложенной Мартовым. Вот как будет выглядеть состав партии по Мартову.— Он поднял руку так, что ее стало видно всем, и, пригибая пальцы, продолжал: — Организации революционеров — раз, организации рабочих, признанные партийными,— два; организации рабочих, признанные независимыми,— три; одиночки из интеллигентов, исполняющие разные партийные пору-

чения,— четыре и пять — все стачечники, которых, по мнению Мартова, независимо от сознательности и роли в рабочем движении, следует считать членами партии. Разве не ясно, что подобную партию, созданную из разнородных элементов, никогда не удастся спаять единой волей, единой целью и единой дисциплиной? А без этих условий нет боеспособной партии! Разве не ясно после этого, что партия, созданная по схеме Мартова, будет хвостистской партией, неспособной повести рабочий класс на самоотверженную борьбу против самодержавия и капитализма? Мартов и его сторонники хотят превратить партию в какой-то кисель. Ленин зовет нас к созданию партии, пронизанной идейностью, спаянной железной дисциплиной,— такой партии, которая поднимет трудящихся России на борьбу, поможет им свалить самодержавие и затем двинуться к социалистической революции.

Теперь уже слушатели не могли молчать, и камера наполнилась шумом от движения, вздохов и замечаний вполголоса.

Матвею не пришлось выслушать всю речь Беляева. Он все время отрывался к окну, к входным дверям в коридоре, напрягал зрение, прислушивался,— от его внимания зависело все.

«Только бы Антон не прозевал!» — думал Матвей, понимая, какую ответственность взяли они на себя.

Стали выступать другие. Не все одобряли речь Беляева. Речистый студент нападал на докладчика, легко бросал слушателям трудные, непонятные слова:

— Сторонники Мартова не отрицают классовой дифференциации и, как последовательные революционеры, стоят на точке зрения необходимости вовлечения в партию всех сколько-нибудь революционных элементов. Сторонники Ленина хотят превратить партию в касту. Мы хотим сделать ее массовой и этим придать ей силу. Даже ребенку понятно, что чем больше членов партии, тем она сильнее.

— Да, если эти члены преданы партии и работают! — почти крикнул кто-то, перебив оратора.

— Это неважно. Число и само по себе имеет значение,— нашелся оратор.

Собрание заволновалось.

— Товарищи, не забывайте! — предупредил Беляев.— Надо соблюдать тишину.

В камере стало душно. Лампа чадила, и свет ее с каждой минутой блекнул.

Вслед за студентом выступил машинист. Речь его была не бойкой, но Матвей слушал ее со вниманием, забыв смотреть на фонарь.

— Странно мне было слушать товарища Горского,— говорил машинист,— плохо он знает жизнь. Еще хуже видит ее. По его выходит: зазывай в партию кого попало, лишь бы сочувствовал ей. А работать кто будет? Мы ведь партию создаем не для сочувствия. Нам борьба нужна. А как же бороться без дисциплины? Верно Мирон сказал — это будет не партия, а кисель. Разброд один, и только! Тут, скажем, надо какое-нибудь задание партии исполнять, жизнь свою, может, за это положить, а наши члены партии в ответ: это мы не можем, мы ведь, мол, только сочувствуем. Какая это будет партия? С такой партией нам еще сотни лет гнуть спину перед царем и хозяевами. А нам, рабочим, товарищи, и так уж невмогуту. Хватит! Я так, Мирон, думаю.

Матвею понравилась речь машиниста.

Сильным порывом ветер ударил в окно, где-то загрели водосточные трубы.

Матвей взглянул в окно и обмер. Вышка, на которой стоял Антон, потонула в темноте. Фонарь не светился.

«Прозевал! Может быть, давно уж»,— пронеслось в голове у Матвея.

Он бросился к двери в камеру, махая руками, и хриплым голосом крикнул:

— По местам! Скорее по камерам!

Без суеты люди хлынули в коридор. Прежде чем запереть камеру, Матвей еще раз взглянул в окно: на вышке свет то загорался неровным, скачущим пламенем, то потухал.

«А! Видно, фонарь погас, спички Антон жжет»,— догадался Матвей.

— Назад! Все в порядке! — крикнул он с облегчением.

Собрание продолжалось.

Но Матвей не отвлекался теперь. Он смотрел на фонарь вышки и, как испуганный лось, ловил ухом каждый шорох.

Спор длился до пяти часов. Продолжать собрание становилось опасно. Матвей подозвал к себе Беляева.

— Тарас Семеныч, светать скоро будет.

— Кончаем, кончаем, Захарыч.

Спорщики были непримиримы. Тюремные условия не давали развернуться страстям по-настоящему. Люди воздерживались от громких возгласов, от шума, но возбужденные лица говорили о том, как сильно волнует их все происходящее на собрании.

Радость охватила Матвея, когда он увидел, что большинство поднятием рук голосовало за предложение Беляева.

«Народ чует, где правда», — подумал он.

За предложение студента Горского подняли руки только три интеллигента, разжалованный офицер и гимназист.

Юнца почему-то Матвею стало жалко, и он подумал:

«Эх ты, дурашка, не туда суешься».

Разошлись быстро и бесшумно.

Матвей закрыл последнюю камеру, прошелся по коридору, присматриваясь, не осталось ли на полу бумажек, окурков, и, когда закончил обход, почувствовал во всем теле усталость.

Но сознание того, что он сделал что-то хорошее, наполняло его никогда еще не испытанным чувством гордости за себя. И он, позабыв о времени и усталости, ходил по коридору до самой смены.

4

В конце октября подпольный комитет большевиков вынес постановление об организации побега Беляева и возложил это дело на Соколовского. В его распоряжение были выделены деньги, люди, адреса явок и паспорта.

Соколовский не замедлил привлечь к себе на помощь Матвея с Антоном. В течение месяца они, при содействии самого Беляева, разработали более десятка планов побега. Но все эти планы не давали гарантии полного успеха и потому не удовлетворяли ни самого Соколовского, ни партийный комитет.

Побег Беляева откладывался.

Почти две недели изо дня в день, из ночи в ночь бушевала вьюга. Низкие тюремные постройки замело снегом, а возле палей образовались высокие, затвердевшие сугробы.

Тюремные дворы забило снегом чуть не вровень с крышами бараков. Арестанты на прогулках вязли в снегу по колено.

Ранее город выделялся на снежном поле чернотой своих строений, теперь как будто дымился из-под земли.

В эту сгиль-непогодицу в губернию принесла нелегкая из Петербурга товарища министра юстиции.

В любой день товарищ министра мог посетить арестантские роты, но показать ему тюрьму в таком виде было нельзя.

Предусмотрительный Аукенберг отдал приказ: как только стихнет метель, выгнать из бараков всех арестантов и в один день очистить от снега тюремные дворы.

И вот наступил тихий ясный день. Арестантов вывели из бараков и, вооружив лопатами, метлами, досками, заставили сгребать снег. На каждый барак отрядили по несколько лошадей вразнопряжку.

Сгребаемый арестантами снег вывозили со дворов на отвалы. Возложить эту работу на арестантов боялись. Начальник тюрьмы приказал вывозку снега поручить надзирателям.

Когда Матвей, получив на конном дворе трое саней с коробами для снега, подъехал к арестантам своего барака, он увидел Беляева. И хотя это было очень некстати, он удивился вслух:

— И Беляев тут!

Антон не знал Беляева. Ему очень хотелось, чтобы Матвей показал этого человека, о котором он слышал столько хорошего, но спросить было рискованно, и он молча стал рассматривать арестантов, стараясь угадать, кто же из них Беляев.

А Беляев стоял позади других и смотрел на Матвея безотрывным, сосредоточенным взглядом. Этот взгляд говорил красноречивее всяких слов. Жизнь представляла удобный случай, и было бы преступлением не использовать его. Матвей выскочил из корсба, политические сразу же оттиснули его в сторону, где стоял Беляев. Сделано это было, очевидно, намеренно, потому что в ту же минуту Матвей услышал голос Беляева:

— Захарыч, действуем?

— Выходит, везет нам нынче,— ответил Матвей, не

оборачиваясь, и закричал так, чтобы слышали его другие надзиратели: — Дружней, дружней, ребята!

Арестанты торопливо заработали лопатами, короба быстро наполнились снегом. Беляев сказал:

— Сейчас не поспеть. Вернетесь — буду наготове.

Выплюнув окурок, Матвей полуобернулся к Беляеву и опустил глаза.

— На серого старайся попасть. Короб глубже. За часовыми на вышке следите. Оттуда все видно, — тихо проговорил он и отошел в сторону, чувствуя, как дрожь начинается охватывать все его тело.

Через несколько минут сани с наполненными снегом коробами потянулись к воротам. На двух из них, стоя на задках и держа в руках вожжи, ехали Матвей и Антон Топилкин.

С отвала вернулись через полчаса.

С первого взгляда Матвей заметил во дворе перемены. Заключенные одиночных камер, работавшие ранее почти по всему двору, стянулись теперь в одно место.

— Давай сюда короба! — закричали они, когда надзиратели въехали во двор.

Догадываясь, что все это проделывается не зря, Антон Топилкин выскочил из короба и подошел к дежурному надзирателю Митрохину.

— Покурим что ль, Ефим Иванович! — крикнул он шутливо еще издали. — А то дремлетса что-то.

— Табачок если есть, пошто не покурить? — ответил дежурный.

Антон отошел немного от арестантов, вытащил из кармана кисет. Другие надзиратели потянулись за ним. Дорогой Антон успел перекинуться несколькими словами с Матвеем и теперь особенно охотно угощал сослуживцев табаком.

Матвей подошел к закуривающим последним.

— Ну, кто тут у вас табачком угощает? — смеясь, спросил он.

— А ты, я смотрю, целкий парень на чужие кисеты, — сказал Антон, и надзиратели рассмеялись.

В этот момент Беляева втолкнули в короб и засыпали снегом.

Матвей не видел, как проделали это, но знал, что Беляев уже в коробе, и посочувствовал ему:

«Озябнет в снегу, холодище-то какой».

Надзиратели подошли к своим лошадям, встали на задки саней, и двор опять наполнился визгом полозьев и хрустом снега.

Впереди ехал надзиратель Подковыкин, за ним Антон Топилкин, позади них — Матвей. Пока все шло хорошо.

Выехали за ворота тюрьмы. Приотстав немного, Матвей, нагнувшись к коробу, тихо спросил:

— Жив, Тарас Семеныч?

— Чуть дышу.

— Зябко?

— Не жарко.

— Ты в бушлате?

— Машинист свой плащ дал, сверху бушлата натянул.

Через минуту из короба снова раздался голос Беляева:

— В случае чего, Захарыч, отказывайся. Тверди одно: знать ничего не знаю. Подсунули, мол, и все.

Матвею захотелось подбодрить Беляева, и он сказал:

— Ничего, Тарас Семеныч, пройдет!

Он помолчал и, чувствуя, что расставание с Беляевым наполняет его сердце тоской, проговорил с волнением:

— Если, Тарас Семеныч, на воле туго придется, знай, что всегда помогу. Война кончится — на пасеку уйду, в тайгу. Приезжай — рад буду, — и закончил мечтательно: — А если новая жизнь подоспеет, обязательно приезжай, — на Юксу отправимся, всю тайгу облазим.

Слова Матвея, видимо, глубоко тронули Беляева. Он откашлялся и проговорил отрывисто:

— Такое не забывается! Спасибо за все тебе, друг.

Подъехали к крутому берегу.

По предположениям Матвея, на отвале не должно было возникнуть никаких затруднений. Надзиратель, ехавший первым, освободил свой короб и отвел лошадей от места свалки. Матвей проговорил так, чтобы слышал Беляев:

— Повалился снежок под кручу в самую речку!

По голосу Матвея Беляев понял, конечно, что все идет хорошо.

Но вот Подковыкин, оставив свою лошадь, вернулся на отвал и молча, с хмурым выражением лица стал смотреть на заречную сторону.

Антон подмигнул Матвею. Но тот и без того видел, что происходит. Положиться на сочувствие этого надзи-

рателя было невозможно, он не упустил бы случая выслужиться перед начальством.

Матвея бросило в жар. Мозг его лихорадочно работал. Антон, занятый той же мыслью, что и Матвей, медленно подвел лошадь к отвалу и, кряхтя, стал лопатой выбрасывать снег из короба. Но он, так же как и Матвей, понимал, что тянуть долго невыгодно: к отвалу мог подойти из тюрьмы новый обоз.

Не раздумывая больше, Матвей спрыгнул в снег и направился к Подковыкину. Проходя мимо Топилкина, сказал:

— Ты, Антоха, по дружбе, может, и мой короб опростаешь? А мы с Подковыкиным покурим пока.

— Ловкий ты парень, Матюха! Все норовишь чужими руками работать,— бросил Антон ему вслед и скорчил одну из тех гримас, которыми так смешил народ.

Подковыкин захохотал, принимая разговор друзей за чистую монету, закашлялся, потом стал отплевываться.

Антон помедлил несколько секунд и серьезно сказал Матвею:

— Так и быть уж, закуривайте. А то вон у Подковыкина аж слюна появилась...

Матвей встал перед Подковыкиным, заслоняя собой место свалки, и вынул кiset.

Антон взял под уздцы лошадь Матвея, и в одно мгновение сани оказались под обрывом. В следующий миг он опрокинул под кручу и короб. Так же проворно забросал видневшиеся куски одежды Беляева снегом. Не прошло и трех минут, как он уже курил и балагурил с надзирателями.

Чтобы не провалить Беляева в последнюю минуту, Матвей и Антон говорили и смеялись громко. Это означало, что Беляеву выходить из-под кручи еще рано.

Смех получался у них искренний, веселый.

— Поехали, мужики,— вдруг спохватился Матвей,— а то не похвалит нас начальник за такую работу.

Он подошел к своей лошади. Вслед за ним нехотя потянулись и Антон с Подковыкиным.

Давая знать Беляеву, что опасность миновала, Антон Топилкин затянул пастушью песню, потом начал свистеть, кудахтать, лаять, мычать. Всю дорогу надзиратели покатывались со смеху.

У въезда в город дорога, извиваясь, поползла на холм, образованный из наносов снега.

Матвей вытянул шею и посмотрел на реку.

На ослепительно белом покрове заречной равнины, быстро удаляясь к городскому предместью, шел человек. И хотя ни лица, ни одежды его нельзя было разобрать, Матвей знал, что это уходит Беляев.

...Вопреки ожиданиям, за побег Беляева надзиратели коридора одиночек отделались очень легким наказанием. Начальник тюрьмы объявил им в приказе по строгому выговору за халатность и только Митрохина — дежурного надзирателя в тот день — подверг трехсуточному аресту.

Мягкость наказания сами надзиратели объясняли тем, что главная оплошность была допущена самим начальником. Приказ о выводе на очистку двора политических, тем более из одиночных камер, вряд ли мог пройти для него самого безнаказанно.

К тому же, кроме Беляева, в этот день из тюрьмы скрылись двое уголовных. Начальство решило, что побег всех троих был подготовлен сообща.

Долго Матвей тосковал по Беляеву, тревожился за него. Когда Соколовский сообщил, что Тарас Семенович благополучно добрался до явочной квартиры, Матвей обрадовался, но все-таки ощущение какой-то внутренней пустоты не покидало его. Беседы с Беляевым давно превратились для него в ежедневную потребность. Свободного времени у Матвея стало больше, и он опять принялся за чтение книг.

5

Раз-другой в неделю Матвей ходил на базар. О питании приходилось заботиться ему. Антон к хозяйственным делам был не приспособлен, и когда случалось ему бывать на базаре, он часто из-за пристрастия к сладкому покупал не то, что требовалось.

Матвей, убедившись, что Антона не переделаешь, все хозяйственные заботы сосредоточил в своих руках.

Однажды, вернувшись с базара, Матвей, толкнув дверь своей комнаты, почувствовал, что она закрыта. Это удивило его. У них обычно двери изнутри не закрывались. «Бабу, видно, какую-то, черт рыжий, в гости при-

вел», — подумал Матвей и, отойдя от двери, пожалел, что пришел рано.

Но делать было нечего, и, постояв несколько минут в раздумье, он тихонько, но требовательно постучал в дверь. Антон открыл не сразу. Войдя в комнату, Матвей окинул ее взглядом, но в ней постороннего никого не было.

Это его еще больше удивило. Он посмотрел под одну кровать, под другую, засмеялся и спросил:

— Ты с какой это стати заперся? Я уж думал, у тебя гостя. Кто тебя знает, может, ты жениться задумал?

Антон закрыл опять дверь, что-то пробурчал себе под нос и, вытащив из-под своей постели сверточек, сел на пол посередине комнаты. Матвей с интересом посмотрел на него, продолжая стоять у стола. Антон развернул сверток, и по полу рассыпались части разобранных револьверов.

— Вот из-за них, чертей, и сижу взаперти. Неловко, если недобрый человек прихватит, — объяснил Антон.

— Где ты столько набрал? Чьи это?

— Парень один дал. «Попробуй, говорит, собери. Ты человек военный. За платой не постою». — Антон сдержанно улыбнулся и погрузился в работу.

Матвей, больше ни о чем не расспрашивая сослуживца, принялся чистить к обеду картошку.

Прошло дней десять — пятнадцать. Антон собрал револьверы и благополучно сдал их «одному парню».

Вернувшись как-то с дежурства, он толкнул дверь и почувствовал, что она закрыта. После бессонной ночи хотелось спать и ноги подламывались от усталости. Антон с нетерпением постучал.

— Ты, Антоха? — послышался голос Матвея.

— Нет, не я, Иисус Христос с неба явился, — с раздражением ответил Топилкин.

— Ну, проходи скорее, — пропуская в дверь Антона, сказал Матвей и вновь закрыл дверь на крючок.

Антон осмотрел комнату. Возле кровати Матвея лежали заржавленные части разобранных револьверов.

— Вот так раз! Где ты столько набрал? Чьи это?

Матвей вспомнил, как ему Топилкин ответил на такие же вопросы.

— Парень один дал. «Попробуй, говорит, собери. Ты человек военный. За платой не постою».

Антон затрясся от смеха.

Друзья работали на одно и то же дело. Первый — по заданию станционной партийной организации большевиков, а второй — по заданию председателя подпольного большевистского комитета Соколовского.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

В начале нового, 1905 года разразились грозные революционные бури. Экстренная телеграмма, переданная из Петербурга в ночь с девятого на десятое января безвестным телеграфистом в десятки городов, оповестила о страшных кровавых событиях в столице.

О расстреле мирной манифестации рабочих у Зимнего дворца первым принес сообщение Антон Топилкин.

— Ты подумай, служба, что делается! — сверкая глазами, говорил Антон. — Царь расстреливает своих же рабочих! Значит, что свои, что япошки — ему все едино?! Неужели после этого найдется хоть один человек, у которого повернется язык сказать: «Наш батюшка царь?» Кобелю бесхвостому он батюшка!

Вскоре после «кровавого воскресенья» большевики организовали в городе демонстрацию протеста. Готовились к демонстрации конспиративно. Матвей Строгов стал свидетелем ее совершенно случайно.

Накануне демонстрации Антон Топилкин намекал ему на что-то исключительно серьезное, что на следующий день должно произойти в городе, но Матвей ничего не понял. Утром он пошел прогуляться. День был ясный, солнечный, морозный, ветерок играл на пустырях снегом. Дойдя до центра, Матвей остановился возле моста и стал смотреть на прохожих. Откуда-то издали донеслось стройное пение. Матвей прислушался. Похоже было, что идет крестный ход. Но что за чудо: слышались звуки знакомой «Марсельезы». Нарастая, они приближались.

Скоро из-под горы показались первые ряды демонстрантов. Над ними развевались два красных флага, а на красном транспаранте белыми буквами было написано: «Долой самодержавие! Долой царя-убийцу!»

На мосту собрались толпы людей. Матвей продвинул-

ся немного вперед и стал разглядывать демонстрацию. В первом ряду он увидел Соколовского. Сутулясь, тот шел рядом с юным знаменосцем.

«Вот они что задумали!» — пронеслось в голове Матвея, и ему захотелось пролезть сквозь толпу и присоединиться к демонстрантам.

Забыв о своей надзирательской форме, он принялся расталкивать людей, но чей-то истошный возглас остановил его:

— Казаки!

От этого возгласа толпа подалась назад, Матвея прижали к перилам.

Казаки мчались по другой стороне набережной. С высокого моста, который был на изгибе реки и отделялся от улицы площадью, было хорошо видно казаков и демонстрантов.

Из-под копыт сытых, резвых лошадей брызгами разлетался взбитый подковами снег. Вздрузданные лошади всхрапывали, выгибали шеи, до красноты раздували мягкие ноздри.

Живая лава огромным клубком катилась навстречу демонстрации. У Матвея перехватило дыхание. Перед отрядом казаков колонна демонстрантов казалась беззащитной. Но, точно по какому-то сговору, демонстранты крепче сомкнулись, а знаменосцы вскинули выше красные полотнища.

Порывы холодного ветра подхватывали кумач флагов и рвали его ввысь, точно хотели показать всему городу.

Но вдруг пение оборвалось, в рядах демонстрантов произошло замешательство. Вслед за этим послышались выстрелы и крики:

— Полицейские!

Эти возгласы показались Матвею странными. Он не видел полицейских. Но выстрелы участились, и он понял, что полицейские, переодетые в штатское платье, напали на демонстрантов с тыла.

Казаки, как будто ожидавшие этого, рванулись вперед. Напуганные обыватели кинулись врассыпную, сшибая друг друга. А у демонстрантов с казаками и полицейскими завязалась ожесточенная драка.

Казаки неистовствовали. В их руках мелькали шашки и плети.

Особенно свирепствовал один чубатый казак. Лошадь его подымалась на дыбы, подминала под себя людей, а он хлестал плетью направо и налево.

У Матвея будто что-то загорелось в груди. Расталкивая людей, он побежал вперед, отстегивая кобуру револьвера.

«Смажу сейчас гада!» От возбуждения кровь стучала в висках.

Но кто-то из демонстрантов опередил Матвея: озверевший казак подпрыгнул на седле, покачнулся, схватился руками за голову и упал с лошади.

Демонстранты, прорвав кольцо полицейских и казаков, бросились во дворы и переулки. Не прошло и четверти часа, как площадь опустела. Матвей вернулся домой и долго не мог успокоиться. Ему хотелось поделиться своими впечатлениями с Антоном, а тот, как назло, не возвращался.

Матвей ходил по комнате, ложился на кровать, вставал и опять ложился.

Наконец, уже в сумерках, пришел Антон. Голова у него была перевязана белой марлей, он с трудом стоял на ногах.

Матвей помог товарищу раздеться и, когда тот лег на кровать, спросил его:

— Ты был там?

Антон, морщась от боли, указал глазами на дверь. Матвей закрыл дверь на крючок, присел к нему на кровать и тихо сказал:

— Тебя сегодня же посадят. Надо бежать!

— Чудак ты! Я был переодет и, видишь, усы и бороду сбрил.

Матвей согласился: в таком виде и он не узнал бы Антона.

— Убитые есть? Соколовский как? — спросил он.

— Ничего еще не знаю, — со стоном сказал Антон и, помолчав, продолжал: — Если, Матюха, кто пронюхает насчет моей головы, говори, что по пьяной лавочке наклепали.

Матвей посмотрел ему в глаза и улыбнулся дружески, тепло.

— Ты знаешь, Матюха, — встревоженно зашептал Антон, — когда они налетели на нас, у меня будто пожар начался внутри. Рванулся я вперед, и сам не знаю, отку-

да силы взялись. Подыму руку, тряхну — летит из седла. Ну, думаю, получай сполна! Не заметил, как и голову рассекли. Эх, брат, людей бы нам побольше, мы бы не этакую кашу заварили...

— А мне не сказал, черт рыжий! — прервал его Матвей.

— Тебе нельзя. Ты в другом деле нужен. А молчать обязан, как член партии.

— Ох, черт! — воскликнул Матвей и сжал Антона так крепко, что тот застонал.

2

Чем дальше затягивалась война, тем больше росла дороговизна. Городской люд платил за хлеб втридорога, в деревне наживались богачи. Беднота не вылезала из долгов, из недоимок по налогам, из кулацкой кабалы. Но не только война несла разорение крестьянскому хозяйству.

Еще по рассказам Анны во время побывки ее в городе Матвей узнал, как развернулись Юткины, Штычковы, Крутковы, купцы Голованов и Белин, как бессовестно наживались они на народной нужде. Встречаясь на базаре или на постоялом дворе с волченорскими мужиками, Матвей не раз слышал их жалобы на горькое житье-бытье.

Да, шла война — тяжелая, бессмысленная, приносившая один позор поражений. После сдачи Порт-Артура последовал разгром русской армии под Мукденом, после Мукдена — страшная гибель всего русского флота под Цусимой. В народе росло недовольство войной, дороговизной, всей нищей жизнью, неспособностью и нежеланием царского правительства облегчить положение трудового люда. По фабрикам и заводам прокатилась волна политических стачек и демонстраций, рабочие открыто выступили на штурм самодержавия. В России крестьяне громили помещичьи имения. Выходило, что одну безрассудную войну ведет царь в Маньчжурии, против японцев, другую, еще более безумную, в России — против своего же народа.

Так думал Матвей, уже убедившийся в том, что Соколовский был тысячу раз прав, когда предсказывал начало революции.

Матвей шел на постоянный двор. Дела на пасеке становились все хуже — из года в год рос долг Кузьмину. Сокращались и посевы. Надо было с кем-нибудь из земляков переслать Анне деньги.

В полутемной, наполненной сизым табачным дымом большой чайной постоянного двора купца Голованова было шумно и душно. В переднем углу сидел какой-то одноногий солдат с костылями, вокруг него толпились мужики. Матвей огляделся и, не заметив никого из земляков, сел в сторонке на лавку, прислушался. Разговор шел о войне.

— Ты скажи, служивый, — донимал солдата разбитой рыжебородый мужик, — неужто уж япошка-то так дюже хорошо воюет, что русскому с ним не совладать?

— Дай нашим такое оружие, и наши воевать хорошо будут, — ответил солдат. Помолчав немного, он продолжал: — У них одних пулеметов сколько, — а нашим приходилось почти с голыми руками в бой ходить.

— Ишь ты! А ведь держава, говорят, с гулькин нос, — вырвалось у другого мужика.

— Был у нас в роте один московский мастеровой, грамотный парень, так он нам тайком от офицеров сказывал, будто японцы десять лет всякое оружие и амуницию копили, а наши понадеялись на «ура», да и напоролись.

— А как с одевкой, с едой было?

— Из-за этого сильно не бедствовали, а вот оружия маловато было. Однова получаем приказ построиться — и к железке, винтовки из эшелона получать. Ладно, подходим. Распечатывают вагоны, смотрим... иконы. И смех и грех! Куда ж нам столько? Воевать ими не будешь.

Мужики покачали головами, невесело посмеялись.

— Ну, а офицеры дюже над солдатами строгость блюдут? — спросил опять рыжебородый, видимо гордясь тем, что направляет разговор.

— Всяких офицеров пришлось повидать. Конечно, офицеры все-таки не родня солдату, но были и обходительные. Был у нас полуротный Симов. Смелчага мужик. Бывало, идем на японцев, так он всегда впереди. Ну, таких все ж таки мало, — усмехнулся солдат, — больше свою шкуру берегут.

— А бивали солдат? — спросил кто-то из мужиков.

— Ну, а то разве бывает без этого? — ответил солдат просто. — У нас в роте батальонный одного саблей пыр-

нул: честь, вишь, ему тот не отдал. Конечно, волнение вышло. Снесли мы все оружие в кучу: «На мол, воюй сам». Командир кричит: «Вызову сотню казаков, всех порубят!» — «А мы, говорим, из пушек палить начнем». У нас свои часовые у орудий и денежных ящиков стояли. Дня три так жили. Потом другая часть пришла, у нас многих солдат позабрали, сказывали, будто судили их полевым судом. Верно, все больше из городских. Народ отчаянный. Попался и этот московский мастеровой. Тот, бывало, все меня спрашивал: «Скажи, Мартын, за кого ты воюешь? — «Ну, за кого, мол, известно: за себя, за Россию». — «Чудак ты, говорит, Мартын. Ты не за себя воюешь, а за царя. Тебе от этой войны разор один».

— А что, разве не разор? Истинная правда, — разноголосо загудели мужики.

— Да, совсем обеднял народишко, — снова раздался тенористый голос рыжебородого мужика. — А жаловаться не моги, живо упекут в каталажку. Сказывали, будто зимой в Петербурге попробовал народ пойти к царю жаловаться, так, слышь, и близко ко дворцу не пустил. Всех начисто казаки порубили.

«Мартын! Неужели это Мартын Горбачев из Волчьих Нор, товарищ по солдатской службе? — Матвей сорвался с места и, протолкавшись вперед, стал пристально всматриваться в лицо одноногого инвалида. — Быть того не может! Тот был богатырь богатырем, а этот... Нет, не он! Этот и лицом старше лет на двадцать».

Солдат поднял на Матвея тоскливые глаза. Крепкие, большие руки его тряслись, верхняя губа подергивалась, точно внутри ее была пружинка. Лицо, опаленное порохом, было все в синих крапинках и напоминало дроздиное яйцо.

— Не признаешь?

— Мартын, ты ли это, браток?

— Я, Матвей, — попробовал улыбнуться Мартын и, опираясь на костыли, стал подниматься с лавки.

Матвей подхватил его, обнял, потом отступил на шаг.

— Эх, брат ты мой, что от тебя осталось! Как же теперь жить-то будешь?

— Вот как хошь, так и живи. На одной ноге по пашне не попрыгаешь.

Мартын поник головой, стоял, расставив костыли, и вид у него был жалкий, беспомощный. Матвей усадил

его на лавку и сам сел рядом. Мужики, покачивая головами, разошлись по своим местам.

Матвей заказал чаю, колбасы, хлеба, немного водки, Мартын подбодрился и много рассказал интересного из того, что хотелось знать Матвею.

Волченорских мужиков в этот день на постоялом дворе не оказалось. Прощаясь с приятелем, Матвей вынул четыре красненькие и протянул Мартыну.

— Держи, служба. Расходуй тут на еду до попутчиков, а остальные передай жене. Не пропьешь?

— Что ты, Матвей,— с обидой проговорил Мартын.— Все до копейки отдам Анне, у меня есть еще немного денег. А пить мне и нельзя много-то, доктора запретили...

Выйдя с постоялого двора, Матвей прямо направился к Соколовскому, чтобы рассказать ему о своей встрече с инвалидом, а главное — передать, что есть теперь и в деревне свои люди.

3

Жарким июльским днем Матвей после ночного дежурства поднялся поздно. Умылся. Перед обломком зеркала причесал густые русые волосы, ножницами чуть укоротил отросшие усы и сел пить чай.

Вдруг в дверь постучали. Подумав, что это дурачится Антон Топилкин, мастер на шулки, он крикнул:

— Дури, дури там больше, чай как раз и простынет! Дверь легонько скрипнула, и женский голос спросил:

— Можно?

Матвей обернулся. В узкое отверстие немного приоткрытой двери на него смотрели большие синие глаза. Он вскочил с табуретки и, смущенный беспорядком, царившим в комнате, несколько секунд не знал, за что приняться: приглашать ли неожиданную гостью в комнату или схватить веник и замести сор в угол.

Ольга Львовна вошла, не дождавшись его приглашения. Она сделала вид, что не замечает ни беспорядка в комнате, ни смущения хозяина, и, поздоровавшись, присела на табуретку.

— Мы одни? А стены у вас не имеют ушей? — спросила она и улыбнулась просто и хорошо...

И от этой шулки, от теплоты, с какой она произнесла эти слова, Матвею стало легко, и смущение исчезло.

— Не бойтесь. Стены надежные.

Ольга Львовна вынула из сумочки листок-прокламацию и протянула Матвею.

— Вот то, что вы просили. Федор Ильич советует распространить.

— «Про царя, про войну, про нужду народную»,— тихо читал Матвей.

— Дайте спички.

Матвей подал, и через секунду листок вспыхнул в его руке красноватым пламенем.

Ольга Львовна передала Матвею адрес квартиры, где ему и Антону предстояло вечером получить листовки, сообщила пароль и собралась уходить.

— До свидания,— проговорила она, но, сделав несколько шагов к двери, остановилась.— Если меня здесь заметили и у вас спросят, кто я, что вы скажете?

Матвей окинул ее глазами. Она стояла перед ним в длинном темном платье с глухим, высоким воротником, подпираемым косточками до самых ушей, в большой черной шляпе.

— Я скажу, что приходила жена брата,— проговорил Матвей,— брат, мол, захворал, навестить его звала.

— Брат у вас кто?

— Лавочник.

Она кивнула головой.

— Чудесно! Я, кажется, в этом наряде на лавочницу и похожу.— Она комично приподняла плечи, взмахнула шелковой сумочкой на длинном шнуре и вышла.

Матвей прикрыл за ней дверь и, возвратясь к столу, подумал:

«Ой, не попадись, голубушка! Глаза-то у тебя больно приметные. Синь так и брызжет».

Вечером Матвей с Антоном получили по большой пачке листовок.

Матвей быстро справился с заданием. На постоялом дворе купца Голованова ему посчастливилось встретить жену Мартына Горбачева, приехавшую в город за грошовой солдатской пенсией мужу, и двух фронтовиков из Жирова и Балагачевой, возвращавшихся домой с белыми билетами. Половину листовок Матвей послал Мартыну с запиской, остальные поделил между фронтовиками. Можно было не сомневаться, что фронтовики не подведут и листовки попадут куда надо.

Антон ночь простоял на вышке, а ранним утром вышел на тракт и роздал листовки крестьянам, возвращавшимся из города в дальние деревни. Отдав последнюю листовку неграмотному мужику с наставлением «обязательно прочесть на сходке», Антон спрыгнул с телеги. Мимо галопом пронеслась полусотня казаков. Антон посмотрел им вслед и по-разбойничьи оглушительно свистнул. Лошадь у мужика шарахнулась в сторону.

— Тпру-у! — крикнул мужик, останавливая лошадь, и выругался: — Дьявол вас носит, окаянных!

— А не любишь ты, дядя, я вижу, чубатых, — рассмеялся Антон.

— За что их любить-то, — проворчал мужик. — Один моего паренька так саданул нагайкой по голове, нечистая сила, аж до самой кости рассек. В больницу вот попрове-
дать ездил.

— Где работает паренек-то?

— В депо. Забастовка, вишь, у них там идет. Все чугунку хотят остановить.

— Знаю, дядя. Там у меня крестный живет. И твоего паренька, сдается мне, знаю. Ну, бывай здоров, да не забудь о сходке, — сказал Антон и быстро зашагал к городу.

У самого въезда в город, завернув за угол какого-то постоянного двора, Антон наткнулся на двух полицейских. Клинками шашек они сдирали с забора крепко наклеенные прокламации, — точь-в-точь такие же, как сам Антон только что раздавал мужикам. Сердце у Антона дрогнуло от радости. Значит, не один он хорошо поработал нынче.

Дома Антон преспокойно напился чаю и собрался отдыхать. Только снял сапоги, вбегает посыльный из конторы.

— Топилкин, к начальнику!

У Антона заняло сердце. Почувствовал он, что стряслось неладное.

Аукенберг сидел в кресле за большим письменным столом. Антон козырнул и, кинув взгляд на стол начальника, увидел листовку.

«Предал кто-то», — вспоминая все прошедшее утро, подумал он.

Горько было сознавать, что не оправдал он доверия и не сделал порученного дела аккуратно, как дру-

гие. Мысли об этом вытеснили и подавили страх за себя.

«Сам сгибну, а товарищей не выдам»,— мысленно подбадривал себя Антон.

А начальник нарочно медлил, бросал на вышкового надзирателя испытующие взгляды и все шевелил пальцами, точно что-то ощупывал ими.

— Ты что же, Топилкин, давно у социалистов служишь? Много они тебе платят за распространение прокламаций? — тихо проговорил наконец Аукенберг.

— Я что-то не пойму, ваше высокоблагородие, о чем вы? О каких прокламациях? — сказал Антон подчеркнуто грубовато.

— Что ж, по-твоему, эта листовка сама на постовую вышку залетела?

Начальник не подозревал, насколько важно было знать это Антону. Тот вмиг сообразил, что его не предали, а подвел он себя сам, обронив листовку ночью, когда перекладывал из сапог за пазуху.

— Дык эту бумажку я сам бросил на вышке, ваше высокоблагородие,— проговорил Антон, стараясь всем своим видом убедить Аукенберга, что он не видит в этом ничего предосудительного.

— Сам бросил? Я в этом не сомневаюсь! — возмутился начальник.— А ты знаешь, что это за бумажка? Ты ее читал?

— Никак нет. Мы только по-крупному читать можем, а там дюже мелко. В глазах рябит.

Антон приоткрыл свои толстые губы и немигающими глазами уставился на разгневанного начальника. Лицо его приняло тупое выражение, как у дурачка Андрюхи Клинка.

— Но позволь, где же ты взял эту листовку? — строго спросил Аукенберг.— Не с неба же она к тебе свалилась?

Антон, выдерживая свою роль до конца, засмеялся, хотя в вопросе начальника не было ничего смешного, и забормотал равнодушно, с улыбкой:

— Знамо, она, эта бумажка, не с неба слетела. Что верно, то верно. А только я ее сам бросил. Их на Болотной видимо-невидимо валялось. Вижу, народ хватает, ну и я одну прихватил...

Аукенберг вскочил с кресла и, стукнув кулаком об стол, закричал:

— Врешь, каналья! Эту прокламацию тебе дали социалисты. Кто дал? Говори!

В это время в контору вошел Матвей Строгов. Через неплотную прикрытую дверь кабинета он слышал крик начальника.

Матвей нагнулся к уху делопроизводителя, спросил:

— Кто у начальника?

— Топилкин с прокламацией влопался. Говорит, что поднял на Болотной.

«Надо выручать»,— решил Матвей и направился к дверям кабинета.

Начальник взволнованно ходил за столом, и багровая щека у него подергивалась нервным тиком.

— Вместо чистосердечного признания,— говорил он, задыхаясь от волнения,— как это требуется от тебя по долгу службы, ты начинаешь лгать... лгать... без зазрения совести!

— Но он не врет, ваше высокоблагородие,— самовольно войдя в кабинет, проговорил Матвей.

Аукенберг остановился с приподнятой рукой.

— Прокламацию Топилкин поднял на улице, и я ему велел отдать ее вам,— торопился высказаться Матвей, опасаясь, что начальник выгонит его прежде, чем он успеет это сказать.

Но тот стоял не двигаясь и слушал.

Матвей повернулся к Антону и оттого, что втайне негодовал на него, спросил со злостью в голосе:

— Ты почему не отдал бумажку начальнику? Я же тебе говорил, что она бунтарская! Дурило чертово!

Антон переступил с ноги на ногу и сделал это так смешно, что Матвею сразу вспомнился волченорский дурачок, и он чуть не рассмеялся.

— То-то, что говорил,— забормотал Антон,— а мне, вишь, невдомек. Думаю, брошу ее тут, на вышке,— и делов только. Гляди, сопреет.

Матвей понял, что в этих словах Антона кое-что было специально для него. Он еще не знал, каким путем листовка оказалась в руках начальника, и упоминание Антона о вышке все объяснило ему.

— «Гляди, сопреет»,— передразнил он Антона.— Раз своего понятия не имеешь,— слушайся других. Хорошо еще, что на вышке бросил,— свои подобрали. А бросил бы где-нибудь на улице — и получай каторгу!

Антон стоял, опустив голову, пожимая плечами, разводил руками и, вздыхая, говорил вполголоса:

— Вот еще бяда-то!..

Аукенберг наблюдал за Антоном и, когда убедился, что все было так, как изображают надзиратели, опустился в кресло.

— В следующий раз, Топилкин,— сказал он,— подобные листовки доставляй мне лично в любое время дня и ночи. А за сегодняшнее объявляю выговор. Вы свободны.— Он движением руки показал надзирателям на двери.

Они по-военному повернулись и вышли.

На другой день Матвей сообщил о происшедшем Соколовскому. Федор Ильич похвалил его за находчивость и посоветовал сделать все, чтобы начальник уверился в искренности Антона.

Возвращаясь вечером домой, Матвей купил экстренный выпуск телеграмм. Антон в эту ночь не дежурил. Матвей прочел сообщения с фронта, бросил желтый листок на стол и, уже лежа в постели, рассказал Антону о беседе с Соколовским.

В два часа ночи Антон оделся и направился к дому, в котором жил начальник тюрьмы. Взойдя на крыльцо, он резко дернул проволоку звонка.

Дверь открыла прислуга, рыхлая, толстомордая девка.

— Начальника давай буди! Буди начальника! — заорал Антон.

Испуганная ревом, девка бросилась в спальню барина. Через минуту-две в халате, с помятым, взволнованным лицом вышел сам Аукенберг.

— Что случилось? Побег? Бунт? — спросил он дрожащим голосом.

Антон поспешно извлек из кармана шинели желтый листок и заторопился, скрадывая концы слов:

— Вот туточки, ваш выс-благородь, поднял. Гляжу, лежит. Посмотрел — по-печатному писано.

Аукенберг развернул листок, и брови его поднялись.

— Ты, Топилкин, болван! Не смей мне больше носить таких бумажек!

Антон, открыв рот, собирался сказать что-то.

— Вон! — неистово рявкнул Аукенберг.

Антон вылетел пулей.

Утром Антон, изображая в лицах всю сцену, заставил Матвея хохотать до слез.

4

Долго большевистский подпольный комитет вел деятельную подготовку к всеобщей забастовке. Наконец наступил день, когда по приказу стачечного комитета все предприятия города прекратили работу.

Забастовщики требовали созыва учредительного собрания, представления народу демократических свобод, восьмичасового рабочего дня, повышения заработной платы, отпусков. Всеобщая забастовка началась так организовано, что ни предприниматели, ни городские и губернские власти ничего не сумели противопоставить ей. Полиция попробовала окружить депо, но, наткнувшись на серьезный отпор вооруженных рабочих, отступила.

Несколько дней город был фактически в руках бастующих. Матвей и Антон ходили по притихшим улицам, смотрели на закрытые магазины, потухшие трубы заводов, рассуждали и радовались: вот, мол, какова сила рабочих — захотят остановить жизнь, и остановят; пусть-ка попробуют капиталисты пожить без кормильцев! Дружьям казалось, что до новой жизни остался один шаг. Но вскоре произошли большие перемены.

Из соседнего города губернатору доставили царский манифест от семнадцатого октября.

Печатники бастовали, и первое время манифест пришлось размножать от руки. Его немедленно расклеили по улицам. Толпы людей собирались около заборов, на которых висели большие исписанные листы бумаги, и оживленно обсуждали манифест.

В тот же день стачечный комитет в самом большом здании города собрал митинг забастовщиков. Купечество и духовенство в свою очередь провели в церквях молебны и проповеди. Предвидя возможность нападения полиции и черносотенцев на митинг, большевики позаботились об охране. Кроме специальных дружин, были приглашены вооруженные одиночки. В число этих одиночек попали Матвей Строгов и Антон Топилкин. О митинге их известила Ольга Львовна.

Они пришли на митинг с опозданием. Городской театр был уже битком набит. Вокруг театра и по улицам, примыкающим к нему, патрулировали рабочие из охраны.

С большим трудом Матвей с Антоном пробились вверх, на галерку. Со сцены, которую из-за тесноты видели немногие, до них долетали слова оратора.

— Антоха, слышишь, Федор Ильич говорит,— сказал Матвей, узнав голос Соколовского.

— Манифест — это удар по революции,— разносилось по театру.— Манифест рассчитан на то, чтобы поколебать единство, которое установил рабочий класс с крестьянством, солдатами и служащими. Манифест — это уступка прежде всего буржуазии. Он не меняет положения трудящихся. Социал-демократы большевики призывают рабочих, крестьян, служащих, солдат не увлекаться обещаниями царя и красивыми фразами заигрывающих с ними либералов. Добиться коренного улучшения жизни трудящихся мы сумеем не реформами, предложенными сверху, не подачками, а революцией, свержением ненавистного всему народу самодержавия.

От имени социал-демократов большевиков я предлагаю сохранить фронт всеобщей забастовки, создать Совет рабочих депутатов и передать всю власть в его руки.

В зале поднялся шум. Крики «браво!», «правильно!», аплодисменты слились со свистом и возгласами «дойлой!».

Антон толкнул Матвея локтем в бок. Он был удивлен этой разноголосицей. Ему казалось, что кто-кто, а бастующие должны понимать, что манифестом царь спасет свою шкуру.

Когда шум стих, председатель собрания предоставил слово новому оратору. Его певучий, красивый голос показался Матвею знакомым. Он вытянулся весь, насколько мог, и через головы впереди сидящих увидел на сцене студента Горского. Это был тот самый Горский, который на памятном собрании в тюрьме с яростью защищал позицию Мартова на Втором съезде партии.

Горский недавно вышел из тюрьмы и теперь руководил в городе меньшевиками. Он считал, что манифест — это завоевание революции, и потому надо не вставать к нему в оппозицию, а использовать все то, что им предо-

ставлено, призывал немедленно закончить забастовку и на демократических началах произвести выборы в городскую думу.

Горскому не дали договорить. В зале поднялся шум и гвалт. Кто-то с галерки кричал громко:

— Долой предателей! Изменники! Подлизули буржуйские!

Оратор не уходил с трибуны и, когда немного стихло, пропел своим певучим голосом:

— Мы не хотим без нужды проливать кровь и потому отзываем своих представителей из стачечного комитета.

В зал будто бросили бомбу. Люди поднялись со своих мест, а какой-то расторопный паренек запустил в Горского калошей. Тот замахал руками, прокричал в зал что-то злое и торопливо скрылся за сценой.

Матвей, стараясь перекрычать общий шум, рассказывал Антону в самое ухо:

— Знаю я этого. Он и в тюрьме против Беляева народ мутит.

В это время в разных местах театра появились новые ораторы. Это были большевики, и среди них Матвей и Антон вновь увидели Соколовского.

Председатель собрания, стоявший за столом, долго пытался навести порядок, но, видя бесплодность своих усилий, бросил колокольчик и ушел.

Потом на сцене появился опять Горский. Он что-то прокричал, по-прежнему размахивая руками, и поспешил по сходням к запасному выходу, ведущему на улицу. Вслед за ним потянулись его единомышленники — в дверях мелькали бобровые шапки приказчиков, студенческие шинели, чиновничьи картузы.

В зале остались железнодорожники, грузчики, водники, но фронт общегородской забастовки был разстроен.

Ночью, всего лишь через несколько часов после объявления царского манифеста, началось то, что предсказывал на собрании большевик Соколовский. Отряд полицейских и солдат внезапно налетел на депо и окружил забастовщиков, превративших красное задымленное здание в неприступный бастион.

В обед политические обнаружили в бачке с супом крысу. Они отказались есть и потребовали к себе начальника. Тот не явился. Тогда политические объявили голодовку и потребовали прокурора. Это требование возымело действие. Начальник незамедлительно прибыл в барак.

Политическим был заказан новый обед. На кухню послана ревизия. Письменный протест на имя прокурора принят.

Но через час начальник одумался, приказал суп, в котором обнаружили крысу, не выливать, а выдать на ужин уголовным.

Матвея это решение начальника возмутило.

— Ваше высокоблагородие,— сказал он,— уголовные разве не люди?

Начальник закричал на него:

— Строгов, не забывайся! Я здесь хозяин...

Матвей выскочил из канцелярии, задыхаясь от гнева. Он побежал к Топилкину и рассказал ему о приказе начальника.

Антон хладнокровно выслушал Матвея.

— Надо не допустить этого и проучить начальника. Они решили действовать.

Матвей, во избежание подозрений, должен был уйти куда-нибудь. Всю работу взял на себя Антон Топилкин. Ему предстояло после возвращения уголовных с работы пройти к ним во двор, встретить уголовного Яшку Пройди-свет и сообщить ему о крысе. В случае, если Пройди-свет усомнился бы в искренности Антона, Антон должен был сказать, что его послал Матвей Строгов. Пройди-свет любил дядьку Строгова.

День клонился к вечеру. Матвей побродил по улицам и решил зайти к брату. У Власа он застал гостей.

За столом сидели: старший пристав Синегубов, купец Голованов с сыном и невесткой, священник отец Абросим, поручик Хвостов с женой, контролер акцизного управления Семин.

Как видно, гости только что сели. Все еще были трезвые и разговаривали мирно, тихо, с уважением друг к другу.

Влас без радушия встретил младшего брата. Он заметил в глазах Матвея не то озорство, не то злобу. Матвей разделся, поздоровался с гостями, без жеманства, просто, и спросил:

— Ты, Влас, в честь чего это пирушку устроил?

Влас поднял угловатые, костлявые плечи, сказал с поддельной радостью в голосе:

— Чудак! Николай-то Александрович, наш батюшка царь, цел и невредим остался!

— Э, нашел чему радоваться!..— засмеялся Матвей.

От этих слов Матвея зарозовело нестареющее лицо Власа. Он принялся угощать гостей, явно желая замять резкость брата. Но контролер акцизного управления Семин уцепился за слова Матвея:

— А вас разве это не радует? Скажите, не радует?

Матвей засмеялся злым смешком.

— А почему меня будет радовать?

— Странно! Все честные люди радуются этому... фю-фю-фю. А вы, кажется, придерживаетесь иной точки зрения... фю-фю-фю.

— Все честные люди?! Это кто же — честные люди? Не вы ли уж? — Матвей уничтожающе посмотрел на акцизного чиновника.

— Помилуйте,— растерялся контролер.— Вы, кажется...

— Это вам кажется,— сказал резко Матвей.— Честные люди! Знаем мы этих честных людей, знаем и честность царя. Девятое января никто еще не забыл.

Влас вытягивал под столом ноги, толкал ими, пытаясь остановить Матвея. Но тот поджал ноги, и как Влас ни старался дотянуться до него — не мог. Его удары приходились по ногам невестки купца Голованова и отца Абросима. Они морщились, прятали ноги под стулья.

— Да вы, кажется, и в честности царя сомневаетесь? Фю-фю-фю.

Влас понял, что спор не приостановить. Он усиленно принялся потчевать гостей вином. Все, за исключением контролера акцизного управления Семина, охотно пили. Но тот отталкивал от себя рюмку, яростно бросался на Матвея, кричал. Матвей говорил спокойно, и это еще больше злило чиновника.

— Нечего сказать, хорошего учителя честности нашли!

Но тут Матвей хватил через край. Захмелевшие гости беспокойно задвигались, зашептались, строго, с укором взглянули на Власа, на двери, поручик даже зафыркал. Контролер поднялся.

— Господа,— заговорил он взволнованно,— господа, это же социал-демократ, это же фю-фю-фю, черт знает что такое!

Матвей схватил чиновника за плечо, усадил его на стул и быстро вышел из-за стола.

— Садитесь, пейте, а то не достанется... Я уйду.

Отдуваясь, чиновник прошептал:

— Нет, это невозможно, господа...

— Выпейте, выпейте, Илья Кузьмич.— Влас пододвинул к нему рюмку.— Успокойтесь. У меня брат-то шутник. Вы думаете, он это и вправду завел с вами спор? Он всегда так людей на испытку берет. Послушаешь — будто ему на каторге место. А потом он вас же за стойкость и похвалит. Веру вашу проверяет. Прочен ли, дескать.

— Неужели?

— Вот как! — изумлялись гости.

— Да, да,— не смущаясь, подтвердил Влас.— Всегда таким манером людей на испытку берет. А так-то он у меня служака. Награды получал.

Захмелевшие гости поверили, смеялись над горячностью контролера, да Семин и сам заколебался.

— Ах, какой оригинал! Фю-фю-фю. Остроумно! А как он, знаете, распалил меня! Просто и сейчас не могу успокоиться.

Влас поднес всем по рюмке и торопливо вышел в кухню. Он боялся, что Матвей вот-вот вернется. В кухне, где Матвей курил самокрутку, Влас набросился на брата:

— Ты что, Матюха, с ума сошел? Да ведь тебя самого за это посадить могут!

В другой раз Влас бы строже обошелся с братом, но теперь он боялся рассердить его. Знал, что если рассердит — не миновать беды. Ему хотелось сейчас, чтоб Матвей ушел от него.

— Ты думаешь, я и в самом деле ради царя пирушку устроил? — говорил Влас.— Как же! Сто целковых ис-

тратил. Царь, что ли, мне даст? Дождись! Мне надо, чтобы Голованов векселя отсрочил. Понял, куда я гну? Ну, иди, иди, Матюха. Мне к гостям надо.

Влас ушел. Матвей подумал: «И верно, лучше уйти, чтоб не мутило». Он оделся, заглянул в дверь комнаты, где были гости, попрощался:

— До свидания, господа!

Гости проводили его улыбками и возгласами:

— Ах, оригинал какой!

— Остроумно, правда, Жорж?

— Фю-фю-фю!

Ночью Матвей узнал у Антона, что вечером уголовные подняли бунт, разгромили кухню и поддержали протест политических.

6

Этот день был полон неожиданностей.

Днем, сдав дежурство и наскоро пообедав, Матвей отправился на базар прикупить кое-что для общего хозяйства с Антоном.

Когда он вернулся с базара, застал в тюрьме полный переполох. Среди бела дня бежал крупный аферист, красавец Яшка Пройди-свет.

Настоящего имени Яшки никто не знал. Но, судя по его манерам, он когда-то вращался в высшем обществе. Яшка хорошо говорил по-французски. Чиновники много судачили об этом, удивлялись, но в Яшкино благородное происхождение все-таки не верили.

Но однажды в тюрьму пожаловала роскошно одетая петербургская дама. Она не захотела иметь дело с мелкими чиновниками и потребовала свидания с самим начальником тюрьмы. Начальник принял ее немедленно.

Через несколько минут Яшку вызвали в комнату свиданий. Петербургская дама оказалась его матерью.

Яшка не растерялся и удивленно спросил:

— Пардон, мадам, за кого вы меня принимаете? Вы, очевидно, ошиблись.

— Илюша, родной мой, ну к чему это опять? Папа просит прощения. Вот его письмо. Забудь, мой мальчик, обиду. Вернись. Мы так одиноки,— со слезами на глазах заговорила женщина.

— Оставьте меня в покое, мадам. Я вас не знаю.

Матери стоило больших усилий не разрыдаться. Но она сдержалась и попросила присутствовавшего при свидании тюремного чиновника оставить ее одну с сыном. Разговор с глазу на глаз продолжался с полчаса. Вдруг дверь раскрылась, и дама обрадованно крикнула:

— Господа, он согласен признать меня!

Чиновник вошел в комнату свиданий. Яшка Пройди-свет холодно смотрел на мать.

— Ну, Илюша, родной, скажи этим господам, что ты мой сын. Скажи — и ты будешь на свободе!

Яшка Пройди-свет поднял голову и спокойно заявил:

— Я не могу сказать этого. Я вижу вас первый раз в жизни, мадам.

Мать упала в обморок, а Яшку увели в камеру.

Петербургская дама уехала, ничего не добившись, но загадочность, которой была окутана личность Яшки, исчезла.

Семнадцати лет от роду молодой граф, сын богатого помещика, проиграл в карты десять тысяч рублей. Денег с собой у него не оказалось, и пришлось дать подписку. Старый помещик был скуп. Деньги он уплатил, а сына в присутствии его друзей и возлюбленной назвал мошенником. Оскорбленный сын бежал из дома, связался с преступным миром и теперь кочевал из тюрьмы в тюрьму, отвечая на все мольбы родителей вернуться домой отказом.

Все знали, что Яшка Пройди-свет не раз совершал побеги из тюрем. Событие взволновало тюремное начальство не своей неожиданностью, а таинственностью. Многие видели, как Яшка вместе с арестантами своего коридора шел в баню, как он последним вошел в соседнее с раздевалкой помещение, где парикмахер из уголовных обслуживал в определенные часы то арестантов, то тюремных надзирателей. А из бани Яшка не вернулся. В раздевалке после него остался только бушлат с записной книжкой в кармане, куда он аккуратно заносил свои картежные долги, да смена грязного белья.

Даже старые надзиратели в недоумении разводили руками: всякие побеги видали они в своей жизни, а такого номера еще никто не выкидывал. Не голым же бежал арестант!

Только Матвей догадывался, как могло произойти это. Яшка Пройди-свет был переодет в надзирательскую форму, сшитую Капкой по Матвеевой мерке. Матвей ждал, когда заглянет Капка, чтобы проверить свои подозрения. Однако Капка не пришла ни в этот вечер, ни в следующий.

Исчезновение Капки никого не удивило. Матвей открыл наконец тайну, которая была известна надзирателям уголовного отделения тюрьмы: Капку уже давно повенчал тюремный поп с Яшкой Пройди-свет.

Спустя два дня после исчезновения Капки парикмахер сунул Матвею записку. Придя к себе в комнату, Матвей с живым любопытством прочел:

«Милый Строгов! Я все устроила так, что никому неприятностей не будет. Я ухожу к мужу, графу Яшке Пройди-свет. Я нашла свою судьбу (будет ли она счастлива, не знаю), желаю тебе найти свою. Прощай!

Капитолина».

Матвей несколько раз перечитал письмо Капки и от души пожелал ей счастья.

7

В начале ноября Антон Топилкин выхлопотал себе недельный отпуск и решил поехать в Волчьи Норы — проведать отца и сестру. Накануне отпуска днем он получил в конторе расчет, а вечером пошел на станцию. Ночью он домой не вернулся. Не пришел и наутро. Матвей решил, что Антону подвернулись попутчики и он уехал.

Но в полдень к Матвею пришел молодой паренек с худеньким, узким личиком и серьезными глазами. Он был одет в телогрейку, широкие штаны, заправленные в большие сапоги.

Войдя в комнату, паренек внимательно пригляделся к Матвею и только после этого справился, точно ли он видит перед собой Строгова.

— Меня послал к вам Топилкин, — сказал паренек глуховатым голосом.

— Топилкин? Да ведь он уехал в деревню.

— Никуда он не уезжал. Он в городе. А чтобы вы поверили, что я послан им, он попросил меня назвать какого-то Андрюху Клинка.

Матвей улыбнулся: паренек говорил правду.

— Товарищ Емельян — так у нас зовут вашего друга, — продолжал паренек, — перешел на нелегальное положение. Вам он советует уехать в деревню. Говорит, что вместе с солдатами, которые вернулись с войны, вы можете заняться работой с крестьянами.

Паренек все больше нравился Матвею. Видно, он не первый раз выполняет задания подпольной организации. Он говорил кратко, серьезно, и светлые, вдумчивые глаза его глядели мягко и ласково. Было в нем что-то от Беляева — такая же задушевность и суровая сосредоточенность.

— Значит, он, Емельян-то, не придет больше сюда? — спросил Матвей, впервые называя Антона его новым именем.

— Да, он уже не вернется сюда. Но будет держать с вами связь. А со мной он просил вас передать его вещи.

Матвей достал ящик Антона, вынул из него белье, положил в мешок. Потом аккуратно свернул его и подал пареньку.

— Ну, скажи ему, Емельяну-то, дружок, — начал Матвей и поправился: — Скажи ему, товарищ, что я привет шлю и желаю ему удачи в жизни.

— Передам, — ответил паренек и направился к двери.

Матвей улыбнулся ласковой, доброй улыбкой и спросил:

— А сколько тебе, дружок, лет?

— Весной семнадцать стукнуло.

— С большевиками давно?

— Уже с год как... А в депо пятый год работаю.

Паренек ушел, а Матвей, прикрыв за ним дверь, сел к столу и задумался.

Действительно, не пора ли податься в деревню? Вспомнились последние разговоры у Соколовского. Большевики горячо говорили о Третьем съезде партии в Лондоне, о Ленине, о постановке им вопроса о союзе рабочего класса с трудовым крестьянством. Матвей понял, что, в то время как рабочие уже бьются с царизмом не на

жизнь, а на смерть, крестьяне все еще раскачиваются слабо. Соколовский особенно подчеркивал, что работа среди крестьян становится главной задачей момента.

И мысли как-то само собой перенеслись в Волчьи Норы (как-то там Мартын справляется?), а потом на пасеку и к деду Фишке. Неугомонный старик теперь, наверное, уж закатился куда-нибудь в тайгу, на край бела света.

Матвею стало завидно. Когда-то и он вот в такие же погожие сентябрьские дни кружил по тайге, с наслаждением вдыхал чистый, пахнувший смолой воздух. Любил он выйти куда-нибудь на вершину холма, поросшего ветвистыми кедрами, сесть на колоду, закусывать сухарями и прислушиваться чутким охотничьим ухом к жизни тайги. Так иногда просиживал он, забывая о времени, до самых сумерек. Скрытая жизнь тайги захватывала его; и в ее однообразном, почти никогда не умолкаемом шуме он умел различать множество звуков.

Вот слышался где-то вверху, над головой, легкий шорох и тонкий писк. Это запасливый бурундук отправился на кедр за шишкой. Острыми зубами он перегрызет ее стебелек, сбросит на землю, спустится сам, ошелушит, вытащит орешки и спрячет их где-нибудь в земле, под валежником.

Вот застучал дятел. Древесный червяк хоть и запрятался глубоко, но крепок у дятла клюв. Не сегодня, так завтра дятел достанет червяка и полакомится им.

Потом стихнет все. Кажется, нет тут вокруг ни одного живого существа. Но вдруг пронзительно взвизгнет иволга. Заснувший в сумрачной чаще филин спросонья вообразит, что наступил вечер, заушает и, поняв ошибку, затихнет.

...Матвей больше не колебался. Достав лист чистой бумаги, он взял перо и стал писать рапорт об увольнении.

И пришло время. Где-то в Маньчжурии уже выдыхалась война. Где-то в Америке уже подписывался бесславный для царя мирный договор с Японией.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Хорошая была осень в этом году — тихая, теплая, солнечная.

Как только Строговы управились с пахотой, дед Фишка стал собираться на Юксу. Лопаты, которые он видел в прошлом году во дворе у Зимовского, не давали ему покоя.

За ужином дед Фишка как-то случайно проговорился о своих намерениях. Захар подшутил над охотником:

— Ты Артемку взял бы с собой. Он, может, фартовее тебя. Сколько лет клад ищешь — и все зря.

Захар смеялся, потряхивая кудрявой головой, а дед Фишка, недовольный его шуткой, насупился.

Кареглазый Артемка давно мечтал о Юксе. Столько он об этой тайге слышал, что она представлялась ему полной чудес.

— Дедка, возьми меня с собой! — пристал он к деду Фишке.

— Просись, просись, Артем, — подзадорил внука Захар. — Авось клад найдешь!

— Дедка, возьми... — кланчил Артемка. — Возьмешь?

Он так горячо просился, что дед Фишка решил взять его с собой.

— Пойдем, сынок. Только вот мать спроси.

— Мам, пойду? — обратился Артемка к матери.

Анна молчала. Не хотелось ей, чтобы сын увлекался тайгой и охотой. Совершится это — значит, все пропало. Никогда она не увидит широкие пашни, шумящую мельницу, новый крестовый дом под железной крышей.

— Далеко, сынок, до Юксы. Устанешь, — сказала она, когда Артемка, заглядывая ей в глаза, стал настойчиво упрашивать ее.

— Да отпусти уж ты его, Нюра. Пусть ходит. Ноги набьет — в другой раз не запросится, — посоветовала Агафья.

Анна махнула рукой.

— Пусть идет.

— И я пойду, — вдруг решительно заявил Максимка.

Все захохотали.

— Ты еще мал, сынок. Тебе подрасти маленько надо. Мы лучше с тобой завтра в Волчьи Норы поедem. Конфет, пряников купим,— заговорил Захар, усаживая к себе на колени внука.

Дед Фишка не особенно был доволен тем, что с ним увязался Артемка. Но старик любил мальчика и считал своим долгом приучить его к тайге и охоте. Когда-то и Матвея он вот так же водил за собой. Не для себя одного он торил тропы на Юксу.

Вместо двух дней до Юксы шли три. Дед Фишка не забывал, что идет не один, и присаживался отдыхать чуть ли не каждую версту. Дорогой без умолку старик рассказывал Артемке о своих и Матвеевых приключениях. Почти каждая верста была чем-нибудь отмечена.

Когда умолкал дед Фишка, разговор поддерживал сам Артемка.

— Дедка, а это какая малюсенькая серенькая птичка? — спрашивал он.

— Это, сынок, дрозд-пересмешник. За медведем любит гоняться. Мы с твоим отцом, бывало, сидим на лабазе, ждем медведя и вот как услышим, что дрозд-пересмешник трещит, так и знаем: идет мишка.

Пока дошли до стана, расположенного на крутом берегу быстроводной Юксы, знания Артемки преумножились во много раз.

На стану передневали. Деду Фишке хотелось тотчас же броситься в тайгу, посмотреть, не появился ли в ней Зимовской, но оставить Артемку одного не решался.

Прежде всего старик решил побывать на Веселом яру.

От стана до Веселого яра было верст десять. Дед Фишка решил ехать туда по реке в обласке.

Артемка из обласка смотрел на высокие лесистые берега Юксы затаив дыхание. Все ему казалось огромным, страшным.

В омутах дед Фишка причаливал к тальниковым кустам, отдыхал.

— Вот тут, сынок, мы шишковали в прошлом году,— показывал дед Фишка на гряде рослого, густого кедровника.— А вот здесь есть озерко, так там столько ершей, что Матюша подштанниками их ловил.

Артемка смеялся, карие глаза его искрились.

Скоро показался Веселый яр. Берег, поросший хвойным лесом, то высился острыми гребнями, то стлался по широкому логому. Издали это походило на сказочное зеленое море, по которому гуляют волны.

— Дедка, видишь дым? — спросил вдруг Артемка.

Старик взглянул поверх леса, и весло дрогнуло в его руках. Над макушками кедров курчавился синеватый дымок.

Артемка выскочил на берег первым, поддержал обласок за нос.

— Ты, сынок, подожди меня здесь. Я схожу посмотрю, кто тут появился, — сказал дед Фишка, выходя из облака.

Не слушая протестов Артемки, не желавшего оставаться, старик бегом бросился к яру. Он бежал по чаще, оставляя на сучках клочья своей одежды. Миновав гребень холма, он со всего маху чуть не налетел на людей.

Их было пятеро. Трое из них лопатами копали землю, а остальные выкалывали из кедрового сушняка широкие плахи. Невдалеке от них, на костре, густо дымился трут, разгонявший комаров. Люди были заняты работой и не заметили приближения деда Фишки. Но он и не стал прятаться.

— Ты что ж, Степан Иванович, в чужую тайгу забрался? — взволнованно заговорил старик. — Мы с Матюшей пятнадцать лет тут охотимся. Посмотри вокруг: чьи ловушки? Наши. Кто берегом тропу торил? Мы. Дорогу на Юксу кто прокладывал? Опять же мы. Понравится тебе, если я, нычит, прискачу на твои поля и зачну без спросу пахать? А?

Зимовской даже не удивился появлению деда Фишки. Он спокойно слушал старика, и по сухощавому лицу его скользнула ехидная улыбка.

— Мы тебе, Финоген Данилыч, не помешаем. Охоться себе на здоровье, — пряча вороватые глаза, сказал Зимовской и, отвернувшись от старика, взялся за лопату.

Дед Фишка готов был разорвать на клочки этого хилого мужичонку. В голове мелькнуло:

«Вот когда варнак показал свои когти! Ну погоди, еще неизвестно, чей верх будет! Скорей бы Матвей воз-

вращался! И что он, прилип там, в городе? Уж и мужики с войны едут, а его все нет».

— Смотри, Степан Иванович, воля твоя, а только не по праву на Веселый яр забрался. Наш он! — проговорил дед Фишка и, видя, что Зимовской не намерен отвечать ему, пошел обратно.

Артемка не узнал старика. Дед Фишка шел, качаясь, как пьяный.

— Дедка, кто там? — с тревогой спросил мальчик.

— Эх, сынок, не поймешь ты, — махнул рукой дед Фишка и, бессильно опустившись на землю, уткнулся головой в глинистый яр.

Артемка стоял около него испуганный, бледный.

— Дедка, тебя побили? — бросил он.

— В сто раз хуже, сынок! Тайгу Зимовской отнял... Ну, поехали, Артем, — через минуту сказал дед Фишка и тяжело, как больной, поднялся.

Обо всем что произошло, Артемка толком узнал уже дорогой к стану. И впервые в жизни почувствовал он прилив ненависти. Нет, он поможет деду Фишке отстоять тайгу. Только бы подрасти скорее!

2

Как только выпал первый снег, Захар Строгов собрался в город продавать воск. Агафья наказывала:

— Смотри, старик, не загуляй где-нибудь. Да с людьми построже будь. Говорят, на тракту пошаливают.

— Ладно, ладно... не учи. У меня все разбойники задарены.

— Я знаю, у тебя каждый встречный друг да сват. Захар уехал.

В городе он продал воск и на базаре встретил Зимовского. Захар остановил его, радуясь тому, что нашелся земляк; позвал в трактир.

За столом они выпили, разговорились.

— Как торговлишка-то твоя, Степан Иванович?

— Идет мало-мало, слава богу. Выручки большой нету, но и убытку не несус... жить можно... За товарами приезжал...

Выпили полбутылки. Захару показалось мало. Он крикнул полового, велел принести еще.

— А ты как живешь, Захар Максимыч? — начал спрашивать Зимовской.

— Да ничего живу. Гневить бога не за что. Вот воск привозил, продал. Продаю хорошо, добрые люди не обидели, заплатили без обману... Ну, Иваныч, за твое здорье!

— А сыновья, Захар Максимыч, как поживают?

— Сыновья прилипли к городу, не оторвешь. Влас в лавке орудует, настоящим купцом замышляет быть. И знаю — будет! Мужик хваткий. Он только снаружи тихоня, а в душе черт... Ей-богу, черт!

Хмель одолевал Захара, он забыл, о чем говорил, и замолчал. Зимовской напомнил ему:

— Матвей Захарыч как здравствует?

— Этот в тюрьме при должности. Ну, брат, Матвей, — разговорился Захар, — совсем тому не чета. Влас черт, а этот ангел. Простяга парень, в меня, в меня... Я ведь, знаешь, какой?

— Значит, Матвей-то Захарыч не собирается вернуться на пасеку? — спросил Зимовской.

— Да ты что меня пытаешь? — осердился Захар. — Пей, пей, коли подадут!

Зимовской смутился, вороватые глаза его беспокойно забегали.

— Нет, я ничего... Я так.... Я к тому, что, мол, неладно сыновья делают. Старики одни дома остались.

— Ладно, ладно, Степаха. На сынов не в обиде я. Сам еще работать могу. А придет недобрый час, без куска хлеба не оставят.

Они не спеша допили бутылку. Захар вдруг заспешил.

— Надо старухе платок купить, а то ругаться будет. Эй, человек!

К столу подошел широкоплечий молодой парень.

— Сколько тебе за водку и эту дохлятину? — Захар отодвинул от себя тарелку с недоеденной бараниной.

Парень подсчитал. Захар вынул из-за пазухи тряпичный кошелек, не спеша развязал его. В кошельке лежали катеринка, вырученная от продажи воска, и несколько мелких бумажек. Захар положил деньги на стол, принялся отсчитывать парню мелочь.

Зимовской смотрел вначале безразлично, сонно, потом поднял голову, осмотрел деньги и, как будто чего-то испугавшись, закрыл глаза.

— Ну, айда, Степан Иваныч. Больше не подадут.

Захар встал, надел шапку, застегнул верхние пуговицы своего бешмета. Маленький, сухонький Зимовской поплелся за Захаром неровными, мелкими шажками. Он заметно покачивался.

Когда вышли на базарную площадь, Зимовской спросил:

— Ты когда, Захар Максимыч, выезжать собираешься?

— Завтра утречком.

— Ого, двенадцать уже,— взглянув на уличные часы, заторопился Зимовской.— Я побегу, Захар Максимыч, передай поклон Агафье Даниловне, деду Фишке. Сегодня думаю уехать. Дел дома много. Сегодня уеду. Поди, до Лександровой за ночь доберусь...— Пожимая руку Захару, он еще несколько раз повторил, что выедет этим же вечером.

На другой день утром Захар заехал к Матвею, попрощался с ним и отправился домой.

Тракт пустовал. Крестьяне, ехавшие в город, по обыкновению, старались попасть к базару и проезжали здесь рано утром. Дальние из города тоже проехали.

Кругом стояла тишь. Захар привалился на мешок с овсом, задремал и очнулся, когда сани покатались под гору.

В семи верстах от города находился глубокий, заросший густым осинником лог. Осенью здесь вязли лошади и телеги, а зимой незамерзающие родники сочились водой, покрывали землю наледью,— лошади падали, возы в раскатах перевертывались, мужики проклинали белый свет.

Но Захара лог этот не страшил. Он ехал налегке, в пустой кошевке.

В самом низу, у подъема, Захар увидел Зимовского и его жену Василису. Они суетились возле своих саней, нагруженных ящиками, бочонками с селедкой, тюками с мануфактурой. Все это лежало в беспорядке.

Захар подъехал к ним; остановив лошадь, крикнул:

— Здорово бывали! А я думал, ты, Степан Иваныч, вчера уехал.

Зимовской не взглянул на Захара.

— Вчера не управился. А сегодня поторопился, да и сам не рад. Весь воз расползается. Ты, Захар Максимыч, помоги мне увязать, а то с бабой ничего не выходит.

— Давай, давай помогу,— охотно согласился Захар и выпрыгнул из кошевки.— Эка накрутил возище какой!

— Надо свернуть... не у места остановились,— сказал Зимовской. Он взял лошадь за узду, повел ее в кусты, по непроторенному объезду.

— Зря ты, Степан Иваныч. Мы и тут никому не помещаем. Видишь, на тракту никого нету...

Зимовской, не слушая Захара, поставил воз за кусты и принялся затягивать его веревками. Захар стал помогать ему.

Василиса стояла от них в трех-четырех шагах, молча наблюдала.

Захар горячился, работал с усердием.

Зимовской все время вертелся рядом, больше суетился, чем дело делал. Вдруг он схватил воткнутый в головки саней топор и замахнулся. Захар отступил, вытянул руки вперед.

— Ты что, Степаха,— прошептал он,— ай плохо вчера угостил тебя?

Голубые глаза Захара смотрели на Зимовского без страха, с презрением. Зимовской растерялся. Он стоял с закинутым вверх топором, рука его постепенно опускалась.

Василиса заметила это. Она раскинула руки и пошла на Захара, как растравленная медведица.

Захар стоял к ней спиной.

Она схватила его в охапку, сжала изо всех сил. Зимовской взмахнул топором. Захар, как мешок, медленно и тяжело повалился на землю. Василиса накинула ему на шею снятый с него же шелковый крученный пояс, затянула его покрепче, после этого пояс сняла и спрятала за пазуху.

Потом они раздели Захара и запрятали в густом осиннике.

Кошелек с деньгами Василиса положила в карман широкой юбки, одежду сложили в мешок и сунули в сани, под тюки с товаром.

Когда все было готово, Зимовской вышел на тракт, посмотрел, не едет ли кто. Он вернулся быстро, нервная

лихорадка трясла его, зубы выколачивали дробь. Василиса спросила:

— Ну как?

— Ннни-кого-го нннету,— еле выговорил Зимовской.

Василиса испуганно взглянула на него, обняла за плечи.

— Ничего, ничего, Степа. Давай трогай с богом.

Зимовской перекрестился, подошел к своей лошади, повел ее на тракт. Василиса села в кошевку Захара, держала за вожжи. Пегая лошадь Строговых, выгнув шею, покосилась на нового седока, недовольно замахала головой.

По тракту ехали озираясь. Решили, что если кто-нибудь покажется впереди или будет нагонять, Василиса свернет с дороги в сторону, за кусты, и там переждет.

В трех верстах от лога Зимовской переменялся местами с Василисой. Она должна была проехать трактом до полустанка и там ждать, а он свернул в татарскую деревню. Там жили скупщики лошадей.

Василиса напутствовала мужа:

— Смотри не продешеви. Татарва — хитрущий народ. Обмануть, не ровен час, могут...

Зимовской ничего не сказал. Он хлестнул вожжой лошадь и поехал, готовый сбыть за бесценок лошадь Захара со всей упряжью.

3

Недели три со дня на день ждали на пасеке возвращения Захара. Вначале решили, что старик просто-напросто загулял. Случалось такое с ним нередко. Потом затревожились. Агафья не спала ночами, предполагая самое худшее.

И вдруг вместо Захара на пасеку появился Матвей.

— Сынок, ты один? — спросила Агафья.

— Один, а с кем же мне быть? — весело ответил Матвей.

— А отец где? Без малого три недели прошло, как воск в город повез.

— Да он на второй же день из города уехал.

Агафья заплакала.

Подождали еще несколько дней.

По утрам Агафья заставляла всех рассказывать сны, пытаясь разгадать их, но сны у всех были противоречивые, путаные. Поехали в Волчьи Норы к ворожее Савелихе. Та смотрела в гущу, раскладывала бобы, но не успокоила Агафью. Дни и ночи ныло Агафьино сердце-вещун.

Все эти дни Матвей занимался хозяйством, работал на току, подновлял двор, пилил и колол дрова.

Анна пристально наблюдала за мужем, и радость прокрадывалась в душу, теплила ее. Матвей работал сосредоточенно, много. Казалось, что он погрузился в это дело на годы, навсегда.

Прошла еще неделя. Захар не возвращался. Матвей заложил сани, отправился на поиски. В каждой деревне он останавливался, расспрашивал на постоянных дворах об отце. Да, постояльцы видели Захара Строгова. Он ехал в город продавать воск, но обратно не проезжал. Об этом заявляли в каждой деревне в один голос. Захара Строгова знали по всему тракту. Везде у него были друзья и приятели, которых он угощал водкой и одаривал.

В городе Матвей обошел полицейские участки. В одном из них ему показали свежий номер губернской газеты. На последней полосе некий штабс-капитан Лярский сообщал, что, охотясь под городом, в районе лога, он обнаружил в густом осиннике труп убитого старика. Тут же указывались приметы: седые кудрявые волосы, стриженные по-старообрядчески под кружок, узкое, костистое лицо, короткая кудрявая бородка и когда-то разрубленный и криво сросшийся ноготь на большом пальце левой руки.

Матвей бросился в морг. Отец лежал согнутый, смерзшийся, в холщовом белье.

Захара Строгова схоронили на тесном городском кладбище, среди могил мещан и купцов.

Не успели Строговы оплакать Захара, как на них обрушилось новое несчастье: в подвалах начала гибнуть пчела. Трудно сказать, что вызвало пчелиный мор: ранние ли морозы, спертый ли воздух в подвалах, или ядовитость меда, оставленного пчелам на зиму. А может

быть, привело к этому отсутствие умелой, заботливой руки Захара.

Смерть Захара и гибель пчелы поселили в доме уныние. Приуныл и сам Матвей. На его плечи хозяйство легло всей тяжестью, а выхода он не видел.

После похорон отца заехал Матвей к Кузьмину сообщить, что рассчитывать на даровой мед теперь не придется. Но тот потребовал, чтобы Матвей снабжал его медом и впредь или уплатил за пасеку новый выкуп. Золотопромышленник грозил судом, тряс в воздухе пожелтевшим договором, на котором вместо подписи рукой Захара были выведены три крестика.

Ни о чем тогда не удалось договориться. Кузьмин дружил с самим губернатором и при желании мог сделать все.

Неожиданно на пасеку приехал управляющий Кузьмина.

Он походил по пасеке, хозяйским оком осмотрел живописный косогор и, никому ничего не сказав, уехал.

Матвей решил, что надо скорее переезжать в село. Его тянуло к мужикам, к народу. Кузьмин все равно сгонит с пасеки. Да и ребятишки подрастали, надо было учить их.

Анна замахала руками, когда Матвей сказал ей о своих планах. Тут и пашня, и покос, и речка под руками, тут все ближе для той жизни, о которой она не переставала думать.

В конце ноября, уступая настойчивым просьбам Анны, Матвей снова поехал в город, чтобы попытаться уломать Кузьмина согласиться на продление аренды пасеки.

4

Города Матвей не узнал. Не было на улицах и площадях шумной, оживленной толпы, не слышно было ораторов. По пустынным улицам разъезжали казачьи патрули. Иногда слышалась стрельба. Еще на заборах болтались на ветру обрывки манифеста напуганного революцией царя, обещавшего народу свободу личности, совести, собраний, союзов, а свободно себя чувствовали только казаки, коршунами налетавшие на демонстрантов, вооруженные банды каких-то темных людей, то и дело напа-

давшие на рабочих, студентов, на каждого, кто осмеливался проронить хотя бы слово в защиту революционных евобод.

Днем, идя по улице, Матвей поднял попавшуюся под ноги листовку. В глаза бросилось напечатанное жирным шрифтом обращение: «Ко всем честным, истинно русским людям» и подпись: «Союз св. Михаила Архангела». Матвей прочел первые строки и плюнул. А спустя полчаса наткнулся на еврейский погром.

Когда Матвей увидел выбежавшего из старого, приземистого домишка Власа с узлом награбленных вещей, кровь закипела в нем. Он бросился на брата с кулаками, одним ударом сбил его наземь и вырвал узел из рук. Точно так же он поступил с другим погромщиком, пытавшимся вступить за Власа. На помощь к Матвею подоспели рабочие и студенты. Скоро квартира была очищена от погромщиков.

— Кто вы, добрые люди? — обратилась к своим спасителям старая плачущая еврейка.

— Истинно честные русские люди, — ответил Матвей и пошел к выходу.

К Кузьмину он явился только вечером, в порванной одежде и с посиневшим, заплывшим от удара глазом. Договориться с золотопромышленником не удалось. Кузьмин не был так заносчив, как в первый раз, но заявил, что в гибели пчел виноват Матвей и доверить пасеку неопытному человеку он не может. Чувствовал Матвей, что скрывается в этой неуступчивости что-то более существенное, чем привычка к даровым поставкам меда, но спорить не стал и ушел ни с чем.

Матвей решил утром же выехать домой. Но хотелось повидать Соколовского. Еще осенью Федор Ильич, в третий раз за этот год, перебрался на новую квартиру. Ольга Львовна, ожидавшая ребенка, поселилась отдельно, и к ней муж приходил не часто. Поколебавшись немного, не зная, на какую квартиру лучше пройти, Матвей решительно направился к Соколовскому. Накануне, думая обязательно побывать у Федора Ильича, Матвей выбрал постоянный двор поблизости от его квартиры.

Бушевала метель. Бесчисленное множество снежинок, поднятых ветром, кружилось в воздухе. Ни звезд, ни месяца не было видно. Ветер свистел, хлестал Матвею в лицо колючей снежной крупой. Матвей закрывал лицо

варежкой, стряхивал снег, прыгал по сугробам, с трудом преодолевая напор ветра.

Шел уже двенадцатый час ночи. Улицы опустели. Матвей поднялся на гору и улицей, обсаженной тополями, пошел к дому, в котором жил Соколовский.

Дом стоял во дворе, окруженный с трех сторон какими-то складскими помещениями и навесами. Оглядевшись, нет ли кого поблизости, Матвей вошел в калитку, но тотчас же повернул и почти бегом выскочил обратно, на улицу. В квартире Соколовского было темно, условный зеленоватый свет, которым хозяин обычно сигнализировал благополучие своего жилища, не освещал окон. Это показалось Матвею странным, но он тотчас же успокоил себя.

«Мог ведь задержаться где-нибудь Федор Ильич. Время боевое, тревожное».

Решил побродить возле дома.

Через полчаса вновь заглянул в калитку. Во дворе все оставалось по-старому. Дом стоял в снежном густом тумане, и желанного зеленоватого света в окнах не было.

«Ничего не поделаешь, придется заглянуть завтра утром», — подумал Матвей и уже хотел выйти за ворота, как услышал приближающиеся голоса. Мимо ворот серединой улицы проходила ватага пьяных, громко разговаривающих людей, похожих на тех «архангелов», с которыми он дрался днем. Вот на них упал свет уличного фонаря. Матвей замер на месте.

— А ты точно знаешь, Ефим, — хриплым голосом проговорил какой-то верзила, шагавший впереди всех, — это тот самый студент?

— Ну как мне не знать, Дормидонт Ермилыч, — ответил сильным тенорком шедший рядом с ним плюгавенький человек, — он самый. Он еще у нашего барчука гувернером был.

У Матвея бешено заколотилось сердце. По голосу в плюгавеньком человеке он узнал одного из приказчиков Кузьмина. Но ватага прошла, и скоро пьяные голоса затихли вдали. «Ищут квартиру Соколовского», — подумал Матвей.

Выйдя из ворот, он быстро пошел по улице в обратном направлении. Снег не хлестал в лицо и не мешал идти полным шагом. Но чем дальше удалялся Матвей от

квартиры Соколовского, тем сильнее овладевало им беспокойство.

«Что-то замышляют, бандиты, против Федора Ильича,— шел и думал Матвей,— надо сейчас же предупредить Ольгу Львовну».

Первым же переулком он побежал к постоялому двору.

Не прошло и четверти часа, как Матвей выехал на перекресток и завернул в ту же улицу с тополями. Решил еще раз посмотреть, не вернулся ли Федор Ильич.

Вдруг лошадь шарахнулась в сторону и захрапела. На мостовой, скорчившись, лежал человек, полузанесенный снегом.

«Ничего себе нализался и домой не дошел»,— усмехнулся Матвей и дернул было вожжами, да вспомнил, что надо разбудить человека: не лето на дворе, и замерзнуть недолго.

Человек лежал на боку; Матвей, спрыгнув с саней, подошел к нему и толкнул его ногой в спину.

— Эй, приятель, вставай! Неладную ты постель себе выбрал!

Человек не отзывался. Сухой, промерзший снег осыпался со спины лежащего, и Матвей разглядел блестящие пуговицы.

Матвей нагнулся, схватил человека за плечо, перевернул его.

Это был Соколовский. В последнее время Федор Ильич опять ходил в студенческой форме, тщательно брил бороду.

Кровь похолодела у Матвея в жилах. Он опустился на колени перед трупом, не в силах отвести взгляда от лица человека, которого любил, в которого верил.

Метель не утихала. Снег кружился в воздухе. Под бешеными порывами ветра тополя скрипели, телеграфные столбы гудели, содрогались. Кругом была черная ночь. А Матвей стоял на коленях над трупом, и слезы мерзли на его щеках.

В третьем часу ночи сани остановились у дома, в котором Матвей когда-то отыскивал Федора Ильича и впервые встретил синеглазую женщину.

На звонок отозвались очень скоро, точно дожидались. В окнах вспыхнул свет, и на лестнице слышались легкие скорые шаги.

— Федя, ты?

Матвей узнал голос Ольги Львовны, быстро сошел с крыльца и поднял на плечо Федора Ильича.

— Строгов? — изумилась Ольга Львовна и, открыв засов, заторопилась обратно, сказав откуда-то сверху: — Закройте, пожалуйста, сами. Я с постели и не одета.

Когда Матвей открыл дверь в квартиру, Ольга Львовна, уже одетая, стояла в позе нетерпеливого, тревожного ожидания. Увидев на плече Матвея повисшее тело Соколовского, она вытянула перед собой руки, пошатнулась и со стоном рухнула на пол.

Этой же ночью на квартиру Ольги Львовны собрались извещенные Матвеем товарищи Соколовского: двое рабочих механического завода, студент и девушка-курсистка. Ольга Львовна сказала им, что на квартире Соколовского хранятся важные партийные документы: если они попадут в руки жандармов, подпольный комитет обречен на провал.

Все, кроме Ольги Львовны, тотчас же поехали на квартиру Соколовского.

Дверь открыла старуха, хозяйка квартиры. Сначала она приняла ночных гостей за грабителей, но, увидев среди них девушку, успокоилась.

Комната Федора Ильича оказалась на запоре. Матвей повернул замок и вырвал его вместе с кольцами. Потом взял лампу из рук старухи, прибавил фитиль и сказал:

— Начинайте, товарищи.

Через пятнадцать минут все нужные документы были собраны.

— Что же мне сказать-то Федору Ильичу? — обратилась старуха к Матвею, считая его, очевидно, за главного.

— В бога веруешь, мамаша? — спросил серьезно Матвей.

— Как же, батюшка, как же!

— И в архангелов веришь?

— И архангелов и фирувимов чту.

— А старик у тебя кто?

— Машинистом на чугунке работает.

— Ну вот, богу помолись, мамаша, за Федора Ильича. Умер он. А на архангелов плюнь. Скажи старику, чтобы остерегался их на улице. Это убийцы.

— О господи! — пробормотала старуха, так и не поняв ничего.

Под утро метель стихла. Ветер заметно ослабел. Небо местами прочистилось, и кое-где заискрились подслеповатые, мерцающие звезды.

Матвей, вернувшись на постоянный двор, поспал часа два и снова поехал к Ольге Львовне, чтобы предложить ей свою помощь.

5

Похороны Соколовского превратились в большую политическую демонстрацию. По пути на кладбище к похоронной процессии присоединились рабочие фабрик и заводов, в воздухе зареяли красные знамена, в колоннах зазвучали революционные песни. Казаки и конные отряды полиции носились по соседним улицам и переулкам на пути следования процессии, но нападать на демонстрантов не решались. Волна общественного возмущения, вызванная зверским убийством Соколовского черносотенцами, очевидно, удерживала власти от нового кровопролития.

На кладбище состоялся многотысячный митинг. Матвей не слышал речей ораторов. Вместе с боевой дружиной Антона Топилкина он все время патрулировал между колоннами демонстрантов и державшимися на расстоянии отрядами казаков и полиции.

Домой Матвей вернулся с одной мыслью: скорее в село, ближе к мужикам, к народу. С народом ничто не страшно.

Никогда еще не видела Анна мужа в таком мрачном, подавленном состоянии. Против переезда в село она больше не возражала.

Дед Фишка, узнав о решении Матвея, совсем упал духом. В течение нескольких дней он молчал и лишь изредка бросал на Матвея из-под насупленных бровей сердитые взгляды. Наконец он решил серьезно поговорить с племянником.

— Что же, выходит, прощай и тайга, и охота, и клады? — начал он, выбрав момент, когда Агафья и Анна

ушли из дому.— Мужиком земляным теперь заделаешься?

— Выходит, что так,— недовольно буркнул Матвей.

— А не лучше ли, Матюша, на Юксу перебраться, а? — сразу меняя тон, заговорил дед Фишка, и в голосе его послышались теплые нотки.— Завели бы там новую пасеку, охотились бы, почитай, круглый год! А может, посчастливилось бы и...— Но достаточно было ему коснуться заветной мечты, как он вспомнил об испытанном осенью унижении и стал на чем свет стоит клясть Зимовского, призывая на него все кары, небесные и земные.

Когда Матвею надоело слушать его заклинания, он сказал:

— Не то, дядя, говоришь.

Старик вспылil на Матвея,— кажется, первый раз в жизни.

— Как «не то»? По-твоему, отдай тайгу Зимовскому, а сам, нычит, как знаешь? Ты что, Матюша, в уме или рехнулся?

— Что Зимовской! Разве дело только в нем? Доведись ему найти что-нибудь, так мигом нагрянут всякие прибиткины и кузьмины. Тут надо бить наверняка, всех разом. Народ надо против них поднимать. Вот о чем я.

Матвей произнес это твердо, как давно продуманное и раз навсегда решенное.

Дед Фишка взглянул в постаревшее лицо племянника. Нет, племянник не отступит от тайги, не из таких он. Матвей замышлял что-то новое и грозное.

6

В Волчьих Норах Матвей купил полуразвалившийся пятистенный дом с обветшалой надворной постройкой. К весне Строговы перебрались туда со всем скарбом.

Пришлось обратиться к обществу с прошением о выделении пахотной земли и лугов. Староста собрал сход. Строго соблюдая стародавний обычай, Матвей поставил ведро водки. Мужики пили, похваливали Матвея, желали ему счастья на новом месте, вспоминали щедрого, добродушного Захара.

Только один Евдоким Юткин не прикоснулся к водке. Недоволен он был зятем, Матвей поступил наперекор его

желаниям. Евдокиму хотелось, чтоб Матвей выпросил себе надел рядом с его землей. Но Строгов понял, куда клонил тесть. Быть работником Юткиных Матвей не собирался. Анна была тоже против этого.

Мало-помалу начали обживать на новом месте.

К Матвею потянулись мужики. Шли они с самыми разнообразными нуждами. Одному неправильно подати начислили, другого оштрафовали за потраву лугов, о которой он ни сном ни духом не ведал, на третьего взвалили непосильные мирские работы, от которых выгода одному старосте.

— Посоветуй, Захарыч. Ты все ж таки в городе жил, грамоту, не в пример другим, знаешь. Да и нужда тебя, сказывают, тоже поодаль не обходит,— говорили сельчане Матвею.

Он давал им советы, а многим собственноручно писал прошения. Но всякий раз при этом Матвей говорил, что прошениями не добиться мужикам лучшей доли.

По воскресеньям на завалинке пятистенного дома Строговых собирались мужики со всего села. Матвей охотно вступал с ними в разговор, рассказывал о городских событиях, о расстреле рабочих в Петербурге, о крестьянских волнениях в России, о революции, в которой рабочие и крестьяне должны идти рука об руку.

Не по нраву все это пришлось Евдокиму Юткину. Замышлял он в недалеком будущем открыть торговлю и, будь зять покорным, пристроил бы его в этом деле за главного.

— Эй ты, Захаркин сын, долго с гольтепой водиться будешь? — кричал пьяный Евдоким перед домом Строговых.

Матвея это не обижало, и, к изумлению Анны, он хотел над тем, как беснуется Евдоким Юткин.

Чем глубже входил Матвей в деревенские дела, тем сильнее охватывало его желание схватиться с богачами.

Все крепче и крепче Евдоким Юткин и Демьян Штычков притесняли волченорцев. При расчетах за работу на мельнице Демьян Штычков бессовестно обсчитал солдата-инвалида Мартына Горбачева. Мартын бросился с жалобой к сельскому старосте Герасиму. Степенный староста выслушал инвалида-фронтовика, но заступаться за него отказался.

— Ты, Мартын, и за это скажи спасибо. Какой из тебя теперь работник? Звание одно.

Мартын приподнял костыль и хотел было ударить им старосту, но, вспомнив о своих ребятишках, молча повернулся и вышел. Качаясь на костылях, он направился к Матвею Строгову.

Матвей копался во дворе.

— Я к тебе, Захарыч. Помогите.

Сели у амбара, закурили.

— Заработал я у Демьяна двадцать пудов хлеба,— начал рассказывать Мартын.— Ну, пришел получать, а он, сукин сын, дает только десять. Я говорю: «Еще десять полагается». А он: «Это потом. Уродится хлебушко ноне — дам». — «Ну, а если не уродится?» — «Тогда, говорит, не прогневайся, Мартын, мы тем кормимся». Сколько ни просил, так-таки фунта не прибавил. У старосты был, тот и слушать не хочет. Что ты будешь делать с такими кровопивцами?

Матвей слушал Мартына, чувствуя, как сердце наливается злобой, и вдруг вскочил.

— Пойдем к Демьяну!

Ему давно хотелось встретиться Демьяна лицом к лицу, но тот всячески избегал этого. Матвей понимал, что Демьян продолжает ненавидеть и бояться его. На это он и рассчитывал, вступаясь за Мартына.

Через несколько минут они подходили к дому Штыкова. Первой их заметила мать Демьяна и, должно быть, предупредила сына. За окном мелькнуло испуганное лицо Демьяна. Он встретил гостей на крыльце почтительным псклоном.

— А, Матвей Захарыч, Мартын Дементыч, милости просим! — загнусавил Демьян, стараясь изобразить приветливость на лице.

— Грушка! Принеси из горницы стулья! — сказал он девке-работнице, когда Матвей и Мартын вслед за ним вошли в прихожую, передний угол которой был заставлен иконами.

Девка принесла табуретки.

— Стулья неси! — крикнул Демьян.

Девка бросилась в горницу. Мартын толкнул в бок Матвея: «Вот, дескать, с каким почетом нас принимают».

Короткий, почти квадратный в груди, Демьян засуетился, двигая стулья и стараясь не встречаться с колю-

чими зрачками Матвеевых голубых глаз. Разговор завязался сразу.

— Нам сидеть, Демьян, некогда. Не крутись юлой,— проговорил Матвей жестким голосом.

Догадавшись, что мужики настроены решительно, Демьян засуетился еще больше.

— Чайку выпьем, водочка с масленой осталась. Великим постом не пью, да уж с такими гостями... Грушка! Поставь самовар.

Но вместо ответа на приглашение Матвей сказал тем же неприветливым, жестким голосом:

— Ты что же, Демьян, мужика обсчитываешь? Что он, за спасибо тебе работал?

Демьян поднял руки.

— С какой стати, Захарыч! Али я нехрещеный? Честь по чести рассчитались. Я, видишь, толковал, не обождет ли он до нового урожая. А ты, Мартын, ябедник! — Голос Демьяна вдруг зазвучал по-хозяйски желчно и зло.

Мартын стукнул костылем.

— Тебе, Демьян, можно не ябедничать. У тебя на дворе чего-чего нет! А все нашими руками добыто.

Демьян позеленел от гнева и прошептал со злостью:

— Приезжай на коне. Так и быть, все отдам.

Обрадованный таким оборотом дела, Мартын в тот же час взял у Матвея лошадь и поехал к Демьяну, чтобы получить вторую половину заработанного хлеба. Не тут-то было. Демьян успел укатить на мельницу. Мартын погнал лошадь туда же. На мельнице Демьян стал при всем народе отчитывать инвалида за «неблагодарность». Мартын сначала сдерживался, молчал, потом стал отвечать, и, слово за слово, возникла ссора. Когда же Демьян издевательски предложил (уж так и быть, ради Христа) отвесить еще пудика два муки вдобавок к полученному, Мартын, бледный, с трясущейся губой, вышел к помольщикам, съехавшимся из разных деревень, и обратился к ним с речью:

— Мужики, помогите правду отстоять у живоглота! Заработанное не отдает, измывается... А что я могу с ним сделать? Я, вот видите,— он показал на деревяшку, прикрепленную к обрубку ноги, и покачулся,— половину себя на фронте оставил, а он тут наживался да брюхо себе наращивал...

Некоторые из помольщиков встречали Мартына на мельнице, видели, как добросовестно он работал. И все они не раз кляли Демьяна, дравшего с них за помол по восьми фунтов с пуда, да еще и старавшегося обсчитать, обвесить, за жадобу ненасытную. Мужики вступились за инвалида, и Демьян, боясь, как бы не получилось чего недоброго, вынужден был отвесить все, что причиталось Мартыну,— до последнего фунтика.

«Вот оно как миром-то! Прав оказался Матвей»,— думал Мартын, возвращаясь в село, и улыбался: на санях у него лежало два с половиной куля муки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Всю вторую половину зимы Матвей безвыездно провёл дома. Чинил хомуты, ладил соху, борону, готовился к трудной весне, к подъёму пашни на целинном участке. Даже дед Фишка заразился горячкой этой подготовки и тоже суетился по двору. Анна смотрела на Матвея и удовлетворенно думала:

«За ум взялся мужик».

Но мысли у Матвея были невеселые. Сельчане, бывавшие в городе, привозили вести одну страшнее другой: будто главный царский министр отдал приказ расстреливать всех, кто идет против царя, и патронов не жалеть; будто по сибирской чугунке едет генерал-каратель и со всеми забастовщиками расправляется беспощадно — кого казнит, кого на каторгу отправляет; будто судьи теперь из одних генералов да офицеров и судят они прямо в поле,—оттого и называются «полевые»,— тут же судят, тут и расстреливают. Говорили еще, что в городе рабочие подняли восстание и хотели установить свою рабочую власть, да ничего не вышло из этого,— казаков и войска понагнали в город. Несколько дней и ночей будто шел кровавый бой на улицах.

Хотелось Матвею побывать в городе, самому все разузнать, и придумывал он для этого всяческие предлоги, но Анна, достаточно было ему заикнуться об этом, поднимала против него весь дом.

— Куда ехать? На смерть? Времена-то какие! — в один голос твердили и Анна и Агафья.

В самое половодье, когда весна катила по оврагам и буеракам бурные потоки воды, к Строговым появился из города никем не жданный гость.

Темной апрельской ночью по тракту к Волчьим Ногам, хлюпая по лужам, пробирался человек. Ноги его вязли в грязи и скользили. Он шел, опираясь на палку, мокрый и уставший.

Войдя в село, он подошел к ближней избе, постучал палкой и, когда из-за окна отозвались, спросил:

— Скажи, хозяин, где живет здесь Матвей Строгов?

— А иди до горы прямо. Там неподалеку от церкви увидишь старый пятистенный домишко. В нем и живет.

Человек поблагодарил полусонного хозяина и пошел, палкой отбиваясь от рычавших собак.

Возле дома Матвея он постоял немного, о чем-то подумал, потом подошел к окну, но быстро вернулся и вошел во двор. Тут он долго бродил, отыскивая крыльцо. Во дворе было еще темнее, чем на улице. Наконец он нащупал веревочку от щеколды и дернул. Со свистом открылась внутренняя дверь.

— Кто там? — спросила Агафья.

— Строгов здесь живет? — спросил человек за дверью, по голосу уже узнав Агафью.

— Тут, тут живет Строгов. А кто это?

— Открывай, тетушка Агафья. Это я, Беляев.

— Батюшки светы! Тарас Семенович! — воскликнула Агафья и, не открывая дверь сеней, бросилась обратно в дом.

— Матюша! Нюра! Фишка! Вставайте скорее, Тарас Семеныч приехал! — зажигая восковую свечку, кричала Агафья.

И, вспомнив, что дверь она не открыла и Беляев продолжает стоять на крыльце, она, по-старушечьи шаркая ногами, заторопилась в сени.

Беляев вошел в прихожую — большой, мокрый. Высокие сапоги его были в грязи, брюки, тужурка, черный картуз набухли водой. По крупному морщинистому лицу текли струйки, а на ресницах блестели дождевики.

Агафья по-матерински ласково обняла Беляева и бросилась к самовару. Дед Фишка в одних нижних шароварах стал помогать Беляеву снимать мокрую одежду.

Матвей, заспанный, взволнованно пожал Беляеву руку и, не зная, о чем говорить, смущенно улыбался. Анна вышла из горницы позже всех, приветливо, но сдержанно поздоровалась с гостем и ушла в куть помогать Агафье. Простота Беляева подкупала ее, но все же некстати явился гость. Своих дел было по горло.

Суматоха в доме разбудила и Артемку. Он вскочил с постели и вышел посмотреть, что случилось. Увидев Тараса Семеновича, он узнал его, застеснялся, хотел уйти обратно в горницу, но Агафья удержала его.

— Иди, сынок, поздоровайся с дядей Тарасом. Помнишь, как он тебе сказки рассказывал?

Артемка подошел к Беляеву, подал руку. Тарас Семенович обнял мальчугана, погладил его по голове.

— Вот, брат, какой ты большой стал!

— Скоро пахать с отцом поедет,— проговорила Анна, довольная вниманием, которое Беляев оказывает ее сыну.

За чаем Агафья, Матвей и дед Фишка рассказали Беляеву о смерти Захара, о гибели пчелы, о Зимовском, крепко осевшем в Юксинской тайге.

— А я вначале на пасеку было направился,— проговорился Беляев.— Да потом дай, думаю, спрошу на всякий случай у мужиков. Знают, наверное. По дороге встретил одного новосела, он мне и сказал, что на пасеке какой-то приказчик Кузьмина обосновался.

— А ты, Тарас Семеныч, на охоту? — спросила Агафья.

— Да. Решил опять побродить с ружьем,— ответил Беляев, незаметно подмигивая Матвею.

После чая Анна с Артемкой ушли в горницу, Агафья залезла на печь, а дед Фишка на полати.

Матвей задул свечку, они с Беляевым сидели в темноте у окна, разговаривая шепотом.

— Ты откуда и куда, Тарас Семеныч?

— Из города. Думаю тут у вас среди крестьян поработать. Ленин наказывает братья за это всерьез.

— Вот хорошо-то! Невмоготу мужикам становиться. Ну, как ты тогда, после побега, добрался до Урала?

— Почти целый год там работал. Да вот послали меня опять в ваши края. По селам похожу, посмотрю, чем дышат мужики. Слышал, что в городе-то творилось?

— Толком ничего не знаю, Тарас Семеныч,— признался Матвей.

Беляев коротко рассказал о последних событиях.

— Про Антона Топилкина ничего не слышал? — спросил Матвей.

— Как же, все знаю. Он в Нарыме, в ссылке. Совсем недавно отправили.

— А Соколовская Ольга Львовна где?

— Ее, говорят, по Енисею за Полярный круг загнали.

— Крепко.

— Да разве этим задавишь революцию? Океан, Захарыч, не вычерпаешь ничем.

Они проговорили до утра, а утром Матвей запряг лошадей и увез Тараса Семеновича к себе на поля.

2

В соломенном шалаше-балагане, прямо на земле, кружком сидели: Матвей Строгов, инвалид Мартын Горбачев, старик Иван Топилкин, сослуживцы Матвея по действительной Кузьма Сурков, Архип Хромов, Захар Пьянков — брат Ермолая, погибшего на русско-японской, и еще человек десять.

Мужики жгли самокрутки, неторопливо разговаривали о своей жизни.

Беляев полулежал в углу балагана. Умными глазами он смотрел на мужиков, внимательно прислушивался к их разговору. Потом заговорил сам. Рассказал о жизни рабочих, о последних событиях в стране.

— Вот потому-то рабочие в городах,— продолжал он,— и поднялись на революцию. Не было у них другого пути. Всячески бились они, ища выхода из этой проклятой жизни: просили, требовали, бастовали, самому царю жалобу хотели подать, а в ответ получали только казацкие нагайки, полицейские пули да каторжную тюрьму. И не могло быть иначе, потому что законы, власти и суд в нашем государстве всегда на стороне фабрикантов, помещиков, самых зажиточных крестьян. Стало быть, нет для нас другого выхода, кроме борьбы против такой вла-

сти, пока своего не добьемся. А как бороться? Много думали над этим умные люди из самых лучших друзей рабочего класса и вашего брата, крестьян, и решили: всем народом надо подняться. Против народа никакая власть не устоит. А кто составляет большинство народа? Это вот вы, мужики, да мы, рабочие.

Беляев приостановился, обвел пытливym взглядом своих слушателей, прежде чем сделать окончательный вывод, и сказал:

— Выходит, что рабочему и крестьянину одна в жизни дорога: бороться за новые законы и порядки в нашей стране. А вот находятся люди, которые говорят, что никогда мужик не пойдет вместе с рабочим. И нам это очень нужно знать теперь, когда для рабочих-революционеров наступили тяжелые дни. Может, вы, мужики, не в пример рабочим, живете лучше, может, и впрямь вам нет никакого расчета ввязываться в борьбу? Давайте-ка вот откровенно, по душам, поговорим об этом.

Все зашевелились, заговорили вразнобой, перебивая друг друга:

— Худо живем, что и говорить!

— Надо бы хуже, да некуда!

— Последнего телка за подати тянут!

— Подати — еще не все! Свои живоглоты кабалой задавили.

— Работаешь будто на себя, а подсчитаешь, выходит — на Евдокима Юткина.

Разноголосый шум продолжался до тех пор, пока Матвей Строгов не приостановил его:

— Давайте, мужики, говорить по очереди, что ль. А то у нас, как у баб... Ну, Мартын, начинай, говори.

Схватившись за костыли, Мартын стал подыматься на ноги. Мужики замахали на него руками.

— Сиди, Мартын, чай не перед миром шапку ломать.

Мартын сел на солому, заговорил:

— Моя жизнь, мужики, вся у вас на виду. Всю жизнь бьюсь, а из нужды не вылажу. Когда война с японцами началась, говорили: вот отвоюем — и будет народу облегчение в жизни. Ну вот, отвоевали. Где же это облегчение? Конечно, кое для кого не только облегчало, совсем

даже легко стало жить. Вся работенка — долги взыскивай да барыши подсчитывай, спи до отвала да пузо отращивай. Погляди-ка вон на Демьяна. Раздулся за войну, вонючий клоп! А наш брат опять голодай. Положили на этой войне народу тыщи. За кого? За царя? А что мне от него проку?! Ногу вот отняли, а платят за нее копейки. Был у нас в роте один фабричный из Москвы, Максимов по фамилии, так он мне прямо говорил: «Ты, Мартын, как ни воюй, ничего для своей мужицкой жизни не навоюешь!» И правда его вышла: живоглоты и раньше на нашем поте жирели, а теперь последнюю кровь сосут. Я так думаю, мужики, — закончил Мартын, — без борьбы нам эту постылую жизнь не перевернуть. Зовут нас фабричные к себе, в одну шеренгу с ними, стало быть, встать. Правильно! Всем миром будем держаться — никто против нас не устоит. Я хоть и на одной ноге, а еще повоюю за новую жизнь!

От слов Мартына Горбачева еще больше заволновались мужики.

Просидели они в балагане у Матвея до потемок. Каждый говорил по два-три раза.

Еще когда только мужики начали собираться в балаган, Матвей наказал деду Фишке выйти и посматривать — не появится ли на полях какой-нибудь ненужный человек. Дед Фишка вначале не понял — зачем это надо, а когда Матвей шепнул ему, что Беляев из беглых, старик проворно выскочил из балагана и зоркими охотничьими глазами стал озирать поля.

Всю беседу Беляева с мужиками он выслушал, привалившись к соломенной стенке балагана.

3

Из года в год в Волчьих Норах нового урожая ждали, как избавления от голода.

Старые пашни, никогда не отдохавшие от посевов, быстро истощались, а разрабатывать новые было не легко.

Первый обмолот приходилось начинать, когда хлеб еще зеленоват, зерно не вызрело и крепко держалось в колосе.

Евдоким Юткин и Демьян Штычков сами выезжали

на мельницу. Мужиков они встречали, как дорогих гостей, на плотине возле моста. За размол одного пуда ржи оставляли в своем закроме восемь, а то и десять фунтов муки. Мужики ругали Евдокима с Демьяном на чем свет стоит, а на мельницу все-таки ехали. Но в этом году, в самый разгар страды, подвоз на мельницу вдруг прекратился. Не зная, что и предположить, Евдоким послал Демьяна разузнать, в чем дело.

Демьян долго бродил по селу. Улицы пустовали, и только старики и старухи с малыми ребятишками стояли избы и дворы. Демьян собрался ехать обратно на мельницу, ничего не узнав, но увидел в окне Анну Строгову.

Уже темнело. Анна сидела у раскрытого окна и что-то толкла в чугунной ступе тяжелым пестом. Дома, очевидно, никого, кроме нее, не было.

Демьян воровски оглянулся и юркнул в калитку.

Когда он появился на пороге, Анна вскочила, испугавшись. Демьян несмело поздоровался. Пригласив, ради приличия, гостя присесть, Анна снова взялась за работу.

Крепкий и тяжелый, как сукастый лиственничный кряж, Демьян не спеша опустился, придерживаясь за стол короткопалой рукой.

— Ты что толчешь, Анна Евдокимовна?

— Смешно сказать, муку на квашню готовлю. Да разве я одна? Все бабы этой нуждой мучаются.— Она хотела засмеяться, но в уголках ее глаз блеснули слезинки, и она, скрывая их, наклонила голову.

Демьян широко расставил ноги и, упираясь руками в колени, проговорил:

— Чудаки! Пошто на мельницу-то не едете? Ай родной отец не мельник?

— А это уж ты говори с нашими мужиками. Сами не едут и нас не пускают.

— Отчего?

— Не хитри, Демьян, будто не знаешь? За помол дорого берете. Вы с моим батей тоже... Вместо сердец-то жернова в себе носите. Нет чтоб народу подешевле уступить. Все так и порешили: будем зерно в ступе толочь, а обирать себя не дадим.

Демьян по-бабьи всплеснул руками: экая прыть появилась у волченорских мужиков!

— Приедут! Куда им деваться,— засмеялся он и, благодарный за то, что Анна ему сказала, проговорил:— Брось, Нюра! Я тебе сегодня же ночью мешок муки при-тащу.

Анна решительно замахала руками.

— И не думай, Демьян! Матюша наказывал даже у бати ни одного фунта займа не брать.

— Я тебе не займа — так, без отдачи дам. Эх! Картина ты моя любезная! — Демьян вскочил с табуретки, вплотную подошел к Анне и зашептал: — Ты за меня, Нюра, держись. За меня! Матюха твой, мужицкий заводила, скоро без штанов останется. За меня держись...

«Господи, да он опять за старое! За семена раз хотел купить, теперь за муку», — подумала Анна.

Чувствуя, что задыхается от крутого запаха пропотевшей Демьяновой рубахи, она вскочила, толкнула его и крикнула:

— В любовницы покупаешь? Не продажная!

В этот толчок было вложено столько скрытой силы, столько в нем было ярости, что тяжелый, кражистый Демьян полетел на середину прихожей и растянулся на полу.

Первый раз в жизни Демьян видел Анну такой. Страшна и необузданна была она в гневе. Боясь, что она может запустить в него чугунным пестом, он попятился к порогу. Анну трясло, точно в лихорадке. Щеки ее пылали, и тонкие губы вздрагивали.

— Я пошутил, Нюра. Свят бог, пошутил,— робко начал оправдываться Демьян.

— Пошутил! — вскрикнула Анна.— А с Устинькой тоже шутил? Ксюху сильничал — тоже шутил? Топилкиных разорил — тоже шутил? Эх, да что там! От твоих шуток людям петля!

Демьян стоял обескураженный и думал только о том, как бы выручить свой картуз и уйти подобру-поздорову. Но Анна продолжала кричать:

— Мартына Горбачева кто по миру пустил? Ты! За семена кто купить меня собирался? Ты! Ты враг мне по гроб моей жизни. Иди!

Анна рванулась к ступе, намереваясь взяться за работу. Демьяну показалось, что она сейчас схватит чугунный пест и бросится на него.

Он поспешно толкнул дверь и выбежал во двор. Анна взяла с лавки Демьянов картуз, подойдя к окну, крикнула:

— Картуз, хозяин, прими!

Картуз упал на землю и покатился, словно колесо, под гору. Демьян как-то по-старчески затрусил вслед за ним, неловко пытаясь короткой, толстой ногой придержать его.

Анна, захлопнув окно, снова взялась за пест.

Однако работать она уже не могла. Руки ее дрожали. Она отложила пест и зачем-то пошла в горницу, быстро вернулась, но в ту же минуту опять направилась туда.

Не находя себе места, она ходила взад и вперед по дому, сама того не замечая.

«И как это раньше тянуло меня к Демьяну? — думала Анна.— Всю жизнь он надо мной изгалялся, а я ровно слепая была. Матюшу хотел убить, пять лет без него проходу не давал, богатством соблазнял».

Испытывая новый прилив ненависти к Демьяну и чувствуя, как вместо покоя ее охватывает еще большее волнение, она подошла к рукомойнику и, обливая водой голову, сердито ворчала:

— Тоже бунтовщики! Прячутся по полям. Разнесли бы давно мельничные амбары, да и поделили все.

Намочив волосы, она долго протирала их, а потом подошла к зеленому ящику, обитому полосками белой жести, большим ключом со звоном открыла замок и долго любовно перебирала холщовое белье Матвея, про себя соображая что-то.

Ночью Анна испекла хлеба из крупной серой муки и на рассвете, сложив горячие ковриги и смену белья для Матвея в мешок, ушла на поля.

4

И вот снова наступили ясные дни бабьего лета.

Как-то рано утром Агафья, подоив коров и разлив молоко по крынкам, вышла во двор бросить курам овса.

Во дворе на огороде лежал ослепляющий своей белизной иней. Солнце уже поднялось, но лучи его почти не согревали землю.

Сверху донеслось протяжное, жалобное курлыканье. Агафья подняла голову, всмотрелась в синеву неба. Там, в ясной вышине, тянулась на юг длинная вереница журавлей.

«Умная птица, какие пути-дороженьки знает! Не то что кура какая-нибудь», — подумала Агафья и направилась к курятнику.

Дощатый курятник стоял под навесом. Агафья открыла дверцы. На привычное: «цы-пы, цы-пы» вышло с десятков кур, каких-то квёлых, всклокоченных, нахохлившихся, как перед бурей. Петуха не было, бойкая пеструшка, любимица Агафьи, не выскочила первой с громким кудахтаньем.

«Что за чудо такое?» — с беспокойством подумала Агафья и, нагнувшись, заглянула в курятник.

Петух и пеструшка лежали в уголке полуощипанные и растерзанные. Агафья, взволнованная гибелью кур, побежала в дом, еще со двора крикнула:

— Фишка! Где ты, лешак, запропастился? Фишка!

Дед Фишка выскочил на крыльцо в чем был: в нательной рубаше, в шароварах, в чирках Анны.

— Иди-ка, иди, загляни в курятник!

Мелкой рысью дед Фишка подбежал к месту происшествия, вытащил задушенных кур, осмотрел их, несколько раз обошел вокруг курятника, во что-то вглядываясь, и пустился в пляс.

Агафья стояла и не верила своим глазам. Одно было ей ясно: рехнулся старик умом, а в конце жизни вряд ли это поправимо.

— Агаша, сеструха, будет добыча! — перестав плясать, воскликнул дед Фишка. — Куриц твоих задавил, нычит, колонок. Следы его. Знать, не зря говорили, будто урожайно этим летом на Юксе. Видишь, зверь из других краев на Юксу идет. Колонок этот перебежчик, истинный бог, так! Пойду-ка разбужу Матюшу, обсказать надоть.

Придерживая рукой шаровары, старик заторопился в избу. Но печальный вид сестры остановил его. Он подошел к ней и, похлопав ее по плечу, проговорил с чувством:

— Об курах, Агаша, не горюй дюже. Бог даст, добуду нынче пушнины, и тогда, вот тебе крест, сам поеду в город и привезу тебе голанскую курицу и голанского

петуха. Сказывают люди, будто голанские куры несут яйца никак не меньше моего кулака.

Заметив недоверие на лице сестры, дед Фишка захотел во что бы то ни стало убедить ее.

— Ты, поди, скажешь, что я сам это придумал? Ей-богу, Агаша, все до единого слова — правда! Заморские люди эти голаны. По всему видно — башковитый народ. Вишь, каких курей развели! Да что там куры! Матюша надясь читал книгу, и говорится в ней, будто из всех китов что ни на есть самый большущий кит — голанский. Не веришь? Сходи спроси сына. Матюша попусту вычитывать не станет. И, скажи, какая детина вырастет?! Видно, эти голаны сами народ крупный, раз такой ядреный скот развели.

Агафья покачала головой и пошла к курятнику, добродушно ворча:

— Ох, Фишка, и болтлив же ты! С тобой и в беде долго не наплачешь.

Старику тоже больше не терпелось. Наступая на завязки Анниных чирков и спотыкаясь, он поспешно взбежал на крыльцо и скрылся за дверью.

Дня через три после появления колонка во дворе Строговых подтвердились слова деда Фишки о движении зверя в Юксинскую тайгу. Артемке на охоте в березнике удалось поймать в силочку белку. Дед Фишка радовался больше Артемки. Вытащив белку из Артемкиной шапки, он крутил ее перед лицами Анны и Агафьи и говорил Матвею:

— Идет зверь, Матюша, идет! Видишь, белка не наших краев, чернявая. С гор белка. В тайгу надо скорее, Матюша! Ни клепа мы тут с бабами не высидим.

Надо было немедленно отправиться в тайгу. И тогда-то выяснилось самое печальное для деда Фишки. Несделанной работы по хозяйству оказалось столько, что уходить Матвею из дому было никак нельзя. Старик пошел в тайгу один. Прощаясь у ворот с Матвеем, он, глядя куда-то в сторону, сказал:

— Черти ее уходи, нужду эту! Так, видно, и сдохнешь с ней. Не думал, не гадал я, Матюша, что на старости лет буду ходить на Юксу один. Эха-ха, не жизнь — грош ломаный! — И заплакал.

Матвей стоял, понуря голову, и молча смотрел на свой покосившийся домишко. Дед Фишка потоптался немно-

го, вскинул за плечи сумку и пошел, слегка покачиваясь от ее тяжести.

Дорогой о многом старик передумал. С думой шагало легче. Тяжесть ноши забывалась, и путь-дорога не казалась изнуряюще нескончаемой.

Когда дорога раздвоилась, дед Фишка остановился в нерешительности, потом вдруг зашагал по направлению к Сергеву. Совершенно неожиданно захотелось ему своими глазами посмотреть, каков стал Степан Иванович Зимовской.

К Сергеву дед Фишка приближался в полдень. День был воскресный. У амбаров толпилась молодежь. До старика донесся звонкий девичий голос:

Ах, не скажу, кого люблю,
Не покажу, которого,
Их в семье четыре брата,
Люблю чернобрового.

Потом грубым голосом начал петь парень:

Моя милочка красива,
Только носик короток,
Восемь курочек усядется,
Девятый петушок.

Толпа от восторга зашумела, заколыхалась. Вспомнив свою молодость, заулыбался и дед Фишка. Видимо, так бывает во все времена жизни: у всех поколений в молодости находились свои весельчаки, вот такие же, как этот парень-заводи́ла. И не он ли, Фишка Теченин, в далекие годы был неустанным зачинщиком веселья на всех деревенских игрищах?

«Токует молодняк. Токуйте, милые. Оттокуете свое — и на покой», — подумал старик и хотел было пройти мимо молодежи не задерживаясь.

Но гармонист играл так залихватски, с такими искусными переборами, что старик не удержался от соблазна послушать.

— Ах, варначина, выделяет как! — проговорил вслух дед Фишка, подходя к толпе.

Но никто не обратил на него внимания. Мало ли теперь бродило тут народу за покупками в лавку Зимовского?

Дед Фишка приподнялся на носки, взглянул на гармониста и от удивления даже присвистнул. Склонив голову набок, на гармони играл сын Зимовского — Егорка.

«Ишь ты, гармошку сыну завел, знать и впрямь капиталец имеет», — подумал дед Фишка про Зимовского и протолкался вперед посмотреть, хороша ли гармошка. Егорка сидел на клети амбара, в сапогах с калошами, в суконных брюках, в теплой и мягкой рубашке-верхнице, опоясанной шелковым крученым пояском.

Когда Егорка увидел деда Фишку, гармонь в его руках дрогнула.

— Ну и мастер, Егорушка! — искренне похвалил гармониста дед Фишка.

Егорка просиял. Оробел он по привычке. Овладев собой, он еще шире раздвинул красные мехи своей гармонии, а дед Фишка вдруг почувствовал, как холодные мурашки поползли по его спине: шелковый крученый пояс на Егорке принадлежал когда-то Захару.

Однажды, собираясь к обедне, Захар пожаловался, что нитка у кисти пояса порвалась и он начал расплетаться. Тогда же дед Фишка взял пояс, нашел в столешнице, где лежали охотничьи припасы, тонкую медную проволочку, замотал ею узелок и, подавая пояс Захару, сказал: «Теперь, Захарка, до самой смерти не износишь». Вскоре после этого Захар поехал в город и не вернулся.

Вспомнив все это, дрожа всем телом, дед Фишка опустился на клеть амбара рядом с Егоркой. Изогнувшись, гармонист старался изо всех сил. Крепкими ногами девки вколачивали в землю жалкие остатки увядшей травы. Русый кудрявый парень по-петушиному носился вокруг девок, выкрикивая какие-то смешные слова. Дед Фишка не слушал его. Скосив глаза, из-под мохнатых бровей он смотрел на Егорку. Когда Егорка отвернулся, он схватил конец шелкового крученого пояса и ощупал его. Сомнений больше не оставалось никаких: пояс принадлежал Захару. Дед Фишка поднялся и, протолкавшись сквозь толпу, тихо побрел от амбаров.

Старик шел и думал: что же делать теперь? Через несколько минут его нагнала толпа молодежи. Дед Фишка отступил с дороги, и парни, возглавляемые кудрявым молодцом, прошли мимо него. Возле дома Зимовского толпа остановилась. Егорка сомкнул гармонь и, отбиваясь от упрашивающих его парней, пошел домой.

Дед Фишка решился. Едва Егорка вошел во двор, как за спиной его раздался голос старика:

— Папашка-то дома, Егорушка? Дома? Вот и хорошо! Дело у меня к нему есть.

Егорка легко взбежал на многоступенчатое резное крыльцо. Дед Фишка не отставал от него.

В доме было тихо и пусто. Зимовский сидел в переднем углу, под иконами, за тяжелым лиственничным столом и сосредоточенно что-то подсчитывал на больших счетах. Не видя, что Егорка пришел не один, он продолжал щелкать костяшками, бурча себе под нос:

— Десять по гривеннику будет рупь. Раз! Десять гривен — будет тридцать...

«Захарову кровь подсчитываешь, антихрист!» — подумал дед Фишка, дрожа от негодования. Ему хотелось снять с плеча ружье и пальнуть из него в ненавистного человека.

— Тять, чего ж ты гостя не встречаешь? — сказал Егорка, выходя из горницы уже без гармошки.

Зимовской поднял голову, взглянул на деда Фишку и проговорил озабоченно:

— Садись, Данилыч. Егорка, сходи на огород, позови мать.

Егорка направился к двери, но дед Фишка цепко схватил его за плечо и остановил. Сдернув с него шелковый пояс, старик собрал его на ладони и, уничтожающе глядя на Зимовского, дрожа от волнения и еле сдерживаемого негодования, заговорил:

— Поясок-то Захаров, Степан Иваныч! Ты, поди, думал: не узнается это грешное дело, убивец?!

Бледный, дрожащий от страха Зимовской встал, сделал шаг из-за стола и зашатался.

— Данилыч! — всхлипнув, крикнул он и упал к ногам деда Фишки. — Не... губи, не... не разоряй нас... По гроб жизни рабом твоим буду... В пай в юксинское дело приму...

Испуганный Егорка опрометью бросился за матерью.

Когда он возвратился с Василисой, Зимовской по-прежнему стоял на коленях и, как на исповеди перед священником, рассказывал старику об убийстве Захара.

Василиса с брезгливостью посмотрела на своего безвольного мужа, вымаливающего у старика пощаду, оки-

нула взглядом избу и увидела у печки тяжелый топор-колун. Схватив его, она крикнула деду Фишке:

— Уходи отсюда, леший! Не виноват Степа, не виноват! Околдовал ты его! Наговаривает он на себя!

— Васа, не тронь его! Не скрывать от него правды,— со стоном проговорил Зимовской, не поднимаясь с колен.

Топнув ногой, Василиса со всего размаху ударила мужа по лицу и двинулась с топором на деда Фишку. Тот проворно отскочил к двери и, сорвав с плеча ружье, закричал:

— Ну, тронь, тронь! Трахну — и нет тебя!.. Туша! Мешок с дерьмом!

Василиса оторопела, но только на одну секунду. Потрясая колуном, молча, с горящими, как у волчицы, глазами, она сделала еще шаг к двери. Опасаясь больше всего за себя, за то, что он может не вытерпеть и выстрелить, дед Фишка выбежал за дверь и почти скатился с высокого крыльца. Василиса вслед ему запустила топор. Грохоча по ступенькам, колун нагнал деда Фишку и топором ударил его по ногам.

Выскочив во двор, дед Фишка быстро захлопнул за собой калитку и, подняв щеколду, засунул в петельку щепку. Потом через огороды он выбрался к лесу и, опасаясь погони Зимовских, пошел стороной от дороги.

5

В Волчьих Норах дед Фишка пришел под утро, в тот час, когда стоит звенящая тишина и спят даже чуткие сторожевые псы.

Агафья, выйдя на стук, несколько раз переспрашивала, кто за дверью. Не верилось, что брат, все лето только и думавший о тайге, мог вернуться так скоро.

— Засвети-ка скорее лампу, Агаша, да разбуди Матюшу с Нюрой,— входя в избу, тихо, чтобы не разбудить детей, сказал дед Фишка.

— Ай что опять случилось в тайге? — спросила Агафья, зажигая лампу.

— Случилось... такое...— дрогнувшим голосом заговорил дед Фишка, опускаясь на лавку, и вдруг рассердился: — Да что ты стоишь? Буди, тебе говорят, скорее!

Взглянув при огне на брата, Агафья поняла, что пришел он не с пустой вестью, и заторопилась в горницу поднимать Матвея и Анну.

Когда все трое вышли из горницы, дед Фишка вытащил из-за пазухи крученный шелковый пояс и, бросив его на стол, спросил:

— Признаете?

Анна с испугом прошептала:

— Господи, батин пояс!

Матвей и Агафья нагнулись над столом и долго рассматривали пояс, не дотрагиваясь до него руками.

Дед Фишка помедлил несколько секунд и рассказал обо всем, что произошло в Сергее. После его рассказа наступило тягостное молчание... Как живой вспомнился Захар, погибший от рук знакомых людей. Матвей нахмурился, Агафья притихла, ссутулилась. Первой заговорила Анна. Вытирая уголком головного платка слезы, она задумчиво сказала:

— Когда сгинул батя, чудилось мне, что убили его свои люди. Никому я об этом не говорила, а думка такая в голове была. Дело прошлое, грех таиться, думала я тогда — ты прости меня, мама,— не Влас ли кого подговорил? Был батя в городе с воском, возвращался с деньгами. Теперь каюсь — не то думала... Дядя тут о суде вел речь. Не будет нам от суда проку. Зимовские задарят судей, а мы останемся ни с чем. А на мой згад так: поезжай, Матюша, к Зимовскому, припугни, его, а коня, деньги, вещи, какие при бате были, пусть отдаст. Чего ради нашему добру пропадать?.. А батю так мне, жалко, так жалко, что слов моих нету...

Анна заплакала навзрыд. И вновь наступило тягостное молчание.

— Что с возу упало, то пропало,— проговорил наконец Матвей, барабанив длинными пальцами по столу.— К Зимовскому я не поеду и торговаться с ним, дави его черти, не стану. А вот попьем чаю, запрежем коня — и поедем мы с дядей в Жирово, к уряднику. Пусть Зимовских по тюрьмам потаскают. Может, жирок-то с Васы спадет,

да и народу, гляди, облегчение выйдет, станет одним кровопивцем меньше. Так, что ли, мама?

— На это нет тебе, сынок, моего благословения,— сказала Агафья.— Твой отец и живой-то ни с кем не судился, а ты хочешь после смерти его душу по судам таскать. Не будет этого. Нет, не будет! А насчет того, чтобы ехать по мертвому торговаться, и говорить не стоит. Грешно, Нюра, это делать.

— Ну как же нам быть-то, Агаша? — спросил дед Фишка.

— А так: если бог есть, то от его суда никто не уйдет и он сам покарает убийцу! Прожили мы со стариком жизнь свою честно, чужой хлеб не ели, никому ничего плохого не делали, а коли нам досадили,— значит, судьба такая, значит, рожден человек на муки вечные. Утро настанет — пойду к отцу Аполлинарию и попрошу его отслужить панихиду за упокой раба божия Захара.

Анна и дед Фишка пытались разубедить Агафью, но она осталась в своем решении непреклонной.

На другой день дед Фишка и Матвей, делая вид, что едут на поля, отправились в Жирово, к уряднику.

Дорога в Жирово была не очень длинной, но тряской и утомительной — тянулась через бесчисленные овраги и буераки.

Приехали во второй половине дня. Перед домом волостного правления стояло несколько худых лошадей. У крайней телеги толпилось с десятков мужиков. Один из них крикнул подъезжавшим Матвею и деду Фишке:

— Напрасно торопились, добрые люди! Начальство загуляло, волость на замке.

Дед Фишка хотел выругаться, но, как будто в подтверждение слов мужика, где-то послышался звон бубенцов, песни, и, вылетев из-за угла, мимо волостного правления промчалась пара сытых, крупных лошадей, запряженных в широкую телегу.

На телеге в обнимку сидели волостной старшина, урядник и Степан Иванович Зимовской. На середине телеги, тоже в обнимку, покрасневшая Василиса и урядничиха пьяными голосами горланили песни. Егорка с гармонью, примостившись рядом с ямщиком, разливал по жировским улицам замысловатые переборы.

— Ну, дядя, можно поворачивать обратно. Опережали нас Зимовские,— мрачно проговорил Матвей, когда телега, приостановившись вдали, начала поворачивать к дому волостного старшины.

Дед Фишка развел руками и, обращаясь к мужикам, спросил их с растерянным видом:

— Где же правду искать, мужики?

— Правду? Правда — вон она, дедка, на телеге с гармонью проехала,— отозвался один из мужиков, а другие промолчали, хмуро поглядывая на большой крестовый дом под железной крышей, в котором жил волостной старшина.

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

После трескучих морозов и затяжных буранов несказанно хороши бывают февральские оттепели. Люди знают, что еще не весна, что будут еще не раз стоять над землей неподвижные холодные туманы и бесноваться непроглядные вьюги. И, может быть, потому-то так дороги эти редкие теплые дни.

В полдень начинаются капли. Не часто и как будто нехотя скатываются с крыш первые капли и падают в сугробы нанесенного буранами снега. Они летят до земли медленно, продолговатые, синевато-прозрачные. Вечерами под крышами повисают сосульки. Горящий закат окрашивает их в оранжево-золотистый цвет, и тогда искрятся карнизы домов, отделанные причудливой хрустальной бахромой.

В оттепель Матвей любил бывать в волченорском кедровнике. Кедровник был в пяти верстах от села. Он рос по склонам холмов и берегам едва сочившихся ручейков. Кедры были один к одному, все как на подбор: высокие, сукастые, с мягкой зеленой хвоей. Ветвистые макушки деревьев закрывали небо, и в кедровнике всегда было сумеречно и по-таежному уютно. Верст на десять тянулся кедровник и на редкость был плодоносен. В праздники волченорские мужики и бабы выходили на улицу непременно с орехами. Щелкать семечки в Волчьих Норах считалось последним делом. В других селениях завидовали волченорцам и называли их не иначе, как орешатниками. Да и как не позавидовать! Волченорцы сбывали орех скупщикам, и это заметно увеличивало крестьянские достатки. Особенно выручал орех бедноту.

Кедровник берегли всем народом. Каждый от мала до велика знал: за одну шишку, сбитую не в указанное

время, выведут все семейство виновного на сход, и тогда быть великой беде.

День выхода в кедровник назначали на сходке. Верно, с недавних пор не одни волченорцы были хозяевами кедровника. Уже лет десять на северной опушке живут переселенцы, приехавшие из Курской губернии. Два поселка выстроились в трех верстах один от другого, и волей-неволей пришлось волченорцам уступить часть кедрача новоселам.

С тех пор волченорцы через гонцов сообщали новоселам о дне выхода в кедровник.

Это происходило в последних числах августа. На рассвете раздавались три гулких удара в большой церковный колокол. Пешие и конные волченорцы, обгоняя друг друга, целыми семьями устремлялись в кедровник.

На опушке их встречала стража. Стража состояла из своих, каждого знала в лицо и зорко следила за тем, чтобы кто-нибудь чужой не проник на шишкобой.

Трое суток, с короткими перерывами на ночь, в кедровнике стоял гул. Шишки сбивали, ударяя о стволы кедров барцами — полуторапудовыми листовенничными чурбаками, насаженными на длинные жерди. Потом в кедровнике все стихало до будущего шишкобоя. Осенью по опушке бродили бабы и ребяташки, собирая рыжики, но в глубь кедровника не заходили: там грибы не водились.

В февральские оттепели подтаявший снег опадал с ветвей, и кедровник зеленел по-весеннему ярко и свежо.

Матвей с трудом поднялся на крутой холм. Лыжи, обшитые оленьей шкурой, не держали и скользили назад. Отсюда, с холма, хорошо были видны уходящие к горизонту осинник и березник. Где-то далеко, из-под горы, легким дымком курился новосельческий поселок Ягодный. В лесу было тихо, но вершины кедров шумели нескончаемо и так же убаюкивающе, как в Юксинской тайге.

Матвей остановился, вытащил из кармана брюк кисет и, завертывая сигарку, засмеялся.

— Чудачка! — сказал он вслух, улыбаясь сам себе и поглядывая то на кедровник, то на простирившиеся перед ним бельники.

Час тому назад он повздорил с женой. Увидев, что Матвей вытаскивает из амбара лыжи, Анна спросила:

— Не то в кедровник?

— Туда, Нюра.

— Будто, кроме этого, и дела нет. Снег вон со стайки сбросил бы... корова, того и гляди, в капелях купаться будет.

— Рановато, не весна еще... А денек сегодня отменный. Лесным воздухом подышать захотелось. Лесной я человек, Нюра!

Анна вспылила:

— И для этого день терять? Захотелось — так выйди вон на зады, в бельники, и дыши сколько хочешь.

— О делах я знаю, Нюра. Ох, дела, дела эти! — задумчиво произнес Матвей. — А березник неподходящ для меня. Духу в березе того нет. Вот кедр, сосна, пихта с елкой — другое дело. Приди в крещенские морозы — все равно носом дух смолевой учуешь. Бывало, на Юксе зимой живем с дядей и все таежным запахом наслаждаемся.

Матвей собирался сказать еще что-то такое же восторженное о родной тайге, но Анна перебила его:

— Что ж, от этого таежного духу в твоем кармане прибудет или пестрая телка на двор придет?

— Тьфу, будь ты неладна! — с сердцем проговорил Матвей. — Что же, оттого, что я день дома просижу, у тебя во дворе еще одна телка прибавится?

Анна круто повернулась и ушла в коровник. Через минуту она крикнула оттуда вдогонку мужу:

— Другие мужики не разгуливают без дела, оттого, может, и ломаются у них амбары от добра.

...Теперь Матвей стоял на холме, смотрел на зеленые кедры, на голые прутья берез и, вспоминая разговор с женой, улыбался.

— Чудачка! — повторил он вслух.

Преимущество кедровника перед березником было настолько очевидным, что слова жены о прогулке в бельники показались ему смешными.

Он докурил сигарку, снял из-за спины ружье и, повесив его на плечо, побежал, оставляя за собой широкие лыжни. Спешить было некуда. Но ему хотелось бежать быстро, напряженно, как он бегал когда-то в Юксинской тайге по свежему следу лисицы. Ружье тут тоже почти не требовалось. Люди так старательно опустошили кедровник в дни шишкобоя, что зверям и птицам ничего не оставалось, и они гуртовались в других местах. Правда,

иногда с бельников сюда прилетали поглотать кедровой хвои тетерева, и Матвей надеялся на счастливый случай. Ловко скользя на лыжах между деревьями, он скатился в лог и увидел на одном кедре ворону. Тетерева не попадались, а выстрелить хотелось. Он снял с плеча ружье и привычным движением приложил ложе к плечу. Ворона, распустив крылья, упала на землю, и не стихло еще короткое зимнее эхо, как послышался отдаленный говор людей. Матвей сдвинул черную папаху на затылок и прислушался. В кедровнике зимой редко бывали люди, но они могли тут быть, и этому не следовало удивляться. Матвей торопливо закинул ружье за спину и побежал на говор.

Он ложбиной обогнул лесистый, недоступный холмик и вскоре оказался там, где только что разговаривали люди. Ходили они без лыж, и следы показывали, что было их трое. Сожалея, что людей уже нет, Матвей пошел по их следам. В этакий теплый день приятно было бы встретить здесь кого-нибудь, угостить табачком из своего кисета и завести неторопливый разговор о житье-бытье. Матвей прибавил шагу и быстро выбежал на опушку кедровника, но люди его не ждали. По неторной дороге в сторону Волчьих Нор удалялись легкие сани, и опознать тех, кто ехал, было уже невозможно.

Матвей стоял, думая: «Что они тут делали? Кто это?»

Ничего не решив, он пошел в глубь кедровника. Только спустился под горку, из-под ног выпорхнул косач. Матвей выстрелил влет. Косач упал в снег, недвижим, как черный камень. Матвей подобрал его и, зная, что косачи не летают в одиночку, осмотрелся. Совсем неподалеку от него на высоком кедре сидели еще два косача. Прячась за деревьями, Матвей подкрался к птицам и убил еще одну.

2

Домой Матвей возвращался довольный. Два косача — невелика добыча, а все-таки завтра будет вкусный обед и Анна не станет больше упрекать его за потерянный в хозяйстве день.

Дома оказался гость. На лавке у окна сидел Дениска Юткин. Гость был редкий. С тех пор как Матвей подбил мужиков не возить хлеб на мельницу к Юткиным

и Штычковым, Евдоким запретил своей семье бывать у Строговых.

Дениска сидел в полушубке, но без шапки, всклокоченный и мрачный. Возле него стояли Анна и младшая дочь Маришка.

Не заметив вначале, что Дениска в слезах, Матвей шутиливо проговорил:

— Денис Евдокимыч! Друг ситный, ты как это отважился прийти к нам? Не тайком ли от отца? Смотри отлупит!

— Не страшай, он уже отлупил его,— сказала Анна и, нервно шагая по прихожей, проговорила взволнованно: — На старости лет совсем с ума сходит!

Внимательно посмотрев на Дениску, Матвей понял, что тут не до шуток.

— Ну-ну,— проговорил он больше для себя и, помолчав, спросил Дениску: — За что это он тебя? Ты, кажется, теперь не парнишка, женить, поди, нынче станет.

Дениска отвернулся к окну и сказал срывающимся голосом:

— Нету мне жизни в том доме, Матюша. Извели меня. Еще раз тронет — повешусь... или в работники уйду.

Матвей сел рядом с Дениской, похлопал его по плечу.

— Ты умирать погоди. Это всегда успеется. А насчет того, чтобы уйти в работники... Что ж, это дело. Вижу, Денис, другой ты породы. Не сладить тебе с отцом.

— Верно, Дениска, иди в работники, пострадай бату, небось живо образумится,— посоветовала Анна.— Он раньше и на меня вожжами махал, да я живо его отучила. Убежала раз на поля да целые сутки там и плутала. Перетрусил он, видно, и с тех пор — как рукой сняло.

— Волка ягненком не умилоставишь, его надо за горло брать,— улыбнувшись на слова жены, сказал Матвей.

Анна обиженно сжала губы и промолчала. В словах Матвея была сушая правда.

«Господи, и почему это жизнь так устроена? Чем человек богаче, тем он злее и нелюдимее,— подумала она.— Вот хоть бы батя с Демьяном. О них никто на селе доброго слова не скажет, а уж чего только у них нет, живой воды разве!»

Она вспомнила, что когда-то ей самой очень хотелось иметь всего столько же, сколько у отца, и подумала:

«Неужели и я была бы такая? Нет, я бы с людьми ладила». И тут второй ее внутренний голос опроверг это: «Разве сытый-то разумеет голодного? Сроду так.— Эта мысль показалась ей убедительной, и она, вздохнув, с удовлетворением решила: — Слава богу, что за Демьяна замуж не пошла. Была бы теперь тоже лиходейкой».

— Ты Расскажи-ка Матюше,— обратилась она к Дениске,— из-за чего беда твоя приключилась.

— Тут и рассказывать нечего,— хмурясь и как бы нехотя заговорил Дениска.— Заезжает батя во двор, а с ним Демьян и еще какой-то из городских. Я давал скоту сено. Бросил вилы, бегу коня распрягать. Вижу — все выпивши. Батя вдруг как заорет на меня: «Ты пошто, сучий сын, господину Адамову в ноги не кланяешься! Да знаешь ли, кто это? Благодетель наш». Я говорю: «Батя, может, он и благодетель, а об том нету у него на лбу вывески». Тут он схватил из кошевки кнут и так меня оттузил, что и сейчас больно. Гляди вот, весь полушубок располосовал.

Дениска повернулся к Матвею спиной. Совсем еще новый полушубок в нескольких местах был пробит жестким концом ременного бича, и из дырок торчала серая овечья шерсть.

— Что ж он, этот благодетель-то, не вступился за тебя? — спросил Матвей.

— Сначала стоял в стороне, а потом, видно, жалко стало. Батя совсем озверел. Говорит ему Адамов: «Оставь-те». А батя кричит: «Не потерплю! Научу, как хороших людей почитать». Не вырвись я, не знаю, что и было бы...— закончил Дениска.

— Зверь! Идол! Ох, сил моих нет, а то припомни-ла бы я батю, как он наживал свое богатство,— блестя карими глазами, проговорила Анна.

Матвей изумленно взглянул на жену и подумал:

«Утром корила меня бедностью, ставила в пример богатеев, теперь грозит отцу. Сильно же тебя, милая, из стороны в сторону бросает».

— Ба! Забыл! — воскликнул Матвей и, подойдя к мешку, брошенному вместе с одеждой на ящик, вытащил из него двух косачей.— Ну-ка, Маришка, обихаживай.

Худенькая, кареглазая, похожая смуглостью кожи на мать, Маришка схватила косачей и вприпрыжку убежа-

ла с ними за перегородку. Анна ушла к дочери. Матвей услышал, как она ласково говорила Маришке:

— Вишь, какой у тебя тятяшка хороший. Пошел вот в лес и птиц набил. Небось вон отец Аленки Павельевой не набьет. Не каждый, дочка, к ружью способный.

Матвей опять вспомнил о своей перебранке с женой перед уходом в кедровник и про себя усмехнулся. «Баба не ветер, а на дню семь раз меняется»,— подумал он. Но от слов Анны на душе стало как-то по-особенному тепло и спокойно и захотелось, чтоб и Дениске было так же хорошо.

Сказав Анне, чтобы вскипятила самовар и собирала на стол, Матвей заставил Дениску раздеться, увел в горницу, усадил рядом с собой. Потом, обняв его за плечи, заговорил своим мягким, задушевым, чуть глуховатым голосом:

— Эх, Денис, добрый молодец из тебя вышел, да не ко двору ты, видать, пришелся. Богачи — что? У них сердце каменное. Сначала к чужому горю жалость теряют и стыд перед своей совестью глушат, а там, глядишь, и своих домашних за даровых батраков или за вещь какую-нибудь начинают считать. А ты, парень, сердцем отзывчивый, и жадность богаческая да лиходейство тебя еще не тронули. Вот послушай-ка, какие случаи в жизни бывают с людьми.

И Матвей рассказал о Капке, прачке-дворянке, о графе Яшке Пройди-свет, о том, как отказались они от семьи, от общества, в котором росли, и начали жить по-иному. Дениска слушал внимательно, все более оживлялся. Рассказ произвел на него большое впечатление, и он тотчас же стал упрекать себя в малодушии:

«Да, вот какие бывают люди! А я? Позлюсь, позлюсь — и опять станет жалко покидать отца. А уж не изверг ли? Спина-то все еще от кнута как в огне горит».

— Все это я не зря рассказал тебе, Денис,— помолчав, продолжал Матвей, словно угадывая мысли Дениски.— Тут есть над чем мозгами поворочать. Ты вот говоришь: «В работники пойду»,— а духу хватит? Не будешь потом в ногах у отца валяться да каяться?

— Хватит духу, Матюша! — встрепенувшись, ответил Дениска.— Вот возьму и тоже уйду куда глаза глядят, как те беглецы!

— Ну, те другого поля ягоды,— невольно рассмеявшись, сказал Матвей.— Те весь белый свет пройдут, а правды не сыщут,— не той дорогой, видишь, пошли. А ты свою дорогу ищи! Есть у меня, Денис, дружок один — умный, бывалый человек. Крепко мы с ним подружились и много о жизни разговаривали. «Жизнь, Захарыч,— говорил он мне,— хитрая штука. Не скоро тайну ее раскроешь и не сразу место свое в ней найдешь. Я, говорит, мальчишкой на завод пошел и на каких только фабриках, заводах, промыслах не работал! В России бывал и всю Сибирь от Урала до Ленских золотых приисков прошел, а видел всюду одно и то же: нищету, голь перекатную, несчастных людей, забитых подневольной работой. Посмотришь на такую жизнь — одни слезы, и просвета никакого не видно. И долго мне, говорит, казалось: главная сила в жизни — богатство. Ну как же не сила? Богатому человеку все открыто, все дозволено, на его стороне и власть, и суд, и сам царь. А потом открылось мне другое. Перво-наперво — то, что богачей на свете немного, и закон у них в жизни один: человек человеку — волк. Второе — что большинство народа живет другой жизнью, не этими волчьими порядками, а любовью к человеку. Взять хоть бы нас, говорит, рабочих. Чего нам делить, чего друг другу завидовать? Интерес у нас один, общий. Рано или поздно объединится весь угнетенный рабочий люд, уничтожит волчьи законы и устроит жизнь по-новому, по-человечески».

Матвей остановился, передохнул, заглянул в глаза Дениске, стараясь узнать: понимает ли? Морща лоб и хмурясь, Дениска думал молча. События его собственной немудрящей жизни обернулись к нему другой стороной. Оказывается, не только ему живется тяжело. Где-то далеко есть люди, которые тоже страдают от разных бед. Он попытался представить это, но почему-то в памяти всплыло свое, деревенское, виденное. Филипп Горшков украл в прошлом году ранней весной из клади Демьяна Штычкова десять ржаных снопов. Филиппа с кражей поймали. Демьян заставил его надеть на себя хомут, запрячься в сани, положил на них снопы и прогнал так по всему селу. Пока Филипп шел, сопровождаемый толпой, Демьян ехал на лошади и улюлюкал ему вслед, а детишки Филиппа, ради которых отец решился на кражу, выли,

как по мертвому. Дениска вспомнил, что тогда дома он пожалел Филиппа и был за это бит.

— И вот еще что говорил мне тот человек,— продолжал Матвей.— «Богатство может быть только народным, общим. Если, мол, богаты не все, а только немногие, значит эти немногие — ловкие воры, они обкрадывают народ и живут его кровью и потом. Или, говорит, возьми счастье. Оно может быть только общим, народным. Если, говорит, счастливы одиночки, значит есть какой-то в жизни обман». Так-то вот, браток. Подумай над этим, а уж потом и решай, какой дорогой к счастью идти.

Матвей негромко засмеялся, довольный тем, что сумел складно передать Дениске то, во что сам он верил: человеческое счастье достижимо. Счастье народное, общее возможно.

— А он, человек-то этот, Матюшка, не пророк ли какой? — несмело спросил Дениска.— Сказывают, пророки-то за народ на смерть шли.

Матвей укоризненно покачал головой.

— Каши ты мало ел, Дениска. Пророки больше за веру да за царя языком ратовали. А этот человек за оружие взялся, чтобы новую жизнь народу завоевать. Слышал, как в пятом году рабочие по всей России дрались за это же самое? Ну ладно, пойдем-ка садиться за стол, а то хозяйка вон уж сердиться начинает.

В дверях показался дед Фишка.

— О, сваток! Здорово бывал! — проговорил он, крепко пожимая Денискину руку.— Как сватья Марфа поживает? Дед-то Платон Андреич в добром ли здравии? А батя все возле мельниц хлопочет? Далеко ли он ездил давеча с Демкой Штычковым? Будто от кедровника катили. Или в Ягодном делишки какие завелись? А кто с ними третий-то? Присматривался я и никак не узнал. Глаза, черти их уходи, слабоваты стали.

Дениска пожал плечами.

— Ездили куда-то, а куда, не знаю. Батя не дюже любит о своих делах разговаривать. А третий-то не нашинский, из уезду приехал. Видно, из начальства. Батя перед ним готов на четвереньках ходить. Из-за него вот и мне влетело.

Дениска принялся рассказывать деду Фишке о побоях, а Матвей подошел к русской печи и, привалившись к ней, думал:

«Они или не они в кедровнике были? Три следа. Ну, ясно, что они ходили. Что им там зимой понадобилось? Не думают ли кедрач на порубку извести?..»

— Денис, отец ничего не собирается строить? — спросил Матвей.

— Ничего не слышал. Прошку собирается весной отделить — это знаю. Ну, так дом ему давно уж готов.

Вошла Агафья.

— И куда девался постреленок? — сказала она озабоченно. — Вот сейчас вертелся все тут, у ворот.

— Максимка-то? — спросила Анна, выходя из-за перегородки с большой миской дымящихся щей. — Да он схватил кусок хлеба и опять гулять убежал. А Артема ждать нечего. С утра вон, как отец, на лыжах с ребятами куда-то ушел. Давайте обедать.

Сели за стол. Ели молча, каждый думал о своем. Только Маришка все что-то лепетала о косачах, но ее никто не слушал.

3

Когда цветет черемуха, Волчьи Норы утопают в белизне и медовый аромат наполняет улицы. Белизна так плотна и аромат так густ, что даже в сумеречные весенние ночи, при блеклой луне и легком, порывистом ветре, черемуховые кусты белеют, как прикорнувшие на берегу озера гуси, а терпковатый запах пьянит не хуже, чем в тихий, безветренный полдень.

В эту пору цветения черемухи воскресные дни в Волчьих Норах бывают полны веселья и необыкновенной суеты. У церкви, на поляне, парни и девки водят хороводы. В палисадниках под окнами домов мужики и бабы ведут тягучие разговоры о жизни. Под кручей, по берегам речки, в густых тальниках ребятишки, забыв обо всем, затевают упорные и бескровные войны... Широкие и прямые улицы села пестрят от людей. А небо в те дни льет на землю ласкающий свет, и прозрачная голубизна его бывает притягательна, как глаза первой любимой. Не оттого ли и стар и млад так подолгу смотрят на небо? Не в эти ли минуты человеком ощущается все величие мира и неизъяснимая прелесть того, что названо жизнью?

Строговы не отличались большой набожностью, но в воскресные дни завтракать садились только тогда, когда раздавался колокольный звон. Трапезник Маркел об окончании обедни всегда возвещал селу разудалым звоном во все семь колоколов. Так было и в этот день.

— Нюра, неси шаньги на стол. Слышишь, Маркел «Во саду ли, в огороде» вызванивает,— проговорил Матвей, выходя из горницы.

В кути все уже было наготове, и на столе сейчас же появились самовар и горячие шаньги. Матвей быстро напился чаю, надел праздничную, вышитую шелком рубаху и отправился на село. Там были дела.

Лучисто сияло солнце. Извивавшаяся по лугам речка отливала слюдяным блеском. Быстролетные касатки чертили в воздухе незримые и неразгаданно замысловатые фигуры. За огородами, по склонам холмов, земля так ярко зеленела, что от зелени слепило глаза. Где-то в одном из дворов одинокий гармонист наигрывал несложный мотив и грустно напевал:

Бывало, вспашешь пашенку,
Лошадок уберешь,
А сам тропой знакомою
В заветный дом пойдешь.
Она уж дожидается,
Красавица моя...

Матвей прислушался к пению, улыбнулся: «Бывало, бывало, милый друг. Ты-то еще рано грустишь. А вот я... Пролетела молодость». Вспоминая о прошлом, он дошел до головановского магазина и, когда стал подыматься на крылечко, пожалел, что путь был так короток.

— Захарыч, я к тебе, а ты тут как тут! — проговорил Ефим Пашкеев, появляясь в дверях магазина.

— Что ты, на мне пахать собираешься? — смеясь, спросил Матвей.

— На-ко, читай. Влас поклоны шлет,— проговорил Ефим, подавая Матвею письмо.

Ефим Пашкеев часть своего дома сдавал обществу под земскую квартиру, и почту, доходившую до Волчьих Нор чаще всего с попутчиками, завозили к нему. Матвей принял от Ефима письмо и долго смотрел на синий конверт.

«Неужели от Власа? О чем он будет писать? Просить теперь нечего, а чем-нибудь помочь... Да можно ли ждать этого от него?»

Он разорвал конверт, вытащил оттуда маленький листок бумаги, исписанный крупным почерком.

«Служба, Мирон сказывал, что бывал у тебя. Он теперь сосед мой. Сколько синичка ни летай, а не миновать ей клетки. При его рассказе взгрустнулось мне. Ты-то молодцом! Капля камень долбит. Ну, давай, давай. Реки-то из ручейков собираются. При случае не забудь моего старика, коль не умер, да сходи поклонись на могилку Устиньки. Будь здоров. Авось еще свидимся. Времена меняются.

Емельян».

Ефим Пашкеев внимательно следил за Матвеем. Он видел, как его пальцы нервно теребили косо оборванные края письма, а губы шевелились беззвучно и часто.

— От Власа? Здоров ли? — спросил Ефим.

— Хворает. Животом мучается, — ответил Матвей и со злостью подумал:

«Правды захотел? Жирен будешь».

— Ну, пока прощевай, Ефим, — проговорил он.

— А в магазин-то, Захарыч?

— В магазин не к спеху. Пойду матери скажу. Все-таки не чужой человек — сын хворает.

Матвей оглянулся. Ефим стоял на крыльце и недоверчиво глядел ему вслед. Матвей подсадовал на себя: «И как я ничего умнее не придумал!» Но скоро это перестало его тревожить, и он начал припоминать письмо, с трудом удерживаясь от желания остановиться и еще раз прочитать его.

«Мирон сказывал... он теперь сосед мой... сколько синичка ни летай, не миновать клетки», — вспоминалось Матвею. — Так, так, отгулял, значит, Тарас Семеныч на воле, — рассуждал он про себя. — Да, как ни связывай орлу крылья, летать его не отучишь. Эх, Мирон, эх, Тарас Семеныч, богатырь ты человек! Нет, не удержат тебя, не удержат. А старика твоего не забуду, друг мой Емельян, Антон Иванович. Вот сейчас приду домой, насыплю пудовку муки и отнесу твоему родителю».

Дома никого не было. Агафья и Маришка ушли в огород, Анна к бабам — посудачить, дед Фишка отправился за село вырубить черемуховый корень для новой трубки, а сыновья разбрелись по товарищам. Матвей присел на

табуретку и вытащил письмо. Только начал читать — в избу вбежал Максимка.

— Тятя, у Штычковых гуляют. Ворота настежь, а посередь двора чуть не полубочье с вином. Демьян всех ковшом потчует. Мужики в дым пьяные.

Матвей невольно поднялся, взглянул в окно, подумал: «Затеваает, подлец, что-то. Вином задарма не станет поить. А что затеваает?»

Максимка скрылся из дому так же внезапно, как и появился. Оставшись один, Матвей дочитал письмо Анто́на Топилкина, все еще живущего в ссылке, спрятал конверт в кисет и прошелся раз-другой по прихожей.

«К делу, скорее к делу», — думал он.

Подойдя к высокому ящику, стоявшему между кроватью и печкой, он открыл его и среди тряпок и рухляди стал искать какой-нибудь мешочек под муку.

В окно резко постучали. Не закрывая ящика, Матвей обернулся.

— Эй, хозяин, живо на сходку! — крикнул посыльный, и вслед за этим послышался резкий стук в окна соседнего дома.

Мешочка в ящике Матвей не нашел и решил муку отнести после, когда придут домой мать или Анна, а сейчас отправиться на сходку. Он взял картуз и вышел. Не успел повесить замок, на крыльцо поднялась Анна.

— Господи, живем мы бирюками и ничего-то не знаем, — заговорила она.

— А что случилось? — равнодушно спросил Матвей.

— Как «что случилось»? Дениска наш от бати ушел. В Жирове у кого-то в работники пристроился.

— И хорошо сделал. Неужто побои молча переносить? — сказал Матвей.

— «Хорошо сделал», — передразнила его Анна. — Я знаю, что тебе это по нраву. Ты его на это и подбил.

— Да и ты это ему советовала. Вспомни-ка!

— Это, да не это. Я ему говорила, чтоб ушел он в работники понарошке, батыю поугубить, а он, видишь, что удумал? Батя-то вчера в Жирово за ним ездил. Слыхано ли, сын-кормилец, наследник, в работники ушел.

— Что же, обратно привез? — с живостью спросил Матвей.

— Как же, привезешь! Дениска-то будто сказал: «Нет, батя, каменное у тебя сердце, а то, что от камня отколо-

лось, назад не приставишь». Батя, говорят, начал его страшить: «Возьму, мол, и отдам твой пай из хозяйства Терехе с Прошкой». А он, Дениска-то, ему: «По мне, хоть сейчас отдавай. Не добром, говорит, все это нажито, и мне чужого не надо». Ты подумай только! И откуда что у парня взялось?

Матвей минуту стоял молча, смотрел на Анну и думал:

«Молодец, Дениска! И ты, милая, чуешь эту правду, да старое все еще в тебе бродит».

— Ну, я пошел, Нюра,— проговорил он.

— Ты куда?

— На сходку звали. Ты там нигде не слышала, о чем говорить собираются?

— Да они что, сдурели, сейчас сход собирать? Давно ли мужики у Демьяна Штычкова водку и брагу ковшами лакали? Весь наш конец там перебивал.

— Это в честь чего он угощение устроил?

— Бабы болтали, будто поминки по Устинье ни с того ни с сего вздумал устроить.

Матвей с сомнением покачал головой, но ничего не сказал и вышел на улицу.

4

Летом сходки собирались на косогоре, у церковной сторожки. Уютно и привлекательно было это место. Село отсюда виднелось из конца в конец. Из церковного сада всегда пахло чем-то сладковато-пресным. У подножия косогора было озеро. В нем отражалось небо, белая церковная колокольня и макушки высоких топей.

На косогоре было уже людно. Мужики сидели на завалинке церковной сторожки, на бревнах, почерневших от дождей, на земле, покрывшейся зеленой травкой. По случаю воскресного дня некоторые нарядились в цветные рубахи, жирно смазали дегтем сапоги, надели солдатские брюки, принесенные еще с японской войны. Пока сход не начался, неумолкаемо слышался говор, шутки, смех. На бревнах выдумщик Архип Хромков потешно изображал, как пьяный поп зеленого черта в рюмке крестил. Рядом дед Лычок в тысячный раз и все по-новому рас-

сказывал о своей службе на конюшне генерала. На завалинке негромко разговаривали об озимых, о лугах, о городских ценах на хлеб. Поодаль от всех на лужайке сидел Калистрат Зотов и, склонив голову набок, беспрерывно пел одно и то же:

Раскакая д'разнесчастная
Д'уродилась я на свет...

— Эй, Калистрат, спел бы что-нибудь другое, а то завел одно, как немазаное колесо! — крикнул кто-то.

Калистрат делал вид, что ничего не слышит, и продолжал петь.

Матвей приостановился, поднял картуз, поздоровался. Несколько голосов окликнули его. Мужики, сидевшие на завалинке сторожки, звали Матвея к себе. Он подошел к ним, поздоровался с каждым по отдельности, они потеснились и дали ему место.

— Захарыч, рассуди нас, мы тут с Романом поспори-рили,— проговорил Кирилл Бодонков, рябой, плечистый мужик.

Матвей вопросительно взглянул на Бодонкова.

— Видишь, какое дело,— начал тот.— Был я на той неделе в городе, и довелось мне стоять на постоялом дворе у Голованова. Сидим мы с мужиками вечером, пьем чай, разговариваем. Вдруг дверь открывается и заходит мужичок, невысокого роста, одет по-простому. Ну, думаем, еще один постоялец. Спрашиваем: «Из каких краев, землячок, прибыл?» Улыбнулся он и отвечает: «Перелетная я птица, мужички. По белому свету скитаюсь, правду разношу бедным людям». Мы переглянулись, думаем: «Эге, мужик-то с языком, гляди и позабавит какой-нибудь побасенкой». «Ну, говорим, давай поведай правду-то, коль в самом деле ее знаешь». И такое он тут, Захарыч, рассказал...

— Странник? На божий храм мужицкие копейки собирает? — вяло спросил Матвей.

— Какое там! — воскликнул Бодонков.— Ты послушай-ка, что он говорит: будто где-то на приисках нынешней весной солдаты постреляли рабочих. Пошли будто они к начальству об жизни просить, а их дорогой и того... Конечно, бабы, детишки были...

— А где это случилось? — спросил Матвей и подумал: «В пятом-то с того же началось».

— Называл он нам это место, да память у меня как решето дырявое, — ответил Кирилл. — Помню только, что в наших, сибирских краях, на Лене-реке.

— Так о чем же у вас спор зашел? — спросил Матвей.

— Да вот Роман не верит. — Кирилл кивнул головой на своего соседа, круглолицего мужика с окладистой бородой. — Враки, говорит, все это. С какой стати, дескать, солдаты в мирный народ палить будут. Может, говорит, какие чужеземные объявились?

— Тут и дивиться нечему, — серьезно проговорил Матвей. — В пятом году в Петербурге сколько народу перед самым царским дворцом постреляли? Одних убитых было больше тысячи. Шли с женами, с ребятишками просить у царя облегчения. Это, Роман, в столице, на глазах у царя, а уж про Лену чего и говорить.

— Не знаю, Захарыч, может, и так, не знаю, — все еще сомневаясь, сказал Роман.

— А не знаешь, так не трепли языком, — рассердился Кирилл на соседа и, повернувшись к Матвею, продолжал: — И вот, Захарыч, этот мужичок вытаскивает из-за пазухи бумаги, подает каждому по листку и наказывает: «Это, говорит, домой увезите, чтоб все мужики знали, как над рабочим людом власть палачествует».

— И тебе дал?

— Как же, дал... — Кирилл замялся.

Матвей не утерпел, вскочил с завалинки.

— Так давай, кажи скорее, Кирилл Тарасыч.

— Не довез, Захарыч, — виновато развел руками Кирилл. — Всю дорогу, истинный бог, пуще глаз берег. А тут за Лександровой прикорнул на телеге и задремал. Просыпаюсь, цап за карман — трубки нету. Выронил, ешь ее корень. Ну, Захарыч, и не утерпел, листок-то и пошел в дело, — смущенно закончил Кирилл.

— Эх! — с сожалением вырвалось у Матвея.

Все еще негодуя в душе на Бодонкова, он свернул cigarку и, облокотившись одной рукой о деревянную раму церковной ограды, смотрел задумчивым взглядом на толпившихся по кособогу сельчан.

Сходка теперь гудела. Мужики разговаривали громко, оживленно. В сторонке с невеселыми лицами стояли

солдатские вдовы. Мужья у них погибли на русско-японской войне, и неволя заставила их нести все мужицкие обязанности перед обществом. До Матвея долетели из толпы обрывки разговора.

— Сват Кузьма, об чем сход?

— Не слыхал, сват, да об чем может быть, кроме податей. Овцу два раза в год стригут, а мужика — десять...

Вдруг послышался лошадиный топот, и к толпе подкатила новая, на железном ходу тележка. Высокий гнедой жеребец остановился и, поводя ушами, косил глазом на сгрудившихся у ограды мужиков.

С телеги слезли пышнобородый староста Герасим Крутков, еще больше посмуглевший от загара Евдоким Юткин, незнакомец в зеленой тужурке и в картузе с кокардой и растолстевший Демьян Штычков.

Мужики раздались. Герасим и Евдоким почти в один голос сказали:

— Здорово, господа мужики!

Кто-то протяжно ответил:

— Здорово-здорово, благодетели!

Вдова Ермолая Пьянкова довольно громко проговорила:

— А нас, бабы, и за людей не считают. От старосты одним мужикам почтение.

Архип Хромков пошутил:

— Не горюйте, бабы. Так и быть, я за старосту с вами поздороваюсь. Здорово, господа бабы! — крикнул он.

Раздался зычный хохот. С кустов церковного сада вспорхнули испуганные чечетки.

Из сторожки принесли стол, две табуретки, скамейку и стул специально для гостя. Староста снял картуз, разговоры смолкли.

— Мужики! — начал Герасим Крутков. — К нам на сход пожаловал из самого уезду главный начальник по земельным делам, сам господин Елизар Петрович Адамов. От всего общества низкий поклон ему! — Староста изогнулся дугой перед Адамовым, а тот слегка кивал головой, важно посматривая на притихших мужиков. — Сход этот собран по его просьбе, — продолжал староста. — Обо всем обскажет он сам, Елизар Петрович господин Адамов. Да чтоб смирно слушать! — прикрикнул Герасим.

Мужики переглянулись. Архип Хромков хотел сказать что-нибудь смешное, но кто-то локтем толкнул его в бок, и он затих.

Адамов поднял руку.

— Трудовое православное крестьянство! Батюшка царь и Государственная дума, радея о благосостоянии тружеников земли, постановили всеми мерами способствовать тем землепашцам, кои захотят выделиться из общества и уйти на отруба. Приказано отдавать этим крестьянам лучшие земли, а для обработки их царь-батюшка повелел своею милостью давать отрубным хозяйствам ссуды из своей государственной, царевой казны. В России многие крестьяне давно уже выехали на отруба, обзавелись хозяйством и живут теперь припеваючи. Начнем сие проводить и мы с божьей помощью.

— Хрен редьки не слаще! — перебивая Адамова, крикнул Калистрат Зотов. — Нашему брату что в деревне, что на отрубях — все одно петля.

Герасим Крутков погрозил ему пальцем, а Адамов взбеленился и заговорил горячо, на высоких нотах:

— Постой, староста, не грози ему, я сам отвечу. Ты вот сказал: «Нашему брату что в деревне, что на отрубях...» Эко кому — вашему брату? Лодырю? Я первый раз тебя вижу, а уже знаю: ты — лодырь. Ты и на сход пришел пьяный. Вот посмотри: настоящий трудовой крестьянин — Евдоким Платоныч Юткин — и в воскресный день трудится. Ты разгуливал здесь, а он уже и на мельницу успел съездить, и по хозяйству целый день хлопочет.

— Да ты, что ль, кон в перекон, кормил меня сорок лет? — заревел Калистрат, бросаясь к столу, за которым стоял Адамов.

Но мужики, бывшие рядом с Калистратом, схватили его за плечи и осадили.

Сходка загудела, сидевшие на земле поднялись, сгруппировались вокруг стола.

— Эй, Зотов! Шумнешь еще раз — не миновать каталажки, — перекрывая гул, крикнул староста.

Мужики уговаривали Калистрата молчать и на всякий случай придерживали его за рукав.

— Таких лодырей мы и не зовем на отруба, — с подъемом продолжал Адамов. — На отрубях должен селиться трудовой мужик. А такому, как ты, там делать нече-

го. Да и под какой залог царева казна будет давать тебе ссуду? Пропьешь, а потом что с тебя взять? Клок негодной шерсти?

— Зря, барин, Калистрата попрекаешь. Мужик он работающий,— сказал кто-то из стоявших в середине толпы. Но Адамов, будто не слыша этого, продолжал говорить, важно подняв голову:

— Однако ближе к делу. Собрал я вас не за тем, чтоб с такими вот пьяницами вступать в пререкания. Я — представитель власти и выполняю ее поручение. Отныне кедровник, приписанный некогда вашему обществу, отчуждается под отруба Евдокиму Платонову Юткину и Демьяну Минееву Штычкову. Да поможет вам бог! Множьте богатства нашей хлебопашеской Россиюшки, дорогие мужички-крестьяне!

Он пожал руки Евдокиму и Демьяну, обвел взглядом сход и уже не визгливо, а жестко и глухо проговорил:

— Ну, староста, распускай сход.

Мужики не ждали, что дело обернется таким образом, и несколько секунд молчали.

— В добрый час, мужики! Можно расходиться,— сказал староста.

— Нет, подождешь, Герасим Евсеич! — крикнул Матвей Строгов, расталкивая толпу и пробираясь к столу.

— Мужики! Что же вы молчите? Ай не видите, что у нас последнюю копейку отняли? — проголосила вдова Устинья Пьянкова.

— Братцы! — заорал Калистрат Зотов.— Ограбили нас! Белым днем ограбили!

Теперь Калистрата никто не удерживал, и он, размахивая руками, приближался к старосте и Адамову.

— Калистратушка, Зотов! — гнусавил Демьян Штычков.— Ты свинья, ты вспомни, чей ты хлеб ел сегодня?

Покачиваясь, Калистрат вскочил на завалинку и, краснея от натуги, крикнул:

— Мужики! Эй, мужики! Демьян хотел обпоить нас! Водкой хотел купить!

Поднялся гвалт. Ребятишки, игравшие на берегу озера, решили, что на сходке завязалась драка, побросали бабки и припустили на косогор глазеть.

Матвей Строгов махал картузом, стараясь прекратить шум. Видя, что из этого ничего не выходит, он сказал Бодонкову:

— Кирилл, подсоби-ка!

Бодонков помог Матвею взобраться на ограду и стал придерживать за ноги, чтобы тот не упал.

— Мужики! — закричал Матвей. — Без малого сотню лет волченорцы жили кедровником. Выручал он нашего брата в осеннее время.

Первые слова Матвея вряд ли кто расслышал. Но постепенно гул затихал, и Матвей, соскочив с ограды, продолжал, не надрывая голоса:

— Пусть господин Адамов скажет: когда власть отдавала кедровник под отруба, она о народе думала? Выходит, не было у нее этой думы! А власть знает, что Юткин и Штычков и без кедровника на лучшей земле сидят?

Из толпы раздались голоса:

— Режь, Захарыч, их под микитки!

— Тестю наддай, тестю, Матвей! Он в три глотки готов хапать...

Староста попробовал остановить Матвея:

— Эй, Строгов, замолчи! Задние, не теснитесь там! По домам, мужики!

Калистрат Зотов крикнул:

— Герасим! Ты, зная, тоже себе кусок облюбовал? Или Демка с Алдохой плату хорошую дали?

Староста закрутил головой и по-бабьи всплеснул руками. Матвей, овладев вниманием всей сходки, продолжал:

— Господин Адамов корил Калистрата Зотова. Лодырь, мол, он, пьяница. А надо бы сначала у нас спросить, каков он. Нам-то лучше знать, кто и как работает. Чем бедностью упрекать таких, как Зотов, власть взяла бы да помогла им. Наделы бы поближе отвела, земельку бы пожирнее дала, подати и поборы разные поуменьшила, ссуды бы без опаски из казны отпустила. Но не тут-то было! Господин Адамов Евдокима Платоныча хвалил: вот, мол, трудовой крестьянин! А не Калистрат ли Зотов позапрошлую осень за куль зерна юткинский надел от леса корчевал? Не он ли в земле, как крот, день и ночь копался? Не от его ли пота у Юткиных амбары полны?!

Евдоким Юткин схватил табуретку и со всей силой ударил ею об стол.

— Голь! Оборванец! — дико закричал он, грозя Матвею кулаками.— Мужики! Кого вы слушаете? Смутьян! Он у меня сына подбил в работники уйти. Он в церковь не ходит! Он в городе с разной шантрапой якшался.

Вопли Евдокима Юткина продолжались бы и дальше, но Адамов, взяв его за руку, сказал:

— Не подливайте масла в огонь, уважаемый. Обычная история, когда речь идет о земле. Пошумят — и перестанут. Демьян Минейч, можно ехать.

Адамов приподнял картуз и, раскланиваясь, направился к лошади. Демьян, опасаясь идти последним, поспешил за ним. Евдоким и староста подошли к телеге вместе. Сход проводил их молчанием. Правда, кто-то из ребятишек, быстро понявших, в чем дело, засвистел им вслед, но, не получив поддержки от товарищей, быстро смолк. Сход вновь загудел, но менее возбужденно.

— Ну что, выкусили? Недаром говорится: с сильным не борись, с богатым не судись,— проговорил старик Андрон Ипполитов.

— Не каркай, дед Андрон!

— Молчать станем — последнюю шкуру сдерут!

— Губернатору жалобиться надо!

— Губернатору? Царю бы!

— Хо! Царю! Он с твоим прошением в нужник не пойдет.

— Строгова спросить надо!

— Захарыч, Матвей! Мир на тебя смотрит!

Матвей почувствовал, что сход верит ему и ждет от него нужного слова.

— Попробуем писать в губернию,— проговорил он.— Какая власть ни на есть, ее не обойдешь. Да и чем черт не шутит: гляди, попадет прошение к доброму человеку. Ну, а что будем делать, если губернская власть на адамовский лад запоеет? — Матвей взглянул на мужиков, выжидая, что они скажут, но все молчали.— Тогда, мужики, силой надо кедровник отстоять! — продолжал Матвей, понимая, что все чувствуют это, но не решаются высказать вслух.— Может, власть силу-то лучше прошения уразумееет. Эй, Кирилл Тарасыч, сходи к учительше, попроси чернила, перо и бумагу, прошение будем писать.

Послышались восторженные возгласы:

— Во голова! Моментом рассудил!

— Чего там, горазд Захарыч!

Матвей и еще несколько грамотных мужиков составили прошение.

Когда прошение было готово, каждый подходил к столу и либо подписывал свою фамилию, либо ставил крестик. Разошлись все успокоенные, с полным сознанием важности исполненного дела.

Весть о том, что кедровник отдается под отруба Юткиным и Штычковым, быстро разнеслась по селу. К приходу Матвея дома об этом знали. Едва он перешагнул порог, Анна спросила:

— Правда?

Матвей молча кивнул головой.

— Господи, что делается! Как жить-то будем! — тихо проговорила Анна.

Дед Фишка взглянул на нее, потом покосился на племянника и сказал с дрожью в голосе:

— А как хочешь, Нюра. Выкуривают нас отовсюду — и баста. Хоть взлетай на небеса и живи там. Да еще и то я думаю: и на небесах не сразу место сыщешь. Там, поди, тоже все ангелы, архангелы да всякие фирувимы все позаняли. — Он сердито сплюнул и замолчал, стиснув крепкими зубами пропахнувшую табаком трубку.

— Тятя, а ребята говорят, что все равно деду Евдокиму с Демьяном орех не собирать. Все, говорят, поснимаем, — вмешался в разговор Максимка и, не передохнув, начал фантазировать: — Когда орех поспеет, я проберусь ползком в кедровник и буду чистить тихонько шишки, а орехи ссыпать в бродни. Дедка, ты дашь мне свои бродни? Я бы в них столько орехов натаскал!..

Максимка мог бы фантазировать без конца, но Артем перебил его:

— Ну ты, шишкарь! Из чашки ложкой ты молодец таскать. Думаешь, дед Евдоким кедровник охранять не будет? Он всех своих кобелей с цепей спустит. Они тебя живо в клочья разорвут. Я вот придумал так придумал! — похвалился Артем и стукнул кулаком по Максимкиной коленке.

Максимка скорчился. Агафья прикрикнула на внуков, потом повернулась лицом в передний угол и заговорила, поглядывая на иконы:

— Может, придется мне за мои слова лизать на том свете раскаленную сковородку, да будь что будет. После смерти Захара и гибели пчелы молилась я усердно. Ду-

мала, прогневили мы всевышнего. С той поры, сами видели, и посты справляла я, и к обедне каждое воскресенье ходила. Уж я ли не молилась? Да, вижу, ничего не вымолила...

Она задумалась, глядя куда-то в пустоту.

— Ты, Агаша, все о боге. А помнишь, как старые люди говаривали: бог-то, дескать, бог, да не будь, нычит, сам плох,— осторожно заметил дед Фишка, боясь, как бы чем-нибудь не обидеть сестру.

— Так и я о том же, Фишка,— сказала Агафья и взглянула на Матвея.— А вы, Матюша, мужики-то, взяли б да пошумели на сходке. Разве, мол, можно так? Юткиным и Штычковым все, а остальным ничего.

— Нашла, мама, от кого требовать шума,— заговорила Анна,— это не мужики, а телята. Надо б на сходку баб собрать. Мы бы живо бате с Демкой глаза выцарапали. Небось о кедровнике и думать позабыли бы.

Матвей улыбнулся, добродушно сказал:

— Не умирайте раньше смерти. Может, еще отстоим кедровник. Прощение губернатору от схода настрочили. А если откажет, еще пошуметь попробуем. Мужики, Нюра, хоть и телята, а бодаются.

Анна недоверчиво махнула рукой.

В этот день в каждой избе только и говорили о кедровнике.

В сумерки Матвей насыпал в мешок пудовку муки и унес Ивану Топилкину. Возвращаясь от него, он завернул на кладбище, поклонился могилке Устиньки и, не заходя домой, отправился к Мартыну Горбачеву.

Проговорили до вторых петухов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Матвей проснулся от истошного вопля Маришки:

— Мама, мама! К нам торговка идет! В корзине кружева, платочки! Мамушка, родимая, купи мне голубенькую ленточку!

Через несколько минут на крыльце послышался топот, говор, и в дом вошла коробейница и приставшие к ней бабы и ребяташки.

— Здравствуйте, дорогие хозяйюшки! — обратилась она к Анне и Агафье и, поставив корзину на лавку, бойко стала расхваливать свои товары.

— Ну, покажи, покажи, чем ты богата, — будто собираясь что-нибудь купить, проговорила Агафья.

Коробейница вытащила из корзины товары и разложила их на столе. Чего только тут не было! Кружева невиданной, замысловатой вязки, белые, как первый снег. Бусы всех цветов радуги. Какой-то мастер простые гребенки, сделанные из коровьих рогов, искусно разукрасил под бисер битым зеркальным стеклом — теперь гребенки ослепительно искрились. Связка красных, зеленых, голубых, синих, желтых лент походила на букет цветов, собранных в самое цветное время — в петровский пост. Увидя это, Маришка взвизгнула, схватила Агафью за руку.

— Бабуся, роднушечка, купи вот эту, голубенькую.

Агафья погладила внучку по голове.

— Дурашка ты моя, у тебя аж глаза разбежались. На какие рубли я тебе куплю? У меня все карманы обшарь — гроша не найдешь.

Маришка бросилась к матери.

— Мамушка, милушка... вот эту, голубенькую!

Анна, скрывая слезы, отвернулась к окну. Будь у нее деньги, не только дочери голубенькую — себе бы красную ленту купила! К ее карим ясным глазам, к смуглому лицу, к черным с блеском волосам красный цвет очень шел.

— Пусть, дочка, ленты богатые носят, а мы, видно, в поле обсевов, — прошептала Анна, прижимая к себе Маришку.

Но произошло нечто необыкновенное. Коробейница подозвала к себе Маришку и, подавая ей широкую голубую ленту, сказала:

— Это тебе от меня, на память.

Бабы ахнули от удивления, а Маришкины подруги придвинулись поближе к столу, думая, что коробейница решила дарить ленты всем девчонкам...

— Как тебя зовут, девочка? — спросила коробейница.

— Маришка,— хором ответили девчонки.

— А фамилия?

— Строгова. Матвея Строгова дочка,— сказала одна баба.

Коробейница взяла Маришку за худенькие плечи, смотрела на нее и, чем-то довольная, улыбалась больше сама себе, чем Маришке.

Маришка молчала, хотя полагалось за подарок благодарить. Анна и Агафья растерянно переглядывались, не решив еще, в шутку или всерьез коробейница подарила Маришке ленту. Максимка наблюдал за всем этим из угла. Он первый почувствовал, что коробейница не шутит, и, подойдя к сестренке, толкнул ее в бок.

— Язык отсох? Что надо сказать?

— Спасибо,— чуть слышно проговорила Маришка, дрожа от счастья.

Матвей лежал на кровати в горнице и все, что говорилось в прихожей, слышал от начала до конца. Щедрость неизвестной женщины, осчастливившей Маришку, поразила его. Коробейницы обычно прижимисты и торгуются с покупателями из-за каждой копейки. Матвей встал с кровати и, не надевая сапог, босой пошел в прихожую. Но, выглянув в дверь, мигом вернулся к кровати, сел на нее и опустил руки, ощущая, как громко колотится сердце. На лавке за столом он увидел Ольгу Львовну Соколовскую.

«Обознался»,— подумал Матвей и, стараясь быть незамеченным, опять подошел к двери и взгляделся в коробейницу.

Никаких сомнений больше не оставалось: это была она, Соколовская. После их последней встречи прошел не один год. По рассказам Беляева, Ольга Львовна была арестована и отправлена в ссылку. Как она жила, что ей пришлось пережить — Матвей не знал. Внешне она изменилась, но в этой перемене не было ничего разительного. Тогда, давно, в ее поступках, речи, в ее внешности проглядывало что-то неотстоявшееся. Теперь все в ней как будто вызрело, округлилось, встало на свое место. Она заметно пополнела, и это ей шло.

На цыпочках, оглядываясь, Матвей отошел от двери, быстро оделся и, расчесав перед зеркалом свою русую небольшую бородку, поспешил выйти в прихожую. В это время Ольга Львовна вновь принялась расхваливать свои

товары и проделывала это так ловко, словно занималась торговлей много лет.

— Ух, товаров-то сколько! — сказал Матвей с усилением.

Ольга Львовна взглянула на него и невольно задержала взгляд. Матвей заметил, как веки ее левого глаза дрогнули.

— Не угодно ли чего, хозяин? — спросила она, подавляя волнение.

— Тут у вас все женское, не по моей части, — смущенно ответил Матвей, видя, что Ольга Львовна изучающе рассматривает его.

— Да, тут женское. А на квартире, где я остановилась, есть кое-что и мужское: ремни, жерлицы, волосные лески, блесна, — не хотите ли посмотреть?

Матвей понял, что это уловка, ответил со смешком в голосе:

— Посмотреть можно. За посмотри не берете денег?

Торопливо собрав со стола товары, Ольга Львовна небрежно сложила их в корзинку и встала. Маришка и Максимка кинулись к Матвею:

— Тятя, жерлиц купи! Щук буду на речке ловить. — Максимка умоляюще смотрел на отца.

— Смотри-ка, тятюшка, что мне тетя подарила! — Дочь радостно прыгала, крутилась, прикладывала к волосам голубую ленточку.

Ольга Львовна подхватила корзинку на руку, попрощалась:

— До свидания, хозяйюшка.

Анна заторопилась, раскрыла дверь и, смущенно улыбаясь, сказала:

— Счастливо, счастливо, в добрый путь, дай бог хорошей торговли.

Агафья скрылась в кути, и, когда вышла оттуда, Ольга Львовна стояла уже на крыльце.

— Ну-ка, погоди, красавица! — крикнула Агафья.

Ольга Львовна остановилась на полусгнившей ступеньке. Агафья положила ей в корзинку четыре яйца.

— Скушай, милая, свеженькие, сегодня снесенные. Отдарить больше нечем.

Ольга Львовна смутилась, заколебалась: брать или не брать? Матвей взглянул на нее, и в его взгляде было нетерпение. Она поняла его взгляд и поблагодарила

Агафью. За воротами бабы и ребяташки, сопровождавшие ее, рассыпались, отстали, и Матвей, догнав Ольгу Львовну, выяснил самое важное.

2

В конце мая дни бывают жаркие, а вечера свежи и приятны.

Земля, накаленная солнцем, остывает не сразу, медленно. Пока не остынет земля, не охладятся бревенчатые стены, в избах стоит мучительная духота.

Анна целый день работала на огороде и легла с твердым намерением уснуть быстро и крепко, но время текло, а сон не шел. Воздух в избе был густ и горяч. Дышалось тяжело. Анна с удовольствием вспомнила о полевом балагане. Там, на душистом, не омытом дождями сене, она всегда спала затяжным и сладким, как в детстве, сном.

Она походила по избе, раскрыла окна, потом обулась в чирки, набросила Матвеев зипун и тихонько, боясь на что-нибудь наткнуться, вышла во двор освежиться.

На темном, закрытом наволочью небе холодным далеким светом лучились редкие звезды. Краешек месяца, робко выглядывая из-за облачка, бросал на забор голубоватые пятна. На болоте за огородами посвистывали кулики. На косогоре, у церкви, под развесистыми кустами черемухи и рябины девки негромко играли песни.

Анна не спеша пошла в огород, поглядывая на небо и про себя рассуждая: «Хоть бы дождичек выпал. Рассад сразу бы поднялась... Где же это Матюша засиделся? Ночи уж много. Поди, где-нибудь с мужиками о жизни толкует. Чудной мужик. У меня вот о других никогда сердце не болит, а он за каждого душу готов отдать. Слушай у кого беда — первый помочь побежит».

Еще недавно, вспоминая об этой особенности Матвея, она чувствовала, как в ее душе рождается негодование. Теперь она не ощутила этого; наоборот, думала о Матвее с чувством затаенной гордости. Припомнился один случай; как-то, собираясь в баню, Матвей, как всегда нетребовательно, попросил дать ему чистое белье. Белья у него было всего-то две смены, и на этот раз чистого не оказалось. Вместо того чтобы спокойно сказать ему об

этом, Анна стала кричать: «Белья? Сейчас поднесу! Только-только Голованов из своего магазина прислал». Матвей понял, что белья нет, и, не ответив на ее резкость, ссутулившись, пошел в баню.

Вспомнив теперь об этом, Анна думала:

«За мужиков горой стоит. Батю, говорят, обстрамил на сходке — всю жизнь не забудет. И все из-за них, из-за мужиков. А вот постоять за себя не может. Я накричала, а он промолчал. Напрасно! Нашу сестру кое-когда и в узде не мешает держать. На язык не в меру бойки бываем. У мужиков-то язык лучше привязан. Так и то правда: досады в жизни у них меньше нашего. А все же я зря на Матюшу накричала. Он бы и без этого понял. Сердечной души человек».

Она взглянула на звездочку, мигающую на горизонте над лесом, легонько потянулась, приоткрыла рот, чтобы зевнуть широко, аппетитно, но вдруг услышала женский тихий смех. Показалось ей, что смех этот донесся до ее ушей с вышки амбара. Пружинистыми, широкими шагами она приблизилась к амбару, протискалась боком в тесный промежуток между стеной и забором, притаилась.

«Ишь ведь где пригнездились! Кто же это? Видно, Назарка Зотов с Груняшей Федотовой. Доведется, знать, по осени на свадьбе гулять. И скажи, ведь знают, что у нас амбар с потолком! Ах, и чего только не бывает в молодости! Мы, когда женихались с Матюшей, тоже раз ночку на сеновале у нас провели. Весь день потом у меня губы припухшие были».

Анна усмехнулась про себя и, подумав, что так было до нее и так будет после, хотела идти в избу. Но на вышке приглушенно заговорили наперебой. Анна различила голоса — Матвея и коробейницы. И ее затрясло, как в ознобе. Она хотела броситься к лестнице и с криком: «Ах ты, паскуда, вот ты зачем приехала!» — подняться на вышку, но ноги не двигались, на них навалилась такая тяжесть, точно кто невидимый подвесил под колени гири.

Опамятовавшись, Анна решила выждать, прислушаться: не померещилось ли? — и потом сбегать за свекровкой. Пусть посмотрит на своего распутного сына!

Шумно дыша и боясь этим выдать себя, она ладонью зажала рот и напрягла слух. Коробейница говорила то вполголоса, то шепотом. До Анны долетали редкие обрывки фраз.

— Лена пробудилась, подняла...

У Анны сердце перестало биться.

«Лена? Какая же это Лена?.. Побегу за матушкой», — решила она, но коробейница заговорила громче, и Анна продолжала стоять, не двигаясь с места.

— Новоселов надо расшевелить непременно... Очень хорошо, что курские... В этой губернии крестьяне в пятом году захватывали помещичьи имения. Возможно, есть люди с опытом. Найти их надо, Матвей Захарыч. Они поведут за собой остальных. Благодаря столыпинской земельной реформе кулаки в Сибири стали своеобразными помещиками, лучшие земли перешли к ним. От вас я еду в Каюрово. Там у нас беглецы с Лены за работу взялись. Партия, как видите, снова готовится...

Коробейница перешла почти на шепот, и что она говорила дальше — уловить было невозможно. Анна стояла как пришибленная, с величайшим смятением в душе. Из всего, что ей удалось расслышать, она поняла одно: Матвея и коробейницу связывает тайна, но совсем не та, о которой она думала вначале.

«Слава богу, что за матушкой не побежала, понапрасну оскандалила бы и себя, и Матюшу, и эту синеглазую», — подумала Анна.

Оттого, что она не сделала этой глупости, ей на минуту стало радостно, и о той синеглазой она подумала с гордостью:

«Смотри-ка ты, как востро наставляет. Городская! С грамотой! Да ведь как сказать, обучи хоть бы и нашу деревенскую сестру — и она уму-разуму учить сможет. А бойка она, синеглазая-то. Не зря ее, видно, к тайному делу приставили. Мужик хоть и умнее бабы, а хитрости меньше в нем».

Анна долго стояла, приподнявшись на носки, вытянув шею и прислушиваясь, но на вышке говорили совсем тихо. Анна пожалела об этом. Ей очень хотелось послушать: что это за партия, о которой говорят Матвей с коробейницей? Почему о ней нельзя говорить вслух? Но тут она вспомнила об Антоне Топилкине, живущем где-то в холодном краю, в ссылке.

«Ох, попадет Матюша в беду с этой городской партией!»

Ей стало тревожно, и в уме мелькнула мысль: подняться сейчас на вышку, сознаться Матвею и коробейни-

це в том, что она слышала их разговор, и добром уговорить мужа не соваться ни в какие тайные дела. Но вот на вышке заговорили громче, и Анна услышала голос Матвея:

— Спасибо за советы, Ольга Львовна. Все силы приложим, а кедровник отстоим...

«Вот они о чем? О кедровнике! — удивилась Анна и опять не без удовольствия отметила: — Хорошо, что не дернул меня леший на вышку подняться».

Вскоре потолок амбара закрипел, и Анна увидела на лестнице коробейницу. Матвей спустился на землю вслед за ней. У лестницы они немного задержались, и Матвей спросил:

— Дочка-то жива, Ольга Львовна?

— Растет. Пережили мы с ней, Матвей Захарыч, тяжелое время. Трехмесячная она в тюрьму со мной попала, потом в ссылку поехала. Намаялась я. Зима. Морозы. Одежка плохая, а дороге и конца не видно. Думала, погублю дочь. Ничего, выжила! — Ольга Львовна засмеялась. — Здоровая девчонка. На Федю очень похожа, Матвей Захарыч, такая же смуглая, от меня — одни глаза.

Анна слышала этот разговор, и он пришелся ей особенно по душе.

«Ишь ты, голубка, — ласково подумала она о коробейнице, — дочку имеет. Это хорошо. Уж и не знаю, что это за баба, которая детишек не рождает. Ветер!»

У ворот Матвей и Ольга Львовна остановились. Матвей вышел на улицу и скоро вернулся. Переждав немного, они вышли вместе. Когда они скрылись, Анна вошла в дом. Только легла на кровать, пришел Матвей. Анна притворно сонливо спросила:

— Где это ты, полуночник, гуляешь?

— У Калистрата в карты играл, — ответил Матвей.

Анна ничего не сказала, только молча улыбнулась.

3

За неделю до покоса Матвей отправил Артемку с волченорскими мужиками в Жирово, на мельницу. Неразмолотой ржи набралось два мешка-маломерка. Ехать с таким пустяком самому в то время, когда дома скопилось

много работы, не хотелось. Архип Хромков пообещал Матвею присмотреть за парнем в дороге и на мельнице помочь в случае нужды.

На мельнице былолюдно. Мужики спешили запастись хлебом, пока не начался покос. Артемка вернулся через три дня. Он был доволен и горд. Поездка на мельницу обошлась как нельзя лучше.

Матвей похвалил сына и с грустью подумал: «Эх, сынок, сынок, и на тебя надели хомут».

В этот же день Матвей под навесом, стуча остроконечным молоточком, отбивал косы. Артемка в другом углу поднавесья делал из обломков кирпича бруски для подточки кос.

Увлечшись работой, он негромко напевал:

Не по собственной охоте
Были в каторжной работе,
В северной тайге.
Мы песок там промывали,
Людам золото искали,
Себе не нашли.
Много денег нам сулили,
Только мало получили,
Вычет одолел.
Щи хлебали с тухлым мясом,
Запивали кислым квасом
И мутной водой.
Зачастую хлеба корка
В горле станет, как распорка,
Что не проглотнешь.
Приисковые порядки
Для одних хозяев сладки,
А для нас горьки.

Матвей, перестав бить молотком, прислушался к песне и подозвал к себе сына.

— Артюша, где ты этой песне выучился? — спросил он.

Артемка взглянул отцу в голубые глаза. Они были добры, ласковы и смотрели с любопытством.

— В Жирове, на мельнице, тятя.

— Кто тебя научил?

— Да не меня одного. Там многие выучились. Вон дядя Архип Хромков с присвистом поет ее. Ловко у него выходит! — засмеялся Артемка.

— Архип, известно, артист, — засмеялся Матвей и выжидающе посмотрел на сына.

Артемка продолжал:

— Выучил нас этой песне, тятя, один распотешный мужик. Работником у каюровского попа живет. Сидели мы ночью у костра, коней стерегли, он и потешал нас до рассвета. А сам он, тятя, не из простых — из приискателей. Такие рассказы знает — в год не переслушать! Дядя Архип взял да какую-то песню запел, а он, этот мужик-то, и говорит: «Хочешь, научу приискательскую?» Ну, тут мы все и разучили эту песню. А мужик он, тятя, ох и распотешный же! Когда о своем каюровском попе рассказывал, мы животики надорвали.

Помолчав, Артем серьезно заключил:

— Теперь, тятя, на мельницу завсегда меня посылай. Ты, помнишь, как-то рассказывал, что в городе живые картинки показывают. На мельнице в сто раз лучше твоих картинок. Там такие шутники бывают, что весь твой город обыщи — не найдешь.

Матвей глядел на Артемку, как-то сразу, за один год, сильно выросшего, и думал: «Ну, катится времечко».

Артемка был еще по-мальчишески угловат, худощав, но мускулы рук уже заметно обрисовывались под ситцевой тесной рубашкой. Лицом он пошел в Юткиных — смуглый, кареглазый, черноволосый. Как у всех у них, брови его очерчены резко, нос и подбородок казались выточенными, и это придавало лицу что-то иконописное. Но движения его рук были быстры, походка легка, голос звонок, и каждый при виде Артемки вспоминал его дедушку, Захара Строгова.

— Ну, иди, Артем, кончай бруски. Послезавтра на покос двинем. Дождей нынче мало было. В два счета трава перестоится, — проговорил Матвей.

Но Артемка уходить медлил.

— Тять, а на мельницу будешь пускать? — спросил он.

— А, ты все о том же! Конечно, поедешь. Теперь твой черед вышел нужду на кулак мотать.

4

Прошла неделя. Покос уже приближался к концу. Лучшая трава, росшая по ложбинкам, была скошена, просушена и сметана в стога. Матвей решил день-два по-

косить осоку, буйно вздымавшуюся по берегам реки, и, не дожидаясь, когда она высохнет, сметать ее в копны на остожья, чтоб продувало ветром.

Вместе с Матвеем были Артемка и дед Фишка. В полдень они сделали привал на обеденный отдых. Расположились в тени берез на взлобочке. День был так жарок, что от суглинисто-песчаных берегов речки попахивало чем-то припаленным. Дед Фишка развел костер, а Матвей начистил котелок картошки. Присматривать за варевом взялся Артемка. Матвей и дед Фишка, подложив под головы по клочку сена, прилегли вздремнуть. Артемка сидел возле тагана, негромко напевал:

Не по собственной охоте
Были в каторжной работе,
В северной тайге...

Он не заметил, как, свернув с дороги, пролежавшей вблизи от речки, к нему подошел человек. Несколько минут человек стоял молча, наблюдая за Артемкой и слушая его песню.

— Дай, молодец, водицы напиться. Все нутро от жары горит,— негромко проговорил он.

От неожиданности Артемка вздрогнул, обернулся. Человек был немолодой, но крепкий и рослый. В руках он держал осиновую палку, за спиной висела котомка. Лицо, шея и руки почернели от загара. Ветхая, шинельного цвета, одежка покрылась пылью. Зверковатые, широко посаженные глаза смотрели устало. Оглядывая прохожего, Артемка подал ему чайник с холодной ключевой водой. Тот приложился к носику чайника и пил долго, не отрываясь. Вода в его горле булькала, а острый кадык на худой шее при каждом глотке подпрыгивал к самому подбородку.

— Ух! Спасибо, дружище,— оторвавшись от чайника, сказал прохожий и бережно поставил его к ногам Артемки.

Широкой огрубевшей ладонью он смахнул капли с усов и улыбнулся. От улыбки бронзовое скуласто лицо его стало добрее, и настороженные быстрые глаза ласково заискрились.

— Хорошо поешь, парень,— дружески подмигнул он,— отец научил? Он что у тебя, из копачей? Ну, пой,

пой. А эту песню знаешь? — спросил он и, прищутив глаза, хрипловато пропел:

Как Трещенков-ротмистр
Пострелял людей с полтыщи —
Будь навеки проклят он!

Артемка не знал этой песни. Прохожий помолчал, потоптался на месте и, поддернув на плечо котомку, готовился идти.

— Ну и хорошо, что не знаешь, — сказал он, — за эту песню, молодец, многие уже на каторгу пошли. С перцем песня!

Услышав незнакомый голос, Матвей открыл глаза и с минуту лежал не двигаясь. Но когда прохожий упомянул о каторге, он вскочил с земли и подошел к нему.

— Доброе здоровье, земляк. Присаживайся, гостем будешь, — пригласил Матвей.

Увидев его, человек сгорбился, и зверковатые глаза его опять стали настороженны и быстры.

Матвей уловил это и понял: прохожий не подозревал, что Артемка не один. Ни деда Фишки, ни его, Матвея, он не видел: их скрывали кусты шиповника.

— Спасибо, земляк... Путь мой длинен. Поплетусь с богом дальше, — проговорил странник, разглядывая Матвея.

По несчитанным и немереным проселочным дорогам матушки-Сибири немало бродило всякого люда. Частенько проходили странники и через Волчьи Норы. Матвей перевидал их на своем веку не одну сотню. Внутренним чутьем он научился угадывать, кто перед ним: искатель приключений, любитель беззаботной, птичьей жизни или человек, для которого мир стал тесен.

— Что ты, добрый человек, от обеда уходишь! — воскликнул Матвей, видя, что незнакомец собирается идти. — Разве мы не русские хлебосольные люди? Картошка вон варится, сметана есть, закусишь, и тогда — счастливой дороги.

Упоминание о еде поколебало решимость странника. Он посмотрел на котелок и снял с плеча котомку. Подошел дед Фишка. Он был мастер затевать разговоры с незнакомыми людьми. Через полчаса, угощая странству-

ющего человека горячей картошкой, дед Фишка называл его уже Митрофаном. А тот сидел рядом с Матвеем и рассказывал:

— Тысячи под три всех нас набралось. Идем к прокурору выручки просить. Так и так, дескать: исстрадались. Да и об товарищах забота была. Заарестовали их и держат. А чем виноваты люди? Они выборные, общественное дело справляли. Доведись — каждый не посмеет отказаться. Идем, видим — солдаты, а с ними ротный Трещенков. Ну, ладно, думаем, солдаты так солдаты. Мы их не касаемся, чего ж им нас трогать? Глядим на них да посмеиваемся. Ротный что-то рукой показывает. Сначала этак вроде поверх головы, потом пониже и еще вовсе низко. Идем. До прокурора совсем близко, с полверсты идти осталось. Потом передние что-то остановились, а задние идут, напирают. Вдруг слышим-послышим — пальба! Сразу убитые, раненые. Стоны, крики. Которые еще живые, видят — дело плохо, наземь ложатся. А Трещенков уже по лежачим палит. Ну, мы и сдогадались, чему он солдат учил рукой. Сначала, мол, поверх голов, потом в головы, а уж дальше, значит, в лежачих. Так вот положили в тот день почётъ две с половиной сотни убитыми да больше того ранеными. Я с братом шел. Гляжу, он падает на землю, кричит: «Митрофан, братец родимый, за что?» Я хотел было придержать его, да кто-то налетел на меня, толкнул. Подполз я к брату, а он уже и глаза под лоб закатил. Только и успел прошептать: «Митрофан, братец, не забудь об моих детишках». А их, землячки, семеро — и один одного меньше.

— Далеко ли теперь-то, Митрофанушка, идешь? — спросил дед Фишка.

— Беспачпортный я, дедушка. Думаю поглубже в тайгу забиться и там в люди куда-нибудь пристроиться. Надо как-то жить. После того как случилось все это на приисках, думали — облегчение выйдет. А вместо этого нашего брата в тюрьмы стали сажать. Не жалобись, дескать, на свою судьбу. Ну, которые на взлет полегче, и подались с присков кто куда может. Порешили народом так: умрем, а хозяевам не покоримся.

Матвей и дед Фишка отпустили прохожего только тогда, когда спрашивать его стало уже не о чем. Дед Фишка положил ему в котомку оставшиеся от обеда полков-

риги хлеба и несколько испеченных в золе яиц. Матвей проводил Митрофана до самой дороги и, прощаясь, посоветовал:

— Жирово, земляк, лучше стороной обойди: на урядника можешь нарваться. Да мужикам при случае о приискательской жизни побольше рассказывай. Стосковался народ по правде.

Вернувшись к костру, Матвей велел Артемке собрать всю посуду и пойти на реку вымыть ее. Когда сын ушел, Матвей сказал деду Фишке:

— Садись, дядя, на Рыжуху верхом и поезжай по полям мужиков собирать. Всех зови, которые, помнишь, тогда, при Тарасе Семеныче, были. Обсказать мужикам надо, как там, на Лене-то, царские палачи людей перестреляли. Передай, что вечером в ложбине у наших стогов ждать буду. Да смотри, с оглядкой делай это, чтоб не прознал кто ненужный.

— Насчет этого, Матюша, не учи. Меня на мякине не проведешь. Старый воробей.

Дед Фишка схватил узду и рысцой направился в березник — искать кобылицу Рыжуху.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

В свежие августовские вечера Максимка Строгов уходил за село к озерам. Если не было товарищей, уходил один. Домовничавшая Агафья вначале беспокоилась, удерживала внука и как-то пожаловалась на Максимку отцу. Матвей только махнул рукой:

— Не держи ты его, мама. Пусть ходит.

С тех пор Максимка уходил без спросу. Возвращался он утром и приносил ночную добычу: то карасей, нанизанных за жабры на таловый прут, то подлинявших уток, пойманных с помощью остроухого черного пса Собольки.

Однажды, собираясь на озеро, Максимка попросил бабушку дать ему мешок. Агафья удивилась этому. Максимка объяснил:

— Калины, бабуся нарву. Калины там полным-полно.

Агафья любила пироги с калиной и, отыскав в кладовке мешок, наказала внуку:

— Попусту, сынок, не ломай калину. Долго ли ее на нет перевести. Будешь рвать, выбирай стебельки-то с ягодой. Принесешь, я ее на доски разложу да вон на солнце вынесу. Она и дойдет. Какая еще сейчас калина! Белая, зеленуха. Ее время, сынок,— воздвижение, а послезавтра только еще второй спас. Ну, да чего говорить — рвать надо. Будешь ее спелую дожидать — никакой не достанется. Всю пооберут.

Максимка отрезал кусок хлеба, завернул его в мешок и, перебросив зипун через плечо, пошел к двери.

— Ночевал бы ты, сынок, дома. Все равно ночью калину рвать не будешь,— попыталась удержать внука Агафья.

Максимка задержался у порога, сказал:

— Нет, бабуся, пойду. Сегодня на вечерней заре на омутах окуней думаем ловить. А спать в шалашах будем. Со мной Андрюшка Зотов идет.

Агафья улыбнулась вслед Максимке, подумала: «Артем — тот в мать: хозяин. А этот по отцовской дорожке пойдет. От горшка три вершка, а смел — не дай бог. Ни водяных, ни леших не признает. Охо-хо, старость! Жить нелегко, а пожить охота: посмотреть надо, как внучата пристроятся».

Она вспомнила о своем первенце Власе и, шаркая ногами по прихожей, вполголоса разговаривала сама с собой:

— И рожен мной, и отец у них с Матюшей один, а будто чужой. Недаром в тот год, как выйти замуж, цыганка сказала: «Народишь ты, голубушка, деток, да не все будут кормильцы, будут и пустые перышки».

В этот вечер она особенно много вспоминала молодость, Захара и детство своих сыновей.

Утром Максимка домой не пришел. Когда день перевалил на вторую половину, Агафья, решив, что внук ушел на поля и вернется вместе со всей семьей, пошла топить баню.

Незадолго до сумерек приехали с полей Матвей, Анна, дед Фишка и Артем. Максимки с ними не оказалось. Агафья удивилась и забеспокоилась. Мало ли что могло приключиться с парнишкой? Анна велела Артемке сбегать к Зотовым и узнать, вернулся ли Андрюшка. Артем-

ка пошел. Только открыл дверь — навстречу Максимка, усталый, хмурый.

— Где ты это запропастился? День прошел, а ты и глаз не кажешь! — напустилась на него Анна.

Матвей поддержал ее:

— Мы оставили тебя тут бабушке помогать, а от тебя помощи — что от козла молока. Ты, парень, больно хозяином себе стал.

— Сынок, где же калина-то? — спросила Агафья, снимая с плеча мальчугана пустой мешок.

Максимка заплакал.

— Не за калиной ходил я, бабуся. Соврал я тебе вчера. В кедровник мы с Андрюшкой ходили, хотели шишек набить. Да не шибок нас там ждали. Со всех сторон верхами работники деда Евдокима разъезжают. И близко к кедровнику подойти не дали... А шишек нынче, тя-тя,— макушки гнутся! — оживляясь, воскликнул он.

Известие, принесенное Максимкой, так поразило Матвея, что, позабыв о проступке сына, он спросил его:

— Сам верховых видел?

— Ну, а ты думаешь, нет? С Михайлой даже разговаривали. «Я б, говорит, вас, ребятишки, и рад бы пустить, да Евдокима Платоныча боюсь. Маслобойню тут, в кедраче, собираются строить, из ореха масло бить будут. Велели каждую шишку сторожить пуще глаза. За кедровник-то, говорит, этому, из уезда, Адамову, что ли, дед Евдоким с Демьяном два борова увезли да жеребенка отдали». А Михайла тоже задаваться стал. Сначала рассказал все, а потом давай нас гнать. Андрюшку так стеганул, что аж кровь проступила. Все равно мы ему этого так не спустим! Подкараулим в переулке и трахнем по башке кирпичом. Гагара конопатая! Ноги растопырил...

Возмущенный Максимка уселся на порог и, стаскивая с ног бродни, продолжал посылать юткинскому работнику все новые и новые угрозы.

Дед Фишка выслушал внука с великой скорбью на лице, взглянув на Матвея, сокрушенно покачал головой. Все поняли: этим сообщением внука старик опечален до крайности.

Анна сеяла муку. Слушая рассказ сына, придерживала сито в руках. Когда Максимка кончил рассказывать, она бросила сито на лавку и проговорила запальчиво:

— Так я и знала! Ох, ныло у меня сердце! Да и сон вчера видела нехороший. Вижу, будто собрались мы, бабы,— я, Аграфена Судакова, Пелагеюшка Мартына Горбачева, Устинья Пьянкова,— и роем косогор у церкви. Подходит будто моя мама и говорит: «Вы что, бабы, тут делаете?» — «Да вот, говорим, печь мастерим». — «Да какая же, говорит, это печь? Посмотрите, у нее весь под провалился». Взглянули мы в чело и видим: под весь выгнулся, а шесток будто в яму рухнул. Проснулась я и думаю: «Быть какой-то беде». А беда-то — вот она, подкатила на вороных.

— О, милая моя, видеть печь во сне худо, очень худо,— вступила в разговор Агафья.— За год до того, как умереть Захарке, начали мне сниться печи. Я все ждала: вот, думаю, какая-нибудь печаль нагрянет. Тот год все ребятишки что-то прихварывали. Как бы, думала, не умер кто. Вам я ничего не говорила, все это про себя на уме держала. Вижу — нет, все, слава богу, здоровы. Начала было я и веру в сны терять. А тут вдруг это самое с Захаркой...

Анна слушала свекровь с большим нетерпением. Как только Агафья, всхлипнув, замолчала, она повернулась к Матвею, сидевшему на кровати, и с раздражением крикнула ему:

— Что молчишь, радетель мужицкий? Кедровник отберут — где деньги на подати брать будешь? А ребятишек на какие доходы-приходы одевать станешь? Или, думаешь, губернатор способие с нарочным пришлет: нате, дескать, мужички! Дожидайтесь! Батя с Демкой его, поди, семь раз уже обдарили, губернатора вашего. Эх вы, ротозеи! Мало вас, чертей, дураков, обманывают...

— Да перестань ты! И без того тошно,— вскакивая с кровати, сказал Матвей.

Он схватил картуз, надвинул его на лоб и вышел из дому, хлопнув дверью.

Выйдя в огород, Матвей долго стоял, глядя в ту сторону, где рос кедровник. В ушах звучал голос Анны: «Эх вы, ротозеи!» Это было сказано резко-обидно, но очень верно.

«Да, ждать от губернатора нечего. Надо что-то делать. Но что? С какой стороны приступить к делу?» — думал он.

Вечер наступил тихий, ясный. Пряно пахло коноплей. На капустных листьях поблескивали капельки росы. Предвещающая вёдро, на насестах перекликались звонкоголосые петухи. Во дворах мычали коровы... Было слышно, как где-то по соседству упругая струя молока ударяла в жестяной подойник. Далеко за селом, на лугах, большой красноватой звездой сиял костер. Это ребятишки, уехавшие в ночное, жгли сухой тальник. В маленьких оконцах бань светились огоньки. Сумрак становился непрогляднее и гуще.

Через свой двор Матвей направился к Мартыну Горбачеву. Надо было идти в баню, но Матвею не терпелось. Мартын мог посоветовать что-нибудь дельное.

В избе Горбачевых было темно и по-нежилому тихо. Матвей подошел к окну, постучал. В нижний квадрат оконной рамы, где когда-то находилось стекло, высунулась вихрастая голова сынишки Мартына Горбачева.

— Тятя дома? — спросил Матвей.

— Ни тятки, ни мамки нету, дядя Матвей.

— Где они?

— Вторую неделю у попа на полях жнут.

— Сегодня приедут?

— Нет, когда им!

Матвей не торопясь пошел улицей. Повернул к дому Калистрата Зотова, постучал в белый наличник. Зотиха открыла окно.

— Сам-то дома? — спросил Матвей.

— Приезжал, в бане вымылся и опять на поля уехал.

— Завтра не приедет?

— Нет. Теперь до будущей субботы. Страда, Захарыч. Вы начали жать?

Матвей, не слушая Зотиху, шагал уже к дому Архипа Хромкова. Однако и тут его постигла неудача.

— И не приезжал еще. Видно, с делами не управился, — объяснила старуха, мать Архипа.

Матвей вышел на середину улицы и остановился в раздумье.

«Прозеваем кедровник. Прозеваем. Что делать?»

Его охватило отчаяние. Казалось, что кедровник безвозвратно потерян. Но Матвей быстро подавил в себе это чувство. Он хотел побывать еще у Кирилла Бодонкова, да вспомнил, что давно пора идти в баню, и поспешил домой.

В баню с Матвеем отправились сыновья и дед Фишка. Мылись молча. Дед Фишка парился с остервенением. Можно было подумать, что он за что-то злится на самого себя. На полках было так жарко, что старик на руку, в которой держал веник, надел рукавицу, Артем и Максимка сидели на полу, уткнув головы в колени. Когда они вымылись и ушли, а дед Фишка, полежав в предбаннике, отдохнул, Матвей спросил его:

— Дядя, ты у переселенцев в Подтаежном и Ягодном бывал?

— Был раз, Матюша. Давно, по первости еще, когда они только селиться начали.

— У тебя там знакомства есть с кем-нибудь?

— Нет, Матюша, чего нет, того нет. А, к примеру, зачем тебе?

Матвей не стал скрывать от старика свои мысли.

— О кедровнике, дядя, я все думаю. По всему выходит — не миновать нам драки. Своих-то, волченорских мужиков, легко поднять, а как с переселенцами быть? Есть у меня такая думка: побывать у них, потолковать о том, чтобы выступить сообща.

Дед Фишка согласился.

— Так, так, Матюша, без новоселов начинать это дело никак нельзя. За ними половина кедровника.

Старику очень хотелось помочь племяннику добрым советом, но придумать он ничего не мог. Жизнь прожита большая, а то, что замышлял племянник, было впервые.

Они ушли из бани, ни о чем не договорившись. Ночь Матвей провел не смыкая глаз. Он просидел у окна от вечерней зари до утренней. За ночь искурил целый кисет табаку. Завалинка под окном была усеяна окурками. На рассвете Агафья проснулась, поднялась доить коров. Увидев сына у окна, изумилась:

— Ты что это так рано поднялся?

— Я еще не ложился, мама.

Агафья подошла к сыну, обняла его и зашептала:

— Ты, сынок, от думки умом, смотри, не свихнись. Что ты один за всех страдаешь? Кедровник не одним нам нужен. Пусть и другие мужики призадумаются. Небось вон Кирюха Бодонков спит с вечера, и нет ему ни до кого дела.

— В том-то и беда, мама: живем каждый сам по себе, а посмотришь — всех одна нужда точит.

Он хотел сказать что-то еще, но Агафья прижала его к своей груди. От ласки матери на минуту ему стало хорошо, безмятежно, он почувствовал себя совсем маленьким.

Мать гладила теплой, немного шершавой ладонью его лицо, и ему казалось, что голос ее доносится откуда-то издали:

— Давно ли я тебя на руках носила? Подумаешь, будто вчера это было. А ты уж вон с бородой. Ишь какую отпустил! Еще годков десять, а там и к старости денечки покатыся. Я-то зажила. Жадная до жизни. Захар, поди, уж поджидает меня там. Помру, сынок, в поминальник записать не забудь. Бог хоть и не жалуется нас радостью, а все-таки... Э, на дворе-то вовсе рассвело. Ну, иди, иди, поспи. Утро вечера мудренее.— Она проводила его до дверей горницы и пошла в куть за подойником.

2

Дед Фишка шел к новоселам в Ягодный.

Дорога тянулась полями. Страда началась недавно, и суслонов на полях было еще мало. Ветры и дожди, пронесшиеся со снежной крупой и градом, оставили на посевах отметины. Рожь поникла, а в некоторых местах стлалась по земле, как сочная кормовая трава-вязель. Невызревший, желтый с зеленоватым отливом овес сваялся, зато желтовато-коричневый ячмень, невысокий и упругий стеблем, уже выправился и, покачиваясь, шелестел короткими усатыми колосьями.

Дед Фишка на ходу срывал то колосок ржи, то ячменя и, вылушив зерна, брал их в рот. Зерна были безвкусные, немного горьковатые.

«Кедровыми орешками позабавиться бы теперь»,— думал он, поглядывая туда, где за мелким березником виднелся кедровник.

Чувствовалось приближение осени. Зелень леса и трав поблекла. Квелье березовые листья покрылись желтоватыми пятнами. Макушки осин перекрасились в горящий малиновый цвет. Солнце пекло изнуряюще, но небо стало уже не летнее. Облака двигались стремительно, непрерывно и были не меловые, как в июне, а темно-сизые, с косматыми краями. Горизонт на западе редко очищался от

туч. Если б не юго-западный ветер, сгонявший тучи в сторону, над полями волченорских мужиков стояло бы затяжное ненастье.

Увидев возле дороги куст боярки, дед Фишка повернул к нему, нарвал горсть спелых ягод и, отправляясь дальше, рассуждал сам с собой:

«Боярка поспела. Раньше в эту пору мы с Матюшей в отход на Юксу собирались».

Он припомнил, какими хлопотливыми и отрадными были эти дни, и грустно усмехнулся.

«Все, брат Фишка, как ветром сдуло,— мысленно говорил он, обращаясь сам к себе,— ни пасеки, ни Юксы, ни кедровника. Да, может, пора уж и на покой.— У старика защемило в груди, но он быстро спохватился: — Погоди, что это я? В уме ли? Матушка-то на сто четвертом убралась. До ее лет мне еще жить да жить. А там, гляди, подфартит — и сверх того годков десяток прихватить сумею. Нет, умирать мне теперь нельзя. Надо еще должки кое-кому отплатить. Степан Иваныч... дождется! Сваты Юткины, Демка Штычков. Да теперь еще этот черт Адамов. Ишь сколько накопилось!»

Эти мысли окончательно вернули старику бодрость, и он легко и быстро дошел до поселка.

Дед Фишка не узнал Ягодного. Вместо соломенных балаганов, которые он видел в свое первое случайное посещение, теперь здесь стояло несколько крепких изб. Правда, большинство новоселов жило еще в землянках, вырытых по берегу буерака.

«Обживают мужики помаленьку,— подумал дед Фишка и с интересом осмотрел сруб крестового дома, стоящий возле дороги, на отшибе от поселка.— Ничего себе, ладный домишко будет, одних окон восемь»,— отметил он про себя.

Старик посидел на бревнах, отдохнул, покурил и пошел к землянкам. Матвей велел ему завести знакомство с такими мужиками, у которых и достатку-то — полупустой надел земли да несобранный пай кедровых шишек.

Когда перед ним показалось несколько труб, торчавших из низких крыш, застланных на два ската свежим, плотным дерном, он решил зайти в самую крайнюю землянку. К ее дверям пришлось спускаться по тропке, круто спадавшей по берегу буерака.

Землянка поразила его своей величиной. Тут было просторно, как в хорошей избе. В одном углу стоял большой стол, в другом — кровать; русская печка была обычного размера, с широким шестком и тремя вместительными печурками. Для полного вида не хватало полатей. В землянке стояла приятная свежесть. Дед Фишка помолвился, нарочно как можно громче поздоровался. Спавший на кровати хозяин очнулся, приоткрыл на секунду глаза и пробормотал:

— Тебе чего, дед Андрей?

«Он что, бредит?» — подумал дед Фишка и сказал со смешком в голосе:

— Сроду Финогеном, хозяин, кличут.

Мужик поднял голову, протер кулаком глаза.

— Обмишурился, старик, я. Проходи, садись. Из каких краев будешь? — Потягиваясь и зевая, мужик поднялся, почесывая круглую облысевшую голову.

Дед Фишка не без радости подумал: «Один-одинешенек дома. Сейчас я ему размалюю о кедровнике».

Дед Фишка присел на скамейку у стола, спросил хозяина:

— Не староверы? Трубку запалить дозволишь?

— Давай разжигай! Сам ее редко из зубов выпускаю. — Хозяин приподнял подушку, взял кисет, кремень, трут, кресало и подал старику.

Дед Фишка, в свою очередь, достал свой кисет и, подав его хозяину, смеясь, предложил:

— Запали моего. Слаще картузного. Турка такой не курит. А уж они, говорят, знают скус в табачке.

Мужик охотно принял из его рук кожаный кисет и запустил в него трубку.

Прошло не меньше минуты, прежде чем дед Фишка, раскурив трубку, начал обычный разговор:

— Как поживаете на вольной земельке, хозяин?

— Живем помаленьку, — лениво ответил мужик.

— Урожайишко-то как ныне, ладный?

— Озимые добрые. Яровые поплоше.

Дед Фишка недовольно крикнул. Не нравились ему короткие, односложные ответы мужика.

«Бирюк! Чистый бирюк, — про себя обругал его старик и подумал: — Ну, погоди, я тебя не мытьем, так катаньем», — и, заглянув мужику в глаза, начал о своем, главном:

— Шишковать-то собираетесь? Орех ноне есть. У нас в Волчьих Норах мужики ждут не дождутся, когда настанет пора в кедровник выходить. Выбился за лето народ из деньжонок.

Эти слова, по-видимому, тронули мужика, и он оживленно сказал:

— Что там шишкойой! Гривенник заработаешь, а тем временем на полях рубль потеряешь...

Не стоило пока противоречить мужику, но и соглашаться во всем с ним у деда Фишки тоже не было желания. Подержав себя за мохнатые брови, он сказал:

— Если, нычит, на полях есть что убирать, да ведь не у каждого там густо бывает. У нашего брата при хорошей погоде всей уборки на неделю. Земли тут черт кочергой не мерял, а хвати — сеять негде, кругом пни да колоды.

Мужик заметно насупился и молчал. Это удивило деда Фишку. Знал он, что ничего так не любят новоселы, как разговоры о неудобствах хваленой сибирской земли.

«Вот холерский, и на эту удочку не клюет!» — чуть не вслух прошептал дед Фишка.

Он выбил кресалом из кремня искорку и, раздув ее, положил трут в потухшую трубку. Как вести разговор дальше, он не знал. Прикинув кое-что в уме, он решил идти напропалую.

— До нас, хозяин, слушки дошли, — заговорил он, нарочно понизив голос и желая этим придать своим словам наибольшую значительность, — будто царь повелел по всей матушке России отобрать у бедных мужиков землю и отдать ее богатым. Как жить-то, хозяин, будем?

— А тебе что, не нравится, радетель голоштаный? Правильно царь-батюшка придумал, — резко возразил новосел. — У бедного мужика земля все равно без толку пустует, а справный хозяин ее засеет.

Чего-чего, а таких слов дед Фишка никак не ожидал.

«Эге, на богача, видать, нарвался, холера его задави», — наконец догадался он и, чтобы удостовериться в этом, сразу переменял разговор.

— Просторная у тебя, хозяин, землянка. Горница! — окинув еще раз взглядом землянку, проговорил дед Фишка. — А в избе все же лучше жить. Тут кто-то на краю поселка крестовый дом строит, таких домов и у нас в Волчьих Норах раз-два, и обчелся.

— Это мой сруб. Осенью переезжать буду,— проговорил мужик спокойно.

Дед Фишка был окончательно сражен и долго молчал, не находя, что сказать. Мужик заметил это и как-то недружелюбно покосился на гостя. Дед Фишка понял, что его замешательство замечено, и поспешил возобновить разговор:

— Окон больно много, парень, понаделал. Одного стекла на полста рублей уйдет.

— А ты что, стекло продажное имеешь?

— Как же, у меня, нычит, стеклянный магазин в городе, рядом с губернаторской фатерой,— попробовал пошутить старик.

Однако шутка нисколько не тронула хозяина. Пришла пора уходить. Дед Фишка взял свой картузишко и хотел было уже откланяться, но в это время дверь землянки раскрылась и один за другим вошли два мужика. Они остановились у порога, перекрестились и почти в голос проговорили:

— До твоей милости, Касьян Тимофеич.

— Хлеба, поди, опять пришли просить? — спросил хозяин.

— Слыхали, Касьян Тимофеич, будто людей на жатву ищешь,— проговорил один из мужиков,— зашли узнать.

— Людей надо,— подтвердил хозяин.

— Как нанимаешь-то, подесятинно или еще как? — спросил опять тот же мужик.

— Посуслонно. Девятнадцать суслонов мои, двадцатый ваш.

Мужики переглянулись, а дед Фишка выразил свое мнение вслух:

— Дешево платишь, хозяин!

— Четырнадцать суслонов твоих, пятнадцатый наш. Вот так, на худой конец, пойдет,— сказал один из мужиков.

— Нет, так не пойдет.

— Значит, не уступишь?

— Нет. Я вас не зову, другие найдутся.

— Ну, раз нет так нет. Пошли, Алексей!

Мужики не торопясь, по-видимому, не теряя надежды на то, что хозяин передумает и остановит их, вышли. Дед Фишка поспешил за ними.

— Старик, а ты зачем приходил? — крикнул вдогонку ему хозяин.

Дед Фишка ответил уже от двери:

— Подработать у тебя на жатве думал. Да скупко платишь.

Он остервенело хлопнул дверью и выругался.

— Ну, и жила ваш Касьян! — заговорил дед Фишка, догоняя мужиков.

Те оглянулись, зашагали медленнее.

— А ты, дед, что, тоже из-за куска хлеба по белому свету мыкаешься? Издалека?

— Какой там издалека... Сосед ваш, волченорский.

— Из Волчьих Нор? Гляди-ка! — удивились мужики. — У вас там своих богатеев полно.

— Богатеи есть, да заработка хорошего нету. А за дарма кому охота горб гнуть?

— Ну вот, Алексей, а ты в Волчьи Норы все меня звал: «пойдем» да «пойдем».

— Да и пойдешь, Мирон. Дорого ли, дешево ли дают, пойдешь. С голоду помирать не станешь.

Дед Фишка поддакнул:

— Истинная правда, Алексей. Брюхо, оно дюже по еде тоскливое. Худо-бедно, а два раза в день, нычит, подай ему питание какое там ни на есть.

Увидев лежащие у тропки осиновые бревна, дед Фишка проворно подбежал к ним, сел и сказал мужикам:

— Алексей, Мирон, садитесь, покурим.

Мужикам торопиться было некуда, и они с удовольствием приняли приглашение словоохотливого и приветливого спутника.

Когда оба закурили из кисета деда Фишки, он спросил их:

— Ну, как тут, в Сибири-то, обтерпелись мало-мало?

— Живем. Нам одна цена, что тут, что там. В Расее к барину на поклон ходили, тут к Касьяну Тимофеичу ходим,— хмуро проговорил Мирон. — Конечно, простору тут больше, а подступиться к земле нашему брату никак невозможно. Леса! Один разве совладаешь с ними?

— А из России доходят слухи об жизни? Как там теперь народишко живет? — спросил дед Фишка, подсыпая в свою трубку щепотку самосада.

— Слухи есть. У многих родня в Тамбовской осталась. Письма пишут,— опять заговорил более общитель-

ный Алексей.— Ну, да радости никакой нет в тех письмах. Из году в год мужику все ту же приходится. Вот хоть бы эти самые отруба. Богатому тут и землицы побольше да получше, и поблажки всякие по налогам, и деньги из банка. А вздумал кое-кто из маломощных на хутора выделиться, так что получилось? Деньги в банк в срок не внес, ну и пиши пропало. Вертайся в деревню и живи бобылем: ни земли, ни скота, ни двора — все с молотка продано.

Алексей помолчал, посмотрел в одну сторону, потом в другую и продолжал:

— Гляди, опять скоро волнение будет. Мужик не двужильный, не выдержит долго такой жизни. В пятом году с дробовиками и вилами на бар ходили.

— Ишь ты! Знать, край жизни подошел, по пустяку дробовик не схватишь,— вставил дед Фишка.

— Наша деревня тоже вся подымалась,— продолжал рассказывать Алексей.— Вот Мирон после того десять недель в остроге сидел.

— Чего, Лексей, поминать старое?.. Что было, то прошло,— сказал Мирон.

И по тому, как было сказано это, дед Фишка понял, что Мирон недоволен болтливостью Алексея. Старику захотелось, чтоб Мирон почувствовал в нем своего человека, поэтому, как бы невзначай обмолвившись, он сказал:

— Кто в остроге не бывал! Я сам с племянником Матюшей, однако, недель двенадцать отсидел. Правда-матушка не легко дается.

Количество недель, проведенных в каталажке, дед Фишка для большего веса преувеличил, но расчет оказался правильный. Мирон повеселел и сказал с улыбкой:

— Стало быть, острог — знакомое место, дедушка?

— Испытанное, Мирон,— важно ответил дед Фишка и, решив, что таиться больше нечего, откровенно рассказал об Адамове, о прошении губернатору и с чем пришел к новоселам.

— Теперь наши мужики другое направление взяли,— закончил он свой рассказ,— думают силой кедровник отстоять. Одно у них сумленье — вы, новоселы. Подыматься всем миром надо. Мне вот препоручили к вам сбегать, узнать, какой ваш ответ будет. Без кедровника нам не жить.

— Умно придумано,— первым откликнулся Алексей.— Знать, есть у вас башковитые мужики. Передай им — поддержим, пусть не сумлеваются.

— Все до одного поддержим,— подтвердил Мирон.— Сегодня же взбаламутим мужиков.

— Еще вашим соседям в Подтаежный шепнуть надо. Как дело у нас поспеет, мы вам гонца пошлем, а то я и сам добегу. Но, чур, мужики, до поры до времени — молчать. Чтоб ребятишкам и бабам, боже упаси, ни-ни!..

— В Подтаежный сегодня дойду, там брат у меня поселился, а о бабах не думай, дедушка, молчать умеем,— проговорил Мирон.

— Вот и хорошо, Миронушка! — Дед Фишка поднялся с бревна и начал прощаться.

— А как зовут-то тебя, дедушка? — спросил Алексей.— Ежели какой совет потребуется, так чтобы знать.

— Найти меня, браток, проще простого. Как зайдешь в Волчьи Норы, спрашивай любого: где, мол, тут живет дед Фишка? Меня там каждый знает.

— Так ты и есть Фишка?! — воскликнули оба новосела, осматривая старика с головы до ног.

— Я самый, в точности и при полной обмундировке,— засмеялся дед Фишка.

— Знаем, знаем тебя, дед. По слухам знаем,— сказал Алексей.— В прошлом году зверь повадился во дворы к нам ходить. Так в народе-то все и говорили: «Надо, дескать, в Волчьи Норы к деду Фишке ехать, он живо на медведя управу найдет».

Дед Фишка весело захохотал.

— Это можем! Мы с племянником Матюшей перебили их пропасть. Ну, Алексеюшка, Миронушка, дай бог вам удачи!

Дед Фишка еще раз пожал мужикам руки и скрылся в мелком густом березничке.

3

Перед тем как лететь на гречиху, утки собирались на озеро каждый день в одно и то же время.

Это случалось в те недолгие минуты, когда день, сияющий, прозрачно-голубоватый, уже кончался, а вечер еще не наступал и лишь подкрадывался откуда-то издали.

Утки слетались сюда поодиночке и парами со всех болот, запрятанных в перелесках. В несколько минут светлое, поблескивающее гладью воды озеро становилось пестрым. Крякая, шумно взмахивая крыльями, ныряя, утки суетились тут до тех пор, пока не гасла над лесом вечерняя заря.

С наступлением сумерек они стайками взмывали в воздух и улетали на поля клевать гречиху.

Матвей сидел на берегу озера в шалаше. Со всех сторон шалаш окружала высокая, густая осока. Зная, какими чуткими бывают в эту пору утки, он старался не шевелиться, хотя в крохотном шалаше было тесно и неудобно. О том, что творилось на озере, он догадывался только по звукам. То и дело до него доносились всплески воды. Утки, отяжелевшие от сытной еды, шлепались в воду с полного лёта.

Когда Матвей наконец поднял голову и взглянул на озеро, дыхание его остановилось. Озеро почти сплошь было покрыто утками. Зная, что стрелять ему придется только дважды, да и то второй раз влет, он глазами искал такое место, где утки сидели плотно одна к другой.

Осторожно, боясь спугнуть уток, он стал прицеливаться. Но вдруг раздался гулкий топоток. Матвей взглянул на дорогу. Прямо к озеру скакал верховой.

«Спугнет», — подумал Матвей и не успел спустить курок, как утки встревоженно, с шумом поднялись с озера.

Матвей с досады выскочил из шалаша и выстрелил им вдогонку. Одна утка закрутилась, стала падать, но тут же выровнялась и так круто и быстро полетела вверх, что скоро поднялась выше других.

Матвей проводил ее взглядом и посмотрел на дорогу. Верховой приближался с большой скоростью и мелькал за черемуховыми кустами. Когда он выехал из-за кустов, Матвей закричал:

— Черти тебя носят! Ни раньше, ни позже!

— Не ругайся, дело есть, — подъезжая, проговорил Мартын Горбачев. — Я тебя по всем полям ищу. Артемка твой сюда меня направил. «Уток, говорит, пошел на озеро бить».

— С тобой набьешь. Слышишь ведь, что не стрелял, взял бы да обождал немного, — с нескрываемым чувством досады проговорил Матвей.

— А мне и в голову не пришло,— улыбнулся Мартын.— Не до этого, брат. Сейчас у меня Евдоким Юткин был.

— Что ты говоришь? Зачем? — спросил Матвей, сразу обмякнув.

— О кедровнике тревожится. Видно, кто-то стукнул, что народ начеку. В сторожа меня нанимал.

— Нанял? — спросил Матвей.

— Да ты что, в уме? — воскликнул Мартын.— Озолоти меня с ног до головы, не пошел бы.

— Сглупил ты, Мартын. Прямо скажу — сглупил,— рассердился Матвей.— Надо было до слова наниматься и плату не спрашивать. Эх ты, какой случай упустил!

Мартын сидел на лошади, держа в руках свои костыли, и ничего не понимал.

— Езжай, Мартын, сейчас же к Евдокиму и нанимайся. Скажи, мол, что передумал.

— Ну уж нет! Народ потом проходу не даст, вслед, как собаке, улюлюкать будут.

— Народ тебе только спасибо скажет.

— С какой стати?

— А с такой, что ты все село выручишь. Как время подойдет, ты знать дашь народу. Евдоким не зря тревожится. У них с Демкой на все духу хватит. Может, охрану-то набирают, чтоб в случае чего народ дубинками встретить? — задумчиво проговорил Матвей, поглядывая на безлесый холм, за которым начинался кедровник.

— Вот это ты, пожалуй, угадал,— задумался и Мартын.— Евдоким сказал мне, что двух сторожей у новоселов нанял.

— Эге, своим-то не верит, живоглот! — выругался Матвей.— Думают, поди, что мы-то забыли о новоселах. Давай езжай, Мартын, нанимайся. Он ведь самодур, начнет отказывать — слезу пусти. Боюсь, что устроят они нам побоище.

— Все может быть,— согласился Мартын и, помолчав, махнул рукой.— Ладно, завтра пойду наниматься. Тут на полях-то Палашка одна с ребятами управится.

— Давай, Мартын, давай нанимайся. А Пелагее так скажи: трудно будет — поможем.

Они еще поговорили с минуту и отправились в разные стороны.

На другой день в полдень к Матвею прибежал сын Мартына Ромка. Матвей вместе со всей семьей молотил на току рожь. Мартын наказал сыну передать, что со вчерашнего дня в самой глуби кедровника Евдоким и Демьян с работниками начали шишкойой. Услышав это, Анна отшвырнула цеп и с криком заметалась по току.

— Ох, знала, что так будет! Ну, что ты повесил руки? — набросилась она на Матвея.

И правда, Матвей стоял, опустив руки, в первые минуты не зная, что делать.

— Ты погоди, Нюра, не шуми, дай ему одуматься, — заступился за племянника дед Фишка.

Но Анна ждать не хотела. Она схватила с земли платок и, торопливо повязывая им голову, запальчиво сказала:

— Побегу по полям баб собирать, а то с такими мужиками, как вы, с голоду сдохнешь.

— Постой, Нюра, — остановил ее Матвей. — Сделаем так: ты беги к Зотовым, а я пойду к Архипу Хромкову, а дядя пусть прямиком к новоселам отправляется. Хоть сегодня и не суббота, а пускай все с потемками домой вернутся и ждут набата.

Анна убежала, едва дослушав Матвея. Дед Фишка вслед за ней пустился рысцой извещать новоселов. Вскоре ушли и Матвей с Ромкой. На току остались только Артем и Максим.

Не прошло и часа, как по полям от одного балагана к другому засновали люди. Вскоре весть о том, что вечером надо быть в селе и ждать набата, долетела даже до самых дальних, и народ, кто пеший, кто конный, потянулся по неторным дорогам в село. Как только стемнело, во двор к Строговым, крадучись по задам и огородам, собрались мужики.

Матвей высказал им свои опасения. Они слушали его, шумно посасывая самокрутки, а когда он кончил, заговорили все сразу. Матвей прислушался и понял: возможное столкновение с охраной кедровника никого не поколебало. Силантий Бакулин предложил прихватить с собой стяжки, но тут же стало ясно, что этого недостаточно. Порешили взять, у кого есть, ружья. Ударить в церковный колокол поручили Матвею и Архипу Хромкову.

Было уже, пожалуй, за полночь, когда Матвей и Архип вышли из двора Строговых и, зябко поеживаясь, больше от волнения, чем от холода, поднялись к церкви на косогор. Ночь стояла светлая. На окнах угрюмых изб поблескивал холодный, негреющий свет месяца. В церковное озеро с непостижимой высоты смотрели звезды. Ничто не нарушало глубокой и суровой тишины, которой было объято село. Даже работник, стороживший хлебные амбары купца Голованова и всегда с усердием стучавший в колотушку, молчал в эту ночь.

Архип остановил Матвея и, показывая на избы, сказал шепотом:

— Смотри, как притихли, будто и в самом деле спят.

Матвей ничего не ответил. Он думал совсем о другом: «Предупредят Евдокима с Демьяном или нет? И если предупредят, отступят они или в драку полезут?»

Ворота и калитка церковной ограды оказались закрытыми на замок. Матвей и Архип перепрыгнули через ограду, подошли к церковному крыльцу и стали искать веревку от колокола. Обычно конец этой веревки заматывался на левый резной столб крыльца. Каждому, большому и малому, было известно — случится какая беда: дом ли загорится, вешнее ли половодье топить усадьбу начнет, зверь ли во двор ворвется, беги к церкви, бей в колокол — со всего села народ на помощь сбежится. Но теперь веревки не оказалось, и у Матвея мелькнула мысль: «Знают». Он хотел сказать о своих опасениях Архипу, однако решил прежде посмотреть, нет ли веревки на правом столбе. Он шагнул на крыльцо и тут же отпрянул обратно. На самой верхней ступеньке, опираясь на палку, в шубе и шапке, совсем как зимой, сидел трапезник Маркел.

Матвей схватил Архипа за руку и увлек его за собой в кусты. Архип, волновавшийся вначале, почувствовал себя как рыба в воде. Любивший поозорничать и почудить, он решил подкрасться к Маркелу, набросить на него зипун и продержат его так до тех пор, пока Матвей не ударит в колокол. Но Матвей остановил его:

— Может, уснул старый хрыч. Почему он не остановил нас, когда мы через ограду прыгали?

— Да ведь он на ухо туговат. Не слышал. Постой, я сейчас посмотрю,— проговорил Архип и, осторожно ступая, направился к крыльцу.

— Спит, сердешный,— возвратившись, сказал Архип.

Пока Архип ходил смотреть, спит ли Маркел, Матвей сообразил, что по высокой лиственнице, вершина которой закрывала один из пролетов, где висели маленькие колокола, можно подняться вверх и перебраться на колокольню.

Они подошли к лиственнице, и Матвей, ловко карабкаясь, стал подниматься вверх.

В притихших избах уже ждали набата. Люди сидели одетые, с мешками в руках, у многих во дворах стояли запряженные в телеги и оседланные лошади. С каждой минутой ожидания нетерпение росло и вот-вот готово было прорваться.

Взбираясь по лиственнице, Матвей слышал, как внизу, под косогором, в каком-то из дворов хлопали дверями и скрипели воротами. Видимо, люди, ожидая набата, уже отчаялись и стали выказывать свое нетерпение.

«Ну, ничего, потерпите, недолго вам осталось ждать»,— подумал Матвей и, сильно сгибая вершину лиственницы, схватился за перила колокольни.

Архип стоял на земле и, задрав голову, старался разглядеть, что делает Матвей. В руках он держал зипун, снятый с плеч на случай, если Маркел проснется и подымет тревогу. Вскоре Архип увидел, что Матвей спускается вниз.

«Все пропало. Не достал!» — подумал Архип. Но когда Матвей спрыгнул с дерева, Архип увидел в его руках веревку.

— На колокольню подняли, гады! — проговорил Матвей, тяжело переводя дыхание.

Веревка была длинная, ее хватило до первого черемухового куста. Оба встали рядом и дернули за веревку. Первый удар получился глухой. Но со второго и третьего звучный набат прорезал гулкую тишину. Маркел вскочил и, ничего не понимая, растерянно заметался около запертой двери на колокольню.

Перескочив через оградку, Матвей и Архип выбежали на косогор и остановились. Гул, исходивший от большого колокола, все еще не прекратился и плыл, сотрясая

воздух. Село переполошилось, как во время пожара. По улицам мчались верховые, бежали пешие.

Матвей побежал к своему дому, но ни Анны, ни Артема с Максимкой уже не застал. Они выехали со двора, едва заслышав первый удар в колокол.

Улица была забита людьми и лошадьми. Матвей прыгнул в первую попавшуюся телегу. Телега была Силантия Бакулина. Бородач, увидев рядом с собой Матвея, стал понукать лошадь, пытаясь обогнать передних, но это ему не удалось. Широкая улица оказалась тесной для этого живого потока. За селом, когда все сгрудилось у моста, Силантий, понимавший, что им с Матвеем надо приехать раньше других, сбоку въехал на мост и, очутившись на другой стороне речки, на гати, стал нахлестывать лошадь. Однако опередить всех не сумел. Некоторые ехали так быстро, что за ними едва-едва успевали верховые. Скоро стало видно кедровник. Окруженный мелким березником, он высился на земле черной громадиной и казался недоступным.

Матвея беспокоила все та же мысль: «Предупредили Евдокима с Демьяном или нет? И если предупредили, отступят они или в драку ввяжутся?»

Вдруг раздался выстрел, лошади шарахнулись в сторону, какая-то баба завопила:

— Ой, убили!

Потом прогремело еще несколько выстрелов, но ни выстрелы, ни вопли бабы никого не остановили.

Матвей и Силантий оставили в березнике лошадь и побежали туда, откуда доносились выстрелы. В это время послышался крик:

— Мужики, стяжки берите!

Матвей по голосу узнал Мартына Горбачева.

Выхватив ружье из рук Силантия, он побежал на голос Мартына.

Анна наступала на кедровник вместе с ватагой баб и ребятишек. С криком они бежали по чистой поляне, стараясь уклониться подальше в сторону от того места, где полыхали короткие, ослепительные вспышки выстрелов. Когда они почти вплоть подбежали к кедровнику, на них наскочил верховой. Рослая лошадь под ним, как бешеная, фыркала и храпела. Верховой поскакал прямо на людей с криком и грубой бранью:

— Назад! Назад!

Но никто назад не повернул. Верховой метался по поляне, не в силах сдержать людей. Анна бежала, подталкивая вперед Артема и Максимку и стараясь, чтобы они были у нее на виду. Но вдруг она почувствовала, что лошадь сзади приближается к ней и горячим дыханием обдает ее шею. Она обернулась и увидела освещенное месяцем перекошенное злобой лицо отца.

Видя, что лошадь вот-вот подомнет ее под себя, Анна схватилась за поводья и, поджав ноги, повисла. Лошадь встала на дыбы, но Анна не отпустила поводьев.

— Бабы! — закричала она.

Бабы ринулись к ней на помощь со всех сторон.

Евдоким узнал Анну и, стараясь достать ее бичом, хрипло кричал:

— Отступи, стерва! Убью!

Анна держалась, несмотря на страшную боль.

— Бабы, тащите его из седла! — крикнула она.

Бабы и без того знали, что делать. Они схватили Евдокима за полы азяма, и он упал головой вниз. Анна отпустила поводья, и лошадь понеслась в березник. Евдоким поднялся с земли и, кляня белый свет, побрел от кедровника прочь.

Бабы и ребятишки кинулись на бугор, с которого начинался кедровник. Услышав их радостные возгласы, Евдоким заскрежетал зубами, и прокричал в темноту:

— Воры! Грабители! Спалю кедровник! Будьте вы прокляты!

Дед Фишка ворвался в кедровник вместе с новоселами с другой стороны. Охрана, которой на том месте управлял старик Платон Юткин, тоже попыталась выстрелами остановить людей. Но это не испугало их, а лишь разозлило.

Люди, не останавливаясь, бежали к кедровнику, навстречу выстрелам. Дед Фишка, раньше относившийся к новоселам, не иначе, как снисходительно, видя все это, с улыбкой подумал: «Ишь как идут! Упрямый народ!»

Старик не отставал от Мирона и чуть не первым вошел в кедровник.

Когда запах смолы пахнул на него, он не сдержал своих чувств и закричал, чуть не плача от радости:

— Мужики, наш кедровник! Наш!

Кто-то из-за кедра ударил деда Фишку в грудь, и он

рухнул под ноги Мирону. Теряя сознание, он слышал крик Мирона и ругань мужиков.

Когда он пришел в себя, говор людей уже доносился издалека, а рядом с ним кто-то стонал.

Дед Фишка вскочил и зажег спичку. Это был Платон Юткин. На секунду в душе деда Фишки пробудилось чувство жалости.

— Сват! — нагнувшись над Платоном, позвал его дед Фишка.

Платон заворочался и зарычал так дико и зло, что дед Фишка отшатнулся от него и подумал: «Злобой исходит».

Он постоял еще возле Платона с минуту. Платон больше не вызывал жалости, и в груди деда Фишки подымалось против него некое ожесточение.

«Да что я над ним, как свечка, стою? Он, видно, меня стяжком-то угостил, подлец», — подумал дед Фишка и, не колеблясь, зашагал к новоселам.

Скоро эхо разнесло по кедровнику первый удар барца в кедр. Зачин сделали волченорцы. Новоселы были уже наготове и тотчас ответили. Потом барцы застучали по всему кедровнику. Кедровники от сильных ударов сотрясались и гудели.

Было еще совсем темно, но люди не ждали рассвета и работали. После каждого удара шишки падали с кедров сплошным потоком. В кедровнике было шумно от стука барцев, от говора и смеха. Люди чувствовали себя приподнято. Они только что испытали свою силу, увидели, как она велика, и теперь были горды за самих себя.

Когда забрезжило утро, бабы и ребятишки, суетившиеся возле мужиков без дела, начали собирать шишки в мешки. Работа кипела безостановочно и была приятна людям. Они заражались друг от друга азартом, и совсем произвольно то тут, то там молодежь оглашала лес звонкой песней.

К вечеру из Жирова в Волчьи Норы прискакали урядник, волостной старшина и понятые — семь жировских мужиков, вооруженных дробовиками.

Волченорцы и новоселы работали в кедровнике, не зная об этом. Евдоким Юткин и Демьян Штычков настояли на том, чтобы арест зачинщиков захвата кедровника произвели немедленно. Урядник, ободренный крупной взяткой, вначале храбрился, обещал на всю жизнь проучить бунтовщиков. Однако когда подъехали к лесу

и надо было идти забирать их, он заколебался. Жировские мужики стояли кучкой, невесело поглядывая на кедровник. Их привезли поневоле, и вступать с волченорцами в борьбу, которая могла кончиться очень плохо, у них не было никакого желания. Урядник попробовал взвалить все на понятых, но те зароптали и согласились идти в лес только вместе с ним.

Урядник потоптался на месте, походил по глубокому буераку, скрытому в березнике, и решил вернуться в село. Евдокиму Юткину и волостному старшине он заявил, что тут дело пахнет кровопролитием, а идти на такое дело без разрешения господина станового пристава он не может.

Только через три дня, когда шишкобой был окончен и все возвратились домой, зачинщиков захвата кедровника арестовали. Их отправили в волость на пяти подводах, под конвоем жировских мужиков. Были тут Матвей Строгов, Архип Хромков, Калистрат Зотов, Тимка Залетный, Силантий Бакулин, Мирон Вдовин и с ними много других волченорцев и новоселов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Целую неделю несколько знахарок не выходили из дома Юткиных, но Платон больше не поднялся. Он умер, так и не сказав о том, что произошло с ним в кедровнике.

Смерть его настигла ночью, и селу об этом стало известно уже утром, когда Платон, обмытый, переодетый в новую холщовую рубаху и шаровары, с венчиком на голове, лежал на лавке под божницей в прихожей ютकिनского дома.

На рассвете Агафья вышла в огород нарвать корове капустных листов. Мимо по проулку проходил дед Лычок.

— Даниловна! — окликнул он Агафью. — Сват твой убрался.

Агафья сразу поняла, о ком говорил Лычок.

— Давно? — спросила она, мелко крестясь.

— Ночью. Иду гроб делать.

Агафья побежала будить Анну. Дед Фишка уже не спал и слышал, как Агафья, поднимая сноху, говорила ей:

— Очнись, Нюра, очнись, сват Платон умер.

Дед Фишка соскочил с полатей и торопливо вышел во двор. Когда что-нибудь его поражало, он всегда убегал от людей, чтобы несколько минут побыть одному и подумывать.

На селе было известно, что ускорило смерть Платона. Из кедровника его привезли внуки Прохор и Терентий чуть живого. Чей-то стяжок здорово походил по нему. Говорили, что пострадал Платон в схватке с новоселами, но кто именно бил старика, этого никто не знал.

Весь день дед Фишка ходил сам не свой. Он-то знал все. И то, что в смерти Платона был как-то замешан и он, теперь его страшно мучило. Он старался успокоить себя, оправдать, но это не помогало.

На третий день после смерти Платона Евдоким разослал работников по селу приглашать желающих на поминки. Дед Фишка пошел к Юткиным с большими колебаниями, с болью в груди. В доме у Юткиных он не был несколько лет, и к ним его никогда не манило.

Юткиных не любили, однако на поминки собралось народу немало. Были тут больше старики и старухи. Многие из них пришли сюда единственно из-за сытного обеда и рюмки водки.

Когда дед Фишка вошел в дом, поминки были уже в полном разгаре. Некоторые из стариков захмелели и, вспоминая Платона, расхваливали его добродетели. Другие успели уже забыть о нем и разговаривали о таких вещах, которые к покойному никакого отношения не имели.

Старики и старухи были туги на ухо, и потому в доме стоял шум, как в воскресный день на базаре. Евдоким сутился вокруг столов, заставленных чашками с лапшой, и строго покрикивал на Марфу и снох. Он уже порядочно выпил и ходил покачиваясь.

Дед Фишка долго стоял у дверей, никем не замеченный. Наконец кто-то из стариков увидел его и стал звать за стол. Услышав это, Евдоким повернулся к деду Фишке, и старик заметил в его глазах злой огонек. Разглаживая мясистой ладонью черные волосы и одергивая плисовую поддевку, Евдоким вышел на середину прихожей и сказал с издевкой:

— А-а, Финоген Данилыч прибыл! А я только-только хотел в лапоть дерьма положить да за вашей милостью послать.

Сказав это, Евдоким взглянул на сидящих за столом, как бы говоря им: «Ну, теперь ваш черед, смейтесь!» Но никто не засмеялся. Евдоким выждал еще несколько секунд и вдруг деланно загоготал во всю глотку. Старики и старухи, одни с удивлением, другие с испугом, посмотрели на него. Дед Фишка промолчал, Евдокима это молчание взорвало. Он приблизился к деду Фишке и, указывая рукой на дверь, рявкнул:

— Убирайся к дьяволу, леший таежный!

Дед Фишка почувствовал головокружение. Ему захотелось крикнуть Евдокиму в ответ что-нибудь такое же обидное, но он сдержал себя и проговорил довольно миролюбиво:

— Не богохуль, сват Евдоким. Неподходящее время выбрал.

Евдоким не ждал такого спокойного и вразумительного ответа и немного опешил. Дед Фишка заметил это и, победоносно взглянув на Евдокима, подумал: «Что, выкусил?»

Старики принялись снова приглашать его за стол, и он, думая, что разговор с Евдокимом окончен, направился к ним. Но Евдоким преградил ему дорогу и закричал:

— Вертай обратно!

Не желая вступать в ссору, дед Фишка промолчал, попятился к дверям прихожей. Старики, видя все это, заворочались, насупились, а Григорий Сапун, начетчик Святого писания, вступился за деда Фишку:

— Что ты его, Платоныч, гонишь? Он с твоим отцом в бабки играл. Вишь вот, пришел помянуть товарища.

Евдоким с яростью посмотрел на старика, осмелившегося перечить ему, и выпалил:

— Ну-ка, помолчи, дед Григорий! Не твоего ума дело!

Старики и старухи так и обмерли. Григория Сапуна чтило все село. Дед Фишка понял, что без ссоры не обойтись, и решил больше от нее не уклоняться.

— Ты, сват, на меня не маши руками. Мы не в кедровнике, и драться с тобой здесь я не желаю,— проговорил он и сделал шаг вперед.

Эти слова старика взбесили Евдокима. Он затопал ногами и закричал:

— Вон отсюда, смутьян! Все равно кедровник мой будет! Матюху твоего в тюрьме сгною, и тебе не миновать

этого! — Он прокричал это сипло, задыхаясь от злости, страшно побледнев.

Старики поднялись с широких скамеек и насторожились, не спуская глаз с Евдокима и деда Фишки, а старухи отложили ложки и зашептали молитвы. Кедровник всем был дорог. Все с нетерпением в ту ночь ждали набата, все собирали урожай и не чувствовали ни тогда, ни теперь никаких укоров совести. К тому же среди стариков и старух были такие, сыновья которых, вместе с Матвеем Строговым, сидели в волостной каталажке.

Закинув руки назад, дед Фишка ответил Юткину:

— Ты, сват, меня не срами принародно. Я не вор.— И, помолчав, крикнул: — И Матюша не вор. Мы у тебя ничего не украли!

— Нет, ты вор! И Матвей тоже вор! Вы мой кедровник обворовали! — повысил голос Евдоким.

— Чего, сват, болтаешь зря! Народ свое взял, богом ему данное,— спокойно, с сознанием своей правоты проговорил дед Фишка.

Старики и старухи переглянулись и зашептались, одобряя слова деда Фишки. Это не ускользнуло от внимания Евдокима. Дрожа от ярости, он широко размахнул руками и, потрясая ими, прохрипел:

— А, народ? Народ — тоже вор!

Григорий Сапун попытался успокоить Евдокима:

— В голове у тебя мутно, Евдоким Платоныч. Поди ляг на кровать.

Евдоким подбежал к старику, изогнулся и с большим напряжением, словно его давила какая-то тяжесть, проговорил:

— А, вот ты чего захотел? Ну и уйду! Уйду! Хапайте мое добро, хапайте, подлецы! Все вы воры! Все! И ты! и ты! и ты! — вдруг закричал он, тыча пальцем в лица стариков.

— Платоныч, не ты, а бог нам судья! — вскрикнул Григорий Сапун.

Старухи одна за другой зашаркали к выходу.

Напрасно Марфа пыталась утихомирить Евдокима. Он оттолкнул жену от себя и, набрасываясь на стариков, иступленно кричал:

— Воры! Ишь они какие! Меня же обокрали — и ко мне же хлеб жрать пришли. Воры!

— Алдоха, не глумись над отцом! — попытался опять остановить Евдокима Григорий Сапун.

Но старики, опрокидывая чашки с лапшой и стаскивая холщовые скатерти, уже вышли из-за столов и сгрудились у двери.

Евдоким кричал им вслед все те же обидные слова, а Марфа и снохи бестолково суетились, пытаясь хоть как-нибудь спасти свой дом от позора. Дед Фишка выскочил за дверь и, встречая одногодков, товарищей по молодости, взволнованно говорил:

— Вот это устроил, варнак, поминки!

Возбужденная толпа стариков и старух вышла со двора и направилась по улице. Из дома до нее доносились вопли Евдокима.

Было слышно, как он выкрикивал:

— Спалю! Ни одного дерева не оставлю!

Когда дом Юткиных остался далеко позади, старики и старухи дали себе волю. Они называли Евдокима безбожником, антихристом, подлецом, жадюгой. Все были оскорблены и взволнованы. Некоторые старухи вытирали головными платками слезы. Старики всплескивали руками и ахали.

Дед Фишка шел впереди всех, суетливо размахивая руками и горбясь. Он призывал стариков запрягать лошадей и скакать в Жирово на выручку арестованных мужиков.

— Зевать будем — засудят их. Он, варнак, половину двора судье отдать не пожалеет. Будут наши мужики тогда ни за что ни про что в остроге вшей кормить.

Еще в день ареста мужиков дед Фишка сговаривал кое-кого ехать немедленно в волость и хлопотать об освобождении. Но тогда никто на это не согласился, все были напуганы. Теперь старики и старухи в один голос поддерживали деда Фишку. Своими оскорблениями Евдоким возбуждал против себя каждого.

Толпа у косогора остановилась, недолго потопталась тут и разошлась. Придя домой, дед Фишка бросился искать Анну. Она с ребятами вырезала лук в огороде. Дед Фишка окликнул ее и поманил к себе пальцем. Анна, поняв, что старик собирается сказать ей что-то необычное, прикрикнула на ребятшек, чтобы они работали прилежнее, и подошла к нему. Дед Фишка подробно рассказал ей о случившемся.

— Хорошо, что я не пошла на поминки. Будто чуяла, что там будет,— проговорила она.

То, что старики решили ехать в Жирово хлопотать за мужиков, ее очень обрадовало, и она сказала:

— Видно, нет худа без добра. Не разогнал бы батя стариков с поминок — не поехали бы.

С тех пор как арестовали Матвея, Анна жила словно в потемках. Раньше в уме ее были какие-то представления о правде и неправде, а когда это произошло, все смешалось. Тоска по Матвею, боязнь опять остаться без мужа тревожили ее.

Арест его вначале возбудил в ней досаду. «Все мужики как мужики, а он все норовит вперед выскочить»,— думала она.

Но это чувство быстро улеглось. Она вспомнила, что первой бросилась по полям сзывать народ отбивать кедровник. Не зная, кто является виноватым в том, что жизнь людей неустроенна и тяжела, она досадовала теперь на всех понемногу: на бога, на царя, на своего отца и Демьяна, на Матвея, на ребятишек, которые не всегда ее слушались, и, наконец, на себя.

— Ну ладно, дядя, коли так, я пойду соберу харчей Матюше,— проговорила Анна.

Она ушла в избу быстро, легко, как-то сразу помолодев и оживившись. Дед Фишка посмотрел ей вслед, улыбнулся и подумал: «Хитро белый свет устроен. Мужик без бабы никуда не годен, но и баба без мужика шагу не шагнет».

Вскоре дед Фишка выехал со двора и, погоняя лошадей, свернул за поскотиной с дороги влево. Тут в логу его ждали уже старики.

2

Мужики сидели все вместе. В каталажке было тесно и душно. Круто пахло табаком, плесенью, крысиным пометом. Все здесь осталось по-прежнему, и Матвею казалось, что, с тех пор как они с дедом Фишкой провели тут беспокойную осень, миновало всего лишь несколько дней. Мужики в шутку называли Матвея старожилом.

Каждое утро начиналось затеями Архипа Хромкова. Его выдумкам не было конца. Он забавлял всех то не-

пристойными рассказами о попадье, ее дочках и поповом работнике, то схватывался за живот и заставлял сторожа волостного правления, на попечении которого находилась и каталажка, до десяти раз подряд выводить его во двор.

В каталажке сидело более двадцати мужиков, но ни один из них не унывал, не плакался на свою судьбу. Сознание того, что дело, которое было им дорого, сделано, что сила и правда на их стороне, что их тут не один, не два, а много, придавало им бодрости. Все были уверены, что долго сидеть не придется. Но дни проходили, а мужиков продолжали держать в каталажке. Матвей раньше других понял, что волостное начальство чего-то выжидает. Но чего?

Выяснить положение помог Дениска Юткин, живший в работниках у богатого жировского мужика, недавно выбранного старостой.

Из разговоров на селе Дениска слышал, что волченорские мужики сидят в каталажке, и чувствовал, что Матвей находится среди них. Уже несколько дней в свободное от работы время Дениска крутился у двора волостного правления, надеясь увидеть Матвея на прогулке, и однажды утром это ему удалось.

Архип Хромков, под гогот мужиков, окруживших его и сторожа, показывал, как двое глухонемых подошли с разных сторон к берегу речки, как они требовали друг у друга лодку, как потом они вообразили, что один из них издевается над другим, и, не в силах сдержать себя, бросились навстречу друг другу с кулаками и утонули. Матвей задумчиво бродил вдоль забора. Денис увидел его в щелку и тихонько окликнул.

Пока Архип Хромков потешал сторожа, Дениска сообщил Матвею важные новости. Только накануне он слышал от хозяина, что мужиков распускать по домам не собираются и что волостное начальство ждет приезда нового пристава.

Матвей попросил Дениску как можно скорее сходить в Волчьи Норы и передать деду Фишке, чтобы тот немедленно приехал в Жирово. Дениска пообещал сделать это при первой возможности. Вечером мужики услышали стук в стенку каталажки с той стороны, где было оконце. Матвей встал на нары и, взглянув в оконце, увидел в темноте человека. Это оказался Дениска. Оконце было без

стекла, сторож спал, и Дениска без особых предосторожностей рассказал обо всем слышанном за день.

То, что сообщил он мужикам, не обрадовало их. Прибыл становой пристав, грозился судом и тюрьмой. Матвей попросил Дениску идти к деду Фишке немедленно, не дожидаясь утра. Он понимал, что начальство в деле о захвате кедровника натолкнется на такие трудности, преодолеть которые никакими законами невозможно. В захвате кедровника было повинно все село. Если уж судить — надо судить всех. Ясно, что на такую меру власти не пойдут. По словам Дениски, становой пристав был очень недоволен тем, что арестованных слишком много. Из этого Матвей заключил, что становой пристав будет искать зачинщиков, и надо во что бы то ни стало скрыть их, изобразить дело так, будто тут никакого сговора не было.

Чувствуя, что утром становой пристав может начать допросы, Матвей посоветовал мужикам держаться робко и говорить только одно: «Вижу, что народ едет в кедровник, ну и я поехал».

В полдень всех арестованных привели в правление.

Становой пристав, молодой, краснощекий, встретил мужиков весьма любезно. Улыбаясь, поглаживая короткие офицерские усики, он просто, будто мужики были его приятели, заговорил:

— Что же это вы, друзья хорошие, беспорядки у меня в стану разводите? Или в самом деле жить туго? Ну, давайте потолкуем, авось что-нибудь и придумаем сообща.

Матвей чуть не вскрикнул: «Э, вон ты куда гнешь!»

Без особого труда можно было понять расчеты станового. Так как ни урядник, ни волостной старшина не могли указать, кто поднял народ на захват кедровника, пристав, очевидно, решил расположить к себе мужиков, чтобы они сами выдали зачинщиков.

Действительно, такой простой подход станового понравился мужикам. Матвей заметил, что их лица обмякли, а Калистрат Зотов стал медленно приподыматься. Матвей дернул его за подол рубахи. Калистрат оглянулся. Матвей, пряча руки за широкой спиной Силантия Бакулина, погрозил ему кулаком.

Однако становой пристав заметил беспокойство Матвея и, по-прежнему улыбаясь, сказал:

— Ну, ты вот для начала скажи.

Он пальцем показал на Матвея. Тот поднялся.

— Ну, давай расскажи, как жизнь идет. Может, жалобы какие есть? Скажи. Посмотрим, поговорим. Авось что-нибудь и придумаем сообща,— повторил он, видимо, заранее подготовленную фразу.

Но теперь слова прозвучали так, что не только Матвей, а и другие мужики почувствовали, что становой рисуетсья.

— Жалобы? Жалоб нету,— проговорил Матвей.

— Та-ак...— протянул пристав.— Ну, а живешь как?

— Живем помаленьку.

Пристав молча прошелся за столом, несколько обескураженный тем, что разговор не клеился, и сказал, кинув недовольный взгляд на Матвея:

— А ты говори смелее, не бойся. Я свой человек.

«Вот гад, в родню лезет»,— подумал Матвей и, стараясь, чтобы это получилось душевно, проговорил:

— Да я и не боюсь, вы не зверь.

Становой с радостью подхватил:

— Вот и чудесно! Говори о всем, что на душе лежит, откровенно. За слова не судят.

Но и после этого Матвей не разговорился. В силу необходимости приставу пришлось непрерывно задавать ему вопросы о его хозяйстве, о семье, о жизни.

Вслед за Матвеем он начал в таком же духе разговаривать с другими мужиками. Теперь уже все понимали, что становой приглядывается к ним, а на самом деле он не так добр и ласков, как это ему хочется показать. Он же, видимо, не подозревал того, что его разгадали, и чем дальше, тем больше рисовался, то и дело вставляя в свою речь деревенские словечки.

Мужики переглядывались и все ждали, когда же наконец пристав бросит морочить им головы и начнет говорить о том, ради чего он сюда приехал.

Но ожидания эти были напрасны. Становой отпустил мужиков, так ни единым словом и не упомянув о кедровнике, и этим еще больше озадачил всех.

3

На другой день с утра становой вызвал только новоселов. Оставшиеся в каталажке волченорцы долго гадали о том, что значило это. Всем стало ясно только одно:

то, что происходило вчера, это было ненастоящее,— настоящее началось сегодня.

Час проходил за часом, а новоселы не возвращались. Мужики стали догадываться, что становой вызвал новоселов вперед для того, чтобы устроить волченорцам какой-то подвох, может быть натравить одних на других или испытать ложные показания.

Матвей больше чем кто-либо другой понимал, что дело приняло серьезный оборот. Новоселы могли оказаться недостаточно стойкими.

Наступил уже полдень, когда становой приказал привести волченорцев. Он встретил их, как накануне, приветливо, и с улыбкой спросил:

— Как же все-таки, мужички, произошло это? Народ вы бывалый, в бога верующий, царя почитающий — и вот бунт учинили.

Чувствуя, что разговор на этот раз будет серьезный, что становой что-то подготовил волченорцам, так как новоселов не было ни в правлении, ни в катажке, Матвей решил выступить от имени арестованных.

— Мы бунта не чинили, господин становой пристав,— сказал он.— Мы не одни в кедровник шли.

— Я знаю, вы других вели,— ехидно вставил пристав.— Вы пошли против закона. Это и есть бунт, самоуправство.

— Нет. Когда мы слышали набат,— продолжал спокойно Матвей,— мы все решили: «Ну, слава богу, губернатор не оставил наше прошение без внимания».

— Какое прошение? — удивился становой.

Матвей рассказал о прошении, поданном волченорским обществом губернатору. Становой пристав, слушая это, покусывал губу.

— А кто из вас Силантий Бакулин?

Бородатый, крупного роста, богатырского сложения Силантий Бакулин поднялся, заметно оробев от того, что становой назвал его.

— Ага, так это ты Силантий Бакулин? — меряя его взглядом, проговорил пристав.— Так вот, Силантий, новоселы говорят, что это ты ударил в набат.

Возмущенный неправдой, Силантий сразу осмелел и сказал басом:

— Несуразица, барин. Плетут.

— Как «плетут»? Вот видишь, их подписи есть.— Становой взял со стола какую-то бумагу и поднес ее к своим глазам.— Тут так и показано: «Еще недели за две до шишкобая нас собрал Силантий Бакулин и сказал: ждите, мол, набата, когда надо будет, я сам в большой колокол вдарю».

— Брехня! Все брехня! — заволновался Силантий Бакулин.

Матвей про себя улыбнулся: все, что говорил пристав, было измышлением и только подтверждало предположение, что власти ничего точно не знают.

— Нет, не брехня. Мужики это под присягой показали,— продолжал пристав.

— Мало ли чего можно с перепугу показать! Брехня! — настаивал Силантий.

— А я тебе еще раз говорю: все это новоселы под присягой показали,— сердито проговорил пристав, отчеканивая каждое слово.

— Пусть они при нас это скажут,— тихо сказал Матвей больше Силантию, чем приставу.

— Во-во! Пусть придут и в глаза мне скажут,— подхватил Силантий.

— Ну-ну, позвольте уж мне самому знать, что нужно делать! — бросив на Матвея злой взгляд, крикнул становой.

«Ого, из этой табакерки не нюхаешь?» — мысленно усмехнулся Матвей.

— Новоселы за каждое свое слово отвечают по закону. Вот протокол допроса, а вот их подписи. Посмотри! — Пристав подал Силантию бумагу, но тот был неграмотный и передал ее Матвею. Матвей взглянул на протокол и чуть не расхохотался. Подписи под протоколом были, по-видимому, написаны рукой самого же пристава. Хотя буквы подписей имели разный наклон, но трудно было не заметить их общее сходство.

— Тут вот, господин становой, Деревянников у вас расписался. Он же неграмотный,— пряча улыбку, спокойно заметил Матвей.

Уши пристава порозовели, он забеспокоился и пробормотал:

— Как? Деревянников? Ах да, Деревянников...— И, почувствовав, что мужики заметили его замешательство, выскочил из-за стола и, выхватив бумагу из рук

Матвея, закричал: — Ты что, в подлоге меня уличать? Ты, лапоть! Ты, видно, и есть главный зачинщик.

Неизвестно, какое направление принял бы допрос, если бы не случилось то, чего втайне поджидали мужики.

За стеной послышался стук телег, говор, топот ног многих людей. Потом вбежал взволнованный жировский урядник и что-то торопливо стал шептать становому на ухо. Пристав изменился в лице и, махнув энергично рукой, сказал:

— Не впускать!

Но было уже поздно. На крыльце затопали, дверь распахнулась, и в комнату одна за другой вбежали бабы... Увидев своих мужей, они бросились к ним, обняли и заголосили.

Волостное правление стало наполняться ребятишками и стариками. Народ все прибывал и прибывал. Говорили и плакали все сразу, и было во всем этом что-то страшное, необузданное, такое, что невозможно сдержать никакими силами.

Когда бабы и ребятишки немного стихли, вперед выдвинулся сухощавый, с лицом Николая-угодника, Григорий Сапун.

— Тихо! Говорить буду,— негромко сказал он.

Григорий Сапун торжественно перекрестился и, обращаясь к приставу и уряднику, сказал:

— Кто из вас главный, царские слуги?

Становой пристав повернулся к нему.

— Я, отец.

Григорий Сапун гордо поднял голову, вытянул сухощавую руку и строго, чуть с дрожью в голосе, проговорил:

— Великий грех совершаете! Неповинны мужики! Волю им дайте, а не дадите — весь народ на страдания с ними пойдет!

Стало вдруг до того тихо, что люди слышали биение своих сердец. Пристав покосился на женщин, на суровые лица стариков и прикусил губу.

— Ваши мужики... свободны,— неожиданно сказал он, заикаясь.

Старики, бабы, ребятишки с восторженным говором двинулись на улицу.

Архип бросился на поиски новоселов. Они были заперты в конюшне во дворе волостного правления. Архип взломал замок и открыл калитку.

Матвей с Анной, дедом Фишкой, сыновьями стоял в окружении мужиков. Силантий Бакулин при всем народе хвалил его за ум и сноровку.

— Погоди, дядя Силантий. Господин пристав вспомнит еще о нас,— сказал Матвей.

Но ни Силантий, ни другие мужики на его слова не обратили внимания. Думать сейчас, что будет когда-то, потом, никому не хотелось.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

После короткого бабьего лета и недолгой сырой и туманной осени наступила зима.

События осени не позволили деду Фишке побывать в Юксинской тайге, как это он делал ежегодно в ясные сентябрьские дни. Именно поэтому в голову старика лезли самые несуразные мысли: будто завладел всей тайгой его смертельный враг Зимовской, будто нагнал туда, на золотые прииски, тысячи рабочих, будто стоят уже на Юксе, как на Лене, солдаты и охраняют ворованные богатства. Несколько раз дед Фишка поднимал разговор о том, что его волновало пуще всего на свете, но всякий раз Матвей, указывая глазами на Анну или на Агафью, останавливал его предупредительным взглядом. Давно так повелось, что при одной они не говорили о тайге, при другой — об убийстве Захара.

Шесть лет уже прошло с тех пор, как дед Фишка сообщил о своем страшном открытии, но наказ Агафьи — не трогать Зимовского и не говорить о нем — соблюдался сыном свято.

Изредка Агафья ходила с поминальником в церковь, а в общие дни поминовения усопших носила на кладбище яйца, кутью и бросала на дорогу птицам овес. С годами сгладилась острота горя, и в семье стали довольно часто вспоминать о Захаре. Нередко поводом к этим воспоминаниям служил Максимка. Он сильно походил на Захара, и Анна часто говорила ему: «Ты, сынок, и ходишь-то вприсядку, как дед Захар». И такого замечания сбычно

было достаточно, чтобы начался длинный разговор о Захаре.

Иногда воспоминания о Захаре начинал дед Фишка. Чаще всего случалось это в зимние предпраздничные вечера, когда все отдыхали. Старик любил в сумерки сидеть у окна. Покуривая трубку, он сквозь промерзшие стекла смотрел, как ослепляюще белый снег покрывается разными оттенками, становясь оранжевым от горящего заката, потом синеватым, пепельным и наконец чуть золотистым от сияния месяца. Когда сумерки сгущались настолько, что игра оттенков на снегу прекращалась, дед Фишка подзывал к себе сестру:

— Агаша, иди-ка сюда, посумерничаем вместе.

Агафья, молча сидевшая у печки, вместе с табуреткой пододвигалась к столу. Она знала, зачем зовет ее брат.

— Захаркину, что ль, любимую, а? — спрашивал дед Фишка.

— Давай ее, — отвечала Агафья.

И тогда дед Фишка тихо, вполголоса начинал петь:

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит...

Агафья, причмокнув языком, подхватывала песню, и они пели ее слаженно, тихо и грустно.

Уже наступал настоящий вечер, у соседей горели лампы, а Строговы все еще сумерничали. Анна и Матвей отдыхали в горнице на кровати. На полатах притихли недавно вернувшиеся с гулянья Артем, Максимка и Маришка. Всем было приятно молчать, в легкой дремоте слушать тихое и ровное, как журчание ручейка, пение, думать каждому о своем и, прислушиваясь к тому, как постукивает от мороза земля, ощущать теплый избяной дух. Дед Фишка сам прерывал это тихое пение.

— Ну вот, Агаша, — говорил он, — и вспомянули Захара Максимыча. Теперь, поди, и свет надо вздуть. Пора ужинать.

И трудно было вообразить, что именно в эти минуты грустного раздумья в его душе рождались планы мести убийцам Захара. Чем больше отдалялась в прошлое его смерть, тем острее и острее чувствовал дед Фишка необходимость мести. В порыве этого чувства старик не замечал, что он собирается мстить Зимовским не столько за

гибель Захара, сколько за то, что они прочно утвердились в жизни и приобрели силу.

Однажды дед Фишка, выбрав момент, когда в доме никого больше не было, сказал Матвею:

— Кедровник, Матюша, отстояли, вас, мужиков, из каталажки вызволили, теперь бы всем народом на Зимовского навалиться. Юксу бы еще возвратить.

Высказав все это, он вопросительно посмотрел на племянника.

Матвей давно уже ждал этого. Он слишком хорошо знал деда Фишку, чтобы думать, что старик навсегда примирился с господством Зимовского на Юксе.

— Когда-нибудь, дядя, народ и Зимовского выкурит,— сказал Матвей.

Дед Фишка недовольно поморщился.

Матвей понимал, что старик горит нетерпением, что, ободренный захватом кедровника, он, как и многие мужики, переоценивает свою силу.

— Юкса, дядя, это не кедровник. Туда село не поведешь,— добавил Матвей, видя, что дед Фишка выжидающе смотрит на него.

— Вот то-то и оно. Мужик, он при интересе хоть в огонь пойдет, а уж если интересу ему нет, его с места не сдвинешь.

«Умно сказано»,— подумал Матвей, и невольно вспомнились ему слова, как-то сказанные Беляевым: «Самое маленькое дело убеждает лучше многих слов».

Хорошо понимал Матвей, что не до Юксы теперь, добро бы хоть кедровник отстоять. Борьба началась, но еще неизвестно, чем она кончится. Вряд ли власти так легко примирятся с «самоуправством» мужиков, да и Евдоким Юткин не отступится без борьбы.

Об этих опасениях Матвей ничего не говорил деду Фишке, таил их про себя, но они вскоре же начали подтверждаться.

2

По первому санному пути Евдоким Юткин вместе с Демьяном Штычковым отправились налегке городским трактом в город.

День проходил за днем, а они не возвращались.

«В город поехали о кедровнике хлопотать. Где ж им больше быть?» — догадались на селе.

Евдоким и Демьян возвратились из города только через неделю.

На селе все, от мала до велика, горели одним желанием: знать, с чем они вернулись, за кем остается кедровник.

Но Евдоким и Демьян никому ни слова. Встретив как-то на улице Матвея, Архип Хромков сказал:

— Благодетели-то, видно, ни с чем приехали. Ишь как приумолкли.

Матвей проговорил с сомнением:

— Черт их знает, может быть, и хитрят. Они, братец мой, тоже не без головы.

Архип махнул рукой:

— Ну нет, давным-давно бы проболтались. Не такие люди.

После этого разговора прошло много дней, но все оставалось по-старому. Мужики, бабы и даже ребятишки, вовлеченные самой жизнью в серьезные дела взрослых, по-прежнему искали ответа на занимавший их вопрос: за кем остался кедровник? И так как никто ничего точно узнать не мог, то вскоре поползли самые разнообразные слухи, неизвестно кем придуманные и передававшиеся из уст в уста. Говорили, будто Евдоким с Демьяном побывали в городе у самого губернатора и будто тот сказал им: «Владейте, мужички, кедровником, как душе вашей нравится, а тех, кто мешать вам будет, мы быстро утихомирим». Передавались даже подробности разговора с губернатором. Увешанный орденами, медалями и лентами, он будто бы распрощался с Евдокимом и Демьяном за ручку и проводил их по дорогим коврам до самых дверей. Слух этот так был правдоподобен и так долго держался, что даже Матвей, очень подозрительно относившийся к подобного рода разговорам, заколебался и почти поверил в него.

Но вслед за этим по селу разнесся новый слух: будто Евдоким и Демьян, истратив большие деньги на взятки чиновникам, добиться ничего не смогли и возвратились домой ни с чем. И опять приводились такие подробности, которые заставляли верить, что все происходило именно так, а не иначе.

Потом появились еще слухи. Они уже не были так противоречивы. Один из них довольно просто объяснял молчание Евдокима и Демьяна: говорили, что им удалось побывать у губернатора, но решение его, дескать, было такое: «Живите так, как жили ваши отцы и деды. Был кедровник общественным, пусть и останется таким на веки вечные».

Нет ничего легче — уверовать в желаемое. На селе решились, что так и должно быть. На том и успокоились.

3

В один из морозных дней, после крещенья, Максимка, бегавший с салазками по селу, принес страшную весть.

— Мама, Ксюха Демьянова в проруби утопилась! — крикнул он, едва переступив порог.

— Ну-ка, не мели чего не следует! — бледнея, сказала Анна.

Максимка обиженно насупился:

— Ну и не верь! А все на речку бегут.

Все еще не веря Максимке, Анна схватила с гвоздя шубенку и опрометью бросилась из избы. Когда она между огородами выбежала на берег, последние сомнения исчезли. Растянувшись цепочкой почти на полверсты, мужики пешнями долбили лед и баграми ощупывали дно речки. Увидев баб, толпившихся у проруби, Анна с бьющимся сердцем подбежала к ним.

Бабы стояли кучкой и громко разговаривали. Анна прислушалась. Кланька, сноха сельского старосты Герасима Круткова, бойкая, дотошная бабенка, рассказывала:

— Она скот погнала поить, а я в тот час на зады выбежала. Смотрю — Ксюха идет, хворостина в руках. Скот у проруби сгрудился. Быки бодаться вздумали. Она еще хворостиной припугнула их. Потом скот напился, пошел дорогой обратно, она было хотела тоже идти, да что-то остановилась, голову вот так приклонила и закручинилась-закручинилась. Вдруг так, бабыньки, встала на колени, вытянула руки — и головой вниз. Я как стояла, так и обомлела. Стою и ни рукой, ни ногой шевельнуть не могу. Чую, сердешенько мое от страха зашло. Знаю — вздохнуть надо, а то сама замлею без времени, и никак не могу. Потом слышу — Васька Мыльников бежит с кру-

чи и кричит во всю моченьку: «Люди! Человек утоп!» Тут и я в себя пришла, закричала...

Выслушав рассказ Кланьки, бабы сокрушенно качали головами. Послышался чей-то одинокий голос:

— А уж была-то какая! Ядреная да работающая, не сразу такую сыщешь.

Кто-то поддакнул:

— Что правда, то правда! Их, Бакулиных-то, бог ни ростом, ни силой не обидел.

И все опять приумолкли, вздыхая, всплескивая руками и сокрушаясь. Можно было бы уже идти по домам, так как день клонился к потемкам и пора было загонять овец в хлевы, доить коров. Но никто не расходился. Всем хотелось дожидаться, чем кончатся поиски утопленницы, и хоть краешком уха услышать о том, почему распростилась Ксюха с белым светом. Пока толком никто ничего не знал. Но то, что Ксюха бросилась в прорубь не от хорошей жизни, понимали даже детишки. Бабы стояли, переминаясь, ждали, чтоб кто-нибудь завел разговор о жизни Ксюхи у Демьяна. Подошла Дубровчиха, умная, всеми уважаемая старуха, нередко с пользой для села вникавшая в общественные дела мужиков.

— Здравствуйте-ка, бабыньки,— заговорила она низким грудным голосом.

Бабы расступились, певуче ответили:

— Здравствуй-ка, Адамовна, здравствуй!

Дубровчиха спокойным взглядом больших серых глаз посмотрела на баб и спросила:

— Что, бабыньки, свою горемычную судьбу оплакиваете?

Никто из баб не проронил ни слова, все вновь завздыхали, растирая по обветренным лицам рукавичками слезы. Потом бабка Калиниха, шамкая беззубым ртом, обратилась к Дубровчихе:

— Ты, Адамовна, скажи-ка нам, отчего она, бедняжка, руки на себя наложила?

Дубровчиха лизнула кончиком языка верхнюю губу и не сразу ответила.

— Чего тут говорить? Сами небось свое бабье горе понимаете.

— Понимаем, а ты все-таки скажи, Адамовна,— слышался нетерпеливый голос молодой бабы, стоявшей с краю.

Дубровчиха строго взглянула на нее.

— Ты какой год замужем?

— Четвертый, Адамовна!

— Как мужик-то — бил, нет еще? — опять спросила Дубровчиха.

Молодая баба изумленно повела бровью, блеснула глазами и все так же весело ответила:

— Бил! В первый же год бил!

— А ты вот веселая, — улыбнулась Дубровчиха, — и оттого веселая, что муж тебя сегодня побьет, а завтра приласкает. А ну-ка случись так: он тебя раз побил и не пожалел. Потом второй раз побил и опять не пожалел. Что бы ты тогда стала делать?

Молодая баба взмахнула руками, собираясь возразить что-то, но в самый последний момент удержалась и только недоуменно пожала крепкими, полными плечами.

— Не знаю...

— А вот я знаю, — сказала Дубровчиха, опять лизнув кончиком языка верхнюю губу. — Вот бывает так, — заговорила она, пряча руки в рукава своей ветхой шубенки. — Осенью работаешь на полях. День холодный, дождик идет. Ты вся иззяблась, руки не гнутся, а дело бросить нельзя. На душе у тебя худо, и все-то тебе не мило. Думаешь: чем так жить, лучше об колоду головой. А глядишь, вон уже над лесом и небо от тучек очистилось. Вот-вот и солнышко выглянет. И знаешь: есть худо, а будет хорошо. А вот как бы ты, милая моя молодушка, стала жить, если бы знала только одно: худо. Было худо, есть худо и будет худо. А? Ну-ка? — Дубровчиха обвела взглядом окружавших ее баб, помолчала и закончила: — Вот так-то и Ксюша. Жила — и вся ее жизнь была худо. Худо было вчера, худо сегодня, худо завтра.

— Куда хуже! Собаке — и той лучше, — вырвался у кого-то возмущенный возглас.

— Я с ней как-то в бане вместе была, — заговорила Пелагея Горбачева. — Скинула она с себя паневу, я взглянула на нее и заплакала. Вся-то она синехонька, как чугунок. Говорю ей: «Ксюша, как ты это переносишь-то?» Думала, она тоже заплачет. Нет, так только вся передернулась. «Куда же, говорит, Пелагеюшка, деваться-то? Я, говорит, ему шибко-то не поддаюсь, а то бы давно к Устиньке отправил». И вот отправил-таки! — Пелагея заплакала, громко всхлипывая.

— Я у них, у Штычковых-то, в прошлом году молотила,— начала рассказывать вдова Устинья Пьянкова.— Пришли мы раз в дом, сели обедать. Демьян-то в передний угол, под иконы, забрался. Ксюша пристроилась на уголке. Только села, Демьян кричит: «Ксюха, подай квасу!» Она подала, села. Ложку хлебнула, он опять кричит: «Ксюха, принеси молока!» Она побежала в погреб за молоком, принесла. Не успела к столу сесть — он опять кричит. Так и пробежала она весь обед.

— То ли с ним бывало! — воскликнула Парашка, рябая, низкорослая баба, жена Тихона Бодонкова.— Больше года я у них жила; слава богу, насмотрелась. Поедет, бывало, в город, себе и матери и то купит и это, а Ксюше ничего. Стоит она, бывало, у дверей, смотрит на все, как чужая...

Анна слушала баб, готовая в любую секунду крикнуть: «Хватит! Сил нету дальше слушать». Но бабы не умолкали, и вслед за Парашкой стала рассказывать Аграфена Судакова, потом Татьяна Пояркова, Авдотья Горячева, Нелида Зотова. Анна слушала их, и до того ей было жалко Ксюху, что слезы лились из ее глаз, и она не замечала замерзших слезинок на овчинном воротнике шубы. Но вместе с чувством жалости к Ксюхе в ней все больше нарастало чувство ненависти к Демьяну. Когда кто-нибудь из баб упоминал его имя, она мысленно кричала: «Варнак! Идол! Убийца!» Она вспомнила, что тогда, после смерти Устиньки, ей жалко было его, и, он, чувствуя ее жалость, ища утешения, пришел к ней. Мысль о том, что и теперь Демьян мог подумать, что она жалеет его, потрясла Анну.

Бабы разошлись уже в потемках, когда взошел месяц, и мужики, окончив поиски, собрались в круг для того, чтобы обсудить, что делать дальше.

На другой день утром всем стало известно, что в Волчьих Норах из Жирова приехал урядник и волостной старшина. Не только ребяташки, но многие бабы и мужики потянулись к дому Штычковых. В том, что Демьян на этот раз не уйдет от ответа, никто не сомневался, и всем хотелось посмотреть, как его повезут в тюрьму.

Однако спустя час-другой через обледеневшие окна слышались громкие возгласы, нескладный говор, и всем

стало ясно, что ждать нечего. Когда Анна узнала, что посещение урядником и старшиной Штычковых окончилось попойкой, она так вознегодовала, что Агафья, бывшая вместе с ней, сказала:

— Ты что, Нюра? На тебе лица нету. Ты смотри и вправду не удумай баб к Демке вести. Все они сейчас злющие, попадетсЯ он, так и в самом деле живой не вырвется.— Пройдясь по избе и повздыхав, Агафья добавила: — Видно, уж такая судьба у нашей сестры. Один ли Демьян такой? Походи-ка по народу да послушай. В позапрошлую весну, помнишь, когда я к святителю Иннокентию помолиться ходила, понаслышалась я всего. Шли раз через трактовое село, смотрим — народ сбежался. Мы тоже подошли, спрашиваем, что случилось. Бабу, говорят, мужик топором засек. Вот какая она, жизнь-то, у баб...

— Дуры бабы! — крикнула Анна, чувствуя, что, если свекровь и дальше будет рассуждать так спокойно, она не сдержится и оскорбит ее.

Но Агафья словно поняла это и, помолчав, спросила:

— Чем же они, по-твоему, дуры?

— А тем, что смиренные больно! По зубам надо таким, как Демьян, давать.

Агафья согласилась:

— Это, положим, так. Меня вот Захарка ни разу за всю жизнь не ударил, а все, может, оттого, что с первого разу не далась я ему. Помню, смолоду еще это было, взъерепенился он чего-то и на меня с кулаками. Я белье катала, валеk в руках у меня был. Отбежала я от стола к печке и кричу: «А ну, иди, иди, я тебя вот как тресну вальком, враз образумишьсЯ!» Этим все и кончилось. С того дня Захар уж никогда на меня руку не подымал. Шуметь шумел, а чтобы бить — об этом и думать забыл.

Анна долго не могла успокоиться. Воспоминание о том, что она так верила Демьяну Штычкову, так жалела его, наполняло ее жгучим стыдом. Ведь и она могла быть женой Демьяна и разделить участь Устиньки или Ксюши. И ей хотелось отомстить Демьяну, который мог быть и ее убийцей. Но случай для этого не приходил.

Демьян отвез старшину и урядника в Жирово и недели две не появлялся в Волчьих Норах. Когда он вернулся, никто не знал. Сидел Демьян больше дома, лишь из-

редка видели его идущим в церковь или к Юткиным. Улицей он проходил быстро, низко опустив голову, стараясь не смотреть людям в глаза.

Отходчиво и жалостливо бабье сердце. Многим стало казаться, что Штычков глубоко переживает смерть Ксюши. У колодца бабы судачили:

— Гляди, как перевернуло мужика! Сорокоуст, слышь, попу заказал, за упокой души ее, горемычной, молится, да и пить, видать, перестал.

Но Анну не трогали эти разговоры. Она лучше знала Демьяна и не верила его скорбному виду.

4

В прощенное воскресенье на масленой неделе Демьян решил показаться на людях. Он наелся блинов, изрядно выпил и велел работнику запрячь пару лошадей в новую кошеву.

«Чего теперь опасаться? — думал он, выезжая за ворота.— Сорокоуст по покойнице справлен чин чином, да и день такой: каждый у мира прощенья просит и каждому мир прощает...»

Застоявшиеся сытые лошади рванулись вперед, обгоня кошевки и розвальни, наполненные детворой, парнями и девками. По селу разливался звон бубенцов и звуки тальянок, слышался визг и смех. Лошади с заплетенными в челки и гривы разноцветными лентами тяжелой рысцой тащили до отказа переполненные сани. У ворот сидели мужики и бабы, весело перекликались с проезжавшими мимо сыновьями и дочерьми.

Демьян стрелой пролетел длинной улицей и, повернув обратно, пустил коней шагом. У одного из домов раздался насмешливый голос:

— Прокатил бы, что ли, Минеич! С бабами-то скорее тоску-кручину развеешь!

Демьян повернулся к бабам, остановил лошадей и, ухмыляясь, сказал:

— Садитесь, коли охота. Лошадям все одно надо проминку дать.

— Ты насчет лошадей зубы не заговаривай,— прозвучал тот же голос.— Женихаться, поди, опять будешь? Может, и угощение припас?

— И угостить могу,— засмеялся Демьян. Он достал из передка кошевы два кулька с пряниками и леденцами и высыпал их содержимое прямо на дерюжку сиденья.

«Господи! Да он впрямь кататься с бабами выехал, рожа бесстыжая!» — вспыхнув от негодования, подумала Анна и вдруг, на что-то решившись, выбежала вперед, громко крикнула:

— А мы от угощения не откажемся, Демьян Минеич! Только, чур, править я буду!

Она первая прыгнула на сиденье, выхватила вожжи из рук Демьяна. За ней в кошеву со смехом вскочили бабы, ухватились друг за друга.

Анна хлестнула вожжами, кони разом взяли и понеслись. Из-под копыт в разные стороны полетели комья снега. За санями вихрем взвился искрящийся на солнце снежный пушок.

Раздувая до красноты ноздри, лошади промчались мимо дома Юткиных и церкви и, когда поднялись на гору, перешли с галопа на рысь. Демьян привлек к себе Анну.

— Нюра... Ну и горячая же ты, аж дух...

Анна оттолкнула его от себя, не дав досказать до конца. Демьян сконфузился, взял вожжи и несколько минут не смотрел на нее. Но вскоре он опять бросил вожжи, пролез в задок кошевы и начал заигрывать с бабами.

Анна поняла: нет, не высказать ей всего, что она хотела. Слова, которые она собиралась бросить в лицо Демьяну, исчезли из памяти. В груди бушевала только злость. Зотиха с неменьшим вниманием следила за Демьяном. Когда тот стал приставать к Пелагее Горбачевой, она потянулась к уху Анны:

— Вот он зачем, идол, кататься нас повез!

С другой стороны, в другое ухо шептала Аграфена Судакова:

— Смотри, смотри, Палашку облапил. Проучить его надо, черта!

«Проучить, правда, проучить!» — подумала Анна и решительно схватилась за вожжи.

Лошади ускорили рысь. Обнявшись, бабы начали горланить песни.

Анна правила лошадьми уверенно. Она провезла баб до конца села и свернула в проулок, на самую бедную улицу Забегаловку.

— Ты куда? — обеспокоенно спросила Зотиха, видя, что Анна не останавливает лошадей и они уже бегут по неторной дорожке к реке.

Анна ничего не ответила, только усиленно затрясла головой, и Зотиха поняла, что та велит ей молчать. Лошади остановились внезапно. Баб сильно мотнуло, но они устояли.

— Приехали! — крикнула Анна, выскакивая из саней.

Бабы смолкли и огляделись. Лошади стояли возле той самой проруби, в которой утопилась Ксюха. И без слов всем стало ясно, что пришел час, когда веселье не к месту. Все замолчали.

Демьян вначале непонимающе, а потом удивленно и испуганно посмотрел на прорубь, на баб и отвернулся.

Анне захотелось крикнуть: «Не прячь глаза, убийца!» — но вместо этого она закрыла лицо руками и надрывно заголосила:

— Подружка ты наша, Ксюшенька! Без часу, без времени призакрыла ты свои глазыньки! Ох, призакрыла ясны от лихой судьбы, от кручинушки!

Недолго ломкий голос Анны звучал одиноко. Послышались всхлипывания, и вскоре к ней присоединились новые голоса. Узкая снежная равнина реки, сжатой с той и с другой стороны высокими берегами, огласилась заунывными причитаниями. Бабы опустили на колени у самой проруби, как перед могилой. Демьян стоял понуря голову. Плач и причитания становились все громче.

Кувыркаясь по сугробам, к проруби бежали ребяташки. На круче замаячили две старухи и девчонки.

Демьян решил, что ему лучше удалиться. Он посмотрел на баб и тихонько, стараясь не привлекать их внимания, подошел к саням. Но не успел он взять вожжи в руки, как Анна с криком бросилась к нему:

— Стой!

Может быть, самое неприятное для Демьяна на этом бы и кончилось, если бы он не вздумал бежать от баб. Схватив вожжи и вскочив в кошеву, он начал понукать лошадей, но едва лошади тронулись, бабы нагнали Демьяна, стащили его и принялись тузить.

— В прорубь его, варнака! — крикнула Анна.

— В прорубь!

— Пусть отведаст, каково было Ксюше!

— Тащи! Тащи! — кричали со всех сторон.

Сопrotивляясь и получая за это увесистые пинки в бока, Демьян осипшим голосом пытался уговорить баб отпустить его. Видя, что его мольбы не помогают, он, до последней степени напрягая голос, закричал:

— На сход выведу! Уряднику донесу!

Но эти угрозы никого не напугали. Цепко держа его за ноги и за руки, бабы волокли Демьяна к проруби. Он понял, что единственная надежда — это Анна.

— Нюра... Евдокимовна... свят бог... не виноват...— Он заплакал.— Жалости в тебе нет...

Анна, задыхаясь, крикнула:

— А ты жалел?.. Не говори больше! На клочки разорвем, падаль!

Кто-то из баб ударил Демьяна кулаком в зубы. Демьян замолчал, плюнул кровью и вдруг дико заорал:

— Караул! Помогите! Люди!..

Крик его прервался на полуслове. Бабы, державшие его за ноги, отпустили их, и он окунулся в воду. Баб обдало холодными брызгами. Демьян завизжал звонко, заливисто, по-собачьи.

— Еще! Еще окунуть! — слышались голоса.

Бабы, державшие Демьяна за руки, приподняли его и так толкнули вниз, что он погрузился в воду до самой шеи. Вытащив из проруби, они бросили его на снег. Демьян на четвереньках пополз к лошадям, остановившимся невдалеке. Потом он поднялся и без оглядки побежал. Через минуту лошади во всю прыть несли его домой.

Бабы молча проводили его и осмотрелись. На круче стояли мужики и громко хохотали, видя, как удирает Демьян.

На холмах, над лиственницами, розовел закат.

Извилистой тропкой по ступенькам бабы поднялись на крутой берег и разошлись по домам.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Как только растаял снег и зазеленели бугры, Максимка принялся шляться с ружьем по буеракам. Утки еще не прилетели, косачи и рябчики в буераках не водились, и

стрелять там было нечего. Но его влекло туда другое. В буераках по ручейкам встречались богатые россыпи разноцветной гальки. По целым дням Максимка бродил тут, палкой разгребал гальку, выискивая редкостные, необыкновенные по цвету и форме камешки. Вместо птиц он приносил домой целые карманы камней и сваливал их под навесом в ящик. Анна не раз бранила сына за то, что он камнями рвет карманы, но зато дед Фишка всегда с живостью встречал Максимку и вместе с ним восторгался каждым камешком.

— Вот, сынок, погоди, скоро мы с тобой на Юксу закатимся. Уж там-то каких только камешков нету! — говорил он внуку.

Нередко тут же, под навесом, они пускались в рассуждения, стараясь понять, как и из чего образуются камни и горы, откуда берутся ручьи, как появляются в земле изумруды и золото. Чаще всего Максимка спрашивал, а дед Фишка объяснял.

— Дедка, а если б вон Тараскин бугор раскопать, а? Поди, и там добро есть? — указывая рукой на холм, возвышавшийся сразу за селом, спрашивал Максимка.

Дед Фишка дергал себя за брови, чувствуя недостаток знаний, но отвечал уверенно:

— Сколько хочешь, сынок. Тут, в Тараскином бугре, сынок, и керосин, поди, есть. Он, керосин-то, тоже в горах бывает.

От таких открытий Максимка весь загорался, и его фантазия разыгрывалась еще больше.

— Тут его, дедка, керосину-то, всему селу на год хватило бы! — говорил он.

— Как не хватить, сынок, хватило бы. Столько керосину и в три года не сожгешь, — с видом знатока заявлял дед Фишка.

— А черпали б мы его, дедка, ведрами.

— Где как, сынок. Где, нычит, ковшами, а где и ведрами.

В один из пасхальных дней дед Фишка, увидев из окна Максимку, выбежал ему навстречу.

— Ну, ну, показывай, сынок! — закричал он, сбега с крыльца.

— Дедка, тятя дома? — спросил Максимка серьезно.

Дед Фишка, взглянув на него, остановился: парнишка

был строг, серьезен, и карманы его не отвисали, как обычно, от камней.

— Дома, сынок,— ответил он.

— Позови его, дедка,— проговорил Максимка все так же серьезно, снимая с мокрой от пота головы старый картуз.

Дед Фишка проворно побежал в избу и тотчас же вышел оттуда с Матвеем.

— Тятя, там, к кедровнику, лес пригнали,— волнуясь, сказал Максимка.

— Много там лесу? — спросил Матвей.

— В одном месте, тятюшка, весь буерак забит. Да еще неразобранный плот в кустах запрятан,— рассказывал Максимка, хмурясь и делая вид, что он-де понимает, как это плохо, и поэтому высмотрел все до капельки.

— Вот они как! И помалкивают и дело делают,— сказал дед Фишка, поглядывая на Матвея.

Максимка потоптался на месте, дожидаясь, что скажет отец.

— Молодец, сынок,— проговорил Матвей, улыбаясь сыну.— Только смотри не выболтай кому-нибудь. И ребятишкам тоже ничего не говори. Ни-ни. Никому.

Максимка приосанился, слегка кивнул головой и тоном, в котором сквозили гордость и понимание важности дела, ответил:

— Никому, тятюшка, не скажу. А ребятишкам и давно. Звонари! Я и играть с ними перестал.

Матвей наклонил голову, скрывая усмешку. Максимка встряхнул на плече ружье и чуть вприпрыжку, точь-в-точь как дед Захар, вошел в избу.

Перед вечером, еще засветло, разными путями и дорогами из села вышли Матвей, дед Фишка, трое бородачей Бакулиных, Архип Хромков, Калистрат Зотов, Мартын Горбачев. Сошлись за Тараскиным бугром и дальше, в кедровник, двинулись вместе. Буерак с лесом нашли быстро. Дед Фишка, опередив всех, обежал вокруг штабеля бревен и оживленно заговорил:

— А лесок — как на подбор! Из такого, мужики, крестовый дом можно строить.

Силантий Бакулин, помахивая прутиком, принялся считать бревна.

— Пятьдесят одно! — сказал он.

Потом пошли в заливчик и увидали там плот. Он был скреплен жгутом из березовых веток и еловыми перекладинами, прибитыми к бревнам гвоздями.

Осмотрев плот, мужики скрылись в черемушнике и стали совещаться.

— Если мы дадим Юткину и Штычкову поднять этот лес в кедровник и построить хотя бы сруб маслобойки, тогда пиши пропало, — заключил Матвей. — Лиха беда кроту лапку в дырочку просунуть, а уже потом он и всего себя протащит. На это, видно, и надеются наши «благодетели».

— А я так думаю, мужики, — сказал Силантий Бакулин. — Теперь око за око пошло. А коли так, надо поджечь этот лес.

— Правильно, сжечь — и вся недолга, — согласились с ним и остальные.

— Погоди, мужики, охолонитесь маленько, — слышался голос деда Фишки. — Поджигать нельзя. И село и новоселов без нужды подыдем. Вы сами посудите. Начнет полыхать огонь-то, под небеса взлетит. Люди увидят, подумают, что кедровник запылал. Такой переполох сотворим, не приведи бог... На мой згад, все надо делать тихо-мирно, чтоб и хозяева не сразу хватились.

Мужики окружили деда Фишку и стали слушать.

— А что, если так, — не умолкая, продолжал дед Фишка, воодушевленный вниманием окружающих. — Скажем, взять да все обратно в речку и сбросить. Нас тут вон какая артель. А этот плот разобрать — вовсе пустяк, за ночь-то бревнышки черт-те куда уплывут! Ищи их тогда. А тут, вишь, вот и вода, на счастье, прибывает.

— Ну, чистый министр ты, дед Фишка. Рассудил, как по-писаному! — восторженно сказал Архип Хромков.

Мужики одобрительно засмеялись.

— Чего там! Таких бы вот к царю приставить, гляди — и жизнь бы пошла иначе, — серьезно заметил Силантий.

Начало смеркаться. От непросохшей земли подымался облачками туман. Весеннее небо потемнело и стало уже не синим, а бледно-серым. Воздух посвежел, и на речке, сравнявшейся от весенних вод с берегами, заиграл ветерок.

Покурив, мужики начали работу сразу в двух местах.

Топором, предусмотрительно захваченным дедом Фишкой, плот разбили в несколько минут. Течение речки подхватило вытолкнутые из заливчика бревна и быстро понесло их, смывая налипшую в стоянке желтую, ноздреватую пену.

В буераке пришлось повозиться долго. Сначала устроили скат, выложив к берегу две линии бревен. Потом стали разбирать ярус леса. По скату бревна катились, как по рельсам, легко и бесшумно, и падали прямо в воду. Хотя работа шла легко и дружно, прошло не менее четырех часов, пока весь штабель бревен был разобран и последнее бревно сброшено в речку.

В село возвратились глубокой ночью поодиночке, по разным дорогам и тропам.

Матвей думал, что Юткины и Штычков узнают об исчезновении леса немедленно. Но прошел день, второй, миновала пасха, а село молчало. Матвей прислушивался к тому, что говорили мужики и бабы, собираясь на заваulinках, на крыльце у магазинов купца Голованова. Насчет исчезновения леса из буерака никто и словом не упоминал.

«Неужели сами хозяева еще не знают? — недоумевал Матвей и несколько раз спрашивал себя: — А может быть, и лес-то не их?»

Все эти сомнения разрешились только поздней весной.

2

В воскресенье у церкви собрался сход. Староста Герасим Крутков доложил обществу, что старая поскотина стала мала для села и надо ее расширить за счет прирезки болотистой и непригодной для обработки ложбины. Требовалось построить новую изгородь протяженностью в три версты. Дело это было ясное, очевидное, и никто спорить с ним не стал. Но когда писарь зачитал, кому и сколько надлежит сделать новой изгороди, поднялся такой шум, что нельзя было ничего понять. Герасим Крутков стучал кулаком по столу, махал картузом, потом вскочил на стул и, с большим трудом успокоив сход, принялся объяснять.

— Мужики! — надрываясь, кричал он. — Без толку шумите. Изгородь делили подушно. Кто сколько, значит,

имеет душ, столько и получает. Больше детишек народил — больше и изгороди делай. Верно делили. По справедливости.

Сход было опять зашумел, но тут на завалинку церковной сторожки вскочил Матвей Строгов и крикнул:

— Тихо! Старосту спросить хочу.

Сход стал затихать и вскоре успокоился вовсе.

— Хочу спросить тебя, Герасим Евсеич,— начал Матвей.— Ты говоришь: раз больше детишек народил, больше изгороди делай. Вот мне и непонятно: кого ты думаешь в поскотину выпускать — скот или детишек?

Мужики захохотали. Архип Хромков бросил какое-то меткое словечко, отчего вспышки смеха стали еще дружнее, но один из сторонников старосты, Ефим Пашкеев, крикнул Матвею:

— Дело толкуй, Захарыч! Шутить мы все горазды.

Матвей подхватил слова Ефима и, досадливо махнув рукой в ту сторону, где все еще слышался смех, сказал:

— Не до шуток тут! Выходит так: Филипп Горшков при одной корове и одном коне будет строить сорок сажень изгороди, а Демьян Штычков — всего четыре сажени...

— А ты как думал! Чтобы Филипп ничего не строил? — крикнул Ефим Пашкеев.

— А я так думаю, Ефим: пусть будет наоборот. Демьяну — сорок сажень, а Филиппу — четыре. Изгородь надо делить не по душам, а по скоту.

Дальше Матвею не дали говорить. Поднялся такой крик, что казалось, вот-вот мужики бросятся друг на друга с кулаками. Поняв, что сход не успокоить, Герасим Крутков махнул на все рукой и слез со стула. Поднялся со своего места и писарь.

Сход на этом бы и закончился, если бы не подъехал на полукровном жеребце Евдоким Юткин. Возле прясел он спешился, замотал поводья вокруг перекладкины и, ни с кем не здороваясь, быстро зашагал к столу.

Увидев его, Матвей сразу понял, что Евдоким чем-то встревожен. Он шел с опущенной головой, ни на кого не глядя. Пожав Герасиму Круткову руку, Евдоким склонился к его уху и долго что-то говорил вполголоса. Крик уже прекратился, и мужики стояли теперь молча и смотрели на них. Потом Герасим Крутков поднял руку и сказал нетвердым голосом:

— Мужики! Нехорошее у нас случилось. Вот сейчас Евдоким Платоныч расскажет.

Евдоким снял с головы картуз, откашлялся и проговорил:

— Лес, мужики, у меня украли. Добром говорю тому, кто взял: отдайте. Таить будете — сам по дворам пойду, по вашим полям поеду и, если признаю, не помилую.

«Неужели он не подозревает нас?», — подумал Матвей и, подойдя к Архипу, шепнул тому:

— Спроси-ка у него: «Откуда, мол, лес-то украден?» Архип протолкался ближе к столу и крикнул:

— Евдоким Платоныч, откуда у тебя лес-то украден? Из двора, что ль?

— Тот, кто брал, знает откуда, — сердито метнул Евдоким черными глазами на толпу и отошел в сторону.

Матвей сам себе улыбнулся и с удовлетворением подумал: «Значит, мы не ошиблись».

Слухи, которые поползли после этой сходки по селу, раскрывали все тайны Юткиных и Штычкова. Видимо, в гневе Евдоким не сдержался и выболтал все, что еще недавно так старательно хранил в себе. По слухам выходило, что лес действительно был заготовлен на маслобойню и построить ее предполагалось в промежутках между севом и покосом. Кое-что стало известно и относительно поездки Евдокима и Демьяна в город. Рассказывали, что к губернатору их не пустили, но кто-то из приближенных чиновников сказал, что земля им нарезана на законных основаниях и является их собственностью. Когда же они стали жаловаться на мужиков, силой вытесняющих их из кедровника, чиновник сказал им, что они плохие хозяева, если пускают других в свои амбары, и в конце концов захлопнул сердито дверь. Все это было, очевидно, правдой, так как и молчание по возвращении из города, и тайная заготовка леса подтверждали это.

Только теперь Матвей и его друзья поняли, какое большое дело они сделали весной. Исчезновение леса на целый год подорвало планы Юткиных и Штычкова.

Новая победа над Евдокимом и Демьяном настолько успокоила Матвея и всех мужиков, что они перестали беспокоиться о кедровнике.

В ильин день произошло событие, которое опять взбудоражило все село.

Сын Карпа Белозерова Ванюшка и сын вдовы Устиньи Пьянковой Федька, шляясь по берегу речки с ружьем, решили завернуть в кедровник и посмотреть, хорош ли будет нынче урожай шишек.

Весело переговариваясь, парни поднялись на самые высокие кедры, осмотрели макушки соседних деревьев и, восторгаясь обилием поспевающих шишек, спустились на землю. Но едва они коснулись земли, как на них налетели с кулаками Демьян Штычков и работник Юткиных, здорovenный, конопатый детина Михайла.

Охая от увесистых кулаков Демьяна, парни бросились наутек. В село они вернулись разукрашенные синяками и кровоподтеками. Устинья побежала к Матвею Строгову. Матвей послал позвать Архипа Хромкова, Мартына Горбачева и Силантия Бакулина. Все вместе направились к старосте, решив требовать немедленного созыва сходки.

На крыльце у Герасима Круткова, встревоженные и возбужденные, заговорили все сразу. Герасим слушал, переминался с ноги на ногу и молчал. Чувствовалось, что он не против того, чтобы кедровник взять под охрану народа, но что-то мешает ему пойти на это.

— Ты сам посуди, Герасим Евсеич,— заметив колебания старосты, принялся убеждать его Матвей.— Раз в прошлом году народ поднялся, то уж нынче его ничем не удержишь. Давай, Герасим Евсеич, собирай сход.

Герасим пожевал губами, погладил пушистую бороду и, лукаво усмехаясь, проговорил:

— Не в том дело, Захарыч. Я и рад бы. Как-никак, а в кедровнике есть и мой пай. Да только прав-то у нас на кедровник нету. Евдоким Платоныч и Демьян Минеич бумаги на эту землю имеют.

— Стало быть, выхлопотали? — спросил Мартын.

— Весной еще привезли.

Мужики молча переглянулись.

— Так как же, Герасим Евсеич, со сходкой-то? Вечер скоро,— сказал Матвей.

— Выходит, никак,— развел руками Герасим.

Матвей молча повернулся и пошел со двора. За ним пошли и остальные мужики. Герасим крикнул им вслед:

— Я и рад бы, Захарыч, да ведь сам знаешь, с меня первого спросят.

Сизая взлохмаченная туча закрыла небо. Начался ливень с грозой. Над лесом сверкнули зигзагообразные молнии, и земля задрожала от раскатов грома.

Матвей, пряча лицо от хлеставших дождевых струй, сказал:

— Черт с ним. Я думаю, без сходки обойдемся.

Мужики, отфыркиваясь от стекавшей по лицам воды, вопросительно посмотрели на него.

— Возьмем сейчас и пройдем по домам,— проговорил он, видя, что мужики ждут от него пояснения.

— Это даже лучше сходки. Каждому толком можно объяснить,— поддержал Мартын.

Они поделили между собой улицы села, договорились, как и что надо говорить в домах, наметили приблизительно очередь по охране кедровника и разошлись.

Матвей вернулся домой часа через три. Ливень уже кончился, но погода разненастилась: солнце опустилось в тучи, моросил дождь. Матвей переоделся, и не успел сесть за стол обедать, как явились с ружьями за плечами, в дождевиках, в полуболотных сапогах Тараска Заслонов, Прокопий Горячев и Тимка Залетный. Ребята все были молодые, рослые, не раз ходившие на заработки на шахты и прииски. Матвей стал приглашать их за стол, но парни торопились. Начало уже смеркаться, и им хотелось хоть половину пути пройти засветло. Матвей не стал их удерживать и, посмотрев на них смеющимися голубыми глазами, сказал:

— Только, ребята, давайте договоримся: без нужды на рожон не лезть, а при нужде своего не уступать.

Плечистые, крутогрудые парни понимающе переглянулись. Тимка Залетный ответил за всех:

— Мы, дядя Матвей, как овечки, когда нас не трогают, ну, а уж если заденут...— И он молодецкато потрянул русым чубом.

Дед Фишка с восторгом смотрел на парней, и было видно, что ему страшно хочется пойти с ними. Когда парни вышли за дверь, дед Фишка вскочил с лавки и засуетился:

— Как бы они, Матюша, горшков там не набили. Кровь в них сильно кипит. В таком деле с толком надо.

Матвей понял, куда клонит старик.

— Неужели тебе охота в дождь по грязи тащиться?

Дед Фишка взмахнул руками, удивленный вопросом племянника.

— А что она, грязь-то, сало, что ль? Обсохнет, оботрется. А я, вишь, про то, что ребята молодые, как утята, им матерю надо.

— Ну нет, дядя, сегодня ты не пойдешь! Как хочешь, а не пойдешь,— серьезно проговорил Матвей, видя, что старик взялся уже за бродни.

Агафья с Анной, всплескивая руками, принялись дивиться непоседливости старика, как будто такое с ним случалось впервые.

Но Дед Фишка заметно похмурил и, отбрасывая бродни, пробормотал:

— Ну, заладили! Вам бы все дома сиднем сидеть. А у меня от такой сидячей жизни сердце чешется. Так бы и разодрал его в кровь. Оттого, может, и ходить мне охота.

Вечером погода не изменилась и дождь сыпал, как из сита. Агафья вышла во двор и, вернувшись, сказала:

— Льет, и просвету не видно.

Не разведрилось и утром. По случаю ненастья на поля никто не поехал, но об этом сейчас не жалели. Мужики, бабы, ребятишки сновали из двора во двор, делились последними слухами. С нетерпением ждали возвращения Тараски Заслонова, Прокопия Горячева, Тимки Залетного. В полдень на смену им в кедровник направились Григорий Дудков и его соседи Никишка Вдовин и Петруха Трохин. На селе об этом знали и возвращения первых стали ждать с еще большим нетерпением. Тараска, Прокопий и Тимка вернулись уже под вечер. Зная, что по селу им не дадут и шагу шагнуть без того, чтобы не остановить и не расспросить, они прошли задами и, как уговорено, огородом направились к Матвею.

Парни со всеми подробностями рассказали, что случилось за сутки. Вечер и ночь они провели в кедровнике, никем не замеченные. Но утром на них наткнулись Демьян Штычков и юткинский работник Михайла. Заметив парней, сидевших на полянке вокруг небольшого костра, они с криком и бранью бросились на них. Парни подня-

лись и подготовились к встрече. Увидя у них ружья, Демьян и Михайла сбавили пыл и, приблизившись к ним, стали требовать, чтобы они сейчас же ушли из кедровника. Но парни заявили, что никуда не уйдут, так как посланы обществом, и если еще раз встретят тут Демьяна и Михайлу, выгонят их из кедровника силой. Почувствовав, что парни готовы на все, Демьян дернул за рукав Михайлу, и они торопливо ушли. А часом позже появился сам Евдоким Юткин. Парни по-прежнему сидели на старом месте, откуда были видны все дороги, ведущие в кедровник. Евдоким пригрозил парням каталажкой и ушел сильно разгневанный. Потом кто-то неподалеку от них стрелял. Дробь хлестнула по веткам, и сверху на их головы посыпалась зеленая кедровая хвоя.

Матвей похвалил парней и подумал: «Хорошо, что этих послали. Другие бы, гляди, тягу дали».

Но почти то же самое происходило в последующие дни. В наряды по охране кедровника ходил отборный народ, убежденный в своей правоте, и потому угрозы никого испугать не могли.

Правда, никто не знал, что как-то ночью Евдоким Юткин и Демьян Штычков верхами, в страшной тайне, кружным путем ускакали в Жирово и вернулись оттуда только на следующую ночь. Никто также не ведал, что волостной старшина и урядник после приезда Евдокима и Демьяна послали с нарочным становому приставу большой пакет, прошитый из угла в угол суровыми нитками и опечатанный в пяти местах сургучной печатью.

Никому не было известно и то, что становой пристав, прочитав донесение урядника, срочно отправил рапорт на имя исправника с покорнейшей просьбой обратить внимание на Волчьи Норы, как на село неблагонадежное.

4

В середине августа в Волчьи Норы был назначен урядник. Он приехал в субботу под вечер на рысистых лошадях, в легком ходке, с колокольцами.

Когда бешено промчавшиеся по улицам села взмокшие лошади остановились у палисадника старосты, из корсба тележки медлительно поднялся лежавший на охапке травы грузный человек. Страхнув с себя дорожную

пыль, он что-то буркнул молодому ямщику и направился в дом.

Герасим Крутков приехал уже с полей и сидел в прихожей с бельем под мышкой, с минуты на минуту поджидая, когда жена позовет в баню. Увидев в окно незнакомого человека в картузе с красными кантами и с шашкой, Герасим встал с лавки и разгладил бороду, с беспокойством думая: «И кого это принесло? Господи! Вот жизнь началась!»

Не здороваясь, вошедший осведомился, точно ли перед ним волченорский староста. Герасим закивал головой. Урядник положил руку на рукоять шашки и отрывисто проговорил:

— Никодим Софроныч Хлюпочкин. Их высокоблагородием господином исправником назначен нести службу в вашем селе.

— Как, постоянно или на время шишкобая? — спросил изумленный этим известием Герасим.

— Постоянно. В целях недопущения беспорядков и прочего беспокойства, — туманно объяснил урядник.

Вскоре ямщик, покрикивая на лошадей, укатил обратно.

Не прошло после этого и часа, как все село уже знало, что приехавший является урядником и служил до этого назначения в большом трактовом селе Каюрове.

Переночевав у старосты, утром урядник вместе с Герасимом отправился искать себе квартиру и попутно осматривать незнакомое село.

По случаю праздника на улицах былолюдно. На завалинках то там, то тут сидели мужики. Бабы кучками теснились у колодцев. Молодежь собралась на лужайках у церкви и хлебных амбаров. Ребятишки стайками носились по улице и, встречаясь с урядником, разлетались в стороны, как воробьи. У всех от мала до велика был один разговор: об уряднике.

При появлении урядника и старосты мужики поднимались, со сдержанной почтительностью снимали картузы. Герасим говорил о квартире. Мужики переглядывались, сокрушаясь, разводили руками и, хотя у многих дома были просторные, полупустые, заявляли:

— Сами тесно живем. Куда там квартирантов брать!

Хлюпочкин молчал, прятал глаза, скрывая от мужиков до поры до времени свой тяжелый нрав.

Когда стало ясно, что найти квартиру уряднику не так просто, Герасим решил действовать настойчивее. Он подзывал кого-нибудь из мужиков, имевших большие дома, и старался быть внушительным. Мужики отговаривались кто как мог.

— Дом-то большой, это правда, да ведь сына по осени женить буду, Герасим Евсеич.

— Баба на сносях, Евсеич. Вот-вот ребяенок будет. А господину уряднику все ж таки покой нужен.

Находились и такие, которые, не стесняясь урядника, говорили:

— Ты что, Евсеич? Народом хочешь меня стравить? Бери сам. У тебя и дом крестовый, и семья маленькая, да и ответ перед богом сразу за все держать будешь.

Хлюпочкин ходил за старостой, не отставая ни на один шаг, молча думал: «Ну село! Гнездо осиное!»

Квартиру так и не удалось снять. После обеда Хлюпочкин лег в горнице отдохнуть, а Герасим кинулся к Евдокиму Юткину. В сумерках в дом к старосте чинно вошли Евдоким Юткин и Демьян Штычков.

Знакомство произошло суховато. Урядник, невзлюбивший волченорских мужиков с первого взгляда, и на пришедших глядел волком.

Евдоким с любопытством осмотрел неповоротливого, мордастого урядника; сдержав на губах улыбку, подумал: «По обличью стоящий человек. Выходит, не зря мы с Демьяном столько денег на станового ухлопали».

Потом он сел на лавку у стола, напротив Хлюпочкина, и с участием проговорил:

— Довелось слышать, что нужду в квартире имеете, господин урядник...

Не зная еще, чем этот разговор окончится, урядник покосился на Евдокима и промолчал. Сердце Евдокима замлело. Урядник определенно нравился ему.

«Ну и бирюк! Этот собьет с мужиков спесь», — подумал он и, желая быстрее расположить его к себе, сказал:

— Сыну дом я построил, хотел отделать нынче, да по дождю. Занимай дом, ваше благородие. Живи на здоровье.

Как урядник ни был сдержан, тут он скупой улыбнулся и чуть даже привстал. И то, что он не полез с благодарностями, Евдокиму еще больше пришлось по нраву. «Само-

стоятельный человек. Этот живо Матюшке Строгову спустит штаны».

Староста тоже был доволен, что с квартирой урядника все наконец уладилось.

— Эй, баба! Милентьевна! Подавай-ка на стол! — крикнул Герасим.

Милентьевна сидела в кути наготове и тотчас подала на стол водку и закуску.

Не прошло и получаса, как за столом началась задумчивая беседа о мужиках, о кедровнике и житье-бытье в Волчьих Норах.

Через неделю урядник привез семью и поселился на Жировской улице, в новом доме Евдокима Юткина.

Враждебность, с какой урядник был встречен вначале, не только не уменьшилась, а, наоборот, еще больше обострилась. Теперь ненавидели и самого урядника, и его жену, и девицу-дочь, и сына-подростка.

Чуть ли не в первую ночь после их приезда кто-то пустил камень в окно. В воскресенье сын урядника осмелился в одиночку отправиться на речку, с удочками. В Забегаловке его встретила толпа ребятишек. Сын урядника вернулся домой без удочек, с расквашенным носом. По вечерам семья урядника сидела дома, боясь раскрыть окна. В потемках и сам Хлюпочкин избегал ходить по улицам. Однажды, возвращаясь поздно вечером от Евдокима Юткина, он шел безлюдным проулком. Вдруг с разных сторон в него полетели сухие комья земли. Он остановился, пригибая голову, осмотрелся. Вокруг никого не оказалось. Ничего не понимая толком, он быстрыми шагами стал удаляться. Комья земли опять полетели в него. Выхватив из кобуры револьвер, Хлюпочкин выпалил вверх. Но едва он тронулся, увесистый камень так ударил его в голову, что он чуть не упал. Придерживая рукой шашку и размахивая револьвером, Хлюпочкин побежал проулком. Вслед ему засвистели.

Потом много раз Хлюпочкин подбирал в своем доме записки, неизвестно кем и как подброшенные. В них неизменно говорилось: «Убирайся откуда пришел. Все равно тебе здесь житья не будет».

Неистощима была на проделки над урядником молодежь. По воскресным вечерам, когда оканчивались игры у амбаров, парни подбирались к дому Хлюпочкина и начинали горланить запрещенные песни, занесенные в

Волчьи Норы мужиками, ходившими на заработки на шахты и прииски:

Петля порвет мое дыханье,
Но и царю несдобровать...

Урядник не выносил этого. Как-то, совсем взбесившись от таких песен, он выскочил в окно в одном нижнем белье и с револьвером в руках погнался за парнями. Те преградили ему дорогу веревкой. Наскочив на нее в темноте, Хлюпочкин упал и долго барахтался в пыли.

На другой день урядник в донесении становому приставу подробно описывал злобные нападки на его «собственную личность», сообщил о готовившемся, по слухам, новом вооруженном захвате кедровника, еще раз указывал на исключительную неблагонадежность волченорских мужиков, не признающих представителей власти и позволяющих своим сыновьям распевать крамольные песни. Донесение заканчивалось просьбой о присылке в Волчьи Норы на время шишкобоя казаков.

Становой пристав, встревоженный не на шутку, направил срочный рапорт исправнику, а тот, в свою очередь, настрочил губернатору.

5

Воспользовавшись перерывом в полевых работах, Матвей с дедом Фишкой и сыновьями почти целую неделю провели на омутах. Ловили рыбу, варили уху на костре, спали в шалашах,— все чувствовали себя как нельзя лучше. Хотели провести на берегу речки еще денька два. Артем, ходивший на село за хлебом, принес весть о назначении в Волчьи Норы урядника. Нельзя сказать, чтобы эта новость особенно сильно поразила Матвея,— он предчувствовал, что власти установят за Волчьими Норами особый надзор. Но все же он поспешил вернуться домой.

Мужики еще вечером в субботу наведывались к Матвею, хотели поговорить, посоветоваться. Утром в воскресенье ждали его с часу на час. Едва он появился дома, мужики потянулись к нему один за другим. Не успел Матвей напиться чаю, а в прихожей сидели уже Мартын Горбачев, Архип Хромков, Силантий Бакулин, Тимка

Залетный, Калистрат Зотов. Скоро столько набралось, что и сесть стало негде. Все курили едкий, вонючий самосад, одни в трубках, другие в толстых сигарках. Анна распахнула все окна и двери настежь.

Архип Хромков под смех мужиков рассказал Матвею, как урядник ходил по селу в поисках квартиры.

— Смех, мужики, смехом, а доконают нас власти с кедровником,— хмуро заметил Силантий.

Разговор сразу принял серьезный оборот. Мужики задымили пуще прежнего.

— Дружней держаться надо,— сказал Мартын Горбачев, с громом передвигая свои костыли.

— Да, дружнее,— заговорил Матвей,— но если хотим кедровник отстоять, за ружья надо браться.

Мужики посмотрели на него в упор: одни одобряюще, другие недоумевающе, третьи испуганно. Вслух Матвея поддержал только дед Фишка:

— Одно, слышь, ребяташки, остается: за ружья. Палками теперь никого не напугаешь.

Калистрат Зотов почесал в затылке, несмело заговорил:

— Ты вот говоришь, Захарыч, ружья брать нужно. Взять-то их не в счет — можно, а только с умом их в руках держать надо.

— А то как же! — воскликнул Матвей.— Вот подойдет шишкойой, соберемся с ружьями, рассыплемся цепью, да и окружим кедровник. Народ за нами идти будет. Стрелять начнут — ответим. Покажем, что и у нас сила есть. Хоть двадцать урядников тут назначай, вас, думаю, этим не запугаешь...

Архип Хромков ощерился, взглянул на Калистрата Зотова, подшутил:

— Тебя, Калистрат, взводным назначим.

— Куда мне! Пять лет ездовым трубил.

— Не хочешь? Ну, тогда в ротного повара тебя произведем,— не унимался Архип.

Мужики засмеялись. Матвей посмотрел на Архипа с завистью, подумал: «Откуда у него, у черта усатого, столько веселости берется?»

— Шутки шутками, мужики, а ведь об этом и в самом деле стоит подумать,— проговорил Матвей.

— О взводных-то? — пряча длинные пальцы в густой бороде, спросил Силантий.

— Как хочешь, дядя Силантий, так их и называй,— ответил Матвей.— Тебя вот, скажем, назначим главным на Городской улице. Пока орех не вызрел, ты ружья подсчитаешь, со своими мужиками поговоришь. Время настанет — а у тебя все наготове. По Жировской улице главным Архип будет. В Забегаловке — ты, Калистрат. На Новой улице вот Мартын займется. А я с переселенцами споюсь, их подшевелю. Гляди, выйдет у нас дело.

Дед Фишка воспламенился от рассуждений Матвея и, суется с кисетом среди мужиков, восторженно говорил:

— Выйдет, Матюша, выйдет! Вы сами, ребяташки, посудите: кто такую ораву с ружьями тронет? Никто! Ей-богу, никто! Тут не токмо урядник — вся власть оробеет.

Приближалось время шишкобоя. С самого ильина дня по кедровнику патрулировали, враждуя между собой, две охраны. По воскресеньям вместо отдыха бабы чинили мешки, мужики делали барцы, исправляли самодельные растирочные машины.

Изматываясь днем на уборке хлеба, недосыпая, Матвей Строгов, Архип Хромков, Силантий Бакулин, Мартын Горбачев в ночь отправлялись по полям, подбадривали мужиков и высылали наряды на охрану кедровника. Делать все это было значительно труднее, чем в селе, тем более что встречались и такие люди, которые неохотно отрывались от горячей работы на полях. Тут-то и вспомнили о новоселах. Дед Фишка с большой охотой побывал у них и пришел сияющий. Новоселы охотно взяли на себя часть нарядов по охране кедровника.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

За неделю до шишкобоя, когда все было уже наготове, Калистрат Зотов, Филипп Горшков и Терентий Перехватов покинули кедровник, не дождавшись смены. В страшной тревоге мужики прибежали к Строговым на поля. Было это в полдень. Отобедав, Матвей лег в тени под черемуховый куст отдохнуть; Анна, дед Фишка, Ар-

тем отправились в ложок, набрать к вечернему чаю черной смородины.

Когда мужики подошли, Матвей уже крепко спал, подложив под взлохмаченную голову свою широкую ладонь. Калистрат Зотов присел на корточки и молча толкнул Матвея в плечо. Тот мгновенно открыл глаза и, увидев мужиков, вскочил на ноги.

— Что там? — спросил он, понимая, что в кедровнике что-то произошло.

— Все пропало, Захарыч! Солдаты там, — почти шепотом сказал Калистрат Зотов, и на безбородом худом лице его отразилось такое страдание и обреченность, что Матвей отпрянул от него и, чувствуя, как нехорошо заныло сердце, постарался успокоить его:

— Ничего, ничего, Калистрат, сами солдатами были.

— Про то же и я говорил, — вступился малорослый, кривоногий Филипп Горшков. — Сами, мол, солдатами были. Подойдут, мол, скажем — так и так. А они, — указав рукой на Калистрата и Терентия, продолжал Филипп, — оробели, вишь.

— Плохо это, очень плохо, — покачивая головой и неодобрительно поглядывая на Калистрата, проговорил Матвей.

— Помирать-то разве охота, Захарыч? — сказал Калистрат Зотов, и морщинистое лицо его так все стянулось, что стало похоже на испеченную в золе картошку.

— Много ли солдат-то? — спросил Матвей, про себя думая: «Неужели все погибло?»

— Порядочно, Захарыч, — ответил Калистрат.

— Ну сколько все-таки: взвод, рота?

— Как тебе сказать... Не считали, — замялся Калистрат.

— Двадцать четыре, тятя, — сказал Максимка. — А двадцать пятый — офицер.

С минуту он уже стоял позади Матвея.

Максимка играл у церкви с ребяташками в городки, когда по улице к дому Юткиных на шести телегах проехали солдаты. Побросав городки, ребяташки взобрались на крышу пустовавшей избы Егора Свистунова, уехавшего всей семьей на заработки на прииски, и стали с интересом наблюдать за солдатами. С крыши было видно, как солдат угощали обедом, как Евдоким подносил им по стаканчику водки, как после обеда они во дворе у ам-

бара забавлялись двухпудовой гирей. Вскоре из дома во двор вышел офицер в сопровождении Евдокима Юткина, и солдаты, отбросив гирю, вытянулись и смолкли. Когда солдаты на тех же подводах, а Евдоким вместе с офицером в бричке поехали по дороге в кедровник, Максимка, оставив товарищей, пустился на поля к отцу.

— Чубастые или стриженные? — выслушав сына, спросил Матвей.

— Все стриженные. А у одного, тятя, вот тут на груди бляха на ленточке болтается. Ясная! — восхитился Максимка.

— Медаль, — усмехнулся Матвей и, помолчав, сказал Максимке: — А дед с матерью и с Артемкой смородину пошли собирать. Вон в тот ложок. Беги-ка к ним да скажи — пусть без меня начинают молотить. Я скоро приду. Ну что ж, пошли к Мартыну, — обернувшись к мужикам, сказал Матвей. — По дороге захватим Силантия и Архипа, надо посоветоваться.

Час спустя мужики сидели у балагана Мартына Горбачева. Вид у всех был растерянный, и даже Архип Хромков, чудивший по всякому поводу, присмирел и молча покручивал усы.

Матвей попросил мужиков высказать, что они думают.

— Чего тут думать, Захарыч? Плетью обуха не перешибешь, — пробасил Силантий, широко разводя руками.

Потом почти так же немногословно, но выразительно высказались остальные. Только один Мартын Горбачев был другого мнения.

— Солдат-то, мужики, пустяки, — один взвод. Разве они сдержат народ? Больше для острастки привезли их, так мне сдается, — проговорил он.

Но Калистрат Зотов принялся с горячностью оспаривать Мартына:

— Они такую покажут острастку, что своих родных не узнаешь! Народ в кедровник пойдет скопом. Будут тут и малые и большие. Раз-два залпом дадут — и не встанешь. Тогда народ нам спасибо не скажет. Как хотите, мужики, а я на такое дело не пойду. Пропади он пропадом и кедровник этот!

Мартын опустил голову. Мужики хмуро молчали, выжидающе смотрели на Матвея, ожидая, что он скажет.

— Плохие дела, — задумчиво проговорил Матвей. — Сегодня кедровник отберут, завтра с распаханной земли

к черту сгонят... Думается мне, прав Мартын,— больше для острастки привезли солдат. Ну и то надо сказать: разве поднимешь теперь народ на шишкойбой? Раз вон даже Калистрат...

— За себя я ничуть не робею,— перебил Калистрат Зотов,— если и убьют, так убыток небольшой. Да ведь народ загубим, Захарыч!

— Так что же, мужики, неужели отступимся без борьбы? — спросил Матвей.

Мужики толковали до ужина и разошлись, так ни до чего и не договорившись.

2

Солдаты стали биваком на опушке кедровника, на таком месте, которое было видно с дороги.

В воскресенье мужики съехались в село, и Матвей еще раз попытался убедить их, что отступить от кедровника невысказано. Но они в ответ на все его уговоры твердили одно:

— У самой дорожки, Захарыч выставились, куда там идти!

Матвей пришел домой, в душе негодуя на мужиков. Анна по его виду поняла, что надежды мужа не оправдались.

— Конец? — спросила она, приглядываясь к мужу.

— Конец,— сказал Матвей и тяжело опустился на лавку.

Привалившись спиной к стене, он устало закрыл глаза и задумался. Анна посмотрела на его вспотевшее лицо и про себя ужаснулась: Матвей выглядел совсем стариком. Щеки его одрябли, короткая русая борода подернулась проседью, глаза ввалились. Не старела только шея. Она была такой же по-мальчишески нежной, как и двадцать лет назад.

— Пошел бы на кровать да и заснул на часок. Ты и ночь-то все что-то ворочался да бормотал,— ласково сказала Анна.

Матвей открыл глаза, посмотрел на нее задумчивым взглядом.

— Нет, спать я не хочу. Жалко вот, труды пропали. В избу влетел Максимка.

— Тятя, тебя на дворе какой-то барин спрашивает! — крикнул он. — В щиблетах, в шляпе...

— Да это кузьминский приказчик, наверное... черти носят, — недовольно проговорила Анна.

— Нет, мама, тот черный, чисто жук, а этот рыжий, — замотал головой Максимка.

— Ну, пойдем, пойдем. Посмотрим, что там за барин. — Матвей неохотно поднялся и вышел вслед за Максимкой.

Через минуту Анна услышала радостные возгласы Матвея и чей-то зычный голос. Она выбежала на крыльцо. У крыльца, обняв друг друга, стояли Матвей и Антон Топилкин. Изумленный Максимка смотрел на них, опустив руки и широко раскрыв глаза.

— Вот тут кто! Антон Иваныч! — воскликнула Анна, радуясь почему-то появлению Антона.

Здороваясь с Антоном, осматривая его с ног до головы, она подумала: «Веселый мужик! И за что я его раньше не любила?»

Матвей глядел на Антона ласковыми глазами и, улыбаясь, говорил:

— Ты, черт рыжий, приделся, важный стал. Максимка вон за барина тебя принял.

— Неужели это Максимка такой? А ведь я думал — это Артем! — с улыбкой посматривая на Максимку и поглаживая свою огненно-рыжую бороду, сказал Антон.

— Хо, брат! Артем такой вымахал, что хоть правофланговым ставь, — засмеялся Матвей. — Ну, пошли в избу, пошли.

Они скрылись в избе, а Максимка пустился в огород сказать деду Фишке о появлении гостя, которого отец обнимал от радости, потом назвал «рыжим чертом» и сейчас увел в избу угощать.

Пока пили чай, вспоминали о прожитом. Вскоре пришел дед Фишка, потом Агафья, и разговор сам собою перекидывался с пятого на десятое. Агафья вытащила из ящика когда-то припрятанную бутылку водки, и ее не торопясь распили. Антон с одинаковым интересом слушал все, что рассказывали: о потере пасеки, о трудной жизни, о борьбе за кедровник.

Немало интересного рассказал и сам Антон. Он прожил в ссылке, в глухой деревушке Нарымского края, около пяти лет, несколько раз тайком на лодке ездил к Бе-

ляеву в гости, а когда окончился срок ссылки, заезжал к нему попрощаться. Зная, что он собирается побывать в Волчьих Норах, Тарас Семенович попросил его кланяться всем Строговым, передать им горячий привет. То, что Беляев и в ссылке не забыл старых друзей, всех очень растрогало, а Агафья даже прослезилась.

— И скажи, какой человек! За народ, значит, муку принимает...— Она рукой размазала по лицу крупные слезинки и, посмотрев на Матвея, добавила: — А ты бы, Матюша, взял бы да и отписал ему про нашу жизнь...

— Мне он с первого разу понравился,— заговорила Анна.— Помню, приехал с этим, с черным, дай бог ему царство небесное, с Федором Ильичом Соколовским, к нам на поля. Сели мы ужинать, а он большой, какой-то неловкий, я говорю: неудобно, мол, без стола-то. А он, как сейчас помню, засмеялся и говорит: «Ничего. Мы тоже не из бар».

Матвей сидел, опустив голову. Привет Беляева, посланный с Антоном, поднял в нем такие чувства, которые трудно было высказать. Он сознавал только одно: Беляев дорог ему сейчас не меньше, чем тогда, давно, когда он, рискуя своей головой, позволил ему организовать собрание в тюремном бараке, а затем совершил, пожалуй, самое дерзкое дело в своей жизни — вывез Беляева из тюрьмы на глазах у всех в коробе со снегом.

3

В самом конце строговского огорода, где на узкой полоске нераспаханной земли росло несколько березок и черемуха, Матвей и Антон лежали в тени на мягкой траве. От влажной земли, никогда не просыхавшей у самых корней кудрявого черемухового куста, пахло сыростью. Жужжа, над ними проносились толстые полосатые шмели, отяжелевшие от хорошего взятка на белом диком клевере; трепетавшие от легкого ветерка листья шелестели то громче, то тише.

— Ну, служба, рассказывай все по порядку, да смотри чего-нибудь не пропусти,— сказал Матвей, лаская взглядом старого друга.— Давно я уже ни с кем не разговаривал. Считай с той поры, как Ольга Львовна была. И скажу тебе по совести — с этим проклятым кедровни-

ком измотался, а сегодня прямо готов был избить мужиков.

Антон снял серую шляпу; прищурившись, взглянул на солнце. Матвей заметил, что морщин на лице у Антона прибавилось и стали они глубже и подвижнее.

— С этого-то, служба, я и хочу начать,— оживленно заговорил Антон.— Рассказать тебе о своей жизни еще успею. А вот это дело не терпит.

Матвей взглянул на него. И были в этом взгляде и вопрос и недоумение. После разговоров с мужиками судьба кедровника казалась решенной. Антон понял взгляд Матвея и сказал:

— Кедровник надо удержать. Понимаешь?

— Легко сказать! Как? Ты думаешь, я не ломал голову над этим?

— Ломал ты голову один — давай теперь будем думать вдвоем. Ну, говори, о чем толковал с мужиками?

Матвей стал рассказывать. Антон слушал, лежа на спине и закинув руки за голову. Вдруг он поднялся и заговорил — быстро, резко, словно сердясь:

— Неправильно действуешь, Матвей! Куда ты зовешь мужиков? На вооруженное восстание? Так они за тобой и пошли! Калистрат Зотов тебе правильно говорил; постреляют солдаты баб, ребятишек, кедровник все равно отберут силой, а вас, зачинщиков, переарестуют и на ка-торгу закатают...

Антон помолчал и через минуту, снова растянувшись на траве, заговорил более мягко:

— В пятом-то году, как думаешь, отчего революцию подавили? Думал об этом? Там, в городах, рабочие за оружие взялись, кое-где и власть свою, рабочую, уже начали ставить, а от деревни поддержки не было. Сам знаешь — в некоторых губерниях мужики громили барские дома, помещичьи земли захватывали, ну все же до конца с рабочим классом не пошли. А главное, солдат — значит, свой же брат мужик — вооруженное восстание не поддержал. И не поддержал потому, что понимания настоящего у него не было, все еще на царя-батюшку надеялся. А ты тут вздумал сразу мужиков с ружьями на солдат вести. Ничего из этого не выйдет!

— Так как же ты думаешь удержать кедровник, ежели его солдаты охраняют? — терпеливо дослушав Антона, спросил Матвей.

— К этому-то я и веду,— сказал Антон и приподнялся на локте.— Ты вот воевать собрался, а даже не знаешь намерений противника. Первым делом надо разузнать, какую словесность проходили солдаты с офицером, к чему их готовили перед отправкой сюда. Может, и верно только для острастки присланы, а стрелять не будут.

— А если все-таки будут?

— Тогда действуйте иначе. Попробуйте уговорить народ не наниматься к Юткиным и Штычковым на шишковой. Они со своими работниками мало что сделают, а солдаты постоят-постоят — да и уйдут. Тогда уж не зевайте, и кедровник опять за вами останется... Вот так-то на малых делах и организуй народ... А когда надо будет опять рабочую революцию поддержать, тогда-то уж смело берись за ружье!..

— А ведь дело, Антоха, советуешь...

— От опытных партийных людей ума набрался.

В это время в огород вошел дед Фишка. Увидев Матвея и Антона, он догадался, что они сошлись для беседы наедине, и, боясь помешать им, заторопился ко двору.

— Дядя! — окликнул его Матвей.

Дед Фишка остановился, оглянулся: Матвей рукой поманил его к себе.

— Может быть, старик что-нибудь посоветует,— сказал он тихонько Антону.

Обламывая на ходу хрупкие капустные листья, дед Фишка, молодо сверкая глазами, спросил:

— Ты, Матюша, звал меня?

— Звал, дядя. Садись-ка, поговорим.

Старик быстро опустился на траву.

Матвей рассказал ему, зачем он позвал его. Дед Фишка, явно польщенный этим, встал на колени и, поглядывая то на племянника, то на Антона, нерешительно начал:

— Есть, Матюша, у меня на уме одна уловка...

— Ну-ка, скажи, дядя, скажи,— чуть подмигнув Антону, подбодрил его Матвей.

— С солдатами, Матюша, надо снюхаться.

— Верно, дед Фишка! — воскликнул Антон, а Матвей в изумлении только развел руками. Потом спросил:

— Ну, а как ты думаешь снюхаться? Ведь они дальше дороги никого не пускают.

Дед Фишка хитро усмехнулся:

— А я не пойду к ним, Матюша. Я так, Матюша, хочу все обстроить, чтоб они сами ко мне пришли.

— Чем же ты думаешь подманить их? Это ведь не рябчики. Они на манок не слетятся.

— Я, вишь, Матюша, задумал туда на рыбалку с бреднем отправиться. Прямо напротив их и начну рыбачить. Не утерпят, прибегут! А тут их и ущицей можно покормить, да и поразговаривать обо всем душевно. Они ведь там одни. Этот, главный-то, опять у свата Евдокима сидит, водку глушит.

Матвей переглянулся с Антоном, сказал:

— Попытать можно. Как ты думаешь, Антон?

— И раздумывать нечего,— тотчас же согласился Антон.— Давай мне какую-нибудь старую одежонку, и мы отправимся с дедом Фишкой.

— А я? — спросил Матвей.

— А ты посиди дома. Мне безопаснее. Меня тут теперь многие уж забыли.

Матвей встал и лениво потоптался, поглядывая на Антона. Было видно, что ему сильно не хотелось отпускать Антона от себя. Но, преодолевая это чувство, понимая, что так надо, он двинулся к дому.

— Пойдем, я тебе свою верхнюю и штаны дам.

Они покинули огород и во дворе разошлись. Дед Фишка отправился в амбар за бреднем, а Матвей и Антон пошли в избу переодеваться.

Вскоре Матвей и Антон вновь появились во дворе. Преобразившийся Антон шутил, смеялся, зеленые глаза его искрились.

4

К вечеру дед Фишка и Антон добрались до места. Они расположились на чистой поляне, тянувшейся от речки до самого кедровника. Солдаты заметили их, когда они еще шли по дороге, и, собравшись в кучу, наблюдали за ними. От речки до стоянки солдат было не более четверти версты.

— Смотрят на нас! Глаз не спускают! — обрадовался дед Фишка.

Они быстро развернули бредень, Антон сбросил бродни и, слегка поохивая от холодной воды, потащил один конец сети в глубь речки.

Спустя некоторое время они закончили первую тоню.

В бредне оказалось с десятков чебаков, три окуня и два подъязка. Стараясь еще больше привлечь к себе внимание солдат, они рыбу из бредня вытаскивали не спеша, делая вид, что ее очень много. Подъязков Антон долго тряс за жабры. На солнце рыба поблескивала чешуей и солдатам должна была казаться издали огромной. Солдаты оживленно заговорили, засуетились, и двое, отделившись от толпы, направились к речке.

— Идут! Ей-богу, идут! — воскликнул Антон.

— Я про то и говорил, что не утерпят, — отозвался дед Фишка. — Гляди, еще у них и рыбаки есть.

Делая вид, что они не замечают приближающихся солдат, Антон и дед Фишка начали вторую тоню.

Не дойдя несколько шагов до берега, солдаты остановились, и один из них, высокий, рябоватый, крикнул:

— Эй, рыбаки! Проваливайте отсюда!

Дед Фишка взглянул на них и приветливо улыбнулся.

— Здорово, здорово, служилые! — радостно закивал он головой, стараясь всем своим видом показать, что окрик солдат он принял за приветствие.

Солдаты переглянулись, а тот, который крикнул, даже сконфузился. Антон заметил это, опустил голову и ухмыльнулся. Солдаты стояли молча и с любопытством смотрели.

— Туда, дядя! Под куст заводи! Под кустами окуни любят стоять! — крикнул Антону другой солдат, краснощекий, крепыш на вид.

Когда вторая тоня подошла к концу, все тот же рябой длинный солдат сказал:

— Давай, дед, уходи. Не велено тут рыбачить.

Дед Фишка поднял голову, посмотрел на него, часто моргая, и, неподдельно изумляясь, скороговоркой проговорил:

— Уходить хочешь? Постой, сынок. Еще тоньку забросим, да и того... костер разведем, ушицы сварим. Грех не угостить служилых людей... Казенная-то еда, поди, дюже приелась? А то б взяли да и порыбачили с нами? И товарищей бы рыбешкой покормили, а?

Этими словами дед Фишка окончательно сбил солдат с толку. Они стояли, поглядывая друг на друга, не зная, что делать.

— Верно, братки, сбрасывайте амуницию. Надоела, поди, как горькая редька. Сам когда-то в солдатах был,— проговорил Антон, видя, что солдаты колебались.

— Оно бы и неплохо побродить, да ведь вот беда: вдруг господин поручик нагрянет? — сказал краснощекий, очевидно, большой любитель рыбалки.

Дед Фишка и Антон переглянулись, пытаясь понять намерения солдат.

— Ну так что, Миколай,— толкнул крепыш товарища локтем в бок,— может, часок порыбачим?

— Унтера надо, Кузьма, пожалуй, спросить,— ответил длинный, оборачиваясь и поглядывая на кедровник, возле которого дымились костры.

Дед Фишка исподлобья наблюдал за солдатами, их нерешительность заставила его действовать смелее.

— Ну, как знаете, служилые, мы особо не неволим,— с деланным равнодушием сказал он и, повернувшись спиной, обратился к Антону: — Давай, Степка, свертывай бредень, пойдем на другое место.

Антон позабыл предупредить старика, чтоб он при солдатах не называл его настоящим именем, и, когда они появились, несколько раз собиравшись шепотом сказать ему об этом. Но старик словно почуял его желание. Антон встал на колени и начал быстро свертывать бредень.

Солдаты забеспокоились, и Кузьма обратился к деду Фишке:

— Мы сейчас, дедушка, мигом вернемся. Все-таки, сам понимаешь, служба.

Суровость, которую минуту тому назад напустил на себя дед Фишка, мигом исчезла, и он, сочувственно улыбаясь солдатам, закивал головой.

— Как же, Кузьма, понимаю, браток. Строгость холерская. Сам без малого пятнадцать лет трубил.

— Во как! Пятнадцать лет! Слышишь, Миколай? — проговорил сутуловатый солдат.

Длинный Николай посмотрел на деда Фишку и сказал:

— А я сразу признал, дед, что ты из солдат. Обходительный и опять же выправка у тебя. Орел, видно, был! Служил-то где?

Дед Фишка никогда сроду ни одного дня не служил в армии и, начав разыгрывать из себя старого солдата, никак не предполагал, что ему могут задать такой вопрос.

— Как говоришь, служилый?

— Я спрашиваю: служил-то где? — громко проговорил солдат.

— А, вон ты о чем спрашиваешь! — заулыбался дед Фишка и посмотрел на Антона, глазами умоляя того прийти ему на помощь.

— О, он, братцы, не нам чета. В самом Питере служил, в царском полку, — сказал Антон, поняв затруднения деда Фишки.

Солдаты вновь принялись изумляться. А дед Фишка, просиявший от подсказа Антона, похлопывая себя руками по бедрам, говорил:

— Было, братки, было.

— Что же, дедушка, в Питере-то царя не приходилось видеть? — заинтересовался длинный солдат.

Теперь уже в подсказываниях Антона дед Фишка не нуждался. Встряхнув головой, он бойко ответил:

— Много раз, Миколай. Одна на часах стоял, а он идет. Я, конечно, амундировку обдернул, вытянулся и так на него глазами зыркнул, что он остановился и говорит: «Молодец!» И пошел дальше. — Вздохнув, дед Фишка закончил: — Одним словом, братки, если надумаете, приходите. Поговорить есть о чем.

— Да мы сейчас, быстрехонько, — сказал Кузьма и побежал к опушке кедровника.

Николай затрусил за ним мелкими шажками.

Третья тоня была уже закончена, но солдаты не возвращались. Дед Фишка и Антон сели на песок, закурили.

— Кажется, наше дело табак, — сказал Антон. — Не придут, наверно.

Дед Фишка не согласился с ним.

— А может, сробели? Тут, видишь, рыбачить не велено. Давай-ка, Антон Иванович, пойдем на омута, на кустарник.

Они свернули мокрый бредень на шесты, и Антон взвалил его себе на плечи. Отойдя немного, они остановились за кустами, под обрывом, обернулись. Три солдата бежали друг за другом к речке.

— Тут нас ни один бес не увидит, — сказал дед Фишка. — Только бы кого-нибудь из хозяев нелегкая не принесла.

Антон осмотрел место и остался доволен.

Вскоре подошли солдаты. Кузьма и Николай улыба-

лись деду Фишке и Антону, как старым знакомым, а третий солдат, с сухощавым лицом и оттопыренными ушами, серьезно, с любопытством смотрел на деда Фишку. По-видимому, его товарищи успели рассказать о старике.

— А мы уже решили, братки, что вы раздумали и не придете. На новое местечко вот перешли,— проговорил дед Фишка, когда солдаты вплотную подошли к ним.

— Какой там раздумали! Чуть было не передрались,— засмеялся Кузьма.— Каждому охота порыбачить, хоть и боязно их благородия.

— Что ж они, их благородие-то, сильно строгий? — спросил дед Фишка.

— Лютый! Чуть что, так и норовит в зубы дать,— ответил Кузьма.

— Поручик-то ваш, видно, выпить не дурак. На селе его сегодня чуть тепленького видели,— сказал Антон, присматриваясь к солдатам и стараясь заметить, какое впечатление произведут на них его слова.

Солдаты сдержанно усмехнулись, а рябой Николай угрюмо проговорил:

— Сколько здесь живем, еще ни разу его трезвого не видели. Приедет, накричит, по зубам надает — и опять в село. Прямо беда! Вон Поликарпу раз так засветил, что он едва очухался.

— Это за что же? — спросил дед Фишка, приветливо взглянув на смутившегося Поликарпа.

Солдат вздернул плечами:

— А чума его знает! Вдарить вдарит, а спрашивать не моги.

— Ну что же, братки, начнем,— предложил дед Фишка, подходя к бредню.— Разговаривать мы и между делом можем.

За делом познакомились еще ближе. Солдаты оказались словоохотливыми и рассказывали о своей жизни со всеми подробностями. Двое из них, Кузьма и Николай, были с Волги, а Поликарп с Камы, откуда-то из-под Перми. Среди остальных солдат отряда были российские и сибиряки. Осторожно направляя беседу, Антон выяснил все, что его интересовало. По рассказам солдат выходило, что все они сильно тосковали по родным местам. В Волчьих Норах поехали с неохотой. Разговоры о бунтующих мужиках настраивали солдат тревожно, а возможность столкновения с ними угнетала.

Когда солнце склонилось к закату, Антон решил, что пора и ухой заняться.

— Передохнем часок. Что-то живот подвело, закусить надо.

Дед Фишка подхватил его слова:

— И меня, Степан, что-то замутило. Ты давай вот с ребятами костер разводи, а я ушицу налажу. Подъязков, чертей, в котел завалю,— со смешком закончил он.

Антон и солдаты быстро развели под берегом костер, а дед Фишка, ловко орудуя ножом, очистил подъязков. Через каких-нибудь полчаса все сидели у костра, и дед Фишка не замедлил приступить к главному разговору.

— С родины-то, братки, получаете письма, нет? — спросил он, набивая трубку табаком.

— Кое-когда получаем, дедушка,— ответил Кузьма.

— Ну, как там живется-то?

— Плохо живется. Второй год засуха.

— Кому от засухи беда, а нам от дождей. В прошлом году половина хлеба на корню погибла,— вставил Полнкарп.

— Вот ведь как! Тут уж, братки, у бога какие-то неполадки. В один конец, вишь, дождик посылает, а в другой — ведро без передыху.— Пососав трубку, дед Фишка развел руками:— Конечно, и то правда: где же один за всем уследишь? А разные там ангелы да фирувимчики не дюже, видно, к делу годные. Все больше смекают, как бы, нычит, по небу полетать да позабавиться. Вон в церкви посмотришь на картинки на потолке — все играют. Беззаботная жизнь, будто и дела им больше нет!

Антон силился сдержаться от смеха, но не вытерпел и захохотал. Солдаты тоже засмеялись.

Дед Фишка помолчал, попыхивая трубкой, и продолжал, обращаясь к Кузьме, самому бойкому на язык:

— Дома-то у тебя, Кузьма, ладно живут?

— Да как сказать? — затруднился ответом солдат.— Не так чтоб богато, ну и не бедно. Есть на селе беднее.

— Семья-то большая?

— Два брата у меня да семь сестер.

— Ух, невест сколько? — усмехнулся дед Фишка.

— Старшего-то брата отделить бы надо, да некуда, избы нету,— продолжал рассказывать Кузьма.

— Хо! Да такой семьей можно десять изб построить.

— Не в том, дедушка, дело. Лесу у нас нету.

— В степи живете?

— Какой в степи! В лесу! Сразу за селом такой бор — не меньше вашего кедровника будет. Можно целый город построить.

— Ну и рубили бы! — привстав, воскликнул дед Фишка.

— Нельзя, царский, — сказал Кузьма.

— Царский? Ну, потеха! Что же ему, царю, ближе лесов не нашлось? — искренне изумился дед Фишка.

— Уж про то не могу знать. Только живем мы в лесу, а лесу нету, — уныло закончил Кузьма.

— Эти земли кабинетскими называются, — вступил в разговор Антон. — Хозяин им сам царь. У него такие земли по всей России. Ты говоришь, дед, поближе, поди, лес есть. Конечно, есть. Да не лес царю нужен. Деньги, капитал нужен.

— Вот, вот, капитал. За деньги и у нас лес отпускают, на то объездчики приставлены, — подтвердил Кузьма.

— А где их, деньги-то, взять? Они ведь с неба не падают, — обронил дед Фишка, бросая в котелок щепотку соли.

— В том-то и беда, — сказал Кузьма, прикурив от обуглившегося сучка, и продолжал: — Наши мужики одних прошений сколько писали. Все без толку. А в шестом году поднялись, охрану всю посвязали, да и отвели душеньку. — Кузьма засмеялся. — Целую неделю лес пластали. Некоторые славно обстроились и теперь живут.

— Да не все только, — печально заговорил Николай. — Мой отец и сгинул на этом деле. Как случилось это, собрали самых заводил, да и увезли в город. Так и умер где-то в остроге...

— Царство ему небесное, — истово перекрестился дед Фишка и выразительно поглядел на Антона.

Вечерело. Над омутами вставал туманец, мягкий и прозрачный, как июньское облачко. Из потемневших лугов надвигалась сероватая муть. Затухала яркая пестрота гальки, устилавшей берега речки.

Антон сел поближе к солдатам, посмотрел на них в упор и сказал:

— У нас мужики тоже собираются в кедровник силой ворваться. Незаконно отобрали его у нас. Сами посудите: двое будут жиреть, а все село с голодудохнуть...

Солдаты почувствовали себя неловко, переглянулись и опустили глаза.

— Мы между собой говорили уж об этом. Ну-ка, народ в кедровник пойдет, что тогда будем делать?..

Дед Фишка и Антон задержали дыхание и, глядя на Кузьму, ждали, что он скажет дальше. Солдат заметил это и, понизив голос, продолжал:

— Мы так и сговорились: прикажет поручик стрелять — будем палить в белый свет.

Антон вскочил на колени и, схватив за руку Кузьму и Поликарпа, сказал с чувством:

— Спасибо вам, братишки, спасибо! Наши мужики не забудут вас.

Дед Фишка бросился к Николаю и обнял его, как старого, хорошего друга. Это была уже не игра. И Антон и дед Фишка благодарили солдат от чистого сердца.

Николай нахмурился.

— Ты, дед, подожди благодарить-то, — угрюмо проговорил он. — У нас всякие могут оказаться. Поручик, унтер, что с медалью, да, может, еще кто пальнут по нашим, а у вас тоже, говорят, охотники с ружьями есть, — вот и начнется смертоубийство.

Кузьма подтвердил опасения товарища.

— Эх, мужики, обождали бы вы с шишкобоем малость! — просящим тоном воскликнул он. — Ведь нам тут не век стоять. Слышал я, поручик говорил вашему уряднику, всего-то нас на две недели сюда послали, а неделя уже прошла.

Дед Фишка хотел что-то сказать, но Антон перебил его:

— Не сомневайтесь, ребята. Смертоубийства не допустим. Так и передайте своим.

Доварилась уха. Дед Фишка дошел до первой березы, содрал с нее несколько кусков бересты и, вернувшись к костру, быстро смастерил ложки. Правда, берестяные ложки изгибались от горячей ухи, отваливались от черенков, в которых они были зацеплены, но тем не менее ужин протекал оживленно, в самых сердечных разговорах. Антон много говорил об обстановке в стране, и солдаты слушали его с задумчивыми глазами. Под конец ужина любопытный Кузьма не утерпел и спросил Антона, где и как постиг он такую науку, что все на свете ему известно. Антон рассказал солдатам о существовании ре-

волюционной партии рабочих, о Ленине, о тайных книгах, по которым только и можно узнать всю правду о жизни. Солдаты понаслышке знали уже об этом и потому слушали Антона с особенным интересом.

За разговорами не заметили, как текло время. Когда вспомнили о своем намерении после ужина порыбачить еще, было уже поздно.

Дед Фишка предложил солдатам рыбу. Поликарп снял с себя нижнюю рубашу, и старик вывалил в нее почти весь улов. Солдаты в один голос запротестовали. Но Антон и дед Фишка уговорили их.

— Что вы, ребяташки? Надо вам и остальных накормить. А ведь вас, слава богу, артель немалая,— говорил дед Фишка.

Антон недалеко проводил солдат и, прощаясь с ними, сказал:

— Ну, бывайте здоровы. Дед будет заглядывать к вам, а вы уж как-нибудь дайте нам знать, когда в обратный путь собираться будете.

Он пожал солдатам руки и долго стоял, прислушиваясь к тому, о чем они говорили, удаляясь от него. Солдаты обменивались мнениями о вечере, проведенном у костра, и Антон понял, что больше всего их поразило его сообщение о войне, разгоревшейся на Балканах, и о возможности вступления в нее России.

5

Дед Фишка встретил Антона вопросом:

— Ну что, Антон Иванович? Куда теперь путь направим?

Антон по тону старика почувствовал, что у того есть какие-то планы.

— А ты как думаешь, дед Фишка? — спросил он.

— Я думаю, Антон Иваныч, к новоселам надо удалиться. С ними надо совет поддержать.

Антон помолчал, подумал и сказал с подъемом:

— Верно, дед. Так и сделаем. Тут до них далеко?

— Близехонько. На перекате речку перебредем, безрезник пройдем, и тут как тут Ягодный на взгорке.

— А бредень и жбан с собой потащим? — спросил Антон.

— Что ты, Антон Иванович, в уме? Перейдем вон на ту сторону, да и запрячем в кусты,— ответил дед Фишка.

Они направились берегом, но, сделав несколько шагов, дед Фишка вернулся. Подойдя к потухшему костру, забросил крупные головешки в речку, а угли засыпал песком и галькой.

Антон про себя отметил, что старик очень предусмотрителен и привык все делать так, чтобы и следов не оставалось. «Настоящий подпольщик. У этого есть чему поучиться»,— улыбаясь, подумал Антон.

До Ягодного оказалось не так-то близко. Шли медленно, в темноте спотыкались о кочки и налетали на лиственничные пни.

Близились полночь, когда постучали в дверь Мировой землянки. Мирон встретил их с радостью. Не прошло и получаса, как Миронова землянка заполнилась мужиками. Все они хорошо знали деда Фишку и, увидев его, подходили к нему с рукопожатиями. Антон тоже быстро познакомился с новоселами, расспрашивал об их жизни, рассказывал о настроении солдат, о своих планах захвата кедровника...

Матвей то и дело выходил на улицу, всматривался в густой сумрак ночи, потом снова сидел одиноко у лампы, прислушиваясь к каждому шороху. Ему стало уже казаться, что солдаты арестовали Антона и деда Фишку. Вдруг послышался скрип ворот, и через минуту рыбаки, усталые, но довольные, с веселыми шутками вошли в избу.

— Что это вы запропали? — встретил их вопросом Матвей.— Мне уж тут черт-те что в голову лезло.

— Чувствуем,— весело отозвался Антон.— Смотри, Финоген Данилыч, он даже с лица спал от страха за нас.

— Ну, ужинать, чаевать будете? — спросил Матвей.

Рыбаки есть не хотели, но побаловаться чайком не отказались. Спустя несколько минут, сидя в горнице за стаканами чая, рассказали о своих похождениях.

— Не понимаю, чему тут радоваться? — мрачно заметил Матвей, глядя в сияющие лица своих собеседников.— Получается, опять никакого выхода нет.

— Есть выход, служба,— все еще улыбаясь, сказал Антон.— Я вот Финогену Даниловичу и новосе-

лам говорил, как действует в таких случаях рабочий класс.

Матвей выжидающе посмотрел на него, горя нетерпением узнать, что же придумал дотошный Антон.

— Ну-ка вспомни пятый год и стачки рабочих.

— Помню. Крепко держались, даже казаки ничего не могли сделать.

— Вот-вот. И тут надо такую же стачку провести. Чтобы никто, ни один человек не пошел к Юткиным и Штычковым на шишкойой... Понимаешь?

— Хорошо бы, да вот удастся ли уговорить всех? — с сомнением проговорил Матвей. — Кого нихвати — каждый у Юткиных и Штычковых в должниках ходит.

— А ты особенно не уговаривай, — перебил Антон. — Вспомни-ка, что делали стачечные комитеты в таких случаях. Выставят пикеты и останавливают всякого слабого, неустойчивого или предателя, который вздумает срывать стачку. Вот тут и потребуются твои люди, может быть, даже и с ружьями. Солдаты стоят на опушке — и пусть стоят, а ты выстави пикеты на дорогах, поодаль, и чтобы ни один черт не мог проехать в кедровник. Ну, простоят здесь солдаты еще одну лишнюю неделю, а все-таки вы, если будете крепко держаться, их перестоите.

Матвей слушал Антона, не сводя с него глаз: «И как это я сам до этого не додумался?»

— Завидую я тебе, Антон, хорошую школу ты прошел. Выходит, нашему брату, мужику, еще многому у рабочего класса надо учиться, — сказал Матвей с чувством.

— Выходит, — засмеялся Антон. — Погоди, еще не все. С солдатами держи связь через Финогена Данилыча. А главное — внимательно следи за дворами Юткина и Штычкова. Тут пригодятся такие ребята, как твои Артем и Максимка. Помнишь паренька, которого я к тебе когда-то присылал? Он был незаменим в таких делах.

— Как не помнить, — улыбнулся Матвей, — много дивился я смышленности парня. Да вот еще, к слову пришлось, хотел спросить тебя: что это в те поры ты вроде как втайне от меня в подполье ушел? Может, и я бы с тобой вместе...

— Чуть не засыпался я тогда, ну и не хотелось мне шпигов на хвосте к тебе тащить. Тебя комитет на другое дело хотел поставить. Об этом завтра поговорим. — Антон потянулся и сладко зевнул. — А теперь — спать! Наку-

пался я сегодня, засну как убитый. Ты уж меня устрой где-нибудь, смотри-ка, светать начинается...

Матвей проводил Антона на вышку амбара, где спали Артем с Максимкой. Когда он вернулся, дед Фишка уже сладко похрапывал на своем топчане. Быстро раздевшись, Матвей лег и мгновенно заснул.

Утром Анна решила устроить хороший завтрак. Она напекла блинов, сняла с крынок самой густой сметаны и, отыскав в кошельке несколько серебряных монет, послала Максимку в лавку купить бутылку водки и немного кетовой икры.

Вскоре в избу вошел Антон Топилкин. Он хорошо выспался и был, как всегда, бодр и весел.

Умывшись и переодевшись в свой костюм, Антон сел за стол и с улыбкой сказал, обращаясь к Матвею:

— Ну, вот теперь, служба, и поговорить можно.

Анна поставила на стол высокую горку блинов на блюде, чашку сметаны и, взглянув в окно, проговорила:

— И что это Максимка не идет? Надо бы, Антон Иванович, перед блинами-то выпить...

Антон засмеялся и махнул рукой:

— А мы их и так, Евдокимовна, без водки. С водкой-то, пожалуй, и не хватит...

— Хватит, хватит, Антон Иванович, еще напеку. Кушайте на здоровье!

Дед Фишка посмотрел в окно и, увидев бегущего Максимку, кивнул головой:

— Вон мчится наш рысак.

Максимка подбежал к окну, подпрыгнул и, повиснув на подоконнике, тяжело дыша, негромко сказал:

— Дядя Антон!.. Тебя урядник... со старостой по дворам ищут... К нам идут...

Ни слова не говоря, Антон вскочил, схватил свою шляпу и бросился в дверь. Дед Фишка побежал за ним. По дороге с горы к дому Строговых спускались урядник и староста Герасим Крутков.

Едва Антон и дед Фишка скрылись на огороде, во дворе звякнула щеколда. Матвей вышел на крыльцо встретить представителей власти.

В огороде Антон лег между грядок, а дед Фишка проворно наломал широких капустных листов и забросал его ими сверху.

...Антон прятался во дворе Строговых до потемок, а в полночь Матвей проводил его в город. За по́скотиной, расставаясь с Антоном, Матвей с грустью поник головой.

— Так и не поговорили по-настоящему, служба.

Антон молча обнял Матвея и крепко поцеловал его.

— Поговорим еще,— сказал он и исчез в темноте ночи.

Матвей долго стоял, прислушиваясь к удаляющимся тяжелым шагам Антона.

Вокруг стояла неподвижная тьма и тишина, такая тишина, от которой на душе у Матвея стало еще тоскливее.

6

Все сбылось, как предсказывал Антон Топилкин.

Евдоким Юткин и Демьян Штычков, как и следовало ожидать, решили провести шишкой под охраной солдат.

В следующее воскресенье дворы обоих богачей были настежь распахнуты.

Через работников Евдоким и Демьян оповещали село об условиях оплаты. Во дворах производилась запись на поденщину.

Запись шла бойко. Явились многие даже из тех, на кого никак нельзя было рассчитывать. Евдоким Юткин ходил веселый, потирал руки, думал: «Так-то мужички. Как вы ни крутились, ни вертелись, а из-под моей власти не ушли».

Ранним утром на сбор к юткинскому двору тянулось десятка два подвод и шумная ватага волченорцев, больше баб и ребятишек. На подводах и пешком поденщики двинулись за околицу — к кедровнику.

Казалось, что село примирилось с потерей общественных угодий. Никто не кричал, не ругался. Все покорно слушались юткинского работника — конопатого Михайлу. Урядник Хлюпочкин, поднявшийся чуть свет для наведения порядка, успокоенный, пошел отсыпаться и по дороге домой недоуменно пожимал плечами: «Удивительное дело! То волком смотрят мужики, то — как овечки».

В эти дни его тоже никто не трогал, не задирали. Будто и не было урядника на свете.

Пошли позавтракать и малость отдохнуть после хлопотливого утра и Евдоким с Демьяном. Торопиться в кедровник не стоило: там офицер с отрядом, а что делать поденщикам, Михайла знает.

Как только ватага поденщиков подтянулась к буеракам, навстречу ей вышел пяток мужиков и парней с охотничьими ружьями, потом другой пяток, третий... Пикеты залегли в буераках еще с вечера.

Мартын Горбачев, тяжело опираясь на костыли, выступил вперед, обратился к поденщикам:

— Вы что, сдурели? Против мира пошли! Не видите, тут вот-вот кровопролитие может произойти?..

Толпа попятилась назад. Некоторые поденщики тотчас повернули лошадей и помчались к селу. Кое-кто попытался спорить с Мартыном, но он решительно заявил, что ни одна душа в кедровник пропущена не будет.

— Бабы! — крикнул он женщинам. — Вам и ребятишкам совсем тут не место. А ну, айда по домам!

Поденщики тронулись обратно. То здесь, то там слышались разговоры.

«Ну и леший с ними, с Юткиным да Штычковым! Авось, даст бог, отстоит народ кедровник. Вишь, какая сила поднимается, — пожалуй, и не устоять солдатам».

— Мы и рады бы, Платоныч, — час спустя плакались бабы перед Юткиным, — отчего при нашей-то нужде не подработать, да рази можно идти на такое дело? Ты уж сам там говори с народом!

Евдоким Юткин бросился к уряднику и чуть не кулаками поднял его с постели. Потом помчался на тележке к буеракам. Проехал до самого кедровника и никого не нашел. Пикеты пропустили тележку беспрепятственно. В солдатском лагере тоже все обстояло спокойно.

Евдоким уговорил офицера отрядить кое-кого из солдат в село для сопровождения поденщиков на работу в кедровник. Однако ко двору Юткина никто не явился. Люди Матвея успели поработать накануне вечером. Среди колеблющихся поползли такие страхи, что бабы не только не пошли сами и не пустили детей-подростков, но и мужиков удерживали, чтобы они не совались в такое опасное дело.

В конце концов офицер поругался с урядником и с самими хозяевами. Его дело — охранять кедровник на время шишкобоя, а он как неудачливый рыбак: сидит у моря и ждет погоды.

Через три дня офицер приказал солдатам снимать палатки.

Неслышно подкрадывался вечер. Багровое солнце спустилось к самому лесу. Казалось, что оно нанизалось на сухой шпиль лиственницы, больше никуда не сдвинется и тут потухнет. Но через несколько минут, разрываемое сучьями, оставляя на них золотистые блики, оно скрылось, и шпиль лиственницы, освещенный откуда-то снизу, засиял, словно позолоченный.

Матвей с дедом Фишкой только и ждали этого момента.

Накрыв зерно брезентами, а сверху них соломой, они направились к балагану. Скоро сюда стали собираться мужики и парни с полей, из пикетов. Дед Фишка под гул радостных восклицаний сообщил, что солдаты днем снялись со своего лагеря на опушке кедровника и тронулись на юткинских и штычковских подводах в город; Кузьма, Николай и Поликарп просили передать волченорцам пожелания успеха...

Пикетчики решили немедленно оповестить жителей о начале шишкобоя.

Дед Фишка отправился к новоселам. Матвей, Архип Хромков, Мартын Горбачев, Калистрат Зотов, братья Бакулины и с десятков парней-пикетчиков за вечер обошли все дома. Многие из волченорцев, особенно бабы, все еще не веря в то, что солдаты ушли, по-прежнему колебались. Но пикетчики и не уговаривали их. Они сообщали только, чтобы все готовились к шишкобою.

День прошел в лихорадочной подготовке, а на рассвете в кедровнике застучали барцы.

Урядник Хлюпочкин принялся строчить очередные доносы, стараясь прежде всего выгородить себя из неприятной истории и свалить всю вину за «беспорядки» на поручика.

Евдоким Юткин, мрачный как туча, глушил водку у себя дома и на людях не показывался.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Весной, когда подымутся буйные травы и зацветут синим цветом ирисы, голубым — незабудки, желтым — лилии, белым — белоголовник, на склонах холмов появляются из земли редкие стебли. Нет на этих стеблях ни отростков, ни листьев, только на самом конце их покачиваются упругие шишечки. И долго, почти до самой середины лета, оттого что эти стебли слишком обыкновенны и в них нет ничего привлекательного, яркого, влекущего к себе глаз человека, люди не замечают их и, случается, даже топчут. Но вдруг в один из летних жарких дней шишечки распускаются, и на стеблях появляются крупные пахучие цветы.

Теперь люди подолгу смотрят на цветы, дивятся их красоте, восхищаются их сладким запахом. И мало кто думает о том, что эти цветы, радующие глаз, выросли на тех самых прямых и гладких стеблях, которые только еще вчера они замечать не хотели.

Точно так случилось и с Артемом Строговым. Жил он годы, рос, но люди не замечали его. И вдруг однажды на селе заговорили: «Смотрите, какой Артемка-то Строгов!» И все стали смотреть на него, будто раньше его совсем не знали, и дивиться тому, как он ладен и хорош собой.

Несколько лет Артем ходил в ватаге ребятишек и ничем не отличался от своих сверстников. Потом ребятишек он перерос, а с парнями еще не сравнялся. Теперь на молодежные игрища он ходил не с ватагой ребятишек, а с небольшой кучкой своих товарищей-подростков. На игрищах подростки занимали уже более почетное место, чем ребятишки. Они не толпились где-то поодаль, не получали от взрослых подзатыльников, а стояли в толпе настоящих парней и девок, серьезные и рассудительные. Взрослая молодежь их уже терпела, не гнала, но на круг еще не пускала. Они смотрели на хороводы, на пляски, на игры и мечтали о своем завтрашнем дне. И вот наступил этот желанный день...

Однажды в воскресенье вечером парни и девки собрались на бугре, у хлебных амбаров купца Голованова. Было тут по-обычному шумно и суетно. Гармонист с хит-

рыми переборами наигрывал «Подгорную». Девки кружились в пляске, помахивая белыми платочками и подпевая. Парни курили, разговаривали, смеялись. Потом кто-то закричал:

— Хоровод!

— Хоровод! Хоровод! — поддержали другие.

Пляска прекратилась, и парни подходили к девкам, брали их за руки и шли на поляну, где уже, опередив всех, суетились ребяташки. Подростки стояли кучками, смотрели, курили, пуская дым через нос, посмеивались, боясь каким-нибудь неосторожным словом или движением уронить свое достоинство. Вдруг к той кучке подростков, где стоял Артем, подбежала Маняшка Дубровина. Она схватила Артема за руку и сказала взволнованно:

— Пойдем со мною, Артем!

Артем почувствовал, как кровь прихлынула у него к лицу.

«Хорошо, что темно. Стыдно-то как!» — мелькнуло у него в уме.

Он рванулся было назад, но Маняшка со смехом схватила его за руку и потащила в круг.

«Что это я? Когда-нибудь надо же начинать», — подумал он и хотел сказать что-то смешное, понимая, что надо как-то скрасить свою неловкость, но ничего не сказал и пошел с Маняшкой, не чувствуя под собою ног. Товарищи проводили его завистливыми взглядами, не проронив ни слова. Они знали: Артем ушел туда, на круг, и он больше к ним не вернется.

Маняшка Дубровина была года на три старше Артема и выделялась из всех девок. Многие парни искали у нее взаимности, но девушка отвергала их одного за другим. И теперь ее внимание к Артему казалось его товарищам большим счастьем, о котором они могли только мечтать.

Весь этот вечер Артем чувствовал себя то окрыленным, то, наоборот, подавленным. В играх он был еще неловок, замечал, что над его неловкостью посмеиваются, и несколько раз порывался уйти, но Маняшка не оставляла его ни на минуту.

Весь вечер он молчал, не находя слов, которые можно бы сказать. Неумолкаемый говор парней и девок, их возгласы, смех не затрагивали его сознания. Он был сосредоточен на чем-то своем. Маняшка понимала его и

ни о чем не спрашивала. Движениями своей руки она управляла Артемом, и он, испытывая от этого удовольствие и радость, терял ощущение времени.

Когда пропели вторые петухи и забелел восток, парни затянули протяжно: «Не пора ли нам, ребята, расходиться по домам». Артем удивился, что ночь уже миновала и близится утро. В его сознании этот вечер промелькнул как одно короткое мгновение.

— Ты проводишь меня, Артем? — спросила его Маняшка.

— Пойдем, — сказал он довольно громко и сам удивился своему голосу.

Они шли молча, и Маняшка по-прежнему крепко держала его руку в своей. Ему хотелось о чем-то заговорить, но ни слов, ни повода к разговорам не находилось. Уже у ворот дубровинского дома Маняшка наконец выпустила его руку из своей и вполголоса спросила:

— Ты придешь в будущее воскресенье?

— Приду, — ответил Артем.

— Ну, смотри приходи. Я ждать буду. — Она взглянула ему в глаза, улыбнулась и скрылась за калиткой.

Артем пошел домой. Ему казалось, что сегодня он совершил что-то геройское, что прибавило ему силы, сделало его выше и взрослее. Раньше он ходил через пустырь, мимо кладбища, всегда с оглядкой. Теперь он шел, не чувствуя никакого страха и не ускоряя шагов. Тихо, не торопясь, он залез на чердак своего амбара, где уже, легонько всхрапывая, спал Максимка, разделся и лег рядом с братом. Спать ему не хотелось. В ушах стоял Маняшкин голос: «Смотри приходи. Я ждать буду!» — а когда он закрыл глаза, перед ним вновь вставала Маняшка. Она упорно смотрела на него, и глаза ее сияли тем же блеском, какой заметил он у нее, когда она увела его в хоровод. Он уснул не скоро. Когда утром Анна пошла будить сыновей, Артем спал, откинув руку, и улыбался во сне.

2

Неделя показалась Артему необычайно длинной. Он с нетерпением ждал воскресенья. Но еще в субботу, придя из бани, он надел зипун и вышел на улицу. Ему очень

хотелось увидеть Маняшку, но улица была тиха и безлюдна. Артем дошел до Маняшкиного дома, постоял неподалеку от него, поглядывая на темные окна, и побрел обратно. Чувство, которое пробудилось в нем к Маняшке, было новым, неизведанным, заставляло с трепетом ждать новой встречи с девушкой. Желая скорейшего наступления дня, Артем залез на чердак, лег и старался скорее заснуть. Ночь казалась ему бесконечной. Утром он проснулся и, не открывая глаз, подумал: «Неужели все еще ночь?»

Но был уже день. Солнце стояло высоко, и его лучи сквозь щели падали на чердак. Артем торопливо слез с амбара, умылся, поел блинов и стал собираться на гулянье. «Эх я, засоня! — ругал он себя. — Ребята, поди, давно уж на игрищах».

В горнице, надев красную сатиновую рубашку, он долго рассматривал себя в зеркало и остался доволен собой. Единственно, что его огорчало, это картуз. Он был уже не нов, потрескавшийся козырек раскололся надвое, и кого-то угораздило сшить его суровыми нитками.

«Наверно, бабуса починяла. И надо же было ей белыми нитками сшить!» — с досадой подумал Артем.

Найдя в столешнице вар, он попробовал зачернить нитки, но они получились рыжими. Отчаявшись, Артем отбросил свой картуз на ящик и вышел в прихожую.

— Тять, я надену твой картуз? — спросил он у отца.

— Надевай, я никуда не собираюсь, — ответил Матвей.

Отцов картуз тоже был не из новых, но козырек у него был в порядке. Артем перед зеркалом надел его набекрень и вышел на улицу. Было не так поздно, как он думал. Обедня кончилась совсем недавно, и парни и девки сидели еще дома. Артем дошел до головановских амбаров и, убедившись, что возле них никого нет, отправился на берег реки. Тут он сел в чью-то лодку, привязанную цепью к толстой коряге, и долго сидел в ней, бездумно вглядываясь в свое отражение.

Когда Артем поднялся на берег, на бугре, у амбаров, уже пестрела толпа. Он заторопился, чувствуя от волнения легкую дрожь в теле. Поднявшись на бугор, он убавил шаг и стал искать глазами Маняшку. Парни встретили его шутливыми возгласами, но шутки были необидные. Девки подскочили к нему, приглашая в круг на

пляску. Он еще не привык к этим почестям и стоял смущенный. Но от сознания того, что он уже не тот, каким был в прошлое воскресенье, что сегодня он принят здесь как равный, его охватила радость. Артем не стал больше отказываться от приглашений девок и пустился плясать с таким азартом, что забыл обо всем. Девки прыгали вокруг него, хватили его под руки, кружились. Почувствовав наконец усталость в ногах, Артем остановился и, подняв голову, увидел Маняшку. Она стояла с подругами и глядела на него с укором. Артему стало стыдно, он вышел из круга и спрятался за спины парней. Отдышавшись, решил подойти к Маняшке, пробрался вперед, посмотрел на нее. Она стояла печальная и кого-то искала глазами. Артем догадался, что она ищет его. Он глядел на нее, и вся она казалась ему невыразимо хорошей. Проталкиваясь сквозь толпу, он направился к ней. Но когда до нее было уже близко, остановился в нерешительности. «Что я скажу ей? Что?» — мучительно думал он.

Вдруг кто-то схватил его за рукав. Артем взглянул и увидел Дуняшку Бодонкову, подругу Маняшки. Молча следуя за ней, Артем вскоре оказался вне толпы. И тогда Дуняшка, серьезно глядя на него, тихо сказала:

— Артем Матвеич, пойдите за амбар. Вашу милость ждут там.

Артем покорно пошел за ней, зная заранее, кто ждет его за амбаром, и чувствуя, как сильно забилося сердце.

Маняшка встретила его все тем же укоряющим и грустным взглядом. Дуняшка, исполнив свое дело, исчезла. Несколько секунд они стояли молча. Маняшка смело смотрела в глаза Артему, а он, не выдержав ее взгляда, опустил голову.

— Подними голову,— повелительно сказала Маняшка.

Артем покорился.

— Смотри мне в глаза,— вновь приказала она.

Артем опять покорился и на этот раз выдержал взгляд.

— Что, Артем Матвеич, к Анютке Поярковой манит? — щуря глаза, проговорила Маняшка.

Как тогда вечером, когда Маняшка впервые повела его в хоровод, кровь прихлынула к лицу Артема. Долго

он ничего не мог вымолвить, зная, что надо непременно что-то сказать.

— Она меня насильно на круг затащила,— наконец чуть слышно произнес он, понимая, что говорит совсем-совсем не те слова.

Маняшка недоверчиво засмеялась и пошла. Видя, что она уходит, и досадуя на самого себя за то, что не умеет удержать ее, Артем кинул ей вдогонку:

— Нужна мне твоя Анютка, как собаке пятая нога!

Но девушка не оглянулась. Артем почувствовал, как что-то дорогое, то самое, что связано с Маняшкой, рухнуло, причиняя ему боль.

Весь день он слонялся в толпе парней и девушек, стараясь все время попадаться на глаза Маняшке. Но та будто не замечала его.

«Все пропало»,— мрачно думал Артем, но сам очень еще плохо представлял, что такое это *все*.

Он понимал, что на его месте какой-нибудь другой парень позвал бы Маняшку и наедине поговорил с ней обо всем. Не дождавшись конца игрищ, Артем ушел домой, с горечью думая: «Уйду, и больше ты меня не увидишь!»

Похлебав щей и напившись чаю, Артем отправился в березник и долго ходил там, размышляя наедине с собой: «Подумаешь, невидаль! Есть девки получше ее».

Он решил на Маняшку больше не обращать внимания, а на игрища ходить по-прежнему со своими товарищами. И правда, весь этот вечер Артем был в окружении товарищей, весело разговаривал с ними, смеялся. Парни подходили к нему, звали его на круг, но он отказывался. Однако не замечать Маняшки, не следить за ней он все-таки не мог. Порой это так захватывало его, что он забывал, о чем говорил с товарищами. Домой он пошел вместе с Ромкой Горбачевым задолго до конца гулянья. Утром предстояло ехать на поля, работать, и Артем решил, что самое лучшее — это лечь спать. Но не успел он спуститься с косогора, как их догнала Дуняшка Бодонкова.

— Артем Матвееч, задержитесь на секундочку,— с легкой насмешкой проговорила она.

Артем и Ромка остановились. Дуняшка подхватила Артема под руку и отвела в сторону.

— У кладбища вас Маняшка ждет,— все так же вежливо сказала она и, толкнув его кулаком в грудь, закончила строго: — Иди, дурень, скорее! Присушил девку.

Ромка понял, что Артема не дождешься, и побрел один. Дуняшка тоже убежала. Артем стоял, раздумывая. То, что Маняшка звала его, было ему приятно, и вновь он ощутил прилив радости. Но почему-то теперь у него возникло желание не ходить к Маняшке.

«Вот возьму и не пойду. Больно много воображает»,— подумал он.

Однако через минуту, все еще уговаривая себя проучить Маняшку, он уже торопливо шагал к кладбищу.

Маняшка встретила его у дороги и, не скрывая радости, бросилась к нему:

— А, пришел!

Артем знал, что ему надо что-то ответить ей, но язык его словно окостенел. И оттого, что слов опять не было, на миг он возненавидел и себя и Маняшку.

— Что же вы молчите, Артем Матвееч? — спросила Маняшка.

Артем не знал, куда деваться.

«Что она, нарочно, что ль, меня мучает?» — пронеслось у него в голове.

Маняшка, по-видимому, догадалась, что Артем взволнован, и, помолчав, сказала:

— Пойдем на берег?

— Пошли.

Они направились через пустырь к речке. Шли прямоком по траве. Маняшка часто в темноте спотыкалась, прикасаясь к Артему то рукой, то плечом. От ее прикосновений ему было приятно и в то же время как-то неловко и стыдно. Он старался каждый раз отстраниться, но она спотыкалась все чаще и чаще, и наконец у нее вырвалось:

— Темнотища-то! А ты ровно и не чуешь, с кем идешь!

Артем осторожно обнял ее за талию и удивился тому, что она вся была какая-то мягкая и горячая.

«Что она, то ль без костей?» — подумал он, искренне пораженный.

Дойдя до реки, они сели под черемуховым кустом над рекой. Нагретый горячим солнцем песок еще не остыл и немножко пригревал их. Пожимая руку Артема

и заглядывая ему в глаза, Маняшка говорила вполголоса:

— Эта неделя за год мне показалась. Не чаяла, как воскресенья дожждаться. Бывало, молотим, а я все на солнышко смотрю. Думаю — как бы скорее к закату опускалось.

— Мне эта неделя тоже длинной показалась. А в субботу вечером я к вашему дому подходил, — осмелился признаться Артем.

Маняшка прижалась к нему.

«Поцеловать бы ее», — подумал Артем и сам испугался этой мысли.

Маняшка заглядывала ему в лицо, обеспокоенно чего-то ждала. Но Артем сидел, словно не угадывая ее желаний. Тогда она сама сбняла его, прижала к себе и принялась целовать.

Артем задышался от ее поцелуев, не успевая произнести ни одного слова. Нацеловавшись досыта, Маняшка сказала:

— За неделю вперед! — И, поднявшись с земли, махнула рукой. — Пойдем. Заря занимается.

Возле своих ворот она опять целовала Артема, приговаривая:

— На прощанье!.. Еще разок...

Почти уже рассвело, когда Артем подходил к дому. Никогда еще так сильно не ощущал он того, что жизнь — это счастье. Лицо его горело от жарких поцелуев Маняшки. Желая как можно дольше сохранить ощущение от ее горячих губ, он не прикасался к лицу руками и на вышке снял с себя рубашку с большой осторожностью. Взглянув на спящего Максимку, Артем подумал: «Спит, как суслик, а тут весь бы век на постель не ложился».

Спать ему не пришлось и одного часа: на восходе солнца мать позвала завтракать. Во дворе стояла уже запряженная лошадь. Артем поднялся, подошел к умывальнику, висевшему на крыльце, но вспомнил о Маняшкиных поцелуях и умываться не стал. Весь день он работал молча, ни на минуту не переставая думать о Маняшке. Но когда наступил вечер и после ужина надо было идти в шалаш спать, ему захотелось сейчас же, немедленно, видеть Маняшку. Он встал и, несмотря на густую темноту, медленно побрел в березник. В глазах у него

стояло лицо девушки, ее карие зовущие глаза. Куда бы он ни повернулся, ее глаза отовсюду смотрели на него и манили, манили к себе.

«Сегодня только понедельник», — подумал он, и то, что до воскресенья оставалось еще шесть дней, наполняло его гнетущей тоской. Он привалился к толстой березе и тихо, беззвучно заплакал.

3

Не везло Степану Дубровину. Неудачи следовали одна за другой. Зимой вымерзли посеянные на холмах озимые. Степан приналег весной на работу, хотел засеять загона три яровых, но перед самой пахотой описали за недоимки и свели со двора последнюю лошаденку. Не зря, видно, говорится: беда в одиночку не ходит. Перед сенокосом Степан с женой Варварой и дочерью решил идти на хутора к эстонским кулакам-переселенцам. О том, что посевы погибли и хлеб придется зарабатывать в людях, Маня знала давно, но она никак не предполагала, что для этого придется почти на целый месяц уехать из родного села.

Отец сказал ей об этом в воскресенье, накануне отъезда. Вечером, вялая и печальная, она зашла к Бодонковым за Дуняшкой. Вместе пошли к амбарам на игрища.

Артем стоял рядом с Ромкой Горбачевым, поодаль от круга. Увидев Маню с Дуняшкой, он заулыбался и крикнул весело:

— Наше вам с кисточкой!

Белокурая, голубоглазая Дуняшка звонко засмеялась, бойко затараторила. А Маня с такой тоской посмотрела на Артема, что он в одно мгновение построжел и подумал с тревогой: «Что это с ней? Просватали, что ли, ее?»

Вскоре Ромка с Дуняшкой ушли на круг плясать, и Маня рассказала Артему о предстоящей разлуке.

Домой шли втроем. Ни Артем, ни Маня не скрывали перед Дуняшкой своих чувств и разговаривали при ней без стеснения.

Ночь стояла темная, безлунная и какая-то ласкающая, мягкая. Легкие вздохи ветерка были едва ощутимы.

Шагая по мягкой дороге, обняв одной рукой Артема, а другой придерживая за локоть подругу, Маня наказыв-

вала Дуняшке строго следить за Артемом. Артем тихо и грустно посмеивался, а Дуняшка клялась и божилась не спускать с него глаз. Проводив Дуняшку домой, Артем и Маня долго еще бродили по темным, глухим улицам села, оттягивая наступление горьких минут разлуки.

Утром они разъехались в разные стороны: Артем к себе на поля, а Маня на хутора, к кулакам-эстонцам.

И потянулись однообразные дни, знойные и тягучие. Единственным утешением Артема было то, что время не стояло на одном месте. Миновали понедельник, вторник, среда, и вот уже наступила суббота.

Весь этот день Артема мучила мысль: «Ехать в село или нет?»

Помня свое обещание Мане, он решил не ездить, и когда под вечер Матвей, Анна и дед Фишка стали собираться домой, он заявил, что останется на полях и займется охотой.

Лениво спускались сумерки, заволакивалась дымкой яркая синева неба. Блекли подернутые резким багрянцем осины. Над лесом несмелым, бледным светом загорелась первая звезда. Артем разжег костер, испек в золе несколько картофелин, поел и отправился в балаган.

Лежа на соломе, он представил себе, как сейчас парни собрались где-нибудь у забора на бревнах и негромко ведут задушевные разговоры о работе, о девушках, о предстоящих осенью свадьбах.

«А тут лежи вот, как барсук в норе»,— вздохнул Артем.

Утром Артема вновь начали терзать сомнения. День выдался лучистый, голубой. Коротать его в балагане не хотелось, Артем взял ружье и пошел бродить по полям. Он шел от одного болотца к другому, изредка стрелял, подбирал убитых уток. Незаметно он вышел на чистую поляну и увидел изгородь. Это была поскотина села. Артем остановился возле нее и подумал: «Вот чудо! Будто бы и не хотел в село идти, а пришел».

Дома его встретили с радостью, и добычу рассматривало все семейство. Агафья подала ему обед, и он уселся за стол.

Взглянув в окно, Артем увидел Дуняшку Бодонкову. Она тихо прошла мимо окна, потом повернула обратно и прошла еще раз.

«Что она кружится? Может, какие-нибудь вести от Маняшки есть?» — подумал Артем и поторопился окончить обед.

Нарядившись в красную сатиновую рубашу, прихватив отцов пиджак, он вышел на улицу.

— Ну что? — спросил он, подходя к Дуняшке.

Та взглянула на него смеющимися глазами и задорно встряхнула белокурой головой.

— А ничего, тебя жду.

— А я думал, что ты от Маняшки какие-нибудь вести получила, — не скрывая неудовольствия, проговорил Артем.

— Ух ты какой! Вести! Мне их сорока, что ль, на хвосте принесет?

Они вышли проулком на поляну, желтевшую от множества ярких желтых цветов «куриной слепоты». Уселись на самом солнцепеке. Артем лег, приставил к лицу ладонь, защищая от лучей солнца глаза, и смотрел в небо.

Дуняшка улыбнулась и, помолчав, проговорила с напускным недружелюбием:

— Дьяволенок! Уродился же такой... Брови-то как писанные.

От хлебных амбаров донеслись до них переливы гармошки и звонкие девичьи голоса. Они поднялись и пошли на игрища. То, что Маня уехала и Артем остался под строгим присмотром Дуняшки, знали все девки и парни, и поэтому никто не удивился, увидев Артема вместе с Дуняшкой. Только Полюшка Грудина, чистосердечно признававшаяся в своих чувствах к Артему, не замедлила вновь во всеуслышание заявить об этом. Выскочив на круг вместе со своей подругой Наташкой Овчинниковой, она закружилась, затопала ногами и, размахивая платочком, пропела:

Разудалой мать родила,
Разудалой я живу.
Я Артемку полюбила,
Я его и завлеку.

Дуняшка с поспешностью схватила Артема за руку и с неподдельной злобой прошептала:

— Ишь змеина! Еще грозитя!

Втайне Артем был польщен Полюшкиной частушкой и, удивленно взглянув на переменявшуюся в лице Дуняшку, подумал: «Вот она какая, горой за Маню стоит».

С гулянья они отправились вместе.

Возле своего дома Артем остановился и стал прощаться, но Дуняшка оттолкнула его руку.

— Ты что, спать? Пойдем посидим вон на бревнах.

— Да нет, неохота. Вставать завтра рано,— попробовал отговориться Артем.

Дуняшка не отступала:

— Маленько посидим, с полчасика.

Сидели молча. Артем чувствовал, что Дуняшка дрожит. Он слегка толкнул ее плечом, спросил тихо:

— Ты что, то ль в лихорадке?

— Озябла.

— Озябла? Шелудивый поросенок и в петровки мерзнет,— засмеялся Артем.

— А ты не смейся, лучше погрей,— сказала Дуняшка и, не дожидаясь согласия Артема, придвинулась к нему плотнее.

Артем распахнул старый отцов пиджак и полой прикрыл ее. Дуняшка охватила Артема руками, положила голову на его плечо и сидела не шелохнувшись. Ей стало так хорошо и удобно, что она от удовольствия готова была замурлыкать.

— Идти надо. Спать охота,— проговорил Артем.

Дуняшка разняла свои руки и, потягиваясь, встала. Артем проводил ее немного по проулку и заторопился домой.

«Нет, это тебе не Маня»,— сказал он сам себе, без сожаления расставшись с Дуняшкой.

4

В тяжелой работе, в воспоминаниях о Маняшке, о первой встрече с ней миновала и вторая неделя разлуки.

Поздно вечером Артем возвращался проулком с кручи, где обычно по субботам собирались на тихие и мирные беседы одни парни.

Когда он дошел до рассадников, стоявших на высоких столбах в огороде Кирилла Бодонкова, с изгороди на дорогу спрыгнул какой-то человек. Оробев, Артем остановился в нерешительности, но в ту же минуту услышал знакомый голос:

— Иди, иди. Это я.

— Дуняшка? А я думал — оборотень, хотел припустить,— засмеялся Артем.

— Мы спим тут на сеновале. А я еще и глаз не закрывала, тебя ждала. Ох, Артемушка, что я тебе скажу-у! — вдруг жарко зашептала Дуняшка.— Маняшка-то, говорят, эстонца на хуторах приласкала.

Артему показалось, будто кто ударил его по вискам.

«Врешь! Врешь!» — хотел закричать он, но вместо крика из его горла вырвался придушенный шепот.

— Не веришь, спроси у Мотьки Дадыкиной. Она сама видела.— Дуняшка отшатнулась от Артема и вмиг исчезла за изгородью, в темноте.

Ночь была мучительна. Самые различные чувства теснились в душе Артема. Вспышки ненависти к Маняшке чередовались с приливами нежности к ней и жалости к самому себе. Спал ли он или просто бредил, он и сам не знал. Поднялся он рано, побродил по огороду, не спеша перелез через изгородь и проулком вышел на одну из самых широких улиц села. Душу его охватило безразличие ко всему на свете. Он остановился, когда идти дальше было некуда. Перед ним стояла изба Селивана Дадыкина.

«Надо подойти к окну и вызвать Мотьку»,— подумал он.

Но смелости на это не хватило. Артем завернул за угол забора и оказался за селом. По тропке, пролегающей через лужайку, направился к речке, оглядываясь на огород Селивана Дадыкина и втайне поджидая, не появится ли там Мотька. Но Мотька появилась совсем с другой стороны.

Тяжело ступая, она поднималась на кручу с козымсом на плечах. Артем поспешил ей навстречу и, когда до нее осталось два-три шага, сказал, торопясь:

— Скажи, Мотя, ты правда видала Маняшку?

Мотька остановилась, прищурилась и смущенно улыбнулась.

— Как же, Артем, видела, своими глазами видела. Сидит она на полянке, а вокруг нее парни. А парни-то — не нашим чета. Рослые все, да белые, да нарядные. А все-таки не глянутся мне они.— И, откровенно взглянув на Артема, Мотька закончила, кротко опустив глаза: — Мне черные больше по сердцу.

Артем, удрученный своими мыслями, не заметил, что Мотька с ним любезничает.

— А ты зачем к эстонцам ездила? — спросил он, глядя бездумным взглядом на ее голые ноги.

Мотька замялась, но довольно быстро нашлась и ответила:

— Мы с тятьей ездили к ним, пороят на развод покупали.

Мотька пошла, оглядываясь и усмехаясь. Артем посмотрел ей вслед.

«Врет или не врет?» — подумал он, медленно шагая по дороге обратно домой.

Эта мысль занимала его весь день. После обеда он поехал на поля за травой. Размышляя дорогой о своей жизни, Артем решил плюнуть на все и жить без тревог, без забот, так, как жил до того вечера, когда Маняшка впервые увела его в хоровод.

Вернулся он в сумерки. Пересекая по мосту речку, услышал веселый шум, доносившийся от амбаров. Игрище бурлило весельем. У Артема сладко зануло сердце. Захотелось соскочить с воза и бежать скорее на игрище: «Вот дьявол, опять туда манит».

Дома он набросил на плечи отцов пиджак и, втайне упрекая себя за непостоянство, отправился на гулянку. Дуняшка уже ждала его и встретила упреками.

В этот вечер Артем несколько раз принимался плясать, вступал в разговоры с парнями, шутил с девушками, пробовал курить, но горький осадок от разговора с Мотькой не проходил, и на душе было все так же тоскливо.

Когда они пошли домой, Дуняшка вновь упростила его посидеть полчасика на бревнах. Артем согласился. Дуняшка поняла, что робеть нечего. Она обняла его и зашептала:

— Ненаглядный мой, расхороший мой, нам и без Маняшки хорошо будет...

Из темноты вывернулись девки. Почти наткнувшись на Артема с Дуняшкой, они шарахнулись в сторону, и одна из них громко сказала:

— Сидят себе и воркуют, как голубки. Пряма-таки завидочки берут.

По голосу Артем узнал Мотьку Дадыкину.

«Ну, теперь разнесет по всему селу, что я с Дуняшкой в обнимку сидел», — подумал он.

— Ну-ну, ты шибко-то ко мне не лезь,— проговорил он, отодвигаясь от Дуняшки.

— Отчего же не лезть, Артем Матвееч?

— Оттого, что наврали вы с Мотькой про Маню.

Дуняшка всплеснула руками.

— Пусть наши глазыньки лопнут, если мы соврали! Пусть наши ноженьки отсохнут, пусть наши рученьки отвалятся...

— Ну, заладила, сорока! — воскликнул Артем и, не попрощавшись с ней, встал и пошел по проулку к дому.

С минуту Дуняшка стояла оцепеневшая, потом бросилась ему вдогонку.

— Артем Матвееч, остановитесь на одно словечко!

Артем остановился. Дуняшка подбежала к нему и с затаенной злостью выпалила:

— Не плюйте в колодец, Артем Матвееч, может, водицы придется напиться.

— Как это водицы придется напиться? — не поняв ее угрозы, спросил Артем.

— А так, Артем Матвееч. Маняшка все равно теперь вашей не будет,— процедила сквозь зубы Дуняшка.

— Почему это? По какой такой причине? — спросил деланным баском Артем.

— А потому, Артем Матвееч, что слово свое вы не сдержали. Что вам Маняшка наказывала? Глаз ни на кого не поднимать? А вы-то? — Она засмеялась мелким, ядовитым смешком.

— Стервешка! Вот ты кто! — крикнул ей в лицо Артем и, рассерженный, спотыкаясь о засохшую кочками грязь, зашагал по проулку.

Дуняшка вдогонку крикнула:

— Вздумаете, Артем Матвееч, приходите. Милости просим.

Артем отчетливо расслышал эти слова, но ничего не ответил и только сердито махнул в темноте рукой.

...И вот кончилась еще одна неделя разлуки.

«Неделька еще осталась. Гляди, как-нибудь помаленьку и она пройдет»,— рассуждал Артем, подходя в воскресенье к игрищу.

Он окинул взглядом толпу молодежи и остановился. У крайнего амбара, в стороне от круга, стояла Маня. Около нее увивался сын лавочника Кешка. Маня стояла лицом к толпе и, наверное, заметила Артема, но навстре-

чу к нему не пошла. Пожимая парням руки, перебрасываясь с ними и с девочками шутками, Артем кружил по толпе, стараясь затеряться в ней и выследить, что дальше будет делать Маня.

— Ах, Артем Матвеич, не меня ли потеряли? — вдруг услышал он голос Дуняшки.

Артем посмотрел на нее и молча прошел мимо. Дуняшка была одна. Артем понял, что дружба подруг кончилась и Маня все уже знает. Артем напряженно следил за уходившими с гулянья, но с кем ушла Маня, не видел.

Подойдя к дому Дубровиных, он заметил, что окна открыты.

«Где же она спит? В прихожей или в горнице?» — подумал Артем, осторожными шагами приближаясь к одному из раскрытых окон горницы.

— Маня,— тихо позвал он и прислушался.

Никто не ответил, но на подоконнике что-то глухо стукнуло. Большой горшок с цветком отодвинулся к косяку, и в окне появилась с распущенной косой, в белой рубашке Маняшка.

— Артюша... Я будто знала, что ты придешь... не спала,— ответила она шепотом и в тот же миг исчезла.

Прошло не больше двух-трех минут, и она вышла из калитки уже в платье и накинутом на плечи платке.

Артем бросился ей навстречу.

— Маня...— начал он, но Маняшка опередила его:

— Артюша, и как ты...

— А ты-то, Маня...

— Браки, Артюша, они, подлые, хотели тебя отнять у меня.

Маня тихо прижалась к Артему. Он обнял ее, и все окружающее перестало существовать для них.

5

В этом году Анна впервые всерьез поняла, что ее желаниям жить «на загляденье всему селу» не суждено сбыться. Давно уже чувствовала она в душе смятение, нарастающую тревогу.

Видя, как день за днем происходит крушение ее надежд, она стала все чаще спрашивать себя: как ей жить

дальше, во что верить, к чему стремиться? Жить ради того, чтобы только жить, она не могла...

Она по-прежнему много и прилежно трудилась, но, работая дома, на полях, одна или вместе с Матвеем, она не чувствовала в себе того горения, какое охватывало ее когда-то на пасеке. Тогда ей казалось, что ее мечта уже начинает осуществляться, что еще одно усилие — и она создаст наяву тот мир, который так полно жил в ее воображении. Теперь ее не покидала боязнь: было ли это кратковременное недомогание Матвея, наступившее ненастье, гибель теленка — все вселяло в нее острое беспокойство за завтрашний день.

Анна с ужасом представляла себе, что произойдет, если обеднение семьи будет продолжаться так, как оно шло в последние годы. Матвей, дед Фишка, она сама должны будут исполу обрабатывать чужие поля. Артема или Максимку наверняка пришлось бы отдать в подпаски. Но этого-то Анна и не хотела. Она все еще не переставала надеяться на какие-то лучшие времена и готова была сама работать в людях за двоих, лишь бы сохранить сыновей дома. Иногда ей казалось, что вот сыновья подрастут, встанут на ноги, и жизнь семьи сразу изменится. Она всячески старалась воспитать в них прилежность к работе, заинтересованность в делах хозяйства. И правда, сыновья росли, поднимались, и в хозяйстве не могло не сказаться прибавление рабочих рук. С посевом, с покосом, с жатвой Строговы справлялись дружнее, чем прежде. И сена, и хлеба, и овощей они тоже собирали теперь больше, но, невзирая на это, нужда с каждым годом становилась все острее. Подати увеличивались, всякие подворные и подушные сборы росли из года в год, а в хозяйстве столько образовалось всяких дыр, что не было сил заткнуть их.

Решение властей об отчуждении кедровника вызвало в душе Анны такое негодование, что она на некоторое время вновь почувствовала в себе страсть к жизни, горячий интерес ко всему совершающемуся вокруг. Она бегала по соседкам, подталкивала на борьбу за кедровник Матвея, упрекала мужиков в бездействии. Часто, делая все это, она спрашивала себя: «Что я делаю? Куда я зову их? Против бати, отца родного зову».

Но это лишь в самом начале пугало и останавливало ее. Чем дальше шла жизнь, тем больше понимала Анна,

что избежать ей столкновения с отцом невозможно. Раньше, когда она жила на пасеке, крепкая хватка отца, его умение вести хозяйство приводили ее в восторг. И тогда уже она видела, что хозяйство отца идет в гору потому, что он жесток с людьми, не честен, обсчитывает их всюду, где можно.

А теперь она не могла по-прежнему равнодушно относиться к тому, что делал отец. Слыша о притеснениях, которые он чинит своим работникам, чувствуя ненависть народа к нему, Анна думала: «И в самом деле, за что его, такого, будут любить? Ох, не своей смертью кончится батя!»

Анна уже не восторгалась, как прежде, порядками, заведенными в отцовском доме, а скорее наоборот: увидев все это как бы заново, стала изумленно спрашивать себя, как она раньше могла все это считать справедливым и достойным. Так постепенно в ее душе укреплялось какое-то другое чувство, определить которое она и сама не могла. Люди, обиженные отцом, очень часто свои обиды высказывали ей. Анна слушала, молчала и с болью думала: «Ему-то что? Его этим не запугаешь. А тут тебе в глаза, как шильями, колют».

Больше к Юткиным Анна не ходила.

В родительском доме она чувствовала себя чужой. Отец уже давно подозрительно косился на нее, а с тех пор, как Матвей подбил мужиков не ездить на его мельницу и потом поднял сельчан на борьбу за кедровник, совсем перестал разговаривать с дочерью.

Борьба за кедровник оставила в душе Анны глубокий след. Оттого, что ее желания сбылись и кедровник по-прежнему остался за обществом, она переживала огромную радость. В дни шишкобоя Анна чувствовала себя словно помолодевшей — работала с наслаждением и радовалась не только за себя, но и за всех людей, сумевших отстоять свое право.

Но вот прошла еще одна тяжелая зима, и снова стоят красные деньки, и снова колосится рожь на полях, а в сердце у Анны нет уже прежней радости. Она уже знает, что ни новый урожай, ни доходы от ореха не выведут из нужды семью, не поправят дела хиреющего с каждым годом хозяйства Строговых. И вновь охватывает ее уныние, и опять спрашивает она себя, как жить дальше, во что верить, на что надеяться.

«У меня дети,— думает Анна,— надо их поднять на ноги. А когда они вырастут, сами себе дорогу найдут. И потом надо помириться на том, что дано. Богатой мне не быть, а коли так, не к чему попусту и душу свою над-рывать».

Эти мысли кажутся ей убедительными, и она даже удивляется, как это они раньше не приходили ей в голову.

«Артемка-то, Артем-то какой растет!» — с гордостью думает она, глядя на сына.

И в голове ее рождаются мысли, в которых все еще живет каким-то далеким отзвуком ее заветное: «Как знать, а эти, может быть, и проживут еще на загляденье людям».

В семейной жизни Анна стала заметно покладистой, тише. Матвей не мог не заметить того нового, что появилось в характере жены.

«Годы,= решил он и от всего сердца пожалел ее.— Укатали сивку крутые горки».

Как-то на покосе, когда после полдника они отдыхали в тени у только что сметанной копны еще теплого от горячих лучей солнца душистого сена, Матвей заговорил об этом с женой.

— Ты что-то больно тиха стала, Нюра. Стареешь, что ли? — спросил он, шутливо обнимая Анну за плечи и заглядывая ей в глаза.

— А ты думал, я молодеть буду? — попыталась отшутиться Анна.

— Да нет, не к тому время идет. Я над другим дивлюсь. Смирная ты какая-то стала. Я уже и забыл, когда ты ругала меня,— с усмешкой проговорил он.

— Не заслужил, вот и не ругала. А надо будет, не думай, молчать не стану,— в тон ему ответила Анна и, вздохнув, добавила: — Раньше надо бы ругать тебя сильнее, а теперь что? Не к чему. Теперь у нас с тобой одни заботы: с голоду не подохнуть да вон ребятишек вырастить.

— Со стороны кто послушает, смешно станет: будто ты умирать собралась.

Не испытывая больше охоты отшучиваться, Анна серьезно сказала:

— Ну, смешно или не смешно, не знаю, а только из-за детишек и живу. Опостылела мне такая жизнь.

Матвей попробовал разговаривать с женой, но она, отговариваясь усталостью, привалилась спиной к копне и закрыла глаза.

С каждым днем Анна все больше и больше увлекалась хлопотами о детях, находя в этом то, что придавало ее жизни смысл и оправдывало всю трудную суету. Ей казалось, что теперь ничто уже не изменит ее стремлений и помыслов, потому что она хотела получить от жизни самую малость.

Но случилось все совсем не так, как она думала.

В середине лета купец Белин затребовал от своего доверенного в Волчьих Норах присылки подвод для вывоза из города большой партии товаров. Вывезти их взялись Архип Хромков да Ефим Пашкеев, подрядивший на вторую свою подводу безлошадного Степана Дубровина.

На телегах, перегруженных тюками и ящиками, мужики возвращались из города. Рано утром во второй день их пути их обогнали двое верховых. Лошади под седоками были сытые и высокие — не деревенские. Седоки сидели в кавалерийских седлах и были одеты в новенькие брезентовые плащи зеленоватого цвета. Поравнявшись с подводами, они придержали лошадей и справились у мужиков, попадут ли они этой дорогой в Жирово.

— Попадете. Скоро будет дорога влево — это в Волчьи Норы, а прямо — в Жирово, — объяснил Архип Хромков.

Вздымая желтые клубы пыли, верховые ускакали, затерявшись за березовым леском.

— По казенным делам скачут, — сказал Степан Дубровин.

— Новые подати мужикам везут, — проговорил Архип Хромков.

В полдень подводы поднялись на крутую гору, по которой беспорядочно раскидались избы. Это была Соколиновка. Отсюда до Волчьих Нор оставалось двенадцать верст.

Степан Дубровин, ехавший впереди, остановил лошадей, перекрестился и сказал:

— Ну, слава богу, прибыли. Теперь, если кони встанут, на себе телеги доволокем.

Пока кони тяжело поводили боками, мужики с радости закурили. Вид деревни удивил их: между домов сно-

вали люди, проскакали, вернувшись из проулка, верховые, протарахтела телега.

— Соколиновские работой себя не утруждают,— с усмешкой сказал Архип.— Видно, какой-то праздник придумали.

Спустя некоторое время стало ясно, что все люди тянутся к одному месту — к большой покосившейся избе, стоявшей несколько на отшибе. Там толпился уже народ. Архипа заинтересовало это сборище. Он отделился от мужиков и скорыми широкими шагами направился к толпе.

— И зачем они тебе сдались? Смотри, намнут бока,— попытался остановить Архипа Ефим Пашкеев, но тот только махнул рукой.

Подводы выехали уже за деревню, а Архипа все не было. Степан Дубровин остановил переднего коня и начал ругать Архипа: не вовремя тот исчез. Начинался крутой спуск в лог — тут всегда коней приходилось сводить под уздцы.

— Бежит,— увидев наконец Архипа, сказал Ефим Пашкеев.

Архип бежал не по дороге, а напрямик через пашню. За полсотни шагов до подвод он остановился, зачем-то снял с себя картуз.

— Верховые-то... войну привезли! — хрипло крикнул он.

— С кем?

— С германцем, язви его...— с отчаянием бросая на землю картуз, сказал Архип.

Ефим и Степан переглянулись, меняясь в лице. Едва миновали лог, навстречу вестовые — собирают мужиков по полям.

В наступившую ночь в Волчьих Норах редко кто спал. В избах топились печи, спешно стиралось белье, починаясь обувь, шились из грубого небеленого холста котомки солдатам.

Утром заплаканные, с опухшими глазами бабы собрались с ведрами на берегу речки. Вода за ночь поднялась на аршин, затопила мостки, с которых черпали воду.

— Должно быть, дожди где-то,— сказала одна баба. Но Дубровчиха замотала головой.

— Нет, бабыньки, не от дождей это. От слез наших прибыла речка.

Бабы обнялись и принялись плакать. Они плакали долго, тихо, без причитаний. Было еще рано, и те, кому предстояло в этот день отправляться навстречу тяжелой неизвестности, лежали, может быть последний раз в жизни, на дедовских деревянных кроватях.

В полдень состоялись проводы мобилизованных.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Прошло почти два года войны. Мобилизация продолжалась. На призывные пункты потянули даже белобилетников, забракованных ранее по состоянию здоровья.

Из сослуживцев Матвея по действительной Захар Пьянков, Кузьма Сурков и Никита Забегалов работали где-то на шахтах, а Калистрат Зотов и более молодые Архип Хромков и Тимка Залетный пошли на фронт. Приближалась очередь Матвея и Артема Строговых.

К весне шестнадцатого года мужиков в Волчьих Норах осталось совсем мало.

Солдатские дворы разорялись на глазах. Сократились посевы, скот перекочевывал во дворы богачей, в загоны купцов.

Евдоким Юткин с Демьяном Штычковым, как и в японскую войну, развернулись вовсю. Они направо и налево раздавали задатки — под обработки, под землю, под скот, и солдатки еще в первый год войны охотно шли наниматься к ним даже на шишкойбой. Теперь богачам и совсем некого и нечего было опасаться.

Матвей тяжело переживал бесславный конец борьбы волченорцев за кедровник, за землю и справедливость, но изменить ничего не мог. Одноногий инвалид Мартын Горбачев, умирающий Иван Топилкин да Устинья Пьянкова и с ней три-четыре еще не сдавшиеся на милость «благодетелей» солдатки — вот и все, что противостояло на его стороне могуществу Юткиных и Штычковых, ставших на селе полными хозяевами.

Во время весенней пахоты Строговых постигло большое несчастье. Заезженная, забитая тяжелой работой, пала в упряжке старая кобыла Рыжуха. Это было несча-

стве не для одних Строговых. Весной в дни сева, и осенью, в уборку, Рыжуха выручала многих безлошадных соседей Матвея.

Дед Фишка с Артемом распрягли мертвую лошадь, зарыли ее у дороги в глубокую яму, а сбрую положили в телегу и, впрягшись в нее, притащили и поставили под навес. Анна, обняв хомут и причитая, долго плакала по Рыжухе.

Матвей и Артем отправились было батрачить на хутора к эстонцам. Но война и там сделала свое дело. Посевы сокращались, а батраков на лето нахлынуло больше, чем требовалось. Матвей с Артемом вернулись ни с чем.

И тогда у Матвея возникла мысль о городе. По слухам, доходившим до Волчьих Нор, работу в городе можно было найти быстро. Матвей хотел взять с собой и Артема, но Анна этому воспротивилась.

— Нет, не пущу Артема,— решительно заявила она.— Пусть погуляет напоследок. Недолго уж...

Она тяжело вздохнула и, помолчав, предложила:

— Возьми лучше Максимку. В пастухи его отдавать неохота. В городе, может, какому-нибудь ремеслу научиться.

Максимка, не ожидавший столь заманчивых перемен в своей жизни, просиял. Не зная еще, серьезно говорит мать или шутит, он сидел с блестящими от волнения глазами и слушал, что говорят старшие. Когда же согласился и отец, Максимка стал уверять всех, что в городе он обязательно узнает, как находить золото в тайге. Дед Фишка с грустной улыбкой посмотрел в сияющее лицо мальчугана и подумал: «Эх, нужда горькая! Какое уж там золото, какая тайга!»

Старику казалось, что рушится весь мир, которым он жил столько лет. Ему было вдвойне тяжело расставаться с Матвеем и Максимкой, но возражать он не стал.

Через неделю Строговы всей семьей провожали Матвея и Максимку в путь. Больше всего Матвей боялся слез жены. Но на этот раз обошлось без них. Попрощавшись с Матвеем, Анна обняла сына.

— Вот и разлетаются птенчики из моего гнездышка,— сказала она и, вздохнув, добавила: — Чему, видно, быть, того не миновать. Иди, сынок!

Дед Фишка и Артем прощально замахали картузами.

Устроиться на работу оказалось не просто. По целым дням Матвей с Максимкой бродили по городу, внимательно прочитывая объявления на столбах и заборах. Объявлений было много, но почти все на один лад: «Срочно продается одноэтажный дом из двух комнат», «Хорошая мужская шуба продается недорого», «Продам лодку с мотором. Дешево! Спешите». Все что-нибудь продавали. Немало встречалось и таких объявлений: «Самостоятельная женщина, вдова погибшего на войне за веру, царя и отечество, ищет место горничной или кухарки».

Матвей пробовал ходить по многочисленным мастерским. Там его выслушивали, пожимали плечами, говорили:

— Что вы, какая работа! Закрываемся.

Правда, Максимку легко было устроить мальчиком в трактир или магазин. Но этого Матвей не хотел.

«Надо, чтобы парень делу какому-нибудь выучился,— думал он,— а там, кроме холуйства, ничему не научится».

Ночевал Матвей с сыном на постоялом дворе. Запасы хлеба, принесенные из дому, подходили к концу, на исходе были и деньги. Пришлось вспомнить о Власе.

Вечером, забрав с постоялого двора свои котомки, Матвей с Максимом отправились на окраину города. Накрапывал дождик. Глухие немощеные улицы опустели. На углах тускло маячили керосиновые фонари.

Матвей шел к брату и думал: «Иду будто к чужому». Возле знакомого дома остановился. Домишко еще больше осел, покосился. Крыльцо было разобрано, дверь в помещение, служившее когда-то лавкой, наглухо забита, от вывески осталось только два больших железных крюка. Убого выглядело жилье брата.

Зато на другой стороне улицы, на месте старой харчевни и бакалейной лавчонки, стоял большой двухэтажный дом. Во всю ширину дома над первым этажом тянулась вывеска с выпуклыми золотыми буквами: «Абдулла Абдурахманов и С-я. Бакалейно-гастрономический магазин». Матвей догадался: «Э, вон в чем дело! Победитель и побежденный».

И ему почему-то стало весело.

Влас, не видевший брата с самых похорон отца, при появлении Матвея даже растерялся от неожиданности.

Наталья, перебиравшая на диване какое-то тряпье, засуетилась было, но, выглянув в окно и не заметив во дворе знакомого возка с пасеки, снова уселась на свое место. Матвей окинул взглядом комнату. Все тут было как и много лет назад: беспорядочно разбросанные вещи, поломанная мебель, грязный пол, немытая посуда на столе...

— Какими путями-дорогами к нам? — спросил Влас; чувствовалось, что он насторожен и обеспокоен.

Матвей посмотрел на брата. Был он по-прежнему сухощав, жилист, говорил тем же скрипучим голосом.

«Нисколько не стареет», — отметил про себя Матвей и вслух сказал:

— От зимы лета ищем.

Влас бросил на жену встревоженный взгляд. Но Матвей, перехватив этот взгляд, поспешил успокоить брата.

— Долго у тебя не задержимся. На днях работать начнем, жить там же, при заводе Калиновского, будем, — приврал он.

Влас смутился, развел длинными, костистыми руками:

— По мне, живи хоть год, места всем хватит. — Желая, по-видимому, во что бы то ни стало убедить Матвея в своей сердечности, Влас закричал на жену: — Ты что сидишь сложа руки? Ставь самовар! Люди-то с дороги.

Сильно растолстевшая под старость Наталья послушно шмыгнула на кухню.

— Ну, а ты как поживаешь? Лавку-то закрыл, что ль? — спросил Матвей.

Дрогнувшим голосом Влас ответил:

— Абдулла, подлец, разорил меня. Оборотистый, басурманин. Сам убытки немалые понес, а меня доконал-таки.

— Чем же теперь живешь? Служишь?

Влас привстал, не без гордости в голосе произнес:

— Человек с головой не пропадет! Главным поверенным лицом у купчихи Некрасовой служу. Грешно жаловаться: Аксинья Михайловна доверяет, как родному человеку. Иной день по десять тысяч одними наличными бывает.

И Влас принялся подробно рассказывать об операциях торгового дома купчихи Некрасовой. Он говорил не спеша, расхаживая по комнате, и это начинало раздражать Матвея. С минуты на минуту он ждал, когда Влас кончит говорить о барышах. Но Влас увлекся.

— Где у тебя ребята-то? — спросил Матвей, видя, что рассуждениям Власа о барышах не будет конца.— А то вон Максимке скучно наши разговоры слушать.

Влас сел, откинулся на спинку стула, важно приосанился:

— В армии служат-с! За веру, царя и отечество, значит, добровольцами пошли.

«За веру, царя...» Матвей вспомнил пятый год, еврейский погром, Власа, выбежавшего из маленького, покосившегося дома с узлом награбленных вещей, и в патриотизм брата не поверил.

— Вчера вот письмо получил от Геньки,— оживленно заговорил Влас.— Пишет, что солдатики рвутся в бой — удержу нет.

Матвей с недоверием покосился на Власа.

— Рвутся, говоришь, в бой?

— Все, как один!

Эта ложь разозлила Матвея.

— «Все, как один»,— передразнил он Власа.— Все, как один, домой они рвутся! Ты посмотри, что в деревне-то делается! Все поразорились, голодовка начинается, болезни, а просвета не видно.

— Постой, ты больно скоро скачешь. Вот война кончится, новые земли царь завоюет, тогда и просвет начнет-ся,— несмело проговорил Влас, замечая, что глаза у Матвея расширились и заблестели.

— Новые земли, говоришь. А чем народу станет от них легче? Как был я батрак, так им и сдохну!

Влас решил смягчить разговор:

— Ты чего на меня-то кричишь? Я тебе говорю, что сын пишет.

Помолчав, Матвей спросил спокойно:

— А что он, Генька-то твой, бывал в сражениях?

Влас немного замялся.

— Нет еще, с дороги пишет.

— А Сенька, поди, уж на фронте?

— Э... э... нет. Этот у меня хитряга. В интендантстве пристроился. Вот посмотри...

Влас выскочил в другую комнату и через минуту вернулся, обвешанный солдатскими гимнастерками, брюками, сапогами, обмотками. Матвей отшатнулся, не веря глазам.

— Пощупай-ка сукнецо-то...

Матвей подскочил к Власу, схватил одну гимнастерку, крикнул:

— Твой Сенька — вор! А ты — подлец! Там, на фронте, солдаты... может... раздетые ходят... А вы... — Он бросил гимнастерку в лицо Власу и, сжав кулаки, с трудом удержался, чтобы не ударить его. — Подлецы! Царем-батьюшкой прикрываетесь... а сами солдат грабите? Нашли кого грабить? Народ грабите!

Влас стоял, опустив руки, бледный, с дрожащими губами. На крик прибежала Наталья. Не понимая, что произошло, она остановилась в дверях. Влас посмотрел на нее и, захватив в охапку солдатское обмундирование, закричал:

— Наталья, затуши самовар! А ты, ты... чтоб твоего духу тут не было!

— Ох, уж этот Матвей, — всплеснула руками Наталья, — вечно он ругань подымет!

— Ему завидно-с, что я человеком живу! — продолжал бесноваться Влас.

Матвей кивнул головой Максимке, молча наблюдавшему из угла, и, выходя, обернулся:

— «Завидно-с!»! Глупец! Мне стыдно, что ты фамилию мою носишь. Строговы никогда мошенниками не были.

За воротами Матвей остановился; подняв голову, взглянул в темное небо.

— Куда же, тятя, пойдем? — спросил Максимка.

— Куда-нибудь надо идти. Дождь, проклятый, не унимается.

Они постояли в нерешительности.

— Пойдем под берег, — махнул рукой Матвей куда-то в темень. — Может, где-нибудь под лодкой пересидим.

Темь стояла густая — хоть глаз коли. Прошло не меньше двух часов, прежде чем Матвей и Максим пустырями вышли на берег. Река встретила их свежим, сырым ветром. В темноте не видно было ее, но она плескалась где-то совсем поблизости. Из глубины мрака мигали робкие огоньки бакенов.

— Обрыв! — Матвей, шагавший впереди сына, остановился.

Ощупью они отыскиали спуск и подошли к самой реке. Под ногами захрустела мокрая галька.

— Ну, теперь, Максим, давай смотреть зорче. Здесь должны быть лодки,— сказал Матвей.

Они пошли медленнее, но лодки не попадались. В одном месте наткнулись на яр. Берег тут изгибался, делая выступ. Матвей и Максим с большой предосторожностью обошли выступ и увидели впереди пылающий костер.

— Рыбаки,— радостно сказал Матвей.

До костра было еще далеко, когда послышался голос:

— Эй, кто там идет?

— Ночевку, добрый человек, ищем.

— Сколько вас?

— Двое.

— Давай подходи.

Когда Матвей и Максим подошли к костру, они увидели под небольшим дощатым навесом человека, одетого в длинный брезентовый дождевик, картуз и сапоги из красной кожи. Человеку, по-видимому, наскучило коротать ночь одному, и он заговорил с удовольствием:

— Сижу вот, как филин, и гляжу в темноту. Ночь — беда моя. Пошел бы соснуть, боюсь — бакены затухнут: ветер. В прошлом году моего соседа засудили. И поныне в остроге сидит. Дело было такой же темной ночью. С вечера зажег он бакены и залег спать. Бакены потухли. А ночью пароход появился да на полном ходу и врезался вон в ту косу, что вы обошли. Целые сутки потом снимали... А вы откуда будете? — спросил бакенщик.

Матвей рассказал все без утайки.

— Да, с работой труба. Народу хоть и немало поугнали на фронт, а дело найти нелегко.

— Завтра-послезавтра ничего не подвернется — придется уходить в деревню,— проговорил Матвей.

Бакенщик прикурил от головешки, швырнул ее в костер и, окинув Матвея внимательным взглядом, сказал:

— Не торопись. Кум у меня тут мастером в судоремонтных мастерских работает. Утро настанет — его спросим.

— Спасибо, добрый человек,— поблагодарил Матвей.

Совсем разненастилось. По-прежнему шел дождь, дул свежий ветер. Река плескалась о каменистые берега с унынием, убаюкивающим шумом.

Пригретый теплом от костра, Максим задремал сидя. Сквозь дрему он слышал, как отец и бакенщик разговаривали о войне, о жизни в городе и деревне. Потом он со-

всем перестал слышать голоса, но когда отец окликнул его, сразу очнулся.

— Пойдем в землянку, сынок,— сказал Матвей.

Максим встал, ежась от холода, потянулся. С пылающей головешкой в руках бакенщик шел куда-то в сторону от костра. Матвей и Максим побрели за ним. Бакенщик ввел их в свою землянку и предложил располагаться на нарах.

— Ложитесь, а я пойду рассвета ждать.

Матвей и Максим сбросили с себя намокшие зипуны, залезли на нары и, прижавшись друг к другу, крепко уснули.

Утром бакенщик разбудил их и повел к своему куму Михеичу. Мастер жил недалеко от пристани, и они успели еще застать его за завтраком. Увидев ранних гостей, он поднялся к ним навстречу. Был он невысокого роста, худой, но в кости широкий и крепкий. На бритом молодежном лице белели два шрама: один на щеке, другой на подбородке. Серые глаза, обведенные темными от въевшейся копоти ободками век, смотрели приветливо. Если бы не сгорбившаяся по-старчески спина, Михеичу едва ли можно было дать больше сорока пяти лет. Но спина выдавала его годы. Чувствовалось, что человек этот и пожил и потрудился немало.

— Ну вот, Михеич, привел,— проговорил бакенщик, вытирая о голик ноги и ничего больше не объясняя.

Михеич взглянул на Матвея и, улыбаясь одними глазами, спросил:

— В слесарном деле что-нибудь знаешь?

— Знать не приходилось, а научиться быстро могу.

Михеичу понравился такой ответ Матвея. Он одобительно кивнул головой и сказал:

— Ладно. Приходи завтра в мастерскую. Будешь помогать мне чинить судовые машины.

Матвей хотел поблагодарить мастера, но стоял, ожидая, когда тот заговорит о плате за свою услугу. Михеич повернулся к Максиму.

— А сына на Подгорную улицу сведи. Там мастерские по выделке ручных гранат открылись. Ученики, слышал я, требуются.

О цене за свои услуги Михеич опять ничего не сказал. Матвей понял, что мастер помогает ему бескорыстно.

«Видно, самого его нужда немало мытарила», — подумал Матвей, проникаясь уважением к Михеичу.

День этот состоял из сплошных удач. Максима приняли в мастерские без всяких разговоров. К вечеру Матвею удалось подыскать маленькую комнатку в большом полупустом деревянном доме.

Переночевав на новом месте, отец и сын утром отправились каждый своей дорогой на работу.

3

После проводов Матвея в город дед Фишка понял, что главой строговского двора пришел черед стать ему.

Время на его долю выпало трудное, но унывать и беспомощно разводить руками было не в его правилах.

Он ходил по двору с топориком в руках, подбирал оторвавшиеся доски заплота, перестилал жерди навеса, а то целыми днями бондарничал, набивая новые обручи на разошедшиеся кадки для дождевой воды, или вдруг забирался на самый конек крыши и принимался перекладывать полуразвалившуюся трубу. Дома его все слушались беспрекословно, и он про себя с гордецей думал: «Хозяином никогда не был, а вот пришлось — и могу, выходит».

И чем больше хозяйствовал дед Фишка, тем больше разгоралось в нем желание хоть немного поправить дела Строговых.

«Поохотиться бы по-настоящему, на коня бы денег добыть», — мечтал старик. Но время было для охоты неподходящее.

Походив однажды по огороду и о чем-то поразмыслив с собою наедине, он вошел в избу и сказал:

— Вот что, бабы: с покосом управляйтесь одни, а мы с Артемом к старосте наниматься пойдем. Глядишь, хоть немного и заработаем.

Анна не возражала. Сенокосный участок у Строговых оставался небольшой — еще по весне старосте три четверти пая уступили, — косить же она умела не хуже любого мужика. Ворошить сено нетрудно. Агафья с Маришкой справятся, а сметать стог дед Фишка обещался помочь.

На сенокос волченорцы выехали всем селом рано утром после петрова дня. Передом, как обычно, ехал старик Иннокентий Повелкин, дом которого стоял на самом краю села. Лишь только в рассветный час появилась его пегая лошадь на улице, как всюду засуетились. «Пора выезжать. Окентий проехал», — слышалось во дворах, и с визгом раскрывались ворота.

Число подвод с каждой минутой увеличивалось, и обоз растянулся на целую версту. Один его конец был уже у ворот поскотины, а другой извивался еще по спуску возле церкви.

Сено волченорцы заготавливали на заливных лугах, верстах в десяти от села.

Уезжали на луга целыми семьями. Телеги были уставлены жбанами с квасом, корзинками с харчами, ведрами, чайниками, котелками.

За селом кто-то затянул песню, ее подхватили, заиграла гармошка. Лошади изогнули шеи, испуганно косясь, ускорили бег.

Час езды прошел незаметно. Остановились на самом берегу речки, на гривах, поросших редким крупным сосняком. Здесь еще с прошлых лет остались в целости остовы шалашей, таганы, охапки несожженного хвороста. Бабы принялись разводить костры, ребятишки и молодежь побежали в тальник смотреть, уродилась ли нынче черная смородина, а мужики вышли на свои делянки и по-хозяйски приглядывались к яркому, в цветах, разнотравью луга, перекликались.

— Ну, как травка?

— Трава ладная. Вода нынче была большая, она, вишь, и пошла в лист.

— Теперь бы ведра недельки на две! Будет скот сытым.

— Дай бог!

Первый день работали шутя, вразвалку, зато со второго дня вся жизнь на покосе потекла как по расписанию.

Работа начиналась с рассветом. Близ полудня, когда солнце уходило в зенит и от тишины и зноя становилось трудно дышать, луга пустели. Запрятав косы под ряды скошенной травы, люди уходили к шалашам. Парни, девки и ребятишки прямо в одежде бросались в омут, и до тех пор, пока на кострах поспевали обеды,

над лугами разносились визг, смех, крики, всплески воды.

Когда кипящее желтым огнем солнце чувствительно сбавляло свой пыл и с реки прорывалось на безбрежную равнину лугов дуновение свежести, работать становилось легче, дышалось свободнее. Работали дотемна. Перед сумерками выпадала роса. На листьях и стеблях пырея, вязеля, клевера, шелкунца, осоки появлялись россыпи блесков. Трава от влаги делалась мягче, и косари проходили по два-три ряда, не точа кос.

После ужина берег реки опять оживал. То там, то здесь разливали звонкие трели тальянки, высокие девичьи голоса выговаривали свои задушевные думы, в буйных, стремительных плясках на широком кругу парни — больше подростки — выказывали свою ловкость и удаль. Заводила всех игрищ, чубатый Митька Трубачев, еще не утративший ребячьего прозвища «Лялюня», то и дело выкрикивал:

— Эх, сыпь, родная, да подсыпай, родная!

Мужики и бабы залезали в шалаши и молча прислушивались к веселому гаму. Нетрудно было понять их молчание: пора их веселья прокатилась, миновала безвозвратно.

Артем и Маня, как только парни и девки собирались на игрища, незаметно скрывались в тальнике, тропкой пробирались на чистый высокий яр и на ветерке, над водой, сидели до утренней зари.

Неизъяснимо хорошо было тут в эти часы. Воздух свеж и густ от запахов, будто мед кто разлил. За тальниками, на озерах и омутах, крикали утки, в густых травах перекликались коростели. На самой глубине реки всплескивала рыбешка, разгоняя по освещенной месяцем глади дрожащие круги. Где-то из яра бил родник. Он выплескивался и падал в омут с тонким звоном. За речкой, далеко-далеко, должно быть на пасеке новосела Остапа Кукушки, лаяли собаки. Кузнечики трещали без умолку и так лихо, что от их треска, казалось, дребезжит воздух.

Но звуки в ночи жили одиноко, они были различимы и не сливались в торжественный гул, как днем.

Маня сидела, склонясь над Артемом. Положив голову ей на колени, он лежал на мягкой, шелковистой траве.

Все слова, которые рождает любовь, были ими много раз уже сказаны. Теперь они молчали, и это молчание

доставляло им наслаждение — оно шло от полноты их счастья.

Маня смотрела на посеребренную месяцем воду, бережно гладила лицо и волосы Артема, а он целовал ее руки, глядел в небо на неяркие летние звезды и улыбался долгой, тихой улыбкой.

— Маня, хорошо-то как... — шептал он.

— Хорошо, Артюша... — так же шепотом отзывалась она.

И опять они долго-долго молчали. Потом вновь повторялось:

— Маня, хорошо.

— Хорошо, Артюша...

Ничто их не занимало в эти минуты — ни прошлое, ни будущее. Они чувствовали себя так, будто на всем белом свете они остались одни и все очарование эта тихая ночь расточает только для них.

Так они сидели часами на крутом песчаном яру и единственно, чего хотели — ночи, сумрака, безлюдья, покоя.

На востоке над горизонтом светлело, потом вспыхивали отблески далекого зарева, и в редящем сумраке появлялись очертания деревьев, стогов, шалашей.

Артем и Маня подымались и осторожно, с оглядкой, чтобы с кем-нибудь не встретиться, прокрадывались к своим шалашам. Спать уже было некогда...

Уставшие от бессонных ночей, они уходили с косарями на луг на работу. Работали молча, сосредоточенно, и мысли о том, что после длинного трудового дня наступит вечер и они вновь уйдут на крутой берег, чтобы отдаться сладким минутам своего счастья, наполняли их души беспокойщей радостью.

4

В одно из воскресений к дому Степана Дубровина подъехали незнакомые люди. Было их пятеро: три бабы, толстый старик и белокурый кудрявый парень. Увидев их в окно и догадываясь, зачем они приехали, Степан поспешил им навстречу.

Произошло это утром, вскоре после окончания обедни. Маня, только что закончив уборку в кути и прихожей, села завтракать.

Уставшая от суетни и увлеченная мыслями о предстоящей встрече с Артемом, она вначале не поняла, чему так обрадовался отец. Но когда в дом вошли бабы и старик с парнем, сердце ее замерло. Еще зимой, когда она ездила проведать в Соколиновку свою старшую сестру, выданную туда замуж, этот парень назойливо вязался к ней, набиваясь в женихи. Она уехала тогда из Соколиновки, не прожив положенного матерью срока.

Увидев теперь этого парня у себя в доме, Маня вскочила из-за стола и, опрокинув чашку с чаем, бросилась в горницу. Степан хотел было прикрикнуть на дочь, но, взглянув на свах, понял, что они сочли поведение девушки вполне согласным обычаю.

Началось сватовство. Бойкие, круглолицые, похожие одна на другую свахи говорили многословно, но смысл всех разговоров был один: жених достоин внимания.

Степан гордо приосанился: за Маняшку сватался не кто-нибудь, а сын соколиновского мельника Епифанова, первого хозяина на деревне.

Прежде чем ответить свахам, Степан переглянулся с женой и, стараясь не подавать виду, что он польщен таким сватовством, принялся болтать что-то о неразумности своей дочери.

Однако провести свах было трудно. Слова Степана они расценивали как желание помолаться.

Свахи попросили показать невесту. Маня вышла. Бледная, она ни на кого не смотрела.

— Вот, Маня, и нареченный твой. Видно, пора к новому берегу прибиваться,— проговорил Степан, а мать всхлипнула.

— Вон какой молодец! Взгляни-ка, красавица! — сказала одна из свах, кивнув головой на парня, сидевшего с застывшей, тупой улыбкой на лице.

Не поднимая головы и по-прежнему не смотря ни на кого, Маня твердо проговорила:

— Не пойду я, тятя, замуж.

Степан поднял кулак, чтобы стукнуть по столу, но одна из свах, схватив его за руку, остановила.

— Погодите, не строжитесь. Все мы девками были, знаем, как попервости жалко с вольной молодостью расставаться,— сказала она и, повернувшись к Маняшке, продолжала: — Что ж, милая моя Маня, век в девках ходить не станешь. Всякому овощу свое время. Вон огу-

рец — и тот порядок любит. Не сорвешь его вовремя зелененьким — хватъ, а он уже пожелтел, коркой покрылся, а то и потрескался, в негодность пришел. Так и в нашей бабьей жизни. Сейчас не приголубишься к мил дружку под крылышко, а потом и рада бы, да устареешь, охотников на тебя не найдется.

Маня терпеливо выслушала сваху и, взглянув на жениха, с волнением, задыхаясь, сказала:

— Не пойду за вас. Не лежит у меня к вам сердце, Зря вы пристаєте. Я зимой еще вам об этом сказала.— Она повернулась и быстрыми шагами ушла в горницу.

Степан не ожидал этого. Он трахнул о стол кулаком, закричал:

— Выйди! Слышишь? Не позорь мою голову!

Но Маня не вышла и не отозвалась. Степан кинулся в горницу. Мани и тут не было. Он заглянул под кровать, за дверь, потом подскочил к раскрытому окну: не оглядываясь, Маня бежала вдоль по улице к речке.

Под кручей Маня дождалась прихода Артема. Он все уже знал. Ромка Горбачев, услышав от матери о приезде к Дубровиным сватов, побежал к Строговым.

Маня бросилась к Артему, обвила его шею руками и зарыдала. Артем крепко обнял ее и, целуя, прослезился. Обнявшись, они долго стояли без слов.

Потом все также молча Артем за руку увел девушку в густой тальник, усадил на чистый и мягкий, будто просеянный через сито песок и спросил:

— Маня, как же дальше-то думаешь быть? Ведь мне скоро на призыв...

Маня подняла на него заплаканные глаза.

— Как хочешь, Артюша.

Артем и сам понимал, что жизнь Мани зависит теперь от него. Он опустил голову и задумался.

Нет, отказаться от Маняшки он не мог. Но мысль о том, что он так скоро должен стать ее мужем, привела его в растерянность.

«Что же мне делать?» — повторял про себя Артем.

Маня сидела молча, неподвижно, только плечи ее слегка вздрагивали, как от холода. Он чувствовал, с каким трепетом ожидает она ответного слова.

— Артюша... — произнесла она еле слышно.

Артем поднял голову и посмотрел на нее пристальным взглядом.

— Не надо меня жалеть. Если я не по сердцу или не время еще тебе, я за этого просватаюсь и... утоплюсь.

Маня проговорила это твердо, но тотчас же глаза у нее снова наполнились слезами. Артем больше не колебался.

— Маня, ты не горюй,— заговорил он, беря девушку за руку.— Я скажу маме, чтоб скорее сватов наперебой тем посылала.

Они просидели в кустарнике чуть не весь день. Уже перед вечером Маня крадучись вышла из кустарника и, ободренная и обрадованная обещаниями Артема, пошла домой. Артем проводил ее взглядом и, переждав немного, отправился той же дорогой.

Взойдя по ступенькам на кручу, он встретил ватагу ребятишек, игравших в бабки. Увидев его, ребятишки прервали игру и стали говорить, что мать и Маришка бегают по селу и ищут его.

«Зачем я им? Может, тятя с Максимкой вернулись?» — подумал Артем.

Но, еще не перешагнув порога, он понял, зачем его искали. В прихожей было тихо. Дед Фишка сидел у окна, понуря голову. Агафья привалилась к кровати на подушки, и трудно было понять, тяжело дремлет она или усердно думает. Анна сидела за столом, и на черных длинных ресницах ее висели слезинки. Маришка приютилась у ног бабушки на маленькой коротконогой скамейке.

— Сынок, к старосте твой год собирают. Завтра отправка,— всхлипнув, сказала Анна.

Заплетаясь ногами, Артем прошел в горницу и сел у столика. Заглянув в зеркальце, стоявшее на столике, он подумал о себе, как о постороннем: «Маленьким был — хотелось тебе большим стать скорее, большим стал — маленьким завидуешь. Что ты ей теперь скажешь? Как она жить без тебя станет?»

— Сынок, иди пообедай,— входя в горницу, проговорила Анна.

Артем с досадой махнул рукой,— не до еды, дескать, тут, но в тот же миг одумался: «Жить-то ведь надо». И, выйдя из горницы, сел за стол.

Дед Фишка подошел к нему, начал рассказывать что-то с явным намерением утешить внука. Но рассказ закончить не удалось. В окно заглянул Егор Селиванов, дежуривший в эти сутки при старосте.

— Беги, Артем, на сборную. Все твои годки собрались, одного тебя не хватает.

Артем отложил ложку, поднялся, нахлобучил до самых глаз картуз и вышел.

Вечером он опять был с Маней. Они сидели у церковной ограды, под развесистыми ветками черемуховых кустов. Маня рассказывала самое безотрадное: отец не посчитался с ее отказом и ударил со сватами по рукам.

— Что ж, Маня, иди, коли велят; меня, может, убьют на фронте... Вспомни когда-нибудь...— проговорил Артем срывающимся от еле сдерживаемых рыданий голосом.

Маня встала перед ним на колени, подняла голову и, перекрестившись на церковь, горячо сказала:

— Пусть бог нам будет, Артюша, свидетель! Убьют тебя — жить ни одного дня не стану, а не убьют — буду ждать хоть пять, хоть десять лет. Возьми-ка мое колечко.

Маня сняла маленькое серебряное с эмалью кольцо и надела Артему на мизинец. Потом она встала, троекратно перекрестилась, подняла Артема за руку и, что-то нашептывая, крепко поцеловала его.

— Вот мы и обручились!

— Маня, а вдруг отец все-таки заставит тебя? — спросил Артем.

Маня посмотрела ему в глаза.

— Эх, Артюша, только ты будь жив-здоров, а все остальное — не твоя забота.

Они заговорили о том, о чем никогда не говорили.

— Ты маме по нраву придешься,— шептал Артем.— Она любит таких расторопных и сметливых. А уж тятя — так тот и слова плохого тебе никогда не скажет. Он у нас страсть какой хороший...

Маня сидела затаив дыхание, как замороженная этими словами.

Гасли уже звезды. Редел сумрак. Из-за горизонта все выше и выше выползал меловато-голубой столб — предвестник солнца. На дворах призывно мычали коровы и бабы гремели подойниками.

Артем поцеловал Маняшку в последний раз. Губы ее были жесткими и сухими. Он хотел что-то сказать ей, но она легко выскользнула из его объятий и, не оглядываясь, пошла под гору.

Сквозь слезы, застилавшие глаза, он заметил, как вздрагивали ее плечи.

— Маня... Маня... — шептал он в отчаянии, не замечая, что церковный сторож Маркел вышел на крыльцо сторожки и, улыбаясь, глядит на него.

Смотрины назначили в воскресенье, но приготовления к приему жениха и его родственников у Дубровиных начались в субботу.

Ночь Степан Дубровин спал плохо. Беспокойно думалось о богатстве соколиновского мельника, неотвязно в голове ворочались мысли: нельзя ли как-нибудь поправить хозяйство с помощью богатого зятя. Поднялся Степан на рассвете, разбудил жену и, доверив ей потаенные свои мысли, предложил:

— Надо нам, баба, Дубровчиху на смотрины позвать. Мы с тобой и сказать-то толком ничего не сумеем. А старуха умом не нам чета.

Жена согласилась со Степаном и после чаю сбегала за Дубровчихой. Не таясь, Степан высказал старухе, зачем она понадобилась.

— Лошадь просить надо. Даст, — твердо заявила Дубровчиха. — Как не дать? Самому же будет стыдно, ежели невеста на чужой лошади в церковь поедет. А Маняшка-то у вас где? — через минуту спросила она.

— В горнице вон, как сыч, сидит. Вторую неделю глаз не сушит, — сказал Степан.

— Вон как! — удивилась Дубровчиха и, шаркая ногами, направилась в горницу.

Степан подмигнул жене.

— Смотри, и уломает еще нашу дуреху.

Но от Мани Дубровчиха вышла чем-то взволнованная. Большие серые глаза ее глядели строго, а крупное морщинистое лицо было печальным.

— Ты, Степан Егорыч, извиняй меня, а только на смотринах мне у тебя делать нечего.

— Почему, Адамовна?

— Силой вы хотите выдать Маняшку, и в таком деле я вам не советчица. Сама всю жизнь по этой статье мучилась. Грешно говорить, а только когда мой муженек умер, я не от горя, а от счастья плакала. Вот так-то! Бывайте здоровеньки! — И Дубровчиха, хлопнув дверью, вышла.

— Из ума выживает старуха. А была-то! Хорошему мужику под стать.

Перед вечером улицы Волчьих Нор огласились звоном бубенцов, песнями и возгласами пьяных. На сытых лошадях, запряженных в легкие тележки на железном ходу, ехали жених и новые сватья Дубровиных. Жених сидел на передней тележке с двумя своими товарищами — будущими шаферами на свадьбе.

У Дубровиных началась гулянка. Степан заставил Маню прислуживать гостям.

Задыхаясь от рыданий, Маня подавала на стол. Жених суетился возле нее, стараясь ущипнуть или облапить, к ее счастью, гулянка окончилась неожиданно быстро. Один за другим гости, успевшие еще у мельника изрядно выпить, вставали и, не отходя и трех шагов от стола, падали. Жених свалился последним. Схватив Маню за руку, он поволок ее в горницу. Маня оттолкнула его от себя, он замахал руками, пытаясь удержаться, но потерял равновесие и грохнулся на пол.

Не зажигая огня, Маня прошла в горницу, открыла ящик, собрала кое-какие вещи в платок и тихо, на цыпочках, вышла.

Гулявшие в этот вечер за селом девки видели, как она скорыми шагами удалялась по жировской дороге.

5

Из мастерских Максиму приходилось ходить мимо гимназии. Всякий раз, проходя здесь, он останавливался и подолгу с любопытством смотрел в широкие окна большого здания. В просторных комнатах на стенах висели огромные географические карты, портреты ученых и царей, стояли классные доски, столы с физическими приборами, отполированные черные парты. За партами сидели аккуратные, подтянутые гимназисты. Что заставляло Максима задерживаться у гимназии, он и сам плохо сознавал. Порой в душе его поднималась зависть к этим счастливым, сидящим за партами. Физические приборы, карты, шкафы с книгами привлекали к себе своей неразгаданностью. В эту минуту Максим мечтал о дружбе с кем-нибудь из гимназистов. Ему казалось, что это вполне возможно. С надеждой он ждал перемены.

«Вот сейчас кто-нибудь подойдет ко мне, заговорит — и мы будем товарищами. Тогда-то уж я обо всем расспрошу!» — мечтал Максим.

И он представлял, какой будет эта дружба. Они станут неразлучными. Товарищ будет передавать ему все, чему учат их в гимназии, а он в долгу не останется. Он тоже кое-что знает, да и кулак его крепок и увесист, как гирька. Берегитесь, недруги!

Но гимназисты проходили мимо, чуждые, и либо не замечали его, либо презрительно и брезгливо косились. И тогда Максим чувствовал: нет, не осуществиться его мечте! Гимназисты становились ненавистны ему.

«Барчуки! Вырядились! Взяли б меня в гимназию, я б вам показал, как надо учиться», — мысленно говорил он.

Однажды, идя с работы, Максим по привычке остановился возле гимназии и стал смотреть в окно. Очкастый учитель делал какой-то опыт с помощью физических приборов. Максим так увлекся опытом, что и не заметил, как гимназисты других классов сразу после звонка высыпали на улицу.

— Эй, мазаный, ты чего тут зеваешь? — раздался над ухом Максима насмешливый пискливый голос.

— Занятно, вот и стою.

— Господа, ему занятно! Что ты понимаешь, мазюля?!

Гимназисты дружно захохотали, чувствуя свое превосходство над Максимом. Один из них решил потешить товарищей. Он подскочил к Максиму и плюнул ему в лицо.

— Пусть хоть слюнями умоется, мазаный! — кривляясь, крикнул гимназист.

Товарищи его захохотали еще громче и веселее. Максим рукавом холстинной верхницы стер с лица слюны и, схватив гимназиста за руку, спросил срывающимся от злости голосом:

— Ты за что в меня плюнул? За что?

Надеясь на помощь товарищей, гимназист закричал:

— Ну, ты не очень-то цапайся, замараешь еще!

Максим настойчивее повторил свой вопрос.

— Чего он, чумазый, вяжется! Плюнь ему в рожу еще, Гриня! Плюнь! — подзадоривали гимназисты товарища.

Но Гриня не успел плюнуть, Максим ударил его в грудь. Гимназист пошатнулся и полетел с тротуара в канаву с загустевшей грязью. Товарищи его испуганно раступились. Но когда упавший поднялся и бросился с кулаками на Максима, гимназисты решили поддержать его. Они наскочили на Максима с разных сторон. Двух ему удалось сразу же столкнуть с тротуара в канаву, но это

только обозлило остальных. Крякая от пинков, Максим лихорадочно работал кулаками и ногами. Больше всех доставалось от него Грине. Тот уже плакал, размазывая по лицу слезы и кровь.

Около дерущихся собралась толпа. Все видели, что Максим дерется один против семерых, но никто за него не вступился. Правда, симпатии зевак были на стороне Максима.

— Поддай им, малец, поддай! Покажи желторотым, где раки зимуют! — кричали из толпы.

Но Максим чувствовал, что силы его слабеют. Пот застилал его глаза, из носу текли теплые струйки крови, расцарапанные руки кровоточили.

Единственным спасением было бегство. Сбив с ног одного гимназиста ударом головы в грудь, Максим бросился в толпу, но в тот же миг кто-то цепко поймал его за ворот. Он покосился и увидел рядом с собой шашку городского. О бегстве нечего было и думать.

— Ты что тут драки устраиваешь? — крикнул городской, приподымая Максима за ворот.

— Ты, дядя, не меня, а вон того возьми за шиворот. Он первый плевать мне в лицо начал, — попробовал оправдаться Максим.

Городовой свирепо взглянул на Максима и сердито потряхнул его за шиворот.

— Поговори у меня, щенок!

Гимназисты засуетились возле городского, торопясь высказать свои жалобы.

— Господин городской, у него свинчатка была!

— Обыщите его, господин городской!

— Он меня первый ударил! — всхлипывал Гриня.

Все больше и больше приближаясь к Максиму, гимназисты исподтишка начали поддавать ему под бока. Городовой делал вид, что ничего не замечает. Гимназисты смелели, и Гриня размахнулся, чтобы ударить Максима в лицо. Но едва он занес руку, как отлетел в сторону. Перед городovým встал коренастый парень в широких штанах грузчика и такой же широкой рубахе без пояса.

— Ты почему мастерового даешь избивать? — сказал он, напирая на городского могучей грудью.

Максим чуть не заплакал от радости. Он узнал слесаря мастерских Савосю. Слесарь был круглолицый, рябоватый, курносый. В мастерских его уважали за доброду-

шие и знание дела. Не раз Максиму приходилось подтаскивать Савосе железо, цинк, инструменты. С Максимом слесарь почти не разговаривал, но смотрел на него всегда с ласковой улыбкой.

От решительного натиска Савоси городской растерялся, попятился, но Максима из своих рук не выпустил.

— Отпусти парня! — крикнул Савося.

Городской заколебался. Гимназисты заметили это и многоголосьно запротестовали.

— Я буду папе жаловаться! — визжал Гриня.

Через полчаса Максим сидел в грязной, прокуренной каталажке полицейского участка. В окошко до него доносился простуженный голос Савоси, доказывавшего невиновность Максима. Но в дело вмешался, по-видимому, сам пристав.

Из крика пристава Максим понял, что Гриня — сын какого-то большого начальника, которого пристав называл не иначе как «их превосходительство».

Весь вечер и ночь Максим провел в ожидании вызова к приставу на расправу, но о нем словно забыли. В каталажку вталкивали все новых и новых людей, и под утро стало так тесно, что не только лечь, а и сесть было негде. Забившись в угол, Максим смотрел на пьяниц, воров, проституток, потеряв надежду выбраться на волю.

Только рано утром Максима вызвали к дежурному участка. Дежурный потребовал от него адрес отца. Максиму не хотелось, чтобы отец знал о его драке с гимназистами, и он схитрил. Услышав, что у Максима нет ни отца, ни матери и живет он где придется, полицейский немного обмяк и проговорил:

— Ну, иди, да смотри, с гимназистами больше не связывайся.

Максим выбежал из участка и сам себе улыбнулся. То, что ему удалось провести полицейского и, может быть, спасти отца от неприятностей или даже от штрафа, обрадовало его. «Скажу тятэ, что у товарищей ночевал», — решил он и пошел в мастерские.

Неподалеку от полицейского участка Максим встретил Савосю. Слесарь шел не один — два токаря из той же мастерской сопровождали его.

Савося обнял Максима, похлопал по спине широкой ладонью.

— Вырвался? Ну и молодец! А мы вот тебя выручать

отправились. Уж от нас троих эти собаки не открутились бы!

Токари засмеялись, и один из них, постарше, проговорил:

— Приходилось не раз по этим делам бывать тут. В прошлом году мастера Михеича из судоремонтных тоже артелью выручали. Так пристава прижали, что он не знал, куда и деваться.

«Э, вон какой он, Михеич-то!» — подумал Максим и, оттого, что он побывал в той же каталажке, где когда-то сидел известный мастер, ему стало еще радостнее.

С этого дня Савося стал другом Максима. И хотя слесарь был по-прежнему неразговорчив, Максим всегда чувствовал его ласковые, ободряющие взгляды.

6

Работа в мастерских увлекла Максима. Вначале от стука молотков, от шума кузнечных мехов, от скрежета пил у него шумело в голове, но так было только в первые дни, пока он не привык.

Особенно любил Максим обеденные перерывы. В это время рабочие сходились в просторное помещение сторожки, служившее когда-то складом, садились за длинный стол и, распивая чай, вели интересные разговоры. Чаще всего говорили о войне. Пожилые рабочие, сыновья которых были на фронте, приносили с собой письма и здесь читали их вслух.

С куском черного хлеба и кружкой в руках Максим садился на окно и, поглядывая на рабочих, слушал их разговоры.

Но однажды пришлось заговорить и ему. Работал в мастерских слесарь Дормидонтыч. Хоть был Дормидонтыч рабочим, но жил справно: имел свой дом с квартирантами, держал двух коров и в мастерскую всегда приносил бутылку молока. Был он горячим спорщиком и спорил со всеми.

Как-то рабочие заговорили о том, что война разорила народ. Дормидонтыч, возьми и скажи: разорила, дескать, да не всех. В деревне вон живут-де богато. На базаре крестьяне дерут втридорога за каждый пустяк.

Никто не успел еще и рта открыть, как послышался звонкий голос Максима:

— Ну и богато! У нас в Волчьих Норах, дядя Дормидонтыч, полсела теперь безлошадных.

Рабочие засмеялись, заговорили, одобряя слова Максима. Дормидонтыч сердито посмотрел на него. После этого случая Максим не боялся уже вступать в разговоры взрослых рабочих.

В один из дней, незадолго до окончания работы, Савося подошел к Максиму.

— После работы дождись меня, дельце есть,— тихо сказал он.

Максим кивнул головой и с нетерпением стал посматривать на часы. Но дело, о котором говорил Савося, было настолько несложным, что, когда тот рассказал ему, Максим разочарованно подумал:

«А я-то ждал!»

Савося попросил Максима минут десять походить взад-вперед около сторожки и последить, не появится ли кто-нибудь на пустыре за мастерской.

На пустыре никто не появился. Савося вышел из сторожки и, слегка кивнув Максиму, сказал:

— Ну, шагай домой. Спасибо тебе!

Максим шел домой, тревожно раздумывая: «Еще благодарит! Что он там делал? Неужели свинец воровал? Может, они со сторожем заодно работают?»

Утром рабочие нашли в своих ящиках с инструментами листовки комитета Российской социал-демократической рабочей партии большевиков. Как они к ним попали — для всех осталось загадкой. Листовки были напечатаны на серой бумаге четким типографским шрифтом.

Обращаясь к рабочим, комитет писал, что война ухудшила и без того тяжелое положение народа и что единственным спасением является революция и свержение царской монархии. Савося, приходивший обычно в мастерскую одним из первых, в этот день пришел чуть ли не последним. Открыв свой ящик, он взял листовку, долго читал ее, и лицо его было непроницаемым, словно каменное.

Максим, решивший вначале, что листовки подброшены Савосей, взглянув на его лицо, усомнился в этом.

В обеденный перерыв, за чаем, как-то сам собой возник разговор о войне, и хотя никто о листовке не поминал, было очевидно: она взволновала всех.

Максим сидел опять на окне и, прислушиваясь к разговору, пытался разгадать, кто из рабочих подбросил листовки. Савося, по обыкновению, молчал. Он сосредоточенно ел и за все время бросил две-три незначительные фразы, Максим окончательно решил, что Савося к разбрасыванию листовок непричастен.

После этого прошло немало времени. По-прежнему в обеденные перерывы рабочие вели в сторожке разговоры о войне, о фабрикантах, наживающихся на военных заказах, и спекулянтах, вздувающих цены на хлеб, но Савося держался в сторонке, поглядывая на всех с добродушной улыбкой. Когда Максим подходил к нему, он молча трепал его по плечу, мерил с ног до головы взглядом своих светло-серых глаз.

Максим все ждал от Савоси чего-то другого, но слесарь неустанно повторял одно и то же:

— Ну как, Максим?

— Работаем, Савося!

Глядя друг на друга, они весело и дружески смеялись.

Только уже глубокой осенью Савося, дойдя вместе с Максимом до угла у гимназии, где дороги их расходились, бегло, как-то между прочим сказал:

— Завтра будет тайное собрание рабочих. Парень ты добрый, я тебе верю, приходи.

Максим пожал руку Савосе и бросился бегом к дому.

«Чего это я бегу-то?» — вдруг спросил он себя и, не ответив на свой вопрос, напустив на себя важность, медленными, широкими шагами пошел дальше.

На следующий день в сумерки Максим отправился на собрание маршрутом, который обстоятельно растолковал ему Савося. Шел уже девятый час, когда он спустился с крутого яра и зашагал по хрустящей под ногами гальке. Направо от него плескалась река, скрытая осенней темнотой. Налево тянулся яр, кое-где поросший цепким репейником, а за ним начинались глухие улочки, освещенные тусклыми фонарями.

Все происходило так же, как в ту темную ночь, когда они с отцом встретили где-то здесь же бакенщика в дождевике и сапогах из красной кожи. Только тогда шел теплый весенний дождь, а теперь небо по-осеннему звездило. Холодный ветер бил Максиму в лицо. Пахло снегом. Чувствовалось, что скоро ляжет зима и мороз закует реку во льды.

Максим шел, озираясь. «Смотри не приведи шпика», — предупредил его Савося, и теперь шпики чудились Максиму на каждом шагу.

Вскоре он увидел на берегу костер и обрадовался. Это был первый признак того, что идет он верной дорогой. От костра крикнули:

— Кто идет?

Максим ответил:

— Перевоз ищу.

— Подходи. Лодка найдется.

Максим подошел к костру и чуть не вскрикнул от удивления: у костра сидел знакомый Максиму бакенщик. Максим хотел с ним поздороваться, но бакенщик торопливо сказал:

— Иди прямо. Под берегом будет амбар. Встретишь тут кое-кого, не бойся: свои, из охраны.

Максим пошел дальше. Из охраны он никого не встретил, хотя в одном месте ему показалось, что, прижавшись к яру, стоит человек. Возле амбара его остановил голос:

— Пароль?

— Динамит.

— Вход от реки, — проговорил все тот же голос из темноты.

— Савося! — прошептал Максим.

Войдя в большой, высокий амбар, освещенный фонарем, стоявшим на земле, он прежде всего увидел Михеича и отца. «И тятя здесь!» — про себя воскликнул Максим и, не зная еще, похвалит ли его отец или будет ругать, решил спрятаться за спины других.

Но в эту минуту Матвей поднял голову, и в глазах его плеснулся испуг:

— Ты... как... ты попал сюда?

— Не бойся, тятя. Я не за тобой пришел, я шел сюда своей дорогой.

— Товарищи рабочие! — слышался голос докладчика. — Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков выдвинула лозунг: «Долой самодержавие!», «Долой войну!» Что это значит?

— Садись вот тут, Максим, слушать будем, — сказал шепотом Матвей.

И Максим опустился рядом с отцом на широкую плаху возле фонаря.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Перед самой жатвой Матвей с Максимом вернулись в родное село. Шел тысяча девятьсот семнадцатый год.

Бросать работу в городе Матвею не хотелось, но случилось несчастье: тяжелой, металлической чушкой ему зашибло ступню.

Матвей сначала крепился и продолжал работать.

Ходил он на пятке, сильной боли не чувствовал. Однако через несколько дней нога вспухла, началось воспаление, и пришлось лечь в больницу. До ампутации и общего заражения крови дело не дошло, но врачи посоветовали ему с работы уйти.

Сильно обеднели Волчьи Норы за годы войны: без хозяйского догляда покосились избы; заборы и навесы пошли на дрова. Мужиков моложе сорока пяти лет и парней старше восемнадцати в селе больше не осталось. Уже в десятках семей оплакивали близких, погибших на фронте, уже не одна солдатка маялась с «кормильцем», вернувшимся домой без руки или без ноги.

А порядки оставались все те же. Не живи Матвей в городе, не знай он, что творилось на свете, можно было бы подумать, что не начиналась революция, что страной по-прежнему правит царь со своими министрами-казнокрадами.

Правда, еще по весне исчез куда-то урядник Хлюпочкин, на селе оставались только его жена и сын. Но зато в старостах Волчьих Нор ходил сам Евдоким Юткин. Держался он теперь с народом мягче, был с людьми обходительнее и даже меньше пьянствовал. Матвей встретился с Юткиным на улице в первые же дни по приезде.

— Здорово, зятек! — несмело подходя, крикнул Юткин и первый приподнял картуз.— Погостить или насовсем прибыл?

— Здорово, староста,— ответил Матвей, намеренно не называя тестя по имени-отчеству и не отвечая на вопрос.

— Зашел бы, Захарыч, не век же нам враждовать,— словно не замечая сухости, пригласил Евдоким.

— К лицу ли тебе, староста, знаться с такой голю перекатной? — засмеялся Матвей.

— А, брось, Захарыч, чуждаться! Как говорится: кто старое вспомнёт, тому глаз вон, — совсем по-дружески проговорил Евдоким. — Теперь все граждане друг дружке ровня и вроде как братья. И свобода для всех полная! — с чувством произнес он, чтобы расположить к себе Матвея.

— «Свобода, равенство, братство!» — повторил Матвей всем теперь хорошо известный лозунг и засмеялся. — Ты хитер, староста, видать, и революцию не прочь заставить на себя пахать!

— Это как же понимать? — несколько растерялся Евдоким Юткин.

— А очень просто. У тебя все: и земля, и хлеб, и деньги, а теперь вот и власть. У меня одна коровенка, одна полоска ржи и батраков полон дом. Ну как же мы с тобой не ровня?!

— Не ровня пока, верно, — смутился Юткин. — Да рази ж я не помог бы тебе подняться на ноги, захоти ты только...

— Нет, не захочу, — сказал, точно отрубил, Матвей. — Никогда у нас с тобой ни братства, ни дружбы не получится. — Он повернулся и, касаясь пальцами козырька фуражки, сказал опять с насмешкой: — До свидания, гражданин Юткин!

— Эх, Матвейка! — с сердцем проговорил Евдоким. — Как был ты бродягой бесхозным, так, видать, им и померешь. Неужто опять народ будешь мутить?

— Там видно будет! — уже на ходу бросил Матвей и зашагал по улице, опираясь на палку и слегка прихрамывая.

Юткин посмотрел ему вслед, в широкую спину, плотно обтянутую брезентовой курткой мастерового, и плюнул со злости. Вечером он стаканами глушил самогон и ругал зятя «контрой» и супротивником революционной власти.

Перед шишкобоем Матвей не раз беседовал с Устиньей Пьянковой, женщиной бойкой и смелой. Устинья подбила солдаток и некоторых стариков, что посамостоятельнее, на общественный выход в кедровник. И как бы в ответ на это Юткин на первой же сходке заявил, что никому препятствовать в ореховом промысле не будет. Подивился этому Матвей, но все разъяснилось на другой же

день после мирно проведенного всем селом шишкобоя. Все безлошадные вынуждены были продать орех на маслобойку Юткиных и Штычкова. Цены хозяева установили такие низкие, что весь прибыль от самостоятельного промысла опять попал в их карманы.

«Нет, видно, без мужиков тут ничего не поделаешь», — сделал для себя безрадостный вывод Матвей.

Вскоре, однако, поре «безмужичья» в Волчьих Норах наступил конец. Один за другим стали возвращаться люди с приисков, с шахт, из мастерских, закрывавшихся по недостатку сырья, державшихся до этого на военных заказах. Осенью вернулись еще более обнищавшие братья Бакулины, Захар Пьянков, Кузьма Сурков и Никита Забегалов. Пришли с белыми билетами покалеченные войной Тит Горковенкин и Кирилл Бодонков. Из лазаретов, из ближних и дальних городов потянулись домой солдаты — кто в отпуск, кто самовольно. На Николу-зимнего в село заявили группа фронтовиков, среди них Архип Хромков, Калистрат Зотов и даже несколько одногодков Артема Строгова.

2

Возвращение в село солдат было встречено как признак близкого окончания бедствий войны. Народ кормился кое-чем — овощами, сушеной ягодой, — хлеб давно уже пекли пополам с лебедой. Теперь обрадованные волченорские бабы наварили браги, некоторые выклянчили у богатей муки и нагнали вонючей, сшибающей с ног одним запахом самогонки. Солдат зазывали чуть не в каждый дом угостить, порасспросить, что делается на белом свете, про войну, про новую власть, про своих близких, оставшихся еще на фронте. Матвей Строгов, не любивший выпивок, отсиживался дома.

С неделю на селе гуляли буйно, беззаботно, а когда протрезвели, жизнь показалась еще безотрадней.

И снова, как в былые годы, потянулись люди в полуразвалившийся домишко Строговых. Первыми пришли поговорить по душам фронтовики Архип Хромков с Калистратом Зотовым и с ними Силантий Бакулин.

— Что же это такое, Матвей Захарыч, — сразу же, поздоровавшись, громко заговорил Бакулин, — в других ме-

стах, слышь, новая власть объявлена, новые порядки, а мы тут все шапки перед Евдокимом Платонычем ломаем!

— Помолчи, Силантий,— остановил его Архип Хромков.— Я тут такое привез!.. Почитаем вот — и мигом все наши дела прояснятся.— Он вынул из бокового кармана солдатской шинели и развернул на столе перед Матвеем газетный лист, протершийся на сгибах насквозь.— Читай, Захарыч!

Матвей склонился над газетой. В глаза бросились жирным шрифтом напечатанные заголовки: «К гражданам России», «Второй Всероссийский съезд Советов», «Декрет о мире», «Декрет о земле»... Матвей остановился глазами на сообщении об образовании Совета Народных Комиссаров, прочел: «Владимир Ильич Ульянов (Ленин) — председатель Совнаркома», и, вскочив из-за стола, воскликнул прерывающимся от волнения голосом:

— Так ведь это же... Ленин! Это наша... рабочая и крестьянская власть, мужики!

— Самая настоящая,— засмеялся Архип,— а ты и не знал?

— Не знал, а чуял, что к этому дело идет,— ответил Матвей и уже тоном упрека бросил: — А ты тоже хорош! Сколько дней в кармане носишь такое!

— Оглядеться малость надо было,— хитро подмигнув, сказал Хромков,— да и на тебя посмотреть, чем ты тут дышишь. От фронта, я слышал, опять отбоярился?

— На судоремонтном работал. В последнее время шрапнельные стаканы точил, вот поэтому и не попал в мобилизацию.

Матвей уселся за стол и, волнуясь, стал читать вслух газетные сообщения. Мужики, дед Фишка, Анна, Максим тесно сбились на лавках и табуретах у стола. Даже Агафья, прислонившись спиной к столбику перегородки и подперев ладонью щеку, внимательно вслушивалась в новые, незнакомые слова. Матвей прочел обращение Центрального Комитета партии большевиков о победе большевиков, о Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которым теперь принадлежит вся власть, улыбнулся фронтовикам:

— Ну, декрет о мире вы, наверно, назубок знаете. Почитаем декрет о земле.

Когда он дошел до того места, где говорилось об отмене частной собственности на землю, дед Фишка не выдержал.

— Наш кедровник! Наша тайга, Матюша! — воскликнул он восторженно и, сорвавшись с места, забежал по прихожей.

— Ты погоди, дед, плясать-то, — остановил его Калистрат Зотов, — тут надо еще разобраться, чьи они будут.

Матвей прочитал о переходе земли во всенародную, государственную собственность и о передаче ее в безвозмездное пользование трудящимся.

— Вот я и говорю: раскумекать нам это дело надо, — снова заговорил Калистрат. — Выходит, государство теперь всему хозяин, а мы вроде как на казенных землях. Непонятно мне это. Почему бы прямо не передать землю обществу?

— Нельзя, — спокойно возразил Архип. — На эсеровскую эту приманку еще на фронте многие солдаты попались. Передай землю прямо обществу — так опять же богатеи хозяевами ее останутся, а тебя живьем сожрут. А тут, вишь, умно большевики рассудили: отобрать землю у мироедов и передать нам, трудящимся.

«Откуда он столько знает? — с изумлением взглянув на Хромкова, подумал Матвей. — Тоже, видать, политике неплохо обучился».

— Правильно! — поддержал он Архипа. — Своя власть, и в обиду нашего брата не даст.

— Опять же и то сказать надо, — как бы не слыша возражений, продолжал Калистрат, — удержится ли эта власть? Вот мы, почитай, целый месяц по железке ехали, всего нагляделись, наслушались на вокзалах. Такая везде кутерьма идет! Одни говорят за Советы, другие — против. Офицеры, юнкера, чиновники на новую власть злобятся — страсть! Архипа вон за его язык-то один офицер чуть шашкой не зарубил. И выходит так: одну войну кончаем, другая, промеж себя, того гляди начнется.

— И начнется. Еще в пятом году начиналась, — задумчиво проговорил Матвей, затем обратился к Зотову: — Только непонятно мне, Калистрат, к чему ты клонишь?

Калистрат замялся.

— Ну, выкладывай, выкладывай, что тебе эсеры в уши-то назудели, — подтолкнул его Архип. — Говори, об чем со мной спорил!

— К тому я, Захарыч,— не совсем уверенно начал Калистрат,— что горячиться-то нам особо не след. Об том и с Архипом спор. Я так полагаю: вперед жизни поскачем — беду наживем.

— Ты, Калистрат, задом наперед на кобыле сидишь,— засмеялся Хромков,— а все равно вместе со всеми поскачешь.

— Чего ждать-то? — спросил Силантий.

— Учредительное собрание, слышь, должно наши крестьянские дела решить,— ответил Зотов Бакулину.— Не зря туда депутатов всем народом выбирали.

— Выбирали! Черт бы не видал таких выборов,— сердито блеснув глазами, сказал Силантий.— Выбирали, да, видать, не тех, кого надо было. Вы там за кого голосовали?

— Архип вон за большевиков, а я... Я, Захарыч, промашку сделал: оба списка в ящик сунул. Потому — те за мир, а эти вроде как бы за нас, за наш крестьянский народ хлопочут.

— Вот, вот, на этом крестьянском интересе они и ловят таких, как ты, Калистрат. Были у нас тут два чинодрала,— начал рассказывать Матвей,— и с ними Адамов. Да-да, тот самый,— заметив удивление на лицах солдат, предупредил он вопросы,— успел перекраситься. Так ведь как — прямо соловьями разливались насчет этой самой крестьянской общины, будто мы ее не знаем. Большевики — это, дескать, городские пролетарии, им до крестьянского интересу никакого дела нет, а ваша крестьянская партия, мол,— эсеры. Ну и сбили народ на свою сторону... Нет, нечего нам ждать, мужики,— закончил Матвей,— на нашей стороне теперь и власть и закон!

Долго в ту ночь горел огонь в доме Строговых. А на следующий день Матвей созвал к себе всех, кто когда-то ходил в пикетах, а из женщин пригласил Устинью Пьянкову.

3

В воскресенье по почину Матвея Строгова и фронтовиков собрался сход. Сам Евдоким Платонович Юткин на него не пришел, выслал своих сторонников: Демьяна Штычкова, Ефима Пашкеева, а с ними еще пять-шесть зажиточных мужиков.

Пришли они изрядно выпивши, с явным намерением сорвать сход, на котором все еще численно преобладали женщины.

Но с первых же минут бабы настроились к ним враждебно, и когда Демьян Штычков под одобрительные выкрики пьяной компании начал приставать к Матвею с вопросом, имеет ли он разрешение старосты на проведение сходки, вдова Устинья Пьянкова крикнула:

— Заткнись-ка, Демьян Минейч! Хватит, покомандовал тут над бабами. Теперь хозяева вернулись.

Демьяновы подпевалы загорланили что-то похабное, но тут вдруг поднялся Силантий Бакулин и, трахнув кулачищем по столу, загудел густым басом:

— Эй вы, горлодеры, в амбаре посидеть захотели?! Запрет! Там живо в себя придете!

Богатеи приутихли, забились подальше в угол, однако молчали недолго. Рассказав о том, что в городах власть богатых свергнута и народ установил свои новые порядки, Матвей предложил обществу лишить старосту власти, избрать Совет депутатов, объявить незаконным право Юткиных и Штычковых на общественный кедровник и на земли, захваченные мошенническим путем.

Богатеи закричали, затопали ногами. Тимофей Залетный попытался урезонить их, но получил за это удар в зубы.

Вскипел фронтовик. Выхватив у Мартына Горбачева костыль, он кинулся в угол, где приютилась вся компания.

Драка завязалась свирепая, и не обошлось бы без крови, если бы не подоспел в этот час на сборную особополномоченный губревкома Терентьев.

— Мне поручено организовать в деревнях и селах вашего края Советы, свергать старост и старшин, арестовывать пособников мирового капитала и подавлять всякое контрреволюционное сопротивление,— сказал он.

Особополномоченный был невысокого роста, с землистым от бессонницы лицом и с быстрыми холодными глазами. Говорил он отрывисто, громко, жесты его были скупы и энергичны, чувствовалось, что он из тех, которые не любят шутить.

Юткинские горлодеры прикусили языки и один за другим юркнули в дверь. Матвей смотрел на Терентьева,

сдерживая радость, а тот управлял уже сходом, и с такой уверенностью, будто жил тут всю свою жизнь.

Терентьев прожил в Волчьих Норах три дня. Кроме совдепа, председателем которого был избран Матвей Строгов, он организовал ячейку партии большевиков. Партийная ячейка составила из четырех человек: Матвея Строгова, Архипа Хромкова, Мартына Горбачева и Тимофея Залетного, который стал большевиком еще в армии.

Оставив Матвею мандат за своей подписью и печатью губревкома, Терентьев поехал по волостям и селам Юк-синского края организовывать Советы.

4

Через неделю после отъезда особоуполномоченного волченорские большевики всей ячейкой побывали у новоселов, провели митинг, после которого председателем тамошнего совдепа был избран недавно вернувшийся с фронта и тоже ставший большевиком Мирон Вдовин. А спустя месяц Матвей, оставив своим заместителем в совдепе Архипа Хромкова, поехал вместе с Мироном Вдовиным на первый губернский съезд Советов.

Вернулись председатели с хорошими вестями: Советская власть побеждала всюду. На съезде Матвея Строгова узнал один из членов губревкома, посещавший в пятом году конспиративную квартиру Соколовского. Через него и Терентьева Матвей добился особого постановления о закреплении права волченорцев и новоселов на кедровник и на все пахотные и луговые земли, которые крестьяне обрабатывали издавна.

К весне вернулось много фронтовиков. Но среди них не было Артема Строгова, и никто из его одногодков ничего не знал о нем. Не зная покоя, металась Анна то к фронтовикам, то к их женам: расспрашивала, прислушивалась к разговорам на селе: не обронит ли кто словечко о ее любимом первенце. Матвей успокаивал жену: скоро объявится. Но проходили дни и недели напрасного ожидания, и у Анны не высыхали слезы.

Перед пахотой совдеп провел подушный передел земли. Богачи притаились, чего-то выжидали. Во дворах Юткина и Штычкова амбары ломились от зерна, стояли

десятки сытых коней, но никаких приготовлений к пахоте и севу не примечалось. С тревогой посматривали на эти дворы солдатские вдовы, сироты, бобыли, примилившиеся уже с участью батраков. Сунулись было к богатеям некоторые из безлошадников — кто семян призанять до будущего урожая, кто лошадь попросить под отработку. Но бывшие хозяева Волчьих Нор еще раз показали себя. Евдоким Юткин вышел за ворота к двум мужикам, пришедшим попросить у него лошадь, и заговорил зло, издевательски:

— Ну, поделили земельку? А пахать на женах будете? А засеять придется лебедой? Валяйте на здоровье! Лебеда кишки прочистит, авось дурь из головы выйдет... А вы,— повернулся он к бывшим своим батрачкам,— идите благодарите своего благодетеля — Матвейку совдеповского. Не будет ноне у меня никакой работы для вас. И за мучкой не ходите. В амбарах зерно сгною, а никому ни фунта не дам!

И, хлопнув калиткой, ушел.

В совдепе шли непрерывные заседания, на заседаниях вспыхивали резкие перепалки. Фронтовики требовали расправы с богачами. Матвей Строгов колебался: не зная, законны ли будут такие действия теперь.

Все сомнения разрешил тот же Терентьев. Ранним весенним утром нагрянул он в Волчьи Норы с пятеркой конных красногвардейцев. Был он теперь в кожаной тужурке, с портупеей через плечо, и называл себя комиссаром. Пока Терентьев пил чай у Строговых, Максим с одним из красногвардейцев успел объехать село и созвать волченорцев на митинг.

На косогоре у церкви Терентьев выступил с короткой, но сильной речью. Он сообщил о том, что Советская власть установила твердые цены на хлеб. Но кулаки и спекулянты не продают хлеб по этим ценам, они прячут хлеб, хотят задушить революцию голодом. Сам Ленин призывает трудовых крестьян стать хозяевами своей жизни, помочь рабоче-крестьянскому правительству.

Фронтовики, как только услышали такие слова, бросились по домам и, вернувшись с винтовками, присоединились к отряду красногвардейцев.

В два дня закрома купца Голованова, Штычкова, Юткиных и других богачей были очищены. Терентьев часть зерна оставил в распоряжении совдепа, для раздачи на

семена беднейшим хозяйствам, с остальным снарядил большой обоз и под охраной красногвардейцев отправил в город. Сам же комиссар, сказав старшему отряда, что успеет пять раз догнать обоз, решил на несколько часов задержаться в Волчьих Норах и по дороге заехать еще в Соколиновку.

На заседании совдепа комиссар посоветовал именем революции конфисковать у кулаков лошадей, клади необмолоченного хлеба и помочь безлошадным, беднякам и семьям фронтовиков. Попрощавшись с членами совдепа, как со старыми друзьями, и потолковав еще несколько минут с мужиками на улице, Терентьев вскочил в седло и поскакал за околицу.

А на следующий день братья Бакулины, поехавшие в лес за дровами, нашли труп комиссара в логу под Соколиновкой.

Волченорский совет принял решение: арестовать и препроводить в губернию Евдокима Юткина и Демьяна Штычкова. Тимофей Залетный с группой фронтовиков тотчас произвели арест, и обоих главарей волченорской кулацкой банды в тот же день увезли в город. Редкий в Волчьих Норах не одобрил этого шага новой власти. В том, что Юткины и Штычковы замешаны в убийстве Терентьева, на селе никто не сомневался.

После этих событий мирная жизнь в Волчьих Норах восстановилась. Совдеп стал действовать более решительно. Из села были изгнаны торгаши, вместо них совдеп организовал потребительскую кооперацию. Авторитет Советской власти укреплялся не по дням, а по часам.

Но кто-то упорно распускал слухи о близком падении новой власти. Говорили, что против красных выступила белая офицерская гвардия, что все державы ополчились против большевиков, что где-то уже идет война между красными и белыми. Вскоре мужики, ездившие в город, привезли оттуда тревожные вести: идет будто сибирской железной дорогой чехословацкий генерал Гайда с несметным войском иноземцев, совдепы везде свергает, а большевиков расстреливает и вешает.

Возможно, что в этих слухах было много преувеличенного, но из губревкома поступил секретный пакет: международная обстановка республики осложняется, необходимо проявить героические усилия, чтобы отстоять завоевания народа от контрреволюции и интервентов.

Юткинские и штычковские сторонники приободрились, стали чуть не открыто грозить совдепщикам, намекая на расправу с Терентьевым. От угроз перешли к делу: вначале выбили все стекла в доме, где помещался совдеп, потом кто-то ночью пальнул из ружья в Матвея Строгова и Тимофея Залетного, возвращавшихся домой с заседания.

Совдеп призвал фронтовиков под ружье. С вечера до утра дом совдепа охраняли вооруженные наряды. Было решено взять под охрану потребиловку, бывшие купеческие амбары, кедровник, запросить разрешение на арест Ефима Пашкеева и Герасима Круткова. Однако новые и грозные события опередили мероприятия новой власти и надолго повернули жизнь в другом направлении.

5

Короткая летняя ночь была на исходе, когда в окно горницы громко и торопливо постучали. Матвей соскочил с кровати и бросился к окну, присматриваясь к человеку, который стоял у окна.

— Кто это? — спросил Матвей, отдергивая белую занавеску.

— Открой-ка, Захарыч, скорее!

За окном стоял Михайла Крутойров, юткинский работник, вернувшийся с фронта уже после ареста своего хозяина.

Матвей открыл одну половинку окошка и высунул голову.

— Захарыч, Евдоким Платоныч с Демьяном ночью прискакали. С ними десятка три офицеров и солдат. В городе переворот случился. Понял я, что пришли на подмогу белым иноземцы. Евдоким и Демьян сидят сейчас за столом с офицерами, список составляют, кого арестовать надо. Большевиков в первую голову. Утекай, пока не пришли. Ну, я побегу, а то спохватиться могут.

Михайла бросился за угол, на дорогу, а Матвей кинулся будить Анну и деда Фишку. Анна все слышала и уже поднялась. Дед Фишка и Агафья тоже вскочили быстро, только Максим да Маришка крепко спали. Матвей не велел их будить.

— Дядя, беги огородами к Тимке, Архипу, Мартыну,— проговорил Матвей, набивая патронташ патронами.— Скажи им, что жду их в широком логу, у ручья, в чаще. Пусть с собой ружья захватят, припас, харчи.

Дед Фишка выскочил на улицу, а Матвей стал одеваться. Агафья заохала. Анна, вталкивая ковригу хлеба в мешок, с сердцем проговорила:

— Вот подлые! Не дают людям мирно пожить.

— Ничего, Нюра, их верх ненадолго.

Матвей попрощался с женой и матерью, постоял немного около спящих ребят и вышел. Анна проводила его за ворота. Наказывая ему беречь себя, она не упрекала его и не плакала, и он ушел успокоенный.

С этой ночи началась у Матвея Строгова самая беспокойная полоса в его жизни. Он скитался по обширному таежному краю всю осень и зиму, коротал дни и ночи в охотничьих избушках, в балаганах и зимовьях. Укрыться от белых вчетвером было трудно, и Тимофей, Архип и Мартын Горбачев до поры до времени также бродили в одиночку.

Только после того, как в Юксинский край явился штабс-капитан Ерунда во главе карательного отряда, Матвей передвинулся в волченорские буераки — поближе к селу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Страшное зрелище представляли собой в эти дни живописные Волчьи Норы. С пепелищ тринадцати спаленных домов струился бледно-сероватый, неживой дымок. Сохранившиеся кое-где в палисадниках опаленные огнем кусты черемухи стояли теперь на пустырях, сирые и унылые.

Небо над Волчьими Норами было тяжелым и неподвижным, а серые лохмотья туч свисали низко, почти касаясь макушек высоких лиственниц.

Притихшие улицы опустели. Не сновали из двора во двор бабы, не бегали по улице, не играли в лапту на лу-

жайках ребятишки, не беседовали о мирных делах на завалинках старики. Исчезли даже собаки.

Казалось, что село вымерло или покинуто людьми. На самом деле никогда еще за всю свою долголетнюю историю Волчьи Норы не жили так кипуче и бурно.

Прокрадываясь дворами и огородами, люди собирались в овинах, в банях, в стайках. Собирались все, без различия возраста и пола — целыми семьями. Встревоженно озираясь по сторонам, люди вполголоса вели разговоры обо всем, что происходило в Волчьих Норах.

Четвертый день в селе свирепствовал отряд белых. За эти дни совершилось много таких дел, которые подняли всех, от мала до велика.

В первый же день белые, по указке Евдокима Юткина и Демьяна Штычкова, начали обирать мужиков. Белой армии и интервентам нужны были солдаты, лошади, хлеб.

На второй день запылали избы уклонившихся от мобилизации. На третий белые собрали все село на площадь и выпороли семь мужиков, рискнувших угнать своих лошадей от реквизиции в кедровник. Вечером в этот день дед Фишка известными ему одному тропами направил тринадцать молодых мужиков и парней в буераки за кедровник, где скрывался Матвей Строгов.

На четвертый день отряд белых выехал на поля разыскивать запрянутый там хлеб и скот. На передней подводе, рядом с начальником отряда штабс-капитаном Ерундой, сидел Демьян Штычков. Он знал недостатки волченорских мужиков не хуже своих собственных.

Село притихло, затаилось, но оно неусыпно, днем и ночью смотрело и слушало сотнями глаз и ушей.

Дед Фишка, перемахивая через заборы и изгороди, бегал из двора во двор. Матвей наказал старику прислушаться ко всем разговорам и как можно чаще обо всем сообщать ему.

Когда дед Фишка узнал, что отряд белых почти в полном составе выехал на поля, он хлопнул себя ладонью по лбу и выругался: «Просмотрел, старый дурак!»

Он настолько был взволнован этим, что, оставив все предосторожности, направился домой не огородами, а проулком. Поднявшись возле кладбища на горку, он увидел двух мальчишек: Агапку — сына Калистрата Зотова и Никитку Бодонкова.

Запрятавшись в яму, из которой волченорцы брали глину для своих хозяйственных нужд, ребятишки зорко посматривали по сторонам. Ясноглазые, серьезные, в собачьих шапках и вывернутых вверх шерстью шубах, они походили на молодых волчат, выглядывавших из норы.

Дед Фишка весело ухмыльнулся: от таких глаз ничего не скроешь. Ребятишки, смущенные тем, что старик их заметил, нырнули в глубину ямы.

Дед Фишка хотел пройти мимо, но вдруг скорыми шагами, вприпрыжку направился на косогор и, остановившись на краю ямы, ласково проговорил:

— Ишь какие смышленыши! Местечко хорошее выбрали. А только, сынки, рано вы сюда забрались. Эти варнаки вернутся с полей не раньше как вечером.

Ребятишки насупились, молчали.

— Сейчас бы, ребятушки, не за мостом догляд вести, а на поля бы стрекануть да посмотреть, что там делают эти ворюги,— приподнято проговорил дед Фишка и, помолчав, продолжал вполголоса: — Корзинки взять с собой можно. Где гриб какой попадет, давай его сюда. А самим и высмотреть все. Уж за это весь народ спасибо сказал бы. Пойдете?

Агапка с Никиткой переглянулись, и ясные глаза их заискрились. Дело, которое предлагал старик, хотя и было небезопасным, зато нужным всему селу и сулило интересные приключения.

...Через полчаса все трое встретились за мостом, в кустарнике. В руках у них были корзинки, а в корзинках по большому куску хлеба про запас. Пошли.

Стояла осень. Понемногу осыпался лист с деревьев. Трава пожелтела, зачахла и пахла гнильцой. Все вокруг становилось блеклым, унылым, и глаза деда Фишки тосковали по яркому многоцветью лета. Правда, по склонам холмов и долинам совсем по-весеннему зеленели дружные всходы озимых, но среди необозримых просторов полей, посеревших от осенних дождей и холодов, эти по-весеннему яркие клочки казались ненастоящими.

Дед Фишка молчал, зато ребятишки болтали без умолку. Они громко разговаривали, хохотали, со свистом бросали комья земли в галок и ворон.

Старик вначале снисходительно улыбался, но когда кончились церковные земли и начались поля мужиков с

узкими полосками распаханной земли и соломенными балаганами для ночевок, дед Фишка внушительно сказал ребятишкам:

— Теперь молчок, ребятки. Вовсю надо глядеть. Может, они, сукины дети, тут где-нибудь рыскают.

Агапка и Никитка зашагали молча, внимательно осматривая поля.

Вдруг Агапка вскрикнул:

— Конники!

Дед Фишка увидел верховых не сразу и с завистью подумал: «Ах, постреленок, вперед меня узрел!»

Верховых было трое. Они поднялись из-за холмика и на самом гребне его остановились.

До них было не меньше версты, но по очертаниям фигур дед Фишка определил, что это солдаты. Боясь, чтобы солдаты не заметили их, он поспешно свернул с дороги в мелкий березник. Пригибаясь, ребятишки ринулись за ним.

В лесу остановились.

— Ну, сынки...— начал дед Фишка, но Агапка опередил его.

— Ты, дедушка, здесь оставайся, а мы с Никиткой вон туда, будто по грибы пойдем,— захлебываясь от волнения, скороговоркой проговорил он.

Дед Фишка потрепал рукой по плечу мальчугана.

— Хорошо, сынок, хорошо. От земли ты невелик, а думаешь мудрей большого! — с восхищением проговорил старик и, наскоро курнув трубку, продолжал: — А наткнетесь на солдат, сынки, не робейте. У вас с ними разговор короткий: «Грибы, мол, собираем» — и только. Про меня, конечно, ни слова. Найдут меня — не уйти мне отсюда живым.

Тут же в березнике дед Фишка помог ребятишкам отыскать по десятку уже застарелых груздей и, повторив еще раз свои наказания, проводил их до опушки леса. Глядя ребятишкам вслед, он думал: «Пошли вам бог удачи, сынки! Экая жизнь наступила: с малых лет — и в полымя!»

Потянулись минуты томительного ожидания. Коротая их, старик сидел, ходил, курил, несколько раз принимался собирать в свою корзину грибы, но время текло мучительно медленно. Наконец на гребне того холмика, где стояли солдаты, дед Фишка увидел Агапку и Никитку.

Вскочив на старый березовый пенё, старик замер от любопытства.

Спешившись, один из солдат стоял рядом с Агапкой и Никиткой и о чем-то спокойно разговаривал.

Ребятишки руками указывали ему что-то в противоположном от деда Фишки направлении. Потом солдат вскочил в седло и поскакал за холмик.

Оглядываясь, Агапка с Никиткой пустились бегом обратно. Дед Фишка подумал с тревогой: «Ах, глупышки, бегут-то как! Ну, как солдаты догадаются да вернут!»

Когда ребятишки подбежали к деду Фишке, они с минуту не могли вымолвить ни слова. Грудь их высоко вздымались, а на раскрасневшихся лицах выступил пот.

— Все, дедушка, до капельки знаем! — пересиливая одышку, проговорил наконец Агапка.

Наперебой ребятишки стали рассказывать все, что увидели и узнали. Дед Фишка слушал их, стиснув в зубах трубку.

Действовали белые решительно. Запряганный волченорцами на полях скот они с помощью Демьяна Штычкова отыскивали без особых усилий. Теперь скот этот с разных концов полей сгоняли в одно стадо, за холмик, под надзор четырех верховых.

Дед Фишка сердито сплюнул. Так вот зачем тут верховые!

Понегодовав про себя, старик сердито спросил, косясь в сторону холмика:

— Много они там, сынки, нахапали-то?

— Да есть, дедушка. Коров одних, кажись, штук двадцать да семь коней, привязанных к березкам, стоят, — проговорил Агапка.

— И Каурка наш там же. Увидел меня — заржал, будто заплакал, — чуть сам не плача, сказал Никитка.

— А как же, сынок! Он, Каурка-то, хоть и животное, а чует, нычит, что к плохим людям попал, — вставил дед Фишка, закладывая в трубку щепотку табаку. — Ну, а солдаты не допытывались, зачем вы тут ходите?

— Один все выпрашивал, далеко ли отсюда напрямик до городского тракта...

Дед Фишка вскочил с пенёка, на котором сидел.

— Так, говоришь, сынок, про тракт спрашивал?

— Допытывался, как да что... А потом говорит: «Ну,

теперь проваливайте», — закончил Агапка и рассмеялся звонким, довольным смешком.

Но деду Фишке было не до смеха. Расспросы солдат о прямой дороге на городской тракт раскрывали кое-какие планы штабс-капитана Ерунды. По-видимому, опасаясь народного гнева, он решил перегнать скот полями прямо в город, минуя село.

Попыхивая трубкой, дед Фишка на несколько шагов отделился от ребятишек и, закинув руки за спину, остановился в раздумье.

— Пожалуй, к дому надо поворачивать, — проговорил он после минутного молчания. — А то как бы дождик нас не прихватил.

Ребятишки охотно согласились. Им тоже хотелось попасть скорее в село и похвастаться перед товарищами. Но вместе они не прошли и одной версты.

В лиственничном логу дед Фишка сказал:

— Ну, теперь, сынки, сами дорогу найдете. А я заверну тут недалеко за берестой — еще летом надрал. — И он скрылся в лесу.

2

Обогнув кедровник, которым опять владели Юткины и Штычковы, дед Фишка вошел в буераки.

Место это было лесистое, изрезанное глубокими песчаными рвами. Но и тут дед Фишка знал все, как у себя на дворе.

Взойдя на один пригорок, он остановился, прислушался и защелкал по-дроздиному. В ту же минуту из-под корней большого кедра показалась голова Матвея.

— С вестями, Матюша! — с деловым видом сказал старик.

Матвей выбрался наверх, и они уселись под развесистыми сучьями кедра.

Из глубоких ям и крутых обрывов к ним на пригорок поползли мужики. Это были погорельцы, «крестники штабс-капитана Ерунды», как в шутку называл их Матвей.

Мужики окружили деда Фишку, слушали его с нахмуренными, злыми лицами.

Еще утром они мало верили Матвею, когда он говорил, что жизнь все равно заставит их взяться за ружья.

К его предложениям начать налеты на белых мужики отнеслись сдержанно и, если не удавалось отмолчаться, твердили:

— Погоди,, Захарыч, может, Ерунда сам отсюда уберется.

Теперь отмолчаться было невозможно.

Выслушав деда Фишку, один из мужиков сказал:

— Ну, Захарыч, принимай над нами команду. Видно, чему быть, того не миновать.— И, выражая свое почтение Матвею, он снял шапку.

На другой день мужики настигли на тракте стадо. Перевзвизгнув охрану, они угнали скот далеко в лес и, сберегая его там, постепенно возвратили хозяевам.

Так возник партизанский отряд волченорцев, в тяжелых и трудных делах которого дед Фишка стал стойким и незаменимым бойцом.

3

На действия партизанского отряда, отбившего скот, штабс-капитан Ерунда ответил новыми репрессиями. Началось с Калистрата Зотова. В полдень к нему явились семь солдат и высокий, с испытанным лицом и злым огоньком в глазах офицер. Калистрата дома не оказалось. Офицер приказал поджигать.

Старый и ветхий домишко Зотовых вспыхнул, как порох.

В этот день в Волчьих Норах спалили еще семь домов.

Обезумевшая Зотиха переселилась с ребятишками в баню, а Калистрата с десятком других мужиков дед Фишка увел ночью в буераки к партизанам.

На другой день штабс-капитан Ерунда решил собрать все село на сход.

Два чубатых и скуластых казака бросились собирать народ, но к назначенному часу к церкви на площадь собрались только десятка три баб, кучка ребятишек и несколько стариков.

Строго помня наказ Матвея — ничего не пропускать мимо ушей и глаз, дед Фишка тоже пришел.

Штабс-капитан Ерунда въехал на площадь верхом на белой лошади с десятком конников. Увидев его, дед Фишка толкнул локтем в бок своего сверстника Лычка и тихо проговорил:

— Гляди-ка, Григорий! Царь! Только, нычит, подданных маловато.

Пряча хитрые улыбки, старики опустили головы.

— Шапки долой! — заревел старший урядник, выскакивая вперед.

Дед Фишка, Лычок и полуслепой старик Петруnek сняли шапки. Бабы затревожились, переглядываясь и не зная, надо ли им снимать платки.

Штабс-капитан Ерунда остановился, окинул взглядом небольшую кучку людей и, щуря свои белесые, как у пегой лошади, глаза, спросил Евдокима Юткина:

— Староста, все тут?

— Какое там все! Скрываются, ваше благородие.

Штабс-капитан приподнялся на стременах и, взмахнув плеткой, крикнул:

— Р-р-ра-зогнать эту рвань!

4

Дед Фишка из буераков возвращался в потемках. Шел он не спеша то дорогой, то обочиной по лесу. Часто останавливался, прислушивался. Ходить без опаски стало рискованно. По ночам, побаиваясь, видимо, налета партизан, штабс-капитан Ерунда высылал конные дозоры.

Когда дед Фишка вошел по узкому пустынному проулку в село, уже совсем стемнело.

Возле избы Филиппа Горшкова старик остановился и, осмотревшись, постучал в окошко. Стекла в окне были разбиты, дыры заткнуты тряпками и куделью. В одну из дыр высунулась чья-то голова.

— А кум Андрей дома? — спросил дед Фишка.

— На сходку увели, — ответил женский голос, — да вот еще не вернулся.

— Ну-ка, выйди, кума, — сказал дед Фишка.

Голова мгновенно скрылась в темноте. Через минуту дед Фишка стоял уже во дворе Горшковых и вполголоса говорил:

— От мужиков, кума, иду. Филипп наказал к вам зайти. Под клетью амбара спрятан у него дробовик. Велел он тайком перенести его на зады, положить под черемуховый куст. Завтра ночью он его заберет. Домой-то за-

ходить не будет. Сама знаешь: береженого бог бережет. Ну, прощай-ка. Да не забудь насчет дробовика-то...

— Ладно, кум, старик придет — передам,— сказала старуха.

Дед Фишка вышел со двора Горшковых и, не доходя до мостика, пересекавшего мутный ручей, повернул к большому недостроенному дому Тимофея Залетного. Тут его словно поджидали. Едва он прикоснулся к окну, как оно раскрылось, и дед Фишка увидел жену Тимофея.

— Феклушка, мужик твой жив-невредим. Наказывал весь свинец, какой он из городу привез, в баню под полки положить. Завтра ночью он за ним наведается. Домой-то не обещал. Если, нычит, есть охота повидаться, подожди у бани. Это я уж от себя тебе говорю. Знаю, что тоскуешь. Ну, будь здорова. Да о деле не забудь.

— Что ты, дед Фишка! С утра все соберу,— сказала Фекла, довольная тем, что старик принес весточку от мужа.

Выполнив все поручения партизан, дед Фишка направился к своему дому. Вдруг неподалеку от него послышались голоса.

«Не патруль ли? — пронеслось в уме старика. Встретиться с солдатами у него не было никакого желания.— Надо утекать»,— решил он и, кинувшись к забору, перелез через него и притаился.

Мимо прошли двое. Дед Фишка узнал гнусавый голос Демьяна Штычкова.

— Мы их выкурим из буераков, выкурим! — говорил Демьян громко.

Дед Фишка понял, что речь идет о партизанах, и с досадой подумал: «Выкурим! Выкурим! Руки у тебя, гундосый, короткие».

Голоса затихли вдали. Дед Фишка перелез через забор и торопливо зашагал к дому. Но не прошел и десяти шагов, как совсем неслышно перед ним возникла тень человека. Дед Фишка хотел скрыться, но было уже поздно. Его резкий поворот в сторону испугал человека, и тот встревоженно вскрикнул:

— Кто это?

— А, кум Андрей! Это я,— сразу повеселел дед Фишка.

— Данилыч! А я со сходки иду.

— Ну, ну, Расскажи, о чем там судили-рядили,— с живостью спросил дед Фишка.

— Эх, кум, совсем мужику край пришел,— с сердцем сказал Андрей.— В солдаты вот на старости лет угодил.

— Что ты говоришь?! Как так? — изумился дед Фишка.

— Да так, всех мужиков под ружье берут. Сам этот Ерунда — ни дна ему ни крыши! — по бумаге вычитывал.

Они еще поговорили несколько минут о сходке и о наказах Филиппа — сына Андрея, скрывшегося от мобилизации в партизанский отряд Матвея Строгова, и разошлись.

Утром деду Фишке надо было отправляться в лес готовить дрова.

Выйдя за село, он увидел мужиков, выстроенных на широкой поляне. Солдаты суеились возле них, кричали и ругались, обучая ружейным приемам.

Бабы и ребятишки сгрудились в одну кучу и глядели на все происходящее, печальные, молчаливые.

Дед Фишка подошел к толпе, посмотрел на мучения, с какими мужики проходили солдатскую муштру, и повернул обратно.

Все, что происходило в селе за последние сутки, очень озадачило его. В самом деле, зачем понадобилось штабс-капитану Ерунде учить стариков военному делу? Ясно, что белый атаман что-то замышлял. Но что же? Обеспокоенный этим, дед Фишка тихонько брел огородами и пустырями, не зная, на что решиться: бежать ли к Матвею или сначала попытаться все доподлинно разузнать? В одном из огородов, возле невзрачной закопченной бани, толпились бабы. Они стояли плотной кучкой и тревожно о чем-то разговаривали.

«Знать, слушок какой-нибудь появился. Зря бабы собираться не будут», — подумал дед Фишка и, сунув в карман шаровар кисет, направился к ним.

— Доброе утро, сударушки! — крикнул старик.

Бабы повернулись на его голос, и Зотиха, до неузнаваемости постаревшая за последние дни, воскликнула:

— Да тебя, дед Фишка, видно, сам бог к нам посылает! Только-только о тебе разговор был.

— А как же! Бог и шепнул мне: «Сходи, дескать, к бабам», — пошутил дед Фишка, но шутка не получилась.

Зотиха подняла на него мученические глаза, не высохшие еще от слез, и с болью в голосе, чуть не плача сказала:

— Беда, дед Фишка! Сгубят они наших мужиков в буераках.

Дед Фишка смотрел на Зотиху с недоумением.

— Слух, вишь, Данилыч, прошел,— заговорила Дубровчиха своим низким голосом,— будто не зря стариков ружью-то учат. Говорят, вот-вот погонят их солдаты наших беглых мужиков бить. Вот они какие, дела-то, Данилыч. Стоим и горюем. Надо б мужикам весточку подать, да куда мы годны: ни троп, ни дорог не знаем.

— А слух-то верный? — нетерпеливо спросил дед Фишка.

— Вернее не может быть, Данилыч! — сказала Дубровчиха.— Солдат, вишь, один проболтался, из тех, что у Поярковых на постое. Выпили они вчера с Емельяном, захмелели, ну он и скажи: «Эх, хозяин, не завидую я тебе!» — да и выложил все от чистого сердца.

Дубровчиха умолкла, и все бабы смотрели теперь на деда Фишку, словно он мог успокоить их надорванные тревогой сердца и помочь в беде.

Слух был правдоподобен. Теперь становились понятными и слова Демьяна Штычкова, с бахвальством кричавшего темной ночью: «Мы их выкурим из буераков! Выкурим!» Надо что-то предпринимать, и как можно скорее.

— Они всё, бабочки, могут. И резню сотворить могут,— заговорил тревожно дед Фишка, но в тот же миг спохватился, понимая, что говорить бабам такие слова не следует. И тогда он выпрямился, приосанился и сказал: — Ну, вот что, горевать пока нечего. Идите по домам и о мужиках не кручиньтесь. Препоручите их мне, а я уж как-нибудь о них позабочусь...

Лица у баб просветлели, и они заговорили все сразу. Дед Фишка предупреждающе поднял руку.

— Тише, бабочки, тише. Этак Ерунда о нашем уговоре вперед мужиков будет знать.

Упоминание о штабс-капитане отрезвило баб. Они притихли и поодиночке стали расходиться.

Дед Фишка кинулся в свой двор.

Дома Агафья попыталась заставить его сделать кое-что по хозяйству, но старик посмотрел на нее и сказал:

— Нет уж, Агаша, не буду. Хоть изба гори, а мешкать мне тут нельзя.— И он рассказал сестре о своей встрече с бабами.

Агафья закивала головой, потом торопливо зашаркала в куть. Не прошло и часу, как она напекла для сына ржаных, заведенных на квашеном молоке караликов.

Старику хотелось скорее двинуться в путь, но, невзирая на это, он терпеливо наблюдал за тем, как Агафья любовно складывала подрумяненные каралики в белую тряпку.

— Ну, ну, пусть покушает Матюша свеженьких. Сухари-то, поди, опостытели хуже горькой редьки,— с лаской в голосе сказал дед Фишка.

— Пусть, пусть покушает. Он каралики-то всегда любил. Вот как сейчас на него гляжу: махонький он, вихрастый, глаза — чистое небо, и каралик в руках...

Агафья умолкла, дыхание ее стало неравномерным, тяжелым, и чувствовалось, что тихие слезы слепят ей глаза, сжимают горло. От всего этого дед Фишка тоже ощутил какую-то легкую, но мучительно сладостную горечь в душе и, боясь, что это чувство расслабит его, завертелся по прихожей.

Агафья заторопилась, быстро перетянула узелок прядью кудели и подала брату.

На полях было безлюдно и сумрачно. Ветер со свистом раскачивал гибкие стволы берез и осин. Сизые облака клубились, переливались, как кипящая вода в котелке. Нахохлившиеся вороны угрюмо и неподвижно сидели на макушках сухостойных лиственниц. Порывы холодного воздуха приносили откуда-то запахи надвигающейся зимы.

Дед Фишка тропкой подошел к кедровнику. Теперь ему предстояло обогнуть высокий скалистый выступ и, миновав широкую равнину, спуститься в глухое ущелье, ведущее в буераки. Прежде чем выйти на равнину, он остановился и прислушался. Никаких посторонних звуков слух его не уловил. Все так же со свистом метался жестокий ветер да где-то у речки с надрывом горланила ворона. Дед Фишка смело направился вперед и, выйдя на другую сторону выступа, к опушке леса, взглянул на широкую равнину.

Неподалеку от него щипала сухую траву лошадь, запряженная в легкую тележку на железном ходу; возле

нее стояли Евдоким Юткин, штабс-капитан Ерунда и высокий, мрачного вида поручик.

О чем они говорили, дед Фишка слышать не мог, но по жестам Евдокима Юткина, то и дело махавшего рукой в сторону буерака, старик понял, что все, о чем говорили ему сегодня бабы, было верно.

«Плантуют, как людей убивать, душегубы!» — задрожал старик от немой ярости, прячась в ветвях мохнатого кедра.

Через несколько минут офицеры и Евдоким сели в телегу и поехали по дороге к селу.

Они проехали мимо деда Фишки шагах в двадцати. Он видел их лица и мог бы услышать разговор, но Евдоким и офицеры молчали, мрачные и нахохлившиеся, как вороны.

«Трусят, видно, убийцы!» — подумал дед Фишка, и ему захотелось схватить что-нибудь увесистое и запустить в них. Инстинктивно он подался вперед, но одумался, не без удивления рассматривая камень, каким-то чудом оказавшийся в его руке.

— Постойте, я вас еще и не этим попотчую, — вслух погрозился он, отбрасывая в сторону серый булыжник.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

В глухую темную полночь отряд Матвея Строгова двинулся на новую стоянку.

Вожаком был дед Фишка. Даже Матвей, знавший эти места сызмальства, не рискнул бы в этакую непроглядную тьму вести людей прямым путем, через клюквенные болота и чащу.

Но старик взялся за это без всяких колебаний, и вера людей в него была так велика, что никто из партизан не выразил никаких опасений. Шли гуськом. Чтобы не растеряться, держались за веревку. Один конец ее привязали к опояске деда Фишки, а другой находился в руках у Калистрата Зотова, замыкавшего длинную вереницу людей. Шли медленно. Люди были нагружены тяжелой по-

клажей. Под ногами булькала вода, чавкала грязь. Холодный осенний воздух был густо насыщен запахом смолы и болотной гнили.

В темноте деревья казались огромными. Макушки их сливались с темным небом, и редкие, робко светящиеся звездочки мерцали где-то в еловых ветвях, совсем близко от земли.

Шли молча. Разговаривать не запрещалось, но желающих говорить не было. Шли в неизвестное, отрывались от своих родных, обжитых мест, от разоренных, но невыразимо дорогих гнезд, уходили от жен и детей. Куда? Надолго ли? Каждого из партизан охватывало глубокое и тяжкое раздумье. Темнота осенней ночи скрывала озабоченные лица людей.

Три дня потребовалось Матвею и деду Фишке, чтобы убедить мужиков в необходимости уйти из буераков на Юксу. Правда, мужики и сами видели, что опасно оставаться в буераках, но решиться сразу на уход куда-то в «чужедальную сторону», в тайгу, из которой не видно пепелищ своих домов, у них не хватало решимости. Им все еще казалось, что можно переждать беду, не уходя от околиц родного села.

Матвей Строгов доказывал партизанам, что вслед за ними на Юксу пойдет население других сел и деревень, что тайга может укрыть их на зиму, что сама тайга тоже народная и ее надо вырвать из рук купчиков и ростовщиков. Его слушали с затаенным недоверием, и в глазах мужиков он читал вопрос: а нет ли тебе, охотник, какой-нибудь выгоды в этом?

Возможно, что отряд на первых же порах распался бы, если бы в разгар горячих споров в буераки не явился Андрей Горшков.

Как ни хранил в тайне штабс-капитан Ерунда свои замыслы, они стали известны народу. Глухое брожение охватило насильно мобилизованных в «местную армию содействия верховному правителю адмиралу Колчаку», когда мобилизованным стали известны подлинные цели этой «армии». Охотников служить в ней было не много.

За день до похода в буераки на борьбу с партизанами из «армии содействия» началось повальное бегство. Вслед за Андреем Горшковым в отряд пришли еще десять мужиков.

Матвею стало ясно, что всякое промедление с уходом из буераков грозит отряду гибелью. Независимо от «армии содействия» карательный отряд штабс-капитана Ерунды и сам по себе представлял немалую силу. Он был вооружен винтовками, пулеметами, имел конный взвод, и вступать с ним в борьбу людям необученным, плохо вооруженным, охваченным разногласиями,— значило непоравимо загубить все дело в самом его начале.

На второй день партизаны вступили в Юксинскую тайгу.

Для стана облюбовали поляну на берегу большого круглого озера, вбиравшего в себя проточные воды всех речек юго-восточной части тайги.

Озеро было рыбное, окруженное высокими берегами, поросшими плодоносным кедровником и строевым сосняком.

Место приглянулось всем. Мужики удовлетворенно заухмылялись. По сравнению с темными и глухими буераками здесь было просто раздолье. Настроение у всех поднялось, и дед Фишка, желавший показать сразу все преимущества Юксинской тайги перед буераками, заявил:

— Вечером, мужики, свежих окуньков отведаем. Малость отдохну да удить отправлюсь. Я здесь раньше за один присест по пуду ловил.— И старик, пошарив в кармане, вытащил тряпку, в которой хранились крючки с готовыми волосяными лесками.

Перед потемками Матвей еще раз оглядел местность и у костров во время ужина объявил приказ:

— Утром приступить к постройке жилых землянок, бани и изгороди для содержания скота.

Новая стоянка отряда была удобна еще тем, что находилась сравнительно недалеко от тракта и притаженных селений. Путь к ней пролегал через болота, речки с лесными завалами, крутые холмы, заросшие непроходимой чащобой,— это тоже имело немаловажное значение.

На другой день утром, прежде чем приступить к работе, Матвей разбил отряд на взводы. Командирами взводов он назначил старых солдат: Архипа Хромкова и Калистрата Зотова. Кроме того, были созданы две специальные команды: хозяйственная и разведки. Первую команду возглавил одноногий Мартын Горбачев, вторую — расторопный и деловой Тимофей Залетный. Деду Фишке

предоставили право добровольно выбрать, где служить: у Мартына Горбачева или у Залетного. Начальники команд наперебой зазывали старика к себе. Дед Фишка молча посмотрел на одного, на другого и, насупившись, сказал:

— Я так, мужики, думаю: буду там, где, нычит, надо быть. Скажем, подойдет нужда питание добывать — я тут как тут. Хоть за молодым мне теперь не угнаться, а зверь и птица от моего ружья не уйдут. А если, скажем, Тимохе потребуюсь — пожалуйста. Мне чего бы ни делать, лишь бы без дела не сидеть да задаром хлеб не проедать.

Отряд одобрил слова деда Фишки дружным гулом. — Ну, а теперь за работу! — сказал Матвей.

Четыре дня с рассвета дотемна обстраивался отряд.

Землянки сделали просторные, теплые, с широкими, прочными нарами и глинобитными печками. Баня тоже удалась, и ее обновили, не дожидаясь, когда будет засыпана землей крыша.

Дед Фишка все эти дни проводил на озере. Он сумел уже смастерить кое-какое оборудование для рыбной ловли: соорудил легкий плот для передвижения по озеру, сплел из гибкого ивняка морду, сделал несколько жерлиц, из кусочков желтой патронной меди нарезал блёсны. Рыбы в озере было так много, что она сама шла в руки. Дед Фишка приносил с озера щук, окуней, налимов, язей. Он сам чистил рыбу, закладывая в котлы и варил. Уха получалась жирная, наваристая, вкусная. Партизаны ели ее с удовольствием, а Залетный говорил:

— Раздобреем мы, дед Фишка, от такой еды!

— Ешь, Тимоха, ешь, пока кормят, — смеялся дед Фишка.

Старик понимал, что долго так продолжаться не может. Впереди мужиков ждут тяжелые и опасные дела.

Как только отряд закончил оборудование землянок, Матвей приказал начать военные занятия. Архип и Калистрат учили партизан строиться, сдваивать ряды, ходить в строю, быстро рассыпаться и цепочкой двигаться в наступление. Винтовок в отряде было три, их изучали по взводам. А вскоре ввели и постоянный наблюдательный пост у тракта. Дед Фишка стал приставать к командирам с просьбой, чтобы его назначали в караул наравне со всеми.

— Ты погоди, дядя,— остановил его Матвей.— Ходить в караул — не хитрая штука, а тебе другое дело найдется...

Старик насторожился, думая, что Матвей доскажет до конца, но тот замолчал. Дед Фишка расспрашивать племянника не рискнул. Тот был теперь командиром отряда, и, втайне гордясь этим, старик понимал, что у Матвея могут быть секреты, о которых никто не должен знать. Однако с этого часа старик жил, все время чего-то ожидая.

Как-то перед вечером Матвей пришел на озеро. Дед Фишка только что поставил жерлицы и присел покурить.

Увидев Матвея, старик обрадовался: давно они не говорили с глазу на глаз.

— А, Матюша! Ну, иди, иди, покурим,— пригласил он племянника.

Матвей не спеша подошел, с любопытством спросил:

— Ловится, дядя?

— Ловится, Матюша. Думаю вот колоду выдолбить да к зиме пудиков десять рыбешки пустить в засол. Неплохо бы, а?

Матвей помолчал и, поглядывая на толстые кедровые чурбаки, приготовленные дедом Фишкой на поделку колод, озабоченно начал:

— Неплохо, дядя, а только...— и, не договорив, подошел к деду Фишке, сел рядом и потянулся за табаком.— В жилые места, дядя, надо тебе направиться,— закончил Матвей, берясь за кисет.

— Навовсе? — с тревогой спросил дед Фишка, заглядывая Матвею в лицо.

Матвей поспешил успокоить старика:

— Нет, дядя, на время. Теперь мы обстроились, малость окрепли, надо дать знать о себе, чтоб народ из других сел и деревень к нам шел. Ерунда не нам одним житья не дает, как думаешь?

Дед Фишка оживился и, поглядывая из-под бровей хитроватыми глазками на Матвея, бойко заговорил:

— Я уж, Матюша, давно этого поджидаю. Себе на уме не раз мозгами раскидывал: не рыбу же ловить мы пришли сюда, надо бы и за дело приниматься.

— Правильно, дядя! Вот и иди, оповести народ. Как это сделать, тебе лучше знать,— улыбнулся Матвей.—

Смотри только, будь осторожен. Попадешь к Ерунде — назад не вернешься.

— Об этом, Матюша, не кручинься. Я в такие времена как собака: сплю, а сам, нычит, все слышу.

— Побольше, дядя, рассказывай всем там о нас. Волченорцы, мол, так порешили: сгнать всем или власть эту долой,— середки нету. Которые к нам вздумают идти, пусть хлеб, ружья, порох, свинец, топоры несут, надеяться тут не на что, у самих сухари к концу подходят. Завтра весь отряд на паек перевожу.— Матвей замолчал и несколько секунд сидел потупившись, занятый какими-то своими мыслями.

«Старят его заботы»,— подумал дед Фишка, и вспомнился ему Матвей в молодости: статный, с шапкой русых выющихся волос, с румянцем на свежем лице, как будто только что омытом ключевой водой.

Старик вздохнул и, поднимаясь, сказал:

— Одним словом, Матюша, все обделаю честь по чести. А если и всыплюсь, беды мало. Как ни крути, ни верти, а умирать тоже надо.

— Ну нет, дядя, об этом ты брось и думать,— серьезно проговорил Матвей.— Эта власть хоть и свирепая, а век у нее небольшой. Вот-вот развалится. А мы с тобой, дядя, тут еще поохотимся, да и золотишка пошарим.— Он сощурился, заулыбался.

Дед Фишка истово перекрестился, взглянул на небо и с надеждой произнес:

— Дай-то бог!

На другой день утром дед Фишка исчез. Его отсутствие в отряде заметили только вечером, когда старик, проделав по тайге длинный путь, уже сидел в темной избе Кинтельяна Прохорова и вполголоса разговаривал с Акулиной.

2

Балагачева жила такой же тревожной жизнью, как и Волчьи Норы. Укрываясь от наезжавших сюда подручных штабс-капитана Ерунды, мужики отсиживались по лесам. За непокорность здесь расправлялись испытанным способом: семь домов в Балагачевой были спалены, не меньше десяти мужиков выстеганы шомполами, а сапож-

ник, бывший матрос Семен Швабра, кричавший во время порки по адресу колчаковской власти ругательные слова, был увезен в жировскую волостную каталажку и с тех пор пропал без вести.

— Измучились мы все от такой жизни,— жаловалась Акулина Прохорова деду Фишке.— Мужики наши суетились тут: ружья собирали, порох, свинец, да только что проку? Разве им одним справиться? Клич бы по народу кликнуть. Ведь где ни послушаешь, только об одном и говорят: конец пришел... Бунтовать надо, дед Фишка. Не знаю, как у вас в Волчьих Норах, а у нас нету мочи терпеть больше.

Старик не перебивал Акулину. Когда она высказалась до конца, он удовлетворенно кивнул головой.

— Правду сказала, Акулинушка. Кому-кому, а тебе откроюсь чистосердечно: послан я кликнуть клич по народу...

Они сидели на табуретках возле печки. Стояла такая темь, что нельзя было различить даже окна. Где-то, должно быть в углу, истлевшем от времени, уныло посвистывал сверчок. С улицы доносился сердитый лай собак. Он перекатывался по всей деревне с одного края на другой — тревожный, нагоняющий на балагачевцев злоешие предчувствия и тоску.

Часто останавливаясь и прислушиваясь, не подходит ли кто к избе, дед Фишка до полуночи рассказывал Акулине о бесчинствах штабс-капитана Ерунды, о партизанском отряде, о племяннике Матвее, который стал теперь главным среди мужиков. Акулина была умная баба с живым и решительным характером. Выслушав старика, она предложила:

— Ложись-ка ты, Финоген Данилыч, спать, а на рассвете отведу я тебя к мужикам в пихтачи, все обскажешь им сам. Чего же тут без дела они будут сидеть?

Дед Фишка забрался на печку, и, хотя беспокойный лай собак не прекращался, он уснул быстро и крепко.

Проснулся он от стука в дверь. Кто-то барабанил смело, по-хозяйски. Дед Фишка поднял голову с подушки и тихонько сказал:

— Акулина!

Хозяйка уже не спала, ответила с тревогой в голосе:

— Слышу, Данилыч.

— Ты постой, не выходи. Надо мне спрятаться.— Дед Фишка стал осторожно спускаться с печки.

— Лезь, Данилыч, в подполье. Вправо там большая отдушина есть, в случае чего — выскакивай во двор.

— Добро, Акулинушка, добро!

Акулина открыла подполье, пособила старику спуститься и направилась в сени.

Через несколько минут она вернулась, подняла крышку подполья и повеселевшим голосом сказала:

— Выходи, Финоген Данилыч, Кинтельян пришел.

— Будь ты проклята, жизнь такая! Продрог весь до костей,— проворчал дед Фишка, вылезая из подполья.

— Дожили! Вместо того чтоб гостя за стол сажать, в подполье прячем,— раздался голос Кинтельяна из темноты.

Дед Фишка сдержанно засмеялся, пошутил:

— То ли еще, Прохорыч, будет!

Акулина, научившаяся безошибочно передвигаться в темноте, принесла Кинтельяну крынку молока, хлеба, и он начал есть.

Дед Фишка принялся расспрашивать его. Старик и в этот раз следовал своей давней привычке: сначала расспроси, а уж потом рассказывай сам.

То, что поведал Кинтельян деду Фишке, очень напоминало пережитое волченорцами. Балагачевские мужики отсиживались в пихтачах, обозленные, но бессильные в своей ярости. Сидеть в безделье им надоело, а как бороться, они не знали.

Взвешивая в уме все, что говорил Кинтельян, дед Фишка думал: «Эти с охотой к нам пойдут. Натерпелись. Знает же Матюшка, когда по народу клич бросить. Ведь скажи, как ловко подослал, ни раньше, ни позже — в самое времечко!»

Действительно, услышав от деда Фишки о партизанском отряде волченорцев, зазывающем к себе всех желающих бороться с белыми, Кинтельян сказал:

— И думать не станем, все до одного пойдем! Я своим мужикам когда еще говорил: давайте проберемся в Волчьи Норы, узнаем, как там люди живут. Не может быть, чтобы волченорцы молчали. Не такой они народ — еще при царе бунтовали. И, вишь, моя правда вышла!

После встречи с Кинтельяном идти деду Фишке в пих-

тачи не было никакой нужды. Был Кинтельян среди своих мужиков старшим.

Перед рассветом дед Фишка проводил Кинтельяна за поскотину и, повторив свои наказы о том, что необходимо захватить с собою в отряд, направился в Сергево.

3

Не доходя верст пяти до Сергева, дед Фишка нагнал двух старух из Петровки. Прикинувшись новоселом, недавно приехавшим в эти края, он стал расспрашивать их о житье-бытье.

Вдруг одна из старух, пристально поглядев на него, усмехнулась:

— А ведь я тебя признала, Данилыч!

Дед Фишка сконфузился, и у него мелькнула было мысль сказать старухе, что никакой он не Данилыч, а старая просто-напросто обозналась сослепу, но старуха опередила его:

— Обличьем ты, Данилыч, другой стал, в жисть бы не признала, а слышу — «нычит» говоришь, ну, думаю, он.

«Ах, язва старая, на чем поймала», — мысленно выругался дед Фишка и, стараясь выкрутиться из неловкого положения, спокойно сказал:

— Теперь как без опаски-то ходить? Вот и мудришь.

Старухи согласились с ним и без умолку стали рассказывать о наступивших тяжелых временах.

Не прошли они вместе и двух верст, а дед Фишка знал уже все петровские новости.

И тут картина была знакомая. Белые жгли, обирали, пороли. Мужики сопротивлялись, прятались по своим полям. Бабы, оставшиеся в деревне, ютились с ребятишками по баням, овинам, подпольям, лишь бы не попадаться на глаза карателям.

— А главного-то нашего, Митрия, что в совдепе сидел, — продолжала рассказывать словоохотливая старушка, — схватили недавно да над колодцем повесили. Страх-то какой!

— Да, а журавель-то все по ночам скрипел, — подхватила другая старушка, — жалобно так...

— Несдобровать им, аспидам-кровопийцам, ох, несдобровать! — заключила рассказчица. — Вот вспомяни

мое слово, Данилыч, возьмутся мужики за топоры да за ружья. К тому дело идет...

Дед Фишка посоветовал старухам сразу же после возвращения из Сергева передать своим беглым мужикам, что волченорские и балагачевские партизаны ждут их. Пусть идут скорее. В Юксинской тайге собралась сила несметная! Верховодит этой силой Матвей Строгов, человек справедливый, знающий, еще при царе подымавший народ против утеснителей.

Старухи были поражены всем, что сказал дед Фишка, и, случись это где-нибудь дальше от Сергева, они не задумываясь повернули бы в Петровку, чтобы скорее донести до своих сельчан желанную весть.

Вскоре деда Фишку со старухами нагнал седой, мрачного вида мужик, ехавший в дрожках на высокой худой лошади. Дрожки были забрызганы грязью, а бока гнедой лошади взмокли от пота.

Дед Фишка сразу определил, что мужичок из дальних. «Вот бы еще к кому пристроиться», — подумал он и, когда лошадь приблизилась, приветливо крикнул:

— Здорово бывал! Издалека ли?

— Каюровский.

— Ого! А куда скачешь?

— В Волчьи Норы, по казенным делам.

Деда Фишку это так заинтересовало, что, не спрашивая позволения у мужика, он, подпрыгнув, сел к нему на дрожки. Седой мужик недружелюбно покосился на него. Лошадь и без того плелась еле-еле. Желая поскорее чем-нибудь снискать к себе расположение мужика и кое-что разузнать у него, дед Фишка проворно вытащил кисет из кармана и предложил:

— Давай закуривай.

Мужик охотно потянулся за табаком, а дед Фишка про себя подумал: «Слава богу, теперь не прогонит».

— В Сергее ночевать думаешь? — спросил дед Фишка, прикуривая от серянки мужика.

— Где там ночевать! Насквозь до Волчьих Нор приказано ехать, — ответил мужик, слегка покашливая от глубокой затяжки.

— Что так?

— Срочный пакет. Солдата у нас ночью убили.

— Э-э-э... — протянул пораженный дед Фишка. — Кто? Знать, забубенная головушка.

— А кто его знает? Может, свои, а может, и наши. Солдат-то, вишь, задиристый был: и порол людей, и на чужое добро падок. Вот кто-то и рассчитался за всех сразу...

— Такому туда и дорога! — возмущенно сказал дед Фишка, но мужик был осторожен и на эти слова не отозвался.

Дед Фишка тоже насторожился. Расспрашивать мужика о жизни в Каюровой он не стал.

Выражение глаз мужика не понравилось ему: «Как бы не влопаться», — мелькнуло у него в уме, и он решил разговор прекратить.

Угостив еще раз седого мужика табаком из своего кисета и поблагодарив за то, что он немного подвез его, дед Фишка соскочил с телеги.

Впереди сквозь оголившийся лес уже проглядывали дымившиеся бани, ветхие изгороди и овины. Появляться в селе деду Фишке не хотелось. Переночевать он собирался на постоялом дворе, а туда удобнее всего было прийти позднее, в потемках, когда соберется побольше постояльцев.

Дед Фишка огляделся, выбрал подсохшую полянку и сел отдохнуть. Привалился спиной к толстой березе, задремал.

Когда очнулся, уже смеркалось. Он поднялся и, посвежевший после отдыха, бодро зашагал в село.

Постоялый двор стоял на церковной площади, и найти его было легко по висевшей над воротами дуге и длинному шесту с привязанным к нему клочком сена.

Присматриваясь в сумраке к надворным постройкам, старик настороженно вошел в просторную избу. В ней было совсем пусто. Дед Фишка понял, что его расчеты встретить здесь мужиков из разных деревень провалились. Вскоре в избу вошла хозяйка и, не без удивления посмотрев на старика, охотно заговорила с ним.

— Что ты, милый, какие теперь постояльцы! — воскликнула она, когда дед Фишка спросил ее, почему пусто в избе. — За всю осень ты первый гость у нас. Откуда? Далеко ли путь держишь?

Дед Фишка не ожидал, что дело сложится таким образом, и решил выдать себя за пимоката, идущего в Жирово на работу.

Хозяйка постоялого двора была не прочь и дальше вести расспросы, но это не сулило деду Фишке ничего хорошего, и он поспешил заговорить о погоде, об урожае и прочих посторонних вещах.

Выбрав удобный момент, он сказал:

— Устал я, хозяйюшка, с дороги-то. Прилечь охота.

— Приляг, милый, приляг, я тебе сейчас соломки принесу,— сказала хозяйка и вышла.

Но когда она вернулась с охапкой соломы, дед Фишка уже спал, растянувшись на голой лавке. Неудобства никогда не огорчали старого охотника. «Не первая волку зима»,— говорил он в таких случаях.

Утром, позавтракав и расплатившись с хозяйкой, дед Фишка пошел в церковь.

Гудел большой колокол, к церкви со всех сторон тянулись люди. Шли из других деревень: с котомками, в загрязненной обуви. Правда, народ был не тот, который требовался деду Фишке, все больше старухи, но в такое время и старух нельзя было сбрасывать со счета. «Эти еще скорее по народу клич разнесут»,— думал дед Фишка, входя в церковь.

Всю заутреню он простоял молча, присматриваясь к людям и примечая тех, которые своим внешним видом внушали ему доверие.

В перерыве между заутреней и обедней дед Фишка на улице подошел к одному старику, опиравшемуся на суковатый еловый посох, и разговорился с ним.

Старик оказался из Ежихи и откровенно рассказал деду Фишке все, о чем тот спрашивал.

Человек он был, по всей видимости, простодушный, чистосердечный и настолько доверчиво отнесся к новому знакомству, что под конец рассказал и о своем сыне.

Сын старика воевал на стороне красных и еще в начале революции переслал наказ отцу крепче держаться за справедливую Советскую власть.

Подозревать старика в неискренности у деда Фишки не было никаких оснований, и он, в свою очередь, не стал таиться перед ним и сообщил о цели своего прихода в Сергево.

— Ладно, я шепну своим мужикам,— проговорил старик, когда дед Фишка сказал ему, что партизанский отряд приглашает к себе всех, не желающих покориться белым.

Под гудящий звон большого колокола старики вошли в церковь. Народу теперь заметно прибавилось. Дед Фишка с порога окинул взглядом людей и, купив у церковного старосты трехкопеечную просфору и свечку, стал пробиваться к правому клиросу, где дьячок принимал просфоры и писал поминальные записки. У клироса перед иконой Спаса стоял знакомый мужик с Ломовицких хуторов, выделявшийся своим высоким ростом.

Дед Фишка прикоснулся пальцами к плечу мужика и шепотом попросил:

— Землячок, поставь-ка мою свечку.

Мужик оглянулся и, улыбаясь, сказал вполголоса:

— А, это вон кто! Помнишь, вместе на мельнице были?

Дед Фишка ответил горячо:

— Как же! Только забыл вот, как зовут тебя.

— Осипом кличут.

— Как живется, Осип?

— Да живем понемногу. Крестить вот сына опять приехал.

— Сын в доме не убыток.

— Да ведь он девятый у меня. Старшие два по людям уже ходят, сами себе кусок хлеба добывают.

— Ну, и этого выходишь — человеком будет. Как не у вас народишко-то на хуторах поживает?

— Перебиваются кто как может. Мужики больше в бегах, а одни бабы много ли наработают?

Дед Фишка хотел было продолжать разговор, но вспомнил, что находится в церкви, и принялся усердно креститься и кланяться «нерукотворенному Спасу».

Однако через минуту ему это надоело, и он решил, что упускать случая нельзя и нужно разговор с Осипом довести до конца.

— А наши беглые мужики, Осип, к Светлому озеру в Юксинскую тайгу двинулись. Туда же балагачевские, петровские, ежихинские направляются, — зашептал дед Фишка, стараясь дотянуться до уха Осипа. — Думают там силенки подкопить. Слух был, что красные вот-вот нагрянут. Увидишь там своих беглых мужиков — сказывай им, чтобы шли скорее. Дело теперь к одному клонится...

Тут кто-то из богомольцев не выдержал и зашикал на деда Фишку.

Он замолк на минуту, потом, бормоча молитву, пошел к столу дьячка, чтобы написать поминальную записку. Впереди стоял сухощавый мужик в добротной романовской шубе. Дед Фишка, нашарив в кармане пятак, положил его на просфорку и потянулся через плечо мужика:

— За здравие рабы божьей Агафьи и за упокой убиенного Захара...

Мужик оглянулся и, бледнея, широко открытыми глазами, в которых отразился испуг, посмотрел на деда Фишку.

В свою очередь и дед Фишка вздрогнул от неожиданности: перед ним стоял Степан Иванович Зимовской.

Дед Фишка готов был провалиться сквозь землю. Отвернувшись в сторону, несколько минут стоял он в полной растерянности, не зная, что делать.

«Надо заговорить с ним, гляди, еще как-нибудь вывернусь»,— решил он и обернулся к Зимовскому.

Но того уже не было. Он исчез куда-то тихо и быстро.

«Э, да он, варнак, испугался меня. Совесть, видать, гложет»,— подумал дед Фишка и окончательно успокоился.

— Данилыч, Данилыч, подь-ка сюда! — вдруг услышал он шамкающий старушечий голос.

За рукав тянула его к себе старуха из Петровки, опознавшая его в дороге. Вид у нее был встревоженный, и дед Фишка сердцем почуял, что случилось что-то особенное.

Припав к его уху, старуха прошептала:

— Беги скорее отсюда! Зимовский подговаривает офицера арестовать тебя. Своими ушами слышала. Вон, в этом углу они стоят.— И старуха кивнула головой в противоположный угол, где во всю стену вздымался на белоснежной лошади с копьём в руке Георгий Победоносец.

Сердце деда Фишки забилося сильнее... Расталкивая людей, он выскочил на крыльцо и остановился. Бежать было некуда. Церковь стояла посередине широкой площади, и в какую бы сторону он ни побежал, всюду бы его заметили и нагнали.

Он суетливо бросился в один конец оградки, потом в другой, но, не найдя никакого укрытия, подошел к высо-

кому крыльцу и только теперь заметил, что тут можно спрятаться.

Оглядевшись, он протискался в дыру под крыльцо и лег под самые ступеньки.

А несколько минут спустя из церкви вышли люди, и дед Фишка услышал их голоса.

— Упустили? — спросил один.

— Ушел! Из-под носа ушел! — с огорчением проговорил другой и длинно выругался. Дед Фишка по голосу узнал Зимовского. Они спустились с крыльца и, разговаривая о погоне, вышли из оградки.

Старик пролежал под крыльцом всю обедню, потом, когда из церкви густо повалил народ, прошел площадь в толпе богомольцев, юркнул в первый проулок и, выйдя в поле, напрямик направился в Юксинскую тайгу к Светлому озеру.

«Погоня! Не с твоей ухваткой, живоглот, ловить меня», — усмехнулся он, вспоминая обо всем происшедшем.

4

Вскоре после возвращения деда Фишки в партизанский лагерь Матвея Строгова пришли балагачевцы, петровцы, каюровцы, сергевцы, ежихинцы, романовцы, подосиновцы, жировцы. Осторожные, осмотрительные мужики Ломовицких хуторов прислали своих делегатов. Те поговорили с Матвеем, походили по берегам Светлого озера, посмотрели и, решив, что задумано верное дело, отправились за своими односельчанами.

Количество партизан увеличивалось настолько быстро, что Матвей начал побаиваться, сумеет ли он управлять такой массой людей. Дед Фишка, которому он как-то высказал свои опасения, посоветовал:

— А ты, Матюша, помощников себе побольше толковых найди. Знамо дело, где одному за всем уследить! И поостроже, Матюша, будь. Мужик — он строгость любит. Если по справедливости, так он еще спасибо тебе скажет. Эх, вот кого бы тебе в помощники-то: Тараса Семеныча Беляева да Антоху Топилкина! Их бы на этот час сюда.

Матвей мечтательно вскинул глаза, тихо проговорил:

— Я бы, дядя, сам к таким в помощники пошел с радостью!

В часы раздумий, когда его терзали мысли о том, как лучше, как правильнее управлять людьми, он не раз вспоминал Беляева, Соколовскую, Топилкина. Такие люди были очень нужны партизанской армии.

Мужиков надо было поднимать, спланировать, просвещать, разъяснять им великие цели социалистической революции, вселять в них веру в победу, но делать все это было некому.

Матвей пробовал выступать сам. Люди внимательно слушали его, но зажечь их, взволновать так, как это сделал когда-то Беляев в балагане на полях Строговых, Матвей не мог.

«Язык, что ли, у меня плохо привешен? Да нет, не в языке дело. Знаю мало. Много ли я больше их знаю?» — нередко рассуждал Матвей сам с собой, и в голове его все чаще и чаще возникала мысль о посылке людей в город для связи с рабочими-большевиками. «Подмогу надо просить. Без нее туго нам придется», — думал он.

Но осуществить это не удавалось. Большевистские организации работали в глубоком подполье. Будь у Матвея крепкий помощник, он отправился бы в город сам, рискнул бы своей головой, а подпольный большевистский комитет нашел бы. Но отлучиться ему, хотя бы на один день, нельзя, а послать некого. Тут даже дед Фишка помочь не мог.

Правда, остро тоскуя по человеку беляевского склада, Матвей не сидел сложа руки. Готовясь к серьезным боям с карательными отрядами белых, он твердо насаждал воинский порядок: заставлял командиров взводов регулярно заниматься строем, заставлял партизан в точности выполнять все обязанности в нарядах, следил за состоянием оружия, высылал в ближайшие деревни разведку.

Однажды вечером в землянку к Матвею вбежал запыхавшийся Тимофей Залетный.

— Товарищ командир! В трех верстах от нас, в Еловой пади, горят костры.

Матвей сидел за столом и пил чай с брусникой. Дед Фишка лежал на нарах и в полудремоте тихонько бормотал что-то, не то песню, не то молитву.

Матвей, отодвинув кружку, быстро поднялся. Дед Фишка вскочил и, схватив висевшие на шесте над печкой портянки, стал торопливо обуваться.

— Ну, что ты думаешь, Тимофей? — спросил, подпоясываясь, Матвей.

— Думаю, что Ерунда пожаловал.

— А может, охотники заплутались?

— Едва ли кто сейчас пойдет сюда.

— Надо, Тимофей, разведчиков выслать туда, чтоб пробрались поближе, узнали, какие силы, а партизан я сейчас по тревоге подыму, — сказал Матвей и шагнул к выходу.

— Матюша, дозвожь мне туда сходить! Я там, в Еловой-то пади, каждый кустик знаю. Так проползу, что ни одна пташка не вспорхнет.

Дед Фишка просяще смотрел на Матвея, поспешно натягивая на себя свой старый, в заплатках, зипун.

Матвей взглянул на Тимофея Залетного.

— Как, Тимофей?

— Я сам хотел пойти, товарищ командир.

— Нет, тебе нельзя. Надо вооруженных разведчиков на заставы выставить.

— Понятно.

— Я готов, Матюша! — Дед Фишка стоял в зипуне, в шапке, с ружьем на плече, готовый сию же секунду ринуться на любое дело.

Матвей сердито посмотрел на него, но не мог сдержать улыбки.

— Ладно уж... Иди! Но только знай: попадешься — и себя и нас погубишь.

Дед Фишка встряхнул ружье на плече, недовольно пробормотал:

— Ты тоже скажешь... Когда я попадался?

Они вышли. В раскрытую дверь землянки ворвался порыв холодного ветра и загасил тускло мерцавший ночник.

Дед Фишка юркнул куда-то в темноту за высокие кедры и бесшумно исчез. Изумленный его поспешностью и ловкостью, Тимофей сказал:

— Что он, в темноте видит, что ли?

Матвей отозвался тихо:

— Кто его знает? Нам-то не суметь так. Шаримся вот, как щенята.

Они добрались до кухни, возле которой на сучке кедра висела железина, принесенная сюда кем-то из партизан-кузнецов, и Матвей ударил в нее деревянной колотушкой.

Люди еще не спали. С визгом и скрипом распахнулись двери землянок. С тревожным говором, в страшной суете партизаны бежали к месту сбора — на поляну.

Матвей прислушался, покачал головой:

— Орут-то как! Всех до единого из пулеметов покосить можно.

— Это всегда бывает так, необстрелянные, — спокойно проговорил Залетный. — По фронту знаю.

Матвей промолчал. По тому, как под его ногами похрустывали сосновые шишки, собранные на растопку печей и костров, чувствовалось, что командир топчется, нервничает.

— Давай, Тимофей, высылай дозоры по всему кругу, — отдал он приказание глуховатым, слегка дрожащим голосом.

— Будет сделано, товарищ командир! — тотчас же отозвался Тимофей и скрылся в темноте.

Матвей постоял, послушал. Теперь говор людей переместился за лагерь, к поляне, на которой выстроились партизаны.

Матвей направился туда, стараясь думать спокойно и трезво: «Ну что ж, посмотрим, что выйдет. Когда-то должно же это случиться. По-хорошему-то нам бы надо первым начать. Опередили, гады...»

Выйдя на поляну, Матвей остановился. Говор не умолкал. Встревоженный, разноголосый, он струился неудержимо. Матвей насторожил слух. В одном месте кто-то крыл матерно такую жизнь, поминая царя и бога. В другом месте жалобный голос твердил:

— Сгинем, ребятушки, ни за понюх табаку сгинем!

От всего этого у Матвея защемило сердце.

«Войско! Еще никто ничего не знает, а умирать собрались!»

— Ну-ка, давай тише! Чего разгалделись?! — строго крикнул он, подходя ближе.

Партизаны узнали голос Матвея, притихли.

— Командиры взводов, ко мне! — уже спокойнее сказал он, чувствуя, что никто не выходит из его подчинения.

Командиры быстро собрались вокруг него. Матвей вполголоса сообщил им о кострах, пылающих в Еловой пади.

— Если это каратели,— сказал он,— надо на рассвете ждать нападения. Сейчас я послал узнать, что там за силы. Но велики ли, малы ли они, а уклоняться от боя нам нельзя. Как только разведка вернется, мы продвигемся дальше и, чуть посветлеет, начнем первые.

Командиры взводов одобрили план Матвея. Только один Калистрат Зотов робковато сказал:

— А стоит ли нам, Захарыч, самим на рожон лезть?

— Стоит, Калистрат. Они в тайге как слепые, а мы тут знаем все ходы и выходы. В этом главный наш козырь. Мы окружим их тут и будем бить там, где они нас не ждут. И оружие достанем! Ясно?

Командиры дали единодушный отпор Калистрату.

— Ну, все,— сказал Матвей,— разводите людей по своим местам, готовьте их к бою и ждите. В случае чего — я буду у своей землянки.

Он пошел берегом озера. Тут до землянки было немножко дальше, но зато дорога тянулась по гладкой, обтопанной равнине и была ему хорошо знакома. Тайга шумела тягучим, ни на минуту не умолкающим шумом. Где-то поскрипывали качаемые ветром деревья. Темнота, сгустившаяся с вечера, начала понемногу рассеиваться, и на небе появились светлые пятна, озаренные холодным блеском далеких звезд.

Матвей шагал широко, быстро, беспокойные мысли теснились в его голове. Теперь, за какой-нибудь час до боя, когда многое было уже невозможно исправить, он с болью увидел, как еще плохо подготовлены партизаны к вооруженной борьбе.

«Надо б взводным сказать, чтоб связных послали. Потребуется что-нибудь передать — хоть сам беги», — думал Матвей.

Но едва заканчивалась одна мысль, как появлялась другая: «А будут раненые — что делать с ними? Куда девать их?»

Матвей дошел до штабной землянки и, занятый своими мыслями, присел на толстую кедровую колодину у входа.

В темноте раздались быстрые шаги. Подошел Тимофей Залетный, доложил:

— Людей расставил, товарищ командир. Теперь не то что человек — бурундук к нам не проскочит.

— Будем ждать. Садись, покурим,— предложил Матвей.

Они закурили и долго сидели молча.

Вдруг послышался хруст. Кто-то шел к ним, топча ногами осыпавшуюся сухую хвою. Они насторожились, взялись за ружья.

— Не дед ли Фишка? — прошептал Залетный.

Матвей ничего не ответил. Шагал кто-то неосторожно, тяжело. Старик ходил по-другому: легко, неслышно Матвей знал его походку.

— Ты где, Захарыч? — остановившись, спросил человек из темноты.

— Это ты, Архип?

— Я, товарищ командир. Фу, язва, ни зги не видно!

— Ну, как у тебя дела?

— Плохо, товарищ командир. У меня во взводе кое-кто не хочет идти в бой.

— Почему?

— Не желаем, говорят, зря кровь проливать. До наших, дескать, хуторов далеко, а тайгу все равно не отстоишь.

— Во, Тимофей, видал? — возмущенно проговорил Матвей, сдерживаясь, чтобы не закричать: «Гони таких партизан к чертовой матери!»

— Ты побудь здесь, Тимофей, а я схожу туда сам,— сказал он и зашагал вместе с Архипом к партизанским землянкам.

Прошло не менее часа, прежде чем Тимофей Залетный снова услышал шаги Матвея.

— Что там? — спросил он.

— Сын ломовицкого мельника затесался. Он и мутит. Ну, да я еще до него доберусь.

— Тут есть гуси лапчатые! В партизаны пошли, а са...— Оборвав на полуслове, Тимофей схватил Матвея за руку.— Слышишь?

Матвей прислушался, сдерживая дыхание. С той стороны, откуда можно было ожидать приближения белых, доносился многоголосый говор.

— Кто это? — почти одновременно проговорили они.

На белых это никак не походило. Люди шли шумно и, судя по голосам, были в веселом, приподнятом на-

строении. Посты охранения их не обстреляли, и это значило, что идут не чужие.

— Видно, в самом деле охотники или новые партизаны,— сказал Тимофей.

— Зажги бересту, чтоб тут не плутали,— распорядился Матвей.

Тимофей ощупью нашел на дровах бересту и зажег ее. В это время послышался голос деда Фишки:

— Сюда, ребятки, сюда!

Потом кто-то сказал, видимо, что-то смешное, и люди дружно захохотали. От нетерпения Матвей готов был ринуться навстречу идущим.

— Кого ведешь, дядя? — крикнул он.

— А вот приведу — узнаешь,— засмеялся дед Фишка.

Береста жарко вспыхнула, и темнота вокруг стала еще более непроницаемой.

Матвей отошел в сторону, напряженно всматриваясь в гущу леса.

Наконец из-за кедров вышел один человек, потом второй, третий, и Матвей разглядел, что на огонь движется толпа.

— Я тут, дядя,— сказал он, давая знать о себе.

Дед Фишка подскочил к нему, весело заговорил:

— Ты, Матюша, всегда меня на такие дела посылай. Я тебе плохих людей не приведу...

— Кто это, дядя? — нетерпеливо спросил Матвей, тщетно стараясь разглядеть прибывших.

— Они, Матюша, сами скажут,— увильнул от прямого ответа старик.

— Смирно! — вдруг раздался в темноте голос, и высокий человек, рассмотреть которого в темноте было невозможно, немного выдвинулся из толпы и не совсем четко, с хрипотцой и придыханием отрапортовал:

— Товарищ командир, отряд шахтеров в составе двенадцати человек прибыл в ваше распоряжение. Вместе с ним прибыли военспец — бывший капитан царской армии Старостенко и сорок шесть крестьян, завербованных по пути нашего продвижения. Отряд имеет: десять винтовок и тридцать гранат, один пулемет в разобранном виде, семь пистолетов, четыре тысячи винтовочных патронов. Комиссар отряда член шахтерского подпольного комитета большевиков...

Свою фамилию говоривший произнес невнятно, и Матвей торопливо сказал:

— Очень хорошо, товарищ! А вот фамилию вашу не разобрал.

Тогда высокий человек шагнул вперед и совсем другим голосом, отчетливым и ясным, крикнул:

— Антон Топилкин!

Люди, стоявшие вокруг и знавшие уже из рассказов деда Фишки о долголетней дружбе Топилкина с Матвеем, засмеялись, а Матвей бросился к командиру отряда.

— Вот это подвалило счастье! — радостно заговорил он, обнимая Антона. — Ах ты, черт! Вот это повезло так повезло! Тимофей, собирай всех на поляну, собирай скорее!

— Ночью-то? — изумленно сказал Антон Топилкин.

— А что ж ты думаешь, до утра людей будем томить? Ведь мы тут беяков ждали... Ну, как добрались? — нетерпеливо спросил Матвей.

— По тракту проскочили удачно, а тут вот третий день по тайге кружим. Охотников никого не нашлось, провести некому, пошли наобум. А слух о вас далеко прошел, — сообщил Антон.

Через несколько минут прибежал Залетный.

— Товарищ командир, партизаны в сборе.

— Зажигай, Тимофей, бересту, со светом пойдем.

Залетный и дед Фишка приволокли охапку бересты, нанизали ее на палки и подожгли. Несколько новичков взяли палки с пылающей берестой и пошли, освещая тайгу, впереди командиров.

Дед Фишка подшутил:

— Мы, нычит, как волхвы, — с огнями путешествуем.

На поляне Матвей велел развести большой костер. Дров тут было в поленицах много, и костер получился яркий, осветивший всю поляну.

Матвей подошел к огню, поднял руку и, когда люди утихли, начал говорить:

— Товарищи партизаны! Радость у нас! Большую неоценимую подмогу получили мы сегодня. Рабочие города, партия большевиков не забыли о нас, крестьянах...

Эхо подхватывало голос Матвея и разносило его по всему партизанскому лагерю.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Эти дни не прошли, а пронеслись как ураган. Оглядываясь на прожитое, Максим Строгов с удивлением думал: «Неужели все это было?!»

Однажды к Строговым вломились солдаты. Испуганная Анна в первую минуту не могла слова вымолвить. Но на этот раз солдаты не грубили, и один из них довольно учтиво сказал:

— Не бойся, тетушка, мы тебя не тронем, а сына собирай.

— Зачем он вам? — еще более испугавшись, спросила Анна.

— Призыв в солдаты объявлен.

— Какой из него солдат? Он еще малолеток, — попыталась отстоять Анна сына.

— Собирай! — пристукнул солдат прикладом.

Анна сложила в мешочек харчи, бельишко и пошла вместе с Максимом на сборную.

В сборной уже теснился народ. Максим увидел тут всех своих одноклассников.

Стали подтягиваться подводы. Колчаковская армия нуждалась в резервах, и новобранцев было приказано отправить без промедления.

Прощаясь, Максим шепнул:

— Мама, я все равно убегу.

Анна тяжело вздохнула: посоветоваться бы с Матвеем, да где его возьмешь — сидит где-то в буераках и глаз не кажет.

— Смотри, сынок, как лучше, — проговорила она, и Максим понял, что мать не против его намерения.

Но сбежать оказалось не просто. До города новобранцев сопровождал многочисленный конвой, а там их сразу же погрузили в красные вагоны и повезли в другой город. Здесь их разместили в казармах, обнесенных колючей проволокой, и стали спешно обучать военному делу.

Только недели через две представился подходящий случай: Максима и Андрея Зотова фельдфебель рано утром послал с одним старым солдатом на склад за обмундированием для новобранцев. Склад помещался далеко, в подворье какого-то купца. Когда солдат ушел искать

каптенармуса, Максим и Андрей вышли со двора и бросились за угол...

Максим продал на толкучке свой дождевик, сшитый из старого, но еще крепкого брезента. Пачка обесцененных керенок, вырученных от продажи, едва уместилась в просторном кармане его штанов.

Толкучка находилась на краю города, на грязной площади.

Длинноногий Андрей шагал так быстро и широко, что Максиму приходилось почти бежать за ним.

Еще за квартал до пристани беглецы слышали гул человеческих голосов, а потом увидели у билетной кассы бушующую толпу. Бабы, ребятишки, мужики, навьюченные мешками, сумками, берестяными лукошками, с криком и руганью лезли друг на друга, стараясь протиснуться к билетной кассе.

Андрей вырвал из рук Максима пачку денег и бросился в толпу, расталкивая всех, кто попадался на пути.

Максим подошел к трапу, ведущему на пароход, и нетерпеливо глядя на толпу, стал ждать Андрея.

Непрерывным потоком по трапу двигались вспотевшие, краснолицые пассажиры.

Над паровой трубой взвился белый кудреватый пар, раздался хриплый свисток. Толпа, сминая контролеров, с криками, руганью устремилась по сходням на пароход.

Максим вытянулся насколько мог, глазами отыскивая Андрея в толпе. В эту минуту решалась их судьба.

Пароход с шумом спустил пары. Капитан поднял рупор и крикнул вахтенному матросу:

— Отдай носовую!

Потом склонился к трубке и отдал команду:

— Назад, тихий!

Лениво зашлепали плицы по воде. Пароход медленно стал поворачивать нос к фарватеру реки. Максим опустил голову: «Все пропало».

Прошло еще с полминуты. Андрей, мокрый от пота, выскочил из толпы у кассы, в руке он держал билеты.

Не дожидаясь его, Максим побежал по борту пристани и с разбегу прыгнул на корму парохода. Андрей кинулся вслед за ним, но в нерешительности остановился. Расстояние между пароходом и пристанью увеличивалось с каждой секундой.

— Прыгай скорее! — крикнул Максим.

Рискуя сорваться в воду, Андрей прыгнул. На палубе первого класса испуганно взвизгнула дама. Вахтенный матрос, стоявший у кормовой лебедки, выругался.

Максим подтолкнул Андрея, и, шмыгнув внутрь парохода, они скрылись среди пассажиров. У машинного отделения они остановились. Здесь громоздились поленицы дров, пахнувших смолой. Максим предложил Андрею залезть на поленицы и устроиться там. Так и сделали.

На ребристых поленьях лежать было неудобно: острые кромки и сучья впивались в бока, но зато здесь беглецов никто не видел, а они видели всех.

С полчаса они наблюдали за пассажирами, приглядываясь и про себя отмечая тех, кого следует опасаться.

Обоих беспокоила мысль о еде. Большой пачки денег, вырученных от продажи дождевика, только-только хватило на билеты.

Запах жареного мяса, доносившийся из кухни, разжигал голод. К тому же мимо поленицы то и дело сновала официантка. На медном сияющем подносе она проносила в салон первого класса судочки с супом и жареным мясом.

Андрей долго лежал молча, глотая слюну. Наконец он не выдержал и, поднимаясь, сказал:

— Ты, Макся, карауль тут место, а я на охоту пойду.— И, увлекая за собой дровяной мусор, спрыгнул вниз.

— Э, медведь! Сосновой коры в чай насыпал! — закричали на него снизу.

— Слаще будет! — пошутил Андрей.

Максим лежал на боку и глядел в машинное отделение. Вдруг он услышал громкий, почти радостный голос:

— Андрюха! Далеко ли путь держишь?

«Провалились»,— мелькнуло в уме Максима, и он вскочил как ошпаренный.

Андрей стоял смущенный и вспотевший, а бородатый старик тормозил его, забрасывая вопросами:

— Отец-то здоров ли, Андрюха? Что ж, топором все хлеб зарабатывает? А ты не в солдатах? Кажись, погодок моему Митюхе?

— Да ты что, сват Аким, совсем ослеп?! — воскликнула рябая баба.— Андрюшка Петрухин чернявый, а этот белый, как груздь.

Старик отшатнулся от Андрея, сказал с досадой:

— Тыфу ты, напасть какая! И впрямь обмишулился, паря!

И долго еще он покачивал головой и хмыкал, дивясь тому, как он мог обознаться.

Максим настороженно прислушивался. Андрей вскоре вернулся.

— Не клюет! — сокрушенно сказал он. — Ловчился я и так и этак, да только все попусту. Кружку чаю налила мне баба и говорит: «А хлеба, молодец, у самих мало, не прогневайся».

— Ложись давай, лежаче легче терпеть, а вечером что-нибудь придумаем, — посоветовал Максим.

Андрей забрался к нему и растянулся рядом, приладив под голову круглое полено.

Поздно вечером они направились на поиски пищи. Пассажиры, забившие все проходы, давно уже спали.

Осторожно перешагивая через спящих, парни обошли всю нижнюю палубу, потом, боязливо озираясь, поднялись по лестнице наверх, куда только что прошла официантка со своим подносом, нагруженным всякими яствами.

Красная ковровая дорожка вела длинным коридором в ярко освещенный салон. Вдруг стеклянные двери распахнулись, и в них показалась официантка. Парни испуганно шарахнулись в раскрытую дверь лестничной площадки и очутились на палубе.

Ночь стояла холодная, ветреная. За бортом, в темноте, шумно плескались волны, накрапывал дождь вперемешку со снегом.

Пароход плыл медленно. То и дело слышались пронзительные и короткие свистки, и ветер доносил голоса вахтенных матросов, производивших на носу судна промер глубины:

— Шесть!.. Семь!.. Под табак!..

Из трубы парохода летели искры и валил густой черный дым. Ветер то вздымал его высоко в небо, то растилал над водой продолговатой дорожкой.

По коридору, мимо открытой двери, опять прошмыгнула официантка и как-то по-особенному посмотрела на Максима.

— Пойдем, насквозь пронизывает, — проговорил Максим, поеживаясь от холода, и шагнул к двери.

Но Андрей, опережая его, ринулся вперед и чуть не растянулся на ковровой дорожке. Максим взглянул в том

же направлении и все понял: на площадке у лестницы, на коричневом столике под большой электрической лампой, белели два пирожка.

Андрей быстро схватил пирожки и бросился вниз по лестнице. Максим устремился вслед за ним и уже сделал несколько быстрых шагов, но замер от неожиданности: в нескольких шагах от него стояла официантка. Губы ее были строго сжаты, но в синих глазах поблескивали искорки смеха.

Максим согнулся, как от удара, догнал Андрея и с тревогой прошептал:

— Она все видела! Она еще днем заметила нас.

На самом деле так и было. Официантка видела, как они искали себе место возле дров, как потом, не найдя ничего лучшего, забрались на поленницу и улеглись там. Несколько раз Максим ловил на себе ее взгляд, но не придавал этому никакого значения. Своей внешностью официантка напоминала ему кого-то, и Максим мучительно напрягал память: кого же? Она была высокого роста с большими синими глазами и строгим, умным лицом.

Максим вполголоса рассказал Андрею о своих наблюдениях за официанткой. Андрей с интересом, широко раскрыв глаза, выслушал его и, оглядываясь, зашептал Максиму на ухо:

— Она и за мной зырила. Давеча, когда старик в меня вклепался, она стояла рядом и слушала.

Они посоветовались и решили на старое место, на поленницу, не ходить, встреч с официанткой избегать, а ночь прокоротать около мешков. Народу здесь осталось мало, потому что в носовые пролеты врвался холодный ветер и долетали даже брызги воды.

Усевшись на пол, они привалились к мешкам и прижались друг к другу, намереваясь подремать. Но уснуть не могли. Навязчивые мысли об официантке не давали покоя.

Вверху, в салоне, кто-то брэнчал на пианино, веселились пьяные офицеры, и для нее не составляло никакого труда шепнуть им: «Внизу едут два подозрительных парня».

Друзья сидели молча с открытыми глазами и думали об одном и том же.

Максим наконец не выдержал пронизывающего холода и поднялся.

— Пошли, Андрей, на старое место. С парохода-то ведь все равно никуда не убежишь.

Они направились к машинному отделению, забрались опять на поленницу и легли.

Андрей уснул быстро и крепко. Максим лежал на боку, наблюдая за официанткой. Она сновала из кухни в салон и обратно, и Максим, приглядываясь к ней, вновь до боли ощущал, что она кого-то напоминает ему.

Часа в два ночи, когда музыка, доносившаяся из салона, смолкла, официантка пронесла поднос с использованной посудой в кухню.

Максим заметил, как, проходя мимо поленницы, она чуть приподнялась на носки, заглянула и, кажется, улыбнулась. Максим повернулся на живот и долго лежал так, стараясь не думать больше об официантке. Неожиданно он почувствовал мягкое прикосновение к затылку чьей-то руки. Он повернул голову и увидел, что женщина протягивала ему что-то завернутое в бумагу.

— Не нужно бояться меня,— прошептала она и, торопливо сунув ему сверток, ушла.

Максим проводил ее благодарным взглядом и разбудил товарища.

— Я для тебя ужин раздобыл, а ты все спишь, как суслик.

Андрей взглянул на хлеб, на куски вареного мяса, разложенные на бумаге, и поднял удивленные глаза на товарища.

— Скажи по правде: у буфетчицы слямзил? — спросил он.

Максим рассказал об официантке.

— Я сразу понял, что она хороший человек. О, у меня, брат, глаз наметанный,— прихвастнул Андрей, с удовольствием набивая рот хлебом.

От еды по телу разлилась приятная теплота, и беглецы, впервые вздохнув спокойно за эти сутки, безмятежно заснули.

2

— Эй, вы, зипуны, разлеглись там, как на полатах! — послышался грубоватый голос, и сильная рука толкнула Максима в плечо.— Билеты предъявите!

Не вставая и не оборачиваясь, Максим подал билеты и сонным голосом пробормотал:

— За двух тут.

Помощник капитана щелкнул компостером. Максим и Андрей затаили дыхание. Дальше могло последовать требование предъявить документы. Но матрос молча сунул в руку Максима билеты и принялся тормозить старика, растянувшегося возле дров на полу.

Ребята выждали, пока удалится помощник капитана с матросом, приподнялись, посмотрели друг на друга с радостью: слава богу, пронесло.

Был уже день. Пароход приближался к конечному пункту рейса.

Максим и Андрей вместе с другими пассажирами вышли к носовому пролету. Впереди, верстах в семи, на высоком, изогнутом полуподковой берегу, раскинулся город. Острые макушки церквей, поблескивая золочеными крестами, возвышались над строениями. Среди серых деревянных домов каменные здания купцов и именитых чиновников, спрятанные в тополевах рощах, казались огромными. Весь город издали выглядел чисто, опрятно и строго. Максим, схватив Андрея за руку, горячо прошептал:

— Теперь нам, Андрейка, остается только один перегон.

— Как из города выберемся, Макся, не дорогой, а сторонкой пойдем,— в тон ему проговорил Андрей.

Пароход плыл уже мимо покосившихся хибарок и дымящихся кузниц окраины. Вскоре показалась пристань. Неподалеку от нее Максим разглядел продолговатый сарай. В этом сарае они сошлись с отцом на подпольном собрании. От воспоминания об отце у него заныло сердце: «Где-то он сейчас?»

— Смотри, что там, смотри! — дергая Максима за рукав, взволнованно зашептал Андрей.

Максим взглянул на пристань. С берега по широким сходям на пристань спускались казаки в длинных серых шинелях, в черных папахах, с нагайками в руках.

— Вот когда всыпались! — пробормотал Максим, отступая от пролета и увлекая за собой Андрея.

Пассажиры уже заметили казаков, и по всему пароходу слышались тревожные разговоры.

У носового трюма бойкий старичок с пушистой бородкой говорил окружающим его мужикам и бабам:

— Приезжал к нам один человек из лесничества. Рассказывал по секрету, будто захватили намеренно в Подбельниках всю партизанскую головку. Ну, захватили, посадили на пароход и повезли в город. А ночью пассажиры остановили пароход в глухом месте, партизан освободили, стражу сняли — и на берег, поминай как звали. Пассажиры-то, слышь, самые что ни на есть отчаянные партизаны оказались. Вот казаки-то и мечутся: в каждом мужике им теперь партизан чудится... Ну, дезертиров тоже ловят...

Максим дернул Андрея за руку, зашептал ему на ухо:

— Свалка начнется — ворон не лови. Ломись вперед, попробуем нахрапом на берег проскочить. Не выйдет — вернемся, спрячемся и будем ждать конца выгрузки. Надо только поискать, куда приткнуться...

Между тем пароход уже приближался к пристани. Раздался протяжный гудок, а минутой-двумя позже судно сбавило скорость.

Перепрыгивая через мешки, корзины, ящики, Максим с Андреем принялись искать надежное убежище. Они бежали по пароходу, осматривали каждый закоулок, примеряли каждую щель.

Единственно, где можно было спрятаться, так это опять-таки в дровах, у машинного отделения. Здесь, между поленницами, попадались глухие промежутки, похожие на колодцы, и в них сверху можно было кое-как втиснуться.

Все же, не теряя надежды проскочить «под шумок» с пассажирами, ребята заторопились к носовому пролету.

Народу тут было уже битком набито. Друзья пролезли в середину толпы и, стиснутые со всех сторон мешками, корзинками, узлами, вытянули шеи. Пароход поравнялся с пристанью, и тут все увидели казаков. Они стояли полукругом, заполнив в ширину весь проход.

Пассажиры попробовали двинуться на берег, но казаки осадили их назад. Щеголеватый есаул выдвинулся вперед и крикнул:

— Пр-рашу приготовить документы и вещи! Выходить по одному!

На широких трапах один за другим показались пас-

сажиры первого класса с бумагами в руках и с чемоданами.

Максим и Андрей протискались из толпы обратно и заспешили к дровам. Наступил удобный момент незаметно скрыться в поленницах; возбужденные пассажиры сгрудились у трапа, а матросы потянулись в носовой трюм, забитый грузом.

Ловко взобравшись на поленницу, Максим и Андрей поползли на четвереньках к отверстию, которое они рассмотрели. Но облюбованное ими место уже кто-то занял. Максим, оказавшийся впереди Андрея, был уже у цели, когда вдруг из щели послышался густой, басовитый голос:

— Заякорено, братишка! Будь другом, набрось сверху пару поленьев.

Максим на мгновение оцепенел, но быстро сообразил, что нужно помочь товарищу по несчастью, и, положив два толстых полена поперек отверстия, прыгнул с поленницы.

— Куда теперь денемся? Говорил тебе, давай сидеть тут,— дрожащим голосом, чуть не плача, проговорил Андрей.

Максим бросил на него колкий взгляд, стиснул крепко руку выше локтя.

— Тихо ты! Маму смотри не закричи...

Перепуганные, с блестящими глазами и раскрасневшимися лицами, друзья заматались по пароходу. Около кухни они столкнулись с официанткой. Та внимательно посмотрела на них, бросила мимолетный взгляд по сторонам и, проходя возле них, сказала:

— Идите в каюту кочегаров.

В первое мгновение Максим не поверил ушам своим.

«Не показалось ли мне?» — пронеслось у него в уме. Но, отойдя несколько шагов, официантка обернулась, и ее взгляд говорил: «Что же вы стоите?»

Максим бросился к ней.

— Ты куда? — ничего не соображая, спросил Андрей.

— Иди,— строго сказал ему Максим.

Он смело открыл дверь каюты, на которую показала глазами официантка, подтолкнул туда Андрея и вошел сам. За их спиной послышался мужской голос:

— Будут стучать — не отзывайтесь.

Дверь захлопнулась, щелкнул замок, и все стихло.

Они сидели в темной каюте, с окном, закрытым занавеской, молча, затаив дыхание и прислушиваясь. До них доносился беспокойный говор пассажиров, голоса матросов и грузчиков, приступивших к работе, крикливая брань щеголеватого есаула. Они настороженно ловили отдельные слова, стараясь по ним представить все, что происходит у трапа.

Два раза кто-то торопливо подходил к каюте и настойчиво торкался в дверь. Максим и Андрей сдерживали дыхание и сидели, испуганно переглядываясь.

Должно быть, наступил уже вечер, когда говор пассажиров стал затихать. Теперь слышались только тяжелые шаги матросов и грузчиков да плеск разгулявшихся волн.

Время тянулось мучительно медленно. Андрей заворочился.

— Забыли, может, нас? — прошептал он над ухом Максима.

Максим ничего не ответил, но в первый раз с лихорадочной горячностью его мозг обожгла мысль: «Не ловушку ли нам устроили?»

Ощущая от этой мысли неприятный холодок во всем теле, он потянулся к окну и отогнул уголок занавески. За окном сгущались сумерки, и где-то вдали уже мерцал красноватый глазок бакена.

«Ох, пожалуй, не вырваться нам отсюда!» — с отчаянием подумал Максим, но делиться своими мыслями с Андреем не стал.

Послышался топот и громкий говор. Максим, подойдя на цыпочках к двери, приложился к ней ухом. Топот и говор приближались. Это шли казаки. Скоро стало слышно, как кто-то, по-видимому капитан парохода, гудящим голосом говорил:

— Нет, нет, господин есаул, здесь каюты команды, а за команду я ручаюсь.

«Осмотр парохода. Уцелел ли тот-то в дровах?» — подумал Максим.

Через несколько минут вновь стало тихо.

Теперь каждая минута казалась ребятам вечностью. Не имея сил больше сдерживать свое нетерпение, Андрей поднялся и начал вышагивать по каюте. Максим сердито

зашикал на него, и тот, недовольно ворча, опять опустился на койку.

Наконец за стенкой раздались тяжелые, шаркающие по железным плитам пола шаги, и через секунду в замочной скважине звякнул ключ. Вошел человек, показавшийся в темноте огромным. Он привычно шагнул к столу, поставил на него что-то, потом повернул выключатель. Вспыхнул яркий, молочно-голубоватый свет электрической лампы.

— Ну, хлопцы, заморились, чай, тут? — сказал человек, оборачиваясь к Максиму и Андрею.

Был он уже немолодой, рослый, плечистый, и по угольной пыли, въевшейся в глубокие морщины на лице, в нем сразу можно было узнать кочегара.

— Поешьте-ка вот щец, а там и на берег, — сказал кочегар, открывая судок с дымящимся варевом. — Скоро стемнеет совсем...

— Спасибо, дядя, — с живой радостью отозвался Андрей, — есть страсть как охота!

Ребята принялись за щи. Кочегар сел на койку, спросил:

— Дезертиры?

— Они.

— Вот это по-нашенски! — засмеялся кочегар. — Повозили мы за эту навигацию вашего брата немало. Далеко ли путь держите?

— В таежные места, партизанить...

— Счастливой дороги! Передайте привет мужикам от пролетариев и большевиков парохода «Братья Мельниковы». Не забудете?

— Что вы! Этот пароход на всю жизнь запомнится, — с торжественной ноткой в голосе сказал Максим.

Ребятам не терпелось поскорее выйти на берег. Опорожнив судок, они поднялись, стали благодарить хозяина каюты.

— Погодите-ка, — проговорил кочегар и, приоткрыв дверь, выглянул на палубу. — Крой теперь, хлопцы, без оглядки, — с умешкой проговорил он и отступил в сторону.

Максим и Андрей вышли и, сдерживая себя от желания пуститься бегом, через минуту уже были на берегу.

Глухими переулками они вышли за город и отправились в путь, взяв направление на Волчьи Норы.

Всю дорогу они без умолку разговаривали. Мобилизация, побег из военного городка, переезд на пароходе — все это походило на сон.

Разговоры о селе, о родных, о товарищах, с которыми они провели годы своей жизни, так их увлекали, что они шли, позабыв об усталости и осторожности.

К вечеру следующего дня они добрались до надела Строговых. При виде почерневшего соломенного балагана, стоявшего возле высоких лиственниц, у Максима больно защемило сердце.

Давно ли вот тут, после ужина, у костра Строговы коротали час-другой в оживленной беседе? Дед Фишка рассказывал что-нибудь о старине, об охоте или потешал всех веселыми прибаутками. Но особенно интересно было, когда начинал рассказывать отец. Он вспоминал город, пятый год, своих друзей-революционеров, преследуемых властями, подвергавшихся тысячам опасностей, и Максим слушал его затаив дыхание. Все виденное и пережитое отцом представлялось ему в те часы значительным и таинственным.

Максим порывисто подошел к лиственницам и, сгорбившись, стал смотреть на холмы. Там, за леском, где в багровом закате садилось солнце, в холодное небо поднимались беловатые дымки. Там находилось родное село.

Переждав с полчаса у балагана, они двинулись дальше. К Волчьим Норам подходили потемками. Село тонуло в сумраке, ни один живой звук не доносился оттуда. От этого безмолвия Максиму и Андрею стало жутко. Они прислушивались, взглядывали на холодное небо с редкими мерцающими звездами и зябко ежились.

— И девок даже не слышно, — сказал Андрей.

— Собаки — и те не брешут, — отозвался Максим.

Им надо было обойти село стороной и огородами пробраться к Зотовым. У Зотовых под избой имелось просторное, с белеными стенами подполье, и в нем можно было перекуротать несколько дней.

Сейчас, когда родные избы стояли рядом, ребят обуял страх. За каждым кустом им чудились солдаты, то пешие, с ружьями, то конные, с саблями наголо. Шли, ощупывая землю ногами.

В одном месте из-под самых ног взмыл в небо филин. Он поднялся так неожиданно и с таким шумом, что Андрей бросился назад и чуть не сбил с ног Максима.

В проулке, возле изгороди, Максим упал в мусорную яму. Она оказалась неглубокой, но на дне ее валялись ржавые жестяные трубы. Они загремели и всполошили собак.

Не двигаясь, сдерживая дыхание, ребята долго стояли в тревожном ожидании. Собаки стали затихать. Дольше всех протяжно и жалобно таякала собачонка где-то совсем рядом.

— Это наша Жучка лает. Вот шалава! — прошептал Андрей.

Вскоре успокоилась и она.

Шагов через десять встретилось препятствие — изгородь. Отыскав отверстие, протискались в него, и сразу стало легче: за изгородью начинался огород Зотовых. Захотелось поскорее проскочить к дворовой калитке, но собачонка опять затаивала, и сделать это они не решились.

— Посвистать бы ей. Она меня узнает.

— Я тебе посвищу... по зубам!

Осторожно ступая, спотыкаясь о комья замерзшей развороченной земли, сделали еще шагов двадцать — тридцать. Под ногами захрустели угли.

Андрей, шедший впереди, резко остановился.

— Макся, нашей избы нету.

— А это что чернеет?

— Дом Водомеровых.

— Ты ослеп?

Но, присмотревшись, Максим понял, что Андрей прав: влево чернел дом Водомеровых, а прямо, где стояла раньше изба Зотовых, угадывалась дыра в улицу.

Долго стояли молча.

— Идем к нам, — сказал Максим.

Снова пошли. Собаки зачужали их, подняли лай, но переждать не хватило терпения.

Выбрались в проулок, обогнули кладбище, заросшее лесом, и вошли в огород Строговых. В самом конце его, у изгороди, росли черемуховые кусты. Проходя тут, Максим отломил веточку, размял в пальцах и понюхал. Горький, терпкий запах защекотал ноздри. Родным-родным отдавало от пальцев.

Наконец под ногами знакомо зашкрипели ступеньки. Максим протянул руку, хотел постучать, но дверь сеней открылась сама от первого же прикосновения.

«Смелые какие, спят с незапертой дверью. Зайду и громко поздороваюсь», — решил он и, миновав сени, широко распахнул дверь в избу.

В одно мгновение, которое невозможно измерить, он всем своим существом ощутил: в его родном доме что-то произошло. Предчувствуя недоброе, он спросил:

— Кто-нибудь есть? — Максим хотел сказать это громко, но страх перехватил горло.

Хлопнув дверью сеней, стуча сапогами, вошел Андрей. Максим осмелел, чуя за собой товарища.

— Эй, кто тут есть живой?

— Ты громче — спят люди.

— Мама! — надтреснутым голосом крикнул Максим.

В темноте что-то тяжело и глухо стукнуло. Кто-то спрыгнул с печки. Максим и Андрей замерли.

— Максимушка! Откуда ты? А я-то думала — смертушка моя пришла. — Агафья запричитала, шаркая ногами по полу.

— Тише, бабуся, тише. Мы с Андреем беглые.

Трясущимися руками Агафья отыскала в темноте внука, обняла его, заплакала навзрыд.

— Бабуся, а мама где?

Агафья долго ничего не могла сказать: душили слезы.

— Мать с Маришкой в бане живут, а я тут умереть хочу, в своем доме... Стегали нас с матерью, Максимушка...

У Максима закружилось в голове, во рту стало сухо. Он уткнулся лицом в плечо бабушки, готовый разрыдаться.

— Максим, нам укрыться где-нибудь надо, — с тревогой в голосе напомнил Андрей.

Максим обеспокоенно затоптался на месте, потом сказал:

— Веди нас, бабуся. Веди куда-нибудь. Прихватят нас — несдобровать никому.

Агафья поняла, чего хочет от нее внук.

— О господи, куда же вас девать-то, родненькие? — запричитала она и, взяв Максима за руку, пошла во двор.

Огородом, а потом закоулками она вывела их к речке и велела в кустарнике переждать.

— Ваше счастье — матери одни в бане,— заговорила Агафья, вернувшись к кустарнику.— Девчонки у Поярковых в овине ночуют. Им про вас ни гугу!

Анна и Зотиха стояли посреди бани, настороженные и неподвижные. Тусклый, чадающий ночник, горевший в углу на табуретке, освещал их неровным, дрожащим светом. На полу в беспорядке валялись узлы с бельем, одеждой, в деревянных шайках лежала посуда, тут же стояли медные пузатые самовары. Единственное маленькое оконце было заткнуто подушкой. Пахло пережженным кирпичом и прелыми вениками.

— Кормить их, бабы, скорее надо,— пропуская вперед себя Максима и Андрея, сказала Агафья.

— Сынок мой, вот до чего мы дожили!— С болью проговорила Анна.

Зотиха обняла Андрея, обливаясь слезами и приговаривая что-то жалобное.

То, что мать не заплакала, удивило Максима. Она стояла в углу, и что-то угловатое и резкое было во всем ее облике.

«Переменилась мамка. Раньше-то сильно любила поплакать»,— подумал Максим.

— Хватит тебе, Нелида, хватит! Давай их кормить станем. Рассвет скоро,— сказала Анна.

Они засуетились возле каменки, в которой жарким светом переливались, как золотые самородки, крупные угли.

Не прошло и получаса, а матери уже знали, какой длинный и рискованный путь совершили их сыновья. В свою очередь и они рассказали про горькую свою долю. Долго каратели щадили дом дочери Евдокима Юткина. Но когда прошел слух, что Матвей возглавил таежную армию партизан, подручные штабс-капитана Ерунды ворвались к Анне, все поломали, порубили шашками корову, кур, поросенка, хотели жечь двор, да неожиданно вступился Демьян Штычков, уговорил пока не делать этого. Каратели похлестали баб плетями и ушли, но надолго ли?

В разговорах ночь миновала незаметно. Агафья вышла на улицу и, возвратившись, сказала:

— Бабы, светать скоро будет. Думайте, куда нам девать их.

Анна и Зотиха стали рассуждать, где можно спрятать

сыновей. Максим и Андрей сидели, умолкнув. В бане было тепло и, как им казалось, уютно. От сытной еды клонило в сон. Ноги словно одеревенели, и все тело ныло немой болью. Свалиться бы тут же, где сидишь, и уснуть.

Сердобольная Зотиха, то и дело сокрушенно поглядывая на своего сына, предложила укрыть ребят в бане под полками. Агафья хотела возразить, но вид у ребят был такой измученный, что она тоже сжалилась и поддакнула Зотихе.

— Нет, Нелида, тут они не останутся. Не затем столько горя перемыкали, чтоб Ерунде на веревку попасть,— проговорила Анна.

— А куда ты денешь их? — спросила Зотиха.

— На поля уведу, в стогу спрячу. Все равно им не житье тут, к мужикам в тайгу надо пробираться,— твердо сказала Анна.

«Опять идти! Безжалостной стала мамка», — шевельнулось в голове у Максима, изнемогавшего от усталости.

Переодевшись в полушубки, захватив с собою хлеб, лук, испеченную в золе картошку, Максим и Андрей вышли вслед за Анной.

Начинался рассвет. Белел восточный склон неба. Ущербный месяц тускло светил в прощелину беспорядочно нагроможденных туч. Земля лежала под серебристым инеем.

Анна шла, осторожно поглядывая по сторонам. Шатаясь от боли в ногах, за ней тянулись Максим и Андрей. Похрустывал молодой осенний ледок, кружились в воздухе редкие снежинки.

День беглецы провели под стогом на полях у Архипа Хромкова, а вечером взяли путь на Юксу.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

С приходом Антона Топилкина и шахтеров в жизни партизанского лагеря начались большие перемены.

Прежде всего была отменена местническая организация отряда. Вместо отрядов, стихийно образовавшихся из партизан лишь одного населенного пункта, были созданы нормальные армейские части из партизан разных сел и деревень. Так как людей насчитывалось уже более

полутысячи и приток их не прекращался, то взводы были сведены в четыре отряда, а вся партизанская организация получила наименование Юксинской партизанской армии.

Отряды, помимо командиров, возглавляли комиссары — шахтеры. Официально было объявлено, что отныне Матвей Строгов является командующим партизанской армией, Антон Топилкин — комиссаром, а бывший капитан Илья Александрович Старостенко — начальником штаба.

Мартын Горбачев, проявивший на хозяйственной работе много прилежания и умения, получил повышение в должности. Он именовался теперь начальником материально-продовольственного и боевого снабжения. Тимофея Залетного, оказавшегося на редкость способным начальником, назначили помощником командарма, а начальником разведки и связи стал Архип Хромков.

Период сколачивания сил и отсиживания в тайге заканчивался, на очередь выдвигались военные и политические задачи: выход на тракт, разгром колчаковцев, захват населенных пунктов, восстановление Советской власти в селениях, установление связи с Красной Армией по мере ее приближения с запада.

В конце сентября Юксинская партизанская армия начала готовиться к выступлению из тайги.

По замыслу командования, оперативная задача наступления состояла в том, чтобы стремительным ударом овладеть притаенными селениями Балагачевой, Подосиновкой, Ежихой и, закрепившись здесь, выйти к Сергеву и взять под свой контроль дорогу, идущую на Волчьи Норы и Жирово.

Второй этап наступления должен был повести к захвату Волчьих Нор и Жирова и восстановлению Советской власти во всем огромном таежном крае.

В одну из ночей в начале октября партизанские отряды поднялись с берегов Светлого озера и четырьмя колоннами двинулись каждая в своем направлении. На Балагачеву шел отряд Кинтельяна Прохорова, на Подосиновку — отряд Калистрата Зотова, на Ежиху — отряд ломовицкого батрака Кондратия Загуменного. Четвертый отряд, под командованием ежихинца Ивана Каляева, оставался в резерве и следовал в направлении Чельбакских гор, как срединного пункта, расположенного на

одинаковом расстоянии от всех трех селений, намеченных к захвату.

Командование было с отрядами: Матвей Строгов — с Прохоровым, Антон Топилкин — с Зотовым, Старостенко — с Загуменным.

Тимофей Залетный оставался с резервным отрядом и замещал командующего армией. Тут же находились Архип Хромков, дед Фишка и большинство разведчиков и связных.

В течение двух суток разведчики неустанно рыскали по всей округе. Они побывали в Балагачевой, Подосиновке и Ежихе и, доставив отрядам самые свежие и точные сведения о белых, теперь заслуженно оставались на отдыхе, в резерве. Ни в Ежихе, ни в Подосиновке вооруженных сил противника обнаружено не было, в Балагачевой стояло до взвода солдат и, как удалось узнать деду Фишке, ожидался приезд какого-то начальника из Волчьих Нор.

В связи с этим отряду Кинтельяна Прохорова были выделены почти все винтовки, пулемет и пять лошадей из восьми имевшихся у партизан.

В резерве дед Фишка остался с большой неохотой. Ему хотелось непременно быть вместе с племянником, и перед тем, как отрядам разойтись, он сказал Матвею:

— Мне, Матюша, пожалуй, с тобой надо пойти. Я ведь хорошо тут места знаю. Да, гляди, и помогу поднести что-нибудь.

И он начал было собираться. Но на этот раз племянник оказался строг и неумолим.

— Ты не путай, дядя, нам карты. Раз оставили тебя здесь, значит так нужно. И ты, пожалуйста, не самоуправничай; это для нас сейчас самое большое зло.

Дед Фишка начал доказывать, что в отряде он будет более полезен, но командующему слушать его было некогда. Матвей вскочил на лошадь и, кого-то браня, поскакал к отряду Кинтельяна Прохорова.

К вечеру резервный отряд Каляева выдвинулся до Челбакских гор и остановился. Что предстояло отряду дальше, пока было неизвестно.

С наступлением ночи пошел мокрый, липкий снег. Залетный приказал на скорую руку соорудить из пихтовых веток балаганы. Дело это было простое, минутное, и

вскоре резервники, укрывшись в балаганы, грелись возле небольших костров.

Ни ночью, ни утром из отрядов никто не появился. Люди были настроены нетерпеливо, тревожно.

Залетный стал уже думать о посылке в отряды связанных, но в полдень появился верхом на лошади Илья Александрович Старостенко.

Завидев начальника штаба, партизаны со всех сторон бросились ему навстречу и окружили его.

— Что слышно, Лександрыч? — спросил дед Фишка, выражая всеобщее нетерпение.

Грузный, медлительный Старостенко, взглянув через ободок очков на партизан, в свою очередь, спросил:

— Что слышно от командарма?

— Ничего, — сказал Тимофей Залетный.

— Плохо, — чмокнув губами, недовольно бросил Старостенко. Он слез с лошади, стряхнул с себя колючки сухой хвои и, видя, что на него выжидающе смотрят, сказал:

— Ну что ж, у нас все прошло как нельзя лучше. Деревню заняли. Советскую власть восстановили. Реквизированный у населения хлеб, находившийся под охраной старосты, вернули владельцам, старосту посадили. Новых партизан человек тридцать приняли. Все нормально. У кого чай есть? Пить хочу ужасно...

Кто-то из партизан подал ему котелок, и он, не дожидаясь, когда дадут кружку, поднес его к губам и сделал несколько больших глотков.

Вестей от Антона и Матвея по-прежнему не было. Тимофей Залетный, Старостенко, дед Фишка, Архип Хромков, командир отряда Каляев сидели у костра, переговариваясь, — томительно тянулось время. Наконец Залетный не вытерпел и, поднимаясь, сказал:

— Давай, Архип, посылай людей в Балагачеву. Чую я, неспроста командарм молчит.

Начальник штаба поддержал Залетного. Архип молча встал, покрутил усы и направился к разведчикам.

Но едва он сделал несколько шагов к балагану разведчиков, как за спиной раздались радостные возгласы. Архип обернулся и все понял: на спуске с горы показались два всадника. Вскочив на лошадь начальника штаба, Архип поскакал им навстречу.

Вновь, как и при появлении Старостенко, партизаны

сгрудились вокруг приехавших. Не слезая с лошади, Матвей поспешил рассказать обо всем, что произошло в Балагачевой.

— Всех карателей тепленькими на постели прихватили. Ни один не успел уйти. Взяли тридцать винтовок, один пулемет, два револьвера, семьсот патронов, десятка полтора гранат,— с улыбкой поглядывая на партизан, сообщил Матвей.— Сход провели, Совет избрали. Люди измучились, плачут от радости. А вот белого начальства не дождались. На всякий случай засады на дорогах выставили.

— Ну, а у вас как, Антон Иванович? — спросил Старостенко, обращаясь к Топилкину.

— Солдат не было, все обошлось тихо-мирно. Я оттуда в Балагачеву поспешил, думал, там драка завязалась. Да вместо драки-то попал прямо на митинг.— Антон рассмеялся.

Партизаны добродушно заушмылялись, оживленно заговорили. Известие о захвате Подосиновки, Ежихи и Балагачевой возбудило всех, приободрило, вселило веру в собственные силы.

— Погоди, мы еще им вольем!

— Не возрадуются!

— Да где им устоять против народа!

— А командир-то, братцы, ловко их обвел. С постельки — и прямо в кутузку.

Не умолкая, лились разговоры. И всюду об одном и том же: о силе народной, которую не сдержать никому.

У одного из костров заседал военный совет. Там собрались командиры и начальники. Обсуждался план дальнейших операций. Было единодушно решено, что задерживаться в занятых деревнях нет смысла и нужно двигаться на Сергево.

Жители захваченных деревень сообщили, что в Сергево белые держат свои силы, но какие это были силы, никто не знал.

Старостенко предложил немедленно послать разведку и следующей ночью, предварительно замкнув засадами все дороги, напасть на Сергево и захватить село. Резервный отряд Каляева должен был продвинуться дальше и в операции по захвату Сергева стать головным.

С этим все согласились, и Матвей, сидевший на пеньке, сказал:

— Ну, командиры, не теряйте времени.

Командиры начали было расходиться, как вдруг к огню подошел дед Фишка и решительно заявил:

— Сподручнее всех мне в Сергеево идти. У меня там на каждом перекрестке родня да знакомые.

Матвей обменялся с Антоном веселым взглядом и про себя подумал: «Да уж кто действительно может узнать всю подноготную, так это он».

— Пусть дядя идет,— сказал Матвей, обращаясь к начальнику разведки.— Только подбросить его надо на лошади.

— Это сделаем! — сказал Архип Хромков и, повернувшись к деду Фишке, подал ему вороненый, отливающий синеватым блеском револьвер.

Дед Фишка принял его, осмотрел и, подняв полу зипуна, засунул за гашник своих шаровар.

— Не взорвется? — засмеялся Антон Топилкин.

Дед Фишка усмехнулся.

— Сбережем как-нибудь, Антон Иванович.

— Себя береги, дядя,— ласково взглянув на старика, сказал Матвей и поднялся.

Вместе с дедом Фишкой Матвей дошел до лошадей, стоявших в осиннике. Ездовой, чубатый красивый парень с Ломовицких хуторов, подвел оседланную гнедую кобылицу. Матвей помог старику взобраться в седло.

Торопливо подошел Архип Хромков. Провожать деда Фишку он решил сам.

Покачиваясь на лошади, дед Фишка оглянулся, крикнул:

— Днем завтра жди, Матюша! А может, и к утречку управлюсь.

Матвей махнул рукой, опустил голову, тихо сказал:

— Гляди там лучше.

Дед Фишка не расслышал его слов, но, согретый вниманием и доверием племянника, ретиво задергал поводьями.

— Но-но, родимая! — весело крикнул старик.

У Матвея кольнуло сердце. Дед Фишка был ему дорог, и не раз уже командир партизан зарекался давать ему опасные поручения. Но сделать это было нелегко. Неугомонный старик не терпел безделья, да часто и заменить его, как в этом случае, было некем.

Вечерело. Ветер раздул тучи, и серое небо подернулось легкой голубизной. Выпавший ночью мягкий снежок за день растаял, и земля вновь лежала пепельно-темная, обнаженная и неживая.

Архип с дедом Фишкой распрощались у черемушника, верстах в пяти от Сергева. Дальше дед Фишка направился пешком. Черемушниками он вышел на луга и тропкой, по которой ходили на реку рыбаки, подошел к селу.

Хозяйка постоянного двора встретила деда Фишку как старого знакомого. В просторной избе по-прежнему было чисто и пусто.

— А, пимокат! — воскликнула старуха, зажигая тряпичный фитилек, опущенный в баночку с жиром.

— Я, хозяйюшка, я. Опять у тебя заночевать придется, — заявил дед Фишка.

— Милости просим, места у меня много, — пропела старуха и, присаживаясь к столу, спросила: — Не пожилось, видно, в Жирове-то?

«Ишь какая памятьливая!» — отметил про себя старик, а вслух сказал:

— Сама, хозяйюшка, знаешь, в какие времена живем. У другого и есть шерсть, а бережет до других дней. Каждый ведь так судит: сегодня, дескать, скатаю, а завтра отберут.

Хозяйка, вздохнув, проговорила:

— Чего там! Времена тяжкие...

Дед Фишка думал, что старуха примется сейчас рассказывать сергевские новости, но она замолчала и, поднимаясь, спросила:

— Чай будешь пить? Самовар поставлю.

Надеясь кое-что выведать у хозяйки, дед Фишка поспешил согласиться.

Самовар старуха ставила долго. Дед Фишка сидел молча в переднем углу и думал: «Если так пойдет, ничего я от нее не узнаю. К кому бы еще заглянуть?»

Когда самовар вскипел, он помог старухе поставить его на стол и вытряхнул из карманов сухари.

Но старуха раздобрилась, отодвинула их и принесла полковриги свежего хлеба и чашку с огурцами.

За чаем разговор оживился.

— Жил тут народишко раньше неплохо, милый,— рассказывала хозяйка.— А теперь все пошло прахом. Можно сказать, один у нас справный есть житель, Степан Иванович Зимовской — лавочник наш, и он же староста... У этого чего-чего только нет! Люди, видишь, разоряются, а он нынче себе второй дом на бугру построил. Живет припеваючи. В одном доме сам живет, а в другом солдаты теперь на постое. Казна ему и за это платит. У счастливого, милый, и петух несется.

— Неужель под солдатами целый дом? Гребет деньги! — воскликнул дед Фишка, настораживаясь.

— А как же, милый, их тут много. Да все охальники, пьянствуют да распутничают...

Разговор принял задушевный характер, и дед Фишка с удовлетворением подумал: «Не зря вечер перекоротаю».

За окном раздалось фыркание коней, погромыхивание телег и людской говор.

Старуха вскочила, кинулась к окнам. Дед Фишка выхлебнул из блюдца чай, быстро перевернул чашку вверх дном и вылез из-за стола. Стараясь не выдать хозяйке своего волнения, поглядывая на дверь, он сказал:

— Может, постояльцы, хозяйюшка?

Не отрываясь от окна, старуха ответила:

— Пронеси господь таких постояльцев.

— Кто там? — обеспокоенно спросил дед Фишка, берясь за шапку.

Старуха не успела ответить. На крыльце послышался топот, смех, дверь раскрылась, и в избу ввалилось десятка полтора солдат с винтовками, с мешками за спиной.

— Здорово, хозяин! Прймай на фатеру!

Дед Фишка, поняв, что солдаты приняли его за хозяина, отложил шапку в сторону и, переглянувшись с хозяйкой, сказал:

— Раздевайтесь, самовар на столе горячий.

— Славно! С дороги невредно чайку попить,— проговорил один солдат.

И с говором, смехом солдаты принялись в суматохе раздеваться. Хозяйка подошла к деду Фишке, всталъ с ним рядом и прошептала:

— Ты уж не уходи, пимокат. Будь за хозяина, а то оберут они меня, разбойники.

Дед Фишка кивнул головой. Уходить с постоянного двора он сейчас и не собирался. Приглядевшись к солдатам, он решил, что опасности для него пока нет никакой.

«Разговорюсь с ними, узнаю кое-что, а ночью поднимусь, да и был таков. Парочку винтовок бы еще у них прихватить. Ну, да это как подвернется, а то и три можно унести»,— думал он, поглядывая на солдат.

Солдаты разделись, сели за стол.

— Как, ребяташки, дорога-то? — спросил дед Фишка, обращаясь сразу ко всем.

— Дорога, дед,— хуже не придумаешь. Пока ехали из Волчьих Нор, все кишки повывтрясло,— ответил один солдат с белыми полосками на погонах.

Дед Фишка, взглянув на него, понял, что он и есть старший.

При упоминании о Волчьих Норах у старика заныло в груди.

«Как-то там Агаша и Анна поживают?» — подумал дед Фишка, и быстрые зоркие глаза его на миг затуманились.

— Что поделаешь? Дело казенное, служба,— рассудительно проговорил он, чтобы не упускать повода для разговора, и, потоптавшись, спросил: — Ну а к нам-то, ребяташки, надолго?

— А уж про это, дед, нашему брату не говорят,— сказал солдат с полосками на погонах.

Разговор оборвался. Дед Фишка, опустившись на скамейку возле широкой деревянной кровати, стал рассматривать оружие, составленное в углу. Тут были винтовки, пулемет, продолговатые мешочки и ленты с патронами. Солдаты пили чай, стучали кружками, разговаривали. Дед Фишка прислушивался, стараясь понять цель приезда солдат в Сергеево, и вскоре он узнал это.

— А жировские не приехали? — спросил один солдат другого.

— Подъедут! Сказывали, что даже в город гонца за подмогой послали. Разве мы одни их осилим? Говорят, их до пяти тысяч в тайге укрывается,— ответил другой солдат и, склонившись к товарищу, сказал тому что-то на ухо.

Дед Фишка про себя усмехнулся: «Малюй, малюй! У страха глаза велики».

Увлеченный разговорами солдат, он сидел молча, в уме повторяя все то, что нужно было запомнить и передать Матвею.

Когда один из солдат начал с бахвальством вспоминать, как они в Волчьих Норах громили домишко партизанского вожака Матвея Строгова и пороли его мать и жену, дед Фишка встал и, весь дрожа, стискивая кулаки, направился к двери.

Но в это время на крыльце послышался топот, и старик поспешил вернуться на прежнее место, на скамейку у кровати.

С беспокойным ожиданием он смотрел теперь на дверь. Она распахнулась широко, с визгом, и в избу вошли высокий поручик, хорошо известный волченорским погорельцам, совсем еще молодой, безусый, с бабьим лицом прапорщик и по-прежнему испитой, с клочком волос вместо бороды, Степан Иваныч Зимовской.

Солдаты вскочили, а дед Фишка притиснулся к стенке.

«Вот и влопался», — сказал он себе, и горькая досада стиснула его сердце.

Не слушая рапорта, который отдавал старший из солдат поручику, он подумал: «Ну, держись, Финоген Данилыч! Чему быть, того не миновать».

Ощутив от этой мысли спокойствие, он ухмыльнулся, видя, как Зимовской семенит возле офицеров.

Наконец солдаты сели, и Зимовской увидел деда Фишку. Даже и теперь, имея власть в руках, сопровождаемый военными людьми, Зимовской испуганно передернулся и нетвердо сказал:

— Отцы святители! С кем встретился?!

Дед Фишка засмеялся и, тряхнув головой, спросил:

— С чего это, Степан Иваныч, тебя родимец-то бьет?

Зимовской сделал два шага и с ехидцей бросил:

— Отгулял, выходит?

Дед Фишка наклонил голову, взглянул на Зимовского из-под бровей:

— Радуетесь?

Зимовской приосанился и, обращаясь к солдатам, спросил:

— Где это вы его, братцы, захватили? Перелетная птица!

Солдаты и офицеры, не понимая, с недоумением смотрели на старика и Зимовского.

— Тут он был. Мы думали, что это хозяин,— сказал солдат с полосками на погонах.

Зимовской звонко, по-бабьи засмеялся и, изогнувшись к поручику, зашептал ему на ухо:

— Это тот самый, ваше благородие, который из церкви удрал. Опять шарится. Ишь куда не побоялся прийти!

— Приятная встреча! — мрачно бросил поручик и, обернувшись к прапорщику, отдал ему какое-то приказание.

— Родной дядюшка партизанского командира,— подсказал Зимовской, преданно заглядывая в холодные, неподвижные глаза поручика.

Деда Фишку затрясло. Неужели ему так и не удастся отомстить этому подлому человеку, убийце, грабителю?

Вздрогнув от мысли, которая вдруг осенила его, дед Фишка брезгливо поморщился, опустил глаза, чтоб не видеть Зимовского. Потом он выпрямился, со злостью взглянул на своего заклятого врага и, выхватив револьвер, всадил в Зимовского несколько пуль подряд.

Зимовской взмахнул руками, охнул, приседая, полуобернулся и грохнулся замертво на пол.

Деда Фишку схватили и, вывертывая ему руки, поволокли на улицу. На крыльце его ударили прикладом в спину, и он кубарем скатился по ступенькам. Внизу старика подхватили под руки и, перетащив через грязную улицу, втокнули в холодный и темный амбар.

3

Придя в себя, дед Фишка услышал рядом с собой стоны и тяжелый, надрывный кашель.

Сколько тут находилось людей и что это за люди, разглядеть было невозможно — все скрывала тьма.

Дед Фишка нащупал бревенчатую стену амбара и привалился спиной к ней. Все тело болело, и сознание то вспыхивало на мгновение, то вновь гасло. Так, в полуза-

быть, без дум, изредка, лишь моментами вспоминая, что свершилось, он дождался утра.

Проникавший в щели амбара дневной свет несколько рассеивал мглу, и, приподняв голову, старик осмотрелся. По всему амбару вповалку лежали люди, сжавшиеся, скорчившиеся, одни от боли, другие от холода.

Некоторые из них лежали тихо, неподвижно, и дед Фишка позавидовал им: для этих было все кончено. Смерть не пугала теперь старика. Она была не страшнее тех пыток, которые ожидали его.

— Теченин, выходи! — слышался голос, и в открытую дверь амбара хлынули потоки яркого света.

Дед Фишка приоткрыл глаза, но не встал, не зная, точно ли позвали его, или это ему показалось.

— Теченин, оглох, что ли? Выходи, говорят тебе!

Теперь сомнений быть не могло — это звали его. Он с трудом поднялся и, преодолевая боль, поплелся за солдатом.

Безусый прапорщик долго кричал на него, требовал назвать число партизан, указать их местонахождение. Дед Фишка молчал, ощущая полнейшее спокойствие. Глазами, полными изумления, он глядел на прапорщика.

«Что он суетится?» — думал он. Суетливость юнца казалась ему бесцельной и надоедливой.

— Все равно нам с тобой не столковаться, чего зря кипятиться? — выпалил вдруг со злостью дед Фишка.

Офицер осекся на полуслове, потом визгливо выругался. Тогда сидевший рядом и все время молчавший поручик, приподнявшись, через стол ударил деда Фишку длинной костлявой рукой. Старик вместе с табуреткой полетел к двери.

После возвращения с допроса дед Фишка разговаривал с одним мужиком, лежавшим в амбаре.

Мужик был еще накануне жестоко избит на допросе. Опухшее, все в ссадинах и кровоподтеках лицо его отличало мертвенной синевой, только ясные глаза светились горячим, лихорадочным жаром.

Откашливая кровь, мужик рассказал деду Фишке о том, что произошло с людьми, которыми был забит этот холодный амбар.

Группой в восемнадцать человек они шли из далекого Васильевского поселка на Юксу, к партизанам. Села и деревни обходили, ночи коротали в поле, под открытым

небом. До партизан оставались считанные версты. Был среди них один мужик, брат которого жил в Сергееве. Мужик предложил им зайти к брату, вымыться в бане. Промокшие до нитки, продрогшие до костей, они соблазнились. Зашли в Сергеево и в ту же ночь были пойманы в бане.

Потом их избили на допросе и бросили в амбар ждать смерти.

Дед Фишка, выслушав рассказ васильевца, вздохнул:

— Что ж, земляк, когда-нибудь и помирать надо. Одна радость: не устоять этим подлецам долго. Я сам от партизан. Силища там, земляк, огромная.

— Оно бы и неплохо посмотреть, как жизнь пойдет новая. Ну, знать, не судьба. А помирать, дед, я не боюсь. Только вот скорей бы, болит все...— Последние слова мужик проговорил со стоном, глаза его, горевшие предсмертным блеском, потухли под тяжелыми, опухшими, веками.

Перед сумерками дверь амбара открылась, и унтер с полосками на погонах крикнул:

— Подымайся все, живой и мертвый!

Дед Фишка встал и, пошатываясь от боли в груди, вышел из амбара первым.

Вокруг было много солдат с винтовками, и старик понял, что приближается конец.

Солдаты были хмуры, молчаливы, смотрели исподлобья, и вид у них был жалкий и совсем не победоносный. Дед Фишка оглядел их и, чувствуя, как нарастает в нем злоба, с издевкой сказал:

— Ну, что приуныли, соколики? Не первый раз людей убивать будете!

Солдаты покосились на него, переглянулись и промолчали. Это еще больше озлобило деда Фишку.

— Молчите? Тяте с мамкой прописать не забудьте, каким ремеслом занимаетесь. Пусть порадуются, каких деток выходили!

Старика охватило неудержимое желание выговориться, и всю дорогу, от амбара до места расстрела в березовом леске, он, не умолкая, громко разговаривал.

Высокий тонконогий поручик молча, с безразличным видом шагал в стороне.

Унтер прикладом пытался утихомирить старика, но в конце концов плюнул и отступился. А дед Фишка кричал

еще громче, ругался, грозил своим палачам партизанской пулей и предсказывал, что народ проклянет их навеки.

Только в березнике, когда мужиков вывели на полянку и поставили в ряд, дед Фишка умолк. Взглянув на заходящий закат, разбросавший по небу медные блики, на широкие поля, простирающиеся от горизонта до горизонта, на чернеющую вдаль тайгу, дед Фишка закрыл глаза, и сердце его с болью сжалось.

«Матушку собирался лет на десяток пережить,— подумал он,— и вот... Эх, как ждут они теперь меня! Матюша — знать, чуяло его сердце — провожал сам, а смотрел-то как!.. По-христиански умереть думал: дома, на лавке, под божницей... Да где он, дом-то? Агашу с Нюрой выпороли, убивцы... Прощайте, родные! И ты, Максим, и ты, Артем, и ты, Маришка, прощайте...»

Он открыл глаза, и с длинных ресниц его скатилась крупная слеза.

Раздалась команда. Двадцать винтовочных стволов вытянулись по направлению к нестройному ряду мужиков.

Поручик отошел в сторону, вскинул руку вверх и коротко крикнул:

— Пли!

Дед Фишка почувствовал резкие удары в плечо и в ногу и падение стоящих рядом с ним. На миг он задержался, бессознательно улавливая ухом грохотавшее эхо выстрелов, потом чуть повернулся и, выкидывая руку вперед, подгибая голову под нее, упал на бок.

В ту же минуту дед Фишка услышал голос поручика: — Унтер, пристрели вон того, крайнего!

Где-то рядом щелкнул одиночный выстрел.

Больше дед Фишка ничего не слышал.

Когда он очнулся, над ним сияло звездное небо и ветер с шумом проносился над безлюдными полями.

Старик поднял голову, осмотрелся и на четвереньках пополз через похолодевшие трупы расстрелянных.

В березнике он поднялся и, придерживаясь за ветки, попробовал идти. Сознание того, что он движется, наполнило его радостью, и всем своим существом, каждой частичкой своего истерзанного тела он ощутил, как хорошо быть живым. Сухие губы его раскрылись, и на лице появилась скупая улыбка.

Дед Фишка сделал несколько шагов еще, но голова у него закружилась, ноги подкосились, и он упал на подмерзшую каменистую землю.

4

Штаб партизан ждал деда Фишку с часу на час, но он не вернулся ни ночью, ни утром. Тогда стали гадать, что могло с ним случиться.

«Ночью ничего не узнал, а показываться на селе днем опасно, вот и сидит, вечера ждет»,— говорили в штабе.

Матвей упорно молчал. Нехорошие предчувствия теснились в его душе. Не походило все это на старика. Был он на слова строг и обещаниями никогда не бросался.

Так в ожиданиях прошел весь день.

Вечером Матвей приказал Архипу Хромкову выслать двух конных разведчиков проехать по тропам, по дорогам вокруг Сергева, понаблюдать за селом.

На рассвете разведчики возвратились. Наблюдения их были скудными, ребята оказались робкими, и Матвей как следует отчитал их. Ночью в разведку отправился сам Архип Хромков.

Но все выяснилось неожиданно, еще до возвращения начальника разведки.

Для завершения кое-каких хозяйственных дел на стоянке армии Матвей оставил у Светлого озера небольшую команду под началом старика Петра Минакова.

В полдень старик явился в штаб самолично. Заслышав крик Петра Минакова, вступившего в пререкания с ординарцами, не допуская старика к командующему, Матвей вышел из балагана.

Минаков спорил с ординарцами, а позади него стояла Мария Дубровина.

— С недоброй я вестью,— дрогнувшим голосом сказал старик, подходя к командующему, и снял шапку.— Вчера в Сергеве расстреляли деда Фишку. Спроси-ка вон дочку Степана Дубровина.

У Матвея от этих слов потемнело в глазах. Будто сквозь изморозь смотрел он на девушку, нерешительно приближавшуюся к нему.

Круглое лицо Маняшки покраснело от смущения, а в карих с блеском глазах ее стояла мука. Никогда в

жизни не говорила она с Матвеем, но уж кого про себя почитала, так это его.

— Здравствуй, Маня,— просто, стараясь не смотреть на девушку, сказал Матвей.

И сразу у Маняшки отлегло от сердца.

— Здравствуйте, Матвей Захарыч,— ответила она тихо.

Из балагана вышли Антон, Старостенко, Тимофей Залетный, подошел кое-кто из партизан, Маню Дубровину окружили, но теперь она, уже вполне овладев собой, громко рассказывала обо всем, что видела.

Три недели тому назад пришла она с эстонских хуторов в Сергеево и нанялась к Зимовским в работницы. Всего она тут насмотрелась. Степан Иванович вместе с карателями грабил партизанские семьи, лютовал, расправлялся со своими недругами. Но оборвалась его поганая жизнь от пули деда Фишки. Ночью Маняшка сама помогала Василисе перевезти труп с постоянного двора в дом Зимовских, а на другой день она видела, как вели по селу на расстрел в березник толпу мужиков. Был среди них и дед Фишка.

Угрюмо молчали партизаны. Матвей стоял, опустив голову, и, не перебивая, слушал Маню Дубровину. Антон хмурился, грыз мундштук, его рыжие усы топорщились. Старостенко дышал шумно, но внешне казался спокойным.

Долго никто не осмеливался заговорить,— шли минуты, шумел заунывно пихтач, и в скорбном, словно погребальном поклоне, свесив ветви, стояли у подножия холма березки.

Маняшка заговорила о жизни в Сергееве, о приезде новой партии солдат, о том, с каким нетерпением мужики ждут выхода партизан из тайги.

Посветлел взор у Матвея, задвигал ногами стоявший без движения Старостенко, Антон перестал грызть мундштук и веселеющими глазами поглядел на командующего. А Маня все говорила и говорила, не подозревая, что доносит штабу вести первостепенной важности.

— Спасибо, Маня, большое тебе спасибо, что пришла, рассказала,— тепло проговорил Матвей и перевел взгляд на Старостенко.— Илья Александрович, прикажи собрать ко мне всех командиров.

Маня поняла, что ей надо уходить, но уходить она не

хотела. Она обеспокоенно посмотрела на Матвея, на стоявших рядом с ним командиров.

— Ты сыта, Маня? Дядя Петр, ты кормил ее, нет? — обратился Матвей к старику Минакову.

— Она, вишь, желает у нас остаться, Матвей Захарыч,— сказал старик.

Девушка подняла глаза на Матвея, в них была теперь больше чем просьба — мольба.

— У нас желает остаться? — переглядываясь с Антоном, переспросил Матвей.

Маня наклонила голову, повязанную белым полущалком.

— Я не побоюсь, Матвей Захарыч,— еле слышно проговорила она.

Матвей стоял, о чем-то раздумывая. Антон тоже молчал.

Старостенко переступил с ноги на ногу.

— Барышня совершила благородный поступок, она доставила нам очень ценные сведения, но...— Старостенко развел руками,— дела ей в партизанской армии не вижу. Лазаретов у нас нет, прачечных тоже, а жизнь наша — походная, трудная...

— Ну куда же, Лександрыч, ей в таком разе деваться? С отцом у нее нелады, идти обратно в Сергево опасно,— возразил Петр Минаков.

Партизаны с сочувствием смотрели на девушку. Да и сам Матвей был на ее стороне.

— Ладно, Маня, оставайся,— сказал он.— Только выдержишь ли? Живем мы, видишь как,— в балаганах, а то и совсем под открытым небом.

— Выдержу! — твердо ответила Маняшка, и глаза ее просияли.

Ночью партизаны напали на Сергево. Они вошли в село под покровом темноты, бесшумно окружили дома, указанные Маней Дубровиной, и перебили всех карателей до единого.

Нападение было внезапным, белые не успели оказать серьезного сопротивления. Партизаны понесли незначительные потери: один был убит офицером, и трое получили легкие ранения от случайных пуль.

Среди захваченных трофеев оказались пулемет, несколько ящиков патронов, гранаты, винтовки, два маузера. Такого успеха партизаны сами не ожидали.

Утром Матвей с Антоном пошли за село, в березник, но на месте расстрела нашли только кучу свежевзрытой земли. Каратели успели закопать расстрелянных.

Матвей и Антон остановились, сняли шапки и долго стояли молча, каждый по-своему в душе оплакивая деда Фишку.

Возвращаясь, они еще издали заметили толпу народа возле избы, в которой расположился партизанский штаб. Завидев командующего и комиссара, толпа расступилась. Тут находились Зотов с сыном Андреем, а чуть подальше дружески разговаривали Максим Строгов и слесарь Савося, пришедший к партизанам вместе с Антоном Топилкиным.

Матвей радостно кинулся к сыну. Весть о призыве его в белую армию принесли ему мужики, не переставшие пополнять ряды партизанской армии.

В душе Матвей таил надежду, что сын сам поймет, где ему место, но тревога за него напоминала о себе всякий раз, как выпадала свободная минутка для раздумий, и командир партизан не раз жестоко ругал себя за то, что оставил Максима в селе.

В штабе окруженные партизанами Максим и Андрей рассказали о пережитом — все с самого начала. Матвей и Антон готовы были расспрашивать их без конца, — не часто до партизанской армии доходили вести о жизни в других краях, но Старостенко торопил открыть заседание штаба: командиры отрядов были в сборе.

Матвей и Антон поднялись, направились во вторую половину дома, а партизаны вышли во двор и тут продолжали расспрашивать Максима и Андрея.

5

Из Сергева партизанская армия двинулась на Волчьи Норы. Захватить село ударом в лоб было трудно. По точным данным разведки, кроме карательного отряда штабс-капитана Ерунды, в Волчьих Норах обосновалась колчаковская милиция. Матвей решил обмануть противника и с этой целью направил один из отрядов на Соколиновку. Дорога на Соколиновку соединяла Волчьи Норы с городом, и белые ни за что не допустили бы захвата этой деревни партизанами.

Партизанская армия имела теперь полтораста лошадей. Штаб армии создал конный отряд, возложив командование им на Тимофея Залетного. Отряду поручалось захватить Соколиновку, дожидаться белых и, отвлекая их, уйти в лес. В этот момент главные силы партизанской армии должны были обрушиться на Волчьи Норы.

Маняшку Дубровину послали в Волчьи Норы разведчицей. Ей предстояло под видом найма на работу появиться у Юткиных или Штычковых и в разговоре, между прочим, упомянуть о движении партизан на Соколиновку.

Версты за две до Волчьих Нор ее нагнал Демьян Штычков, возвращавшийся вместе с одним из офицеров из города. Офицеру приглянулась девушка, он заставил Демьяна остановиться.

— Садись, красавица, подвезем! — крикнул офицер. Демьян, взглядевшись в лицо девушки, спросил:

— Степана Дубровина дочка, ежели не обознался?

— Она самая, — ответила Маня и засмеялась. — А вот тебя, дядя Демьян, и не узнаешь. Я думала, купец какой с барином-офицером едет.

— Ну, садись, коли их благородие приглашают, — сказал Демьян и, потеснившись, освободил в кошевке место между собой и офицером.

Маняшка забралась в кошевку. Демьян тронул вожжами лошадей.

— Откуда и куда, девушка, путь держишь? — спросил офицер.

— Из Сергева иду, — ответила Маняшка.

— Из Сергева? — встрепенувшись, переспросил Демьян. — Так ведь... Там, говорят, партизаны появились?

— Вот потому и ушла оттуда. Сам знаешь, мое дело какое, дядя Демьян, — начала рассказывать Маня. — Все лето в работницах жила у Степана Иваныча Зимовского. А тут сначала Степана Иваныча партизаны убили, а потом и сами в село нагрянули. Всех богатых мужиков разом замели в каталажку, не у кого теперь и на работу пристроиться.

— И много там партизан? — заинтересовался офицер.

— Тыщи, — спокойно ответила Маняшка.

— Все там стоят?

— Нет. Может, и полтыщи не осталось. — Маня поко-

силась на офицера и, как бы нехотя, добавила: — Болтали люди, будто на Соколиновку двинулись.

— А ты по дороге не видела их отрядов? — продолжал допрашивать встревоженный офицер.

Маняшка усмехнулась.

— Плохо ты знаешь их, ваше благородие. Они дорогами не ходят, лесом все пробираются. В Сергее о них и слухом не слыхали в ту ночь. Спали все. А под утро они как налетели, как забабахали!.. Вот страсти-то! Главный-то офицер ваш, говорили, выскочил на крыльцо, а партизаны уж тут как тут, во дворе. Ну, тут и смерть нашел.

Офицер, делавшийся все более мрачным и озабоченным, подмигнул Демьяну. Тот, вытягиваясь через передок, хлестнул кнутом лошадей, и спустя несколько минут кошевка остановилась перед двухэтажным домом купца Белина. А еще через минуту Маня Дубровина повторила свой рассказ лично штабс-капитану Ерунде.

На другой день разведчики партизанской армии, неусыпно наблюдавшие за дорогой Волчьих Норы — Соколиновка, донесли в штаб, что весь свой отряд, милицию и команду «армии содействия», во главе с Демьяном Штычковым и Евдокимом Юткиным, штабс-капитан Ерунда лично повел на Соколиновку.

Партизанская армия была начеку. Матвей приказал отрядам продвигаться с предельной скоростью. Партизаны шли всю ночь без отдыха, забыв об усталости и помня лишь наказ командующего: опередить белых во что бы то ни стало.

На рассвете отряды встретили передовые конные заставы, высланные вперед еще с вечера. Донесения их были радостными: путь в Волчьих Норы открыт. А в полдень колонны партизанской армии вступили в село.

Погода стояла пасмурная, холодная. Жгучий, порывистый ветер бил в лицо снежной крупой, но, невзирая на это, встречать партизан высыпали и старые и малые. На площади у церкви Старостенко построил отряды, и Матвей обратился к ним и населению с речью.

После митинга, не теряя времени, Старостенко развел отряды на участки обороны, а Матвей с Антоном отправились проверять их боевую готовность.

Однако, как ни строга была у партизан дисциплина, полностью избежать ее нарушений не удалось. К вечеру в избах то там, то здесь слышались песни, улицы

тоже оживились, и временами казалось, что войны нет и в помине.

Ерунда не сразу понял, что его одурачили. Наутро он бросился назад в Волчьи Норы. Однако многократные попытки его в течение дня выбить из села партизан не имели успеха. К вечеру он увел свои отряды и остатки «армии содействия» в Жирово.

6

В середине ноября в Волчьих Норах состоялся съезд революционного крестьянства Юксинского края. Кроме делегатов от рабочих шахт и города, на съезд приехал председатель подпольного губревкома Тарас Семенович Беляев.

Делегаты собрались в большом доме купца Белина. Прежде чем открыть заседание, Антон Топилкин предложил почтить память погибших партизан вставанием. Имя деда Фишки, как одного из заслуженных партизан, Антон назвал отдельно.

Съезд, на котором присутствовали старые и молодые, мужчины, женщины, партизаны и крестьяне, поднялся, и с минуту люди стояли в глубоком траурном молчании.

Потом Беляев выступил с большим докладом. Председатель губревкома под одобрительный гул и рукоплескания, временами прерывавшие его речь, говорил о РСФСР и международном положении, о начавшемся разгроме белогвардейских армий и бегстве иностранных интервентов, о задачах партизан, которые должны помочь Красной Армии добить Колчака.

С гордостью в голосе Тарас Семенович рассказывал о героизме рабочих и крестьян, о их беспредельной преданности делу революции. Черные силы всего мира во главе с американо-английскими империалистами с оголтелой ненавистью навалились на молодое Советское государство, но партия большевиков подняла на борьбу миллионные массы народа и приведет их скоро к полной и окончательной победе над внутренними и внешними врагами. В резолюции, принятой по докладу, съезд с громадным подъемом провозгласил образование в тылу колчаковских войск Таежного советского района как составной части РСФСР.

Вторым пунктом на повестке дня съезда стоял вопрос о посылке делегации партизан в Москву, к товарищу Ленину.

С докладом по этому вопросу выступил Матвей Строгов. Он говорил, что не за горами уже мирная жизнь и нужно посоветоваться с товарищем Лениным, как строить ее, какое найти применение тем богатствам, которые таятся на бескрайних просторах Юксинского края.

В делегацию нужно было избрать пять человек — самых лучших и самых достойных.

Съезд начал намечать кандидатов, и в этот момент, пристукивая палкой, вошел сгорбленный старик.

На мгновение все замерли, не веря своим глазам. Потом Антон Топилкин прыгнул через скамейку и с криком: «Дед Фишка!» — бросился старику навстречу.

Вскочили со своих мест и делегаты. Обняв Матвея за шею, дед Фишка долго не отпускал его, глухо всхлипывая. Делегаты со слезами на глазах наблюдали за ними.

— Пусть съезду расскажет, откуда он взялся, — предложил кто-то.

— Просим! Рассказывай, дед Фишка! — закричали со всех сторон.

Дед Фишка, побледневший, худой, осунувшийся, нетвердо подошел к столу и, волнуясь, проговорил:

— Я, слышь, мужики, начал жить второй век. Беляки хотели в могилевскую меня отправить, а она, вишь, смерть-то, меня не принимает. Шесть недель лежал я в подполье на хуторе у ломовицкого мужика Терентия Залетова под самым носом у белых. Приполз к нему, когда меня расстреляли вместе с мужиками из Васильевского поселка, чуть живой. А сейчас в полной силе, стреляная нога вот только немного подгуляла.

Помолчав, он с улыбкой продолжал:

— Вот, выходит, раз уже похороненный был — по приметам это дюже хорошо: жить мне, нычит, еще один век!

Делегаты бурно рукоплескали. Дед Фишка отошел от стола и сел рядом с Беляевым.

Когда Антон Топилкин попросил съезд вернуться к обсуждению кандидатов в состав делегации к товарищу Ленину, съезд многоголосо ответил:

— Деда Фишку!

Делегацию к Ленину отправить не удалось. Юксинским партизанам совместно с наступающими частями Красной Армии пришлось участвовать в разгроме войск колчаковского генерала Пепеляева.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

В декабрьское утро партизанский секрет, выставленный за поскотиной Волчьих Нор для наблюдения за городской дорогой, остановил верхового. Старшим дозора был Акимка — сын вдовы Алены Мишуковой. Остальные в дозоре были его сверстниками — все сыновья партизан.

— Кто такой будешь? — выходя из-за кустов и грозно выставляя вперед берданку, срывающимся от волнения голосом спросил Акимка.

Верховой натянул поводья, придержал трусившую мелкими шажками взмокшую лошадь и, чуть привстав на стременах, спросил:

— А ты кто такой?

— Нет, ты кто такой?! — направляя берданку в грудь лошади, закричал Акимка.

Заслышав его рассерженный голос, из-за еловой чащи на дорогу выскочили трое ребят, тоже вооруженных берданками.

— Ну-ну, ты не очень-то расходишь, — усмехнувшись, сказал верховой. — Еду я к вам в штаб по важным делам. Давай проводи меня к самому главному начальнику.

Ребятишки переглянулись, и Акимка, опуская берданку, с важностью в голосе сказал:

— Сам я не могу пост бросить, а вот Никитка проводит.

Низкорослый, скуластый Никитка, заплетаясь в полах длинного полутулупчика, бросился за ельник и в ту же минуту выехал оттуда верхом на лошади.

Акимка подошел к нему и что-то сказал на ухо... Никитка задергал поводьями, выехал на дорогу и встал позади незнакомца.

— Под конвоем, выходит, поеду,— засмеялся верховой, беззлобно посматривая на ребят, исполнявших свои обязанности с неподкупной строгостью.

Стояла оттепель. С берез и елей осыпались искрившиеся на холодном солнце снежинки. Над лесом кружились стайки ворон и сорок. На дороге, на кучках конского навоза хлопотливо суетились воробьи, переколотавшие первые морозы в глубоких норах в снегу. Тучки сизого дыма курчавились над селом. Было тихо и безветренно.

Никита держался за незнакомцем шаг в шаг. Тот ехал, не оглядываясь. У овинов, на въезде в село, незнакомец остановил лошадь, достал откуда-то из-под попоны седла красную звездочку и под изумленным взглядом Никитки нацепил ее на папаху.

Тронув лошадь, он весело засвистал и, въезжая в ворота поскутины, спросил:

— Эй, малый, где у вас штаб?

— В доме Белина, по Жировской улице,— ответил Никитка и, помолчав, добавил: — Езжай, езжай, я покажу.

У первого же проулка незнакомец круто свернул с улицы, и Никитка понял, что тот в Волчьих Норах не новичок.

Перед домом купца Белина, где теперь размещался штаб партизанской армии и совдеп Таежного советского района, незнакомца с Никиткой встретил Мирон Вдовин, исполнявший обязанности коменданта этих учреждений. Он спустился с крыльца навстречу подъезжавшим и, с любопытством оглядывая незнакомца путника, кивнув на него, спросил:

— Издалека он, Никита?

— Не говорит, дядя Мирон.

Незнакомец между тем спешил, бросил поводья на рейку ограды и, раскачиваясь на затекших ногах, подошел к Мирону.

— Командующего мне,— негромко сказал он.

— А откуда сами будете? — задержав взгляд на красной металлической звездочке, выделявшейся на папаче приехавшего, полюбопытствовал Мирон.

— Гонец я,— ответил приехавший, стягивая широкий желтый ремень на полушубке,— имею важный пакет для штаба.

Мирон поспешно распахнул калитку, заторопился в дом.

— Все, все тут — и командующий, и комиссар, и начальник штаба.

Через кухню и полутемный коридорчик Мирон провел приехавшего в угловую комнату. В ней было густо накурено. Вокруг стола, стоявшего напротив окна, сидели партизанские командиры. Они так увлеклись каким-то разговором, что не слышали, как вошел Мирон.

— Гонец к тебе, товарищ командующий, — доложил Мирон, подходя к столу.

— Ну, так давай води его скорее, — вставая, сказал Матвей.

Разговор смолк, и взгляды сидевших у окна устремились на приезжего.

— Заходи. Командующий вон, у окна, — обернувшись к двери, кивнул головой Мирон.

Приехавший вскинул руку к папахе, но быстро опустил ее и бросился к столу.

— Отец!

Отгороженный с обеих сторон сидящими партизанами, Матвей перегнулся через стол, выкрикнул что-то невнятное, вытянул руки и обнял Артема.

Мужики повскакивали с табуреток и стульев и смотрели на Матвея с Артемом повлажневшими глазами.

— Сын вроде? — обращаясь к мужикам, спросил Мирон.

— Старшой Захарыча. Сколько лет не видались. Отец не чаял и встретиться, а тут, вишь, как получилось! — сказал Архип Хромков.

— Всяко бывает! Не ждешь, где и встретишь, — засиял улыбкой и Мирон Вдовин, радуясь чужому счастью, как своему собственному.

Матвей снял руки с плеч Артема, украдкой вытер глаза. Артем принялся здороваться с партизанами. Те крепко жали ему руку, поздравляли с возвращением в родные края. Неотрывным взглядом Матвей наблюдал за сыном. Другим, совсем другим возвратился на родную землю его первенец. Когда они расстались, Артем был неловким, угловатым юношей, с чистым лицом и по-мальчишески ясным взором. Теперь он возмужал, раздался в плечах, говорил густым, спокойным голосом. Красивое смуг-

лое лицо его было чуть угрюмым, строгим, и застаревшая усталость проглядывала в каждой черточке.

«Эх, сын, сын! Вот какой ты стал!» — не без сожаления, но с гордостью подумал Матвей.

— А мать с бабушкой всё тебя во сне видели,— усмехнулся он, не переставая смотреть на сына.— Выходит, не зря снился.

— Живы-здоровы? — с поспешностью спросил Артем, тоже не переставая приглядываться к отцу.

— Да ты разве не из дому?

— Нет. Прямо сюда приехал. С делами я к вам из штаба Красной Армии.

— Ну-ну, говори скорее,— заторопил сына Матвей и рассмеялся радостным смехом, который ни удержать, ни скрыть был не в силах.

Артем огляделся, смущаясь, начал:

— Штаб пятой приказал передать под большим секретом...— и замолчал.

Матвей одернул гимнастерку, лицо его приняло строгое выражение.

— Понятно! Ну, товарищи,— взглянул он на партизан, толпившихся у стола,— прошу не прогневаться, оставьте штаб, а за рассказами милости просим на огонек.

— Дело военное, Захарыч, сами понимаем,— сказал Мартын Горбачев и, опираясь на костыли, пошел к двери; за ним потянулись другие партизанские начальники и командиры.

— Как доехал-то? — поддаваясь нетерпению, спросил Матвей, топчась за столом и не находя себе места.

— Лучше, чем ожидал, отец. Белые по тракту больше держатся, а я по проселочным дорогам кружил.

— Подфартило, Артем. Мог бы и в глубине на белых нарваться, каратели тут всюду снуют, хотя и перебили мы их порядком,— пощипывая рыжие усы, проговорил Антон.

— Предусмотрели и это, дядя Антон. Охранную бумагу чуть ли не от самого адмирала имею,— лукаво сощурил глаза Артем.

— Ну, вот весь штаб на месте,— сказал Матвей, когда МIRON, вышедший последним, захлопнул за собой дверь.— Антон Иванович у нас — комиссар, Илья Александрович вот — начальник штаба, а я, вишь, командую-

щим значусь. Не думал, не гадал, Артюша, а дожил,— опустив голову, тихо и смущенно закончил Матвей.

Артем взглянул на отца. То, что командующим партизанской армией, в которую он прибыл с важным поручением, оказался отец, Артема нисколько не удивило. Он всегда любил отца восхищенно и, даже став взрослым, по-детски преувеличивал все его добродетели. Стараясь сделать вид, что он не заметил смущения отца, Артем торопливо сказал:

— Да, я ведь с пакетом прибыл.

Он снял с головы папаху, вынул из-за подкладки сильно измятый пакет за сургучными печатями и протянул его отцу.

2

Народ к Строговым стал собираться с полудня. Двери то и дело раскрывались, и в прихожей появлялись все новые и новые лица. Сельчане с бесцеремонным любопытством рассматривали «служилого» и, перекинувшись словом с дедом Фишкой, суетившимся у порога, уходили. Среди любопытствующих было несколько баб, мужья которых потерялись на войне без вести. Эти со слезами на глазах, всхлипывая, спрашивали Артема, не встречал ли он где-нибудь дорогих им людей.

В сумерки, как только у Строговых в окнах засветился огонь, к ним потянулись со всех концов села партизаны. Были тут командиры отрядов, члены совдепа. Набралось много и партизанской молодежи, которая несла теперь всю службу разведки и охраны отвоєванных у белых селений. Парни и девки, стараясь не мешать старшим, разместились у порога и по углам.

В прихожей было дымно и душно. Висячая семилинейная лампа часто мигала, и свет ее был неярким и желтым, как у восковой свечки. На столе, за которым сидели Артем, Матвей, Максим и дед Фишка, стояла белая эмалированная в цветах тарелка с хлебом, глиняная чашка с капустой, жаровня с остатками жареной дичи. Кое-кто из гостей уже отчаевал, а те, кому не хватило, ждали нового самовара, уже гудевшего в кути. Разговор протекал непринужденно, живо, и, хотя прихожая была забита народом, негромкий голос Артема хорошо слышался даже у двери. Артем рассказывал о своей службе, о фронте,

о наступлении Красной Армии в Западной Сибири. Изредка его прерывали вопросами: а какие, дескать, порядки в Красной Армии, как с оружием, довольно ли питания, голодно ли в городах, что Советская власть станет делать с буржуями? Слушатели были ненасытны. Они не замечали ни духоты, ни усталого вида рассказчика, ни того, что керосин в лампе выгорел и хозяйки запалили потрескивающие свечи из какой-то смеси сала с воском. Дважды Анна кипятила самовар, изрезала три ковриги хлеба, несколько раз ходила с чашкой в сени за капустой. Беседа струилась непрерывно, как родниковый ручей.

Возможно, что она затянулась бы до полуночи, а может быть, и до рассвета, если бы к Строговым не осмелилась прийти Маняшка Дубровина.

Она вошла тихо, ухитрившись почти бесшумно открыть скрипучую дверь, и, не сделав от порога и одного шага, укрылась за спинами стоявших впереди парней. Сгорая от нетерпения посмотреть на Артема, она приподнялась на носках и встретила взглядом с его глазами. Артем почувствовал, что дышать ему стало нечем. Слова, которые он собирался произнести, вдруг исчезли из памяти. Он наклонил голову, скрывая свое волнение. Мане тоже стало не по себе. Не заботясь больше об осторожности, она кинулась вон из избы, широко раскрыв дверь.

«Бедняжка! И почему я ее днем не повидал?!» — с укором подумал Артем. Но оттого, что Маняшка ушла, он почувствовал себя свободнее, легче.

Никто, кроме Анны, не заметил ни появления Мани Дубровиной, ни переживаний Артема. Другие мысли и страсти в этот вечер волновали людей... Но Анна, умевшая хорошо читать в душах других, решила прервать беседу. Когда мужики попытались обратиться к Артему с новыми вопросами, Анна поднялась со скамейки и неумолимым тоном сказала:

— Хватит, мужики, поговорили. Парень с дороги, может, отдохнуть желает или пройтись по селу — друзей-товарищей повидать. Будет еще завтра день.

Мужики поняли, что они в самом деле увлеклись расспросами, и стали собираться уходить. Артем догадался, что заставило мать вмешаться в разговор, не предвещавший скорого окончания, и, взглянув на нее теплым, кротким взглядом, подумал: «Мама, умница ты!»

Вскоре все разошлись. В избе задержались только несколько парней из компании Максима. Они принялись приглашать Артема к Пьянковым — там сегодня молодежь собиралась на посиделки. Артем, улыбаясь, слушал их, не зная еще, на что решиться.

— Сходи, сынок, сходи, развейся от забот. Дело молодое. Да и нашим ребятам радость будет. Пусть посмотрят, каким ты в Красной Армии стал,— посоветовал дед Фишка.

— Ну, вы идите, а я попозже приду. Остыть после бани и чаю немного надо,— сказал Артем.

Максим с товарищами ушел, а через четверть часа поднялся и Артем. Он надел свой желтый полушубок военного образца, с мерлушковой оторочкой на борту и разрезом сзади, папаху со звездочкой, черные, еще не разношенные валенки деда Фишки и вышел из дому.

3

В ночь изрядно подморозило. Небо было высоким, светлым, и звезды так густо высыпали, что не отыскать в вышине место, не освещенное их сиянием. Артем, поглядывая на небо, не спеша шел по улице.

«На посиделках ли она?» — подумал он о Мане Дубровиной, невольно ускоряя шаги и оглядывая избы, запорошенные снегом.

До Пьянковых, где его ждали, он не дошел. У мишуковского дома, стоявшего совсем неподалеку от Строговых, ему преградила путь женщина.

— Артем Матвееч, задержитесь на минуточку,— взволнованно и протяжно проговорила она.

Голос ее был знаком, до того знаком, что от одного его звука у Артема заныло сердце.

— Дуня? Здравствуй, Дуня! — заглядывая Дуняшке в лицо, радостно воскликнул Артем.

— Ждут вас, Артем Матвееч. Маня ждет,— серьезно, не меняя тона, проговорила Дуняшка.

— Да где она? — еще более радуясь, спросил Артем.

— У меня она дома, ждет вас,— пряча лицо в воротник полушубка, сказала Дуняшка.

Эта встреча с Дуняшкой и этот разговор с ней напомнили Артему юность, первые встречи с Маней Дубровиной. На миг все пережитое тогда он ощутил так сильно,

словно это было вчера... И теперь все происходило, как раньше... Так же колотилось сердце, на душе было тяжело и радостно. Да неужто были в самом деле эти тяжкие годы разлуки?

Дуняшка шла рядом, а он молчал, чувствуя, что от волнения у него путаются мысли.

— Как живешь, Дуня? — наконец произнес он первые слова, пришедшие ему на ум.

— Я-то? — переспросила Дуняшка, по-видимому удивленная тем, что он спрашивает не о Мане. — Живу, — уныло проговорила она. — Живу. Пока вас не было, замуж успела выйти. Помнишь Василя Суркова? За него. Да не судьба. В позапрошлом году овдовела я. Родители его тоже нынче осенью убрались, осталась я одна с дочуркой в большом сурковском доме. Маняшка ко мне переехала. Жили душа в душу.

Это было совсем другое, не похожее на юность.

«Нет, нет, многое переменилось», — пронеслось в голове у Артема.

— Как она, Маня-то? — спросил он, с каким-то особенным наслаждением произнося имя любимой.

— Ох, Артем Матвееч, сколько слез она по вас пролила, знает один бог! — с какой-то торжественностью воскликнула Дуняшка.

Слова эти до того были приятны Артему, до того тронули его, что слезы навернулись на его глазах. Знакомое, не раз уже испытанное чувство преданности Маняшке поднялось в нем, и молча, про себя, он стал повторять ее имя.

Войдя вслед за Дуняшкой в дом, Артем остановился у порога, глядя вперед, и увидел Маню, стоявшую возле двери в горницу и смотревшую на него широко открытыми, блестящими глазами. Она была одета по-праздничному: в черной шерстяной юбке, в белой вышитой кофточке, в гарусном платке на плечах.

— Здравствуйте! Вот и мы, — неловко и как-то холодно произнес Артем, хотя и старался придать своему голосу веселый и шутливый оттенок.

— Здравствуйте! — ответила Маняшка, не сводя с него своего пристального взгляда.

Наступила минута безмолвия. Они стояли, растерянно опустив руки. Потом в один миг их словно кто-то подтолкнул. Маня обвила руками шею Артема и заплакала

тихо и безутешно. Он стоял, обняв ее, насупившийся и молчаливый.

Сколько раз там, вдали от родных мест, в минуты раздумий, на которые так щедро солдатская жизнь, представлял он себе эту встречу! Сколько трогательных, нежных слов собирался сказать он своей любимой в эту минуту! Куда они девались сейчас, эти слова, придуманные и тысячи раз повторенные в долгие месяцы и годы разлуки? Их не было, да он и не вспоминал их.

Дуня сбросила с себя шубу, прибавила огонь в лампе и пригласила Артема и Маняшку пройти в горницу. Тут, у высокого сундука, стоял стол, накрытый белой скатертью и уставленный уже тарелками с закуской и шаньгами. Оказалась даже раздобытая где-то Дуняшкой четвертушка самогона. Поднося большую рюмку с самогоном, Дуняшка пошутила:

— Артем Матвеич! Хотя командующий наш, ваш папаша, не жалует самогонщиков, но все ж таки выпейте рюмочку за здоровье нашей драгоценной Марии Степановны.

Артем понюхал, поморщился и залпом выпил. Самогон оказался злой, крепкий, и Артем слегка захмелел. Неловкость, которая до этого несколько сковывала его, бесследно исчезла.

В горнице было чисто, тепло. На кровати, застланной красным стеганым одеялом, белела горка взбитых подушек. На подоконниках в горшках стояли цветы. Маленький круглый столик в углу был накрыт расшитой скатеркой. После многих дней и ночей, проведенных в седле, на морозе, в напряженном ожидании встреч с белыми, Артем почувствовал прелесть домашнего уюта, которого он не знал за все последние годы своей казарменной и походной жизни.

Разговор стал непринужденным. Начали взаимными расспросами, перешли к воспоминаниям. Дуняшка со смехом рассказала, как собиралась отбить у Маняшки Артема; Маня припомнила свою первую встречу с ним, и от всего этого на душе у Артема стало еще светлее.

В прихожей заплакала дочурка Дуняшки. Взяв лампу, Дуняшка заспешила к ней и в горницу больше уже не пришла.

...Домой Артем возвращался утром. По селу горланили петухи, в избах бабы разжигали печи.

Все тревоги за Маню, которые несколько лет терзали Артема, отошли в прошлое, и давно он не испытывал такого спокойствия на душе, какое было у него сейчас. Он шел не спеша, рассуждая сам с собой:

«Ну, вот и жена теперь у тебя появилась. Мир еще нужен. И мир придет. Недолго осталось ждать».

Ему непривычно было называть Маняшку женой, но это вызывало радостные чувства, и Артем, засыпая на мягкой постели, приготовленной ему матерью в горнице, несколько раз повторил:

— Маня, жена моя.

4

Проснулся Артем от суматохи, царившей в доме. В полусне еще он смутно слышал, как тревожно, вполголоса говорил что-то отец. Потом часто захлопали двери, и до него донеслись чужие голоса. Почувствовав прикосновение чьей-то руки, он с усилием открыл веки и увидел мать. Анна стояла возле него встревоженная, плачущая.

— Ты что, мама? — спросил Артем вялым голосом, не поднимаясь с подушки.

Анна проглотила подступившие к горлу рыдания и, сморщившись, как от мучительной боли, испуганно глядя на сына, сказала:

— Сынок. В нашу Маню сейчас стреляли.

«Нашу»... Мать, стало быть, все знала. Артем отметил это слово прежде, чем сознание его восприняло весь смысл сказанного ею.

— Стреляли?! — вскакивая с постели, вскрикнул он. — Кто стрелял?

— Не знаю. Все туда, к Сурковым, бегут, — слабым голосом сказала Анна.

Не помня себя, Артем в несколько минут добежал до сурковского дома. У ворот уже толпились мужики, бабы и ребятишки. Несколько парней, в том числе Максим Строгов, были верхами на лошадях, с ружьями за плечами. Лошади беспокойно топтались под седоками, всхрапывали в предчувствии бешеной скачки.

Антон Топилкин, раскрасневшийся, в косматой папахе, сдвинутой на макушку, в длинной кавалерийской шинели, размахивая руками, кричал своим зычным голосом:

— Не останавливаться — стреляйте! В коня! Без коня не уйти. И дороги им пересекайте! Дороги!

Этот крик Антона, как и гул толпы, не коснулся сознания Артема. Он был охвачен одним порывом — скорее, как можно скорее увидеть Маняшку, оказаться подле нее.

Люди, завидев его, расступились, и на ослепительно сверкавшем от солнца снегу Артем увидел Маню. Она лежала на спине, откинув руку. Вязаный белый полушалак сполз с ее головы, и пряди черных волос спустились на полужакрытые глаза.

Тяжело дыша, вытирая ладонью вспотевший лоб, Артем остановился, не доходя до нее нескольких шагов.

Холодное спокойствие лица девушки было неживым, и Артем понял весь ужас происшедшего.

— Кто ее? Кто? — сказал он жестким голосом, обращенным ко всем стоявшим вокруг.

Пошатываясь, он сделал еще три шага, опустился на колени и, низко склонив голову, словно окаменел в безмолвии.

Бабы не вынесли этого. Всклипывая и утирая слезы, они с трудом сдерживались, чтобы не заголосить. Артем ничего не замечал вокруг себя. Он пребывал в том глубоком, до обморочности, состоянии тяжелого бездумья, которое бывает у человека, сраженного внезапным горем. Даже голос Дуняшки, стоявшей рядом, он воспринимал как эхо, летящее из какой-то бесконечной дали. Всклипывая, Дуняшка рассказывала:

— Совсем еще темно на дворе было, когда постучали в окно. Я подошла к окну — никого не видно. Кричу: «Кого надо?» — «Дубровину в штаб требуют». Я — в горницу. Она уже услышала, встала, начала одеваться. Только выбежала на улицу, слышу: б-бах! Я кинулась к воротам: Маня лежит на земле, а перед ней на конях Демьян Штычков и сын соколиновского мельника Елифанов. «Передай, кричат, почтение Артему Строгову и скажи, чтобы готовил себе веревку. Сюда пришел, да обратно не уйдет». И — в проулок, как вихрь...

— Бандиты! Пусть они себе с белой шпаной закажут веревку! — сверкая зеленоватыми глазами, с ярким возмущением крикнул Антон.

Его слова точно пробудили Артема. Он встал, огляделся. Около него стояли отец, Дуняшка, Тимофей Залетный, Архип Хромков, начальник штаба.

— А работают они чисто. Знают, стало быть, кто с толку их сбил,— пожевывая усы, как обычно медлительно, сказал Старостенко.

Антон покосился на Архипа Хромкова, недовольно проговорил:

— Разведка наша зевает. Сколько раз я Хромкову говорил: накрыть бандитов надо! Где-нибудь тут поблизости прячутся.

Архип поморщился, взглянул на Антона подичавшими глазами, полуобняв Артема, сказал:

— Дорого мы, Артюша, с них за нее спросим!

— Да, уж я приложу руку, приложу, дядя Архип,— сухо сказал Артем и, повернувшись к отцу, спросил: — Куда ее понесем?

Матвей очнулся от суровой задумчивости, переглянулся с Антоном.

— В штаб понесем. Хоронить с почестями будем. Она у нас первой партизанкой была.

Артем с помощью Архипа и Антона взял Маню на руки. Теперь, когда, бездыханная и по-прежнему для него дорогая, она лежала на его руках, чувство безысходного горя, которое ничем невозможно было уменьшить, охватило Артема. В эту минуту он ощутил такое острое одиночество, такую тоску, будто на всей этой холодной, занесенной снегом земле он остался один-одинешенек. Артем нес ее легко, бережно, словно она была совсем невесомая.

«Ну зачем все это случилось? Зачем?» — спрашивал он себя.

Антон, Матвей, Тимофей Залетный, Архип Хромков, бородачи Бакулины шли позади него. Они хорошо, очень хорошо знали, как сурова и безжалостна жизнь, но сейчас они плакали, не стыдясь своих слез.

5

Дело, которое привело Артема в Юксинскую партизанскую армию, в письме штаба было изложено так:

«С целью полного разгрома значительных соединений армии генерала Пепеляева, сосредоточенных в районе

города Т., части Красной Армии предпримут обходный маневр и, выйдя на линию железной дороги восточнее этого пункта, отрежут противнику пути отхода. Есть все основания предполагать, что в этом случае противник в своем стремлении вырваться из ловушки бросится на север и попытается использовать для отхода своих войск и обозов гужевой тракт, как известно, пролегающий севернее, но почти параллельно железнодорожной линии.

Юксинские партизаны должны опередить противника, замкнуть тракт и, таким образом, поставить пепеляевцев в безвыходное положение».

Все остальное — сроки штурма города Т. частями Красной Армии, сроки выступления партизан, а также некоторые подробности предстоящей операции — поручалось сообщить Артему.

Заседание совета Юксинской партизанской армии, посвященное обсуждению предложения штаба 5-й армии, было объявлено строго секретным и проходило ночью...

Помещение штаба охранялось усиленным нарядом разведчиков, оцепивших дом Белина плотным кольцом пикетов. Операция, которую предстояло осуществить партизанской армии, была детально разработана Матвеем и Антоном совместно с начальником штаба Старостенко, военные знания которого на этот раз оказались особенно нужными.

В конце заседания, когда план операции всесторонне обсудили и взвесили и в первоначальный вариант его были внесены изменения, возникшие в ходе обсуждения, Матвей произнес заключительную речь. Он видел, что люди устали, что заседание пора кончать, но не выразить того, что сказал, он не мог. Это была необычная речь. Матвей поделился всем тем, что накипело у него на сердце, что занимало его в часы размышлений, о чем часто беседовал он с Антоном Топилкиным. Люди слушали Матвея с напряженным вниманием, сиюсь согнать с себя усталость.

Начальник штаба Старостенко, исполнявший одновременно обязанности секретаря совета партизанской армии, размашистым почерком заносил в толстую, конторского типа книгу протоколов мысли командующего.

— Все вы поняли, как необходимо сейчас наше выступление, и этому я радуюсь больше всего. Теперь эту веру нам надо всей армии передать...

Притаежный край мы отвоевали, Советская власть тут прочная, но самого главного мы еще не сделали. Враг стоит у нас почти за поскотиной, а раз враг не разбит, не уничтожен, то и побежденным считать его рано...

Осенью в боях за притаежные села мы добились победы легко. Кто был против нас? Мелкие отряды и заставы штабс-капитана Ерунды да плохо сколоченные команды кулачества. Как известно, основные войска белых и интервентов держались по линии железной дороги. Теперь нам придется иметь дело с другим врагом. К Жирову белые подтянули большие силы. Туда прибыл полковник Буров с пулеметной командой. Подкопила силы и кулацкая «армия содействия». Убийство Мани Дубровиной — ее рук дело...

Выходит, что бои нам предстоят нелегкие, но уклониться от них мы не должны и не можем. Рано ли, поздно ли это должно было случиться. Не затем мы войну начали, чтобы изгнать белых только из своих деревень. Свободная жизнь придет не раньше того, как народ освободит от угнетателей всю свою землю. Мужичье счастье — общее. Ежели придет, то придет ко всем. Счастье по выбору — это счастье богатых. Выпадает нам редкий случай: выйти в бой вместе с Красной Армией, оказать ей подмогу в самый нужный момент. От нас теперь зависит, будем ли мы сидеть здесь и дальше, как в клетке, или вырвемся на просторы родной земли.

Когда Матвей кончил свою речь, Старостенко по профессиональной привычке старого военного взглянул из-под очков на большие круглые часы, которые он носил в кармашке брюк на черном шелковом шнурке, и занес в протокол время окончания заседания. Было двадцать минут пятого.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

На смену устойчивой оттепели, продолжавшейся без малого две недели, надвинулся снегспад с ветром. Белесое зимнее небо похмурило, облака разбухли, и на дворе

стало серо, как в сумерки. Снег падал медленно, долго и причудливо носясь в воздухе. Оттого что пространства, простиравшиеся над землей, были заполнены кружащимися снежинками, деревья и строения, а также и двигавшиеся по дорогам и улицам люди и лошади угадывались только вблизи, словно окутывал их плотный, осенний туман.

В один из таких дней юксинские партизаны поднялись в наступление. Оно началось в предвечерний час, одновременно из Волчьих Нор и новосельческих поселков — Ягодного и Притаежного, в трех направлениях, так, как предусматривалось это планом операции.

К полуночи отряд под командованием Архипа Хромкова занесенным зимником приблизился к эстонским хуторам. Сквозь оголенный березник в мутном месиве пурги виделись очертания крайнего хутора. Вместе с облачками пушистого снега ветер приносил с хуторов горьковатый смолевой дым от топившихся печек. Из-за туч, как бы украдкой, тускло поблескивал белый месяц.

Возле толстой, в два обхвата, лиственницы, спешившись, стояли трое. Оседланные лошади сбились в кучу, прядали ушами, чуя близость жилых мест.

— Я поеду, дядя Архип, разузнаю,— сказал Артем, делая шаг к лошадям.

— Нет, погоди. Всем отрядом вплотную подойти надо,— проговорил, поеживаясь от ветра, Калистрат Зотов, назначенный в этот поход помощником Архипа.

— Притаились или ушли? — в который раз произнес Архип, поглядывая в ту сторону, где в густой темноте лежали кулацкие хутора.

— Вот что, Калистрат,— после долгого раздумья, решительно сказал Архип.— Ты останешься за меня с отрядом. Я возьму конный взвод и вместе с Артемом проеду на хутора. В случае чего — спешите на помощь.

Калистрат не стал настаивать на своем.

— На всякий случай я отряд сейчас же в цепь построю,— сказал он и свистом подозвал к себе вестового, Акимку Мишукова, стоявшего со своей лошадью на дороге.

Вскоре к толстой лиственнице подъехал взвод конников. Ими командовал Михайла Крутойров — большой конопатый мужик, лихой наездник, бывший юткинский работник. Архип велел конникам взять ружья наизготовку

и, легко вскочив на лошадь, поехал в голове взвода. Артем и Михайла ехали рядом с ним. И без того не торенная, мало наезженная дорога была теперь занесена свеженаметенным снегом, и лошади ступали по ней мягко и бесшумно.

— Вот тут, на повороте, дядя Архип, жди засады,— проговорил Артем, присматриваясь к извилинам дороги, освещенным холодным светом луны.

— Ребята, не спать! Зачнут пальбу — все врассыпную,— сказал Архип, оборачиваясь к конникам.

— Не спать! Зачнут пальбу — все врассыпную! — скомандовал Михайла, и команда полетела из уст в уста.

Но на повороте конников не обстреляли. Не произошло этого и у моста через речку, откуда хорошо стали видны постройки первого хутора.

Архип на ходу посовещался с Артемом и Михайлой и решил окружить крайний хутор. Огня на хуторе не зажигали, но из трубы дома в небо вздымался поток искр — хутор не пустовал. Двор был бревенчатый, крытый наглухо, с крепкими тесовыми воротами. Михайла подскочил к воротам, начал стучать в них ногами. Никто не отозвался. Архип бросился к окнам, черенком бича принялся колотить в ставень. Но в доме безмолвствовали. Обозлившись, поминая бога, царя и всех святых, Архип закричал:

— Ребята, тащи солому! Поджигать мироедов будем!

Услышали это и в доме. В щелях ставней блеснул свет, а через минуту скрипнули двери.

— Господи, и кого вам надо? Тут бабы одни...— запричитал женский голос.

— Открывай, пока не спалили! — пригрозил Архип.

— Езжайте вон к соседям, тут бабы одни...

— Да ты откроешь или нет, шкура?

Баба открывала замок долго, не переставая скулить.

Когда ворота наконец открылись, она испуганно отскочила в сторону, фонарь метнулся в ее руке и, описав полукруг, чуть не погас.

— Ты брось дрожать, тетка. Мы не беляки, худа не сделаем вам — не тронем,— сказал Архип, входя во двор.

— Бабы тут одни, родненький. Мужиков всех белые в Жирово угнали,— простонала хозяйка, приподняв фонарь и осматривая входящих вслед за Архипом партизан.

— А ты води в дом, там и поговорим,— сказал Архип, остановившись и выжидая, когда хозяйка пойдет впереди.

— Дядя Архип, двор обыскать надо,— прошептал Артем, когда Архип, Михайла и двое конников-новоселов направились вслед за бабой. Но Архип то ли не расслышал слов Артема, то ли не придавал им значения и продолжал шагать дальше.

Из раскрывшейся двери партизан обдало теплым избяным духом, крепко пропитанным спиртными запахами.

— Самогон гнали, жабы! — выругался один из партизан-новоселов, шумно посапывая носом.

— Ну-ка, тетка, выверни фитиль в лампе да сядь, расскажи, где у вас тут белые попрятались,— властным голосом проговорил Архип.

— Погоди, фонарь уберу,— поспешнее обычного сказала баба и, затушив фонарь, понесла его в куть.

Все, что произошло в следующую минуту, никто бы потом не мог связно рассказать.

Когда баба направилась в куть, Артем, стоявший ближе всех к столу, взглянул на дверь, ведущую в горницу, и замер. Из-за крашеного голубовато-белого косяка выдвигался темный зрачок пистолетного дула. Не успев еще обдумать, что делать, Артем сорвал с головы шапку и бросил ее в лампу. Звякнуло стекло. Пламя выстрела полыхнуло, разрывая темноту. Потом раздались новые выстрелы, резкие и короткие, как удары молотка. Кто-то грузно упал на пол, по-лошадиному всхрапывая. Затрещали ставни, выдираемые топорами, стекла со звоном посыпались из одного окна, потом из другого, и холодный ветер со снегом ворвался в жарко натопленный дом. На дворе поднялась стрельба, сопровождаемая задорными криками и руганью.

Упав на пол, Артем ползком добрался до двери, открыл ее плечом и, не вставая на ноги, переполз через порог.

На крыльце он с кем-то столкнулся, отскочив в сторону, крикнул:

— Кто?

— Епифанов, ваше благородие,— ответил встревоженным шепотом человек из темноты.

«Епифанов! Сын соколиновского мельника? Тот самый, что сватался к Мане и стрелял в нее. Вот где при-

шлось встретиться!» — подумал Артем и дрожащими руками направил винтовку в пятно, выделявшееся в темноте.

Выстрела он не слышал. Он почувствовал только отдачу винтовки в плечо и неприятный холодок на спине — от воплей Епифанова.

Несколько секунд Артем стоял в растерянности, не зная, куда теперь броситься. Но поднявшаяся на улице стрельба вывела его из оцепенения. Артем кинулся обратно в дом, натываясь в сенях на какие-то кадки и мешки.

Заскочив в прихожую, он увидел в горнице яркое пламя. Охапка соломы уже догорала, и огонь расползлся по стене. Артем поднял с полу свою шапку, подбежал к окну, вскочил на подоконник и прыгнул. На лету его кто-то схватил и повалил наземь.

— Дядя Архип! — закричал Артем, чувствуя, что своими силами ему не отбиться от напавшего.

— А, чертенок, а я об тебе молитвы уже читаю! — разжимая руки, обрадованно проговорил Архип.

— Ты живой?

— Помолись, брат, за Михайлу с новоселом.

— Ах, собаки! Ну, а я расквитался. — Артем хотел было рассказать о своей встрече с Епифановым, но в этот момент на поляне перед домом, освещенный багровыми отблесками пожара, появился Акимка Мишуков. Лошадь его, одичавшая от стрельбы, металась, вставая на дыбы.

— Дядя Архип! Артем! — кричал парнишка, стараясь изо всех сил сдержать ошалевшую кобылицу.

Артем и Архип бросились на его тревожный зов, перепрыгивая через вороха соломы, неизвестно откуда принесенной партизанами.

— Дядя Архип... дядя Калистрат велел... Тырр, холера! — Акимка едва сдерживал распалившуюся лошадь.

— Говори ладом! — прикрикнул Архип на Акимку.

— Белые вон в том хуторе...

— Кто прознал?

— Дядя Калистрат разведку посылал.

— Скачи, Аким, пусть Калистрат атакует без промедления, — приказал Архип.

Акимка привстал в стремени, отпустил поводья, и кобылица, привыкшая к повадкам своего молодого хозяина, рванулась вперед. Но не успел он отъехать полсотни ша-

гов, как за кустарником на соседнем хуторе зататакал пулемет. Пули завизжали по сторонам, гулко ударяясь о промерзшую землю. Дико всхрапывая, грохнулась на дорожку убитая шальной пулей лошадь. Хуторские собаки протяжно завyli.

— Ложись, ребята, ложись! — прокричал Архип, падая вслед за Артемом в снег.

— Ну, дядя Архип, расшевелили мы осиное гнездо, — сказал Артем, подгребая к себе с дороги солому.

Пулемет, протрещав еще два-три раза короткими очередями, умолк. Смолкли и собаки. Стало так тихо, что слышалось, как потрескивают, отплевываясь угольками, бревна горящего дома.

— Дядя Архип, собирай всех к месту, пока нас опять не угостили из пулеметов, — проговорил Артем, вставая на колени.

— Мужики, айда к месту! Раненых и убитых с собой! — распорядился Архип и, вскочив, бросился за Артемом, не разгибая спины.

На заснеженной полянке, освещенной пламенем, взлетавшим в поднебесье, замелькали человеческие фигуры. Вскоре на берег речки стянулся весь взвод. Тут лежали уже перенесенные из горящего дома убитые Михайла Крутояров и новосел Павел Громыкин. Потом принесли раненых. Их оказалось трое: два новосела и волченорский пастух Кирилл Забегалов.

Архип послал одного партизана на стоянку отряда за подводой. Отрядный санитар Поликарп Мелешкин начал перевязывать раненых длинными холщовыми бинтами. Раненые стонали и вскрикивали, но партизаны словно не слышали их. Другое сейчас занимало мужиков. Архип вместе с Артемом и прискакавшим сюда же Калистратом обсуждали план дальнейших действий. Разведчики, посланные Калистратом, обнаружили белых еще на двух хуторах. Пулеметный огонь не позволил Калистрату атаковать ближний хутор, и Калистрат прибежал к Архипу на совет. Партизаны бегло обменялись мнениями, и Архип сказал:

— Стало быть, будет так: поделимся и повзводно кинемся на хутор сразу. Пусть беляки думают, что сил у нас тут несметно. Стрелять при крайней необходимости. Ну, мужики, за дело! Надо успеть до рассвета. Днем наше дело — табак.

— Жировскую дорогу нужно занять,— проговорил Артем, недовольный тем, что Архип решает все быстро, но без достаточной предусмотрительности.

— Дело советует Артем. Паскуды бросятся утекать, а нам упускать их нельзя,— поддержал Артема Калистрат Зотов.

— Это одно, а другое то, что в любой час к ним подмога может прийти... Возьмут под перекрестный огонь, тогда головы не подымеешь,— сказал Артем.

— Видал военного? Не нашему брату чета! — без всякой рисовки, с искренней теплотой в голосе воскликнул Архип и, встав с пенька, приказал: — Калинин, встанешь со своим взводом по Жировской дороге в засаду.

— Товарищ командир, а кто Михайлу заменит? Без головы наш взвод остался,— сказал один из партизан.

— Строгова бы Артема к нам! — нерешительно проговорил другой.

— Пусть вот Ефим Кузнецов за Михайлу встанет. Артем у нас гость. При себе я его оставляю,— сказал Архип, сдвигая на затылок папаху.

2

Ветер заметно стих, и небо прояснилось, заблестело звездами. На восточном склоне его появились белесые полосы — предвестники рассвета.

— Эх, запоздали мы! На часик бы раньше! — вздохнул Артем, осматривая с бугра, из черемушника, хуторские постройки.

Отсюда, из черемушника все три хутора были видны как на ладони. Два из них располагались на холмах, разделенных речкой с низкими, болотистыми берегами. Третий хутор, тот самый, с которого обстреляли партизан из пулемета, стоял на отшибе от первых, он соединялся с ними дорогой, пролежавшей по совершенно открытой местности.

Когда партизаны в смешанном пеше-конном строю бросились из леса на приступ ближних хуторов, с дальнего хутора вновь застрочил пулемет, на этот раз длинными очередями. Ближние хутора огрызались ружейной пальбой.

— Назад! Назад! — громко закричал Артем, раньше Архипа поняв, что хутора представляют собой единый узел обороны.

Едва ли партизаны слышали голос Артема. Да они и не нуждались в приказе. Ожесточенный ружейно-пулеметный огонь заставил их повернуть обратно.

Возле Архипа опять собрались командиры взводов, полувзводные, разведчики, рядовые стрелки.

— Не взять нам их теперь до ночи. Надо отступить и переждать день,— предложил Калистрат Зотов.

Артем вспылil:

— Переждать? Да в уме ли ты, дядя Калистрат? За день они так укрепятся, что их артиллерией оттуда не вышибешь.

— Да и задерживаться здесь нам никак нельзя. Штаб армии приказал немедленно после захвата хуторов двигаться на Жирово,— сказал Архип и, сердито взглянув на Калистрата, добавил с раздражением:— Тебе, Калистрат, это тоже известно. Хутора надо любой ценой взять!

Партизаны возгласами и говорком одобрили слова своего командира. Вся армия знала, что захват Жирова потребует участия всех отрядов.

Артем предложил, не медля ни минуты, послать на хутора небольшие группы, в пять-шесть человек каждая, вооружив их гранатами. Оставшиеся партизаны должны были, отвлекая внимание белых, засевших на хуторах, открыть огонь с опушки леса. Группу для подавления пулеметного огня с дальнего хутора Артем вызвался повести сам.

План Артема был довольно дерзкий, однако партизаны дружно его поддержали; и охотников идти на хутора набралось больше, чем следовало. Это понравилось Артему. «Народ в бой рвется»,— подумал он и с воодушевлением сказал:

— А главное — не зевать: проник во двор — рвись к дому, бросай гранату в окно, лупи так, чтобы небу стало жарко!

— Ну, а мы начеку будем: заслышим вас — бросимся во весь дух отсюда,— подхватил Архип.

Партизаны вскочили на коней и, безжалостно долбя их пятками, по снежной целине, сквозь чащу помчались

на хутора, намереваясь подъехать к ним с задней стороны дворов.

У Артема в группе было восемь человек. Большинство из них были ломовицкие охотники, парни все молодые, крепкие, один лучше другого.

Бросив лошадей в логу, под присмотр Акимки Мишукова, Артем повел своих людей к хутору. Местность была тут ровная, но сплошь покрытая толстыми пнями и густыми, колючими кустами шиповника.

Еще в лесу Артем велел своим ребятам как можно сильнее осыпать друг друга снегом.

Ползли от пенька к пеньку, от кустика к кустику, Артем — передовым, за ним все остальные.

Двор второго хутора был такой же обширный, плотно закупоренный, как и двор первого. Собаки зачуяли приближение чужих людей и тревожно залаяли. Артем ткнулся головой в снег, затих. Парни залегли, притаились.

Партизаны, оставшиеся в лесу, начали стрельбу. Пользуясь моментом, Артем торопливо пополз вперед. Еще один бросок — и двор. Партизаны опять начали стрелять. Собаки неистово лаяли, слышалось, как они мечутся по двору.

Артем кинулся к забору; махнув рукой, поднял своих ребят на ноги. Забор — на совесть, чтоб не проник ни человек, ни зверь: бревна в пазах столбов, щели законопачены мхом и паклей.

Артем шепотом приказал парням:

— Подсаживай, ребята, на крышу, и трое — за мной.

Самый рослый парень схватил Артема за ноги, тот встал ему на плечо, уцепился за угол и забрался на крышу двора. Трое парней полезли вслед за ним. Артем оставил их у самой кромки навеса, сам осторожно пополз на середину. Тут он рукавицей разгреб снег, расковырял слежавшуюся солому и стал смотреть в отверстие, что делается внизу.

Вокруг уже рассвело. Артему хорошо был виден даже дымок, выползавший из красной кирпичной трубы дома. Но в закупоренном кругом дворе было темно, как ночью. Артем напрягал глаза, но долго ничего не мог рассмотреть. Наконец, расковыряв солому в новом месте, ближе к воротам, Артем увидел людей. Теперь были слышны и их голоса. По голосам трудно было в точности определить

число солдат, но Артем понял, что их никак не больше полувзвода.

Вдруг морозный воздух потрясли сильные взрывы. Вероятно, одна из групп достигла ближнего к лесу хутора и вступила в бой. Солдаты обеспокоенно засудачили и, подкатив пулемет к воротам, застрочили из него.

Артем решил, что ждать ему больше нечего. Он просунул руку в дыру, раскачал гранату и изо всей силы швырнул ее к воротам.

Граната взорвалась гулко. Артема обдало рубленой соломой. Неподалеку от себя он увидел зияющую дыру в навесе. Пулемет сразу замолк, и двор огласился стонами раненых, хрипением умирающих, испуганными криками живых.

— Ко мне! — крикнул Артем, спрыгивая во двор, и, прячась за столбом, метнул еще две гранаты, одну за другой. Двор озарился вспышками. Артем бросился на оставшихся в живых солдат. Сверху на помощь к нему прыгали во двор ломовицкие парни.

В лесу Архип сразу же после разрыва первой Артемовой гранаты поднял партизан в атаку.

Кто пеший, кто конный, партизаны вырвались из лесу, и по полю покатилося протяжное и многоголосое «ура-а-а!».

Те из ломовицких парней, которых Артем оставил на земле у забора, сообразили, что стоять им тут больше не зачем, и бросились к воротам. Распахнув их, они вбежали во двор.

У солдат создалось впечатление, что это ворвались те партизаны, мощное «ура» которых доносилось с полей.

— Караул! — испуганно вскрикнул один солдат.

— Братцы, сдаемся! Пощадите! — плача, закричал другой и с поднятыми руками вышел из-за телег, нагроможденных в углу двора. За ним вышел еще один солдат, потом второй, третий, четвертый... Последним вылез прапорщик. Его золотые погоны были оборваны и висели на одних веревочках. Артем насчитал пленных одиннадцать человек, убитых и раненых не меньше.

Когда во двор верхом на лошади влетел Архип Хромков, пленные были построены в шеренгу и стояли под охраной двух парней. Остальные парни вместе с Артемом обыскивали дом и двор, собирая оружие в кучу.

— Каков ты, чертенок! — соскакивая с лошади, засмеялся Архип, завидев Артема.

— Все целы, дядя Архип.

— Ну, молодец! Папаша смел, а этот вовсе герой! — Архип от избытка чувств облапил Артема.

От похвалы Архипа кровь прихлынула к сердцу Артема. «Нельзя мне не воевать. Есть за что посчитаться мне с ними», — хотел сказать он Архипу, но воспоминание о Мане Дубровиной острой болью отозвалось в душе, и он промолчал.

Пока Архип с участием Артема и ломовицкого бондаря Ефима Кузнецова допрашивал прапорщика, партизаны обшарили остальные хутора. Несколько солдат, засевших здесь, сдались без сопротивления. Только двое на захваченных у хуторян лошадях пытались скрыться бегством по Жировской дороге, но были убиты партизанами из взвода Калинкина.

Отправив пленных под конвоем в Волчьи Норы, Архип построил отряд в походный порядок и повел его на Жирово.

3

На рассвете конный отряд Тимофея Залетного свернул с тракта и охотничьей тропой направился в обход Жирова.

В отряде царило необычайное веселье: слышались смех, оживленный говорок и даже песни — будто не на смертный бой, а на шумную волчью облаву ехали люди.

Глухая тайга, непролазная чащоба,zybучие незамерзающие болота на многие версты лежали вокруг. Охотничья тропа, обозначенная почерневшими затесами на деревьях, извиваясь, тянулась по гривам, круто огибала незамерзающие и парящиеся на морозе озера.

Путь отряда был небезопасным. Чуть собьешься с тропы — верная гибель. «Дьявола котлы» — так называли эту местность в народе.

Переход через эти места в зимнее время, да еще на лошадях, был делом совершенно неслыханным. Но такой переход давал партизанам серьезные выгоды при нападении на противника, и военный совет высказался за осуществление его.

Проводником был назначен дед Фишка. Из всей армии он единственный знал этот путь.

— Людей проведу, Матюша,— сказал старик, когда Матвей обратился к нему за советом,— за коней не ручаюсь. К коням сроду не лежит у меня сердце. Куда с ними в тайге? Горе мыкать!

Но за коней горячо вступился Залетный. Тараша свои дикуватые, по-ястребиному круглые глаза, он сказал старику:

— Ты, дед Фишка, коней не трогай. Без них нам давно бы крышка была. Ты людей води, а кони сами пройдут, у них четыре ноги.

Теперь, когда отряд Залетного двигался по снежной целине, от затеса до затеса, старик припомнил этот разговор.

Он ехал впереди всех. Его высокий, сухоребрый конь, отфыркиваясь, брел по снегу. Конь часто спотыкался о валежник и кочки, зарывался мордой в снег. Дед Фишка и по добрым-то дорогам не любил ездить верхом, а такая езда подавно не нравилась ему. Сгорбившись, то и дело подпрыгивая в седле, он оглашал тайгу громкой руганью:

— А, язви тебя, Тимофей, с твоими конями!

Залетный отшучивался, а отряд покатывался со смеху над их перебранкой.

В одном месте Тимофей вызвался сменить старика. Дед Фишка охотно согласился: ехать по проторенной дороге было намного легче. Но передовым Залетный проехал с версту и оскандалился: потерял затесы, свернул куда-то в сторону и загнал своего коня в такой сугроб, из которого его пришлось вытаскивать с помощью партизан.

— И куда тебя черти несут? Едешь в самый кочкарник! — негодовал дед Фишка.

— Да ведь его не видно, кочкарник твой, о нем на снегу не написано,— посмеиваясь, пытался оправдаться Залетный.

— Как не написано? Видишь, ельник-ползун да чахлый кедровник растет — значит, болото,— продолжал бушевать дед Фишка. Он вновь поехал впереди отряда, безошибочно, по каким-то ему одному известным признакам угадывая охотничью тропу.

В полдень Залетный приказал отряду остановиться на отдых. Большая и самая трудная часть пути была прой-

дена. Люди притомились. Лошади были мокрые, будто выкупанные, и от них поднимался пар.

Для остановки выбрали большую поляну возле речки с обширной полыней. Мужики бросились с ведрами за водой — варить чай. Но Тимофей вернул их: разжигать костры было опасно. Верстах в пяти от стоянки, самое большее, начинались жировские отруба, с теплыми избами, амбарами и овинами. Партизаны приуныли — какой же отдых без чая?

Дед Фишка томился тем же желанием. Он поспешил помочь беде. По его совету молодежь быстро соорудила из пихтовых веток балаган. Когда внутри его разожгли костер, все увидели, как опытен в таких делах старый охотник. Дым от костра, скапливаясь в балагане, медленно выползал сквозь хвою веток и таял в зимнем воздухе, не поднявшись даже до макушек деревьев.

Изобретательность старика подкупила и Залетного, недовольного вначале тем, что партизаны ослушались его.

— Кончим войну, дед Фишка, — смеясь, сказал он, — и произведем тебя в строительные дел командиры. Будешь строить нам избы, бани, выдумаешь какую-нибудь штуковину, чтоб на кручу воду из речки на коромыслах не таскать.

— Нет, Тимофей, по топорной части я не горазд, — всерьез проговорил дед Фишка и, мечтательно сверкнув из-под бровей глазами, закончил: — Замирение выйдет — на Юксу, брат, подамся. Там у меня дел — в жизнь не переделать.

Часа через два отряд вновь тронулся в путь. После отдыха кони шагали бодрее. Люди тоже оживились, опять слышались веселые голоса, смех. Парни попытались даже запеть, но Залетный сердито замахал кулаком, и песня оборвалась в самом начале.

Дед Фишка хотел было заступиться за молодежь — до жилых мест еще далеко, — но вдруг натянул поводья, остановил своего коня и проворно обернулся к отряду.

— Что там? — обеспокоенно спросил Залетный, заметив тревогу на лице старика.

— Дымом, Тимофей, пахнет, — с тревогой проговорил дед Фишка.

Залетный повел носом, понюхал воздух:

— Не чую.

— Дюже шибает!

Старик слез с лошади, сдвинул шапку на одно ухо, прислушался и сказал:

— Лыжи надо.

Отряд вез с собой десяток пар лыж... Они были во выюках с провизией и боеприпасами в самом хвосте отряда. Командир передал приказание. Лыжи доставили.

Дед Фишка, заткнув полы шубенки за опояску, скрылся в пихтовой чаще...

Возвратился он через полчаса, совсем с другой стороны.

— Землянка, Тимоха, в осинниках,— сообщил старик.

— Тропы есть?

— Кругом обошел — ни одной.

— Что ж, с неба упала?

— Гадай как хочешь.

Посудили-порядили, сошлись на одном: землянку окружить, ее обитателей, кто бы они ни были, арестовать, чтоб весть о движении отряда каким-нибудь случаем не проникла в Жирово.

Командир отряда, Тарас Заслонов и пятерка бойцов из его взвода, среди них неразлучные Максим Строгов и Андрей Зотов, пошли гуськом на лыжах вслед за дедом Фишкой.

Землянка была вырыта на ровном месте, в густом, мелком осиннике. Крышу ее занесло снегом, и только глинобитная, бойко дымившая труба одиноко торчала из сугроба. От землянки в глубь осинника тянулась чуть приметная, запорошенная свежим снежком тропка.

Партизаны окружили землянку. Залетный, дед Фишка, Максим подошли шагов на двадцать, остановились.

— Эй, люди добрые, кто там есть? Выходи! — крикнул дед Фишка.

Дверь землянки осталась неподвижной, только эхоткликнулось где-то совсем вблизи.

Залетный, недовольно фыркнув, сказал:

— Что ты их добрыми величаешь! Может, тут беляки засели? Вишь, притаились.

— Обходительность, Тимофей,— неопределенно мотнул головой дед Фишка.

— Эй вы, шкуры барабанные, бараны дохлые! — закричал Залетный, умевший ругаться с вывертами, зали-

хватски, но не кончил. Дверь землянки вдруг взвизгнула, открылась, и в ней показался человек, заросший до глаз волосами, в ветхой шапке и в рваном полушубке.

— Ты кто здесь, приятель, будешь? — спросил дед Фишка, сделав несколько шагов к землянке.

Человек вскинул голову.

Дед Фишка попятился назад, всплеснул руками:

— Наваждение окаянное! Что это с тобой приключилось?

— Загиб я, — сказал человек и заплакал.

Тимофей и Максим переглянулись, не понимая еще, что все это значит. Дед Фишка обернулся к Залетному.

— Узнаешь, Тимофей?

— Да кто это?

— Дениска Юткин.

Залетный приблизился, заглянул Дениске в лицо, строго спросил:

— Откуда ты, леший, тут взялся?

Дениска рукавом вытер опухшее волосатое лицо, заговорил путано, торопливо, пугаясь своего голоса. Из его беспорядочных слов партизаны поняли, что поселился Дениска в этом месте осенью, после захвата партизанской армией Волчьих Нор, когда Евдоким Юткин вместе со своими друзьями из «армии содействия» перекочевал в Жирово. Пока Евдоким Юткин был в Волчьих Норах, вдали от Дениски, он мог не замечать того, что младший сын его стоит в стороне от борьбы с красными. Теперь Евдоким вспомнил о сыне и позвал его к себе. Дениску определили ординарцем к штабс-капитану Ерунде, исполнявшему обязанности начальника контрразведки в штабе полковника Бурова. В первую же ночь Дениска бежал куда глаза глядят.

— Ах ты, глупый! Да разве можно в твои годы жить тут одному? Ты и умом рехнуться мог бы. К партизанам и шел бы! — мягко, с сочувствием проговорил дед Фишка.

Дениска нахохлился, вздохнул:

— Была у меня и об этом дума, да побоялся, что не поверят мне партизаны...

— Вот и зря! — сказал Залетный.

Дениска опустил голову.

— Ну что ж, сваток, — улыбнулся дед Фишка, — от судьбы, видно, не скроешься. Партизаны сами пришли к тебе.

— А возьмете? — с надеждой в голосе спросил Дениска Залетного, угадывая в нем командира. Тот утвердительно кивнул головой. Дениска от радости не знал, что делать. Он кинулся было зачем-то в землянку, но заметил Максима и бросился к нему.

— Как ты себе, дядя Денис, еду-то здесь добывал? — спросил Максим.

— Еда была! Зерна осенью с токов наворовал, а рыбу тут можно голыми руками ловить. Орех бил, ягоду собирал. Соли вот не было...

Теперь, когда всей этой жизни наступил конец, Дениска, рассказывая, даже улыбался.

С помощью Дениски, хорошо знавшего окрестности Жирова, дед Фишка кратчайшим путем вывел отряд на проселочную дорогу. Почувяв под ногами наезженный путь, лошади пошли быстрее. Люди держались теперь на чеку. Бой мог возникнуть в любую минуту.

Верст за пять до Жирова, в логу, неподалеку от тракта, сделали привал. Перед боем нужно было покормить лошадей, подкрепиться самим, привести в готовность оружие, выслать на тракт разведку и связных в штаб армии.

Залетный был опытный и распорядительный командир, но когда дело дошло до отправки связных в штаб, он призадумался. Среди конников не оказалось ни одного, кто хорошо знал бы расположение дорог, идущих в обход Жирова.

Вот тут-то пригодился Дениска Юткин.

— Это, Тимофей, нам Дениску сам бог послал, — говорил дед Фишка.

— На всякий случай я с ним внука твоего Максима да Андрюшку Зотова пошлю. Вздумает этот божий посланец к папашке переметнуться, пусть ребята отправят его обратно к богу, — подмигивая окружавшим его командирам взводов, сказал Залетный.

— Ну, ну, не грехи, Тимофей! Он к нам со всей душой, — заступился за Дениску дед Фишка.

Залетный согласился:

— Не спорю, а только догляд не мешает. Новый он у нас человек.

Дениска принял поручение с волнением и радостью. Он понимал, что доверие партизан надо заслужить делом, и ему не терпелось. Вскоре подошли Максим и Анд-

рей Зотов. Командир повторил им боевую задачу и, помолчав, предупредил:

— Держитесь на виду друг у друга, но не кучкой. В одиночку легче проскочите. Выбери им, Финоген Данилыч, лыжи покрепче.

Потом Залетный отозвал Максима в сторону и, шепча ему на ухо, наказал поглядывать за Дениской в дороге.

Дед Фишка принялся в это время наставлять Дениску. На прощанье старик снял с себя шарф, накинул его на шею Дениске и в ответ на его протесты сказал:

— А ты, сваток, не шуми. У нас, у партизан, все этак: мое — твое, твое — мое. У меня, вишь, и шуба с воротником, и шарф, а у тебя шея голая. Иди, иди, дружок. Дай бог удачи!

Дед Фишка проводил разведчиков до ближайшего леска и вернулся к отряду.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

К вечеру того дня, когда Архип Хромков занял эстонские хутора, главные силы юксинских партизан достигли Пихтового лога. По оперативному замыслу Пихтовый лог должен был стать базой наступления. В густом, темном лесу предстояло расположить походный лазарет, склад с вооружением, продовольствием и фуражом, разместить до семи взводов резерва, запрятать на время сражения излишние повозки и лошадей.

Работа закипела горячо и живо. Главный интендант партизанской армии Мартын Горбачев, ни на минуту не слезавший с лошади, не успевал распоряжаться.

Через полчаса в лесу уже стояли палатки, укрытые сверху пихтовыми ветками, дымились костры.

Матвей Строгов вместе с начальником штаба объехал лагерь, посоветовался с Мартыном, отдал кое-какие приказания и заторопился — его путь лежал дальше.

Штаб партизан решили разместить верстах в трех от Пихтового лога, на бывшей пасеке купца Голованова, пустовавшей уже несколько лет.

Пасека находилась на опушке лесного массива, тянувшегося широкой полосой через Пихтовый лог к наделам волченорских крестьян. В жировском направлении лесной массив сразу за пасекой редел, переходил в мелколесье и обрывался у самого села. Тут, на обширной поляне, по плану штаба, юксинские партизаны должны были помериться силами с белокулацким войском.

В сумерках, объезжая лесные завалы, непролазные заросли и незамерзающие родники, Матвей с начальником штаба и группой связных, находившихся под командой Мирона Вдовина, приехал на пасеку.

Разведчики и заставы охранения, высланные сюда раньше, расположились уже здесь. Выставив по всей опушке леса свои секреты, они заняли избушку, где когда-то жил пасечник, растопили печку, вскипятители чай. Застоявшийся воздух от тепла и табачного дыма улетучился, избушка встретила путников обжитым духом.

Мирон Вдовин принес ящик с походным имуществом штаба, фонарь, большой медный чайник, кружки из белой жести. Старостенко вытащил из кожаного портфеля, который всегда возил с собой, пачку бумаг и при тусклом свете фонаря начал что-то писать, изредка отрываясь и о чем-то переговариваясь с Матвеем. Партизаны, набившиеся в избушку, заметили, что штаб армии приступил к работе, и стихли, а некоторые вышли на улицу.

Вскоре в избушке появился Антон Топилкин в длинной кавалерийской шинели и в папахе, заломленной набекрень. Матвей и Старостенко давно его ждали. Антон присел на лавку рядом с Матвеем, начал рассказывать о посещении «батарейцев», к которым он испытывал особенную привязанность.

Батарея партизанской армии была создана еще осенью. После захвата Волчьих Нор в одном из хлебных амбаров купца Голованова партизаны нашли три изъеденных ржавчиной орудийных ствола. Когда и кто их туда доставил — никто не помнил, но на хлебоскупочном пункте при взвешивании больших партий зерна их использовали вместо гирь. Может быть, стволы и дальше бы лежали в амбаре без пользы, если бы не наткнулся на них Антон Топилкин.

— Надо из них, служба, пушки соорудить, — сказал он Матвею.

Командующий, уже не раз подумывавший о том, что партизанской армии не мешало бы обзавестись пушками, обрадовался этой затее. Пригласили осмотреть стволы Старостенко. Тот осмотрел их и, подсчитав что-то на бумажке, сказал:

— Ничего, друзья, не получится. Если даже наварить на стволы затыльники и приделать капсюли, как вы предлагаете, стрелять из них все равно будет нельзя.

Мнение умного и опытного Старостенко для Матвея с Антоном во многом было непререкаемым, но в этом случае он их не убедил. Друзья переглянулись и без слов поняли друг друга: пусть-де ученый человек говорит все что хочет, возражать ему не станем, но задуманное дело доведем до конца.

На другой день стволы были перевезены в кузницу. Вскоре на полях за Волчьими Норами пушкам было произведено испытание. Антон и Матвей сами заряжали их и производили выстрелы.

Пушки не только не взорвались, но, заряженные крупной картечью, били довольно кучно и так оглушительно, что после выстрела с минуту звенело в ушах.

Лафеты для пушек вытесали из тяжелых лиственничных чурбаков. Пушки хорошо уместались на санях, и поэтому передвижение их не составляло больших трудностей.

По планировке сражения орудия предполагалось выставить в разных местах, под прикрытием леса.

Антон осмотрел позиции и пришел к другой мысли:

— Пушки надо поставить вместе, возле дороги. Если белые решатся на прорыв, они, конечно, двинут свои силы по тракту. По целине не пойдут. Там в сугробах завазнут и люди и лошади.

— Ну, а как быть, если белые решатся все-таки обойти нас стороной от дороги? — блеснув из-под очков белками глаз, спросил Старостенко.

Ему ответил Матвей:

— Будем держать наготове лошадей. Передвинуть пушки не бог весть как трудно.— Помолчав, Матвей улыбнулся.— Прделаем, Илья Александрович, как это ты говоришь по-ученому-то?

— Тактический маневр?

— Вот-вот,— закивал головой Матвей и крикнул: — Вдовин!

Низкорослый Мирон, растолкав партизан, гревшихся в избушке у печки, подошел к столу.

— Давай связного на батарею.

Мирон назначил человека, не сходя с места.

Матвей рассказал связному суть дела, переспросил, проверяя, как он усвоил приказание, и отпустил его.

На стол передали с печки вскипевший чайник. Матвей налил кружку, но выпить не успел — в штаб явился посыльный от Архипа Хромкова с донесением о захвате после боя эстонских хуторов. Матвей усадил партизана на старую, уже полуистлевшую колоду-дуплянку и принялся расспрашивать, велики ли потери в отряде, сколько захвачено оружия, подобраны ли убитые.

А через час штаб наполнился связными со всех сторон: от разведчиков, от дружин нападения, от батарейцев. Прислал связного и Мартын Горбачев. Но о движении конного отряда Тимофея Залетного, который выполнял сложный тактический маневр и должен был обрушиться на белых с тыла, никаких сведений не поступало.

Матвей хмурился, с надеждой присматривался к каждому входившему в избушку. Он так был озабочен молчанием Залетного, что забыл и о чае, хотя жажда давно томила его.

2

Ночь выдалась с причудами, как в сказке. С вечера она окутала лес и поля так плотно, что даже снег стал темного цвета. Временами откуда-то сверху коршуном налетал ветер, яростно трепал макушки деревьев и, словно сраженный пулей охотника, постепенно затихал.

В полночь вошел месяц. Едва он появился, небо засияло звездами, снег заискрился, на поляны легли тени от кустов и деревьев. Млечный Путь перекинулся мостом через весь небосвод. Окреп и морозец. Лес подернулся инеем, засеребрился, освещенный лунным светом. Над полыньей возле избушки поднялось плотное облако пара, такое белое, что издали оно казалось сугробом снега.

Покончив со штабными делами, Матвей вышел на воздух и удивился. Пока сидел под крышей и строил рас-

четы, что ночь будет темным-темна, произошло непредвиденное.

— Некстати вызвездило,— недовольно проговорил он.

— Ого, на мороз повернуло. Гулко! — озабоченно сказал Старостенко.

— Стожары-то где! Ночи уже много! — поднял голову Антон.

Говорили разное, но все трое думали об одном: Залетный молчит по-прежнему.

Сели на лошадей, подведенных ординарцами, не спеша поехали по опушке леса, от взлобка к взлобку. Секреты вырастали как из-под земли, останавливали штаб, с нетерпением спрашивали:

— Скоро?

К дружинам нападения подъехали вплотную. Партизаны лежали на тулупах и собачьих дохах. Костров разводиться не полагалось. Нетерпение и тут охватило всех.

— Скоро?

Иван Каляев, командир дружины нападения, настойчиво говорил:

— Товарищ командующий, Матвей Захарыч, давай начинать скорее. Силой людей держу.

Матвей и сам понимал, что уходят невозвратные часы, но от Залетного по-прежнему не было никаких известий.

В секретах, на передовых заставах опять спрашивали:

— Скоро ли? За чем дело стало?

— Счастливой минуты ждем,— отшучивался Старостенко.

Повернули обратно. Матвей ехал молча. Невольно вспомнилось пережитое. Поднятые однажды на Светлом озере по тревоге, мужики прощались с жизнью и плакали. Теперь они рвались в бой и ничто не пугало их.

Вдруг за лесом раздалось несколько выстрелов. Потом слышался одинокий крик человека. Через минуту выстрелы захлопали снова. Кто-то выпалил несколько раз подряд неподалеку от того места, где ехал Матвей со штабом.

Матвей ударил лошадь плетью, висевшей на руке, поскакал на передовую заставу, подмывая кустарник и обламывая сучья.

— Кто стрелял? — сдавленным голосом крикнул он, заведя впереди сгрудившихся партизан.

Из группы отделился командир заставы, ломовицкий батрак Никита Михеев.

— Я стрелял, товарищ командующий.

Бросив поводья, Матвей спрыгнул с седла, приблизился к партизанам.

— Я вам что приказывал?! — закричал он, будучи не в силах сдерживать гнев.

— За человеком, вишь, товарищ командующий, белки гнались. К нам бежал. Душа-то и не стерпела. Винюсь...— простодушно сказал Никита, стараясь стоять перед командующим навтыжку.— А человек-от вон он, в снегу лежит. Подстрелили, видать, ока-янные.

Подъехали отставшие от Матвея Старостенко, Антон и ординарцы. Матвей приказал доставить перебежчика в лес.

Никита Михеев и с ним еще три партизана поползли к человеку, черневшему на снежной поляне, освещенной мягким голубоватым светом месяца. Однако предосторожности оказались излишними. Посты белых молчали. На ногах человека оказались лыжи. Партизаны положили его на них и без особых усилий подтащили к лесу. Матвей склонился над ним, присматриваясь. Окалясь, на него смотрел остекленевшими глазами обросший бородой человек, похожий на Дениску Юткина.

У Матвея похолодело в груди. Стараясь удостовериться в своей догадке, он опустил на колено возле трупа, просунув руку под закинутую назад голову, приподнял его. Одна лыжа выскользнула из-под трупа, и Матвей поспешнее, чем требовалось, опустил его на снег.

— Товарищи, это Денис Юткин, он от Залетного шел,— поднимаясь на ноги, сказал Матвей.

Все, как по команде, склонились над Дениской.

— Лыжи у него мои,— сказал Матвей.

Теперь все разогнулись и посмотрели на Матвея.

— А не ошибка? — спросил Старостенко.

Матвей вытащил из-под Дениски вторую лыжу и сказал:

— Какая же ошибка? Вот и ремни мои. А вот заплатка на обшивке. Дед Фишка перед походом чинил.

Все это было неоспоримо, но Антон и Старостенко молчали, по-видимому все еще сомневаясь в словах Матвея.

— Унесите его в избушку,— приказал Матвей и, обретая вновь утраченную в ожиданиях уверенность, крикнул:

— Ординарцы! Передайте сигнал к бою!

Ни Антон, ни Старостенко не ожидали, что командующий, минуту тому назад расстроенный, озабоченный и какой-то растерянный, повернет так круто.

Верховые как ошалелые поскакали в разные стороны. Лес ожил, наполнился свистом, говором, треском.

Тускнел свет месяца, гасла голубизна снега, темнело небо, звезды мерцали уже из глубины мягко-бархатной наволочи. Сумрак сгущался, чтобы через час бесследно исчезнуть.

3

Дружины нападения были на середине поляны, когда из-за угла строений дробно застучали пулеметы.

Внезапность нападения, на которую серьезно рассчитывал штаб партизан, из-за выстрелов Никиты Михеева была наполовину утрачена. Буровцы, и без того державшиеся начеку, мгновенно пришли в движение. Теперь от партизан требовалось еще больше смелости и отваги.

Матвей понял все это с первой минуты боя. Он вылетел на своей быстрой серой лошадке из лесу и, приподнявшись на стремянах, закричал:

— Ребята! Не робей!.. Во дворы пробивайся!..

Первые цепи партизан были уже далеко и не слышали голоса командующего, но оказавшиеся рядом с ним еще стремительнее побежали вперед.

Жирово лежало окутанное предутренним липким сумраком. Мигавшие в избах огоньки потухли, едва лишь раздались первые выстрелы.

Пулеметы белых татакали взхлеб то поочередно, то все сразу. Пока обстановка для белых оставалась неясной, они заботились только об одном: закрыть доступ в Жирово по проулкам.

Вдогонку дружинам нападения Матвей направил три взвода стрелков, вооруженных самым различным оружием — от винтовки до дробовых и капсюльных ружей.

— В овинах и банях, ребята, оседайте,— наказал им Матвей.

Но стрелки не достигли цели. Белые заметили их, и пулеметы пустили длинные очереди, рассеивая веер пуль широко по фронту. Стрелки залегли, пряча головы в сугробах снега.

Матвей кинулся на левый фланг, куда по времени уже должен был прибыть отряд Архипа Хромкова. В березнике, возле самой поскотины, он наткнулся на партизан, преспокойно сидевших кучками, как на привале.

— Какого черта на месте стоите? Занимайте крайнюю улицу! — закричал Матвей, увидев Архипа.

Матвей резко повернул коня и крикнул строго:

— А ну, мужики, подымись!

Одни узнали командующего по голосу, другие увидели его в лицо,— предутренний сумрак стал совсем уже редким. Партизаны поднялись, опережая друг друга.

— Мужики! Живо стройся. За мной! — крикнул Матвей и ударил свою лошадь плетью.

Партизаны схватились за оружие.

Матвей подскочил к следующей стоянке партизан и остановился. Вновь слышались его горячие, призывные слова. Они поднимали с земли уставших людей.

Ни страха, ни тревоги не было в эти минуты в душе Матвея. Был лишь трепет. Каждая жилка в теле, каждая частичка его души были охвачены страстью борьбы и словно пели, ведя его самого и увлекая других.

Лошадь будто чувствовала состояние своего седока. Она приплясывала, крутилась колесом, нетерпеливо дергая повод.

Лес тянулся почти до самых жировских огородов.

Матвей вывел партизан из березника и отпустил поводья. Лошадь понеслась по ровной поляне легко, свободно, оставляя позади себя партизан. Вдруг ноги ее подломились, и она упала, подминая под себя Матвея.

Пули засвистели над его головой.

— Отец, поберегся бы! — закричал Артем, подхватывая отца под руки и помогая ему встать.

— Какого коня загубил! — произнес Матвей, глядя на лошадь, содрогающуюся в предсмертных судорогах. На ее полузакрытых, мученически тоскливых глазах выступили крупные слезы, вмиг застывшие на морозе.

Пули опять засвистели вокруг, взметая снежный дымок. Матвей сгорбился, побежал, размахивая руками, то и дело проваливаясь в снег.

— Вперед, мужики, вперед! До заборов близко! — прокричал он, заметив, что первая цепь партизан остановилась и, несколько секунд постояв на одном месте, попятилась.

До заборов на самом деле было еще далеко, но голос командующего прибавил партизанам уверенности. Они побежали стремительно, с каждой минутой ускоряя бег. Многие из них падали, но тут же вставали и бежали дальше. На поляне там и тут чернели распластанные на снегу человеческие фигуры. Эти уже не могли встать. Но сейчас, в пылу боя, их не замечали.

Впереди всех бежал Калистрат Зотов. И откуда взялось в нем столько резвости! Матвей видел, как он молодецки перемахнул через изгородь. До двора, из которого не переставая строчил пулемет белых, оставалось несколько шагов. Калистрат поднял над головой гранату, видимо намереваясь метнуть ее в пулеметчиков, но сделать этого не успел. Сраженный пулями, он упал навзничь и остался лежать неподвижно, — граната взорвалась возле него.

«Прощай, друг!» — только и успел сказать про себя Матвей. Рядом резко вскрикнул Артем. Матвей обернулся: сын сидел на снегу, корчась от боли. Подбежал отрядный санитар с сумкой, набитой холщовыми бинтами. Взглянув в побелевшее, перекошенное болью лицо сына, Матвей подумал с тоской: «Неужели смертельно?..»

Эта мысль взъярила его. Сунув в кобуру тяжелый маузер, он отстегнул с ремня гранату «лимонку» и побежал широкими прыжками к пулемету белых.

Но пулемет уже молчал. Партизаны перебили солдат и собрались около трупы Калистрата Зотова.

Матвей кинулся к пулемету. Несколько партизан — за ним.

— Из пулемета умеете стрелять? — задыхаясь, спросил их Матвей.

Мужики переглянулись.

— Не можем, товарищ командующий, ежихинские мы, — проговорил один из партизан.

— Не беда! Выкатывайте пулемет на улицу. Сейчас вам пулеметчика пришлю.

Мужики бережно, словно боясь, что пулемет может рассыпаться, подняли его и понесли на руках. Кстати подвернулся один из ординарцев командующего, бывший фронтовик Сенька Лобастов.

— Командуй, Семен, расчетом,— сказал ему Матвей. Сенька подал командующему поводья и побежал догонять мужиков.

Матвей только успел вскочить в седло — подъехал Архип Хромков.

— Как там? — спросил Матвей.

Архип понял, что тревожит командующего.

— Артема — в правую ногу, а Калистрата — напо-вал.

— Сколько еще убитых? — спросил Матвей.

— Семерых подобрали, да двое раненых при смерти.

— Дорого обошлось нам,— тяжело вздохнув, проговорил Матвей.— А Калистрат-то каков? Как он шел — ты бы посмотрел!

— Герой! А вспомни-ка, вечно чего-то боялся...— сказал Архип, поглядывая в ту сторону, где лежал на снегу Калистрат.

Матвею сразу вспомнились страдальческие глаза Калистрата, его морщинистое, испитое лицо и робкий, как бы предупреждающий всегда голос: «А не подождать ли, Захарыч?»...

— Трусости в нем не замечал, а осторожности было у него через край,— проговорил Матвей твердо, как давно решенное и взвешенное.

И Матвею и Архипу еще и еще раз хотелось упомянуть добрым словом погибшего друга. Но бой разгорался.

Пулеметная стрельба на другом краю Жирова после небольшого затишья началась вновь, и с еще большим ожесточением.

Матвей сказал:

— Белые атаковать вздумают — держитесь, Архип, зубами. Если нам прорваться там не удастся, брошу силы сюда. Теперь мы одной ногой в Жирове.

Он поправил на голове закуржавевшую папаху, смахнул с усов и бороды настывшие сосульки и пустил лошадь с места в карьер. По непрерывному треску пулеметных очередей и взрывам гранат он определил, что на линии главного удара завязался упорный бой.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1

Максим и Андрей отстали от Дениски на подходе к Жирову. Когда дозорные белых кинулись догонять Дениску, Максим с Андреем, под прикрытием кустарника, с тревогой наблюдали за тем, как Дениска, кружа по поляне, убегал к заброшенной пасеке. Дозорные белых, по-видимому, были без лыж, и это затрудняло погоню.

Перестрелка встревожила белых. Заметались дозоры. Пробудилось село: скрипели ворота, перекликались люди.

Максим и Андрей легли на лыжи, доползли до риги и в ней спрятались.

Когда за Жировом началась пулеметная и ружейная стрельба, Андрей, не сдержав радости, вскрикнул:

— Дошел он, Максим! Дошел!

— Да не ори ты, дура! — обругал его Максим.

Неподалеку от риги начинались постройки маслобойни: избушка, продолговатый амбар, сарай. Сама маслобойня, с высокой железной трубой, стояла немного подальше, на бугорке, возле речки, и в маленьком оконце ее, обращенном как раз в сторону риги, поблескивал огонек.

Хотя сумрак еще не совсем рассеялся, Максиму и Андрею хорошо было видно, как замечались около маслобойни верховые и пешие.

— Склад тут у них, — прошептал Андрей.

— Как бы не склад! Казарма там, — возразил Максим.

Они запрятали лыжи, забрались на солому и стали наблюдать.

Лежать было мучительно. Там, в Жирове, разыгрывался бой: стрельба становилась ожесточенной и временами сливалась в сплошной гул. Хотелось броситься туда, на помощь своим.

Максим высунул голову из соломы, заговорил вполголоса и тут же оборвал себя.

В стороне от маслобойни раздались крики, ругань. Ребята кинулись прямо по соломе в конец риги. Тут ме-

стами жерди обломились, и в стенке образовались дыры, полуприкрытые висящими глыбами снега.

От маслобойни по занесенной дороге солдаты гнали толпу людей.

— Тюрьма у них тут, а я-то думал...— наблюдая за толпой через плечо Максима, проговорил Андрей.

— На расстрел повели. Зачуяли гибель, собаки!— сказал Максим.

Толпа приближалась. Люди шли, взявшись за руки, по четверо в ряд. Изрядка раздавались какие-то неясные возгласы, похожие на стон.

Когда конвой свернул с дороги и погнался арестованных по снегу к риге, Андрей чуть не вскрикнул:

— Ты смотри, смотри, кто там идет!

Но Максим был занят своими мыслями:

— Айда скорее прятаться! Их расстреливать тут будут,— проговорил он и, не слушая Андрея, бросился к ворохам соломы.

Андрей отпрянул от дыры, шагнул вслед за Максимом, но вернулся и еще раз посмотрел на арестованных.

Да, теперь он мог поклясться головой, что не ошибался. Впереди, рядом с Кинтельяном Прохоровым, шла та самая женщина, которая помогла Андрею и Максиму на пароходе укрыться от казачьей облавы.

Женщина была в короткой курточке, без платка, и ветер трепал ее волосы. Андрей не мог еще рассмотреть выражения ее лица, но то, что она идет без страха, гордо вскинув голову, он видел отлично.

Задыхаясь от волнения, Андрей сказал об этом Максиму.

— Эх, выручить бы ее! — вздохнул Максим и заглянул Андрею в глаза. Он прочитал в них одобрение и решимость.

В их распоряжении оставались минуты. Они поспешно принялись обсуждать, что им делать.

Совсем близко зафыркала лошадь. Ехал кто-то из офицеров. А еще через минуту послышался хруст снега под ногами людей.

Арестованных остановили возле риги. Теперь ребята хорошо слышали прорывавшиеся стоны и вздохи людей, их надрывный кашель.

Рига была высокой, длинной, рассчитанной на прием сразу целой кладки хлеба. Процокали по утрамбованной

земле копыта лошади. Офицер проехался по риге, осмотрел ее.

— Послушайте, прапорщик,— растягивая слова, проговорил он.— Поставьте вон там, в самом конце, а когда кончите — подожжете солому.

Максим выглянул из-под соломы и сжал крепче винтовку: в седле сидел хорошо знакомый волченорцам офицер-каратель, подручный штабс-капитана Ерунды. Максиму не приходилось раньше видеть поручика, но приметы были его: мрачные, оловянные глаза, костлявое, испитое лицо, сухой, горбатый нос.

Из-за села донесся нарастающий гул стрельбы. Офицеры переглянулись, и поручик сказал:

— Начинайте, прапорщик, и побыстрее, без канители...

Вновь заскрипел снег. Максим приподнял над головой солому. Мелькнуло знакомое лицо Кинтельяна Прохорова, с круглой бородкой, с острым носом, потом синие глаза той женщины. Максим вытянул шею, испытывая желание еще раз взглянуть ей в лицо, но перед глазами замелькали дубленые полушубки, домотканые зипуны, кудлатые папахи и землисто-зеленые лица... Арестованных было втрое больше, чем конвоиров.

— А ну, становись там, живее становись! — раздался визгливый голос прапорщика.

Максим сжался: сейчас закричат, застонут люди, встречая свой страшный смертный час. Но никто не кричал, не плакал.

Выждав еще немного, Максим прицелился и выстрелил. Поручик привскочил в седле от резкого прыжка лошади, взмахнул руками и опрокинулся навзничь. Раздувая ноздри, испуганная лошадь рванулась из риги, ударив о столб головой повисшего в стремени седока.

Максим стрелял раз за разом, почти автоматически. Солдаты не успели еще выстроиться и стояли толпой. Прапорщик бросился к воротам, но пуля, посланная Андреем, догнала его. Не зная, откуда стреляют, солдаты смешались, прячась друг за друга. Зато арестованные не теряли времени. Хилые, обессиленные, истерзанные пытками, только что безразличные ко всему, они вдруг обрели силу и ловкость и с яростью бросились на солдат. Кто-то из солдат успел выстрелить, но его в то же мгновение смяли. Сбитые с толку, охваченные паникой, сол-

даты пустились наутек. Их косили теперь не только пули Максима и Андрея — несколько винтовок было уже в руках арестованных.

Когда переполох в риге кончился, Максим и Андрей выбрались из соломы.

— Дядя Кинтельян! — крикнул Максим, направляясь по зыбучей соломе к Кинтельяну Прохорову. Люди бросились навстречу своим спасителям:

— Товарищи! Родимые! — Максима и Андрея обняли сразу десятки рук.

— А где остальные? Кто еще с вами? — окидывая ригу взглядом, спросил Кинтельян.

— Двое нас.

Люди заахали, опять потянулись к Максиму и Андрею.

— Ну, а меня вы узнаете?

Максим поднял глаза. Против него стояла высокая синеглазая женщина, похудевшая, с кровавыми подтеками на лице.

— Сынок-то какой, Ольга Львовна, у Строгова! Весь в отца, — любуясь Максимом, сказал Кинтельян.

Соколовская, морщась от боли и с трудом шевеля губами, сказала:

— Отца давно знаю, а с сыном осенью на пароходе познакомилась.

— Спасибо вам. Выручили вы нас тогда, — смущенно проговорил Максим.

Спасенные от смерти, возбужденные и ликующие люди не замечали в эти минуты, что опасность миновала только наполовину. Но вот ухнула пушка, и исчезли счастливые улыбки с изможденных лиц, затих говор и беспокойство взметнулось в глазах, не остывших еще от горячих слез радости.

— Товарищи, нам надо быть наготове, — сказала Соколовская, и все увидели, что она держит в руках винтовку.

Максим сообщил, что вот-вот с этой стороны должен появиться конный отряд Тимофея Залетного. Соколовская предложила из риги не выходить, вооружиться винтовками, отбитыми у солдат, и ждать партизан.

Винтовок не хватило на всех. Соколовская распределила их среди наиболее здоровых и опытных мужиков и расставила посты. Поеживаясь от холода, она ходила от

одного поста к другому. Никто не назначал и не избирал ее командиром, но все беспрекословно слушались ее и выполняли все, что она говорила.

Раненные в схватке с солдатами старики и все, кому не досталось оружия, собрались на соломе, сидели, прижавшись один к другому, и прислушивались к винтовочным выстрелам, которые доносились издалека.

Временами стрельба почти затихала совсем, но потом вновь разгоралась. Воздух содрогался от коротких ударов партизанских пушек. Протяжно свистели снаряды белогвардейских легких полевых орудий. Люди в риге наклоняли головы, вздрагивали от грохота,— казалось, что снаряды летят над ними и рвутся где-то близко.

Максим и Андрей не отходили от Кинтельяна. Они сидели в самом дальнем углу риги, смотрели на поляну, по которой одиноко бродила лошадь поручика, и слушали неторопливый рассказ партизана.

По поручению комиссара Топилкина Кинтельян ездил в город добывать патроны. В городе он попал прямо на квартиру к Соколовской, и дальше уже ни о чем беспокоиться ему не пришлось. Несколько дней он прожил в маленьком домике на окраине у одного деповского рабочего, а накануне отъезда явилась Ольга Львовна и сказала, что сама тоже едет в партизанскую армию на Юксу. Нагрузили возок, выехали, почти весь путь проехали благополучно. А неподалеку от Жирова на проселке спознали Кинтельяна кулаки-односельчане Буяновы и, видать, донесли. Через полчаса подводу нагнали верховые. Так и очутились Кинтельян с Ольгой Львовной в белой контрразведке.

— Солдаты! А-а-а! — раздался в риге чей-то истошный вопль. Сидевшие на соломе вскочили, заметались по риге.

Максим высунулся в дыру. За маслобойней, на бугре, он увидел конников. Они приближались на рысях. Вот они скрылись в ложке, потом вынырнули оттуда и растянулись по взлобку.

Вдруг конники осадили лошадей, постояли на одном месте, повернули и понеслись галопом.

Узнав своих, Максим выбежал из риги. По березнику, на село лавой неслись партизаны Тимофея Залетного. Они мелькали среди оголенных деревьев, на зимнем солн-

це поблескивали клинки и винтовки, и оттого казалось, что движется их несметное число.

Голубые глаза Максима заискрились, худощавое лицо запылало румянцем.

— Наши идут! — закричал он, потрясая винтовкой.

Опережая друг друга, люди с восторженным ревом бросились из риги.

Отряд Залетного пронесся по березнику, вздымая снежную порошу, и скрылся за домами. Вскоре на улицах Жирова завязался ожесточенный бой.

Соколовская собрала всех, кому достались винтовки, и повела в село.

Максим с удивлением поглядывал на нее. Ольга Львовна была в ботинках. Ноги ее вязли в снегу до колен, юбка заплеталась и мешала двигаться. Но, выставив как-то странно вперед плечо, она не отставала от Кинтельяна и Максима.

Огородами и пустырями отряд выбрался к волостному правлению, где размещался штаб белых.

Офицер, руководивший эвакуацией штаба, испуганно закричал, бритое, морщинистое лицо его перекосилось от страха. Он заметался по двору, потом всунул дуло револьвера в рот и выстрелил.

Солдаты у ворот побросали винтовки и подняли руки. Мужики, грузившие ящики с бумагами и со штабным добром, опасаясь, как бы партизаны в горячке не перестреляли их, последовали примеру солдат. Только Евдоким Юткин не захотел сдаться. Перепрыгивая через сани и ящики, он бросился в ворота и не по летам быстро и легко побежал через площадь к церкви.

Вскинув винтовку, Кинтельян выстрелил в него, но Евдоким продолжал удаляться, с каждой секундой ускоряя свой бег. Кинтельян выстрелил еще. Евдоким споткнулся, но не упал.

Раздосадованные неудачей Кинтельяна, партизаны принялись палить в него из пяти винтовок. Но, словно назло им, Евдоким бежал невредимый. Он приближался уже к церкви, когда наперерез ему из проулка вылетели конники. Впереди них несли Тимофей Залетный.

Евдоким кинулся в одну сторону, в другую. Но Тимофей быстро настиг его. Вздыбился горячий конь. Сверкнула сабля. Евдоким Юткин рухнул на снег, как тяжелый лиственничный кряж.

Зимний день разгорался, невзирая ни на что. Дым от пальбы и подожженных изб, расстилавшийся над поляной, не мог заслонить ни желтого в голубой оправе солнца, ни прояснившегося синеватого неба, ни ослепляющих переливов искрящегося снега.

Пронизанный дневным светом березник просвечивался по крайней мере на полверсты. Резервы, которые Матвей приказал подвести из Пихтового лога, были замечены и обстреляны на довольно значительном расстоянии от места боя.

Матвей приказал партизанам рассредоточиться и передвигаться ползком.

Ожесточение боя не уменьшалось, хотя день был уже на половине и солнце стояло высоко.

Отряды и команды партизанской армии были изрядно потрепаны. Особенно пострадали стрелки. Захваченные губительным огнем пулеметов на середине поляны, они полегли, не причинив белым почти никаких потерь. Дробовые ружья стрелков производили много шума, но были бессильны против пулеметов и винтовок. Наиболее серьезные потери понесли дружины нападения.

Отовсюду к Матвею скакали посыльные с просьбой дать подкрепление. Старостенко и Антон предлагали ввести в бой резервы, но Матвей медлил. Сговорчивый и покладистый в обычное время, он был на этот раз непоколебим.

Главную цель сражения, самой большой и серьезной операции юксинских партизан, он видел не в захвате Жирова, а в уничтожении врага. Такое сражение готовилось штабом с самой осени, и приезд Артема только приблизил его.

Подведя свои последние резервы, Матвей приказал готовиться к штурму Жирова. Теперь это было значительно проще и легче: Архип Хромков удерживал крайнюю улицу и отвлекал кое-какие силы белых на себя. Залетный все больше и больше расширял захваченный район и, судя по выстрелам, находился где-то в центре села.

Матвей полагал, что после шести ожесточенных контратак белые на седьмую уже не способны.

Все время боя он вместе со штабом находился в бе-

резнике, неподалеку от передовых дружин. Тут, в окружении молодых березок, стояла сломанная ударом молнии толстая лиственница. Матвей взбирался в расщелину и, оказавшись выше берез, обозревал все поле. Временами он спускался с лиственницы, и туда забирались либо Антон, либо Старостенко.

Штаб ни на минуту не терял связи с отрядами и командами. На взмыленных лошадях связные метались по полям и перелескам вокруг Жирова.

Перед штурмом Матвей вновь разослал связных. Он приказывал командирам поднять в эту решающую минуту всех способных владеть оружием.

Наказав Мирону Вдовину оберегать имущество штаба и на всякие запросы из отрядов отвечать, что штаб больше не распоряжается, а дерется и того же требует от других, Матвей направился березником к передовой цепи.

Старостенко и Антон шли позади. Старостенко кряхтел, отдувался, сплевывал, и по всему чувствовалось, что начальник штаба чем-то раздосадован. Антон, наоборот, был оживлен и весел. Он то посвистывал, то баском бормотал себе под нос слова какой-то песенки. Матвей молчал. Каждый из них волновался за предстоящее и, как умел, скрывал это волнение.

От лиственницы до поляны было не больше версты, но Матвей успел передумать очень многое. Первый раз за все эти месяцы промелькнула у него мысль о смерти. Не затем он идет, чтобы стоять в стороне. Ему придется быть там, где всего опаснее, где нужно биться, позабыв о себе.

«Ничего, еще один нажим, и мы победим их». Эта мысль была такой выстраданной и желанной, что смерть его уже не страшила.

Когда до передовой линии осталось не больше ста сажень, Матвей, полуобернувшись, не то шутя, не то серьезно сказал Антону:

— Если убьют меня, служба, схороните на Тараскином бугре за Волчьими Норами.

— Ты что это? — встревоженно спросил Антон, хотя и сам перебирал в эти минуты всю свою жизнь и подумывал о смерти.

— На всякий случай, служба. Не в бабки идем играть, — спокойно ответил Матвей и остановился. Не

спеша, он снял с рук варежки, поправил ремень, на котором болтались круглые гранаты «лимонки», ладонью с большой тщательностью пригладил закурчавившуюся бородку. Прodelав все это, он к чему-то заглянул в дуло вороненого маузера и слегка потряс им, точно взвешивая на руке.

Антон и Старостенко молча смотрели на него, не решаясь идти впереди командующего.

Только Матвей тронулся — с поляны послышались крики и отборная ругань. Матвей вначале ускорил шаги, затем побежал, придерживая рукой гранаты. Антон и Старостенко не отставали.

Вскоре Матвей выбежал из березника на поляну и увидел, что совершается то, чего втайне он серьезно опасался. Белые начинали седьмую атаку. Они появлялись на поляне из проулков и огородов группами в шесть — десять человек и, распластавшись на снегу, ползли на сближение с партизанами осторожно, упорно и без оглядки. Так подбирается к намеченной жертве хищник, чтоб ошеломить ее внезапным ударом.

Матвей приложил к глазам бинокль, но тут же опустил его. Враг хорошо был виден и простым глазом.

— Офицеры, унтера и эти инструктора из чужеземцев — вся сволочь, — сказал он спокойно, не повышая голоса.

Старостенко, нервно ощупав свои карманы, набитые патронами, сплюнул.

— Продали русскую землю, правители... Кому продали?! — желчно проговорил он, переминаясь с ноги на ногу.

Матвей и Антон весело переглянулись: начинается! По словам самого капитана, он стал красным партизаном из ненависти к иностранцам, которые начали вмешиваться во внутренние дела России. «Русский с русским всегда договориться сумеет», — часто говорил Старостенко.

Командующий и комиссар про себя посмеивались над наивностью рассуждений своего начальника штаба, до конца не понимавшего законов классовой борьбы. Однако честность Старостенко не вызвала у них никаких сомнений.

— Они думают, Матвей Захарыч, — заговорил Старостенко, кивая головой в сторону белогвардейских цепей, —

взять нас на испуг. Прикажите ползти на сближение. Посмотрим, у кого нервы крепче.

— А выдержим рукопашную? — спросил Матвей, про себя нисколько не сомневаясь в этом.

— Полагаю, что это лучший способ довершить их разгром, — протирая перчаткой очки, сказал Старостенко.

Антон ударил кулаком об кулак и крикнул.

Матвей усмехнулся:

— Что, руки чешутся?

Он пригнулся и зашагал влево, к цепи партизан, изгибавшейся по опушке леса.

Выйдя на опушку, он наклонился к одному из бойцов и приказал передать по цепи:

— Идем на сближение с белыми, будем биться врукопашную. Держаться дружно: все за одного, один за всех. Штаб в полном составе будет с вами. Не робеть, ребята! Неужто мужицкий кулак не одолеет офицерского?!

И приказ полетел как птица-невидимка, от бойца к бойцу, до самого края партизанской цепи.

Матвей вернулся на прежнее место. Комиссар и начальник штаба лежали на снегу рядом. Старостенко, молчавший с самого начала боя, разговорился:

— Подумай только, Антон Иванович, и после всего этого они имеют наглость называть себя демократами, проповедовать равенство, свободу, независимость для всех народов. Лицемеры! Их нужно истреблять здесь, у нас, как самых отъявленных и злостных врагов. Только это даст им понять, что русский народ не нуждается в их опеке. Он сам сумеет решить свою судьбу...

— Будем продвигаться, Илья Александрович? — спросил Матвей, опускаясь рядом на снег.

Старостенко повернулся к нему, ответил:

— Попробуем.— И пополз, разрывая плечом мягкий снег.

Матвей и Антон заспешили и выровнялись с начальником штаба. В цепи, правее и левее от командования армии, это тотчас же заметили, и люди сразу пришли в движение.

Расстояние, которое разделяло белых и партизан, сжималось с двух сторон. Изредка Матвей приподнимал голову, поглядывая вперед. Вначале белые угадывались только по очертаниям и цвету своих зеленых шинелей,

потом стали видны их лица, а некоторое время спустя Матвей улавливал уже блеск их глаз, злобный и яростный.

Тишина, наступившая так неожиданно, стала сейчас гнетущей, как тяжелая ноша, от которой человек чувствует скованность всего тела и дышит, ловя воздух раскрытым ртом.

Цепи сближались, и Матвею чудилось, что он слышит уже, как посапывают унтера и офицеры. На самом деле это дышал грузный Старостенко, продолжая ползти слева от Матвея. Впрочем, и до белых оставались считанные шаги.

Матвей поднял голову: цепь белых в двух-трех местах изломалась. Кое-кто из офицеров скрылся за спины других. «Трусят!» — торжествующе пронеслось в уме Матвея, и словно молния мелькнула мысль: «Пора!» Он вскочил, далеко вперед бросил гранату и закричал во всю мочь:

— Ур-р-а!

Горячая струя пуль провизжала у самого уха. Почти бессознательно он отметил про себя: «Пронесло!»

Бросив беглый взгляд направо, налево, он увидел, что партизаны поднялись и стеной движутся на белых.

С этой минуты Матвей впал в безотчетное состояние и весь обратился в один стремительный порыв. Лес, мужики, офицеры закружились перед глазами...

Матвей остановился только возле изгородей. Цепь белых была смята и уничтожена. Остатки ее, разбежавшиеся по огородам, дорубили подоспевшие к концу схватки конники.

3

Когда Матвей пришел в себя, он увидел в проулке верхом на лошадях Максима, Андрея Зстова, деда Фишку и Тимофея Залетного. Максим ехал рядом с Андреем и улыбался. После всего, что пережил Матвей, эта улыбка сына, ясная и чистая, была как бы весточкой из иного, солнечного мира, идущего навстречу обессилевшим в схватке людям. «Сынок!» — хотел крикнуть Матвей, с нежностью и радостью наблюдая за Максимом («жив сын, жив!»), но во всем теле была такая слабость, что из

груди вырвался только шепот. Увидев отца с окровавленным лицом, в разодранном полушубке, с пораненными руками, Максим сам подъехал к нему и с тревогой спросил:

— Тятя, ты чего?

Матвей любовно посмотрел на сына.

— Горячо у нас было, сынок!

— А мы с Андреем Соколовскую выручили! — похвалился Максим.

— Молодцы вы у меня с Артемом! — тихо сказал Матвей, пересиливая усталость.

Подъехали Тимофей Залетный, дед Фишка, а с ними десятка три других конников — все, что уцелело от конного отряда.

Матвей предложил Тимофею пройти с ним по полю. Тот с готовностью согласился и остановил коня. Матвей заранее знал, что увидит на поляне, и боялся, справится ли со своим сердцем.

Они направились от изгородей к березнику через поляну. Снег был всюду примят, перетоптан и местами окрашен кровью.

Убитые стали попадаться на первой же сотне шагов.

В партизанской армии перед наступлением насчитывалось свыше трех тысяч человек. Матвей знал почти каждого партизана в лицо. Перешагивая через трупы офицеров и унтеров, он задерживался возле партизан, склонялся над ними и, постояв в безмолвии, шел дальше, называя имена погибших:

— Терентий Залетов, с Ломовицких хуторов.

— Варсонофий Скалозубов, балагачевский.

— Кирилл Бодонков, волченорский.

— Илья Тараненков, новосел из Подтаежного...

Пока пересекали поляну, не меньше тридцати имен назвал Матвей. Когда повернули вдоль поляны, он стал называть имена шахтеров. Их было в армии двенадцать человек, и все они погибли вместе со своим командиром, молчаливым, рябоватым парнем Савосей.

Вскоре наткнулись на Старостенко. Начальник штаба лежал, вцепившись в нерусского офицера. Матвей вспомнил, как однажды Илья Александрович, этот пришелец из других краев и из другого мира, сказал:

— Седьмой год я воюю. И пока ничего — проносило. А ведь наверняка и для меня где-то заготовлена пуля.

Одного хочется: если придется умирать — умереть, стиснув врага за горло.

Матвей долго стоял возле Старостенко, с трудом сдерживаясь от рыданий, а где-то в сознании пронеслось: «Вот и сбылись твои желания, старый боец, — ты лежишь, придавив своим телом врага».

На поляне показались подводы. Подобрав раненых, тыловые команды Мартына Горбачева приехали подбирать убитых. Увидев самого Мартына, вторые сутки не слезавшего с лошади, Матвей махнул ему рукой, подзывал к себе.

— Где Топилкин? — крикнул он, не дожидаясь, когда Мартын подъедет ближе.

— Плох он, Матвей Захарыч, очень плох. Фельдшер одиннадцать ран насчитал.

Зайкаясь, прикусывая вздрагивающую губу, Мартын доложил командующему, как обстоит дело. Раненых было много больше, чем убитых. Ни врачей, ни лекарств, кроме трав, партизанская армия не имела, и некоторые умирали в страшных мучениях.

Матвей слушал Мартына, сжав крепко зубы. Дорогой, неисчислимо дорогой ценой досталась победа. В жестоких и кровавых муках рождалась она.

Надо было пойти посмотреть, как устроены раненые, но от села через поляну к Матвею торопились люди. Он пригляделся: впереди шел Силантий Бакулин. Пышная длинная борода его развевалась на ветру. Матвей зашагал навстречу. Бородач был послан на тракт наблюдать за движением белых и наверняка имел важные новости. «Только бы не бой», — подумал Матвей, томясь каждой минутой ожидания. Но Силантий нес совсем другие вести:

— Захарыч! Красная Армия к нам идет...

Матвей стиснул руку Силантия в крепком рукопожатии и не отпускал ее, пока тот не рассказал все. А бородатому великану было что рассказать. Разбитые Красной Армией разрозненные отряды белоинтервентских войск со своими обозами устремились по тракту. Напуганные ударом Красной Армии и сообщениями о действиях партизан в тылу, они разбегались по сторонам, вверяя свою судьбу проводникам. Силантий Бакулин завел один из таких отрядов в непроходимые таежные дебри и ночью ушел от него...

Вечером этого же дня Юксинская партизанская армия, сведенная в один отряд, двинулась по тракту навстречу частям Красной Армии.

В первых рядах вместе с Матвеем Строговым и Тимофеем Залетным ехала на бойкой чалой лошадке Соколовская.

Это был последний поход партизан, знаменовавший собой наступление новых, долгожданных дней.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1

Кончилась война в Сибири, фронт передвинулся далеко за Байкал, где американские и японские разбойники терзали священную русскую землю.

После долгих мытарств по нетопленным вокзалам железнодорожных станций, бурных столкновений с комендантами, пересадок из одного поезда в другой, томительных ожиданий у семафоров и стрелок партизаны наконец подъезжали к Москве.

Стояло морозное утро. Сумрак ночи еще не успел рассеяться и клочьями висел на деревьях и строениях дачных поселков. Снег на буграх уже стоял, и земля лежала пестрая, серо-бурая, как вылинявшая медвежья шкура.

Ельник, сосняк и березник, тянувшиеся вдоль полотна железной дороги, местами были вырублены и открывали вид на деревеньки, приютившиеся по долинам речек. Над лесом то там, то здесь клубился дымок и всплесками вспыхивало золото церковных колоколен.

Двухосный тряский вагон, в котором ехали партизаны, был нетоплен, промерз и от каждого толчка скрипел, как рассохшаяся телега. Привыкшие уже ко всяким неудобствам и невзгодам партизаны словно не замечали холода. Они сгрудились возле окна и с интересом смотрели на подмосковную землю.

Особенно был оживлен дед Фишка. Места, через которые пролежала железная дорога, напоминали ему родные сибирские леса, и он восклицал:

— Смотри, Матюша, смотри, вон то местечко совсем как у нас, нычит, на Юксе. Помнишь, за Веселым яром, слева от болота?

Потом дед Фишка принимался с жаром расспрашивать Беляева, хорошо ли родит подмосковная земля, какие звери и птицы водятся в ее лесах, плодятся ли они тут или появляются лишь на время, кочуя в поисках кормовых мест.

Силантий Бакулин и Мирон Вдовин, увлеченные расспросами деда Фишки, с охотой слушали Тараса Семеновича. Только один Матвей не принимал участия в этом разговоре. Мысль о поездке к Ленину принадлежала ему. Он долго вынашивал эту мысль в себе, никому не рассказывая. Антон Топилкин, с которым он несмело поделился своими думами, горячо поддержал его, самолично испросил согласие у губкома на поездку делегации партизан в Москву.

Матвей смотрел за окно на лес, на церкви и дачные поселки, прислушиваясь к разговору Беляева с мужиками, а мыслями был у Ленина....

Вскоре лес стал редеть, деревянные домики с верандами и палисадниками кончились, и потянулись мощенные булыжником улицы с большими домами из красного кирпича и темно-серого камня. Кое-где над домами виднелись высокие, черные от копоти фабричные трубы.

— Вот и матушка-Москва началась,— с торжественностью в голосе сказал Тарас Семенович.

— Эх, какая она! Лес дремучий! — окидывая взглядом каменные корпуса-громадины и заводские трубы, с восторгом и изумлением воскликнул дед Фишка.

Матвей приблизился к окну, вытянув шею, смотрел на Москву через плечо Силантия Бакулина. Увидев вдали высокое здание с флагом на круглом куполе, он спросил:

— Тарас Семеныч, не в том вон доме Ленин работает?

Беляев прищурил глаза, несколько секунд молчал, потом покачал головой:

— Нет, Захарыч, отсюда Кремля не видно.— И, положив на плечо Матвея руку, дружески спросил: — Не терпится?

Сбирая к переносью морщинки, Беляев вскинул на Матвея загоревшиеся молодым блеском умные глаза и заговорил вполголоса:

— Помню, Захарыч, перед войной еще послали меня за границу по партийным делам. Приехал я в город Краков, вышел с вокзала и чую — нет у меня терпения. Мне надо товарищей искать, а я слоняюсь по улицам, гляжу на народ. Думаю про себя: «Ленин-то, может, тут же где-нибудь ходит». Вывернется из толпы какой-нибудь большой, представительный человек, и я с него глаз не спускаю: «Не Ленин ли?» — думаю. Потом, когда Ленина увидел, сам над собой посмеялся в душе. Оказался Ленин хоть и крепким, но невысоким.

— И мне он большим кажется, таким вот, как дядя Силантий,— проговорил Матвей.

— Нет, он росту небольшого, чуть-чуть, пожалуй, выше Финогена Данилыча,— сказал Беляев.

Дед Фишка не пропустил этих слов мимо ушей.

— Они, вишь, Тарас Семеныч, малорослые-то, дюже на работу шустрые. Я ведь и сам, когда помоложе был, страсть как бойко работал. Ей-богу! Матюша не даст соврать,— внушительно сказал он.

Беляев засмеялся, покашливая от табачного дыма.

Поезд затормозил, вагон, сжатый с обоих концов, закрипел и медленно подъехал к платформе вокзала.

Иззябшие пассажиры, размещавшиеся на верхних полках, соскочили с них и, нагрузившись чемоданами и узлами, заспешили к выходу. Партизаны переждали, пока кончится суета, надели свои заплечные мешки и не торопясь вышли из вагона.

Беляев ввел партизан в обширный, до отказа набитый разноликой толпой зал, посоветовал располагаться на тяжелых дубовых скамейках.

— Я во ВЦИК поеду. Надо где-то ночлег получить да насчет встречи с товарищем Лениным узнать,— сказал Беляев, когда мужики кое-как протискались к скамейкам.

— Ну, с богом, Тарас Семеныч, счастливого тебе пути! — отозвался за всех дед Фишка.

Беляев вернулся на вокзал в полдень, возбужденный и радостный.

— Дела, товарищи, налаживаются,— сказал он, обращаясь ко всем,— ВЦИК телеграмму нашу получил, жить будем в гостинице «Европа».

— А когда к Ленину? — спросил Матвей.

— Владимир Ильич обещал денька через три-четыре

принять,— ответил Беляев.— А пока Москву посмотрим, в центральных организациях побываем.

Партизаны оделись, подпоясались, взяли свои мешки и направились вслед за Беляевым.

В валенках, подшитых кожей, в лохматых собачьих папах, в красных дубленых полушубках, в домотканых цветных кушаках, они привлекали внимание прохожих, и те с любопытством осматривали их.

В гостинице им отвели большую светлую комнату, правда холодную, но зато с зыбкими варшавскими кроватями, письменным столом из красного дерева и телефоном. Вскоре Беляев принес откуда-то два больших чайника кипятку. Матвей достал из мешка сухари, сало, и партизаны уселись за стол. Потом они вынули кисеты с самосадом и, усевшись близ окна, в которое хорошо было видно улицу, закурили, разговаривая о Москве, о Ленине, вспоминая свою далекую и родную Сибирь. Вечером они по очереди помылись в ванне и за ночь, впервые за долгую дорогу, хорошо выпались на мягких постелях.

На другой день утром, когда все собрались идти смотреть Красную площадь и Кремль, протяжно и тонко зазвонил телефон.

Тарас Семенович торопливо взял трубку с аппарата, и партизаны затаили дыхание.

— Владимир Ильич ждет нас, товарищи,— сказал Беляев, одергивая на себе короткую тужурку из серого шинельного сукна.

От неожиданности всего происшедшего никто и слова промолвить не мог. Стали торопливо одеваться. Дед Фишка сбросил с себя полушубок, достал из-под кровати свой мешок, вытащил из него новую холщовую рубаху и поспешно надел ее.

Всю дорогу спешили. Беляев пробовал что-то рассказывать о Красной площади, о Лобном месте, но его слушали плохо. Все были взволнованы мыслями о предстоящей встрече с Владимиром Ильичем.

У ворот Кремля военный с винтовкой в руках остановил партизан. Беляев начал с ним объясняться, но откуда-то из-за ворот подоспел другой военный, по-видимому, начальник караула.

— Сибирские партизаны? — спросил он весело.

— Они самые,— ответил Беляев.

— Пропустите их, Ксенофонтов, к Владимиру Ильичу

идут,— сказал военный, приглядываясь к партизанам и не переставая поблескивать белозубым ртом.

Когда дед Фишка, шедший предпоследним, поравнялся с этим военным, он все тем же веселым голосом спросил:

— Неужели, дед, и ты воевал?

— Нет, милоч, кур щупал,— буркнул дед Фишка.

Военный засмеялся и долго смотрел восторженным взглядом на удаляющихся партизан.

2

Дверь кабинет Ленина отворилась, и партизаны увидели женщину.

— Пожалуйста, товарищи, проходите! Владимир Ильич просит вас,— сказала женщина, приветливо улыбаясь и отступая от двери в сторону.

Партизаны поднялись, переглянулись, выжидая, когда Тарас Семенович войдет в кабинет первым. Теперь, в эту последнюю минуту перед встречей с Лениным, Матвей вдруг почувствовал, что ему становится трудно дышать.

Владимир Ильич порывисто поднялся из-за стола и легкой, упругой походкой пошел навстречу.

— Здравствуйте, товарищ Беляев! — громко и радостно сказал он и, окинув партизан быстрым внимательным взглядом, так же громко добавил: — Здравствуйте, товарищи!

Партизаны ответили смущенно и тихо. Владимир Ильич пожал руку Беляева и повернулся к партизанам, стоявшим ближе к двери.

Беляев представил делегатов. Ленин каждому пожимал руку. Когда очередь дошла до деда Фишки, Беляев с улыбкой сказал:

— А это у нас из мертвых воскресший, Финоген Данилыч Теченин, наш знаменитый партизан и охотник.

— Как из мертвых воскресший? — закидывая правую руку за спину и круто повертываясь к Беляеву, спросил Владимир Ильич.

— Расстрелянный я, товарищ Ленин. Раны на мне от белых,— нетвердым от волнения голосом проговорил дед Фишка.

— Прихватили где-нибудь? — насторожился Владимир Ильич.

— Прихватили, подлюги, в Сергее, на постоялом дворе. Ну, да ведь нас сразу от земли, товарищ Ленин, не отдерешь. Выжил вот!

— Правильно, товарищ Теченин. Контрреволюция хотела бы всех нас отправить на тот свет, но дудки! Нас от земли не отдерешь!

Ленин проговорил это запальчиво, скороговоркой, чуть склонив голову набок и прищулив быстрые карие глаза. При этом он легко вскинул руку, потом сунул ее в карман пиджака и все так же порывисто прошел за стол.

— Прошу садиться, товарищи,— сказал он, опускаясь в кресло.

Дед Фишка успел заметить, что ноги у Ленина крепкие, шаги легкие, как у охотника, исходившего полземли. «Ах, какой проворный! А лоб-то! Знать, ума палата»,— думал дед Фишка.

Матвей смотрел на Ленина не спуская глаз. Ленин оказался совсем не похожим на того, которого рисовало воображение. Он был гораздо проще, человечнее и роднее. Его крепкое рукопожатие вернуло Матвею спокойствие.

Сообщение Ленину о жизни в Сибири, о таежной войне должен был сделать Беляев. Но Владимир Ильич, задав партизанам несколько беглых вопросов о дороге, о порядках на транспорте, обратился сразу к Матвею:

— Вот вы, товарищ Строгов, стояли во главе партизанской армии. Вам хорошо известны думы мужика. Как, по-вашему, чего ждет сибирский крестьянин от Советской власти? Какие надежды он связывает с ней теперь, когда наша победа над колчаковщиной окончательно обеспечена?

Владимир Ильич откинулся на спинку кресла, прищурил глаза. Матвей помедлил, подбирая слова, ответил:

— Ждет наш мужик теперь от Советской власти помощи, товарищ Ленин, и желает, чтобы наставила она его на путь-дорогу.

— Все этого желают, товарищ Ленин. Ради этого и Колчака с иноземцами громили,— пробасил Силантий Бакулин,

— Гм... Ну, а на какую дорогу, по мнению мужиков, должна наставить их Советская власть? — чуть приподнимаясь, спросил Владимир Ильич.

— А это уж какую Советская власть укажет, — сказал Матвей.

— Ну, нет! Мужик по-своему думает. И не всякую дорогу он примет, — горячо возразил Владимир Ильич.

— А как же! Каждый хозяин о своем планирует, — проговорил дед Фишка, давно ждавший момента вставить свое слово.

— Вот-вот! И Советская власть не может с этим не считаться! — воскликнул Владимир Ильич.

— Правда! А только мужик знает, что Советская власть плохой дорогой его не поведет. Он сам за Советскую власть воевал, — убежденно заметил Матвей.

— Значит, верят нам? — строго спросил Владимир Ильич.

— Как же не верить! Верят, товарищ Ленин, — опять прогудел Силантий Бакулин.

Эти слова, по-видимому, были приятны Ленину. Глаза его заблестели, и он задумчиво потер ладонью голову.

Не спрашивая, а скорее подтверждая какую-то свою мысль, Владимир Ильич негромко сказал:

— Но верят не все.

— Мужик мужику не ровня, — подхватил Матвей. — К примеру, наши Волчьи Норы. Богатеи — эти и сейчас еще ждут, не рухнет ли Советская власть. Боятся они ее и в то же время присматриваются, нельзя ли как своих людей к управлению поставить, чтоб стороной законы обойти, под новой вывеской старую жизнь продолжать.

Все, что говорил сейчас Матвей, очень заинтересовало Владимира Ильича. Он взял с тяжелого чернильного прибора карандаш и стал что-то быстро записывать.

— Ну, а средний мужик как? — увлеченно спросил он.

— Это Федот, да не тот, — ответил Матвей и продолжал: — Не знаю, как в других краях, а у нас среднему мужику здорово досталось. Колчак его не жаловал. Хлеб — с него, лошадей и фураж — тоже с него. Если взять у нас по волости, редкий остался не выпоротым. Недаром потом середняки к нам в партизаны гуртом валяли. А вот Советская власть пришла — и рада бы помочь мужику, да силы нет. Воевать с голодным желудком не станешь, а одним кулацким хлебом не прокормишь.

мишься. Опять средний мужик дай. Ослаб он, товарищ Ленин, этот мужик.

— Да и сеять, Захарыч, как допрежь, он больше не желает,— покашливая в кулак, несмело проговорил Мирон Вдовин.

— Расчету нет, товарищ Ленин,— загудел Силантий Бакулин.— Сколько ни сей — заберут, а дать ничего не дадут. А мужик без поддержки долго не протянет, тощий он стал.

— Выходит, мужику городские товары нужны? — переглянувшись с Беляевым, спросил Владимир Ильич.

Партизаны посмотрели друг на друга, и Матвей сказал:

— Без городской подмоги мужику нету жизни.

Силантий Бакулин широко развел руками:

— Она, справа-то, товарищ Ленин, у мужика в дым сносилась, и взять ее, кроме как в городе, негде.

Ленин склонился над столом и что-то записал на отдельный листок.

— А земля? — полувопросительно и тихо сказал он.

— Длиннополосица задавила нас, товарищ Ленин,— торопливо заговорил Матвей.— Крепкий хозяин захватил жирные земли поблизости и сосет их, а бедноте приходится пахать у черта на куличках. У другого и коня нету, ну и мыкается пеший. Вот и выходит: безземелье при земле.

Силантий, Мирон и дед Фишка одобрительным говорком поддержали Матвея. Беляев, молчавший все время, вздернув сутуловатые плечи, сказал:

— В Сибири это распространенное явление, Владимир Ильич.

Ленин бросил на него вопросительный взгляд.

— Какие меры предлагаете?

— Земельный передел,— ответил Беляев.— Во всяком случае там, где в этом есть необходимость.

Ленин взмахнул рукой.

— Полный и немедленный земельный передел, товарищ Беляев, в интересах бедноты и среднего крестьянства.

— Ясно, товарищ Ленин.

Матвею понравилось, что Владимир Ильич не откладывает своих решений, и он сделал еще одно предложение.

— Общественные земли, товарищ Ленин, надо бы тоже к рукам прибрать.

— Какие это земли?

— Общие. К примеру, кедровник в Волчьих Норах. Урожай с него всем селом снимаем, а кулаки уже пытались им завладеть,— пояснил Матвей.— Теперь прибавились еще купеческие земли. По всем нашим таежным волюстям было много купеческих пасек. Сколько на них народу поразорилось — счету нет! Крепкий мужик потянется туда, товарищ Ленин, а отдавать ему эти земли никак нельзя.

— Почему?

— Народным горбом эти земли возделаны.

— Уж это так, товарищ Ленин,— заговорил Силантий Бакулин.— Батюшка-то вот Матвея Захарыча со всей семьей, почесть, тридцать лет горб-то гнул на купца Кузьмина. А что от этого получил? Кузьмин же и согнал его с обжитого места.

— Да один ли Кузьмин?! А на Голованова разве не работали? А на Белина, на братьев Синебрюховых? — продолжал Матвей.

Владимир Ильич сидел, опершись локтями на стол и подперев щеку ладонью. Изредка взгляд его устремлялся мимо партизан, куда-то вдаль.

Неожиданно он поднялся, заложил руки в карманы, отступил на шаг от стола и заговорил просто и горячо о том, что пролетарская революция навсегда уничтожила частную собственность на землю, что отныне земля — достояние народа. А кедровник как источник материальных доходов всего общества должен принадлежать обществу и никому более. Всякая попытка отторгнуть его в интересах одного хозяина или группы хозяев есть противозаконное, антигосударственное дело, и это не может быть допущено Советской властью. Что касается купеческих земель, то они также являются собственностью государства, и Советская власть охотно предоставит их сельскохозяйственным коллективам средних крестьян и бедноты, созданным на основе их добровольного соглашения.

Партизаны переглянулись между собой. Дед Фишка громко вздохнул, и в этом вздохе Ленин, должно быть, почувствовал желание старика высказать что-то свое, сокровенное. Он сел и внимательно посмотрел на деда Фишку. Тот заговорил нестройно и сбивчиво:

— Ну, а это по праву, товарищ Ленин? Зимовские завладели Юксинской тайгой и никого туда не пускают. Будто бог-то для них, Зимовских, лес вырастил да зверя с птицей расплодил! Поначалу Степан Иванович всех выживал оттуда. Ну, этого самого на тот свет отправили... Теперь его сынок, Егорка, тем же делом вздумал заниматься. Обстреливают охотников — и баста. Андрюху Заслонова оставили без ног... А посуди-ка сам, товарищ Ленин, как охотнику жить без тайги?

Слушая деда Фишку, Владимир Ильич смотрел на него добродушно и улыбался, а когда тот договорил свое, выпрямился и, став официальным, сказал:

— Товарищ Беляев! Как Председатель Совета Народных Комиссаров я предписываю вам оградить права охотников от хищников-предпринимателей и бандитов всякого рода...

— Оградим, товарищ Ленин.

Дед Фишка вначале не понял всего смысла сказанного Владимиром Ильичем, но, взглянув на Матвея, по просиявшему лицу племянника догадался, что сказано что-то важное. Недоумение старика не осталось незамеченным.

— Советская власть, товарищ Теченин,— пояснил Владимир Ильич,— передала землю крестьянам. У нее нет оснований обижать охотников. Продолжайте охотиться в любой тайге — никто не имеет права мешать вам.

Теперь дед Фишка все понял и чуть не прослезился.

— Товарищ Ленин! — горячо воскликнул он. — Народ этого вовек не забудет, а я до самой смертушки благодарить тебя буду!

Разговор об Юксинской тайге, поднятый дедом Фишкой, возбудил у Матвея желание высказать Ленину свою самую затаенную думу. С каждой минутой пребывания у Ленина в нем росло чувство не только восторга,— его поразило умение Владимира Ильича глубоко понимать жизнь крестьянина, укреплялось ощущение какой-то непередаваемо большой и сложной близости к этому человеку.

— Наша Юксинская тайга, товарищ Ленин, золотом славится,— сказал Матвей.— Каменный уголь там находили, по озерам какие-то жирные ключи бьют. Богатые люди это давно унюхали. Пробиралась туда экспедиция следователя Прибыткина и инженера Меншикова. Да не повезло им — в пути утонули. В прошлом году, когда

партизанская армия встала у Светлого озера, партизаны нашли в одной речушке золото, а в другом месте, в яру, наткнулись на пласт черного каменного угля. Печки этим углем топили. Совет нашей армии постановил тогда, товарищ Ленин, как только война кончится, просить советское правительство послать в Юксинскую тайгу ученых людей. Желает народ, чтобы у нас на Юксе свои прииски и шахты были.

Дед Фишка проворно поднялся.

— Я бы, нычит, за провожатого мог! Я первый туда вот с Матюшей, Матвей Захарычем,— поправился он,— тропы торил.

Ленин усмехнулся, вновь осматривая щуплую фигуру старика.

— А не жалко вам, товарищ Теченин, свою тайгу отдавать? — спросил он и наклонил голову, скрывая этим хитроватый прищур своих веселых глаз.

— Отчего жалко?! Мне этим дьяволам Зимовским жалко, а народу — ни капельки не жалко. Помру — пусть люди добрые помянут,— сказал дед Фишка.

— Помянут! Обязательно помянут! — Ленин обвел всех смеющимися глазами и шутливо закончил: — Но только хоронить вас, Финоген Данилыч, никто не собирается.

— В матушку удамся — поживу еще. Матушка на сто четвертом убралась,— вполне серьезно проговорил дед Фишка.

— Вы переживете матушку. Переживете! — весело сказал Владимир Ильич.

— Ну и слава богу. Дай бог и тебе долголетия, товарищ Ленин! — в тон Владимиру Ильичу ответил дед Фишка.

Партизаны рассмеялись.

Ленин вынул платок из кармана, приложил его ко лбу, к глазам и, спрятав в карман, обратился к Беляеву:

— Вашему губкому известно о том, что рассказывают товарищи?

— Известно-то известно, Владимир Ильич. Я об юксинском золоте еще до революции слышал, но подступить к этому делу мы не знаем как.

— Я буду ждать от вас, товарищ Беляев, по этому вопросу самый полный и исчерпывающий материал.— И, взглянув на Матвея, Ленин заговорил негром-

ко, проникновенно, увлеченный, видимо, своими мыслями:

— Правительство и партия окажут вам, товарищи, всяческую поддержку в деле поисков и освоения новых месторождений золота, угля, нефти. Нам предстоит гигантская и благодарная работа — невиданно поднять производительные силы России, изменить ее облик, преобразить ее окраины. Три года прожил я в ссылке в Сибири, дважды пересек ее от Минусинска до Урала. Какие неисчислимы богатства таятся в ее недрах, на ее просторах! Нам первым выпадает честь поднять эти богатства, вдохнуть жизнь в огромные пространства, охваченные спячкой и вековой патриархальщиной. За это надо браться теперь же, не откладывая, не теряя ни одного дня. Изумительное, захватывающее дело ждет вас, товарищи, в Сибири!

В душе Матвея все ликовало. В радостном возбуждении, порозовевший, с блестящими глазами, он встал.

— На это дело, товарищ Ленин, подыдем всех!

Поднялись со своих мест и дед Фишка, и Силантий с Мироном. Встал и Тарас Семенович Беляев.

Ленин вышел из-за стола, приблизился к партизанам и начал говорить о том, какие задачи сейчас стоят перед Советской властью в деревне.

Когда Владимир Ильич умолк и стало ясно, что беседа кончена, Матвей сказал:

— Спасибо, товарищ Ленин, за науку. Приедем в Сибирь, расскажем народу, какие большие дела затевает Советская власть.

Партизаны попрощались с Владимиром Ильичем и не спеша, то и дело оглядываясь, словно стараясь запомнить облик Ленина на всю жизнь, вышли из кабинета. Владимир Ильич продолжал стоять на прежнем месте, посредине комнаты...

Разгорался, светлел начавшийся сумрачным утром московский весенний день. Опускалась вниз и тут исчезала сизая дымка, висевшая над городом с самого рассвета. Взамен ее расплывалась по небу светлая нежная синева. Обласканные нежарким лучистым солнцем, с веселым гамом резвился на стрельчатых башнях Кремля, на золоченых куполах церквей, на потускневших от времени резных главах Василия Блаженного чумазые галки.

Солнечные зайчики, поблескивая, играли на окнах дворцов, на меди и чугуне царь-колокола и царь-пушки, на черных, будто вороненых, оградках палат и церквей.

Партизаны вышли из Совнаркома, остановились возле здания, и, щурясь от яркого солнца, заговорили все сразу о том, о чем молчать не было сил.

Беляев стоял чуть поодаль. Он слушал разговоры партизан, покачивал головой, щурил глаза.

— Серьезная работа, Матвей Захарыч, будет у нас в Сибири,— сказал он, шагнув к Матвею.

— Как подумаю, Тарас Семеныч, аж дух захватывает! — мечтательно проговорил Матвей и окинул взглядом широкий двор Кремля.

— Пошли, товарищи, дворцы смотреть! — предложил Беляев и направился к Грановитой палате.

...Через два дня партизаны уехали в Сибирь, а Тарас Семенович Беляев остался в Москве для участия в работе Девятого съезда партии.

3

Ранение надолго приковало Артема к постели. Рана была неопасной, но заживала медленно и перед переменой погоды изнуряюще ныла.

Больше месяца Артем не выходил из дому, мучаясь от тоски и безделья.

За это время много значительных и интересных событий произошло над Волчьими Норами. Перестала существовать Юксинская партизанская армия — одна часть бойцов и командиров влилась в Красную Армию, другая разошлась по домам. Делегация, избранная еще на съезде революционного крестьянства осенью, уехала в Москву, к Ленину. От тяжелых ран, полученных в рукопашном бою, умер Антон Топилкин. Заехавший по пути инструктор политотдела Красной Армии организовал в Волчьих Норах ячейку Коммунистического союза молодежи. За кедровником, в буераках, появилась белая банда Демьяна Штычкова. Архип Хромков, случайно забредший туда, утверждал, что своими глазами видел там Демьяна, убийцу Маняшки Дубровиной.

Жизнь не стояла на месте, текла, захватывая в свой бурный водоворот все новых и новых людей. В такие дни

мучительно было находиться от всего в стороне, лежать в горнице на кровати и тупо пересчитывать гвозди на потолке.

Как только раненая нога чуть поджила, Артем, опираясь на березовую палку, вышел на село.

Надвигалась весна. Всюду еще лежали сугробы снега, и речка была прочно закована льдом, но приближение весны угадывалось по ветру, который был мягче, шаловливее, чем зимой, и приносил какие-то особые запахи, присущие только этому раннему периоду весны.

Эти-то запахи и обостряли в Артеме ощущение тоски, волновали кровь, возбуждали смутные и томительные желания.

Прихрамывая на правую ногу, он бесцельно прошелся по улице, посидел возле сельсовета с комсомольцами, рассказал им о походе Красной Армии с Урала в Сибирь, о приезде на фронт соратников Ленина.

В этот день ему почему-то особенно было тоскливо. Образ Мани Дубровиной по-прежнему владел всем его существом, и он снова и снова вспоминал о невозвратных минутах, проведенных с ней незадолго до ее смерти.

Поравнявшись с домом Сурковых, Артем замедлил шаги и, оглядывая улицу, подумал: «Вот тут где-то пролила она свою кровь».

Ему стало так больно, так горько...

«Не зайти ли к Дуняшке, она-то поймет, как жить мне», — шевельнулось в уме.

Он остановился в раздумье и услышал стук в окно. Дуняшка заметила его и зазывала в дом.

— Давно ли поднялся-то, Артем Матвеич? — отрываясь от зеркала, спросила его Дуняшка.

— Только что, Дуня.

— А я все навесить вас хотела, да постеснялась, по правде сказать. Ну-ка, думаю, не поглянется вам мой приход, — певуче говорила Дуняшка.

— Ну что ты, Дуня, рад был бы. Полежи-ка пять-то недель в кровати. С тоски пропадешь! — проговорил Артем, осторожно присаживаясь на табурет.

Дуняшка засуетилась по прихожей с веником в руке — смахнула сор под железную печку, наскоро раздернула половичок у порога, сбившийся в кучку. Проделав все это проворно, легко, она села за стол, спросила:

— Тоскуешь?

— Тоскую, Дуня, — признался Артем.

— А я все во сне ее вижу. Снится она мне в белом платье, с венком из цветов на голове, точь-в-точь такой, как, бывало, на девишнике в троицу...

Они просидели с полчаса, вспоминая Маню, свою юность, друзей, одни из которых жили тут же, по соседству, а другие, вроде Ромки Горбачева, сложили голову на чужбине.

Артем ушел от Дуняшки еще более расстроенный, со смутным чувством неудовлетворенности жизнью.

Проснувшись утром, он горько подумал: «Опять длинный, скучный день наступил», — но вспомнил о Дуняшке и почувствовал облегчение.

«Схожу опять к ней, все-таки время пройдет незаметно», — решил Артем, вставая с постели.

Дуняшка встретила его, как и вчера, с радостью, от волнения даже слегка зарделась.

Через день Артем вновь пришел к Дуняшке, а потом зачастил к ней каждодневно, а то и на дню дважды.

Дуняшка вязала сети для рыбаков, и присутствие Артема несколько не мешало ей заниматься своим делом. Дочка ее по целым дням находилась у соседей, Пьянковых, где у нее были подружки такого же возраста, и тишина, стоявшая в доме, всегда располагала к беседе.

Разговоры у Артема с Дуняшкой были все о ней, незабвенной Мане. Охотно уступая просьбам Артема, Дуняшка рассказывала длинно, со всеми подробностями, о том, как жила эти годы его невеста.

Слушая Дуняшкин певучий говорок, Артем живо представлял себе всю жизнь Мани Дубровиной: ее уход от родителей, работу по найму на эстонских хуторах, вступление в партизанскую армию в то время, когда партизаны стояли еще в Юксинской тайге, у Светлого озера, участие в боях и тоску, тоску по нему, Артему...

Дни шли за днями, а тема их разговоров не менялась. Когда нового ничего не приходило на ум, Дуняшка принималась пересказывать старое.

Но в конце концов это, видимо, утомило ее, и однажды, прервав свои рассказы, она сказала:

— А вы-то как жили, Артем Матвееч? От вас почти три года не было ни слуху ни духу. Многие вас и в живых не считали...

Артем очнулся от задумчивости, в которой он всегда пребывал, слушая Дуняшку, вскинул черную ломаную бровь.

— Ох, долго мне о себе рассказывать,— сказал он и вздохнул.— Немало и мной пережито. Вначале, как призывали, служил в Иркутске, в пехотном полку, потом с немцами воевал. Летом семнадцатого года был ранен и попал в лазарет в самый Петроград. Вышел из лазарета, в партию большевиков записался. В октябре вместе с матросами мы, красногвардейцы, приступом царский дворец брали. Самого Ленина на съезде Советов слышал, в самом зале, в охране, стоял. Ну, а потом опять началась походная жизнь. На разных фронтах побывал, а больше воевал против Колчака, на Урале и под Тюменью. Сначала рядовым был. А в январе тысяча девятьсот девятнадцатого года собрали нас, коммунистов, и назначили на командные должности. Пока вот сюда не послали, в Красной Армии ротой командовал...

Он посмотрел с улыбкой на Дуняшку, развел руками: вот-де и все — и, помолчав, впадая вновь в задумчивость, тихо спросил:

— Ну, а предчувствия-то у нее были, как мне приехать?

— Были, Артем Матвееч! — воскликнула Дуняшка.— Бывало, ворожим на картах, а ей все встреча с трефовым королем выпадает. Возьму скажу ей: «Ой, Маня, едет где-то Артем Матвееч!» Засияет вся, обнимет меня, шепчет: «Живой он, живой, что бы ни говорили, а живой».

Артем низко опустил голову. Долго длилось молчание. Розовели стекла в окнах от лучей заходящего солнца, погромыхивал от ветра ставень, с легким стуком бегал челнок в руках Дуняшки. Артем сидел задумчивый, все в той же позе — сгорбившись, устремив взгляд куда-то в пустоту. Потом он выпрямился и, словно отвечая на свои мысли, сказал:

— И надо же было этому приключиться! Ну, не уйдет от меня Демьян, клянусь, не уйдет!

Дуняшке стало жалко Артема,— понятны и близки ей были его переживания. Она ласково посмотрела на него, участливо проговорила:

— Худеть вы стали, Артем Матвееч. От тоски все. А что ж без конца тосковать? Что было, того не вернешь. Я вот тоже, когда получила письмо о смерти Васи, горе-

вала-горевала, а потом поняла, что слезами горю не можешь.

— Это верно, Дуняша,— вздохнул Артем,— жить надо...

— Как же, Артем Матвеич, жить собираетесь? Здесь останетесь или уедете куда-нибудь? — спросила Дуняшка.

Артем взглянул на нее, усмехнулся:

— Чудачка ты, Дуня! Куда же мне из родных мест ехать? Некуда. Да и ты тут. Оттого, что была ты подругой Мани, ты теперь мне дороже всех на свете... Возьму вот и женюсь на тебе,— закончил он совсем неожиданно и не то в шутку, не то всерьез.

Дуняшка испуганно взглянула ему в глаза, стараясь понять, смеется он или говорит серьезно. И вдруг судорожно схватила Артема за руку, прижалась к его плечу головой и заплакала.

— Ты что, Дуня? Что? Может, я чем обидел тебя?..

Но сколько ни добивался Артем, Дуняшка не сказала ни одного слова в ответ. Он ушел домой взволнованный и долго думал о том, что значат ее слезы.

Целый день Артем работал по хозяйству — пилил дрова, веял в огороде, на ветру, зерно для помола. Притомившись с больной ногой, он собрался лечь пораньше спать, но едва смерклось — потянуло к Дуняшке. Направляясь к ней, Артем про себя отметил, правда мимолетно, в глубине сознания, что идет получить от нее какой-то важный ответ на свои мысли, такие неожиданные и волнующие.

Ее слезы... они не выходили у него весь день из ума, и ощущение ее горячего порыва было так свежо, будто все это произошло минуту назад.

Дуняшка ждала его. В доме было по-праздничному чисто, тепло, стол был накрыт скатертью, табуретки и стулья стояли в строгом порядке — уютom веяло из каждого угла. Сама Дуняшка была тоже приодетой, прихорошенной: в пестреньком ситцевом платье, в ботинках, в коричневых, фабричной вязки, чулках. Артем заметил это сразу, миг охватив все одним взглядом.

Пристраивая на гвозде у двери свой полушубок, он первый раз за все это время взглянул на Дуняшку, мимолетно, чуть ли не бессознательно отметил, что она высока,

стройна и белое лицо ее с румянцем и ямочками на щеках нежно и миловидно.

Он думал, что Дуняшка непременно заговорит о вчерашнем... Но она, в отличие от других дней, была оживленнее, веселее, и озорной смех ее то и дело звенел по всему дому.

Привыкшие говорить только о Мане Дубровиной, они и в этот вечер пытались вспоминать ее, но что-то новое, не подвластное им, вторглось в их жизнь, и не было больше сил удерживать себя в прежнем настроении грусти и тихих раздумий. Они заговорили о себе, пока еще сдержанно, со смущением и колебаниями в душе, но было уже ясно, что они неудержимо несутся по вечному пути: живым — живое.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

1

Делегаты вернулись во второй половине апреля. Весна была в полном разгаре. Грохотали по каменистым ущельям бурные горные речки. Холмы пестрели, как бока пегой лошади: на гребнях и полянах рыжел прошлогодний бурьян, а под лиственницами с северной стороны снег лежал сугробами, почти нетронутый.

Тракт местами взломался: вздыбились льдины на речках, ощерились разрушенными пролетами деревянные мосты, чернели верстовые проталины на солнцепеках. Ехать на лошадях было невозможно — делегаты шли пешком. Осторожно, с риском для жизни перебирались через взбушевавшиеся речки. Продвигались медленно — иной день верст десять — пятнадцать. Зато сколько народу перевидали, скольким людям ленинскую правду из уст в уста передали!

Когда наконец добрались до Волчьих Нор, с неделю ни днем, ни ночью не закрывались двери в избах делегатов. С расспросами о поездке к Ленину шли старые и молодые. Много народу нахлынуло из других деревень. Делегаты отчитывались на собраниях, но это не уменьшало потока любопытствующих. Мужики и бабы приходили к

делегатам домой и допытывались с глазу на глаз! а на самом ли деле Ленин велел произвести земельный передел, а не ошибка ли то, что кедровник теперь общественный на веки вечные, а правда ли, что купеческие угодья тоже станут народными, а верно ли, что на Юксе замышляется закладка приисков и шахт?

Делегаты повторяли все то же самое, что они говорили на собраниях, люди уходили от них окончательно убежденными, и народная молва все выше вздымала на гребень славы дорогое и близкое имя: Ленин.

Дед Фишка в эти дни не знал ни сна, ни покоя. С одинаковым увлечением он рассказывал о поездке к Ленину мужикам, комсомольцам, старухам и даже ребятишкам.

— Ну, а Москву-то посмотрел, нет ли, дед? — спрашивали старика.

— А то как же? Сам Тарас Семеныч Беляев водил. Царские палаты и дворцы показывал, потом на Лобное место ходили, смотрели, где Стенька Разин смертушку принял... Велик город Москва! Народ туда со всего света к Ленину тянется. А только старикам там не житье. Шли мы с вокзалу, и увидел я на шестом этаже старушку одну. Вышла она из дому на приклеток, нычит, встала, голову свесила и глядит оттуда, бедняжка, жалобно-жалобно. Такая жалость за сердце меня взяла — ужась! Ведь теперь ей до самой смерти оттуда наземь не сойти...

Чуть дороги подсохли, дед Фишка заторопился на Юксу. Матвей, к которому он обратился за советом, сказал:

— Сходи, дядя, а осенью, может быть, вместе выберемся.

Дед Фишка только зажмурил глаза: это было пределом его мечтаний.

— Замышляю я, Матюша, побывать нынче на Веселом яру. Степан Иваныч Зимовской последние годы больше все там копался, а вот-таки на самую жилу он не попал. На мой згад, надо выше ее искать. Помнишь, еловые буераки?

— У Гремучих ключей?

— Вот-вот.

— Ну, попробай.

Дед Фишка исчез, как обычно: тихо, бесшумно. Утром Строговы поднялись, а его уже и след простыл.

Шел старик в этот раз в тайгу не спеша: в каждой деревне останавливался на ночевку, заходил на хутора, по долгу разговаривал со всеми встречными.

«А чего мне теперь торопиться? Степана Иваныча нет, а Егорка... ну, с Егоркой разговор короткий: будешь добром охотиться — охоться, станешь хозяином себя выставить — высадим. Ленин!.. Ленин-то не про то ли наказывал?» — рассуждал сам с собой дед Фишка.

Чувствуя себя свободно, спокойно, дед Фишка без усталости рыскал по тайге. Строговы начали уже беспокоиться, а он все не возвращался.

— Не завалился ли он где-нибудь в лесу, Матюша? — озабоченно говорила Агафья.

Но Матвей был уверен, что старик в полном здравии и задерживается по другой причине.

— Давно он, мама, не бывал в тайге — стосковался. Я и сам бы теперь пожил там. Гляди, вот-вот явится, — успокаивал Агафью сын.

И верно, как-то раз утром игравшая с подругами на улице Маришка вбежала в дом с криком:

— Дед Фишка идет!

Все Строговы, кроме занемогшей Агафьи, высыпали за ворота. День был праздничный и ласковый, лучистый, с освежающим резвым ветерком от речки. Улицы и поляны села пестрели от народа, а гармонисты перекликались из разных мест звонкими развеселыми переборами.

— Вон он мчится, наш рысак, — с улыбкой сказала Анна, козырьком приложив ладонь к глазам.

По мосту через речку, согнувшись, торопливой походкой шел дед Фишка. На спине его топорщился мешок с дичью, через плечо висела медвежья шкура, в руке — березовый посох, отливавший на солнце серебристой белизной.

Дед Фишка миновал мост, на минуту скрылся в проулке за изгородями, банями и овинами и вышел на улицу села. Все приветствовали его с добрым чувством: мужики снимали картузы, бабы отвешивали поклоны, молодежь почтительно уступала дорогу. Дед Фишка кивал головой направо-налево, но шага не убавлял, словно боялся, что его могут остановить.

Поднимаясь на косогор, он радостно замахал рукой и, еще больше согнувшись, побежал короткими шажками, чуть вприпрыжку.

— Ты смотри-ка, он еще бегом пробует,— тронув Матвея за плечо, проговорила Анна.

«Видно, есть у старика неплохие вести — не терпится», — промелькнуло в уме Матвея.

Маришка с визгом бросилась навстречу старику. Дед Фишка пробежал легкой полурысцей две-три сажени и вдруг упал на дорогу в пыль.

— Ах, запнулся! И куда торопится? — сказала Анна.

Прошло несколько секунд, а дед Фишка не подымался; Маришка остановилась в нерешительности: бежать ли навстречу или вернуться? Матвей переглянулся с Анной и сыновьями, и все они заторопились к старику.

Когда Матвей и Максим, опередившие Анну и все еще прихрамывающего Артема, подошли к деду Фишке, он был уже мертв. Анна заголосила на все село. Матвей снял со старика централку, мешок и медвежью шкуру, с помощью Максима и Артема поднял его на руки и понес в дом.

Вскоре дед Фишка, обмытый, одетый в новую рубашу — ту самую, в которой был он у Ленина, — лежал на лавке в переднем углу. В прихожей суетились уже соседи Строговых, а в горнице Матвей с сыновьями рассматривали найденный в кисете деда Фишки самородок золота в полфунта весом. Теперь это было как завещание: смело ведите народ на Юксу за золотом.

По селу в это время сновали обеспокоенные люди.

— Слыхали, дед Фишка преставился...

— Неужто? Да его только что на мосту видели.

Люди верили и не верили этой вести. Все знали, как жизнелюбив, неугомонен старик, и привыкли видеть его всегда бодрым и неунывающим.

Печальная весть быстро облетела село, и к Строговым потянулись люди со всех улиц. Многих и теперь не покидали сомнения: да точно ли умер дед Фишка? Они подходили к лавке, на которой лежал старик, и подолгу смотрели на него.

Смерть мало изменила старика. Его худощавое лицо, заросшее мягким, пушистым волосом, было все таким же открытым и задорным. Дед Фишка умер мгновенно, и никаких мук не запечатлелось в его чертах. Мохнатые брови закрыли глаза, и казалось, что дед Фишка нарочно спрятал их, как он часто делал это, забавляя ребятишек. В маленьком, собранном теле и теперь проглядывали

стремительность, порыв. Думалось, что старик прилег отдохнуть и вот-вот поднимается, засуетится — не по годам живо и молодо.

— Знать, недаром он говорил-то: умру и ногой дрыгну. Выходит, вещало ему сердце,— разговаривали между собой старики.

Деда Фишку похоронили на третий день после смерти на большой площади села рядом с могилами борцов за народную долю и Советскую власть — Антона Топилкина, Марии Дубровиной, Калистрата Зотова и партизан, погибших в последнем сражении.

На похоронах с речью от имени партийной ячейки и бывших партизан выступил Тимофей Залетный. Он говорил, как всегда, пламенно и горячо, называя деда Фишку самыми почетными именами.

Матвей Строгов стоял опустив голову, из глаз его падали слезы, и горечь сжимала сердце.

2

Земля была в буйном цветении. Никогда еще не цвели так сильно багульник и черемуха. Палисадники у домов и заросшие кустарниками берега речки ослепительно белели, будто запорошенные снегом; склоны холмов пламенели в красновато-фиолетовой кипени цветущего багульника. В два-три дня молодая травка пробила землю и преобразила поля: рыжие, неприветливые бугры и поляны покрылись нежной зеленью. Речка прошумела половодьем, на редкость многоводным и дружным. Вода хлынула по протокам и пересохшим старицам, вышла из берегов, затопила луга. Половодье не затянулось, предвещая хороший травостой. В самый сев, один за другим, выпало несколько дождей. В теплой, влажной земле зерно прорастало в два раза быстрее, пашни густо щетинились острыми стебельками. Дружные всходы сулили добрый урожай хлебов.

Не по-обычному людно было на полях в этот год. Произведенный ранней весной земельный передел приблизил поля крестьян к селу, избавил их от изнурительных двадцативерстных концов от усадьбы до пашен и назад. Передел неизбежно переместил часть земель от одного общества к другому. Волченорцы отдали восточные поля

жировцам, а северные — ягодинцам. Зато с юга им передали жировские земли, а с запада ягодинские. Земля в Юксинском крае повсюду была жирная, плодородная, и редко кто горевал о таком перемещении полей. А выигрыш был очевиден: наделы больше не тянулись длинной, узкой полосой, а облегали селения полукольцом. Безлошадным и однолошадным хозяйствам наделы нарезали сразу за поскотиной, а Юткины и другие богачи получили землю на крайней обочине волченорских участков.

Матвей торопился на поля. Он ехал верхом на совдеповском «коньке-горбунке» — низкорослом гнедом жеребчике монгольской породы.

Еще перед пахотой волченорская беднота решила объединить свои наделы и обрабатывать землю совместными усилиями. Председателем товарищества был избран Мартын Горбачев. В партизанской армии, в должности ее интенданта, проявил он и предусмотрительность и бережливость. На новом посту оказался Мартын еще более хлопотливым и деловитым. Обойдя дворы, учел он весь инвентарь, от хомутов до телег. Потом свез все это в кузницу и вместе с другими мужиками принялся за починку. Как ни скуден был достаток бедняцких дворов, а инвентаря набралось немало. Две недели с утра до вечера не затихала горячая работа в кузнице. Семян товариществу выделил из государственных фондов волисполком. Земля находилась теперь совсем близко — сразу за селом. А тут надвинулась дружная, благодатная весна. Само солнце шло навстречу новой жизни, которую затевали на суровых сибирских просторах волченорские крестьяне...

Матвей понукал коня, настегивал его по круглым бокам ременными поводьями. Торопился он на поля не из простого любопытства к делам артельщиков — с часу на час из города ожидался обоз с машинами.

Беляев, которому Матвей сообщил об организации в Волчьих Норах товарищества, как всегда, отозвался большим письмом, давая ряд советов. Тут же он сообщал, что вопрос о помощи волченорскому товариществу крестьян поставлен в губисполкоме и, возможно, что-нибудь удастся выкроить для него со складов губсовнархоза.

По правде сказать, Матвей не надеялся на получение такого вида помощи. У молодого Советского государства, все еще вынужденного отбиваться на Дальнем Востоке от американских и японских интервентов, было и без того

много неотложных нужд и прорех. Но не прошло и десяти дней после письма Беляева, как Матвей получил официальное постановление губисполкома. Волченорскому земледельческому товариществу крестьян предоставлялся долгосрочный кредит для приобретения сельскохозяйственных машин. Со следующей почтой пришли наряды губсовнархоза.

В город за получением машин отправился Артем Строгов. Он все еще прихрамывал, ходил с палкой. Попутно надо было показаться городским врачам.

Возвращения Артема ждали с большим нетерпением. Весть о предоставлении товариществу государственного кредита на машины взбудоражила всех. Судили и рядили об этом в каждой избе. Многие не верили, что государство рискнуло дать кредит бедноте, с которой в случае неустойки и взять нечего. Богатые мужики, вроде Герасима Круткова и Ефима Пашкеева, пускали злобные слухи, один гаже другого.

Матвей знал все это и тревожился. Хотя вера его в молодое Советское государство была непоколебимой, но тем не менее на душе у него было тревожно. А вдруг Артем не доведет дело до конца и подводы, ушедшие за машинами, вернутся пустыми?

Правда, он наказал сыну непременно побывать у Беляева, но тот ведь не сидит на месте, а все время колесит по губернии...

Утром в волостной исполком заявился ломовицкий партизан Никита Михеев. Он ехал из города налегке и в пути под Соколиновкой обогнал обоз с машинами. Артем попросил его заехать в Волчьи Норы и сказать Матвею Строгову, что к полудню машины придут на поля товарищества.

Матвей несколько минут поговорил с Никитой, проводил его и заспешил на поля.

— Принимай рапорт, товарищ командующий, — сказал Мартын Горбачев, когда Матвей подъехал к полевой избушке и спешился. — Пшеницу посеяли всю. Завтра начнем сеять овес и гречиху.

— Вольно! Молодцы! — шутливо крикнул Матвей и, не в силах сдержать себя, поделился радостью: — Машины, Мартын, на подходе. Вот-вот будут...

Мартын, по-видимому, переживал те же чувства, что и Матвей: верил, но тревожился. От слов Матвея он про-

с尼亞л, вскочил с толстого бревна и бойко запрыгал на одной ноге к избушке.

— Эй, мужики, вставайте! Командующий прибыл!

Через минуту из избушки вышли Тимофей Залетный, Силантий Бакулин, Максим Строгов и с полдесятка под-
ростков-бороновальщиков.

Они поднялись на рассвете, решив засеять и заборонить последние загоны яровой ржи до наступления жары. Сделав дело, легли спать. Только заснули — явился Матвей.

— Надо народ собирать, товарищ командующий,— предложил Тимофей Залетный, узнав, по какому случаю приехал Матвей на поля.

— Ты, наверно, речь, Тимофей, думаешь сказать? — улыбочиво шурясь на Залетного, спросил Матвей, зная, что Тимофей любит выступать на митингах и собраниях.

— А что же? Могу! Насчет смычки города и деревни,— еще больше загораясь, сказал Залетный.

— Да, это бы неплохо, только народу вот мало,— выразил свои сомнения Матвей.

Но сомневался он напрасно. Пока Матвей и Мартын подсчитывали луговые уголья товарищества и разговаривали о том, как лучше провести сенокос, Тимофей Залетный разослал по полям комсомольцев собирать народ. Вскоре люди один за другим, и верховые и пешие, потянулись к избушке. Узнали каким-то образом о приближении обоза с машинами и в селе. Кое-кто из мужиков, колебавшихся со вступлением в товарищество, не упустили этого случая и приехали посмотреть на все своими глазами.

К полудню у избушки собралась толпа. Народ все прибывал.

— Смотри-ка, и в самом деле придется митинг проводить,— сказал Матвей Мартыну.

Приближение обоза он заметил первый, хотя за городской дорогой наблюдали все неотрывно. На густом осиннике, темной полосой тянувшемся по склонам широкого лога, вдруг весело заиграли солнечные блики. Они прыгали по осиннику, как по стене.

Матвей сразу понял, что это отражается зеркальная гладь стали машин.

— Едут! — сказал он.

— Где едут? — удивился Мартын, прикладывая ладонь к глазам и всматриваясь в даль.

— А ты смотри лучше, скоро увидишь дугу первой подводы,— ответил Матвей.

— Ну и глаза у тебя! — восторженно присвистнул Мартын.— Я ни черта не вижу.

Но не видел не только Мартын. Вся толпа тщетно обшаривала десятками глаз каждый куст у дороги. Матвей смеялся, подзадоривая смотревших, но наконец не выдержал и рассказал всем, как он узнал, что подводы с машинами поднимаются по косогору из лога.

Вскоре показалась первая подвода, вторая, пятая, седьмая. На первой телеге, загруженной какими-то частями машин, сидел Артем. Он был без фуражки. Ветерок шевелил его черные волосы.

Увидев подводы, нагруженные машинами, сына, гордо восседающего на телеге, Матвей почувствовал, как защемило сердце, спазмы сжали горло. «Это же новая жизнь идет! Сколько за нее бились, сколько мук приняли, крови пролили!» Опустив голову, Матвей искоса взглянул на Мартына. Тот стоял выпрямившись, как солдат. Губы у него тряслись, плечи вздрагивали, а по просветленному лицу текли слезы. «Стареем, что ли? А может быть, так и надо?» — пронеслось у Матвея в мыслях.

Толпа ринулась к подводам, окружила их, Матвея с Мартыном оттиснули. Тимофей Залетный подскочил к Артему, перебросился с ним несколькими словами и прыгнул на телегу.

— Товарищи,— раздался его зычный голос.— Вы посмотрите, вы... вы только посмотрите...— Волнение душило его, он ударил себя ладонью в грудь.— Стали мы сегодня богаче Юткиных и Штычковых в несколько раз. Были батраки, самые последние люди, а теперь — строители коммунизма, первые люди всего мира. Эти машины дал нам рабочий класс, партия большевиков, Ленин. Смычка рабочих и крестьян — вот наш путь...

Тимофей говорил горячо и воодушевленно, и, слушая его, Матвей думал: «Такой даже самых осторожных увлечет».

После Залетного с речью выступил Артем.

— Товарищи! Я передаю вам привет от Тараса Семеныча Беляева. Он просил сказать вам, что наступит время, когда на поля наших деревень Советская власть

пошлет не только сеялки, сенокосилки и конные грабли, а тракторы и автомобили. Советское государство станет государством электричества и обилия машин...

Мужики плотно окружили телегу, на которой стоял Артем, и слушали его с напряженным вниманием.

3

Величаво плыли над Волчьими Норами меловые облака. Щедро лилось ласковое июньское солнце, затухая лишь на короткие часы ночи. Свежей, первозданной зеленью покрылись поля. От кипучих побегов молодой листвы курчавились деревья. Днем теплый, пахучий, будто настоящий на цветах воздух дрожал от гула: все живое неистово прославляло землю, солнце, жизнь. Да что днем! Не утихало это и ночью: девушки пели звучные песни до самой зари, а когда они замолкали, на смену им появлялись со своими волшебными трелями залетные песельники — соловьи.

Матвей засиживался в волостном исполкоме почти до рассвета. Уставший от бесконечных хлопот, начинавшихся рано поутру, он шел домой неторопливо, дыша с наслаждением и полной грудью. Все это время он испытывал такой прилив сил, такую увлеченность работой, что душа переполнялась через край.

Прислушиваясь к девичьим голосам, Матвей вспоминал весенние и летние дни восемнадцатого года, когда над деревнями Юксинского края стояла мрачная тишина и слышались только слезы и стоны, и думал:

«Поют! Большой кровью народа куплены эти песни, и бережно, ох, как бережно нужно блюсти добытую свободу...»

Он вспоминал погибших: Антона Топилкина, Старостенко, Калистрата Зотова, волченорских, ежихинских, ломовицких, сергевских, балагачевских, петровских партизан... Судьба им не сулила жизни на свободной земле, а сколько живого дела могли бы поднять на своих плечах эти верные товарищи!

Всего лишь несколько месяцев в Юксинском крае, преобразованном губисполкомом в Волченорскую волость, стояла у руля жизни Советская власть, а перемены произошли разительные.

По обоюдному согласию волченорцев и новоселов, у кедровника на берегу речки сооружалась большая, не в пример юткинской, общественная маслобойня на водяной тяге.

На месте купеческих пасек создавались пасеки потребительского кооперативного общества.

В Волчьих Норах, в Балагачевой, в Ежихе, в Сергееве — по всему Юксинскому краю возникали сельскохозяйственные товарищества и коммуны.

Решением волостного исполкома, принятым по настоянию Матвея, предприятия активных деятелей кулацкой «армии содействия» — Юткиных, Штычковых, Буяновых, Зимовских — были национализированы и переданы в ведение местных Советов.

Как ни далека была эта таежная сторона, но и сюда долетали вести о жизни молодой Советской Республики.

С новой силой разгорелась борьба с интервентами: на Украину и в Белоруссию вторглись польские паны, на юге держался Врангель. Дальний Восток был под пятой японских империалистов. Много еще крестьян стояло под ружьем, в городах начался голод. Страна нуждалась в помощи...

Волостной исполком снаряжал красные обозы, и в город тянулись телеги с хлебом, шерстью, кедровыми орехами, дичью, пушниной. Всякий раз, как только обозы доходили до места назначения, секретарь губкома партии Тарас Семенович Беляев присылал письма с благодарностью за заботы о неотложных нуждах республики.

Наблюдая за тем, какие дела осуществляет Советская власть, какой подъем царит в народе, умная и внимательная ко всему Анна как-то сказала Матвею:

— Ты не знаешь, Матюша, Ленин-то не из мужиков ли?

— Нет, Нюра. Тарас Семеныч сказывал, что рос Ленин в благородной семье. Родитель его был в Симбирске инспектором над всеми школами...

Анна недоверчиво прищурила карие глаза, покачала головой, убежденно проговорила:

— Непохоже что-то.

— Почему?

— Да потому. Будь он, Ленин, из благородных, разве он понял бы, что крестьянину надо?

Матвей рассмеялся, восторженно сказал:

— Подожди, Нюра, дай срок, Ленин такую жизнь построит, о какой ты и в сказках не слыхала!

Передохнув, он принялся горячо рассказывать ей о целях Советской власти. Анна слушала его, и глаза ее загорались блеском. Слова Матвея пробуждали и в ней желание окунуться в эту большую, захватывающую работу.

Однако о жизни она привыкла судить по фактам.

— Хорошо ты рассказываешь,— вздохнула она,— да сбудется ли это? — Но, подумав, сказала: — Хотя все может быть. Народ жадно потянулся к новой жизни. А народ все может. Сказывают, вон и на небо научились подниматься.

— Так я тебе про то и толкую! — с жаром подтвердил Матвей.

4

Утром, чуть свет, прискакал из Ягодного Мирон Вдовин. Он еще и войти не успел, а Матвей догадался, что явился Мирон с нехорошими вестями. Был он без картуза, с взъерошенными волосами, в длинной рубахе без пояса, в разодранных штанах, босой.

Обеспокоенный его появлением, Матвей открыл окно и крикнул:

— Коня пусти во дворе да иди сюда скорее.

Перепрыгивая сразу через две-три ступеньки, Мирон поднялся на высокое крыльцо белинского дома и вбежал к председателю волисполкома, запыхавшись.

— Матвей Захарыч,— еще не переступив порога, проговорил он,— банда Штычкова кедровник спалить пыталась!

Матвей ударил ладонью об стол и со злостью сказал:

— А мы-то обрадовались, что власть в наших руках, распустили вожжи...

Мирон рассказал, как было дело. Пожар в кедровнике начался ночью. Поджог был сделан на юго-западной опушке, самой удаленной от Волчьих Нор и новосельческих поселков. Расчет поджигателей был понятен: пока народ подоспел, половина кедровника будет охвачена огнем. К счастью, в эту ночь на лугах подростки из Ягодного пасли лошадей. Завидев зарево над кедровником,

они взнуздали коней и помчались на пожар. Один из них полетел в поселок бить тревогу. Новоселы поднялись все, от мала до велика, с баграми, лопатами, топорами и пилами в руках. Но когда они прибыли в кедровник, большая часть работы была уже сделана. Подростки срубили несколько кедров и преградили этим путь пламени, которое клубами перепрыгивало с одной макушки на другую. Работой руководил Акимка Мишуков, бывалый волченорский партизан, приехавший вечером за дровами и решивший перекоротать ночь с ребятами у костра.

Матвей послал рассыльного за членами волисполкома Архипом Хромковым, Тимофеем Залетным и Силантием Бакулиным. Те явились без промедления.

На заседании было решено создать в деревнях при сельсоветах дружины из бывших партизан для охраны народного имущества. Тут же было договорено начать подготовку к вооруженной облаве на буераки с целью захвата банды Демьяна Штычкова. Проведение подготовки к облаве было возложено на Тимофея Залетного и Артема Строгова, недавно избранного секретарем волченорской партийной ячейки.

После заседания Матвей вместе с Мироном поехал в кедровник осмотреть, велик ли ущерб, причиненный пожаром. Так в хлопотах миновал еще один день.

Вернувшись, уже когда стемнело, Матвей зашел в волисполком, посмотреть, не оставил ли каких-нибудь бумаг секретарь, и решил отправиться домой,— за весь день следовало хоть раз поесть. Но он не успел загасить лампы, как услышал, что к волисполкому подъезжает кто-то на телеге,— одиноко повизгивало колесо. Матвей насторожился, прислушался, посматривая на дверь. Ждать пришлось недолго. Приехавший поговорил возле крыльца со сторожем и, спотыкаясь в темноте о ступеньки, со стуком вошел в дом.

— Что так, глядя на ночь, Кинтельян Прохорыч? — спросил Матвей, зайдя на пороге председателя Балагачевского сельсовета.

— А вот расскажу. И чую, Матвей Захарыч, удивлю тебя немало,— сбрасывая с плеч запыленный дождевик, проговорил Кинтельян Прохоров.

— Ну-ка, садись,— опускаясь на стул и потирая ладонь о ладонь, сказал Матвей.

Кинтельян сел.

— Приискатели в Юксинской тайге объявились,— сказал он.

— Кто такие?

— Братец твой.

— Влас?

Кинтельян утвердительно кивнул головой, а Матвей склонился над столом и засмеялся таким звонким и веселым смехом, что Кинтельян вначале опешил, а потом не утерпел и тоже заухмылялся.

— Ты погоди, Матвей Захарыч, смеяться. Дело там затевается серьезное,— проговорил Кинтельян, видя, что его сообщение не только не обеспокоило председателя волисполкома, а даже развеселило.

— Царя, Кинтельян Прохорыч, свалили, Колчака с иностранцами разгромили, на кулачество узду набросили, а такого, как Влас, в два счета вытряхнем,— сказал Матвей.

— Да не один он, Влас-то, Матвей Захарыч. Вместе с ним прибыл инженер, по фамилии Кузьмин. Он-то и есть главный воротила.

— Кузьмин? Да это не сын ли того Кузьмина, который меня с пасеки выжил?

— Пожалуй. Говорят, что в юные годы бывал в этих местах.

— А ты сам-то виделся с Власом?

— Два раза разговаривал.

— Что же он?

— Вот, говорит, с инженером Кузьминым думаем прииск на Юксе основать. Советская власть хоть, говорит, и ополчилась против частной собственности, но в конце концов ей не обойтись без нее. Кузьмин, дескать, опытный человек, знающий, к тому же имеет кое-какое оборудование, промылочные машины. Отец-то его, слышь, имел золотой прииск на Енисее.

— Ну, ясно, тот самый, сын золотопромышленника! — воскликнул Матвей.

— Вот я и спрашиваю Власа,— продолжал Кинтельян,— а право-то вам власти дали на Юксинскую тайгу? «А какое, говорит, право? Я его и так, мол, имею. Я, говорит, в этих краях родился, тут мой родитель жил...»

— Ах, подлец! Всю жизнь в городе за ломаный пряник держался и еще о своих правах на тайгу заявляет! — краснея от возмущения, проговорил Матвей.

— Кузьмин — этот молчит больше, — все тем же тоном рассказывал Кинтельян. — Но все ж таки слышал я, как он хвалил Юксинскую тайгу. Богатствам, говорит, здесь числа нет. Артельку-то, видно, подобрал из старых приискателей, смотрят все волками и ради наживы не пожалеют ни мать, ни отца.

— Артелька?

— Да.

Матвей поскреб подбородок: дело складывалось сложнее, чем он предполагал. Кинтельян заметил это.

— Да что ж в том, что артелька, — проговорил он. — У нас тоже силы есть: власть наша. А поступиться Юксинской тайгой мы никак не вправе: добро это народное.

— Попробуем для начала предложить им убираться подобру-поздорову, а не послушаются — применим силу, — подумав, сказал Матвей и, вытаскивая из стола чистую бумагу, спросил: — Ваши партизаны не разбрелись еще? В случае чего смогут арестовать эту артельку и выпроводить ее из тайги?

— Конечно! Если своих мало будет, ежихинских и сергевских прихватим. С охотой пойдут. Свое добро защищаем.

Матвей обмакнул перо в круглую запыленную чернильницу, слегка покрутил ручкой над бумагой и, вслух диктуя сам себе, начал писать:

«Гражданину Кузьмину с компанией.

Волченорский волостной исполком предписывает вам немедленно прекратить в Юксинской тайге какие-либо приискательские работы.

Юксинская тайга является народным достоянием, и пользоваться ее богатствами для частного обогащения есть дело противогосударственное, контрреволюционное и потому недопустимое.

Волисполком поручил Балагачевскому сельсовету проследить за вашим отъездом. Если же вы вздумаете не выполнить наше предписание, то председатель Балагачевского сельсовета уполномочивается арестовать вас и выставить из тайги силой.

За всякое другое противодействие мы будем судить вас, как нарушителей революционных законов Советской власти, по всей их строгости».

Матвей перечитал еще раз вслух предписание и спросил:

— Подойдет, Кинтельян Прохорыч?

— В аккурат. Теперь и я посмелее буду.

Матвей поставил свою подпись и приложил печать.

Наутро, переночевав у Строговых, Кинтельян отправился в обратный путь.

5

В воскресенье Матвей задержался дома дольше обычного. Анна решила накормить его пирогами и начала стряпать по-праздничному,— позже, чем в будни.

Матвей сидел в горнице с сыновьями и в ожидании завтрака рассказывал им о своей молодости, проведенной в Юксинской тайге.

Теперь, когда война кончилась и жизнь постепенно входила в мирную колею, он все чаще и чаще ощущал в себе желание побывать на охоте, в тайге. Тайга всякий раз напоминала о себе по утрам, когда он, направляясь на работу, видел вокруг себя простор, подернутый нежной синевой, ощущал кожей утренний холодок, вдыхал пахучий настой от трав и цветов.

Матвей рассказывал сыновьям, как однажды осенью вместе с дедом Фишкой они наткнулись в тайге на убитого человека. В семье знали эту историю, но Матвей рассказывал ее вновь, сам не зная почему. Появление Кузьмина и Власа в Юксинской тайге навевало на него безотчетно тревожное чувство, и все старое, пролетевшее над Юксой, вспомнилось сызнова. Правда, он вооружил Кинтельяна строгим предписанием, но у Кузьмина машины, и неизвестно, как ко всему этому отнесутся в губернии...

Анна позвала мужа и сыновей за стол. Матвей позавтракал и заторопился в волисполком. Только поднялся на гору — увидел, что у волисполкома сгрудилось пять подвод.

«Кто это с обозом пожаловал?» — подумал Матвей, убыстряя шаг.

У церкви Матвея встретил сторож волисполкома однорукий Никанор Загайков, инвалид русско-японской войны.

— За тобой бегу, Матвей Захарыч.

— Кто там приехал?

— Из губернии. Тебя требуют.

Еще на крыльце услышав голос Соколовской, Матвей вбежал в комнату и остановился сразу за дверью. На стульях, табуретах и даже подоконниках сидели незнакомые люди: в походных плащах, в кожаных куртках, в шляпах, в кепи, в специальной обуви для ходьбы по тайге. На полу в углах лежали продолговатые ящики и длинные круглые футляры.

— Простите наше самоуправство,— смеясь, проговорила Соколовская, крепко-крепко пожимая руку Матвею.

Она, как и другие ее спутники, была одета по-походному: в кожаной куртке, в сапогах, в простой юбке колоколом. Русые волосы ее с золотистым отливом были повязаны красной косынкой.

Поблескивая большими синими глазами, Ольга Львовна представила Матвея своим спутникам. Смущаясь, Матвей подходил по очереди к незнакомым людям, пожимал им руки, негромко называл свою фамилию и прислушивался к ответам.

— Горный инженер Гурьянов.

— Геолог Никитин.

— Горный техник Бобров

— Профессор Великанов.

— Строительный десятник Яковецкий.

— Производитель работ Терентьев.

— Старший рабочий Петров.

Без объяснений Матвей понял, зачем прибыли эти люди.

«Ленин... Вот он какой, Ленин!» — пронеслось у него в мыслях, и большое радостное чувство охватило его.

Матвей подошел к девочке-подростку, сидевшей на подоконнике, и остановился изумленный. Глазами того же синего цвета, который был у Ольги Львовны, на него внимательно, испытующе смотрел, казалось, сам Соколовский. Матвей несмело подал девочке руку, а Ольга Львовна, наблюдавшая за ним, сказала:

— Это моя Настенька, Матвей Захарыч. Смотрите, как много времени мы прожили.

Матвей обернулся и молча посмотрел на Ольгу Львовну. Его мысли перенеслись в далекое прошлое, вспомнилась вьюжная зима, гибель Соколовского... Да, прожито было немало, но самое главное — что прожито

было не зря. Он хотел сказать ей об этом, но пробормотал совсем другое:

— А у меня сыны какие... видали? — И тут же он заговорил о другом: о дороге, о ливне, который пронесся в прошлую ночь над Юксинским краем.

Весть о приезде Соколовской с инженерами разнеслась по Волчьим Норам так быстро, будто гонец облетел на резвом коне все дворы.

Когда Ольга Львовна предложила обсудить вопросы о работе экспедиции губсовнархоза на заседании волисполкома, посылать рассыльных за его членами и активом не пришлось. Все уже собрались: и Архип Хромков, и Тимофей Залетный, и Силантий Бакулин, и Мартын Горбачев. На крыльце толпились комсомольцы и бабы, не рисковавшие пока без приглашения входить в помещение волисполкома.

Матвей решил провести заседание на открытом воздухе. Тимофей Залетный с помощью комсомольцев вынес стол и стулья, приволок со двора толстые плахи, и они вполне заменили скамейки.

Народ потянулся к волисполкому со всех сторон. Мужики собрались почти все поголовно. Пришли молодки с младенцами на руках, приплелись даже старики и старухи. Скамеек, которые соорудил Тимофей с комсомольцами, не хватило, и большинство собравшихся расселось прямо на земле.

Волнуясь, одергивая на себе белую косоворотку под ремешком, Матвей открыл заседание волисполкома и предоставил слово Ольге Львовне.

Соколовскую многие знали: одни — по ее участию в последнем сражении партизанской армии, другие — по слухам о ее подпольной работе еще в царское время. Ее встретили сочувственным говорком, как старую знакомую.

— Я выступаю перед вами как начальник экспедиции губсовнархоза, направленной в Юксинскую тайгу для всестороннего изучения ее,— заговорила Соколовская.

Лучи солнца слепили ее глаза, она щурилась, опускала голову.

— В нашу экспедицию входят инженеры и ученые. Мы произведем в тайге поисковые работы, выявим месторождения каменного угля и золота, наметим пути промышленного развития этого края. У нас сегодня радост-

ный день: мы присутствуем при рождении Юксинского промышленного района. Когда-то капиталистические ростовщики, наслышанные о богатствах Юксинской тайги, пытались так или иначе использовать ее. Из этого ничего не получилось. Молодое Советское государство одолевает это трудное дело. Наша экспедиция создана по указанию Владимира Ильича Ленина...

Речь Ольги Львовны о будущем таежного края волченорцы слушали затаив дыхание.

Бабы, опасаясь, как бы из-за ребятишек ненароком не прослушать чего, совали им в рот соски, а тех, что были постарше, то и дело — пока незаслуженно — награждали шлепками.

После доклада Соколовской выступили Матвей, Архип Хромков, Силантий Бакулин, Артем Строгов.

Под одобрительные возгласы они говорили все об одном: народ Юксинского края помог Красной Армии разгромить белогвардейцев и интервентов, он не пожалеет сил на строительство промышленного района.

Желая помочь экспедиции, волостной исполком решил обратиться к бывшим партизанам с призывом направиться на Юксу на поисковые работы.

На этом же заседании Архипа Хромкова избрали председателем волисполкома. Матвей Строгов был назначен губисполкомом помощником начальника экспедиции и освобожден от своих прежних обязанностей. Матвей принял это известие с радостью: тайга давно манила его.

«Эх, дед Фишка, рано ты убрался!» — вздохнув, подумал Матвей.

Фронт приисковых работ не терпел никаких промедлений, и экспедиция в Волчьих Норах не задерживалась.

Выехали на рассвете, чтобы большую часть пути до Балагачевой миновать по холодку. Вместе с Матвеем на Юксу выехал Максим. Артем задерживался для участия в облаве на банду Демьяна Штычкова.

Матвей сидел на первой телеге рядом с Ольгой Львовной и профессором Великановым.

Над землей вставал ясный, солнечный день. Молодое желто-оранжевое солнце медленно поднималось из-за гребней холмов. Широкий, неохватный простор наполнился разнотонными звуками. С каждой минутой их ста-

повилось все больше и больше, и они сливались в один общий гул.

Сколько раз за прожитые годы Матвей слушал эту песню! Но сегодня он воспринимал ее по-особому: ему казалось, что это поет не земля, а душа его.

1936—1948 гг.

Томск — Иркутск — Москва

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ПРОШЛОГО СТРОГОВЫХ. (ВМЕСТО ПРОЛОГА) .	5
КНИГА ПЕРВАЯ .	7
КНИГА ВТОРАЯ	267

Марков Георгий Моисеевич

СТРОГОВЫ

Роман

Редактор Л. Тищенко

Художественный редактор Б. Мокин

Технический редактор Л. Анашкина

Корректоры Н. Саммур,

Н. Попикова

Сдано в набор 11/VIII-1975 г. Подписано к печати 25/XI-1975 г. Формат изд. 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Печ. л. 19. Усл. печ. л. 32,03. Уч.-изд. л. 32,42. Тираж 200 000 экз. Заказ № 2486. Цена 1 р. 25 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР 121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Минск, Красная, 23

'ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Ваши отзывы о книге — ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении просим направлять по адресу:

*121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4
Издательство «Современник»*

ГЕОРГИЙ МАРКОВ • СТРОГОВЫ